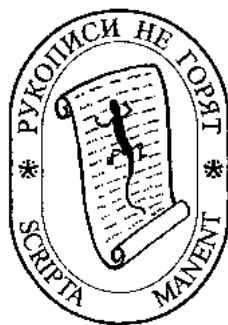

Научно-образовательный форум
по международным отношениям

А. В. Фененко

**СОВРЕМЕННАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ
БЕЗОПАСНОСТЬ**
Ядерный фактор

Academic Educational Forum
on International Relations

Regional Scholar's Library Series

Alexey V. Fenenko

**CONTEMPORARY INTERNATIONAL
SECURITY
Nuclear Factor**

**Moscow
2013**

Научно-образовательный форум
по международным отношениям

Региональная библиотека международника

А. В. Фененко

**СОВРЕМЕННАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ
БЕЗОПАСНОСТЬ
Ядерный фактор**

Москва
2013

УДК 327
ББК 66.4
Ф42

Рецензент

д.полит.н. *Т. А. Шаклеина*

Редакционная коллегия серии

д.полит.н. *А. Д. Богатуров* (председатель),

к.полит.н. *А. А. Байков* (зам. председателя),

д.полит.н. *Э. Я. Баталов*, д.полит.н. *А. В. Виноградов*,

чл.-корр. РАН *С. В. Рязанцев*, д.полит.н. *Т. А. Шаклеина*

Ответственный редактор

В. А. Веселов

Фененко А. В.

Ф42 Современная международная безопасность: Ядерный фактор / А. В. Фененко;
отв. ред. В. А. Веселов. — М.: ЗАО Издательство «Аспект Пресс», 2013. —
573 с.

ISBN 978–5–7567–0692–5

Книга посвящена роли «ядерного фактора» в современной мировой политике. В монографии предпринята попытка дать комплексный анализ роли ядерного оружия в международных отношениях начала XXI в. Автор фокусирует внимание на проблемах ядерного сдерживания и нераспространения, политике легальных и нелегальных ядерных держав, повестке межгосударственного взаимодействия в ядерной сфере — от запрета ядерных испытаний до профилактики «ядерного терроризма». Особое внимание уделяется теоретическим проблемам — переосмыслению понятий «стратегическая стабильность», «контроль над вооружениями», «контрраспространение», «космическая безопасность», «безъядерный мир».

Для студентов, аспирантов, преподавателей, научных работников, специалистов в области международных отношений.

Книга подготовлена при поддержке Фонда Макаргуров

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978–5–7567–0692–5

© НОФМО, 2013
© Фененко А. В., 2013
© ЗАО Издательство «Аспект Пресс», 2013
© Дудин С. И., эмблема

Оглавление

Введение	8
----------------	---

Часть I МЕЖДУНАРОДНАЯ СРЕДА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЯДЕРНОЙ СФЕРЕ

Глава 1. Современные концепции ядерного сдерживания	20
1.1. Эволюция концепций оборонительного сдерживания.....	20
1.2. США: переход к «наступательному» сдерживанию	32
1.3. Россия: принятие логики гибкого реагирования	37
1.4. Элементы «наступательного» сдерживания в политике других ядерных держав.....	41
Глава 2. Проблематика ядерной стабильности в современной политической теории	53
2.1. Концепции стабильности.....	53
2.2. Стабильность и сдерживание	60
2.3. Определение стабильности	66
2.4. Проблема деструкции ядерной стабильности	69
Глава 3. Перспективы режима запрета ядерных испытаний	79
3.1. Возникновение проблемы запрета ядерных испытаний	80
3.2. Разработка и подписание ДВЗЯИ.....	85
3.3. Проблема ратификации ДВЗЯИ	88
3.4. Проблемы функционирования Международной системы мониторинга ядерных испытаний	95
Глава 4. Фактор тактического ядерного оружия в мировой политике	104
4.1. Тактическое ядерное оружие в системе ядерного сдерживания.....	104
4.2. Трудности переговорного процесса по ТЯО	108
4.3. Два переговорных пакета в Европе.....	112
4.4. АТР: диалог США с союзниками	117
4.5. ТЯО и проблема безъядерной зоны на Ближнем Востоке.....	121
Глава 5. «Ядерный фактор» в системе международной космической безопасности	128
5.1. Понятие «космическая безопасность».....	128
5.2. Проекты кооперационного освоения космоса.....	131
5.3. Вторая космическая гонка и обострение соперничества в космическом пространстве.....	135
5.4. Проблема милитаризации космического пространства	144
Глава 6. Стратегия принудительного разоружения и политика контрраспространения	162
6.1. Концепция контрраспространения в американской системе стратегического планирования	163
6.2. Становление политики контрраспространения.....	169
6.3. Мирный вариант контрраспространения.....	175

6.4. Контроль над ядерными объектами «проблемных» государств	182
6.5. Силовой вариант контрраспространения.....	186
Глава 7. Проблематика безъядерного мира в мировой политике	197
7.1. Эволюция концепций ядерного разоружения	198
7.2. Современные проекты всеобщего ядерного разоружения	206
7.3. Перспективные направления дискуссий о всеобщем ядерном разоружении.....	212

Часть II
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ
«ЦЕНТРАЛЬНОГО» СДЕРЖИВАНИЯ

Глава 8. Военно-техническая модернизация и «циклы» российско-американских отношений	222
8.1. Циклический характер российско-американских отношений	222
8.2. Первый цикл советско-американских отношений	224
8.3. Второй цикл советско-американских отношений	228
8.4. Третий цикл российско-американских отношений	233
8.5. Четвертый цикл российско-американских отношений.....	238
Глава 9. Проблема стратегической стабильности в российско- американских отношениях	247
9.1. Понятие «стратегической стабильности» в российской военно- политической теории	247
9.2. Принятие Россией концепции стратегической стабильности	253
9.3. Проблема ПРО в системе стратегической стабильности.....	262
9.4. Конфликт вокруг «третьего позиционного района» ПРО	269
9.5. Ревизия «вайомингского компромисса»	276
Глава 10. Эволюция ядерных концепций России и США после «холодной войны»	289
10.1. США после «холодной войны»	289
10.2. Россия после «холодной войны».....	309
Глава 11. Российско-американские отношения в сфере нераспространения ядерного оружия	324
11.1. Концептуальные подходы России и США к проблемам нераспространения.....	325
11.2. Противоречия в области утилизации расщепляющихся материалов	330
11.3. Региональные аспекты проблемы нераспространения.....	335
Глава 12. «Ядерное измерение» российско-американских отношений в Арктике	367
12.1. Российско-американское соперничество в период «первой арктической гонки».....	368
12.2. Арктическое соперничество в период биполярной конфронтации	371
12.3. «Превращенное соперничество»: роль США и стран НАТО в сокращении российских стратегических ядерных сил на Крайнем Севере	378
12.4. Россия во «второй арктической гонке»	384
12.5. США во «второй арктической гонке».....	389

Часть III
РОЛЬ «ТРЕТЬИХ ЯДЕРНЫХ ДЕРЖАВ» В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Глава 13. Китай в системе ядерной многополярности	400
13.1. Развитие ядерного потенциала КНР	400
13.2. Россия и КНР: модель стратегического партнерства	406
13.3. «Тайваньский фактор» в американо-китайском взаимодействии	410
13.4. Центральная Азия в треугольнике Россия—США—КНР	417
Глава 14. Ядерный фактор в системе европейской безопасности	424
14.1. Эволюция ядерной доктрины НАТО	424
14.2. Свидетельство о ядерной интеграции» в ЕС	432
14.3. Ядерное измерение «немецкого вопроса»	435
Глава 15. Политика ядерной непрозрачности Израиля	445
15.1. Становление ядерной программы Израиля	446
15.2. Свидетельство о ядерном статусе Израиля	449
15.3. Современная ядерная политика Израиля	456
Глава 16. Проблема безопасности ядерных объектов Пакистана	464
16.1. Проблема ядерной безопасности Пакистана в оценках американских экспертов	464
16.2. Американо-пакистанские переговоры об обеспечении безопасности ядерных объектов Пакистана	468
16.3. Проблема демократизации Пакистана в контексте ядерной политики США	475
Глава 17. Американо-индийское взаимодействие в сфере мирного использования атомной энергии	483
17.1. Отношение США к индийской ядерной программе	483
17.2. Формирование основ американо-индийского партнерства	486
17.3. Институционализация американо-индийского партнерства	491
17.4. Расширение американо-индийского партнерства при первой администрации Б. Обамы	498
Глава 18. «Ядерные тревоги» на Корейском полуострове	504
18.1. Первая «ядерная тревога»	504
18.2. Вторая «ядерная тревога»	511
18.3. Механизм шестисторонних переговоров и самопровозглашение КНДР ядерной державой	515
18.4. Третья «ядерная тревога»	520
18.5. Японский фактор в контексте противостояния на Корейском полуострове	524
Глава 19. Проблема ядерного терроризма в мировой политике	533
19.1. Понятие «ядерный терроризм»	534
19.2. Истоки ядерного терроризма	536
19.3. Попытки трансформации режима нераспространения	543
19.4. Опыт национальных государств в защите ядерных объектов	548
Заключение	566
Сведения об авторе	573

Введение

На протяжении последних шестидесяти лет ядерный фактор во многом предопределяет характер международных отношений. Хотя после нанесения атомных ударов по Хиросиме и Нагасаки в августе 1945 г. в мире не было случаев применения ядерного оружия (ЯО), появление ядерных потенциалов изменило основы межгосударственного взаимодействия. *Во-первых*, возникла система центрального сдерживания в отношениях между ведущими ядерными державами — СССР/Россией и США. *Во-вторых*, появились ядерные государства «второго эшелона» (Великобритания, Франция, КНР), которые реализуют военную политику на основе количественно небольших ядерных потенциалов. *В-третьих*, сложилась система взаимоотношений ядерных и неядерных государств, закрепленная в Договоре о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) 1968 г. *В-четвертых*, закрепилась практика присутствия ядерных держав на территории неядерных стран, которые предоставляют свои территории для размещения ядерного оружия ядерных держав, сохраняя при этом свой неядерный статус.

Дискуссии о роли ядерного фактора в международных отношениях начались в годы Второй мировой войны. В 1944–1945 гг. ведущие физики — Альберт Эйнштейн, Нильс Бор, Энрико Ферми — призвали руководство США и Великобритании поставить атомную энергию под международный контроль. После применения атомного оружия в 1945 г. к дискуссии присоединились военные эксперты и ученые-политологи. В 1946 г. американский политолог Бернард Броди назвал атомное оружие «абсолютным оружием» (*absolutely weapons*), которое обладает высокой поражающей мощностью и тем самым обесценивает категории победы и поражения в войне¹. Во второй половине 1940-х годов среди экспертов стратегического профиля утвердился взгляд на ЯО как на средство эффективного сдерживания противника².

Рубежом в развитии ядерной стратегии стала середина 1950-х годов. В первое послевоенное десятилетие в арсеналах США и СССР (после 1949 г.) появилось атомное оружие — авиабомбы мощностью приблизительно 20 кт. Создание термоядерного оружия в 1952–1953 гг. позволило СССР и США решить комплекс задач, в частности:

- конструировать ядерные боеприпасы (ЯБП) различной мощности: от ТЯО мощностью 1–5 кт до стратегических боезарядов мегатонной мощности;
- доставлять ЯО к целям посредством ракетных носителей, поразить которые намного труднее, чем авиационные;
- относительно быстро по сравнению с периодом второй половины 1940-х годов наращивать ядерные потенциалы*.

Создание ракетно-ядерного оружия позволяло, таким образом, гарантированно брать в заложники стратегический потенциал оппонента и угрожать ему нанесением неприемлемого ущерба в ответ на определенные действия. Таким образом, была создана материально-техническая основа для проведения политики ядерного сдерживания (*nuclear deterrence*)³.

Военно-технические новации оказались востребованными в рамках особого политического контекста, связанного с формированием биполярной системы. Мировой порядок, возникший после Второй мировой войны, создали четыре державы-победительницы. Но к 1956 г. две из них (СССР и США) понизили статус двух других (Великобритании и Франции) до уровня региональных держав. С этого времени Москва и Вашингтон вступили в период прямого военно-стратегического противоборства на основе ракетно-ядерных потенциалов. По совокупной мощи советский и американский военные (прежде всего ядерные) потенциалы далеко оторвались от потенциалов остальных стран, включая ближайших союзников. Создание ЯО Великобританией (1952 г.), Францией (1960 г.) и КНР (1964 г.) не внесло принципиальных изменений в соотношение силовых возможностей.

В этой связи с конца 1950-х годов «ядерный фактор» стал основой системы советско-американского взаимодействия. Эта система характеризовалась:

- предельной враждебностью сторон, усиливаемой противоположностью их социально-экономических и политических устройств;

* Видный американский эксперт Дэвид Холлоуэй определяет атомное оружие 1940-х годов как «оружие, основанное на использовании внутриядерной энергии, выделяющейся при цепных реакциях тяжелых ядер некоторых изотопов урана и плутония. Термоядерное оружие — оружие, использующее 1) энергию деления тяжелых ядер как детонатор и 2) энергию синтеза легких ядер изотопов водорода — дейтерия и трития» (см.: *Holloway D. Stalin and the Bomb. The Soviet Union and Atomic Energy. 1939–1956.* New Haven & London: Yale University Press, 1994). Еще дальше идет Ричард Роудс, который ставит под сомнение сам термин «атомное оружие»: он различает «урановые» и «плутониевые» бомбы как боезаряды с различной начинкой (см.: *Rhodes R. Dark Sun. The Making of the Hydrogen Bomb.* N.Y.: Simon and Shuster, 1995).

- идеологической конфронтацией, принимавшей в ряде случаев не только политический, но и религиозный характер (советский атеизм против американского евангелизма);
- блоковым характером конфронтации, в рамках которой союзники СССР и США передавали сверхдержавам контроль над своими военными потенциалами в обмен на предоставление гарантий безопасности;
- постановкой взаимного соперничества на грань военного столкновения, которое носило бы характер тотального конфликта двух мировых систем.

После Карибского кризиса 1962 г. характер советско-американского взаимодействия стабилизировался. Советский Союз, обладая меньшим по сравнению с США количеством ЯО, приобрел тем не менее способность к нанесению гарантированного удара по ключевым объектам, расположенным на американской территории. По мере увеличения советского ядерного арсенала администрации Дж. Кеннеди (1961–1963) и Л. Джонсона (1963–1968) все более склонялись к точке зрения о невозможности уничтожить советские стратегические ядерные силы (СЯС) посредством контрсилового удара. Сложившаяся система взаимодействия получила свое осмысление в концепции «взаимно гарантированного уничтожения» (*mutually assured destruction*), разработанной американскими экспертами в середине 1960-х годов. Ее смысл заключался в признании достигнутого потенциала ядерных арсеналов США и СССР достаточным для уничтожения друг друга независимо от того, с чьей стороны будет исходить первый ядерный удар⁴.

Особую роль в утверждении этой системы сыграло создание международного режима нераспространения ядерного оружия. ДНЯО легализовал создание по сути дискриминационной системы отношений между ядерными и неядерными государствами. Количество легальных ядерных держав («ядерный клуб») было ограничено пятью постоянными членами Совета Безопасности ООН. Неядерные страны получили право на развитие атомной энергетики под гарантиями МАГАТЭ. В свою очередь легальные ядерные державы обязались двигаться по пути ограничения гонки вооружений и ядерного разоружения — вплоть до полной ликвидации ЯО. СССР и США, таким образом, путем совместных усилий практически свели на нет опасность возникновения ядерного конфликта между своими союзниками в Европе и Азии, в который были бы неизбежно втянуты и сами сверхдержавы.

Появление системы взаимно гарантированного уничтожения изменило понимание стабильности в международных отношениях. В европейской политике XIX в. под стабильностью понималось сохране-

ние статус-кво посредством поддержания силового равновесия между великими державами⁵. С конца 1950-х годов понятие «стабильность» (*stability*) стало рассматриваться в отрыве от традиционного историко-политического контекста, что привело к превращению его в технический термин, характеризующий состояние военно-технической обстановки в мире⁶. Такое понимание стабильности было предложено во второй половине 1950-х годов экспертами американской «РЭНД-корпорейшн». Под укреплением стабильности ими понималась ситуация, когда обе сверхдержавы признают неизбежность уязвимости своей территории для нанесения ядерных ударов со стороны оппонента. Данная концепция, получившая широкое распространение в работах американских и советских исследователей 1960–1970-х годов, постепенно утвердилась во внешнеполитических подходах СССР и США. На ее основе в 1970-х годах были разработаны похожие друг на друга американская концепция стратегической стабильности (*strategic stability*) и советская концепция военно-стратегического равновесия.

Стабилизация системы советско-американского взаимодействия была вызвана не только достижением СССР и США ракетно-ядерного паритета, понимаемого не как чисто количественное равенство боеголовок, а как примерное равенство структурных возможностей советских и американских СЯС⁷. Не меньшую роль играли и общие системные факторы, блокирующие возможность начала гипотетической советско-американской войны. Прежде всего, сохранялась предельная техническая затрудненность ведения большой войны между СССР и США в силу их географической удаленности друг от друга. Сам по себе обмен ядерными ударами не решал исход гипотетической войны: необходим приход армии-победительницы для установления определенного порядка⁸. Между тем сторонам было технически сложно проводить военные операции в другом полушарии Земли. Речь могла идти только о сценарии ограниченного столкновения НАТО и ОВД в Европе или СССР и США (возможно, в союзе с КНР и/или Японией) на Дальнем Востоке. При таком варианте развития событий ни одна из сторон, судя по экспертным расчетам, не имела реализуемого военного превосходства.

Другая причина — дефицит причин для прямого советско-американского столкновения. Соединенные Штаты не могли заменить СССР в качестве лидера социалистического мира. Советский Союз не имел возможностей заменить США в качестве лидера капиталистического мира. Обе стороны, находясь в противоположных полушариях Земли, не имели технических возможностей для оккупации территории друг друга. Более того, после Карибского кризиса 1962 г. действия руководства СССР и США были направлены скорее на снижение вероятности войны, чем на ее приближение.

Особую роль играли политико-психологические особенности советской и американской элиты второй половины XX в. Ни в советском, ни в американском руководстве не было политиков-фанатиков, готовых рискнуть всем ради достижения абстрактных идеологических целей. Такая ситуация не была случайной: в обеих странах утвердились развитые бюрократические системы, в которых для эффективной карьеры требовалась способность к лавированию и конформизму, а не проявление лидерских качеств⁹. Эта тенденция снижала возможность появления в высших эшелонах власти политиков, способных санкционировать начало войны с применением ЯО.

С начала 1970-х годов Соединенные Штаты* предпринимали несколько попыток слома ракетно-ядерного паритета посредством:

- создания разделяющихся головных частей индивидуального наведения (РГЧ ИН);
- производства боезарядов, способных поражать высокозащищенные цели при малом подлетном времени;
- увеличения дальности полета баллистических ракет на подводных лодках (БРПЛ);
- смещения центра сдерживания на баллистические ракеты средней и меньшей дальности (РСМД) с малым подлетным временем;
- развития концепций стратегической ПРО космического базирования (система СОИ).

Ни одна из этих попыток не была, однако, успешной. К середине 1980-х годов обе стороны признали практическую невозможность слома сложившегося ракетно-ядерного паритета.

Серьезный кризис стабильности произошел на рубеже 1970–1980-х годов. К этому времени элиты обеих сверхдержав осознали высокую совокупную мощь накопленных ядерных боезарядов и непредсказуемость последствий их применения. Особую роль в этом сыграла разработка концепции «ядерной зимы» — глобальной экологической катастрофы, наступающей в ситуации, когда суммарная мощность ядерных взрывов превышает порог в 100 мтг. Ее региональный аналог, концепция «ядерной осени», моделировала ситуацию необратимых

* Позиция СССР, судя по открытым источникам, отличалась от позиции США. Советское руководство было согласно с системой ракетно-ядерного паритета и стремилось его поддерживать. В этом смысле Советский Союз в 1970-х – 1980-х годах больше реагировал на американские «инновации», разрабатывая новые системы ядерных вооружений. Подробнее о разнице взглядов советской и американской элиты на проблемы паритета см.: *Рогов С. М. Советский Союз и США: поиск баланса интересов. М.: Международные отношения, 1989.*

экологических изменений в ситуации регионального ядерного конфликта — например, гипотетической советско-американской войны в Европе. Угроза прибегнуть к ядерному возмездию в ответ на ограниченные действия противоположной стороны становилась все менее реалистичной. Эти тенденции означали кризис модели оборонительного сдерживания, в рамках которой стороны посредством превентивных угроз стремились удержать оппонента от определенных действий.

Поиск альтернатив оборонительному сдерживанию начался еще в 1980-х годах. После ввода советских войск в Афганистан (1979 г.) американские эксперты, по сути, искали ответ на два вопроса: 1. Можно ли вернуть «реалистичность» (по американской терминологии — *credibility*, т.е. «кредитоспособность») угрозе применения ЯО? 2. Можно ли разработать новую, более эффективную модель сдерживания? Ответом на данные вопросы стала проработка многочисленных альтернатив взаимно гарантированному уничтожению — от рейгановской СОИ до различных вариантов «ограниченной ядерной войны» в Европе. Альтернативы классическому сдерживанию прорабатывались и в Советском Союзе. (Наиболее известным из них стало предложение М. С. Горбачева от 15 января 1986 г. о полном уничтожении ЯО к 2000 г.)

После распада СССР в 1991 г. тенденция к поиску альтернативы оборонительному сдерживанию усилилась. Соединенные Штаты при поддержке стран ЕС и Японии взяли курс на создание нового мирового порядка, получившего название «плюралистической однополярности». Между тем материально-техническая основа Ялтинско-Потсдамского порядка в виде ракетно-ядерного паритета России и США, а также отрыва их ядерных потенциалов от других ядерных держав оставалась неизменной. Этот дисбаланс привел к появлению новых направлений межгосударственного взаимодействия в ядерной сфере, которые сохраняют актуальность до настоящего времени.

Во-первых, *Соединенные Штаты стремятся отойти от унаследованного с 1960-х годов ракетно-ядерного паритета с Россией*. С этой целью ими были предприняты следующие проекты:

- развертывание системы стратегической ПРО;
- создание систем ПРО театра военных действий (ТВД), в том числе совместно с союзниками по НАТО и Японией;
- предложение к России сократить СЯС до уровня ниже Договора СНВ-3 (предложенная президентом Б. Обамой в 2009 г. концепция «глобального нуля»);
- повышение технических параметров высокоточного оружия, прежде всего крылатых ракет, как в ядерном, так и в неядерном оснащении.

Эти проекты ведут к девальвации части российского ядерного потенциала. Дополнительным фактором дестабилизации могут в будущем стать обсуждавшиеся администрацией Дж. Буша-младшего (но пока нереализованные) варианты вывода в космическое пространство ударных боевых систем.

Политика отхода от стратегического паритета — неотъемлемая часть долгосрочной стратегии построения американского лидерства. Российская Федерация сделала в 1992 г. заявку на участие в новом мировом порядке. Однако Москва и Вашингтон по-прежнему, как и в годы «холодной войны», выстраивают свои отношения на основе взаимного ядерного сдерживания. Российская Федерация остается единственным государством мира, способным технически уничтожить США и вести с ними войну на базе сопоставимых видов вооружений. Россия, судя по официальным заявлениям, не признавала за Соединенными Штатами права на лидерство в новом мировом порядке. Снижение российского ядерного потенциала до безопасного для Вашингтона уровня стало одним из приоритетов внешнеполитической стратегии США.

Во-вторых, *Соединенные Штаты стремятся ужесточить режим нераспространения ядерного оружия*. Еще в 1993 г. администрация У. Клинтона провозгласила переход к стратегии «контрраспространения» (*counter-proliferation strategy*): системе принудительных мер по предотвращению распространения ОМП¹⁰. Администрация Дж. Буша-младшего расширила значение этого термина, включив в него политику интернационализации замкнутого ядерного топливного цикла (ЗЯТЦ). В мировой практике постепенно утвердилась практика «принудительного разоружения» (*imposed disarmament*) «опасных» с точки зрения США режимов. Крайней формой такого «разоружения» можно считать применение силы по образцу военной операции против Ирака 2003 г.

Формально «стратегия контрраспространения» была призвана усилить ДНЯО. Фактически в ее рамках происходит пересмотр базовых условий этого договора. Статья IV ДНЯО разрешает всем неядерным странам развивать технологии ЗЯТЦ под гарантиями МАГАТЭ и даже обязывает ядерные державы помогать им в этом процессе. Конфликты вокруг ядерных программ Ирана, КНДР и, отчасти, Пакистана ставят вопрос о праве определенных режимов иметь в своем распоряжении технологии ЗЯТЦ. (Здесь следует подчеркнуть, что ДНЯО не предполагает введения санкций и тем более лишения права на создание атомной энергетики странами, нарушившими соглашения о гарантиях с МАГАТЭ.) Возникает серия прецедентов для проведения в обозримом будущем возможной реформы ДНЯО. В России и КНР есть опасения относительно того, не станут ли эти страны в будущем объектами воздействия американской стратегии «принудительного разоружения».

В-третьих, *меняется характер борьбы с угрозой ядерного терроризма*. Десять лет назад под ним понималась стратегия профилактики попадания ОМП в руки террористических сетей. К середине 2010-х годов речь идет скорее об усилении тенденции к интернационализации ЗЯТЦ под видом дискуссий о противодействии «мегатерроризму». Еще в 2004 г. администрация Дж. Буша-младшего ставила вопрос об усилении полномочий Всемирной ядерной ассоциации — неправительственной организации, которая была создана на базе Уранового института (Великобритания) и сообщества компаний—производителей атомной энергии. На VII Обзорной конференции по ДНЯО США предложили принять поправку к X статье, предусматривающей возвращение выходящими из Договора государствами приобретенных прежде технологий ЗЯТЦ и расщепляющихся материалов под контроль МАГАТЭ. Министерство энергетики США начало разработку в 2006 г. программы Глобальное партнерство в ядерной энергетике (ГНЭП, *The Global Nuclear Energy Partnership*). Программа предусматривала предоставление заинтересованным государствам в аренду готового ядерного топлива и вывоз отработанных расщепляющихся материалов из стран-потребителей с их последующей переработкой на территории США. И хотя пока программа ГНЭП оказалась неудачной, предложенная администрацией Б. Обамы концепция «глобального нуля» нацелена на усиление контроля над ЗЯТЦ.

В-четвертых, *сложилась новая модель войны как «наказания» неблагонадежных (с точки зрения США и стран ЕС) режимов*. Целью подобных операций выступает не оккупация территории противника, а разрушение его инфраструктуры и создание условий для смены политического режима с последующим осуждением и наказанием лидеров подобных государств. В ходе Первой войны в Заливе (1990—1991 гг.) и Балканских кампаний 1990-х годов средством для достижения такой цели стали «хирургические» удары по ключевым экономическим объектам подобных стран. Операции в Афганистане (2001—2002 гг.) и Ираке (2003 г.) доказали, что США не исключают свержения режимов с помощью прямого использования силы. Опыт военной операции НАТО в Ливии (2011 г.) и дипломатического кризиса вокруг Сирии (2012 г.) показывает еще один пример реализации подобной стратегии: поддержка внутренней оппозиции различными средствами, в том числе посредством проведения ограниченной военной операции.

Подобный тип войн вызывает тревогу у других ядерных держав. Прямое использование силы против Индии, КНР и тем более России в обозримой перспективе маловероятно. Но за минувшие двадцать лет США и страны ЕС утвердили в международном праве новую норму: допустимость подсудности лидеров суверенных государств различным междуна-

родным трибуналам. Предъявление им обвинений чаще всего сводится к стандартному набору: геноцид, использование силы против мирного населения, поддержка террористических сетей, связи с международным криминалом и т.п. Следующим этапом может стать постановка вопроса о недопустимости наличия у подобных лидеров ОМП.

В-пятых, *другие ядерные державы вслед за США снижают порог применения ЯО*. Российская Федерация еще в 1993 г. отказалась от советского обязательства ненанесения первого ядерного удара. В двух редакциях военной доктрины — 2000 и 2010 гг. — Москва подтвердила свою готовность применить ЯО в конфликте высокой степени интенсивности. КНР официально не отказалась от аналогичных обязательств 1964 г. Однако появившиеся в начале 2010-х годов сообщения о разработке китайской «морской стратегии» показывают, что в Пекине рассматривают сценарии использования ЯО для защиты своих морских интересов, прежде всего — в области экспорта энергоресурсов. Тенденции к снижению порога применения ЯО были заметны и в «Белой книге» министерства обороны Франции 2008 г. «Нелегальные ядерные державы» (Индия, Пакистан, КНДР) не раз заявляли о своей готовности использовать ЯО даже в региональных конфликтах. Все эти государства с разной степенью успешности повышают контрсилловые потенциалы своих ядерных сил, что свидетельствует об ориентации их ядерных доктрин на сценарии «дозированного использования» ЯО.

В-шестых, *снижается порог применения силы в отношениях между ядерными державами*. В 1970-х годах прямой конфликт между ними был достоянием теоретических разработок. Опыт двух американо-китайских кризисов вокруг Тайваня (1996 и 2005 гг.), российско-американского противостояния в ходе Югославской операции НАТО (1999 г.) и «Пятидневной войны» войны вокруг Южной Осетии (2008 г.), рост военной напряженности в Южно-Китайском море на протяжении 2010–2011 гг. доказали, что региональный конфликт с прямым участием ядерных держав становится более вероятным. Такой конфликт видится в Вашингтоне как тщательно подготовленное вмешательство США в конфликт России или КНР с одним из их соседей. В подобном конфликте не обязательно будет применено ЯО. (Хотя полностью исключать такой сценарий не следует.) Но, так или иначе, прямое столкновение ядерных держав становится технически и психологически более возможным, чем это было двадцать или тридцать лет назад.

Взаимное ядерное сдерживание в условиях паритета интерпретировалось в терминах первого или ответного, но в любом случае масштабированного ядерного удара. И США, и СССР рассматривали ЯО как средство поражения стратегического потенциала противника. Эксперт-

но-академическое сообщество и общественность двух сверхдержав и мира в целом разделяли убеждение, что гипотетическая ядерная война начнется с массированного использования СЯС. Но в рамках новой модели «наступательного сдерживания» нанесение одиночных ядерных ударов может рассматриваться как часть принуждения противоположной стороны к компромиссу. Отсюда — активизировавшиеся в США с середины 1990-х годов исследования по созданию принципиально новых типов ядерных боезарядов. Подобные разработки, возможно, ведутся и в других ядерных державах.

В-седьмых, *распространение ЯО на новые конфликтные регионы повышает риск его применения*. Стратегические культуры стран Азии отличаются от американской или российской стратегической культуры, построенной на принципах рационализма. Нельзя исключать, что новые ядерные субъекты в определенной ситуации начнут рассматривать ЯО не как средство сдерживания, а как оружие для ведения реальных боевых действий. До настоящего времени в мире не было прецедентов подобного рода. Однако индо-пакистанский конфликт в Каргиле (1999 г.) и демонстративный обстрел КНДР южнокорейского острова Йонпхендо (2010 г.) доказали, что опасность использования ЯО новыми ядерными субъектами существует. Ядерные доктрины Индии, Пакистана, КНДР и, возможно, Израиля допускают, как и американская концепция «гибкого реагирования» 1960-х годов, «дозированное» использование ЯО для поражения отдельных целей.

Десять лет назад в специальной литературе по проблемам ядерного сдерживания произошел всплеск публикаций о снижении порога применения ЯО и даже вступлении в новую «ядерную эру». Эти гипотезы пока остались игрой ума исследователей. Однако реализация американского проекта ПРО и дискуссии вокруг «безъядерного мира» демонстрируют, что эти прогнозы рано подвергать критике. В современном мире выходит на порядок меньше работ по проблемам сдерживания и нераспространения ЯО, чем это было в начале 2000-х годов и тем более в период холодной войны. Возможно, политические элиты, получив в свое распоряжение новые идеи, начинают подтягивать под их задачи свои ядерные концепции и ядерные потенциалы.

Тенденция к снижению ядерного порога пока не стала преобладающим направлением взаимоотношений между ядерными державами: после 1991 г. в мире не произошло конфликта с использованием ЯО. Режим нераспространения, несмотря на выход КНДР из ДНЯО в 2003 г., сохранил свою устойчивость. Вместе с тем возникают тенденции, которые через 10–15 лет могут повысить риск возникновения конфликта с потенциальным ядерным измерением. Изучение этих тен-

денций представляет особый интерес для прогнозирования изменений в ядерной сфере, включая тревожные симптомы снижения ядерного порога, отмеченные исследователями начала 2000-х годов.

Цель предлагаемой работы — провести комплексный анализ роли ядерного фактора в современной мировой политике. Такой анализ предполагает изучение тенденций развития «ядерной среды» (условий и правил взаимодействия ядерных держав друг с другом, а также ядерных и неядерных государств), эволюции системы «центрального сдерживания» между Россией и США, а также военной политики ядерных держав «второго плана» и непризнанных ядерных держав. Особое внимание уделено проблемам профилактики «ядерного терроризма» и дискуссиям об интернационализации ЗЯТЦ. Задача автора — показать роль ядерного фактора в современных международных отношениях и наметить тенденции его возможной эволюции на ближайшие два-три десятилетия.

Примечания

¹ *The Absolute Weapon: Atomic Power and World Order* / Ed. by Bernard Brodie (editor and contributor). Harcourt, 1946.

² См.: *Military Policy and National Security* / Ed. by W. Kaufman. Princeton, New Jersey, 1956.

³ *Blair B. The Logic of Accidental Nuclear War*. Washington: Brookings Institution Press, 1993.

⁴ *Богатуров А. Д.* Великие державы на Тихом океане. История и тория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны М.: Конверт — МОНФ, 1997. С. 30.

⁵ См.: *Тейлор А. Дж. П.* Борьба за господство в Европе. М., 1958.

⁶ Подробно этот процесс описан в работе: *Trachtenberg M.* History and Strategy. Princeton: Princeton University Press, 1991.

⁷ *Арбатов А. Г.* Военно-стратегический паритет и политика США. М.: Международные отношения, 1984. С. 6.

⁸ *Косолапов Н. А.* Пороговый уровень и вероятность конфликта США с Россией // *Международные процессы*. 2008. Сентябрь—декабрь. Т 6. № 3 (18). С. 20.

⁹ Интересные наблюдения об этом были сделаны личным переводчиком многих политических лидеров СССР («главным переводчиком страны») В. М. Суходревым. См.: *Суходрев В. М.* Язык мой — друг мой. От Хрущева до Горбачева. 2-е изд., переработанное и дополненное. М.: Издательский дом ТОНЧУ, 2008. Исследования по этому вопросу проводил в СССР Н. А. Косолапов.

¹⁰ Подробнее об этом см.: *Фененко А. В.* Теория и практика контрраспространения во внешнеполитической стратегии США. М.: КомКнига, 2007.

Часть I

**Международная
среда взаимодействия
в ядерной сфере**

Современные концепции ядерного сдерживания

Десять лет назад приоритетами в дискуссиях по проблемам ядерного сдерживания были две проблемы: способность России поддерживать ракетно-ядерный паритет с США и перспективы расширения «ядерного клуба»¹. В начале 2010-х годов ситуация изменилась. Новыми направлениями дискуссий стали развертывание американской системы противоракетной обороны (ПРО) в Европе и создание безъядерного мира за счет радикального сокращения ядерных арсеналов². Возможная реализация этих проектов ведет к слому системы ракетно-ядерного паритета между Москвой и Вашингтоном.

В период биполярной конфронтации концепции ядерного сдерживания носили оборонительный характер³. Понятие «ядерное сдерживание» (*nuclear deterrence*) рассматривалось в США как комплекс превентивных угроз, призванных убедить оппонента отказаться от враждебных действий. Подобный тип сдерживания требовал наличия мощных стратегических ядерных сил (СЯС), призванных максимизировать вероятный ущерб противнику. В СССР термин «ядерное сдерживание» официально не использовался. Но после Карибского кризиса 1962 г. советская ядерная стратегия строилась, судя по открытым публикациям⁴, на основе похожего комплекса идей.

Современные концепции сдерживания носят скорее наступательный характер. Их задача — принудить оппонента к действиям, которые он по своей воле не стал бы совершать. Наступательное сдерживание требует наличия военно-технических систем, приспособленных для нанесения упреждающего удара, высокой защищенности ЯО, гибких схем его применения и возможности совместных действий ядерных и конвенциональных вооружений. Эта тенденция повышает риск применения ЯО, возрождая забытые с 1980-х годов концепции «ограниченной ядерной войны».

1.1. Эволюция концепций оборонительного сдерживания

Мышление в категориях «сдерживания» традиционно для англосаксонской стратегической культуры. Ее основу составляет понимание безопасности (*security*) как комплекса превентивных мер по предот-

вращению появления угрозы. Понятие «оборона» (*defense*), напротив, рассматривается как комплекс конкретных военно-политических мер в период возникновения непосредственной угрозы. Потенциальные угрозы, на преодоление которых направлена стратегия национальной безопасности, обозначаются термином «*danger*». Непосредственные угрозы, для борьбы с которыми предназначена система национальной обороны, обозначаются термином «*threat*». Такая трактовка безопасности резко отличается от европейской континентальной традиции (включая российскую), безопасность рассматривается как неугрожаемое состояние.

В английском языке для обозначения понятия «сдерживание» используются два термина. Первый, «*containment*», означает удерживание оппонента в определенных территориальных границах. Второй, «*deterrence*», — воздействие на волю оппонента посредством превентивных угроз. Российский термин «ядерное сдерживание» представляет собой перевод английского «*nuclear deterrence*».

Предпосылки для появления концепции сдерживания были заложены в XIX в.⁵ Со времен Американо-британской войны 1812–1814 гг. внешняя политика Соединенных Штатов ориентировалась на предотвращение вторжения европейских держав в Западное полушарие, препятствование установлению в Европе гегемонии одного государства и поддержание баланса сил в Старом Свете⁶. К новым стратегическим условиям теорию *containment* в 1946 г. приспособил временный поверенный США в СССР Дж. Кеннан⁷. Ее цель он определил как удерживание Советского Союза в границах влияния, отведенных ему на Ялтинской конференции 1945 г. Инструментами достижения этой цели должны были стать предоставление гарантий безопасности союзникам США и проведение серии силовых демонстраций. В 1947 г. концепция *containment* была принята администрацией Гарри Трумэна (1945–1952).

По мере обострения отношения с СССР стратегия *containment* становилась более наступательной. В 1948 г. документ NSC 20/1⁸ определил долгосрочные цели Соединенных Штатов в отношении СССР как сокращение сферы советского влияния и ослабление советского силового потенциала (в идеале — его демонтаж по образцу Германии и Японии после Второй мировой войны). В 1950 г. под руководством Пола Нитце, сменившего Дж. Кеннана на посту руководителя Управления политического планирования при Госдепартаменте США, была разработана Директива СНБ-68⁹. В отношениях с СССР документ вводил принцип игры с нулевой суммой (*zero sum game*): выигрыш одной стороны автоматически означал проигрыш другой. Отсюда следовала так-

тика зеркального реагирования: Вашингтон рассматривал любой шаг Москвы как направленный против американских интересов и считал необходимым симметрично отвечать на него принятием собственных контршагов. Документ провозглашал переход к «рисковой политике» (*risk-taking policy*), предусматривающей большую вовлеченность США в региональные конфликты и наращивание обычных (конвенциональных) вооружений. В декабре 1950 г. президент г. Трумэн утвердил Директиву СНБ-68 в качестве основы внешнеполитической стратегии Соединенных Штатов.

Но в начале 1950-х годов американские эксперты пришли к выводу о неэффективности стратегии *containment*. Причинами стали создание СССР атомного оружия (1949), коммунистическая революция в КНР (1949) и неудача Соединенных Штатов в Корейской войне (1950–1953). Будущий госсекретарь США Джон Фостер Даллес в 1952 г. утверждал, что стратегия *containment* обрекла Вашингтон на сугубо оборонительную роль¹⁰. Этот вывод побудил американскую элиту обратиться к другому варианту сдерживания, «устрашению» (*deterrence*)¹¹.

Идейные предпосылки для концепции *deterrence* были заложены итальянским генералом Джулио Дуэ. Еще в 1918 г. он предложил доктрину воздушной мощи (*air power*): достижение победы стратегически бомбардировками. Его идеи стали востребованными в ходе стратегических бомбардировок во время Второй мировой войны и особенно после появления атомного оружия. В середине 1940-х годов сначала в Великобритании, а затем в США второе рождение получили популярные в конце XIX в. концепции дешевой победы (*cheap-victory strategy*): уничтожение живой силы и разрушение стратегических объектов оппонента с минимальными финансовыми издержками¹². Появление атомного оружия подвело под эти концепции новое материально-техническое основание.

Теория ядерного сдерживания (*nuclear deterrence theory*) была призвана: 1) выявить набор стратегических объектов оппонента для нацеливания на них ЯО и 2) показать политические преимущества, которые можно извлечь из психологического давления на оппонента посредством угрозы нанесения тотального ядерного удара¹³.

Первоначально интерес к политическим аспектам использования ЯО проявляли: Нильс Бор, Роберт Оппенгеймер, Альберт Эйнштейн, Энрико Ферми и другие физики. Еще в 1944 г. они говорили об опасности использования атомного оружия¹⁴. Политические эксперты стали размышлять о последствиях использования атомного оружия после

бомбардировки Хиросимы и Нагасаки в августе 1945 г.¹⁵ Американский экономист Джекоб Вайнер указал, что ЯО может выполнять двойную функцию: гарантировать мирный характер отношений между государствами (*peace making*) и быть средством эффективного устрашения оппонента (*deterrent force*)¹⁶. Американский политолог Бернард Броди вместе с коллегами по Йельскому университету Фредериком Данном, Арнольдом Уолферсом, Перси Корбеттом и Уильямом Фоксом опубликовал в 1946 г. работу «Абсолютное оружие»¹⁷. Исследователи утверждали, что появление атомного оружия лишит войну категорий «победа» и «поражение».

В американской стратегической мысли утверждалась также концепция воздушной мощи (*air power*) и авиационной геополитики (*air geopolitics*). 3 ноября 1944 г. в соответствии с директивой президента США Ф. Д. Рузвельта была создана Комиссия по оценке эффекта стратегических бомбардировок Германии под руководством Дж. К. Гэлбрейта. В рамках обсуждения ее работы среди американских экспертов высказывались точки зрения о характере будущего стратегического противостояния с СССР, а после 1949 г. и с КНР. Еще в 1942 г. один из теоретиков американской «воздушной мощи» Александр Северский полагал, что быстрое увеличение радиуса действия и ударной мощи военной авиации сделает территорию США столь же уязвимой для стратегических бомбардировок, как и Британские острова. В 1943 г. видный американский геополитик Николас Спайкмен утверждал, что в «авиационный век» к северу от США лежит третий фронт — Северный Ледовитый океан, над которым будет господствовать авиация.

Осуществить подобные задачи на основе атомного оружия 1940-х годов было сложно. Расчеты тех лет доказали, что оно обладало ограниченной мощностью и доставлялось к цели только авиационными носителями¹⁸. Опыт Корейской войны, несмотря на его неоднозначность¹⁹, доказал между тем, что авиационная мощь может быть блокирована системами противовоздушной обороны (ПВО) и истребительной авиации. Ситуация изменилась после создания в 1952–1953 гг. термоядерного оружия. Обладая мегатонной мощью и плавильным эффектом, оно могло полностью разрушить стратегические объекты и доставляться к цели с помощью как авиационных, так и ракетных средств. У сверхдержав появилась военно-техническая возможность гарантированно уничтожить стратегический потенциал оппонента²⁰.

Первый всплеск дискуссий о ядерном сдерживании пришелся на рубеж 1940–1950-х годов. Основным его содержанием было развитие теории нацеливания ЯО. Американские эксперты Уильям Бодром и Альберт Уолстеттер разработали концепцию воздушной атомной войны (*war-fighting*): поражение ключевых объектов инфраструктуры

противника с помощью атомных боезарядов²¹. Генерал Максвелл Тэйлор²² утверждал, что атомные бомбардировки должны подрывать военно-промышленный потенциал противника и моральную волю его населения. В 1954 г. эксперт «РЭНД-корпорейшн» Уильям Кофманн утверждал, что эффективность стратегии сдерживания зависит от трех факторов: наличия средств поражения стратегического потенциала оппонента; готовности применить силу; демонстрации оппоненту серьезности своих намерений²³.

Особую роль в становлении концепции ядерного сдерживания сыграла теория игр (*theory of games*). Речь идет о математических схемах, применяемых для анализа конфликта²⁴. Ее основы заложили в 1943–1944 гг. американские эксперты Джон фон Нейман и Оскар Моргенштерн. В 1950-х годах появилась серия работ по ядерной политике²⁵. Эксперты «РЭНД-корпорейшн» и Стэнфордского университета (США) доказали, что эффективность ядерного сдерживания определяется тремя параметрами:

- совокупной мощностью ядерных боеприпасов, достаточной для нанесения противнику неприемлемого ущерба;
- совокупной степени выживаемости средств ответного удара по отношению к средствам удара противоположной стороны;
- совокупной живучей силой средств ответного удара по отношению к средствам противоракетной обороны противника²⁶.

На этой основе администрация Дуайта Эйзенхауэра (1953–1960) разработала концепцию ядерного сдерживания. Первым ее компонентом стала доктрина массированного возмездия (*massive retaliation*). В документе СНБ 162/2 (октябрь 1953 г.) были названы приоритеты ядерной политики США: накопление ЯО и развитие средств его доставки на межконтинентальную дальность²⁷. 12 января 1954 г. госсекретарь Джон Ф. Даллес заявил о готовности в случае ограниченного нападения на США применить всю мощь ядерного потенциала для возмездия²⁸, который мог быть использован и в случае нападения на одного из региональных союзников США. (Это, по мнению Дж. Ф. Даллеса, должно было предотвратить повторение неудачного опыта Корейской войны.) Технической основой «массированного возмездия» стал принятый в 1960 г. Единый комплексный оперативный план (*Strategic Integrating Operation Plan — SIOP*), предусматривавший использование 3400 стратегических ядерных боезарядов для нанесения массированного ядерного удара.

Другим компонентом стратегии ядерного сдерживания стала доктрина нового взгляда (*new look*). В докладе СНБ от 8 августа 1953 г. ут-

верждалось, что ядерная составляющая вооруженных США обходится бюджету дешевле, чем содержание обычных вооруженных сил²⁹. Отсюда следовал вывод, что Вашингтону нет необходимости добиваться паритета с СССР по конвенциональным вооружениям. Документ NSC 5440 (декабрь 1954 г.) возлагал задачи сдерживания советской группировки в Центральной Европе на тактическое ядерное оружие (ТЯО). В декабре 1957 г. Совет НАТО санкционировал размещение американского ТЯО в Европе.

Вторая волна дискуссий о специфике ядерного сдерживания пришла на конец 1950-х годов. После создания в СССР средств доставки ЯО к территории США американские эксперты были обеспокоены, насколько надежны гарантии безопасности, данные союзникам. В Вашингтоне опасались, что Кремль будет провоцировать региональные кризисы и ставить США перед выбором между отступлением или ядерной войной. Под вопросом оказывалась принятая администрацией Д. Эйзенхауэра концепция ядерного выбора (*nuclear choice*): готовность Соединенных Штатов нанести ядерный удар по СССР в условиях, когда советская сторона могла в ответ доставить некоторое (пусть и меньшее по численности) количество ЯО к американской территории.

Предпосылки для модернизации концепции ядерного сдерживания были заложены в ходе дискуссий об использовании ТЯО в середине 1950-х годов. Пионером в этой сфере выступил европейский военный мыслитель Фердинанд Микше (выходец из Австро-Венгрии), идеи которого быстро приобрели популярность в США. Он попытался смоделировать ход военных действий во время ограниченного атомного конфликта³⁰. Ф. О. Микше взял за основу ход кампании в Западной Европе 1940 г., но предположил, что воюющие стороны обладали на тот момент атомными боезарядами. По сценарию Микше Германия и ее противники сначала использовали бы «атомную артиллерию», затем перешли бы к позиционной войне, не спеша заключить мир даже после обмена с противником атомными ударами по ключевым городам. Ф. Микше выдвинул три постулата, предопределившие последующее развитие теории ядерного сдерживания:

- 1) между ядерными державами могут происходить ограниченные войны;
- 2) ядерный конфликт может ограничиваться только применением тактических ядерных боезарядов;
- 3) стороны могут вести военные действия в течение достаточно длительного срока, ограничиваясь дозированным применением различных типов ядерных боезарядов.

Похожий взгляд на ядерную стратегию предложил будущий госсекретарь США Генри Киссинджер. В 1957 г. он предположил³¹, что война с неограниченным использованием ЯО приведет к одинаково проигрышному результату для победителей и побежденных. Выходом из стратегического тупика могло быть, по мнению Г. Киссинджера, ограниченное использование ЯО для поражения выборочных целей. Идеи Киссинджера развили американские исследователи Роберт Остуд³² и Томас Шеллинг³³. Нанесение ядерных ударов по ограниченным целям могло, по их мнению, выступать эффективным дополнением к дипломатическому воздействию на оппонента. (Подобно тому, как в европейских войнах XVIII в. ограниченное применение силы было лишь частью более широкой стратегии принуждения оппонента к компромиссу.)

На этой основе эксперт Гудзоновского института Герман Кан разработал в конце 1950-х годов теорию эскалации (*escalation theory*)³⁴. Выделив семнадцать этапов в развитии конфликтов, он рассчитал, на каких стадиях может быть применено сначала тактическое, а затем стратегическое ЯО. Герман Кан предложил термин «ядерный порог» (*nuclear threshold*): промежуток времени, проходящий между началом войны и моментом первого применения ЯО. Теория ядерного сдерживания дополнилась новыми понятиями:

- максимальная степень эскалации конфликта (*the assumption of a very severe conflict*);
- рационализм политико-военных игроков (*the assumption of rationality*);
- соразмерность угрозы стратегической ситуации (*the concept of a retaliatory threat*);
- определение понятия «неприемлемый ущерб» (*the concept of unacceptable damage*);
- проблема реалистичности угроз (*the notion of credibility*);
- стабилизирующий эффект сдерживания (*the notion of deterrence stability*).

На базе концепции эскалации администрация Джона Кеннеди разработала концепцию «гибкого реагирования» (*flexible response*)³⁵. В ее основе лежал принцип соразмерности военного ответа США характеру угрозы. Концепция «гибкого реагирования» ориентировалась на высокий ядерный порог, предполагая, что первоначально конфликт можно вести, основываясь на обычных вооружениях. Обновленная ядерная стратегия США стала включать в себя три компонента:

- 1) «**прямая защита**» (*direct defense*): сдерживание советского наступления исключительно с помощью обычных вооружений;

- 2) «запланированная эскалация» (*deliberate escalation*): применение ТЯО в случае, если конвенциональные силы НАТО не в состоянии остановить советское наступление³⁶;
- 3) «генеральный ядерный ответ» (*general nuclear response*): нанесение тотального ядерного удара сначала по военным, а затем по гражданским объектам СССР в случае, если применение ТЯО не привело к деэскалации конфликта.

В рамках концепции гибкого реагирования стратегические ядерные силы (СЯС) США были переориентированы на нанесение разоружающих ударов по пусковым установкам, а не городам противника (концепция контрсилы — *counterforce strategy*). «Главной целью в случае атомной войны должно быть уничтожение военного потенциала противника, а не его гражданского населения», — заявил в Анн-Арборе 18 июня 1962 г. министр обороны США Роберт Макнамара³⁷. Следующей целью для нанесения ограниченных ударов были объекты промышленности и инфраструктуры, непосредственно связанные с ведением войны (нефтяные предприятия, транспортные пути, железнодорожные узлы, системы связи и т.п.). Другие объекты (угольные производства, электростанции и т.д.), а также города можно было не разрушать. Это гипотетически позволяло сделать войну ограниченной, давая противнику шанс осознать положение и пойти на примирение после первого обмена ударами.

Третья волна дискуссий по проблемам сдерживания пришлось на вторую половину 1970-х — 1980-е годы. Кризис «гибкого реагирования» был вызван двумя причинами. Первая — расширение спектра стратегических возможностей за счет создания военных спутников навигации и связи, высокоточных систем и разделяющихся головных частей индивидуального наведения (РГЧ ИН). Вторая — достижение СССР ракетно-ядерного паритета с США, поставившее под сомнение способность Вашингтона влиять на его политику. Республиканская администрация Ричарда Никсона (1969–1974) впервые поставила вопрос о реакции США в случае, если Советский Союз нанесет первый контрсиловой удар по американским СЯС. Согласно экспертным расчетам того времени угроза нанесения массированного ядерного удара (не важно, контрцелостного или контрсилового) стала терять свою действенность. Возникла потребность разработать новую модель воздействия на руководство СССР, которая включала бы в себя реалистичные варианты действия на случай провала политики сдерживания (*if deterrence failed*).

В отечественной литературе распространена точка зрения, что демонтаж политики разрядки был осуществлен республиканской администрацией Рональда

Рейгана (1981–1988). С таким подходом трудно согласиться. Возрождение концепции «ограниченной ядерной войны» началось в американском стратегическом планировании еще в период пребывания Джеймса Шлессинджера на посту секретаря обороны США (1969–1975). Именно при Дж. Шлессинджере были разработаны различные варианты нанесения «обезглавливающего» удара за счет выигрыша в подлетном времени, а также составлены проекты переоснащения американских СЯС боевыми блоками с РГЧ ИН. Принятие в январе 1974 г. «доктрины Шлессинджера» заморозило на пять лет переговорный процесс по ОСВ-2: программы развития крылатых ракет и средств поражения высокозащищенных целей были запущены администрацией Дж. Картера в 1978 г. Директива PDD-59, ориентировавшая США на ведение ограниченной ядерной войны с СССР на базе РСМД, была подписана президентом Дж. Картером в 1980 г. Решение о демонтаже политики разрядки было, по-видимому, принято американской элитой не в 1981-м, а в 1974–1975 гг.

Если брать в качестве критерия отказа США от политики разрядки жесткость риторики (известное заявление Р. Рейгана об СССР как «империи зла»), то правозащитная риторика администрации Джеймса Картера (1977–1980) по жесткости превосходила республиканцев. К тому же жесткость риторики администрации Р. Рейгана встречала адекватный ответ советских лидеров, прежде всего Ю. В. Андропова (1982–1984). Администрация Р. Рейгана просто реализовала военно-технические и политические программы администраций Ричарда Никсона (1969–1974) и Джеральда Форда (1974–1976).

Выходом из кризиса должна была стать предложенная в 1973–1974 гг. министром обороны США Джеймсом Шлессинджером доктрина «обезглавливающего удара». Речь шла об угрозе поражения командных пунктов противника до принятия им решения о нанесении ответно-встречного удара. «Имея резервные силы для угрозы городским промышленным целям и имея наступательные системы, обладающие повышенной гибкостью и дискриминационностью в поражении цели, мы... сможем осуществлять варианты ответа, которые будут наносить меньший гражданский ущерб», — утверждал Дж. Шлессинджер на брифинге 17 августа 1973 г.³⁸ «Доктрина Шлессинджера», закрепленная в документе NSDM 242 (18 января 1974 г.³⁹), предусматривала гибкость использования ядерных сил в ответ на возможное нападение со стороны СССР. В документе постулировались четыре варианта ядерных ударов:

- 1) демонстрационный (*demonstrative strike*): поражение нескольких выборочных целей для демонстрации противнику готовности применять ЯО;
- 2) контрэлитный (*counterelite strike*): уничтожение военно-политического руководства страны до принятия им решения о нанесении ответно-встречного удара;

- 3) констрсиловой (*counter-force strike*): поражение пусковых установок противника;
- 4) контрценностный (*counter-city strike*): поражение городов противника, которое также могло осуществляться как в тотальном, так и в ограниченном варианте.

Идеи Джеймса Шлессинджера смещали акцент в осуществлении политики ядерного сдерживания со средств межконтинентальной дальности на, во-первых, ракеты средней и меньшей дальности (РСМД) с РГЧ ИН и, во-вторых, на разрабатываемые в те годы крылатые ракеты с системами лазерного, инфракрасного и телевизионного самонаведения. Обновленное понимание ядерного сдерживания было зафиксировано и в картеровской PD № 59 (1980)⁴⁰, и в рейгановской NSDD № 13 (1981)⁴¹. В 1984 г. администрация Р. Рейгана допускала три варианта ведения военных действий в случае провала доктрины сдерживания: 1) затяжная война с применением как стратегического, так и тактического ЯО; 2) кратковременная война с применением стратегического и/или тактического ЯО; 3) конфликт на одном или нескольких ТВД с ограниченным использованием ТЯО. Целью США был при этом не разгром СССР, а принуждение советского руководства к миру на американских условиях⁴².

На этой основе «младшее поколение» экспертов по проблемам сдерживания (Карл Кайзен, Колин Грэй, Кит Пейн, Ричард Перлз, Майкл Макгвайр, Патрик Морган) разработало концепцию победоносной ядерной войны (*deterrence by war fighting*)⁴³ и предложило несколько вариантов подобных конфликтов:

- конфликт на основе РСМД;
- конфликт с широким использованием противоракетных технологий;
- конфликт с использованием высокоточного оружия как в ядерном, так и в неядерном оснащении;
- конфликт, ведущийся на основе сил общего назначения без применения ЯО (аналогично тому, как в ходе Второй мировой войны стороны не использовали химическое оружие).

Эти варианты суммированы в 1980 г. в работе австралийского исследователя Яна Кларка «Ограниченная ядерная война»⁴⁴. Вслед за немецким стратегом Карлом фон Клаузевицем он рассматривал войну как продолжение политики и допускал возможность ограничения применения ЯО ради достижения политических целей. Стороны, по мнению Я. Кларка, могли прийти к формальной или неформальной договоренности об ограничении характера (*конвенция А*) и масштабов

конфликта (*конвенция В*)⁴⁵. В случае достижения подробных договоренностей применение ЯО в ходе военных действий могло быть ограничено следующими условиями:

Ограничение применения ЯО (по Я. Кларку)

Конвенция А	Конвенция В
Соблюдение сторонами заранее заключенных договоренностей	Количество примеренных ядерных боезарядов (« <i>what?</i> » <i>convention</i>)
Варианты начала возможной войны и ее прогнозируемые результаты для каждой из сторон	Количество и характер выбранных для поражения целей (« <i>who?</i> » <i>convention</i>)
«Соглашение о последствиях» (отказ от тотального применения ЯО из-за невозможности послевоенного восстановления)	Выбор типа используемых ядерных систем (« <i>how?</i> » <i>convention</i>)
	Время ведения военных действий (« <i>when?</i> » <i>convention</i>)
	Локализация географического театра военных действий (« <i>where?</i> » <i>convention</i>)

Однако схемы Я. Кларка во многом носили искусственный характер, выступая, подобно моделям Г. Кана, «игрой ума». В 1985 г. американский исследователь Марк Трахтенберг утверждал, что с появлением РГЧ ИН сдерживание посредством угрозы уничтожения стратегического потенциала оппонента потеряло смысл. На смену ей пришел более гибкий и эффективный вариант: угрозы нанесения контрэлитного и контрсилового ударов⁴⁶. Но такой вариант упирался в теоретически неразрешимую проблему: готовность противника принять за основу поведения «стратегию эскалации» Г. Кана. Поскольку это было не гарантировано, ЯО начинало терять свой статус эффективного инструмента угрозы⁴⁷.

Во-первых, была поставлена под сомнение реалистичность политики сдерживания. Советская сторона могла не поверить в действенность американской угрозы нанести ядерный удар, ведь за ним последовал бы ее ответно-встречный удар по США⁴⁸. Аналогичным образом и США могли не поверить в действенность советской угрозы. Поэтому после ввода советских войск в Афганистан (1979) большую популярность среди ряда американских экспертов приобрел тезис о том, что ЯО теряет сдерживающую роль⁴⁹.

Во-вторых, расширился смысл термина «ядерный порог». В середине 1970-х годов в военных доктринах США и СССР были зафиксированы три различные, хотя и близкие друг другу схемы использования

ЯО: 1) конфликт сразу начинается как ядерный; 2) конфликт начинается на основе конвенциональных вооружений; 3) нанесение разоружающего удара по ядерным объектам противника. Понятие «ядерный порог» стало обозначать момент первого применения ЯО, после которого снимаются все военные и моральные ограничения на выбор целей и нанесение ядерных ударов⁵⁰.

В-третьих, исследователями 1980-х годов был выведен «основной парадокс сдерживания»: *повышение реалистичности сдерживания увеличивает риск начала войны*⁵¹. Эффективность стратегии сдерживания зависит от веры противоположной стороны в готовность реализовать угрозы. Это требовало совершенствования ядерных систем, прежде всего — повышения их возможности наносить разоружающий ядерный удар. Такие действия усиливали стремление противоположной стороны увеличить потенциал выживаемости своих СЯС или разработать еще более эффективные средства нанесения первого удара⁵². Затяжной дипломатический конфликт СССР и США вокруг «евроракет» (1974—1987), в ходе которого стороны в 1983—1984 гг. всерьез рассматривали опасность начала ядерной войны в Европе, подтвердил справедливость этого вывода.

В-четвертых, в ходе дискуссий было признано, что ни у США, ни у СССР не было рациональных схем применения ЯО⁵³. Нанесение ядерных ударов не гарантировало военной победы: необходимо было закрепить успех проведением наземных операций. Ни СССР, ни США не обладали техническими возможностями для оккупации территории друг друга. Применение же ЯО в деэскалационных целях ставило вопрос о готовности противоположной стороны принимать правила «контролируемой эскалации» Г. Кана⁵⁴.

В-пятых, возникла проблема последствий применения ЯО для человечества. В 1980-х годах ученые разработали концепцию ядерной зимы: глобальной экологической катастрофы, наступающей, если мощь ядерных взрывов превысит порог 100 мтг. Ее региональным аналогом выступала «ядерная осень»: последствия ограниченного применения ЯО⁵⁵. Такая перспектива не имела ничего общего с классическим (по К. фон Клаузевицу) пониманием победы — ликвидировать оппонента как субъекта международных отношений или принудить его к невыгодному компромиссу. Эти расчеты снижали психологическую вероятность применения ЯО⁵⁶.

Дискуссии 1980-х годов показали снижение фактора сдерживающего потенциала СЯС. Появились проблемы: 1) проработки реалистической альтернативы на случай провала политики сдерживания и 2) возвращения реалистичности стратегии превентивных ядерных угроз. Сама про-

работка концепции выигрываемого ядерного конфликта означала, что потенциал оборонительного сдерживания исчерпан.

1.2. США: переход к «наступательному» сдерживанию

Окончание «холодной войны» поставило перед США вопрос о трансформации концепции ядерного сдерживания. 12 мая 1989 г. президент США Дж. Буш-старший (1989–1993) заявил, что перед Соединенными Штатами стоят более широкие задачи, чем продолжение сдерживания СССР⁵⁷. В марте 1990 г. Комитет начальников штабов признал, что американские СЯС можно использовать для борьбы с угрозами, исходящими от некоторых стран третьего мира. После окончания Первой войны в Персидском заливе (1991) министр обороны США Ричард Чейни призвал Пентагон разработать план войны с региональными противниками, обладающими ОМП⁵⁸.

К этому времени американские эксперты разработали новый комплекс стратегических идей. Во-первых, было признано, что окончание биполярной конфронтации с СССР не привело к решению ключевых стратегических задач США. «Холодная война» не завершилась демонтажом советского военного потенциала, как это произошло с немецким и японским потенциалом после окончания Второй мировой войны. Россия, как и СССР, оставалась единственным государством мира, способным технически уничтожить Соединенные Штаты и вести с ними войну на базе сопоставимых видов вооружений⁵⁹.

Во-вторых, новую направленность получил фактор американского ядерного присутствия на территории союзников. В Вашингтоне прогнозировали, что с исчезновением «советской угрозы» возникнет вопрос о целесообразности продолжения американского присутствия за рубежом⁶⁰. Американские эксперты опасались начавшихся в 1989–1990 гг. дискуссий о возможности модификации американско-японского договора 1961 г., возрождении Западно-Европейского союза (ЗЕС) и преобразовании НАТО в политический блок на основе французских предложений 1990 г. Развитие тревожащих тенденций в НАТО совпало с предложением советской дипломатии создать модель «безблоковой Европы» на основе ведущей роли СБСЕ⁶¹.

В-третьих, американские эксперты разработали концепцию контрраспространения (*counter-proliferation*)⁶². Речь шла о возможности использования механизмов принуждения для пресечения распространения ОМП. На официальном уровне эта концепция была применена министром обороны США Л. Эспиным 7 декабря 1993 г. В ядерной политике США появилось новое направление: комплекс силовых и па-

расиловых действий, направленных на принудительное разоружение «опасных» с точки зрения Вашингтона режимов.

В-четвертых, американские эксперты возродили концепцию принуждения (*compellence*). Ее основы были разработаны в 1960-х годах американскими исследователями Александром Джорджем и Ричардом Смоуком⁶³. «Принуждение» виделось им как стратегия наказания оппонента за нарушение статуса-кво. В 1990-х годах смысл понятия «принуждение» расширился. В 1998 г. группа американских и британских экспертов под руководством Лоуренса Фридмана объявила целью стратегии принуждения навязывание противнику соглашения и обеспечение контроля за его выполнением⁶⁴. Моделью «принуждения» считалась Первая война в Заливе (1990–1991), завершившаяся выводом иракских войск из Кувейта, созданием «бесполетных зон» над Ираком и свертыванием иракских программ создания ОМП под контролем ООН и МАГАТЭ⁶⁵.

Еще при администрации Дж. Буша-старшего в ноябре 1992 г. при министерстве обороны США была создана специальная комиссия по повышению гибкости американского ядерного планирования (*Strategic Planning Group*). 29 октября 1993 г. министр обороны США Лесс Эспин заявил о начале работы по пересмотру системы ядерного планирования. Политика ядерного сдерживания была разделена на три уровня.

Первый уровень — продолжение традиционной политики ядерного сдерживания России. Принятый 18 сентября 1994 г. «Обзор ядерной политики США»⁶⁶ зафиксировал, что российские СЯС остаются приоритетной угрозой для национальной безопасности Соединенных Штатов. 5 января 1995 г. министр обороны США Уильям Перри провозгласил переход в отношениях с Россией к доктрине взаимно гарантированной безопасности (*mutually assured safety*)⁶⁷. Если российское руководство действовало в соответствии с набором «демократических ценностей», администрация Уильяма Клинтона соглашалась продолжать переговоры о сокращении стратегических наступательных вооружений. В случае отказа Вашингтон оставлял за собой право иметь потенциал воссоздания СЯС до уровня конца 1980-х годов. Американские СЯС сохраняли при этом высокие контрсиловые возможности⁶⁸.

Второй уровень — сдерживание КНР. В 1989–1994 гг. американские аналитики пришли к выводу, что КНР может стать новой сверхдержавой и потому потенциально опасна для США. Тревожные настроения усилились в середине 1990-х годов, когда Китай показал готовность применить силу против Тайваня⁶⁹. Появились публикации о переходе Пекина к экспансии с целью установления контроля над Южно-Ки-

тайским морем, Непалом, Вьетнамом и пограничными районами с Индией⁷⁰. Гипотетическое американско-китайское столкновение виделось в Вашингтоне как подготовленное вмешательство США в конфликт Пекина с кем-либо из его соседей.

Третий уровень — *применение концепции сдерживания к региональным державам*. Возможность использования силы против нарушителей режима нераспространения⁷¹ была зафиксирована в президентской директиве № 18 (PDD/NSC 18), подписанной президентом У. Клинтон 18 декабря 1993 г.⁷² «Обзор ядерной политики США» 1994 г. рассматривал предотвращение распространения ОМП (*preventing proliferation*) как одну из приоритетных задач ядерной стратегии США. 21 июня 1995 г. была издана директива президента США № 39 (PDD/NSC 39), которая включила в понятие «контрраспространение» борьбу за предотвращение попадания ОМП в руки террористических групп. В ноябре 1997 г. была издана президентская директива № 60 (PDD/NSC 60), которая допускала возможность нанесения разоружающих ударов по местам хранения и производства ОМП⁷³.

Дискуссии о возможности применения силы (включая ЯО) против «государств-изгоев» позволили США вернуться к проблеме развертывания ПРО⁷⁴. Закон о противоракетной обороне США 1991 г. предписывал свертывание программы СОИ и установление в качестве приоритета развертывания ПРО — театра военных действий (ТВД). Но с 1995 г. Пентагон приступил к реализации программы «3+3»: создание пограничных систем «заатмосферного перехвата» как компонентов стратегической ПРО. После испытаний КНДР баллистической ракеты «Тэпходонг-2» (31 августа 1998 г.) в конгрессе усилились дискуссии о растущей ракетной опасности со стороны «государств-парий» (*parish-state*). С января 1999 г. Белый дом ставил перед Россией вопрос о модификации Договора по ПРО (1972), угрожая в случае ее отказа выйти из него.

Следующий шаг в трансформации концепции сдерживания был сделан в начале XXI в. Эксперты 2000-х годов (Патрик Морган, Джеймс Ритц, Джеффри Ларсен, Дж. Квестор, Майкл О'Хэнлон⁷⁵) фиксировали рост опасности применения ЯО в ходе региональных конфликтов. Наиболее реалистичными сценариями перехода через ядерный порог им виделись следующие:

- конфликт США с государством-нарушителем;
- конфликт между новыми ядерными субъектами;
- распад ядерного государства;
- использование ЯО транснациональными террористическими сетями;

- ответные меры «легальных» ядерных держав на акты ядерного терроризма.

На этой основе в официальных документах администрации Дж. Буша-младшего расширялась трактовка понятия «ядерное сдерживание». Четырехлетний Обзор ядерной политики США 2001 г. включал в политику сдерживания четыре элемента: гарантии безопасности союзникам США, дипломатическое воздействие на противника с целью предотвращения агрессии с его стороны, сдерживание посредством угрозы нанесения неприемлемого ущерба и достижение быстрой победы в случае начала военных действий⁷⁶. Обзор ядерной политики США 2002 г.⁷⁷ предполагал осуществить переход к новой структуре стратегической триады: ударные наступательные системы (ядерные и конвенциональные), оборонительные системы (ПРО, ПВО, средства гражданской обороны), обновленная инфраструктура, замкнутая на информационно-космические телекоммуникации новой системы. В Доктрине совместных операций с применением ядерного оружия (2005) постулировалась возможность превентивного применения ЯО в локальных конфликтах⁷⁸. Техническим обеспечением концептуальных подвижек были призваны стать два проекта: развертывание системы стратегической ПРО и создание сверхмалого ЯО для поражения заглубленных целей (*bunker-busters*).

Следующая волна модернизации ядерного сдерживания пришла на вторую половину 2000-х годов. К этому времени в американской литературе появился целый пласт тревожных сообщений о модификации СЯС России и КНР. Примерно с 2005 г. американские эксперты стали обсуждать два сценария использования ЯО. Первый — обретение США способности нанести контрсилевой удар по СЯС России и КНР в условиях стратегической неуязвимости американской территории⁷⁹. Второй — обретение Россией и КНР способности использовать ограниченное количество ЯО в региональных конфликтах для достижения превосходства над США.

В 2007–2008 гг. министр обороны Роберт Гейтс выступал с тревожными заявлениями о необходимости укрепить американские СЯС⁸⁰. Представления о России и КНР как о потенциальных противниках были закреплены в Стратегии национальной обороны США 2008 г.⁸¹ Скептики утверждали, что в основе дискуссий лежит стремление Пентагона увеличить военные заказы. Но «второй тайваньский кризис» (2005) и позиция Белого дома по поводу «пятидневной войны» в Южной Осетии (2008) доказали, что Пентагон рассматривает возможность региональных конфликтов с Россией и КНР (включая использование ЯО) в практическом ключе.

После «пятидневной войны» 2008 г. возможность ограниченного столкновения между Россией и США перестала казаться «запредельным» сценарием. Между тем, по оценке министра обороны США Роберта Гейтса⁸², Российская армия продемонстрировала способность «варварски, но эффективно» блокировать действия американских высокоточных систем и низкую степень уязвимости своей авиации для американских информационно-космических систем. (По логике: можно ли полагаться на высокоточное оружие в условиях, когда противник применяет обычные вооружения для тотального, а не селективного поражения целей?) Министр обороны считал, что США следует попытаться изменить соотношение стратегических потенциалов с Россией.

Наработки Р. Гейтса легли в основу условно принятой администрацией Б. Обамы стратегии минимального сдерживания (*minimal deterrence*). Основные идеи ее были «вброшены» американскими экспертами весной 2009 г. (см. гл. 10)⁸³. В дальнейшем они в модифицированном виде использовались в программных документах по ядерной стратегии США 2010–2011 гг.⁸⁴. Ее основу составляют ряд приоритетных направлений:

- переход к сдерживанию на основе более низких потолков;
- развитие противоракетных технологий;
- развитие высокоточного оружия в неядерном оснащении;
- сохранение принципа возвратного потенциала: сокращения СЯС посредством складирования, а не сокращения ядерных боезарядов;
- сокращение ТЯО при одновременном сохранении американского ядерного присутствия на территории союзников.

Стратегия минимального сдерживания предусматривает многовариантность действий. Американские СЯС остаются нацеленными на различные типы стратегических объектов потенциальных противников. Это позволяет США наносить ядерные удары как по всему стратегическому потенциалу, так и по выборочным объектам, включая ее СЯС. Новым вариантом этой стратегии стала провозглашенная в 2010 г. приоритетность нацеливания американских СЯС на ключевые объекты экономической инфраструктуры.

Такой подход требовал сокращения избыточных ядерных потенциалов. Еще в 2007 г. в Соединенных Штатах часть экспертного сообщества выступала за сокращение ядерных потенциалов⁸⁵. В Пражской речи 5 апреля 2009 г. президент Барак Обама заявил о поддержке этих проектов⁸⁶. Среди мероприятий в ходе их реализации президент

предлагал начать переговоры с Россией о глубоком сокращении СЯС и ТЯО, укрепить ДНЯО и усилить контроль за оборотом расщепляющихся материалов. Особое внимание было отведено развертыванию ПРО, чтобы показать «нарушителям» всю бесперспективность их стратегии. Эксперты разрабатывали сценарий перехода к «виртуальному сдерживанию» (*virtual deterrence*)⁸⁷, состоянию, когда ЯО снято с оперативно развернутых носителей. Выполнение этих предложений вела к ослаблению потенциалов сдерживания России и КНР при сохранении превосходства США в обычных вооружениях.

Реализация программных положений стратегии минимального сдерживания ставит под сомнение возможность взаимно гарантированного уничтожения. Это может повысить соблазн у США как более сильной стороны пойти на силовое давление или даже развязывание ограниченного конфликта.

1.3. Россия: принятие логики гибкого реагирования

Сложнее применять концепции сдерживания к анализу ядерной политики России. В СССР понятие «ядерное сдерживание» на официальном уровне не использовалось. Большая часть документов по ядерной стратегии СССР остается закрытой. Реконструкция проводится на основе мемуарной литературы и дискуссий в периодических изданиях военно-политического профиля. Для анализа ядерной политики СССР американские аналитики изобрели такие понятия, как «*доктрина Устинова*» (разделение понятий «ядерная война» и «война с применением ЯО») и «*доктрина Брежнева*» (ориентация СССР на большую неядерную войну)⁸⁸. Доказать либо опровергнуть правомерность подобных построений на базе имеющихся документов невозможно.

До середины 1960-х годов в советской стратегии преобладал взгляд на ЯО как на одно из средств ведения войны⁸⁹. Основой считалась высказанная в 1946 г. точка зрения И. В. Сталина, что судьба третьей мировой войны будет решаться не атомными бомбардировками, а такими постоянно действующими факторами, как прочность тыла, моральный дух армии, количество и качество дивизий, вооружение армии, организаторские способности начальствующего состава армии. Создание РВСН в 1959 г. виделось советским стратегам (Р. Я. Малиновский, С. М. Штеменко, С. Н. Бирюзов) как средство уравнивания возможностей СССР и США.

Перелом в советском понимании роли ЯО произошел примерно во второй половине 1960-х годов. Официально Советский Союз отрицал стратегию гибкого реагирования. «Концепция ограниченной ядерной

войны в советской военной теории считается несостоятельной, так как удержать ядерную войну в каких-либо заранее определенных рамках практически невозможно», — указывалось в «Военном энциклопедическом словаре» 1983 г.⁹⁰ Но параллельно советские стратеги этого периода (С. П. Иванов, В. Г. Куликов, А. А. Гречко, Д. Ф. Устинов, И. Г. Павловский) выделяли пять типов возможных конфликтов:

- скоротечная полномасштабная ядерная война;
- продолжительная ядерная война с использованием всех типов вооруженных сил;
- большая война с применением ограниченного количества ЯО;
- большая война с применением обычного оружия;
- локальная война с применением обычного оружия⁹¹.

В 1970-х годах под руководством генерала армии И. Г. Павловского велась разработка теории глубокой наступательной операции: взаимодействия сухопутных войск со средствами и во взаимодействии с другими видами вооруженных сил для обеспечения наступления на всю глубину оперативного построения противника. Целью такой операции было стратегическое наступление в более высоком темпе и на значительно большую глубину, чем это происходило на заключительном этапе Великой Отечественной войны. Одновременно ряд крупных военачальников (И. Г. Павловский, А. А. Гречко, Н. В. Огарков) осмыслили ядерный конфликт в классических категориях победы и поражения⁹². «Советская военная мысль, — указывалось в коллективном труде «Военно-технический прогресс и Вооруженные Силы СССР» (1982), — разработала способы ведения военных действий как с применением, так и без применения ядерного оружия»⁹³. Эти наблюдения показывают, что на практике СССР следовал многим положениям стратегии гибкого реагирования, включая проработку вариантов удерживания гипотетического конфликта в Европе и на Дальнем Востоке на доядерном уровне. В соответствии с концепцией гибкого реагирования советские военно-технические программы с конца 1960-х годов были нацелены на повышение контрсилловых возможностей СЯС (от создания РГЧ ИН до постановки на боевое дежурство мобильных МБР железнодорожного и грунтового базирования)⁹⁴.

Новым направлением советской ядерной стратегии стала проработка в 1980-х годах концепции асимметричного ответа на американскую программу СОИ⁹⁵. Тревогу советских экспертов вызывал тот факт, что администрация Р. Рейгана в программе СОИ делала упор на «экзотические» средства поражения ракет и боеголовок: различные

виды лазеров, пучковое оружие, электродинамические ускорители массы. Советская концепция «асимметричного ответа» предполагала повышение устойчивости СЯС по отношению к упреждающему удару противника, увеличение способности СЯС по преодолению ПРО и развитие средств поражения и нейтрализации ПРО, особенно ее космических компонентов.

Российская Федерация строила ядерную политику на иной основе. В начале 1990-х годов эксперты пришли к выводу, что Москва не сумеет удержать паритет с НАТО по обычным вооружениям. Это повышало роль ядерного компонента военной политики. В проекте «Концепции национальной безопасности РФ» (март 1995 г.) основной задачей российских СЯС было объявлено ядерное сдерживание. В обеих редакциях «Концепции национальной безопасности РФ» (1997 и 2000 гг.)⁹⁶ фиксировалась задача проводить политику ядерного сдерживания с целью предотвращения военной агрессии против России и ее союзников.

Параллельно Российская Федерация снизила ядерный порог. Советский Союз в 1982 г. взял на себя обязательство не применять ЯО первым. (В устной форме оно прозвучало еще в Тульской речи Л. И. Брежнева 6 ноября 1977 г.) В «Основных положениях Военной доктрины РФ» (Указ Президента РФ от 2 ноября 1993 г. № 1833) это обязательство было исключено. Подвижки закреплялись в Военной доктрине РФ от 21 апреля 2000 г. Она допускала возможность применения ЯО для отражения агрессии с применением как ядерных, так и обычных вооружений⁹⁷.

В начале XXI в. Российская Федерация продолжала снижать ядерный порог. В 2003 г. министр обороны С. Б. Иванов заявил о праве России наносить упреждающие удары по изготовившемуся к агрессии противнику. В сентябре 2004 г., сразу после теракта в Беслане, было заявлено о праве России наносить удары по базам террористов в любой точке мира (правда, при этом подчеркивалось, что такие удары будут наноситься в неядерном оснащении). В 2005 г. соответствующая поправка была внесена в Военную доктрину РФ. Перед российскими СЯС ставились новые задачи:

- демонстрация решимости в период существования угрозы путем: 1) повышения уровня боевой готовности СЯС; 2) проведения учений и 3) изменения дислокаций отдельных их компонентов;
- деэскалация агрессии угрозой нанесения ударов различного масштаба с использованием обычных и/или ядерных средств поражения;

- подтверждение готовности применить отдельные компоненты СЯС в ходе боевых действий посредством проведения соответствующих демонстраций⁹⁸.

С конца 1990-х годов в России выходили работы, посвященные опасности развертывания американской системы ПРО для сохранения стратегической стабильности⁹⁹. В 1999–2000 гг. российские аналитики заявляли, что в ответ на выход США из Договора по ПРО Москва может выйти из Договора о всеобъемлющем запрете ядерных испытаний (ДВЗЯИ), Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности РСМД (1987) и СНВ-1 (1991). Но на официальном уровне тезис об адекватном ответе на ПРО прозвучал только в Мюнхенской речи президента Владимира Путина 10 февраля 2007 г.¹⁰⁰ Впервые с 1985 г. Россия заявила о возможности противодействия недружественным действиям США (в данном случае имелось в виду расширение НАТО и размещение ЕвроПРО) военными средствами. Для демонстрации серьезности своих намерений Россия приостановила участие в ДОВСЕ (13 июля 2007 г.) и возобновила замороженные в 1992 г. регулярные полеты стратегической авиации (17 августа 2007 г.).

Политика «перезагрузки» 2009–2011 гг. не принесла изменений в российскую ядерную стратегию. В ходе дебатов по Договору СНВ-3 российские эксперты фиксировали три потенциальные опасности: наращивание американских систем ПРО в условиях сокращения российских СЯС, развитие США потенциала высокоточного оружия и возможность запуска совместных американо-британских ядерных программ в условиях, при которых Лондон не скован ограничениями Пражского договора. Россия ратифицировала СНВ-3 с тремя условиями: увязка переговоров по стратегическим наступательным и оборонительным вооружениям, модернизация российского ядерного комплекса и возможность выхода из договора в случае наращивания потенциала американской ПРО.

Подвижки 2000-х годов были закреплены в Военной доктрине РФ 2010 г.¹⁰¹ В документе указывалось, что ЯО будет оставаться важным фактором предотвращения ядерных военных конфликтов и военных конфликтов с применением обычных средств поражения. Для России в качестве военных опасностей выступают создание и развертывание систем стратегической ПРО, милитаризация космического пространства, развертывание стратегических неядерных систем, распространение ОМП, ракет и ракетных технологий, расширение «ядерного клуба». В документе содержится подтверждение, что Россия «оставляет за со-

бой право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и/или ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозой поставлено само существование государства».

1.4. Элементы «наступательного» сдерживания в политике других ядерных держав

Иные концепции использования ЯО существуют у ядерных держав «второго плана». Эти страны не имеют в своем распоряжении достаточного количества боезарядов и средств доставки для ликвидации стратегических потенциалов России и США. Возможности их ядерных сил позволяют наносить только ограниченные удары, преимущественно средней и меньшей дальности. Несмотря на это, Франция, Великобритания, КНР переходят от «оборонительного» к «наступательному» сдерживанию.

Эта тенденция наиболее заметна в политике *Франции*. Из ядерных держав «второго плана» только Париж официально провозглашал политику ядерного сдерживания. Ее основы разрабатывались в период президентства Шарля де Голля (1958–1969) генералом Пьером-Мари Галлуа, Люсьеном Пуарье и адмиралом Антуаном Сангинетти¹⁰². Французская концепция сдерживания строилась на той идее, что более слабое в военном отношении государство может сдерживать сильное от агрессии посредством угрозы нанесения контрценностного удара¹⁰³. В качестве наиболее вероятных целей для нанесения ядерных ударов выбирались несколько ключевых городов на территории потенциального противника¹⁰⁴. Французская концепция сдерживания включала в себя три составных компонента:

- сдерживание (*dissuasion*): воздействие на волю противника угрозой нанесения контрценностного ядерного удара с целью вынуждения его отказаться от агрессии;
- убеждение (*persuasion*): проведение силовых демонстраций, цель которых состоит в разубеждении агрессора начинать войну;
- оборона (*défence*): прямое применение военной силы в случае, если стратегия сдерживания не сработала и приходится применять силу.

Первоначально такая стратегия носила антисоветский характер. Но в 1964 г. президент Шарль де Голль провозгласил переход к концеп-

ции независимого военного потенциала. Париж отказался участвовать в американском проекте МСЯС (1962) и вышел из военной организации НАТО (1966). В 1967 г. начальник Главного штаба Вооруженных сил Франции генерал Шарль Айере заявил, что отныне Франция намерена осуществлять оборону «по всем азимутам». В Вашингтоне и Лондоне опасались, что часть французских ядерных сил нацелена на американские и британские объекты.

Первая трансформация французской политики сдерживания пришла на 1970-е годы. В «Белой книге по вопросам обороны» 1972 г. фиксировалась необходимость расширять взаимодействие Франции в военной сфере со странами Европейского сообщества. В рамках Оттавской декларации 1974 г. президент Валери Жискар д'Эстен (1974–1981) признал целесообразность взаимосвязи ядерных сил Великобритании и Франции в общей системе сил сдерживания Североатлантического альянса. В декабре 1974 г. В. Жискар д'Эстен подписал на острове Мартиника совместное коммюнике с президентом США Джеральдом Фордом, в котором высказывалось намерение продолжать поддерживать тесные отношения в области обороны в качестве членов НАТО¹⁰⁵. На Вильямсбургской встрече стран «Группы семи» в мае 1983 г. президент Франции Франсуа Миттеран (1981–1995) согласился с тезисом о неделимости безопасности Запада и заявил о готовности дополнить американские ядерные гарантии своими средствами сдерживания.

Вторая волна трансформации французской политики сдерживания произошла при президенте Николя Саркози (2007–2012). Его подход был обозначен как «сдерживание в рамках атлантизма». В марте 2009 г. Франция вернулась в военную организацию НАТО. Париж оставил в силе три принципа, провозглашенные в 1964 г. Ш. де Голлем: 1) самостоятельное решение Францией об участии в операциях НАТО; 2) отказ предоставлять в мирное время французский контингент под командованием НАТО; 3) французские ядерные силы остаются исключительно под национальным командованием. Ливийская война 2011 г. стала прецедентом участия Франции в военной операции в качестве полноправного члена НАТО.

«Белая книга по вопросам обороны» 2008 г. изменила концепцию сдерживания¹⁰⁶. Понятие «разубеждение» было заменено на «предвосхищение и осведомленность» (*l'anticipation et conscience*), подчеркивающую значимость разведывательных служб и информационно-космических систем. К стратегии сдерживания добавлялся четвертый компонент — «вмешательство и предупреждение» (*l'intervention et la*

prevention). Речь шла о возможности применять силу на территории, входящей в зону стратегических интересов Парижа: Средиземноморье, Африка, Индийский океан. В «Белой книге» 2008 г. подтверждалось право Парижа на нанесение первого контрценностного ядерного удара.

Иные принципы лежат в основе ядерной политики *Великобритании*. В отличие от Франции британская сторона не разработала оригинальной концепции ядерного сдерживания. В 1950-х годах британские эксперты на основе рекомендаций Ф. Микше разрабатывали схемы применения ТЯО для компенсации советского превосходства в области обычных вооружений (см. гл. 4).

Но Лондон изначально ориентировался на взаимодействие с США в вопросах военной ядерной политики. С 1948 г. на Британских островах базировались американские бомбардировщики, оснащенные атомным оружием, началось строительство совместной СПРН. В конце 1950-х годов Лондон предоставил американским АПЛ право базирования в заливе Холи-Лох (Шотландия).

Завершением этого курса стало включение британских СЯС в американскую систему ядерного планирования. 18 декабря 1962 г. в городе Нассау на Багамских островах президент США Джон Кеннеди и премьер Великобритании Гарольд Макмиллан подписали соглашение об участии Лондона в МСЯС НАТО. Британия согласилась сделать основой своих СЯС американские баллистические ракеты «*Polaris*», размещенные на собственных АПЛ. Однако на них должны были быть установлены британские боеголовки. Вашингтон обещал помогать Лондону в создании средств доставки ЯО. Лондон обязался передавать свои СЯС под объединенное командование НАТО в случае войны.

В обновленном виде «пакт Нассау» действует и в 2010-х годах. Основу британских СЯС составляют четыре атомных подводных ракетносца класса «*Vanguard*» собственного производства. Но размещенные на них баллистические ракеты — это предоставленные Лондону американские ракеты «*Trident-II*». В 2003 г. американцы установили на своих атомных подводных лодках новую систему перенацеливания ракет «*Trident-II*». Подобные системы были установлены и на британских подводных лодках. В случае войны британские и американские СЯС будут автоматически применены вместе.

Оригинальными стали британские дискуссии о возможности ядерного саморазоружения¹⁰⁷. 20 июня 2006 г. Комитет обороны палаты общин опубликовал доклад «Будущее стратегического ядерного сдерживания Великобритании».

«Великобритания должна будет рассмотреть вопрос, остается ли ядерное сдерживание необходимым в текущей стратегической обстановке», — указывалось в докладе¹⁰⁸.

Аргументами в пользу отказа от ЯО послужили: наличие ядерных гарантий со стороны США, отсутствие британских ядерных гарантий союзникам, неиспользование ядерных боезарядов в войнах и опасность нападений террористов на ядерные объекты. В июне 2007 г. министр иностранных дел Маргарет Беккетт поддержала идею «глобального нуля» и заявила, что Британия может стать «лабораторией по разоружению». Эту идею повторил на Конференции ООН по разоружению 12 февраля 2008 г. министр обороны Дэс Браун. В поддержку идеи отказа от ЯО в июне 2008 г. выступила «четверка» британских экспертов: сэр Мальком Рифкинд, лорд Дэвид Оуэн, лорд Дуглас Хард и экс-генеральный секретарь НАТО лорд Дж. Робертсон¹⁰⁹.

Реализация подобных проектов могла бы сделать Великобританию первой ядерной державой, отказавшейся от ЯО. Но 12 мая 2010 г. консерватор Дэвид Кэмерон сформировал первое в послевоенной истории страны коалиционное правительство.

Кабинет Д. Кэмерона взял курс на проведение наступательной внешней политики, получившей в СМИ название «неоимперская». В октябре 2010 г. был опубликован новый стратегический обзор оборонной политики Великобритании «Обеспечение безопасности Соединенного Королевства в эпоху нестабильности»¹¹⁰. В документе подчеркивалась приверженность Лондона политике ядерного сдерживания, основанной на морском компоненте, а также программе 2006 г. по обновлению БРПЛ «*Trident-II*» и замене ПЛАРБ класса «*Vanguard*». Общее количество ЯО при этом снижалось до 180 единиц, из которых в боевой готовности находилось не более 120 единиц. О проблемах разоружения упоминалось только в контексте глобальных инициатив ООН.

В отличие от Франции и Великобритании *Kumai* не определял свою ядерную политику в категориях сдерживания. После создания ЯО в 1964 г. правительство Мао Цзэдуна взяло на себя два ограничения: не применять ЯО первой, а также против неядерных государств. Пекин не пошел по пути России, пока не пересмотрел своих обязательств. Это, а также техническая слабость китайского ядерного потенциала блокируют возможность формулирования КНР концепции ядерного сдерживания.

Концептуальные основы китайской ядерной доктрины стали известны только в 1980-х годах. Первая концепция, концепция локальных войн, не предполагала использования ЯО. Вторая, концепция

ограниченного ответного ядерного удара, предполагала строительство компактных ядерных сил, способных выполнять боевые задачи в разнотипной военно-политической обстановке и в любых военно-стратегических условиях. Это означало отказ руководства КНР от идеи достижения паритета с СССР (Россией) и США.

Новые тенденции появились в ядерной политике КНР в начале XXI в. В 2004 г. генеральный секретарь ЦК КПК Ху Цзиньтао указывал на увеличение роли КНР в системе международной безопасности. В «Белой книге» 2008 г. подчеркивалась важность создания мирного окружения для укрепления экономического потенциала КНР¹¹¹. Есть данные о разработке в Китае концепции активной обороны, предполагающей проведение полномасштабной ответной атаки против агрессора и нанесение ударов по его уязвимым местам — например, военным базам США на Тихом океане¹¹². Однако руководство КНР не огласило нового подхода к функциональной роли ЯО в своей военно-политической стратегии.

Новым направлением китайской ядерной политики может стать новая морская стратегия КНР. В ее основе лежит концепция «нить жемчуга», разработанная в 2010 г. профессором Фуданьского университета (Шанхай) Шень Динли¹¹³. Речь идет о создании серии военно-морских баз на всем пути транзита углеводородов от Ближнего Востока до КНР. Такой вариант предусматривает строительство КНР океанского флота и усиление морского компонента СЯС. Это объективно усилит комплекс противоречий КНР с соседними странами (от Японии до Вьетнама и Малайзии) и даст новый импульс развитию американских концепций сдерживания Китая (*containment of China*).

Понятие «сдерживание», сложившееся в рамках американской стратегической культуры, за минувшие полвека стало утрачивать национальную специфику. Россия, Франция, Великобритания и даже КНР занимали многие компоненты этой стратегии. «Легальные» ядерные державы переориентировали свои ядерные доктрины на взятие в заложники стратегических объектов потенциального противника и воздействие на него угрозой нанесения неприемлемого ущерба. Такая политика опирается на два фундаментальных условия: 1) рационализм игроков и 2) убежденность противоположной стороны, что страна, проводящая политику сдерживания, готова пойти на применение ЯО.

При этом Соединенные Штаты и другие члены «ядерного клуба» по-разному понимают суть наметившегося «наступательного сдерживания». Для США речь идет прежде всего о принуждении России, КНР и неле-

гальных ядерных держав к сокращению ядерных потенциалов. Для Москвы и Пекина важнее стимулировать США отказаться от недружественных по отношению к ним шагов. Формирующийся франко-британский тандем пока больше координирует свои действия с Вашингтоном, хотя теоретически он может усилить автономию своей ядерной политики. Такие тенденции могут нарастить конфликтный потенциал в отношениях США и их союзников с другими ядерными державами.

Примечания

¹ Ядерное сдерживание и нераспространение / Под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. М.: Московский центр Карнеги, 2005; *Кокошин А. А.* Ядерные конфликты в XXI веке (типы, формы, возможные участники). М.: Медиа-Пресс, 2003; *Levi M. A., O'Hanlon M.* The Future of Arms Control. Washington: Brookings Institution Press, 2005.

² *Кокошин А. А.* Обеспечение стратегической стабильности в прошлом и настоящем. М.: КРАСАНД, 2009; Ядерная перезагрузка: сокращение и нераспространение вооружений / Под ред. А. Г. Арбатова, В. З. Дворкина. М.: РОССПЭН, 2011. Getting to Zero: The Path to Nuclear Disarmament / Ed. by Catherine McArdle Kelleher and Judith Reppy. Stanford, CA: Stanford University Press, 2011; *Cortright D., Vayrynen R.* Towards Nuclear Zero. L.: International Institute for Strategic Studies. Arundel House, 2010.

³ Подробнее о характере наступательного и оборонительного сдерживания см.: *Косолапов Н. А.* Ядерное сдерживание в постбиполярном мире // Лента. Политика. 07.04.2009. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rondon.org/polit-090407122456>.

⁴ См., например: *Арбатов А. Г.* Оборонная и достаточная безопасность. М., 1990; *Кокошин А. А.* Ядерное сдерживание в XXI веке. М., 2003.

⁵ Цит. по.: *Шлезингер А.* Циклы американской истории. М.: Издательская группа «Прогресс-Академия», 1992. С. 80–81.

⁶ Историю становления военно-политических концепций США в XIX в. см.: *Graebner N. A.* Ideas and Diplomacy: Readings in the Intellectual Tradition of American Foreign Policy. N.Y.: Oxford University Press, 1964. Подробнее эта проблема рассматривается в главе 8 настоящей работы.

⁷ The Long Telegram by George F. Kennan // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://en.wikisource.org/wiki/The_Long_Telegram.

⁸ Главный противник: Документы американской внешней политики и стратегии 1945–1950 гг. / Пер. с англ.; сост. и авт. вступ. ст. И. М. Ильинский. М.: Изд-во Московского гуманитарного ун-та, 2006. С. 175–210.

⁹ Там же. С. 378–452.

¹⁰ *Dulles J. F.* A Policy of Boldness // Life. 1952. May 19. P. 151.

¹¹ Подробный анализ становления концепций сдерживания см.: *Freedman L.* Deterrence. Cambridge: Policy Press, 2004. В английском языке существует

даже специальный термин «*denial*», который можно перевести как «разубеждение посредством устрашения».

¹² *Overy R. J.* Air Power and the Origins of Deterrence theory before 1939 // *Journal of Strategic Studies*. March 1992. Vol. 15. No 1. P. 73–101.

¹³ *Morgan P.* Deterrence Now. N.Y.: Cambridge University Press, 2003.

¹⁴ См.: *Веселов В. А., Лусс А. В.* Ядерное сдерживание. М.: Макс Пресс, 2005. С. 22–39.

¹⁵ Подробный анализ становления концепций сдерживания см.: *Rosenberg D.* The Origins of Overkill: Nuclear Weapons and American Strategy, 1945–1960 // *International Security*. Spring, 1983. Vol. 7. No 4. P. 3–71.

¹⁶ *Rhodes R.* The Making of the Atomic Bomb. Simon & Schuster Paperbacks, 1986. P. 753.

¹⁷ *The Absolute Weapon: Atomic Power and World Order* / Ed. by Bernard Brodie (editor and contributor). Harcourt, 1946.

¹⁸ *Rhodes R.* Dark Sun. The Making of the Hydrogen Bomb. N.Y.: Simon and Shuster, 1995; *Holloway D.* Stalin and the Bomb. The Soviet Union and Atomic Energy. 1939–1956. New Haven; L.: Yale University Press, 1994.

¹⁹ О неоднозначности итогов воздушных боев в Корейской войне см.: *Тенсуркаев Ю. Г., Крылов Л. Е.* «Сталинские соколы» против «Летающих крепостей». Хроника воздушной войны в Корее. 1950–1953. М.: Яуза; Эксмо, 2008.

²⁰ *Kaplan S.* The Wizards of Armageddon. N.Y., 1983. P. 181–182.

²¹ *Wohlstetter A.* The Delicate Balance of Terror // *Foreign Affairs*. January 1959. Vol. 37. No 2. P. 211–234.

²² *Тэйлор М.* Ненадежная стратегия. М.: Воениздат, 1961. С. 41–45.

²³ *Kaufmann W.* The Requirements of Deterrence // Center for International Studies Memorandum. Princeton University, 1954. No 7.

²⁴ Подробнее о теории игр см.: *Snidal D.* The Game Theory of International Politics // *World Politics*. Oct., 1985. Vol. 38. No 1. P. 25–57; *Gates S., Humes B.* Games, Information and Politics. Applying Game Theoretic Models to Political Science. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1997. В отечественной литературе попытка комплексного анализа теории игр была предпринята в статье: *Дягтерев Д.* Зарубежные работы по теории игр // *Международные процессы*. Т. 7. 2009. Май–август. № 2 (20). С. 58–72.

²⁵ См., например: *Bellman R., Blackwell D., LaSalle J.* Application of Theory of Games to Identification of Friend and Foe. Rand Corporation, 1949; *Flood M.* A Game Theoretic Study of the Tactics of Area Defense. Rand Corporation, 1948; *Haywood O. G.* Military Doctrine of Decision and the Von Neumann Theory of Games. Rand Corporation, 1951; *Williams J. D.* The Compleat Strategyst. Being a Primer on the Theory of Games of Strategy. Rand Corporation, 1954. Русский перевод этой работы см.: *Вильямс Дж. Д.* Совершенный стратег или букварь по теории стратегических игр / Пер. с англ. М.: Советское радио, 1960.

²⁶ *Trachtenberg M.* History and Strategy. Princeton: Princeton University Press, 1991. P. 20–25; *Кокочиш А. А.* Обеспечение стратегической стабильности в прошлом и настоящем: Теоретические и прикладные вопросы. М.: КРАСНАНД, 2009. С. 79.

²⁷ A Report to the National Security Council by the Executive Secretary on the National Security Policy. 20 October 1953. URL: <http://www.fas.org/irp/offdocs/nsc-hst/nsc-162-2.pdf>.

²⁸ *Dulles J. F.* The Evolution of Foreign Policy. 12 January 1954. Department of State, Press Release No. 81. URL: http://www.nuclearfiles.org/menu/key-issues/nuclear-weapons/history/cold-war/strategy/article-dulles-retaliation_1954-01-12.htm.

²⁹ Системная история международных отношений в четырех томах. 1918–2003. Т. 3. События 1945–2003 / Под ред. А. Д. Богатурова. М.: НОФМО, 2003.

³⁰ *Микше Ф. О.* Атомное оружие и армии / Пер. с англ. М.: Изд-во иностранной литературы, 1956. Подробный анализ идей Ф. Микше приведен в работе: *Брезкун С., Михайлов В.* Добро или зло? Философия стабильного мира. М.; Саров, 2002. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.iss-atom.ru/dobro/chapt-16.htm>.

³¹ *Kissinger H.* Nuclear Weapons in Foreign Policy. N.Y.: Harper for Council on Foreign Relations, 1957.

³² *Osgood R.* Limited War: The Challenge to American Strategy. Chicago: University of Chicago Press, 1957.

³³ *Shelling T.* The Strategy of Conflict. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1960.

³⁴ *Kahn H.* On Thermonuclear War. Princeton: Princeton University Press, 1961; *Idem.* On Escalation: Metaphors and Scenarios. N.Y.: Praeger, 1965.

³⁵ Подробный анализ см.: *Gaddis J.* Strategies of Containment: A Critical Appraisal of Postwar American National Security. Oxford: Oxford University Press, 1982.

³⁶ Подробно этот вопрос исследован в работе: *Deitchman S. J.* Limited War and American Defense Policy. Cambridge-Mas.: The M.I.T. Press. Massachusetts Institute of Technology, 1964.

³⁷ Цит. по.: *Арбатов А. Г.* Военно-стратегический паритет и политика США. М.: Политиздат, 1984. С/ 15.

³⁸ Цит. по.: *Рогов С. М.* Советский Союз и США: поиск баланса интересов: М.: Международные отношения, 1989. С. 75.

³⁹ National Security Decision Memorandum. No 242. 17 January 1974. Federation of American Scientist. URL: http://www.fas.org/irp/offdocs/nsdm-nixon/nsdm_242.pdf.

⁴⁰ Presidential Directive No 59. 25 July 1980 Federation of American Scientist. URL: <http://www.fas.org/irp/offdocs/pd/pd59.pdf>.

⁴¹ National Security Decision Directive No 13. 19 October 1981. Federation of American Scientist. URL: <http://www.fas.org/irp/offdocs/nsdd/nsdd-12.pdf>.

⁴² *Макнамара Р.* Путем ошибок — к катастрофе. Опыт выживания в первом веке ядерной эры. М.: Наука, 1988. С. 29–30.

⁴³ Подробнее об этих дискуссиях см.: *Powell R.* Nuclear Deterrence Theory: The Search for Credibility. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

⁴⁴ *Clark I.* Limited Nuclear War. Political Theory and War Convention. Oxford: Martin Robinson. P. 24–25.

⁴⁵ *Ibid.* P. 36.

⁴⁶ *Trachtenberg M.* The Influence of Nuclear Weapons in the Cuban Missile Crisis // *International Security*. Summer 1985. Vol. 10. No 1. P. 137–163.

⁴⁷ Детали см.: *Gilpin R.* War and Change in World Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.

⁴⁸ Наиболее подробно этот вопрос был изучен американским военным экспертом Брюсом Блэйром. См.: *Blaire B.* The Logic of Accidental Nuclear War. Washington: Brookings Institution Press, 1993.

⁴⁹ Подробный анализ см.: *Jervice R.* Deterrence and Perception // *International Security*. Winter 1982/83. Vol. 7. No 3. P. 183–207.

⁵⁰ *Modelski G., Morgan P.* Understanding Global War // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 25. P. 677–708; *Morgan P.* Deterrence. A Conceptual Analysis. Beverly Hills: Sage, 1983.

⁵¹ *Halperin M.* Nuclear Fallacy: Dispelling the Myth of Nuclear Strategy. Cambridge: Ballinger, 1987; *Amm C. H.* NATO Strategy and Nuclear Defence. N.Y.: Greenwood Press, 1988.

⁵² *Jervice R.* The Illogic of American Nuclear Strategy. Ithaca: Cornell University Press, 1989.

⁵³ *Mueller J.* The Essential Irrelevance of Nuclear Weapons: Stability in the Post-war World // *International Security*. Fall 1988. Vol. 13. No 2. P. 55–79.

⁵⁴ *Sagan S. D.* Nuclear Alerts and Crisis Management // *International Security*. Spring 1985. Vol. 9. No 4. P. 99–139.

⁵⁵ См.: Климатические и биологические последствия ядерной войны. М.: Наука, 1986; *Чазов Е. И.* и др. Опасность ядерной войны. Точка зрения советских ученых-медиков. М.: Агентство печати «Новости», 1982.

⁵⁶ *Living with Nuclear Weapons* / Harvard Nuclear Study Group. Cambridge, M.A.: Harvard University Press, 1983.

⁵⁷ *Bush G.* Remarks at the Texas A&M University Commencement Ceremony in College Station. May 12, 1989. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=17022>.

⁵⁸ *Garthoff R. L.* The Great Transition: American-Soviet Relations and the End of the Cold War. Washington: Brookings, 1994. P. 377; *Веселов В. А., Лусс А. В.* Ядерное сдерживание. М.: МАКС Пресс, 2005. С. 134–135.

⁵⁹ *Garthoff R. L.* The Great Transition: American-Soviet Relations and the End of the Cold War. Washington: Brookings, 1994.

⁶⁰ См.: *Kupchan Ch. A., Kupchan Cl. A.* Concerts, Collective Security and the Future of Europe // *International Security*. Summer 1991. Vol. 16. No 1. P. 116–164.

⁶¹ *Kramer M.* Beyond the Brezhnev Doctrine: A New Era in Soviet-East European Relations? // *International Security*. Winter 1989/90. Vol. 14. No 3. P. 25–67.

⁶² Подробнее см.: *Фененко А. В.* Теория и практика контрраспространения во внешнеполитической стратегии США. М.: КомКнига, 2007.

⁶³ *George A., Smoke R.* Deterrence in American Foreign Policy: Theory and Practice. N.Y.: Columbia University Press, 1974.

⁶⁴ *Strategic Coercion. Concepts and Cases* / Ed. by L. Freedman. Oxford: Oxford University Press, 1998. P. 16.

⁶⁵ *Freedman L., Karsh E.* The Gulf Conflict. 1990–1991: Diplomacy and War in New World Order. Princeton: Princeton University Press, 1993.

⁶⁶ Nuclear Posture Review. 18 September 1994 // Federation of American Scientists. URL: http://www.fas.org/nuke/guide/usa/doctrine/dod/95_npr.htm.

⁶⁷ Pursuing a Strategy of Mutual Assured Safety remarks by Defense Secretary William J. Perry at the National Press Club. Washington, 1995. January 5. URL: <http://www.fas.org>.

⁶⁸ См.: *Boldrick M. L.* The Nuclear Posture Review: Labilities and Risks // U.S. Army War College. Winter 1995/96. URL: <http://www.carlisle.army.mil/usawc/parameters/Articles/1995/1995%20boldrick.pdf>.

⁶⁹ См.: *Jonston A. I.* China's New «Old Thinkings»: The Concept of Limited Deterrence // International Security. Winter 1995/96. Vol. 20. No 3. P. 5–42; *Sigal J.* East Asia and the «Constraint» of China // International Security. Spring 1996. Vol. 20. No 4. P. 107–135. Эти настроения были суммированы в работе: *Gertz B.* The China Threat. How the People's Targets America. Washington, D.C.: Regnery, 2000.

⁷⁰ *Shambaugh D.* Containment or Engagement of China? // International Security. Fall 1996. Vol 21. No 2. P. 180–209; *Ross R. S.* The 1995–96 Taiwan Strait Confrontation: Coercion, Credibility, and the Use of Force // International Security. Fall 2000. Vol. 25. No 2. P. 87–123.

⁷¹ Подробнее см.: *Фененко А. В.* Теория и практика контрраспространения во внешнеполитической стратегии США. М.: КомКнига, 2007.

⁷² Counterproliferation Initiative Presidential Decision Directive PDD / NSC 18. 1993. December. URL: <http://www.fas.org>.

⁷³ PDD / NSC 60. Nuclear Weapons Employment Policy Guidance. 1997. November. URL: <http://www.fas.org>.

⁷⁴ Подробный анализ этой проблемы см.: *Glaser Ch. L., Fetter S.* National Missile Defense and the Future of U.S. Nuclear Weapons Policy // International Security. 2001. Vol. 26. No. 1. P. 40–92.

⁷⁵ См.: *Morgan P.* Deterrence Now. Cambridge: Cambridge University Press, 2003; Nuclear Transformation. The New U.S. Nuclear Doctrine / Ed. by *J. J. Wirtz* and *J. A. Larsen*. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2005; *Quester G. H.* Nuclear First Strike: Consequences of a Broken Taboo. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2006; *Campbell K. M., O'Hanlon M. E.* Hard Power: The New Politics of National Security. N.Y.: Basic Books, 2006.

⁷⁶ Quadrennial Defense Review Report. 2001. September 30. P. 11–16. URL: <http://www.defense.gov/pubs/qdr2001.pdf>.

⁷⁷ Nuclear Posture Review Report. 8 January 2002. Federation of American Scientists. URL: http://www.fas.org/blog/ssp/united_states/NPR2001re.pdf.

⁷⁸ Joint Publication 3–12: Doctrine for Joint Nuclear Operations Final Coordination (2). 15 March 2005. URL: <http://www.globalsecurity.org>.

⁷⁹ *Lieber K. A., Press D. G.* The Rise of U.S. Nuclear Primacy // Foreign Affairs. March/April 2006. Vol. 85. No 2.

⁸⁰ *Gates R. M.* Speech on Nuclear Deterrence. Carnegie Endowment for International Peace. 2008. 30 October. URL: <http://www.america.gov>.

⁸¹ См.: National Defense Strategy. June 2008. P. 9–11. URL: <http://www.defenselink.mil>.

⁸² *Gates R. M.* A Balanced Strategy // Foreign Affairs. January/February 2009. Vol. 88. No 1. P. 28–40.

⁸³ *Kristensen H. M., Norris R. S., Oelrich I.* From Counterforce to Minimal Deterrence: A New Nuclear Policy on the Path Toward Eliminating Nuclear Weapons. Occasional Paper. April 2009. No 7. URL: http://www.fas.org/pubs/_docs/OccasionalPaper7.pdf.

⁸⁴ The Nuclear Posture Review Report. April 2010. URL: <http://www.defense.gov/NPR/docs/2010%20Nuclear%20Posture%20Review%20Report.pdf>.

⁸⁵ *Шульц Дж. П., Перри У. Дж., Киссинджер Г. А., Ханн С.* Мир без ядерного орудия // Портал: ИноСМИ.Ru. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/>. 8 января 2007.

⁸⁶ Remarks by President Barack Obama. Prague, Czech Republic. 2009. 5 April. URL: http://www.whitehouse.gov/the_press_office/Remarks-By-President-Barack-Obama-In-Prague-As-Delivered.

⁸⁷ *Corrigh D., Vayrynen R.* Towards Nuclear Zero. L.: International Institute for Strategic Studies — Arundel House, 2010. P. 144.

⁸⁸ *McGwire M.* Perestroika and Soviet National Security. Washington: Brookings Institution Press, 1991.

⁸⁹ О советской ядерной стратегии см.: *Kokoshin A. A.* Soviet Strategic Thought, 1917–1991. Cambridge (Mass.) — L.: CSIA Studies in International Security, 1998.

⁹⁰ Военный энциклопедический словарь. М.: Воениздат, 1983. С. 842.

⁹¹ *Кокосин А. А.* Армия и политика. Советская военно-политическая и военно-историческая мысль, 1918–1991 годы. М.: Международные отношения, 1995. С. 151.

⁹² См.: *Гречко А. А.* Вооруженные Силы Советского государства. М.: Воениздат, 1974; *Павловский И. Г.* Сухопутные войска СССР. Зарождение. Развитие. Современность. М.: Воениздат, 1985; *Огарков Н. В.* Защита социализма: опыт истории и современность // Красная звезда. 1984. 9 мая.

⁹³ Военно-технический прогресс и Вооруженные Силы СССР. (Анализ развития вооружения, организации и способов действия.) / Под ред. генерал-лейтенанта М. М. Кирьяна. М.: Воениздат, 1982. С. 312.

⁹⁴ См.: *Кокосин А. А.* Стратегическое управление. Теория, исторический опыт, сравнительный анализ, задачи для России. М.: РОССПЭН, 2003. С. 243–245.

⁹⁵ *Озобищев С. К., Потапов В. Я., Скоков В. В.* Как готовился «асимметричный ответ» на «Стратегическую оборонную инициативу» Р. Рейгана: Велихов, Кокосин и др. М.: ЛЕНАНД, 2008.

⁹⁶ Концепция национальной безопасности Российской Федерации // Независимая газета. 2000. 14 января.

⁹⁷ Военная доктрина Российской Федерации. 21 апреля 2000 // Независимая газета. 2000. 22 апреля.

⁹⁸ Актуальные задачи развития Вооруженных сил Российской Федерации. М.: Министерство обороны РФ, 2003. С. 42.

⁹⁹ Подробнее см.: *Ефимов Н. Н.* Политико-военные аспекты национальной безопасности России. М.: КомКнига-УРСС, 2006.

¹⁰⁰ Выступление Президента РФ В. В. Путина и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. Мюнхен, 10 февраля 2007 // Официальный сайт Президента РФ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/appears/2007/02/10/1737_type63374type63376t уре63377type63381type82634_118097.shtml.

¹⁰¹ Военная доктрина Российской Федерации. 5 февраля 2010 // Российская газета. 2010. 10 февраля.

¹⁰² *Галлуа П.* Стратегия в ядерный век. М., 1964; *Poirier L.* Essais de stratégie théorique. Paris, 1983; *Sanguinette Al.* La France et l'arme atomique. Paris, 1964.

¹⁰³ Подробный анализ ядерных доктрин Франции см.: *Тюлин И.* Внешнеполитическая мысль современной Франции. М., 1988.

¹⁰⁴ По словам бывшего начальника Генерального штаба СССР Н. В. Огаркова, советское командование полагало, что французские СЯС нацелены прежде всего на Москву и Ленинград как наиболее значимые города Советского Союза. См.: *Веселов В. А., Лусс А. В.* Указ. соч. С. 90.

¹⁰⁵ *Воронцов Г. А.* Атлантические отношения и современность. М., 1977. С. 97.

¹⁰⁶ Le Livre blanc sur la défense et la sécurité nationale est publié. 31.07.2008. URL: http://archives.livreblancdefenseetsecurite.gouv.fr/information/les_dossiers_actualites_19/livre_blanc_sur_defense_875/index.html.

¹⁰⁷ *Stocker J.* The United Kingdom and Nuclear Deterrence. IISS (International Institute for Strategic Studies). Adelphi Paper. February 2007. No 386.

¹⁰⁸ The Future of the United Kingdom's Nuclear Deterrent. Presented to Parliament by Secretary of State for Defence and the Secretary of State for Foreign and Commonwealth Affairs by Command for Her Majesty. December 2006. Crown Copyright. 2006. P. 25.

¹⁰⁹ *Hurd D., Rifkin M., Owen D., Robertson G.* Start worrying and learn to ditch the bomb // The Times. 2008. 30 June.

¹¹⁰ Strategic Defence and Security Review 2010. Presented to Parliament by the Secretary of State for Defence by Command for Her Majesty. October 2010.

¹¹¹ Белая книга «Национальная оборона КНР-2008». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/31857/96323/index.html>.

¹¹² *Fravel M. T.* China's Search for Military Power // The Washington Quarterly. Summer 2008. P. 13.

¹¹³ *Shen Dingli.* Don't shun the idea of setting up overseas military bases. URL: http://www.china.org.cn/opinion/2010=01/28/content_19324522.htm.

Проблематика ядерной стабильности в современной политической теории

В политологии растет интерес к проблематике *ядерной стабильности* (ЯС)¹. Новый термин понемногу вытесняет понятие «стратегическая стабильность» — ключевой аналитический конструкт периода биполярной конфронтации. Несмотря на всплеск интереса к новому понятию, его теоретико-методологическое содержание остается не вполне определенным. Более того, едва «вбросив» новую категорию, исследователи стали говорить о ее концептуальном «размывании» под воздействием новейших стратегических и политических тенденций². В этой связи важно уточнить понятие «ядерная стабильность» и по возможности оценить меру соответствия ее концепта нарождающимся реалиям мировой политики.

Такая проблема тем более актуальна, что большинство работ по проблематике ЯС появилось в первой половине 2000-х годов. С конца минувшего десятилетия исследователи уделяют большее внимание проблеме построению «безъядерного мира» или «глобального нуля»³, предусматривающего радикальное сокращение существующих ядерных потенциалов. Такое смещение исследовательских приоритетов ставит две проблемы. Первая: как повлияет на всю систему международных отношений возможный слом военно-стратегического паритета России и США — сценарий почти неизбежный при радикальном сокращении ракетно-ядерных потенциалов. Вторая: не возродятся ли в гипотетическом безъядерном мире войны между великими державами на базе конвенциональных вооружений. Эти проблемы повышают интерес к проблеме обеспечения стабильности в ядерном мире.

2.1. Концепции стабильности

Термин «ядерная стабильность» (*nuclear stability*) настолько часто употребляется в текущих политических комментариях, что его серьезная научная проработанность не должна бы вызывать сомнений. В действительности все сложнее. Аналитической литературы военно-политического профиля по этой теме мало. Не оперируют данным

понятием и авторы работ по международному праву⁴. Словосочетание «ядерная стабильность» встречается лишь в текстах на более или менее общие политические сюжеты. Из работ последнего типа и можно выделить три основных проблемно-ситуативных контекста употребления этого понятия.

Во-первых, термин «ядерная стабильность» используется при изучении проблем нераспространения ядерного оружия (ЯО). По мнению ряда авторов (Эрик Арнетт, Горав Кампани, Паоло Котта-Рамузино, Маурицио Мартеллини, Нейл Джоик), распространение ЯО на кризисные регионы (Индостан, Ближний Восток, Корейский полуостров) угрожает им повышением конфликтности, поскольку на региональных уровнях отсутствуют какие-либо стабилизирующие механизмы или хотя бы практики, характерные для глобального советско-американского взаимодействия в 1950–1980-х годах⁵. «В последние годы “холодной войны” сверхдержавы достигли ядерного паритета и продолжали системное соперничество лишь на периферии, уменьшая тем самым риск прямой войны», — с ностальгией подчеркивает шведский политолог Эрик Арнетт⁶. А Нейл Джоик и вовсе видит в ЯС особую «поведенческую категорию» времен «холодной войны». В ее основе, как он полагает, лежит негласное правило: наличие ядерных сил у обоих соперников предотвращает прямую войну между ними⁷. Поэтому в рамках данного подхода стабильность выступает как тип взаимодействия ядерных стран на основе имеющихся стабилизирующих условий — разграничения конфликтных интересов, отсутствия территориальных споров, наличия военно-стратегического паритета.

В 2013 г. эти замечания представляются не совсем верными применительно к ситуации в Южной Азии. Несмотря на продолжающуюся конфронтацию, между Индией и Пакистаном после военного кризиса 2002 г. стали складываться негласные правила игры. Эти правила обусловлены тремя причинами. Во-первых, наличием у обеих сторон общей стратегической культуры, базирующейся на фундаменте британской культуры. Во-вторых, и Индия, и Пакистан пытаются в течение десяти лет не доводить дело до крупного военного кризиса образца 1999–2002 гг. В-третьих, Исламабад и Дели периодически пытаются заключить стабилизирующие соглашения: от Лахорской декларации 1999 г. до двусторонних переговоров премьер-министра Индии М. Сингха и президента Пакистана А. А. Зардари 2009 г. Ситуация отчасти напоминает советско-американские отношения между Карибским кризисом 1962 г. и официальным началом политики разрядки в 1969 г.

Показательной в этом отношении стала обобщающая монография американских аналитиков Центра Генри Стимпсона «Эскалационный контроль в Южной Азии» (2004)⁸. По мнению авторов, угрозы

ядерной стабильности в Индостане носят прежде всего структурный характер. Родней Джонс полагает, что ЯС разрушается под воздействием таких факторов, как дисбаланс в обычных вооружениях, заведомо проигрышное положение Пакистана, рост наступательного потенциала индийской армии, активизация исламских радикалов и изменение системы региональных союзов после начала в 2001 г. американской операции в Афганистане. Еще дальше идет Майкл Крептон, утверждающий, что элементы нестабильности заложены в самой природе ядерного сдерживания и связаны с парадоксом стабильной нестабильности (*the stability-instability paradox*). Опыт советско-американских отношений 1950-х годов показывает, что угроза массированного возмездия по городам и ключевым объектам инфраструктуры малореалистична. Но попытки придать ядерной угрозе большую реалистичность неизбежно ведут к разработке опасных концепций превентивной войны и контролируемой эскалации, т.е. версий ограниченной ядерной войны.

К такому пониманию ЯС близок британский политолог Уильям Уокер⁹, развивающий концепцию ядерного порядка (*nuclear order*) как особого варианта международного порядка (*international order*), возникшего на основе комбинации структурных, нормативных и инструментальных факторов. «Ядерный порядок», по мысли этого автора, базируется на двух основах: 1) управляемое ядерное сдерживание (*managed system of deterrence*) и 2) управляемая система воздержаний (*managed system of abstinence*): добровольный отказ неядерных стран от приобретения ЯО, оформленный в комплекс нормативно-правовых режимов. С представлением о распаде таковой британский ученый связывает наступление ядерного беспорядка (*nuclear disorder*), в условиях которого становится возможным первое после 1945 г. боевое применение ЯО.

Похожие предположения высказывают и российские специалисты, хотя термин «ядерная стабильность» используется в их работах реже. Стабильность, полагает, например, А. Г. Арбатов¹⁰, возможна при наличии двух условий:

- 1) рационализм игроков (ни один из них не должен рассматривать войну как «лучшую альтернативу угрозам»);
- 2) квалифицированное сдерживание (достаточная вероятность выполнения ядерными силами конкретно поставленных задач при любых обстоятельствах начала войны).

Напротив, имманентное сдерживание (политико-психологический эффект осторожности, которое ЯО способно порождать самим фактом своего наличия) не может гарантировать стабильного взаимодействия из-за постоянного страха обеих сторон перед превентивным ударом.

Исходя из опыта советско-американских отношений сторонники данного подхода полагают, что наибольшие опасения внушать должен не сам процесс распространения ЯО, а ломка тех довольно устойчивых политико-психологических параметров, которые были характерны для ядерного противостояния СССР и США с 1962 по 1991 г. Эрозия стабильности видится политологам в создании совсем новой, особой политико-психологической атмосферы. Теперь политико-военные элиты начинают видеть в ядерном конфликте не ситуацию, заведомо проигрешную для всех его участников, а вариант войны, в которой победа одной стороны вполне возможна и, более того, может теоретически намного перекрыть ущерб, нанесенный победителю. В известном смысле политическое сознание возвращается к тому состоянию, в котором оно находилось на ранних этапах глобального ядерного противостояния — в 1940–1950-х годах.

Здесь и далее под термином «*ядерный конфликт*» мы вслед за видным российским специалистом А. А. Кокошиным понимаем «кризисную ситуацию, в которую вовлечены один или несколько обладателей ядерного оружия и в ходе которой происходит эскалация до уровня, когда одна или более сторон начинают рассматривать практическую возможность применения ядерного оружия». На наш взгляд, это определение удачно сочетает два обстоятельства. С одной стороны, оно объединяет три различные, хотя и близкие друг другу схемы использования ЯО:

- 1) конфликт сразу начинается как ядерный;
- 2) конфликт начинается на основе конвенциональных вооружений, а ЯО применяется позднее;
- 3) конфликт начинается с нанесения «разоружающего» удара неядерным высокоточным оружием по ядерным объектам противника.

С другой стороны, это определение отделяет ядерный конфликт от понятия «ядерная война», в которой субъекты могут находиться только в состоянии военных действий или переговоров о заключении мира. Конфликт предполагает, что между сторонами возможны консультации на всех уровнях эскалации.

Во второй половине минувшего столетия Москва и Вашингтон стремились уменьшить риски от ядерной войны друг с другом до хотя бы относительно приемлемого уровня. Эти попытки вылились в разработку доктрин «контрсилы» и управляемого конфликта¹¹. Никто, по счастью, никогда не верил в их эффективность и (есть весомые исторические основания судить) не поверил в нее. Благодаря этому СССР и США проявляли крайнюю взаимную осторожность в том, что касалось их ядерного противостояния.

В начале XXI в. заметно иное. Новые ядерные и «пороговые» страны (в Южной Азии, а возможно, и на Корейском полуострове) начинают

видеть в ЯО практическое средство для достижения военной победы¹². У них нет психологического барьера против ядерной войны в той мере, в какой он был присущ пяти ядерным державам «первого поколения» (или «первого ядерного века»¹³). В таком контексте ядерная стабильность гарантирована не полным исключением распространения ЯО за пределы группы «ответственных стран», а всего только ядерным превосходством одних стран над другими. Вместо стабильности и ядерного статус-кво речь идет фактически о новой гонке ядерных вооружений, в ходе которой относительно слабые ядерные страны будут стараться подтянуться к более сильным.

Во-вторых, термин ЯС употребляется в контексте проблем противоракетной обороны. Американский ученый Юджин Кэрролл (и, конечно, не только он) справедливо считает, что разработка технологий противоракетной обороны (ПРО) возвращает условно рациональный смысл концепции внезапного удара в определенное заданное время, наносимого до того, как к применению своих сил изготовился противник¹⁴. Такая доктрина разрабатывалась сверхдержавами в первое десятилетие ядерной эпохи (1945–1957). Однако во второй половине 1950-х годов она была отвергнута сначала американскими, а затем советскими аналитиками. На первое место постепенно вышла концепция взаимно гарантированного уничтожения (*mutually assured destruction*), предусматривающая, что для сохранения военно-стратегической стабильности требуется определенный уровень взаимной ядерной уязвимости, в том числе и отказа от создания противоракетных щитов. Возникновение же феномена неуязвимости одной из сторон автоматически означает разрушение ядерного статус-кво, подрывая логику взаимного гарантированного уничтожения¹⁵.

Но, как показали исследования американских политологов Джеймса Линдсея и Майкла О'Хэнлона, создание щитов ПРО опасно для стабильности не только и не столько из-за технической стороны дела: на нынешнем витке военно-технологического прогресса перехват большинства баллистических ракет потенциального противника пока невозможен. Создание мощных систем ПРО дестабилизирует стратегическую ситуацию потому, что оно влечет за собой ломку всех известных сценариев поведения сторон в ядерном конфликте. Оно провоцирует и нестандартные непредсказуемые ситуации, к действиям в которых США, Россия, Китай и другие старые члены ядерного клуба просто не готовы. Соответственно, девальвируется действенность механизмов предупреждения случайной ядерной войны¹⁶.

В таком ракурсе по-новому предстают размышления известного американского исследователя и дипломата Струоба Тэлботта. Как по-

литик на страницах своей книги «Билл и Борис» (2003) он доказывал, что выдвигаемые администрацией У. Клинтона проекты региональной ПРО не угрожали стратегической стабильности. Как политолог Тэлботт признает: развитие противоракетных технологий означает революцию в военном деле, эффект которой малопредсказуем¹⁷. Автор критикует администрацию Р. Рейгана за попытку подорвать доктрину взаимно гарантированного уничтожения, которая почти полвека обесценивала концепцию внезапного удара в определенное заданное время. Но даже ограниченная ПРО, которую США создают на Тихом океане, изменит стратегический курс Вашингтона, усилив военно-политическую неопределенность.

Подобная угроза фиксировалась в отечественной литературе 1980-х годов, когда администрация Р. Рейгана активно обсуждала программу полномасштабной противоракетной обороны — Стратегической оборонной инициативы (СОИ). Разрабатывая концепцию асимметричного ответа, советские эксперты убедительно доказывали, что даже относительный успех американских разработок (например, создание оружия направленной энергии — различных видов лазеры и ускорители нейтральных частиц) не сделает территорию США неуязвимой для советского ответного удара — при наличии определенной программы контрмер, позволяющих нейтрализовать эффект противоракетной обороны¹⁸. В то же время подчеркивалось, что испытания в сфере СОИ увеличат опасность непреднамеренного или случайного возникновения ядерной войны как минимум по двум причинам.

С одной стороны, переводение «космического щита» на компьютерное управление усилит риск технических сбоев в системах раннего предупреждения и управления ЯО. С другой стороны, фактор СОИ неизбежно повысит риск ошибки в расчетах: набор поступающих данных может быть воспринят как сигнал того, что оппонент решился нанести внезапный ядерный удар¹⁹. Вот почему даже гипотетическая противоракетная оборона вызвала новую рационализацию ядерного конфликта. Эксперты заговорили о том, что ограниченные удары с применением небольшого количества сил и средств (наиболее реалистический сценарий ядерного конфликта) сможет перехватить и «тонкая» ПРО. В результате эффективность концепции ядерного сдерживания будет поставлена под угрозу²⁰. Теперь же, в условиях резкого прорыва в технологиях систем тактической ПРО, старые угрозы могут приобрести реальные очертания.

Можно ли, например, считать актом войны поражение ракеты одной из стран противоракетой другой? Подобная «бесконтактная»

акция способна вызвать мощную взрывную волну не только над территорией государства, выпустившего первую ракету, но и какой-либо третьей страны, вина которой может заключаться лишь в том, что перехват произошел в ее воздушном пространстве. Дуэль противоракеты с ракетой (происхождение которой часто неизвестно) может стать прологом к началу регионального конфликта, участниками которого окажутся стороны:

- выпустившая ракету и подвергшаяся ответному удару;
- осуществившая перехват ракеты и наносящая ответный удар;
- в воздушном пространстве которой произошла дуэль ракеты и противоракеты.

Ответные меры могут быть направлены как против стороны, выпустившей ракету, так и против стороны, осуществившей перехват. Противоракетные технологии, таким образом, разрушают стабильность не фактом своего существования, а опосредованно — они размывают сложившиеся за XX в. представления о категориях войны и мира.

В-третьих, термин ЯС используется **в контексте проблем паритета**. Так его склонны употреблять почти все российские авторы, которые, подобно В. И. Кривохиже, связывают данную категорию с проблематикой сохранения паритета как системы равновесия возможностей²¹. Подобных взглядов придерживается и известный американский политолог Брюс Блэйр. Длительное отсутствие войн между великими державами после 1945 г., утверждает он, было связано с тем, что технические характеристики ЯО порождали у политиков страх перед его применением²². Стабильность стала возникать в мире с того момента, когда каждый из ядерных субъектов получил возможность доставить к территории оппонента хотя бы несколько термоядерных боезарядов. Очевидно, в рамках этого дискурса ЯС предстает как свод правил поведения ядерных держав, возникших на базе паритета и осознания политиками (само)разрушительных технических характеристик ядерных систем²³.

Любопытно, что никто из авторов не дает ответа на важные вопросы о том, какой вид ядерных систем служит фундаментом паритета. Были ли первые атомные бомбы подвидом ЯО в современном смысле этого слова или они представляли собой принципиально иной вид оружия, близкий к обычным вооружениям времен Второй мировой войны? Существовала ли ядерная стабильность в первой половине 1980-х годов, когда в Старом Свете были развернуты американские и советские ракеты средней и меньшей дальности? Как оценивать практику использования в югославской кампании НАТО (весна 1999 г.) стержней с обедненным ураном, которые, несмотря на

отсутствие в них радиоактивных изотопов урана-235, дали классический ядерный эффект в виде вспышек лейкемии? Эти вопросы пока остаются без ответа.

Для всех теоретиков ЯС возможна лишь там и тогда, где ядерный конфликт не рассматривается ни политиками, ни стратегами как ситуация, способная обеспечить реальный выигрыш²⁴. Эталоном такой системы все они считают советско-американские отношения времен «холодной войны». Авторы придерживаются такого мнения, хотя все они признают: столь не любимые ими «дестабилизирующие» доктрины контрсилового удара и ограниченной ядерной войны зародились именно в ту эпоху²⁵. За рамками их анализа остается и период 1940-х — начала 1950-х годов, когда и Кремль, и Белый дом реально допускали возможность войны с использованием немногочисленных, относительно маломощных и технически несовершенных атомных бомб, подобных хиросимской. Такая логика в выборе сюжетов лишь оттеняет тот факт, что большинство исследователей ЯС считает существование стабильности возможным только на базе взаимного гарантированного уничтожения²⁶. Она, по их мнению, фактически исключает гибкие схемы использования ядерных боезарядов, несмотря на формальное признание возможности таковых в рамках концепции гибкого реагирования.

2.2. Стабильность и сдерживание

Теории ЯС могли бы показаться игрой ума, если бы не одно существенное обстоятельство. В последние полтора десятилетия, как утверждают авторы работ по ядерному сдерживанию, стабильность ядерного мира становится все меньше. Под сомнение поставлено базовое представление о том, что воздействие на оппонента угрозой всеразрушительного ответного удара стабилизирует систему международных отношений (*notion of deterrence stability*)²⁷.

Идея стабилизирующей роли атомного оружия возникла во второй половине 1940-х годов. В работах американского политолога Бернарда Броди мелькнула мысль о том, что колоссальная разрушительная сила атомных боезарядов обесценивает категорию войны²⁸. Спустя двадцать лет этот тезис стал популярным сначала в американо-британской, а затем и в советской общественно-политической мысли (разумеется, в том избранном и полузакрытом кругу ее носителей, которые обладали соответствующей информацией). С созданием ракетно-ядерного оружия СССР и США оказались примерно одинаково уязвимыми перед массированными ударами друг друга. В этот

момент и началось слияние различных прежде категорий «безопасность» и «стабильность»²⁹. К 1980-м годам термин *stability* стал уже де-факто обозначать особый тип ядерного сдерживания, когда два ядерных субъекта берут друг друга в заложники сотнями межконтинентальных средств доставки ЯО и не создают для себя «противоядий» в виде систем ПРО.

Аналогично и советские исследователи 1970–1980-х годов разработали концепцию военно-стратегического равновесия. Изучая ядерные доктрины США, они склонялись к выводу, что ни доктрина контрсилового удара (1961), ни концепция подлетного времени (1974) не ревальвируют концепции внезапного или упреждающего ядерного удара³⁰. Неизбежно возникал вопрос, возможна ли в принципе победа в ядерном конфликте, если понимать под ней ликвидацию оппонента как субъекта международных отношений или его принуждение к невыгодному для него компромиссу. В условиях нанесения стратегических ядерных ударов речь может идти лишь о том, чтобы обеспечить выживаемость высшего политического руководства и военного командования, независимо от того, какой вариант упреждающих действий с применением ЯО или ракетных средств доставки выберет атакующая сторона, доказывали эксперты³¹.

Однако со второй половины 1970-х годов в научной литературе все чаще стали писать о том, что угроза ракетно-ядерной войны теряет ответственность (по американской терминологии, «кредитоспособность»). Считалось, что при наличии уже тысяч единиц термоядерных зарядов потенциальный противник может просто не поверить в готовность противоположной стороны стереть планету в «звездную пыль» — так, во всяком случае, утверждали теоретики «реалистического» сдерживания. Зато он легче поверит в угрозу ослепляющего удара по командным пунктам и центрам политического управления³². На базе этих представлений в первой половине 1980-х военные доктрины стран НАТО (а де-факто и Варшавского договора) стали рассматривать ограниченное ядерное нападение как продолжение политики сдерживания — сигнал к деэскалации конфликта, средство принудить оппонента к невыгодному для него миру и т.п.³³ Исследователи заговорили о неразрешимом парадоксе ядерного сдерживания: повышение реалистичности устрашения увеличивает риск начала войны.

Характер возможной угрозы «стабилизирующему устрашению» оценивался исследователями на рубеже 1970–1980-х годов по-разному. Одни утверждали, что катастрофические оценки последствий ядерного конфликта повышают шансы возникновения войны на базе обычных

вооружений, в ходе которой ядерные системы будут мирно покоиться на складах, подобно химическому оружию времен Второй мировой войны³⁴. Другие считали, что насыщение Европы высокоточными носителями ЯО увеличивает риск превентивного разоружающего удара, причем эта опасность будет возрастать по мере концентрации ядерных боезарядов на небольших территориях³⁵. Третьи констатировали, что провозглашенная администрацией Р. Никсона идея реалистического сдерживания, допуская ограниченное применение ядерных систем в дезэскалационных целях, способствует размыванию грани между угрозой войны и ее началом³⁶. Вскоре и на концептуальном уровне было признано, что переход к стратегии минимального ущерба расширяет диапазон возможного использования ЯО.

В 1980-х годах в работах американского исследователя Джона Льюиса Гэддиса ядерное сдерживание было представлено как особая поведенческая категория, характерная только для определенной исторической эпохи³⁷.

Тревога по поводу того, что из ядерного сдерживания «выпаривается» его стабилизирующая составляющая, появилась за несколько лет до «нового мышления» М. С. Горбачева — примерно в 1977–1983 гг. Другое дело, что распад СССР в 1991-м, дискуссия о судьбе его ядерного арсенала и вступление в ядерный клуб Индии и Пакистана в 1998 г. вывели предшествующие страхи на новый уровень. Сомнения переросли в полемику о том, насколько надежен военный и политико-психологический фундамент, на котором покоятся представления о стабилизирующей роли сдерживания.

Политологи еще в начале 1960-х годов задавались вопросом, способно ли ядерное сдерживание стабилизировать систему межгосударственных отношений. Тон дискуссии здесь задал, как известно, теперь уже классик теории международных отношений, американский ученый Кеннет Уолтц, утверждавший, что при наличии ЯО стабильность зависит от размера ущерба, который стороны способны нанести друг другу. Спустя почти 40 лет Уолтц, анализируя ядерное противостояние Индии и Пакистана в начале 2000-х годов, решил, что его старый тезис подтверждается новым материалом. Стало быть, взаимное сдерживание на основе устрашения — универсальный инструмент обеспечения стабильности, независимо от региональной или культурно-исторической специфики региона, в котором возникает противостояние³⁸.

Но Уолтц также признал: стабилизирующий эффект достижим лишь при выборе противостоящими странами определенного вида ядерной стратегии. «Политика гибкого реагирования, — отмечает он, — умень-

шает доверие к стратегии сдерживания и увеличивает вероятность войны», ибо теоретически она может давать надежду на возможность «выигрыша» в ядерном конфликте³⁹. Если бы сверхдержавы были уверены, что за нападением НАТО на страны Варшавского договора или ФРГ на ГДР последует *всего лишь* контрудар с применением обычных вооружений, то война в Европе началась бы еще в 1960-х годах. Таким образом, в начале XXI в. стабильность на основе ЯО видится аналитикам как переменная величина, производная от многих функций.

Более пессимистичен другой американский автор, Скотт Саган, давний оппонент К. Уолтца. Он характеризует ядерное сдерживание как категорию морально-политическую⁴⁰. Но мораль и нормы, по его мнению, категории относительные. Военные действуют по формуле «приказ — техническая готовность средств доставки — нанесение удара». Они, в сущности, рассуждают так, как если бы были свободны от моральных ограничений. Можно ли гарантировать, что в какой-то ситуации (например, во время очередного индо-пакистанского инцидента⁴¹) политики устоят перед доводами генералов о необходимости нанести ядерный удар? Как полагает Саган, все представления о стабилизирующей роли сдерживания — лишь комплекс психологических представлений, которые разрушаются.

Не меньшее внимание исследователи уделяют и проблеме реабилитации доктрины ограниченной ядерной войны. В последние годы, утверждает американский политолог Патрик Морган, ведущие ядерные державы изменили смысл ядерного сдерживания. Они не сдерживают другие государства, а пытаются остановить целые процессы: терроризм, распространение ОМП, региональные конфликты, радикализацию ислама. Размытость предмета сдерживающих воздействий заставляет сместить акцент на ситуативные реакции: разоружение «новых ядерных игроков», удары возмездия по очагам терроризма и т.п.⁴² В то же время на концептуальном уровне стратегии борьбы с нетрадиционными угрозами мало чем отличаются от стратегии времен Наполеоновских войн. Ни операция «Буря в пустыне» (1991), ни кампания в Афганистане (2001–2002) не привели к разработке новых стратегий. Цель этих акций заключалась в разгроме вражеских сил и установлении контроля над определенными территориями. В подобной ситуации, как полагает Морган, принципиально отказываться от нанесения первого ядерного удара было бы «неловко»⁴³.

Хуже того, опыт трех войн против Ирака и двух против Югославии показал, что между «классическим» ядерным конфликтом (который мы знаем из теории) и классической полномасштабной войной с при-

менением обычных вооружений (о них мы знаем по практике) теперь возможны промежуточные варианты — «войны-принуждения» (*compellance*)⁴⁴. Этот опыт расширила Ливийская война 2011 г.: начавшись как операция НАТО по реализации резолюции СБ ООН № 1973, она в течение двух недель переросла в карательную операцию франко-британского тандема против режима М. Каддафи. Сегодня даже «старые» ядерные державы могут рассматривать возможности для нанесения ограниченных ядерных ударов по тем или иным странам не в интересах захвата их территорий или полного уничтожения потенциала сопротивления, а с целью заставить противника изменить политику. Странно ли, что менее ответственные государства, рвущиеся к обладанию ЯО или приобретшие его нелегально, рассуждают таким же образом?

Дискуссии о потере ядерным сдерживанием стабилизирующего компонента возобновились после «пятидневной войны» вокруг Южной Осетии в августе 2008 г. Этот конфликт характеризовался высокой степенью вовлеченности в него США.

Августовские события привели к первой после 1945 г. конфронтации военно-морских сил в Черном море, участниками которой были боевые корабли некоторых неприбрежных стран НАТО и российского Черноморского флота⁴⁵. По оценкам американских и российских экспертов, существовал высокий риск прямого столкновения российских и американских военных: насколько можно судить, в составе нападавших на Южную Осетию грузинских сил имелись американские инструкторы и военные советники⁴⁶. Есть данные, что администрация Дж. Буша-младшего рассматривала возможность нанесения авиаударов по позициям российской 58-й армии. Последнее неизбежно вызвало бы военный ответ России (в ядерном оснащении) с эскалацией конфликта на территорию Польши и стран Прибалтики. Но даже переброска ВВС США грузинского военного контингента из Ирака была беспрецедентной акцией: в годы «холодной войны» ни СССР, ни США не осуществляли перемещение войск противников друг друга в ходе региональных конфликтов. Ситуация являла собой наиболее серьезный случай *непрямой* военно-политической конфронтации Москвы и Вашингтона, возможно, с момента войны в Корее 1950–1953 гг.⁴⁷

Несомненно, это означало не просто вспышку политических трений, которые не раз возникали за последние два десятилетия, а кризис взаимопонимания и доверия в военной области. Появились серьезные основания полагать, что в США уже не только теоретически (формально) прорабатываются сценарии ограниченной войны против России, но и, вероятно, целенаправленно ведутся соответствующие практические приготовления⁴⁸. Вряд ли, конечно, речь идет о полном отказе

от логики взаимно гарантированного уничтожения. Но очевидно, что умы аналитиков и практиков снова занимает крайне рискованная идея управляемой эскалации, а ограниченная война против России, в том числе с использованием «облегченных» видов ЯО, перестает, по-видимому, рассматриваться только как крайнее средство достижения американских целей⁴⁹.

Подобная ситуация может в перспективе возникнуть и в американо-китайских отношениях⁵⁰. В последние годы между США и Китаем возник целый комплекс противоречий, связанный с американским военным присутствием в Киргизии, американо-индийским партнерством, сотрудничеством Соединенных Штатов и Японии в области создания американской системы противоракетной обороны и попытками администрации Дж. Буша поднять на международном уровне вопрос о нарушении прав человека в Тибете. В Пекине подозревают, что американцы увеличивают сеть своих радиолокационных станций в Евразии с целью слежения за немногочисленными стратегическими ядерными силами КНР. В Вашингтоне опасаются, что начавший в 2003 г. процесс модернизации СЯС Китая увеличит его контрсилловые возможности и повысит угрозу для военной инфраструктуры США на Тихом океане. Непроясненной остается и ситуация вокруг Тайваня. Представители КНР ставят вопрос о начале объединения, в то время как американские дипломаты вновь подтверждают готовность США защищать остров в случае попыток Китая решить проблему силой. Продолжение этой тенденции может привести к повторению «ракетного кризиса» 1996 г., когда Вашингтон и Пекин балансировали на грани военного столкновения.

Гибкое реагирование было предложено аналитиками в начале 1960-х годов. В тех условиях его гибкость заключалась в признании возможности управлять советско-американской конфронтацией. Хотя это управление теоретически не исключало возможности силового столкновения СССР и США, в том числе ограниченного ядерного конфликта между ними, на самом деле, как доказано историей, задача гибкого реагирования в другом. Оно было призвано не допустить не только общего ядерного конфликта между сверхдержавами, но и любого конфликта высокой интенсивности между ними.

Обрушение военно-политической биполярности и ставшее реальностью распространение ЯО после 1991 г. создали принципиально новые военно-стратегические условия, в которых старая концепция приобретает новое значение.

Гибкое реагирование — с реальным, а не символическим, как полвека назад, акцентом на гибкость — объективно приобретает в современных

условиях тот самый дестабилизирующий смысл, который в 1960–1970-х годах ему старались приписать советские «ученые-пропагандисты». Именно эта концепция грозит стать основополагающей в международной ситуации, для которой характерно стремление США действовать в одиночку и сообразуясь преимущественно с узко понимаемыми национальными интересами.

2.3. Определение стабильности

Современные американские политологи все чаще говорят, что в основе ядерного сдерживания лежит своеобразная психологическая догма. «Мы никогда не используем ЯО как боевое оружие и потому должны исключить саму возможность войны между великими державами», — писал в 1985 г. классик ядерной проблематики Майкл Макгвайр⁵¹. А в наши дни Патрик Морган говорит, что именно ядерный фактор удерживал сверхдержавы от начала третьей мировой войны⁵².

Теоретически ничто не мешает разработать альтернативную стратегию, допускающую использование сверхмалых боезарядов по образцу применявшихся в годы Первой мировой войны отравляющих газов. набросками подобной стратегии можно считать и контрсиловую удар Роберта Макнамары, и предложенное Джеймсом Шлессинджером сверхточное наведение крылатых ракет. Другое дело, что этому препятствует восприятие большинством политиков, частью военных специалистов и общественным мнением ЯО как оружия «сакрального». Любой из возможных сценариев его применения массовое сознание рассматривает как запредельную ситуацию.

В эталонный для теоретиков ЯС период с середины 1950-х до середины 1970-х годов в мирополитической системе доминировало жесткое разделение на оборону и безопасность. Со времен президента Дуайта Эйзенхауэра американская военная доктрина различает стратегическое и тактическое ядерное оружие. Первое включает в себя межконтинентальные баллистические ракеты, баллистические ракеты на подводных лодках и тяжелые стратегические бомбардировщики и может применяться лишь в том случае, если президент и правительство примут политическое решение. Второе — авиабомбы фронтовой авиации, оперативно-тактические ракеты и так называемая ядерная артиллерия — находится в непосредственном подчинении командующих на театрах военных действий (ТВД)⁵³. Лишь после Карибского кризиса 1962 г. американское ТЯО было полностью поставлено под контроль высшего государственного руководства за счет использования системы *PAL (Permissive Action Links)*.

На эту же точку зрения встало спустя десятилетие и советское руководство, разграничив понятия «ядерная война» и «война с применением ЯО» и соотнеся их с стратегическими и тактическими ядерными системами⁵⁴. Более того, советская военная доктрина предусматривала и третий элемент — оперативно-тактическое ЯО. Таким образом, в ядерные системы, находящиеся в непосредственном подчинении политиков и военных, кардинально отличались друг от друга в обеих сверхдержавах.

Такое различие имело под собой концептуальное основание. С середины 1950-х годов сначала в Вашингтоне, а затем (примерно через два десятилетия спустя) и в Москве безопасность стала рассматриваться как система превентивных мер, а оборона — как отражение агрессии, т.е. как быстрая деэскалация конфликта⁵⁵. Это, очевидно, и послужило фундаментом для концепций двойной природы сдерживания⁵⁶.

Стабильность основывалась на существовании более или менее четкого представления о «предельно допустимом соотношении» «запредельной» и «нормативной» конфликтности⁵⁷. Такое представление блокировало перенесение сценариев ядерного конфликта из теоретических штабных наработок в сферу практической большой политики. Логика безопасности ориентировалась на угрозу массированного ядерного удара по стратегическому потенциалу оппонента. Однако военные эксперты многократно подчеркивали бесперспективность подобного сценария⁵⁸. Логика обороны предполагала войну с использованием небольшого числа тактических боезарядов. При этом политики убеждали военных: реализация теоретических наработок в русле обороны не сулит политических выгод. Обменявшись ограниченными ударами, стороны должны будут или начать друг против друга стратегическую ядерную войну, или сесть за стол переговоров с целью восстановить довоенный статус-кво⁵⁹.

Очевидно, технологические характеристики ситуации второй половины XX в. не позволяли вывести за скобки ЯО подобно тому, как в годы Второй мировой войны были «выведены из игры» химические боезаряды. Разработать сценарий «выигрываемого» конфликта с его использованием не удалось. Ситуация стала меняться только к концу 1970-х годов, когда обозначился новый технологический прорыв на основе высокоточного оружия. Вот тогда политики стали искать альтернативу стратегическому пату.

Изложенное выше позволяет определить ЯС как систему, в которой политические функции ЯО (принуждение оппонента к каким-то действиям) четко отделены от его военных функций (разработка сценариев ведения войны с применением ЯО для убеждения оппонента в бесперспективно-

сти первого удара). Такая система может работать только при наличии двух условий. С одной стороны, стороны должны исходить из сценария массированного применения СЯС, а не исключительно тактических боезарядов. С другой стороны, у сторон не должно быть «пограничных» систем, применение которых можно было бы замаскировать под неядерные. Теоретико-методологической основой ЯС выступает, таким образом, восприятие политическими элитами функциональной роли ЯО.

На его специфику в значительной степени влияют тактико-технические характеристики того или иного вида ЯО и схемы его возможного применения.

Структура ядерной стабильности

Нормативный компонент	Системный компонент	Инструментальный компонент
1. Представление о невозможности рационального отношения к ядерному конфликту 2. Четкое различие ядерного оружия и неядерного	Наличие «ядерного порога»	Механизм блокировки эскалации ядерного конфликта

Такая система представляет собой аналитический конструкт, который в чистом виде не существовал никогда. Однако в 1950-х — середине 1970-х годов мирополитическая система была близка к этому эталонному состоянию. Современная «ядерная инфраструктура» (но не оружие!), напротив, начинает совмещать в себе обе функции: противоракеты и сверхмалые бомбы (дающие минимум радиоактивного загрязнения) должны *одновременно* и устрашать противника, и сокрушать его военную инфраструктуру. Американские политологи полагают, что прогресс вооружений позволяет создать антитезу перманентному снижению порога ядерного сдерживания, который стал происходить в условиях распада «старой», реально действовавшей стратегической стабильности.

Это наблюдение заставляет по-новому посмотреть на ключевой тезис Карла фон Клаузевица о том, что «война есть продолжение политики другими средствами». Любая война рождается из неразрешимости той или иной конфликтной ситуации политическими средствами. Но представления политиков о возможном и невозможном зависят от уровня развития стратегии в конкретную эпоху, а главное, от осмысления ими вероятных потерь и выигрышей в случае войны. В начале 2010-х годов старый ограничитель конфликтности в виде категории ядерного удара постепенно уходит из военно-стратегических расчетов.

Очередная революция в технологиях может создать фундамент для возрождения милитаризма.

2.4. Проблема деструкции ядерной стабильности

Сопоставляя три контекста употребления термина «ядерная стабильность», можно заметить, что все они несут печать страхов тридцати-пятидесятилетней давности. Когда в начале 1960-х министр обороны США Р. Макнамара и госсекретарь США Д. Ачесон провозгласили формулу «гибкого реагирования», предполагающую ограниченный контрсилловой удар вкупе с действиями обычных вооруженных сил, на Западе вышло огромное количество публикаций о возможности «ограниченной ядерной войны» в Европе. Через два десятилетия в Старом Свете появились советские и американские ракеты средней и меньшей дальности, и страхи перед превентивным контрсилловым ударом стали приобретать реальные очертания. И все же в то время негативные тенденции так и не смогли взорвать устои стратегической стабильности. Почему же сегодня ученые полагают, что распространение ЯО, разработка систем ПРО и создание «околоядерных» вооружений сводят на нет «стабилизирующее устрашение»?

Распространение ЯО в прежних периферийных конфликтных регионах мира может показаться знаками триумфа концепции гибкого реагирования. Летом 1998 года, после испытания ядерных бомб в Индии и Пакистане, прогнозы индо-пакистанского конфликта строились на ожидании его развития как контрценностной войны. Предполагалось, что в ответ на наступление Индии Пакистан нанесет демонстрационный удар по индийским городам⁶⁰. Но на самом деле во время «военных тревог» 2001–2002 гг. обе державы выдвинули свои носители тактического ЯО непосредственно к границам, явно ориентируясь на их ограниченное применение. В отсутствие основного инструмента обезоруживающего удара — боеголовок с разделяющимися головными частями индивидуального наведения — это могло означать только одно: штабы обеих сторон намеревались нанести удары по сухопутным группировкам противника в зонах его приграничных укреплений.

Ряд исследователей считает убедительными сходные сценарии развития возможного «контрсиллового» конфликта на Корейском полуострове. Главная угроза войны в Восточной Азии, утверждают они, таится не в ядерных испытаниях Пхеньяна, а в неопределенности, которая последовала за его вступлением в число ядерных держав⁶¹. Разоружающий удар США по северокорейским ядерным объектам, вероятность которого была высокой в начале 2003 г., становится все менее

реалистичным. Зато повышается возможность других сценариев войны. Один из них — попытки КНДР проверить степень надежности американских гарантий безопасности для Южной Кореи.

Можно предположить, что при распространении ЯО конфликт с его применением рассматривается политико-военными элитами периферийных стран как потенциально выигрышный, т.е. как война, в которой можно добиться победы. Это полностью противоречит той логике и опыту, которые на протяжении второй половины прошлого века определяли международное поведение абсолютно всех пяти «легальных» ядерных держав.

Риск военного конфликта увеличивает и создание американской ПРО. В отличие от предшествующих попыток 1960-х и 1980-х годов администрация Дж. Буша-младшего предполагала создать не стационарный «щит», а большое количество относительно автономных перехватчиков, уничтожающих баллистические ракеты противника на разгонном участке траектории полета. В программной речи 1 мая 2001 г. президент США поставил задачу развернуть в ближайшие пять–десять лет ограниченную ПРО, состоящую из противоракет морского и воздушного базирования, а также группировки космических спутников с лазерным оружием и инфракрасными датчиками для обнаружения пусков ракет и ядерных взрывов⁶². В директиве от 18 декабря 2002 г. Дж. Буш прямо указывал: до 2005 г. США поставят на боевое дежурство перехватчики наземного базирования и разместят на американских крейсерах и эсминцах противоракеты, способные уничтожить ракеты средней дальности противника (что, однако, было выполнено только частично)⁶³. Реализация этих проектов потребовала бы от Вашингтона создать глобальную сеть РЛС для наблюдения, распознавания и слежения за пусками ракет потенциальных противников.

В середине 1980-х годов экс-министр обороны США Р. Макнамара писал, что система СОИ потребует громоздких и уязвимых «космических зеркал» и чудовищного энергетического обеспечения⁶⁴. Теперь эти проблемы во многом оказываются снятыми. Предназначением системы будет не перехват удара советских межконтинентальных баллистических ракет (как на то ориентировались стратеги прошлого века), а борьба с небольшими ракетными потенциалами азиатских противников Вашингтона. «Фактор ПРО», как справедливо отмечают Линдсей и О'Хэнлон, неизбежно будет способствовать увеличению числа ситуаций с непросчитываемым исходом, каждая из которых теоретически может вызвать полномасштабный региональный конфликт.

В начале 2000-х годов в США произошел концептуальный сдвиг в осмыслении функциональной роли ЯО, сравнимый по масштабности с появлением концепций «контрсилового удара» (1961) и «ограниченной ядерной войны» на основе выигрыша в подлетном времени (1974). После «Бури в пустыне» центральной проблемой американской стратегии стало увеличение поражающей мощи высокоточных систем, что связывается с созданием такого оружия, которое по поражающей мощи будет соответствовать тактическим ядерным боезарядам, но без их недостатков. В рамках этого поиска в США ведутся работы:

- по разработке боеголовок, поражающих не энергией взрыва, а кратковременными микроволновыми импульсами, способными бесконтактно воздействовать на ядерные объекты противника;
- по анализу опыта применения на Балканах «бомб с обедненным ураном»;
- по разработке сверхмалых ядерных боезарядов сверхмалой мощности (до 1 кт) со сверхмалыми радиоактивными осадками для локального поражения заглубленных и высокозащищенных целей⁶⁵;
- по созданию нового вида боезарядов на основе новых радиоактивных элементов (например, «чистого термоядерного оружия»⁶⁶ или гафния), взрывной эффект которых проявляется в отсутствие классической реакции расщепления атомного ядра⁶⁷.

Невольно вспоминаются наблюдения Б. Блэйра и Н. Джоика, которые вслед за Джоном Гэддисом полагают, что стабильность воплощает особую поведенческую категорию, базирующуюся на политическом осмыслении технических характеристик ЯО. Устоит ли политическое сознание перед соблазном согласиться с применением новых типов ЯО?

В будущем, прогнозируют американские военные аналитики, будет значительно труднее разграничивать и распознавать ядерные и обычные системы оружия и средства его доставки к целям. Это может повысить риск санкционированного применения ЯО. Порог ядерного сдерживания может не просто снижаться, а вообще потерять концептуальные основания: ни стратеги, ни политики не смогут определить, в какой момент конфликта одна из сторон прибегнет к использованию ядерных систем.

Снова возникают исторические ассоциации. В последней четверти XIX в. военные специалисты разрабатывали планы войны на основе всеобщей мобилизации. Но они считали ситуации, когда она могла бы понадобиться, запредельными. В Европе существовала относительная

стабильность, понимаемая, правда, как жесткое сохранение статус-кво. Когда же (приблизительно после Русско-японской войны и окончательного оформления так называемого плана Шлиффена в 1905 г.) политики решили, что всеобщая мобилизация может на самом деле оказаться средством победы в борьбе за радикальную перекройку границ, и началась Первая мировая война.

В 1920-х годах европейские политики опасались войны «химической», считали ее «запредельной» и поэтому не очень вероятной. Но десятилетие спустя стратеги подарили им орудие стремительного прорыва обороны — танковые корпуса. Химической войны в самом деле не произошло, но «танковая война» (она же Вторая мировая) оказалась вряд ли намного лучше ее. И в том и в другом случае мы имеем дело с ситуацией, когда штабное планирование осуществляется сначала отдельно от большой политики, а затем соединяется с ней. Политико-военные элиты начинают делать ставку на новые технологии как на средство пересмотра статус-кво. В 1974—1987 гг. стратегам не удалось «подтянуть» планы ограниченной ядерной войны к уровню «условно-нормативной» конфликтности, каким он был в рамках Ялтинско-Потсдамского порядка. Но в современных условиях может оказаться возможным то, что считалось запредельным 20—25 лет назад.

Во второй половине XX в. военная стратегия базировалась на жестком определении сути «ядерного удара». Он определялся как момент массированного применения стратегических сил или использования одиночных боезарядов. Внедрение новейших военно-технических достижений порождает новые варианты вооруженных столкновений: от применения бомб с обедненным ураном до использования высокоточных систем со сверхмалыми боезарядами и отражение ограниченного удара противоракетами. Особую опасность представляют сочетания этих вариантов. Если подобные сценарии начнут реализовываться на практике, то вскоре неизбежно возникнет «эффект привыкания» к применению атома в военных целях. Это будет означать девальвацию психологического и политико-психологического барьера против применения «ядерной кнопки».

Эрозия ЯС связана с появлением в рамках системы ядерного сдерживания третьего элемента, разрушающего теоретический, логический и политический водораздел между безопасностью и обороной. Пока трудно предвидеть точно, какую военную функцию на самом деле смогут выполнять противоракеты, противобункерные боезаряды и применение модифицированных тактических ядерных систем. Однако очевидно: учи-

тывая военно-технологические прорывы последних лет, новейшие разработки штабистов во всех странах неуклонно прокладывают себе путь к кабинетам политических лидеров.

Примечания

¹ См.: *Morgan P.* Deterrence Now. Cambridge: Cambridge University Press, 2003; *Sagan S. D., Waltz K. N.* The Spread of Nuclear Weapons. A debate Renewed. N.Y.; L.: W.W. Norton & Company, 2003; *Kramer M.* Neorealism, Nuclear Proliferation, and East-Central European Strategies // *Unipolar Politics: realism and state strategies after the Cold War* / E. K. Kapstein, M. Mastaduno (eds.). N.Y.: Columbia University Press, 1999. P. 385–463; *Тимербаев Р. М.* Международный контроль над атомной энергией // Научные записки ПИР-центра. 2003. № 1 (22). М.: Права человека, 2003; Ядерное распространение / Под общ. ред. В. А. Орлова. М.: ПИР-Центр политических исследований, 2002. Т. 1. С. 28, 62.

² Подробнее об эрозии военно-политической стабильности см.: *Шаклеина Т. А.* Россия и США в мировой политике. М.: Аспект Пресс, 2012; *Woodward B.* Bush at War. N.Y.: Simon & Schuster, 2002; *Brown S.* The Illusion of Control. Force and Foreign Policy in 21st Century. Washington: Brookings Institution Press, 2003.

³ См., например: *Cortright D., Vayrynen R.* Towards Nuclear Zero. L.: International Institute for Strategic Studies — Arundel House, 2010; *Getting to Zero: The Path to Nuclear Disarmament* / Ed. by Catherine McArdle Kelleher and Judith Repy. Stanford, CA: Stanford University Press, 2011.

⁴ *Shaw M. R. J.* International Law. 5th ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 1263.

⁵ *Arnett E.* Nuclear Stability and Arms Sales to India: Implications for U.S. Policy. URL: http://www.armscontrol.org/act/1997_08/arnett.asp (дата посещения 22.03.2004); *Kampani G.* The Military Coup in Pakistan: Implications for Nuclear Stability in South Asia. URL: <http://cns.mis.edu./pubs/reports/gaurav.htm> (дата посещения 22.03.2004); *Cotta-Ramusino P., Martinellini M.* Nuclear Safety, Nuclear Stability, and Nuclear Strategy in Pakistan. A Concise Report of a Visit by Landau Network / Centro Volta. URL: <http://mi.inf.it/~landnet/Doc/pakistan.pdf> (дата посещения 30.03.2004); *Joek N.* Maintaining Nuclear Stability in South Asia. L., 1997.

⁶ *Arnett E.* Op. cit. P. 2.

⁷ *Joek N.* Op. cit. P. 8–66.

⁸ *Escalation control and Nuclear Option in South Asia* / M. Krepton, R. W. Jones, Z. Haider (eds). Wahington: The Henry L. Stimson Center, 2004.

⁹ *Waker W.* Weapons of Mass Destruction and International Order. The International Institute for Strategic Studies. Adelphi paper. 2004. No 370. November. P. 9.

¹⁰ *Арбатов А. Г.* Ядерное сдерживание и распространение: диалектика «оружия судного дня» // *Мировая экономика и международные отношения*. 2005. № 1. С. 6–7.

¹¹ О поисках на этом направлении см. во многом не устаревшую и сегодня монографию бывшего министра обороны США Роберта Макнамары «Путем

ошибок — к катастрофе. Опыт выживания в первом веке ядерной эры» (М.: Наука, 1988).

¹² См.: *Perkovich G.* India's Nuclear Bomb. The Impact on Global Proliferation. Berkeley: University of California Press, 1999; *Samore G.* The Korean Nuclear Crisis // *Survival*. Spring 2003. Vol. 45. No 1. P. 7–24.

¹³ *Кокوشин А. А., Веселов В. А., Лусс А. В.* Сдерживание во втором ядерном веке. М.: Ин-т проблем международной безопасности РАН, 2001.

¹⁴ *Carroll E. J.* Why Should You / We Care? Washington: Center for Defence Information, 2001; *Mistry D.* Beyond the MTCR. Building a Comprehensive Regime to Contain Ballistic Missile Proliferation // *International Security*. Spring 2003. Vol. 27. No 4. P. 119–149; Nuclear Stability and Missile Defenses. Como, Italy, 6–8 September 2001 // Pugwash online. Pugwash Meeting no. 266. URL: <http://www.pugwash.org/reports/nw/nw14.htm> (дата посещения 03.04.2004).

¹⁵ См.: *Медведев Р.* Владимир Путин: четыре года в Кремле. М.: Время, 2004. С. 219; *Traynor Y., Borger J.* Bush wins the final battle for star wars // *The Guardian*. 2002. 16 May.

¹⁶ *Lindsay J. M., O'Hanlon M. E.* Defending America: The Case for Limited National Missile Defense. Washington: Brookings Institution Press, 2001; *O'Hanelon M.* ABM Treaty Under Attack // *The Washington Times*. 2001. April 26.

¹⁷ *Тэлботт С.* Билл и Борис. Записки о президентской дипломатии / Пер. с англ. М.: Издательский дом «Городец», 2003. С. 437–440; 447–472.

¹⁸ *Кокوشин А. А.* Ядерные конфликты в XXI веке (типы, формы, возможные участники). М.: Медиа-Пресс, 2003. С. 12.

¹⁹ См.: Стратегическая стабильность в условиях радикальных сокращений ядерных вооружений (краткий отчет об исследовании) / Под рук. А. А. Кокوشина, Р. З. Сагдеева. Сер. «Международный мир и разоружение». № 50. М.: Наука. Общественные науки и современность, 1989. С. 43.

²⁰ *Пикаев В. В.* Российско-американский контроль над стратегическими вооружениями и международная безопасность // *Pro et contra*. Весна 2000. Т. 5. № 2. С. 31.

²¹ *Кривохижа В. И.* Ядерный фактор в современном мире. М.: РИСИ, 1996; *Он же.* Договор СНВ-2 и ядерная стабильность. М.: РИСИ, 1994. См. также: *Рогов С. М.* Россия и США: партнерство или новое отчуждение // *Международная жизнь*. 1995. № 7. С. 5–14.

²² *Blair B. G.* Crisis Stability and Nuclear War. Oxford: Oxford University Press, 1988. P. 14–57; *Он же.* The logic of Accidental Nuclear War. Washington: Brookings Institution, 1993; Дальнейшее развитие методологии Блэйра см.: *Bohlen A.* The Rise and Fall of Arms Control // *Survival*. Autumn 2003. Vol. 45. No 3. P. 7–34.

²³ Попытку представить такую модель ядерной стабильности в структурно-математическом ключе см.: *Powell R.* Nuclear Deterrence Theory, Nuclear Proliferation, and National Missile Defense // *International Security*. Spring 2003. Vol. 27. No 4. P. 86–118.

²⁴ *Kahn H.* On thermonuclear war. Westport: Greenwood Press, 1978.

²⁵ *Liddel Hart B. H.* Deterrent of Defense. L.: Stevens and Sons, 1960.

²⁶ В те годы он определялся как система, в которой качественные и структурные диспропорции в потенциалах не влияют на общее равенство в количествах носителей, боезарядов и их суммарной мощности (см.: *Арбатов А. Г.* Военно-стратегический паритет и политика США. М.: Политиздат, 1984. С. 6).

²⁷ Анализ концепций ядерного сдерживания см.: Нравственные ограничения войны: Проблемы и примеры / Под ред. Б. Коппитерса, Н. Фоушинга, Р. Аперсяна. М.: Гардарика, 2002. С. 180–182; 197–203; *Геловани В. А., Пионтовский А. А.* Эволюция концепций стратегической стабильности: (Ядерное оружие в XX и XXI в.) / Под ред. С. В. Емельянова. М.: Ин-т системного анализа РАН, Ин-т социальной информатики МАИПТ, 1997; *Trachtenberg M.* History and Strategy. Princeton: Princeton University Press, 1991.

²⁸ *Brodie B.* Strategy in the Missile Age. Princeton: Princeton University Press, 1959.

²⁹ См.: *Богатуров А. Д.* Современные теории стабильности и международные отношения России в Восточной Азии в 1970–1990-е гг. М.: Московский общественный научный фонд, 1996. С. 14–16.

³⁰ *Арбатов А. Г.* Военно-стратегический паритет и политика США. М.: Политиздат, 1984. С. 12–22, 51–61.

³¹ *Косошин А. А.* Стратегическое управление: теория, исторический опыт, сравнительный анализ, задачи для России. М.: МГИМО (У) МИД РФ; РОССПЭН. С. 60.

³² *Morgan P.* Saving Face for the Sake of Deterrence // Psychology and Deterrence. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1985. P. 125–152; *Williams Ph.* The Senate and US troops in Europe. L., Basingstoke: Macmillan, 1985.

³³ «Если политика сдерживания рухнет и начнется стратегическая ядерная война с СССР, — указывала, например, американская директива в области обороны на 1984–1988 гг., — Соединенные Штаты должны добиться превосходства и заставить Советский Союз искать скорейшего окончания войны на условиях, выгодных Соединенным Штатам» (цит. по: *Макнамара Р.* Указ. соч. С. 29–30.)

³⁴ *McCwire M.* Perestroika and Soviet National Security. Washington: The Brookings Institution, 1991. P. 24–38.

³⁵ *Halperin M.* Nuclear Fallacy: Dispelling the Myth of Nuclear Strategy. Cambridge: Ballinger, 1987. P. 89–114. *Amm C. H.* NATO strategy and Nuclear Defense. N.Y.: Greenwood Press, 1988. P. 65, 108–125.

³⁶ *Vigueurveno G.* The bomb and European Security. L., 1983. P. 83.

³⁷ *Gaddies J. L.* The Long Peace, Inquiries into History of the Cold War. N.Y.: Oxford University Press, 1987.

³⁸ *Sagan S. D., Waltz K. N.* Op. cit. P. 34, 49, 114. Первоначальная версия главы «More may be better» была изложена еще в 1981 г. в форме статьи. Но в отличие от первоначального варианта в 2003-м Уолтц убрал тревожные размышления о наговских планах использовать тактическое ядерное оружие в деэскалационных целях. Зато он ввел материал о кризисе вокруг северокорейской ядерной программы. Его относительно успешное завершение служит для автора лишним подтверждением старого тезиса о распространении ЯО — «чем больше, тем лучше».

³⁹ *Ibid.* P. 32.

⁴⁰ Sagan S. D., Waltz K. N. Op. cit. P. 60.

⁴¹ Ibid. P. 91, 100.

⁴² Morgan P. *Deterrence Now*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 172–202. В настоящее время, считает Морган, система всеобъемлющего рационального воздействия на оппонента (*general deterrence*) заменяется набором чисто ситуативных реакций (*immediate deterrence*), в число которых может входить в том числе и ограниченный ядерный удар по оппоненту. Здесь автор «*Deterrence Now*» выступает наследником серьезной научной традиции часто цитируемых им Скотта Сагана, Майкла Макгвайра и Лоуренса Фридмана. Однако его прогнозы более пессимистичны. В 1994 г. Саган считал, что угроза ограниченной ядерной войны постепенно отходит на второй план перед другими вызовами. Но уже в 2003 г. Морган говорит: в начале нашего века на новом технологическом субстрате она возрождается.

⁴³ Ibid. P. 271.

⁴⁴ Подробный анализ политики принуждения приведен в работе: *Freedman L. Strategic Coercion: Concepts and Cases*. N.Y.: Oxford University Press, 1998. Автор стремится показать, что идея принудить оппонента к каким-либо действиям военной операцией существовала в англосаксонской политологии и до 1990 г. Опыт же войны в Заливе перевел это теоретическое понятие в реалполитическую категорию.

⁴⁵ См., например: Балтин Э. Черноморский флот может уничтожить корабли НАТО в Черном море за 20 минут // РИА Новости. 2008. 29 августа. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rian.ru>; Hider J., Halpin T. US warship confronts Russian military in 'tinderbox' port // The Times. 2008. No 6. URL: <http://www.timesonline.co.uk>.

⁴⁶ «Много ли убитых иностранных граждан среди погибших с грузинской стороны в зоне боевых действий — я затрудняюсь сказать, но чернокожих грузин с паспортами других государств мы там видели», — заявил на пресс-конференции 11 августа 2008 г. заместитель начальника Генерального штаба РФ генерал-полковник А. А. Ноговицын. См.: Генштаб РФ: США помогли Грузии перебросить военных из Ирака, но в целом ситуация под контролем // Интернет-портал NEWSru.com. NEWSru.com

⁴⁷ См.: Бозатуров А. Д., Фененко А. В. Кризис стратегии «навязанного консенсуса» // Свободная мысль. 2008. № 11. С. 5–18.

⁴⁸ Косолапов Н. А. Пороговый уровень и вероятность конфликта США с Россией // Международные процессы. 2008. Сентябрь—декабрь. № 3 (18). Т. 6. С. 15–25.

⁴⁹ После распада СССР концепции ограниченной войны между Россией и США на полтора десятилетия перестали обсуждаться в открытых публикациях. Поворот на этом направлении произошел только в ходе полемики вокруг развертывания «третьего позиционного района» американской ПРО в Восточной Европе. Весной 2006 г. в популярном американском журнале «*Foreign Affairs*» была опубликована статья, в которой говорилось, что Соединенные Штаты вернули себе ядерное превосходство и обладают способностью для нанесения контрсилового удара по пусковым установкам России и КНР (см.:

Lieber K. A., Press D. G. The Rise of U.S. Nuclear Primacy // Foreign Affairs. March/April 2006. Vol. 85. No 2). В 2007 г. эта проблема стала предметом обсуждения на специально организованных круглых столах российских исследователей. См.: США развяжут войну с Россией // Взгляд. Деловая газета. Электронное издание. 19 июля 2007. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.vz.ru>; Что дало России стратегическое партнерство с США? // Родная газета. 2007. 12–18 июля. № 21 (206).

⁵⁰ Shambaugh D. China Engages Asia: Rashping the Regional Order // International Security. Winter 2004/05. Vol. 29. No 3.

⁵¹ McGwire M. Deterrence: The Problem Not the Solution // SAIS Review. Summer/Fall 1985. Vol. 5. No 2. P. 121.

⁵² Morgan P. Op. cit. P. 28.

⁵³ О возникновении подобной доктрины см.: Шлезингер А. Циклы американской истории. М.: Прогресс-Академия, 1992. С. 578–585.

⁵⁴ Работ о советской ядерной стратегии немного. См., например: Кокوشин А. А. Армия и политика. Советская военно-политическая и военно-стратегическая мысль. М.: Международные отношения, 1995; McGwire M. Perestroika and Soviet National Security. Washington, 1991; Trenin D. The soviet conceptions of nuclear war. Weimar, 1992. Эти исследователи уделяют особое значение тому факту, что в середине 1970-х годов СССР создал разделяющиеся головные части индивидуального наведения, разместил в Европе около 300 ракет средней дальности СС-20, а десятилетие спустя на боевое дежурство Советской армии были поставлены подвижные МБР железнодорожного базирования и на авто-тягачах. Эти тенденции отчетливо показывают, что советские военные стратеги также признавали допустимость концепций гибкого реагирования и контрсилового удара.

⁵⁵ Конечно, русскоязычная литература по общей проблематике безопасности не разделяет категории «обороны» и «безопасности», что резко отличает ее от литературы англосаксонской. Однако в области ядерного сдерживания такое разделение проводится. Подробнее см.: Арбатов А. Г. Безопасность: Российский выбор. М.: ЭПИцентр, 1999; Разоружение и безопасность: 1997–1998. Россия и международная система контроля над вооружениями. М.: Наука, 1997.

⁵⁶ Walker W. Nuclear order and disorder // International Affairs. October 2000. Vol. 76. No 4. P. 706–707.

⁵⁷ Богатуров А. Д. Современные теории стабильности и международные отношения России в Восточной Азии в 1970–1990-е гг. С. 40–42.

⁵⁸ Оценку этих планов см.: Halperin M. Nuclear Fallacy: Dispelling the Myth of Nuclear Strategy. Cambridge: Ballinger, 1987. P. 61–88; Amme C. H. NATO Strategy and Nuclear Defense. N.Y.: Greenwood Press, 1988.

⁵⁹ Sagan S. D., Waltz K. N. Op. cit. P. 17–37.

⁶⁰ См.: например: Коммерсантъ-Власть. 1998. № 21. С. 42–46. См. также: Joek N. Nuclear Developments in India and Pakistan // Access Asia Review. July 1999. Vol. 2. No 2.

⁶¹ См.: The second North Korean nuclear crisis. Australian Institute of International Affairs. URL: http://www.aiaa.asn.au/news/korean_nukes.html (дата посе-

шения 05.04.2004). Подобные наблюдения тем более примечательны, что новая ядерная доктрина США рассматривает конфликт на Корейском полуострове как один из наиболее вероятных сценариев применения тактического ЯО (см.: Независимое военное обозрение. 2002. № 9. С. 2).

⁶² Text of Missile Defense Speech by President Bush, May 1, 2001. URL: <http://www.ceip.org/files/projects/npp/resources/bushnmdspeechtext.htm> (дата посещения 09.12.2004).

⁶³ President Announces Progress in Missile Defense Capabilities. URL: <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2002/12/20021217.html>.

⁶⁴ *Макнамара Р.* Указ. соч. С. 136–149.

⁶⁵ См.: *Gordon M. R.* U.S. Nuclear Plan Sees New Targets and New // New York Times. 2002. March 20; Bunker Busters: Washington's Drive for New Nuclear Weapons, BASIC Research Report by Bromey M., Grahame D., Kucia Ch. July 2002. URL: <http://www.basicint.org/pubs/Research/2002BB.pdf>.

⁶⁶ *Бочаров И.* Создается ядерное оружие четвертого поколения // Независимое военное обозрение. 2005. 14 октября. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://nvo.ng.ru/armament/2005-10-14/6_nuclear.html.

⁶⁷ См.: Пентагон разрабатывает новое ядерное оружие. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://nadin.cinex.ru/kino/2003/May/16/2002/Feb/12/2001/Nov/26/2003/Sep/11/11-25_lc90w2y.html; Гонка вооружений в XXI веке. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://nuclearno.ru/text.asp?6650>.

Перспективы режима запрета ядерных испытаний

Заметным событием конца 2000-х годов стало возрождение дискуссий о целесообразности введения режима запрета ядерных испытаний¹. 5 апреля 2009 г. президент США Барак Обама объявил вступление в силу Договора о всеобъемлющем запрете ядерных испытаний (ДВЗЯИ) одним из приоритетов политики всеобщего ядерного разоружения, а 15 апреля 2009 г. Б. Обама предложил конгрессу ратифицировать этот документ. Эти события побудили экспертов провести серию конференций и реализовать ряд научных проектов, посвященных проблеме целесообразности вступления в силу ДВЗЯИ. Победа республиканцев на выборах в конгресс в ноябре 2010 г. вновь отодвинула перспективы ратификации ДВЗЯИ на неопределенный срок. И все же возможности вступления в силу этого документа сохраняются. (Достаточно отметить, что ядерные державы реализуют дорогостоящий проект по созданию международной системы мониторинга за ядерными испытаниями.)

Инициативы Белого дома вызвали, однако, настороженную реакцию других стран. Россия официально приветствовала намерения администрации Б. Обамы, но в российских СМИ появились скептические публикации о перспективах сохранения режима запрета ядерных испытаний. Государства ЕС, несмотря на одобрение инициативы Белого дома, запустили серию проектов по изучению ДВЗЯИ. Предложения администрации Б. Обамы формально поддержала и КНР. Но Пекин не ратифицировал ДВЗЯИ и сомневается в возможности сохранения ядерных арсеналов без проведения натуральных ядерных испытаний. Обозначившиеся перспективы вступления в силу ДВЗЯИ привели к возобновлению дискуссий 10–15-летней давности о целесообразности подписания этого договора. Вопрос о роли ядерных испытаний для поддержания системы стратегической стабильности остается актуальным².

Судьба режима запрета ядерных испытаний интересна и тем, что он, по мнению ряда исследователей³, служит связующим звеном между процессами горизонтального и вертикального распространения ЯО.

ДВЗЯИ создает (по крайней мере, гипотетически) препятствия для наращивания ядерных потенциалов легальных ядерных держав и в этом смысле блокирует вертикальное распространение. Одновременно он делает невозможным проведение натуральных ядерных испытаний пороговыми странами, затрудняя их доступ к получению ЯО. У этих стран нет развитых систем компьютерного моделирования ядерных испытаний, и ДВЗЯИ служит своеобразной технической гарантией их невступления в «ядерный клуб». Провал его ратификации, напротив, может рассматриваться неядерными странами как отказ ядерных держав соблюдать свои обязательства в рамках VI статьи ДНЯО: двигаться по пути ограничения гонки вооружений и в перспективе полной ликвидации ядерного оружия. В этом смысле перспектива вступления (или невступления) в силу ДВЗЯИ становится одним из ключевых условий для обеспечения стабильности в ядерной сфере.

3.1. Возникновение проблемы запрета ядерных испытаний

Проблема запрета ядерных испытаний настолько затрагивает самые чувствительные сферы национальных интересов, что неизбежно возникает вопрос: зачем ядерные державы подписали этот документ? Либералы объясняют данный запрет стремлением всех стран уменьшить опасность развязывания ядерной войны. Реалисты видят в ДВЗЯИ механизм подрыва военного ядерного комплекса оппонента. Военные эксперты просчитывают выгоды или издержки от развития технологий электронного моделирования ядерных взрывов или Международной системы мониторинга ядерных взрывов (МСМ). Но в международных отношениях этот договор всегда выполнял двойную функцию. С одной стороны, ДВЗЯИ был призван укрепить режим нераспространения ядерного оружия. С другой, — он выступал составной частью советско-российско-американской системы стратегической стабильности.

Идея запрета ядерных испытаний не нова. Еще 2 апреля 1954 г. премьер-министр Индии Джавахарлал Неру призвал все страны к прекращению ядерных испытаний (*standstill agreement*). На Лондонской встрече «подкомитета пяти» Комиссии по разоружению СБ ООН⁴ 25 февраля — 18 мая 1955 г. СССР предложил заключить специальное соглашение о прекращении ядерных испытаний, за соблюдением которого следила бы специальная международная комиссия. 17 ноября 1956 г. СССР выдвинул новую программу разоружения. Основные ее положения касались сокращения вооруженных сил держав-победительниц, а также запрета ядерных испытаний. В январе 1957 г. СССР

внес в «подкомитет пяти» проект резолюции, призывавшей ядерные державы к прекращению испытаний⁵. (Для демонстрации серьезности намерений Москва в марте 1958 г. ввела односторонний мораторий на ядерные испытания до тех пор, пока другие ядерные державы не откажутся от их проведения.) 31 октября 1958 г. в Женеве начались переговоры СССР, США и Великобритании о прекращении ядерных испытаний на основе рекомендаций технических экспертов ООН. Однако из-за позиции Вашингтона и Лондона подписать соглашение не удалось. Лидеры Соединенных Штатов и Великобритании опасались, что Советский Союз пытается подорвать их ядерные комплексы, сохраняя при этом ощутимое превосходство в обычных вооруженных силах.

Идея запрета ядерных испытаний в то время была малореалистичной. До конца 1960-х годов проведение натуральных ядерных испытаний было необходимо для развития ядерного оружейного комплекса⁶. Они позволяли:

- подтвердить возможность создания ядерного взрывного устройства;
- изучить физические свойства ядерных взрывов;
- усовершенствовать конструкцию ядерных боезарядов;
- проверить степень боеготовности новых ядерных систем;
- получить представление о мощности новых ядерных боезарядов;
- развить системы установки ядерных боезарядов на носители;
- исследовать воздействие поражающих факторов ядерного взрыва на гипотетический ход боевых действий.

Ситуация стала меняться после Карибского кризиса 1962 г., создавшего угрозу ядерной войны. СССР и США начали выработать правила поведения в конфликтах с третьими странами и договариваться о правилах сокращения вооружений. Неконтролируемые ядерные испытания усиливали угрозу непреднамеренного возникновения ядерного конфликта. 5 августа 1963 г. представители СССР, США и Британии подписали в Москве Договор о запрещении ядерных испытаний в трех сферах (*Partial Test Ban Treaty, ПТБТ*)⁷. Этот документ запретил проведение ядерных испытаний в атмосфере, под водой и в космическом пространстве, разрешив только подземные ядерные взрывы. В Московском договоре был введен запрет на проведение взрывов, ведущих к выбросу радиоактивных осадков за пределы национальной территории. Решалась проблема дифференциации испытательных взрывов ядерного оружия и мирных ядерных взрывов. Однако в документе не упоминалось о гидроядерных и подкритических испытаниях (неядерно-взрывные эксперименты), которые по-прежнему проводились.

Условия Договора 1963 г. были дополнены в 1970-х годах двумя соглашениями. 3 июля 1974 г. в Москве состоялось подписание Договора об ограничении подземных испытаний ядерного оружия (*Threshold Test Ban Treaty — ТТБТ*)⁸. Стороны обязывались ограничить подземные испытания мощностью 150 кт. В документе фиксировалось, что «каждая из сторон ограничит свои подземные испытания ядерного оружия малым количеством». Это положение не означало конкретные обязательства, но демонстрировало намерение СССР и США начать переговоры о запрете ядерных испытаний.

28 мая 1976 г. СССР и США подписали Договор об ограничении мирных ядерных испытаний (*Peaceful Nuclear Explosions Treaty — ПНЕТ*)⁹. Он предусматривал ограничение мирных ядерных взрывов мощностью 150 кт. Вводилось положение о процедурах, исключающих возможность использования мирных ядерных взрывов в военных целях. Подтверждалось положение ДНЯО о том, что неядерные державы могут проводить мирные ядерные взрывы только под контролем легальных ядерных держав. Оба договора до 1990 г. не были ратифицированы.

В 1970-х годах ситуация изменилась. *Во-первых*, началось быстрое развитие систем электронного моделирования ядерных взрывов. *Во-вторых*, был достигнут прогресс в развитии гидроядерных и подкритических испытаний. *В-третьих*, усовершенствовались технологии экспериментов «нулевой мощности»: минимальных опытов по расщеплению атомного ядра без побочного выделения энергии. Эксперты заговорили о возможности продолжения развития ЯО без проведения натуральных ядерных испытаний. (Хотя скептики и возражали, что электронные испытания позволяют получить представления только о калибре и массе, но не техническом дизайне самого ядерного боезаряда.)

Укреплению этих настроений способствовала логика развития режима нераспространения ЯО. В 1968 г. был подписан Договор о нераспространении ядерного оружия. Его VI статья обязывала легальные ядерные державы продвигаться по пути ограничения гонки вооружений и полного ядерного разоружения. Но ДНЯО первоначально был подписан только на 30 лет. С середины 1970-х годов неядерные государства при поддержке Индии увязывали проблему его сохранения с выполнением «ядерной пятеркой» своих обязательств. Возникла опасность, что без существенных доказательств приверженности ядерных держав процессу перманентного ядерного разоружения неядерные страны откажутся от продления ДНЯО на бессрочный период.

Параллельно среди великих держав усилился интерес к созданию технической системы контроля над ядерными взрывами. Еще в 1976 г.

Конференция ООН по разоружению учредила Научную экспертную группу (*Group of Scientific Experts*), разрабатывавшую модели использования сейсмических станций в целях наблюдения за проведением ядерных испытаний. Речь шла о привлечении ресурсов Всемирной метеорологической организации экспериментальной компьютерной сети *ARPANET* (США) и создании международного центра данных. В 1984 и 1991 гг. группа организовала два технических эксперимента с целью выявить возможности сейсмических станций улавливать колебания, произведенные подземными ядерными взрывами.

Под воздействием этих тенденций в 1977–1980 гг. СССР, США и Великобритания провели трехсторонние переговоры о полном запрете ядерных испытаний. Переговоры проходили сложно¹⁰. США и Великобритания настаивали на полном запрещении проведения всех ядерных испытаний. СССР, напротив, стремился сохранить за собой право проводить ядерные взрывы в мирных целях. (В Советском Союзе с 1965 г. реализовывалась программа использования ядерных взрывов в интересах народного хозяйства.) В крайнем случае Москва соглашалась только ввести бессрочный мораторий на подобные испытания. Стороны согласовали идею совместного использования национальных сейсмостанций, действующих в автоматическом режиме за пределами национальной территории. Однако стороны не приняли решения о порядке проведения инспекций и сроке действия договора. (Администрация Дж. Картера настаивала на ограниченном временном промежутке действия ДВЗЯИ — от 3 до 5 лет.) Ввод советских войск в Афганистан (1979) стал удобным поводом для свертывания трехсторонних переговоров. Администрация Р. Рейгана заявила в 1981 г. об отказе от их продолжения.

Неудача лондонских переговоров была вызвана серьезными причинами. Советские эксперты опасались превосходства Соединенных Штатов в средствах электронного моделирования ядерных взрывов. Тревогу вызывал и тот факт, что советские боезаряды, сконструированные на основе плутония, требовали регенерации расщепляющихся материалов чаще, чем американские, сконструированные на основе природного урана. (Фактор, не поддающийся электронному моделированию¹¹.) Американские и британские аналитики со своей стороны беспокоились из-за сохраняющегося превосходства СССР в обычных вооруженных силах и боялись ослабления на этом фоне своих ядерных комплексов¹².

Похоже, что в конце 1970-х годов существование модели взаимного ядерного сдерживания без проведения натуральных ядерных испытаний пока еще не было возможным. (В 1980-х годах и СССР, и США реализовали масштабные программы полигонных ядерных испытаний.)

Ситуация изменилась только во второй половине 1980-х годов, что было связано с целым комплексом причин. Первая — рост значимости международного экологического движения, которое после появления концепции ядерной зимы (1983) и аварии на Чернобыльской АЭС (1986) требовало ограничить военную ядерную деятельность. Вторая — стремление нового советского руководства во главе с М. С. Горбачевым выстроить новую, менее конфронтационную систему отношений с США. Третья — широкое распространение в 1980-х годах электронно-вычислительной техники. Появились экспертные прогнозы, что новый технологический уровень позволит модернизировать ЯО без проведения натуральных испытаний.

С начала 1980-х годов ученые-ядерщики разных стран предлагали отказаться от ядерных испытаний. В 1985 г. эту точку зрения поддержали заместитель министра иностранных дел СССР Григорий Корниенко и помощник генерального секретаря ЦК КПСС по международным делам Анатолий Черняев. В США противником запрета ядерных испытаний выступал министр обороны Каспар Уайнбергер и его советник — известный эксперт в области контроля над вооружениями Ричард Пёрлз¹³. Но президент Рональд Рейган и госсекретарь Дж. Шульц были сторонниками глубокого сокращения ЯО, которое, по их мнению, облегчало в будущем задачу развертывания системы ПРО космического базирования. (Нельзя, впрочем, исключать, что президент Р. Рейган искренне верил в ПРО как альтернативу ядерному сдерживанию.)

В таких условиях переговоры о всеобъемлющем запрете ядерных испытаний возобновились. Для советского руководства они были шагом к выдвинутой 15 января 1986 г. инициативе М. С. Горбачева о полном ядерном разоружении, для Соединенных Штатов — альтернативой малореалистичному, по мнению Вашингтона, советскому предложению. (Так, по крайней мере, прозвучало в предложении президента США Р. Рейгана 14 марта 1986 г.) Задачей новых переговоров считали в Белом доме усиление системы контроля над вооружениями, начало переговоров о сокращении стратегических ядерных сил, обеспечение большей прозрачности военной ядерной сферы и укрепление международной безопасности и стабильности. 25 июля 1986 г. СССР и США возобновили в Женеве переговоры о запрете ядерных испытаний.

Женевские переговоры проходили сложно¹⁴. В 1985 г. Советский Союз ввел годичный мораторий на проведение ядерных испытаний. Но США не поддержали его, и в 1987 г. ядерные испытания в СССР возобновились. Похожая ситуация повторилась и в 1989–1990 гг. Ситу-

ация изменилась после того, как в 1990 г. Соединенные Штаты обязались ратифицировать Договоры 1974 и 1976 гг. 5 октября 1991 г. Россия ввела односторонний мораторий на проведение ядерных испытаний сроком на один год. 5 июля 1993 г. он был продлен до тех пор, пока такой мораторий, объявленный другими государствами, обладающими ядерным оружием, будет де-юре или де-факто соблюдаться ими. Аналогичный мораторий ввели в 1992 г. и США.

Обе сверхдержавы пришли к необходимости создания полноценной системы контроля над ядерными испытаниями. В 1983 г. Швеция предложила обеспечить будущий ДВЗЯИ соответствующими системами наблюдения. В 1987 г. СССР и другие социалистические страны в рамках Научной экспертной группы согласились с этим предложением. СССР и США провели в 1988–1989 гг. эксперимент по совместному наблюдению за ядерными полигонами в Неваде и Семипалатинске. Он доказал, что при определенных условиях сверхдержавы могут согласиться с частичным международным наблюдением за их ядерными полигонами.

Идея запрета ядерных испытаний была закономерным этапом развития системы стратегической стабильности. В ее основе лежала логика взаимно гарантированного уничтожения, основанная на механизме девальвации нанесения упреждающего ядерного удара в заданное время. В этой связи обе сверхдержавы разрабатывали механизмы контроля над стратегическими вооружениями, включавшего ограничение ядерных испытаний. Углубление стратегического диалога позволило поставить вопрос о полном отказе от их проведения. Нераспространение ЯО (обязательства в рамках VI статьи ДНЯО) выступало дополнительным фактором активизации этого процесса.

Но неравенство в средствах компьютерного моделирования СССР и США делало будущий договор более выгодным для американской стороны. Ситуация усугубилась после распада СССР (1991) и начала длительной экономической депрессии в стране. Перед российской стороной стояла задача сгладить диспропорцию в рамках будущего договора. В Соединенных Штатах, напротив, усиливались настроения в пользу отхода от принципов стратегической стабильности ради достижения стратегической неувязимости.

3.2. Разработка и подписание ДВЗЯИ

Начало 1990-х годов стало временем прорыва на переговорах по ДВЗЯИ. Толчком к этому послужило обострение по нераспространению ЯО. Дискуссии вокруг советского ядерного наследства 1991–

1994 г. доказали хрупкость ДНЯО. Весной 1995 г. предстояла также Нью-Йоркская конференция по бессрочному продлению ДНЯО. Неядерные государства требовали от «ядерной пятерки» подтверждения своих обязательств в рамках VI статьи договора. В Москве и Вашингтоне опасались, что ряд неядерных стран (прежде всего, Ближнего Востока) заблокирует этот процесс. Переговоры по ДВЗЯИ выглядели, таким образом, своеобразной «платой» легальных ядерных держав за согласие неядерных стран на бессрочное продление ДНЯО.

Ускорению переговоров по ДВЗЯИ способствовали и стратегические расчеты¹⁵. В условиях превосходства США в средствах электронного моделирования этот договор вписывался в общую логику действий американской стороны. Россия также была заинтересована в нем. С 1993 г. администрация У. Клинтона требовала от России свернуть сотрудничество в сфере мирного использования атомной энергии с Ираном и Индией. Американские СМИ формировали новый образ России — страны, сотрудничающей с «государствами-изгоями» вплоть до предоставления им помощи в создании ЯО¹⁶. Москве требовалось доказать свою приверженность международному режиму нераспространения ЯО.

Возникла уникальная ситуация, когда политические расчеты российских и американских элит стали превалировать над военно-техническими аспектами системы ядерного сдерживания.

Прорыв на переговорах был достигнут на встрече в Ванкувере 3–4 апреля 1993 г. В ходе саммита президент России Б.Н. Ельцин предложил президенту США У. Клинтону начать переговоры о подписании ДВЗЯИ, подписать документ в многостороннем формате и в пакете с Договором о запрещении производства расщепляющихся материалов в военных целях (ДЗПРМ). 22 августа 1993 г. Белый дом согласился с российскими предложениями. 16 декабря 1993 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла две резолюции — № 48/70 и 48/75 L. На их основе 25 января 1994 г. в Женеве начались параллельные переговоры по выработке текста обоих документов.

Переговоры по ДВЗЯИ проходили в конфликтной атмосфере¹⁷. Основным их содержанием стало соперничество российского и индийского проектов ДВЗЯИ. Индия предложила ввести жесткое наблюдение за полигонами легальных ядерных держав, Россия — равное наблюдение за полигонами ядерных и неядерных держав. На встрече «Группы семи» в Галифаксе (Канада) 17–18 июня 1995 г. США поддержали российское предложение. В ответ Индия вышла из переговорного процесса, заявив, что ДВЗЯИ создает режим монополии легальных

ядерных держав. Ядерные испытания 1998 г. Дели мотивировал именно «дискриминационными условиями ДВЗЯИ».

До настоящего времени существует две трактовки переговорного процесса 1995 г. Российские военные (например, бывший начальник Главного штаба РВСН генерал-полковник В. И. Есин¹⁸), утверждают, что принцип нулевой мощности был внесен по инициативе США и недовольство республиканцев объясняется традиционным межпартийным соперничеством. Американские эксперты утверждают, что принцип «нулевой мощности» был неоправданной уступкой России со стороны администрации У. Клинтона¹⁹. Американские эксперты ссылались при этом на публикации в российских СМИ о недовольстве Минатома и 12-го Главного управления Министерства обороны РФ условиями ДВЗЯИ²⁰. Так или иначе, на встрече в Нью-Йорке 23 октября 1995 г. президенты У. Клинтон и Б. Н. Ельцин выработали компромисс.

Проведение подкритических и гидроядерных испытаний было решено запретить. Но все легальные ядерные державы получили право проводить эксперименты «нулевой мощности» (*zero yield*) для поддержания безопасности своего ЯО. Республиканская оппозиция в конгрессе США трактовала Нью-Йоркские соглашения как невыгодные для Вашингтона.

Особый конфликтный узел сформировался вокруг вопроса о принципах проведения инспекций. Великие державы спорили о праве организации по ДВЗЯИ проводить инспекции по своему усмотрению или запрашивать согласия соответствующего государства. В мае 1996 г. российская делегация предложила, что односторонние инспекции могут проводиться на основе решения Исполнительного секретариата организации по ДВЗЯИ. (Решения в нем, по мнению российской стороны, должны были приниматься консенсусом по модели Совета Безопасности ООН.) Российские предложения поддержали КНР, Индия и Пакистан. Но США, Великобритания и Франция предложили проводить односторонние инспекции не только по решению будущей организации по ДВЗЯИ, но также с санкции ее технического секретариата. 1 августа 1996 г. Россия согласилась с этими предложениями. Американские эксперты расценили этот шаг как плату Москвы за согласие США на концепцию нулевой мощности.

Дополнительные дискуссии вызвал вопрос о создании режима временного применения (*temporary application*) отдельных положений ДВЗЯИ. Речь шла о возможности применения отдельных статей договора до его вступления в силу. В августе 1996 г. с такими предложе-

ниями выступили Канада и Австралия²¹. Но Россия, США и Великобритания отказались поддержать его. Их аргумент сводился к тому, что в этом случае ДВЗЯИ потеряет свой универсальный характер и привязку к VI статье ДНЯО.

Окончательный текст ДВЗЯИ был согласован в Женеве 10 сентября 1996 г. и открыт для подписания на 51-й Генеральной Ассамблее ООН 24 сентября 1996 г. Договор подписали все легальные ядерные державы и около 160 неядерных держав. Участники договора обязались не производить натуральных ядерных испытаний, не побуждать и не поощрять государства, пытающиеся их проводить. До вступления в силу договора была создана подготовительная комиссия Организации по ДВЗЯИ со штаб-квартирой в Вене. Основными «гарантами» соблюдения Договора стали Международная система мониторинга за ядерными взрывами и Временный технический секретариат (ВТС) при подготовительной комиссии Организации по ДВЗЯИ. Депозитарием договора был объявлен Генеральный секретарь ООН.

Подписание ДВЗЯИ было скорее декларацией о намерениях, чем реальным соглашением о немедленном запрете ядерных испытаний. Для вступления договора в силу требовалась сложная процедура его ратификации половиной подписавших его государств, треть из которых составляли бы ядерные державы или государства, обладающие замкнутым ядерным топливным циклом. Дискуссии сместились в парламенты стран—участниц договора. В этом смысле споры вокруг ратификации ДВЗЯИ стали началом обсуждения вопроса о целесообразности запрета натуральных ядерных испытаний.

3.3. Проблема ратификации ДВЗЯИ

Одной из ключевых проблем ратификации ДВЗЯИ была его изначальная ориентация на систему ядерного сдерживания²². Официально этот договор был призван укрепить VI статью ДНЯО, но объективно он ограничивал процесс модернизации ядерного оружейного комплекса легальных ядерных держав. Поэтому почти все ядерные державы сделали оговорки в процессе его ратификации.

Более того, в тексте ДВЗЯИ был заложен ряд юридических коллизий. В договоре (как и в договоре о запрете ядерных испытаний в трех сферах 1963 г.) не проводилось различий между ядерными испытаниями и применением ЯО в ходе военных действий. Косвенно это положение можно было трактовать как отказ стран—участниц договора от доктрины нанесения упреждающего ядерного удара²³. Непроясненной осталась и процедура выхода из ДВЗЯИ. Формально (как и в рамках

ДНЯО) покидающая договор страна обязана за три месяца уведомить Организацию по ДВЗЯИ. Фактически до момента вступления в силу договора даже ратифицировавшие его страны придерживаются введенных в 1990-х годах добровольных мораториев на запрет ядерных испытаний. Теоретически для приостановки участия в ДВЗЯИ достаточно отменить мораторий на ядерные испытания, ведь до настоящего времени в действие этот договор не вступил.

Легче всего договор был ратифицирован *Великобританией*, что связано с особенностью ее ядерной стратегии. Ядерные силы страны с 1962 г. были включены в систему ядерного планирования США. Политическое решение об использовании ЯО Лондон принимает вместе с Вашингтоном. Любая модернизация британских ядерных сил проводится с участием Пентагона, как это было, например, в 1980-х годах. Поэтому в 1998 г. ратификация ДВЗЯИ прошла без серьезных оговорок. Более сложно дискуссии о ратификации ДВЗЯИ проходили во *Франции*. В 1992 г. Париж объявил мораторий на проведение ядерных испытаний до конца года.

Президент Франции Ф. Миттеран 26 октября 1993 г. заявил об отказе возобновить ядерные испытания до окончания своего президентского мандата. Но летом 1995 г. Франция объявила о выходе из моратория и осенью 1995 г. испытала пять ядерных взрывных устройств. Среди французских политиков были сильны настроения в пользу их продолжения. Только в 1998 г. Франция ратифицировала ДВЗЯИ, оговорив за собой право выхода из договора в случае возникновения угрозы жизненным интересам страны.

Однако ни Великобритания, ни Франция не объявили после подписания ДВЗЯИ временного моратория на проведение ядерных испытаний. Лондон никогда не объявлял подобный мораторий. Париж приостанавливал мораторий летом 1995 г. и как будто вернулся в него после проведения ядерных испытаний в начале 1996 года. Теоретически обе страны могут возобновить их даже без денонсации ДВЗЯИ. Достаточно будет сослаться на невступление в силу этого договора и отсутствие юридически оформленного временного моратория на запрет ядерных испытаний.

Серьезные оговорки при ратификации ДВЗЯИ сделала *Российская Федерация*. 19–20 апреля 1996 г. в Москве прошла встреча стран «Группы семи» по проблемам ядерной безопасности, участие в которой приняла и Россия, назвавшая условия, на которых она согласилась подписать ДВЗЯИ²⁴.

Во-первых, Россия объявила о запуске Федеральной программы поддержания безопасности ядерного арсенала в отсутствие натуральных

ядерных испытаний, предполагавшей создание центров обеспечения ядерной безопасности и проведение экспериментов нулевой мощности.

Во-вторых, Россия заявила о возможности выхода из ДВЗЯИ при появлении угрозы национальным интересам. Этот тезис был закреплен в специальном коммюнике, переданном участникам московской встречи «Группы семи». С аналогичным заявлением выступил 14 мая 1996 г. и российский представитель на переговорах в Женеве по ДВЗЯИ.

В-третьих, на Московской встрече Россия добилась разграничения полномочий МАГАТЭ и национальных государств по вопросам поддержания ядерной безопасности. Безопасность ядерных арсеналов (а следовательно, и ядерных испытаний) была отнесена к сфере исключительно национальной ответственности. Это позволило снять потенциально опасные дискуссии о необходимости введения различных вариантов международного контроля за процессом запрещения ядерных испытаний.

В-четвертых, Россия увязала подписание ДВЗЯИ с размещением ЯО на территории новых членов НАТО, заявив о необходимости продолжать переговоры о создании безъядерной зоны в Центрально-Восточной Европе. Подписанный 27 мая 1997 г. основополагающий акт Россия—НАТО зафиксировал отсутствие у стран НАТО намерения размещать ЯО на территории новых членов²⁵. Но в случае пересмотра Вашингтоном и Брюсселем этого обязательства Москва оставила за собой право выйти из ДВЗЯИ в соответствии с заявлением от 14 мая 1996 г.

Основные положения этих заявлений были повторены в ходе дебатов о ратификации ДВЗЯИ в Федеральном собрании РФ²⁶. 27 мая 2000 г. Россия ратифицировала этот договор, сохранив в силе все оговорки 1996 г.

Еще более сложно дискуссии о ратификации ДВЗЯИ проходили в США. В 1992 г. администрация Дж. Буша-старшего запустила Федеральную программу поддержания безопасности мест хранения ядерных боезарядов (*Stockpile Stewardship and Management Program*). Она предполагала проведение экспериментов «нулевой мощности». Но ряд ее положений противоречил ДВЗЯИ. После победы республиканцев на выборах в конгресс 8 ноября 1994 г. дебаты усилились. Сторонники ратификации доказывали, что ДВЗЯИ усилит режим нераспространения ЯО. Противники утверждали, что создание МСМ создает угрозу внешнего наблюдения за американскими ядерными объектами. Республиканское большинство в конгрессе оказалось восприимчивым к аргументам скептиков²⁷. 13 октября 1999 г. сенат США отказался ратифицировать ДВЗЯИ.

Наиболее скептическую позицию заняло руководство *КНР*. Пекин провел в 1996–1998 гг. подготовительную работу к ратификации ДВЗЯИ. Но после начала военной операции НАТО против Югославии 24 марта 1999 г. КНР приостановила этот процесс. В дальнейшем Китай увязал процесс ратификации ДВЗЯИ и с позицией Вашингтона по проблеме развертывания системы ПРО. Дополнительным фактором, способствовавшим росту скептических настроений в Пекине, стало обострение в 2004–2005 гг. тайваньской проблемы. Российские эксперты полагают, что Пекин обеспокоен вопросом поддержания безопасности своего ядерного арсенала без ядерных испытаний.

Во второй половине 1990-х годов дискуссии вокруг ратификации ДВЗЯИ стали наполняться новым содержанием. Отказ США от ратификации договора позволил России получить морально-политические преимущества. На саммите ОБСЕ в Стамбуле 18–19 ноября 1999 г. президент Б. Н. Ельцин заявил, что РФ в ближайшее время ратифицирует ДВЗЯИ²⁸. По настоянию российской стороны этот вопрос стал одним из центральных на VI Обзорной конференции по ДНЯО (24 апреля — 20 мая 2000 г.). Российская сторона попыталась превратить ДВЗЯИ в один из ключевых компонентов российско-американского стратегического диалога.

Сначала действия России были успешны. 1 мая 2000 г. все легальные ядерные державы (включая США) выразили поддержку ратификации Россией ДВЗЯИ и Договора СНВ-2. Итоговое коммюнике VI Обзорной конференции постановило необходимость:

- 1) скорейшего вступления в силу ДВЗЯИ;
- 2) продолжения переговоров по ДЗПРМ;
- 3) ускорения переговоров по заключению Договора СНВ-3;
- 4) укрепления Договора по ПРО как ключевого компонента стратегической стабильности²⁹.

Возникла тенденция к использованию ДВЗЯИ как предлога для обсуждения более широкого круга проблем, связанных с сохранением системы стратегической стабильности.

На протяжении 2000 г. Россия пыталась усилить роль ДВЗЯИ в стратегическом диалоге с США. В ходе московской встречи 3–5 июня 2000 г. президенты У. Клинтон и В. В. Путин включили вопрос о ратификации ДВЗЯИ в Декларацию о принципах стратегической стабильности. На саммите «Группы восьми» на Окинаве (Япония, 20–22 июля 2000 г.) оба президента согласились продолжить совместную работу над проблемами ратификации ДВЗЯИ³⁰. На «саммите тысячелетия»

ООН (Нью-Йорк, 6 сентября 2000 г.) этот вопрос ДВЗЯИ был внесен в Российско-американскую инициативу по сотрудничеству в сфере стратегической стабильности³¹. Стороны договорились продолжать переговоры по проблемам всеобъемлющей ратификации договора и сокращение стратегических наступательных вооружений, диалоги о модификации Договора по ПРО и вступлении в силу Договора СНВ-2. Эти положения повторяли условия итогового коммюнике VI Обзорной конференции по ДНЯО.

Но в то же время Россия попыталась склонить Индию к возобновлению переговоров о присоединении к ДВЗЯИ, предложив Дели сотрудничество в сфере атомной энергетики в обмен на присоединение к ряду соглашений в сфере нераспространения ЯО (включая ДВЗЯИ). В ходе визита президента В. В. Путина в Индию стороны 2 октября 2000 г. подписали Декларацию о сотрудничестве в сфере мирного использования атомной энергии. 5 октября 2000 г. В. В. Путин также заявил, что Россия поддержит присоединение Дели к ДВЗЯИ³².

На первый взгляд в индийском вопросе Россия действовала параллельно США. (Еще в ходе визита в Дели 21–24 марта 2000 г. президент У. Клинтон заявил, что присоединение Индии к ДВЗЯИ — обязательное условие для снятия с нее части американских санкций.) Но поставки Россией атомного топлива для индийской АЭС в Тарапуре осудили в декабре 2000 г. почти все участники Группы ядерных поставщиков. В американских СМИ появились публикации о том, что Россия лишилась «морального права» быть инициатором процесса всеобъемлющей ратификации ДВЗЯИ. Попытка объединить российско-индийские переговоры по ДВЗЯИ с российско-американским диалогом по проблеме нераспространения ЯО оказалась неудачной.

Приход к власти республиканской администрации Дж. Буша-младшего (2001–2008) вызвал сужение повестки переговоров о сокращении вооружений. Новая администрация отказалась от ратификации Нью-Йоркского протокола к Договору СНВ-2 (1997), без которого его вступление в силу было невозможно. 13 июня 2002 г. США вышли из Договора по ПРО. В 2004 г. Белый дом свернул Российско-американскую программу спутникового наблюдения и отказался от строительства с Россией совместного центра обмена данными о пусках баллистических ракет. Продолжение диалога об укреплении ДВЗЯИ временно потеряло смысл.

Тенденцию усилили появившиеся в начале 2000-х годов сообщения о создании в США нового поколения «сверхмалого» ЯО. Несмотря на принятие резолюции «Фурс–Спратта», работы по модификации ядерных боезарядов продолжались в рамках запущенной в 1995 г. Федераль-

ной программы обновления боеголовок для баллистических ракет на подводных лодках. Весной 2002 г. американские СМИ опубликовали серию материалов о ведущихся в США работах по созданию ЯО мощностью менее 5 кт. Согласно принятому 8 января 2002 г. «Обзору ядерной политики США», подобные боезаряды предназначались для поражения сильнозащищенных заглубленных целей (*bunker-busters*). Такой шаг означал возможность возобновления Вашингтоном программы проведения подкритических и гидроядерных испытаний.

США также стали поднимать вопрос о гарантиях соблюдения Россией условий ДВЗЯИ. В 2002 г. в американских СМИ появились публикации о том, что под видом экспериментов с отрицательной мощностью Россия реализует программу подкритических и гидроядерных испытаний³³. Публикации усилились во время визита в Россию секретаря Подготовительной комиссии по ДВЗЯИ В. Хоффманна 24–29 марта 2003 г., которому российская сторона продемонстрировала ядерные полигоны на Новой Земле. Публикации о «сокрытии» Москвой определенных компонентов Федеральной программы поддержки ядерного арсенала были негативно встречены российскими экспертами, поскольку обвинения исходили от страны, не ратифицировавшей ДВЗЯИ³⁴.

Эти события усилили скептицизм в отношении ДВЗЯИ. В 2005–2006 гг. прошла серия международных конференций в поддержку скорейшей ратификации этого договора³⁵. Однако в России и США появились публикации о скором «коллапсе ДВЗЯИ»³⁶. Наиболее вероятными его сценариями считались:

- 1) начало масштабной модернизации ядерного арсенала США и, как следствие, принятие аналогичных мер Россией и КНР;
- 2) опасения КНР и, вероятно, Франции из-за невозможности поддерживать ядерные арсеналы на уровне, необходимом для сохранения статуса ядерной державы;
- 3) выход России из ДВЗЯИ для реализации запущенных в 2004–2005 гг. программ модернизации своих стратегических ядерных сил;
- 4) проведение ядерных испытаний одним из «пороговых» государств или их возобновление странами, не присоединившимися к ДВЗЯИ (Индия и Пакистан).

Тревоги по поводу реализации этих сценариев усилились после испытания КНДР ядерного взрывного устройства 9 октября 2006 г. Совет Безопасности ООН 14 октября 2006 г. единогласно принял резолюцию № 1718, осудившую этот шаг. Но в октябре—ноябре 2006 г. в Японии

прошли парламентские слушания о возможности пересмотра безъядерного статуса Токио. Опасения вызвали и подтвержденные в 2004 г. сведения о реализации Южной Кореей не задекларированной в МАГАТЭ программы обогащения урана. Последствий японские дебаты и действия Южной Кореи не имели, однако они наглядно показали, каким образом может быть реализован сценарий вероятного коллапса ДВЗЯИ.

Тревоги усилились в ходе российско-американского дипломатического конфликта вокруг третьего позиционного района ПРО. В Мюнхенской речи 10 февраля 2007 г. президент В. В. Путин заявил, что в ответ на размещение американских противоракет в ЦВЕ Россия может пересмотреть ряд обязательств в рамках договоров об ограничении/сокращении вооружений. Российские эксперты не исключали, что американские противоракеты в Польше и Чехии могут быть оснащены ядерными боеголовками. Такой шаг вступил бы в противоречие с условиями основополагающего акта Россия—НАТО и Римской декларации 2002 г. Опираясь на заявление от 14 мая 1996 г., Москва теоретически могла ввести мораторий на соблюдение ДВЗЯИ, как это произошло в отношении ДОВСЕ.

Американские эксперты с опасением восприняли возобновление в России дискуссии о целесообразности продолжения участия в ДВЗЯИ. 21 апреля 2009 г. фракция КПРФ начала в Государственной думе РФ сбор подписей в поддержку проведения парламентских слушаний о возможном выходе России из договора, что вызвало публикации в СМИ о нарастании в стране скептицизма в отношении его перспектив.

Попытки президента Б. Обамы активизировать дискуссии вокруг ратификации ДВЗЯИ оказались неудачными. Решения VIII Обзорной конференции по ДНЯО (май 2010 г.), выразившей поддержку проекту ратификации договора, не нашли поддержки. Единственным крупным событием была ратификация ДВЗЯИ Индонезией 7 декабря 2011 г. На встрече с исполнительным секретарем Подготовительной комиссии Организации по ДВЗЯИ Тибором Тотом 29 сентября 2011 г. министр иностранных дел РФ С. В. Лавров заявил, что «Россия рассматривает ДВЗЯИ в качестве одного из важнейших международно-правовых инструментов, призванных поставить надежный заслон качественному совершенствованию ядерного оружия и его разпространению в мире»³⁷. То есть Москва расценивает договор как страховочный механизм на пути реализации политики США по модернизации СЯС и разрывыванию ПРО. Ответных заявлений Белого дома не последовало.

Большой интерес представляет попытка экспертов Московского центра Карнеги выработать «дорожную карту» переговорного процесса

по ДВЗЯИ. В декабре 2011 г. они предложили следующие меры, которые Россия и США могли бы осуществить для спасения договора:

- изучение возможности (*feasibility*) поддержания ядерных боезапасов в безопасном и надежном состоянии без проведения периодических экспериментов или испытаний с энерговыделением;
- установление российско-американского сотрудничества в сфере поддержания соответствующих боезапасов;
- проведение регулярного обмена информацией по экспериментам (прежде всего осуществляемым на испытательных полигонах) без энерговыделения;
- присутствие российских экспертов на ядерном полигоне США в Неваде в ходе эксперимента без энерговыделения и соответственно американских экспертов на полигоне на Новой Земле в период проведения такого эксперимента;
- распространение посредством переговоров таких мер сотрудничества на Китай и впоследствии на Индию и Пакистан, а также при соблюдении определенных условий — на КНДР³⁸.

Но вопреки ожиданиям эти меры не поддержала (по крайней мере, на официальном уровне) заместитель госсекретаря США по вопросам контроля над вооружениями Роуз Готтемюллер. На фоне демонтажа политики «Перезагрузки» на протяжении 2011–2012 гг. проблема ратификации ДВЗЯИ ушла из повестки российско-американских отношений.

Дискуссии о ратификации ДВЗЯИ доказали высокую зависимость этого документа от состояния российско-американской системы ядерного сдерживания. Для всех представителей «ядерной пятерки» судьба договора связана с модернизацией их ядерных арсеналов. Вот почему вопросы нераспространения ЯО отошли на второй план сразу после его подписания. Будущее договора связано с тем, удастся ли легальным членам «ядерного клуба» преодолеть новый виток соперничества в области ядерных вооружений.

3.4. Проблемы функционирования Международной системы мониторинга ядерных испытаний

Вступлению в силу ДВЗЯИ препятствует не только модернизация ядерного оружейного комплекса. Договор создает беспрецедентный режим контроля в виде Международной системы мониторинга за ядер-

ными испытаниями. Речь идет о комплексе сейсмических, гидроакустических, радионуклидных, инфракрасных и ультразвуковых станций. Перспективное направление связано с развитием систем космического наблюдения за подземными ядерными испытаниями путем фиксации электромагнитных импульсов. Полученные данные предполагается предоставить в Международный центр данных (МЦД) в Вене, затем во Временный технический секретариат Подготовительной комиссии Организации по ДВЗЯИ.

Предпосылки для МСМ были заложены еще до начала Женевских переговоров 1986 г. На Конференции ООН по разоружению 22 июля 1976 г. стороны по предложению Швеции договорились создать специальную научную экспертную группу (*Group of Scientific Experts*) для изучения сейсмической активности при проведении ядерных испытаний. 7 марта 1978 г. группа предложила создать глобальную сейсмическую систему из 50 сейсмических станций по всему миру, Глобальной телекоммуникационной системы Всемирной метеорологической организации и Международного центра данных. В конце 1984 г. состоялся первый обмен данными под названием «Технический тест—1». В 1991 г. прошло второе крупномасштабное тестирование группы экспертов — «Технический тест—2», в котором уже принимали участие четыре экспериментальных международных центра данных (Москва, Стокгольм, Вашингтон, Канберра). «Технический тест—3» проводился в январе 1995 г. под руководством Временного технического секретариата при Подготовительной комиссии ДВЗЯИ в Вене. Тест осуществлялся до тех пор, пока экспериментальный центр в Вашингтоне не прекратил работу в марте 2000 г.

Юридически роль МСМ как верификационного механизма ДВЗЯИ закреплена IV статьей договора. Но участники системы находятся в неравноправном положении³⁹. За минувшие пятнадцать лет сложилось несколько географических «узлов скопления» станций МСМ: Скандинавские страны, Центральная Европа, европейская часть России, Северо-Восточная Азия, Тихоокеанское побережье США, Тихоокеанское побережье Латинской Америки, Австралия, Новая Зеландия и острова Южной Океании, акватория Атлантического океана, побережье Антарктиды. Большинство станций МСМ расположены, таким образом, на территории США или их союзников. Россия и КНР, напротив, не имели подобных станций вблизи границ Соединенных Штатов.

Скептические настроения в отношении МСМ есть и в США. Респуббликанцы традиционно недовольны тем, что другие страны смогут получать «чувствительную» для США информацию через механизм

МСМ и ВТС. Американские эксперты опасаются сейсмологических и гидроакустических станций. В Вашингтоне сильны опасения относительно развития технологий спутникового наблюдения, которое может позволить России и КНР получать информацию о деятельности ядерных объектов на американской территории. Соединенные Штаты, подобно России и КНР, стремятся иметь гарантии безопасного для их национальных интересов характера деятельности МСМ.

Дискуссии вокруг МСМ начались на нью-йоркской встрече 19–22 ноября 1996 г., посвященной созданию Подготовительной комиссии Организации по ДВЗЯИ. США и Великобритания выступили за ускоренное строительство МСМ. Россия и КНР предложили отложить вопрос до подписания специального соглашения. Стороны приняли два компромиссных документа: резолюцию СТВТ/МСМ/РЕС/1 и «Документ об учреждении Подготовительной комиссии Организации по ДВЗЯИ». Подготовительная комиссия создала 1) рабочую группу А по административным и бюджетным вопросам, 2) рабочую группу В по вопросам контроля и 3) консультативную группу по финансовым, бюджетным и административным вопросам. Выработать специальное соглашение по МСМ участникам встречи не удалось.

Весной 1997 г. стремление сторон к компромиссу усилилось. Россия, став участником рабочих групп А и В, участвовала в выработке бюджета Подготовительной комиссии и принципов работы Организации по ДВЗЯИ. Соединенные Штаты и страны ЕС опасались, что Россия увяжет проблему МСМ с переговорами о первой волне расширения НАТО на Восток. На второй сессии Подготовительной комиссии в Вене (май 1997 г.) были утверждены два типовых дополнительных протокола к ДВЗЯИ, которые следовало подписать с каждым участником договора. Эти документы определяли характер участия страны в структуре МСМ.

В мае 1997 г. члены Подготовительной комиссии приняли «Первоначальный план постепенного ввода в эксплуатацию МЦД» (СТВТ/РС/II/1/Add.2). Задача центра была определена как ведение мониторинга и предоставления соответствующей информации всем участникам ДВЗЯИ. Структура МСМ имела ограниченные функции: сейсмические, гидроакустические, инфразвуковые и радионуклидные наблюдения. Создание систем космического наблюдения было перенесено на неопределенный срок. Это позволило снять опасения многих стран (включая Россию) относительно характера будущей деятельности МСМ.

Следующей проблемой для МСМ стали дискуссии о международном консорциуме «*Hot Telecommunications*». В 1998 г. Подготовитель-

ный технический секретариат подписал с ним контракт на развитие систем спутниковых коммуникаций для МСМ. Россия, КНР и даже США увидели в этом решении ущемление своих национальных интересов. Вашингтон и Пекин отказались участвовать в модернизации спутникового сегмента. Россия, напротив, подписала в 2000 г. специальный протокол с Техническим секретариатом. Российский сегмент МСМ был разделен на два компонента:

- 1) радиолокационные станции, находящиеся в подчинении Национального центра данных (г. Дубна), который опосредованно взаимодействует с ВТС;
- 2) сейсмические станции под контролем РАН, которые непосредственно взаимодействуют с ВТС.

Эти положения закреплены в специальном соглашении России и Подготовительного технического секретариата о роли российского сегмента в структуре МСМ (22 марта 2005 г.), которое теоретически могло стать моделью для других стран, обеспокоенных деятельностью МСМ. Но США и КНР не сочли этот вариант разрешения проблемы достаточной гарантией своей безопасности.

К началу 2000-х годов участники МСМ попытались укрепить ее статус. Подготовительный комитет принял Руководящие принципы и форматы отчетности для осуществления мер укрепления доверия. Подготовительный секретариат призвал страны—участницы ДВЗЯИ заключить соглашения по объектам МСМ. Для технических экспертов этих стран был организован практикум по изучению материально-технических концепций и вариантов эксплуатации МСМ. Были выработаны общие принципы, которые стали основой для рекомендаций по подготовке к предварительной эксплуатации МСМ. Контроль над процессом строительства системы был передан под наблюдение Генерального секретаря ООН. Косвенно это означало повышение юридического статуса Международной системы мониторинга.

Но 13 июня 2002 г. США вышли из Договора по ПРО. Решение Вашингтона породило ряд долгосрочных проблем, которые изменили дискуссии вокруг МСМ⁴⁰.

Во-первых, в рамках программы строительства ПРО Вашингтон начал модернизировать радиолокационные станции на территории самих США, Японии, Британии и Гренландии. В 2008 г. был подписан договор о строительстве радара на чешской территории. (Несмотря на заявление администрации Б. Обамы об отказе от размещения противоракет в «третьем позиционном районе», Соединенные Штаты пока

не начали процедуры денонсации этого договора.) Возникает вопрос о возможности использования станций МСМ в интересах американской системы ПРО.

Подобный вариант не столь фантастичен, как может показаться на первый взгляд. Строящиеся станции МСМ как будто непригодны для наблюдения за пусками баллистических ракет. Но если участники ДВЗЯИ возродят проекты создания спутниковой системы наблюдения за подземными ядерными взрывами, ситуация может измениться. Космические системы наблюдения легче использовать как технологии двойного назначения. Присоединение Вашингтона к ДВЗЯИ будет, таким образом, означать начало дискуссий о возможном подключении определенного сегмента станций МСМ к взаимодействию с американской системой ПРО.

Во-вторых, возник вопрос о праве доступа к данным МЦД стран, не ратифицировавших ДВЗЯИ. Формально они открыты для всех государств. Фактически процедура доступа к данным стран, не участвующих в ДВЗЯИ, не прописана ни в одном документе. Можно ли использовать данные МЦД в интересах своей национальной безопасности и в ущерб безопасности других стран? (Например, для получения данных при подготовке нанесения упреждающих ударов по ядерным объектам оппонента.)

В-третьих, неразрешенной остается проблема эффективности работы МСМ. После «грибовидного взрыва» в КНДР 9 сентября 2004 г. (природа которого так и не была выяснена) появились публикации о трудности различения ядерных испытаний и природных явлений — землетрясений, извержения вулканов или колебаний земной коры. Политизация этих природных явлений создает условия для новых межгосударственных конфликтов вокруг деятельности МСМ. Появляется гипотетическая возможность обвинить неугодные страны в проведении ядерных испытаний. Это может стать одним из оснований для развертывания по периметру их границ инфраструктуры ПРО.

В связи с этим интерес представляют наблюдения экспертов Подготовительной комиссии по ДВЗЯИ О. Далмана, С. Миккелвайта и Х. Хаака. Исследователи отмечают, что ядерные испытания оставляют после себя выбросы радиоактивных элементов. Вот почему МСМ включает в себя несколько типов станций наблюдения. Сейсмические станции наблюдения должны отличать подземные ядерные взрывы от землетрясений и извержений вулканов. Гидроакустические — улавливать особые акустические сигналы в океанах. Инфракрасные — обнаруживать выброс радиоактивных частиц в атмосферу. Похожую деятельность ведут и радионуклидные станции. Перспективным направлением

стало наблюдение из космоса: обнаружение мест подземных ядерных испытаний посредством фиксации электромагнитных импульсов.

Но авторы приводят интересную фотографию извержения перуанского вулкана с подписью, что «не все грибовидные облака имеют ядерное происхождение». Возникает вопрос: «Что если одному государству понадобится обвинить другое в проведении ядерных испытаний?» Удастся ли выдать вулканический взрыв за ядерный — вопрос особый. И все же после начала работы МСМ любое извержение вулкана стало приобретать политическую подоплеку. Например, вся акватория Тихого океана (где есть целый ряд пороговых государств) опоясана цепями наземных и подводных вулканов.

В таком ракурсе принятое в феврале 2008 г. решение ВТС ввести в действие объекты МСМ создает трудности для ДВЗЯИ. Возможная ратификация договора США придаст Вашингтону юридически закрепленное преимущество в системах наблюдения за ядерными испытаниями. Противники ДВЗЯИ и в КНР, и в России, напротив, укрепят свои позиции. Сохранение договора требует, таким образом, заблаговременного устранения спорных аспектов деятельности МСМ.

Режим запрета на проведение натуральных ядерных испытаний изначально выполнял функцию укрепления ДНЯО и сдерживания новой гонки ядерных вооружений. В первой половине 1990-х годов проблематика нераспространения вышла на первый план, временно отодвинув в сторону другие военно-стратегические проблемы. Однако с конца 1990-х и особенно в 2000-х годах вопросы «традиционного» (российско-американского) ядерного сдерживания вернулись на приоритетные позиции. Решение США о развертывании системы ПРО и начале работ над новым поколением ДНЯО усилило эти настроения. В такой ситуации ДВЗЯИ воспринимается скорее в контексте ядерного сдерживания, чем нераспространения ЯО. Ключевой стала проблема неравноправного положения ядерных держав в рамках МСМ.

Новый ракурс этим проблемам могут придать активизировавшиеся с 2007 г. дискуссии о построении безъядерного мира. Администрация Б. Обамы объявила продвижение в этом направлении одним из своих внешнеполитических приоритетов. Другие страны опасаются, что быстрое сокращение ЯО на фоне подавляющего превосходства в обычных вооруженных силах возродит межгосударственные войны. Нельзя исключать попыток использовать тематику ДВЗЯИ как механизма принуждения к разоружению «потенциально опасных» (с точки зрения Вашингтона) государства.

Примечания

¹ *Dahlman O., Mykkeltveit S., Haak H.* Nuclear Test Ban. Converting Political Vision to Reality. Springer Science + Business Media. 2009. См. также нашу рецензию на эту работу: *Фененко А. В.* Ядерные испытания в мировой политике // Международные процессы. Т. 7. 2009. Сентябрь—декабрь. № 3 (21).

² *Рогов С. М.* Перспективы политики администрации Обамы // США — Канада. Экономика, политика, культура. 2009. № 3. С. 3—33.

³ *Арбатов А. Г., Дворкин В. З.* Ядерное сдерживание и нераспространение. М.: Московский центр Карнеги, 2005. С. 64.

⁴ В январе 1952 г. Генеральная Ассамблея ООН взамен Комиссии по атомной энергии и Комиссии по вооружениям обычного типа учредила новую Комиссию ООН по разоружению. В апреле 1954 г. Комиссия по разоружению учредила подкомитет в составе СССР, США, Великобритании, Франции и Канады («подкомитет пяти»).

⁵ Советский Союз в борьбе за разоружение: Сборник документов. М.: Политиздат, 1977. С. 137—141.

⁶ *Barton C. H.* Elements of Controversy: The Atomic Energy Commission and Radiation Safety in Nuclear Weapons Testing, 1947—1974. Berkeley, CA: University of California Press, 1994.

⁷ Treaty banning nuclear weapon tests in the atmosphere, in outer space and under water (Limited Test Ban Treaty), Moscow, 5 August 1963, United Nations, *Treaty Series*. Vol. 480. P. 43. URL: <http://untreaty.un.org/cod/avl/ha/ctbt/ctbt.html>.

⁸ Treaty on the Limitation of Underground Nuclear Weapon Tests, Moscow, 3 July 1974, United Nations, *Treaty Series*. Vol. 1714. P. 123. URL: <http://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%201714/volume-1714-I-29637-English.pdf>.

⁹ Treaty between the United States and the Union of Soviet Socialist Republics on Underground Nuclear Explosions for Peaceful Purposes, Washington, Moscow, 28 May 1976, United Nations, *Treaty Series*. Vol. 1714. P. 387. URL: <http://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%201714/volume-1714-I-29638-English.pdf>.

¹⁰ *Greb A. G., Heckrotte W.* The long history: the test ban debate // Bulletin of the Atomic Scientists: A magazine of science and world affairs. 1983. Vol. 39. No 7.

¹¹ Ядерные испытания СССР / Под ред. В. Н. Михайлова. М.: ИЗДАТ, 1997.

¹² *McGwire M.* Perestroika and Soviet National Security. Washington: The Brookings Institution, 1991.

¹³ Из личной беседы автора с академиком РАН Е. П. Велиховым 28.10.2010.

¹⁴ *Garthoff R. L.* The Great Transition American-Soviet Relations and the End of Cold War. Washington: Brookings Institution Press, 1994.

¹⁵ Pursuing a Strategy of Mutual Assured Safety remarks by Defense Secretary William J. Perry at the National Press Club. Washington, 1995. January 5. URL: <http://www.fas.org>.

¹⁶ *Wallander C.* Geopolitics and Necontainment, as well as Common Security. Russian Views on Proliferation // PONARS Policy Memo. 2005. No 371. P. 23—28.

¹⁷ Детали переговоров см.: Comprehensive Test Ban Treaty Chronology // Federation of American Scientists. URL: www.fas.org.

¹⁸ *Есин В. И.* Надо исходить не только из виртуальных возможностей // Международные процессы. 2011. Сентябрь—декабрь. Т. 9. № 3 (27).

¹⁹ См.: *Бочаров И.* Запрещение ядерных испытаний и нераспространение ядерного оружия // США—Канада: экономика, политика, культура. 2002. № 2. С. 20—35.

²⁰ Плохой пример Франции усилил российское ядерное лобби // Литературная газета. 1995. 20 сентября. С. 1—2.

²¹ Letter dated 22 August 1996 from the Permanent Representative of Australia to the United Nations addressed to the President of the General Assembly (A/50/1024). URL: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/50/1024.

²² *Веселов В. А., Лисс А. С.* Ядерное сдерживание. М.: МАКС Пресс, 2005. С. 211.

²³ *Арбатов А. Г., Дворкин В. З.* Ядерное сдерживание и нераспространение. М.: Московский центр Карнеги, 2005. С. 64.

²⁴ Декларация Московской встречи на высшем уровне по вопросам ядерной безопасности. Москва, 20 апреля 1996 // Ядерное нераспространение / Под общ. ред. В. А. Орлова. М.: ПИР-Центр политических исследований, 2002. Т. II. С. 39—43.

²⁵ Итоги саммита по ядерной безопасности // Коммерсант. 1996. 23 апреля. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kommersant.ru>.

²⁶ *Малов А.* Москва присоединилась к запрету ядерных испытаний // Международная жизнь. 2000. № 6.

²⁷ См.: *Shalikhshvili J. M.* On his Findings and Recommendations Concerning the Comprehensive Nuclear Test Ban Treaty. 2001. January 5 // Federation of American Scientists. URL: www.fas.org.

²⁸ Пропаганда вместо взрывов // Коммерсант. 1999. 23 ноября. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kommersant.ru>.

²⁹ Заключительный документ Конференции 2000 года участников Договора по нераспространению ядерного оружия по рассмотрению действия Договора. Нью-Йорк. 2000. 19 мая // Ядерное нераспространение / Под общ. ред. В. Орлова. М.: ПИР-Центр политических исследований, 2002. Т. II. С. 52—84.

³⁰ Заявление «Группы восьми» по региональным вопросам. Принято главами государств и правительств «Группы восьми» на Окинаве 21 июля 2000 г. // Официальный сайт президента Российской Федерации. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.kremlin.ru.

³¹ Совместное российско-американское заявление. Инициатива по сотрудничеству в области стратегической стабильности. Принято Президентом России Владимиром Путиным и Президентом США Уильямом Клинтонем 6 сентября 2000 г. в Нью-Йорке // Официальный сайт президента Российской Федерации. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.kremlin.ru.

³² *Путин В. В.* Выступление перед учеными и специалистами ядерной энергетики Индии. Мумбай, 2000. 5 октября // Официальный сайт президента Российской Федерации. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.kremlin.ru.

³³ См.: *Shanker T.* U.S. Says Russia Is Preparing Nuclear Tests // New York Times. 2002. May 12; *Jasinski M., Chuen C., Ferguson Ch.* Renewed U.S. — Russian

Controversy Over Nuclear Testing // Research Story of the Week. 2002. May 27. URL: <http://www.cns.miis.edu>.

³⁴ Российский атом снова угрожает миру // Утро (Ежедневная интернет-газета). 2001. 5 марта. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.utro.ru>.

³⁵ См., например: Совместное Заявление министров иностранных дел государств—«друзей» ДВЗЯИ. Нью-Йорк, 2006. 20 сентября // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.mid.ru.

³⁶ Сафранчук И. А. Сохранится ли запрет на ядерные испытания? // Россия в глобальной политике. Т. 4. 2006. Май—июнь. № 3; Белоус В., Сафранчук И. Безопасность и надежность ядерных арсеналов без испытаний. Доклад Российского представительства Центра оборонной информации. М., 2006.

³⁷ Лаваров: Россия выступает за скорейшее вступление в силу ДВЗЯИ // Взгляд. Деловая газета. 2011. 29 сентября. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.vz.ru/news/2011/9/29/526472.html>.

³⁸ Слипченко В. Дорожная карта для ДВЗЯИ. Комментарий. 26 декабря 2011. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.carnegie.ru/publications/?fa=46341>.

³⁹ Подробный анализ проблемы см.: Слипченко В. С. Договор о всеобъемлющем запрете ядерных испытаний // Материалы лекции В. С. Слипченко, прочитанной 14 апреля 2004 г. в Московском физико-техническом институте. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.armscontrol.ru.

⁴⁰ Дворкин В. З. Чем грозит американская ПРО? // Россия в глобальной политике. Т. 5. 2007. Март—апрель. № 2.

Фактор тактического ядерного оружия в мировой политике

Возобновление в начале 2010-х годов процесса сокращения стратегических ядерных сил России и США повысило значимость нестратегических вооружений¹. Речь идет не только о российском и американском тактическом ядерном оружии, но и о тактических боезарядах третьих ядерных держав². Особую роль в этом процессе играют неядерные страны, на территории которых размещено американское ТЯО. Диалог по проблеме нестратегического ядерного оружия может, таким образом, частично изменить систему отношений между ядерными и неядерными странами, сложившуюся на основе ДНЯО 1968 г.³

Проблема сокращения ТЯО пока не стала предметом официальных переговоров между ядерными державами, но к концу прошлого десятилетия в трех регионах (Европе, Восточной Азии, на Ближнем Востоке) начали осуществляться различные варианты ограничения нестратегических вооружений. Ядерные и неядерные государства вырабатывают новые подходы по контролю над ТЯО. Проблематика его сокращения или ограничения может стать темой переговоров по трем стратегически важным для России направлениям:

- 1) сохранение ядерного присутствия США на территории союзников в Евразии;
- 2) соотношение военно-стратегических возможностей России и НАТО в Европе; России, США, КНР и Японии в Восточной Азии;
- 3) реформирование ДНЯО как основы системы международной безопасности.

4.1. Тактическое ядерное оружие в системе ядерного сдерживания

У экспертов нет единого мнения о том, где и когда была разработана теория применения ТЯО. В американской традиции преобладает точка зрения, что приоритет в этой сфере принадлежит Соединенным

Штатам⁴. 8 мая 1952 г. министр обороны США Роберт Ловетт заявил о создании атомного артиллерийского орудия. 23 мая 1953 г. на ядерном полигоне в Неваде состоялось первое натурное испытание атомной пушки с 280-мм снарядом мощностью 15 кт. В 1954 г. в Лос-Аламосской национальной лаборатории начались работы по созданию ядерной боеголовки *W-31* для тактической ракеты «Онест Джон» и боеголовки *W-33* для 203-мм артиллерийской атомной установки.

Параллельно шло становление теории применения ТЯО⁵. В 1953 г. появилась работа Ральфа Лэппа «Новая сила», в которой он обосновал возможность использования ТЯО на ограниченном театре военных действий против обычных вооруженных сил. Республиканская администрация Дуайта Эйзенхауэра еще в 1954 г. разработала концепцию нового взгляда (*new look*). Она предусматривала в том числе размещение американского ТЯО в Европе для компенсации превосходства СССР в обычных вооруженных силах и подтверждения надежности гарантий безопасности европейским членам НАТО со стороны США. В декабре 1957 г. сессия Совета НАТО санкционировала размещение американского ТЯО на территории европейских стран альянса (хотя по факту американские атомные артсистемы стали появляться в ФРГ с осени 1953 г.).

Иная точка зрения сложилась в Великобритании⁶ авторство концепции нового взгляда приписывают второму кабинету Уинстона Черчилля (1951–1955). В ходе встречи на Бермудских островах (4 декабря 1953 г.) премьер-министр предложил лидерам США и Франции компенсировать посредством ТЯО советское превосходство в обычных вооруженных силах. Обоснование подобного применения данного вида ядерного оружия было сделано в 1954–1955 гг. служившим в нескольких армиях Фердинандом Микше. Его идеи были развиты в коллективной работе «Об ограниченной атомной войне» (1956)⁷. США, по мнению британских исследователей⁸, приняли концепцию ядерной обороны в Европе (*nuclear defense in Europe*) в ходе встречи на Багамских островах президента Д. Эйзенхауэра с британским премьер-министром Гарольдом Макмилланом в марте 1957 г.

За этими расхождениями скрывается политический подтекст. Если приоритет в разработке теории применения ТЯО принадлежит США, то европейские страны НАТО приняли американские ядерные гарантии безопасности. Если пальма первенства в этой сфере была у Великобритании, то система американского ядерного присутствия в Европе — результат совместной деятельности всех членов Североатлантического альянса. В первом случае страны Западной Европы

выступают как младшие партнеры Соединенных Штатов, во втором у них появляются основания претендовать на автономию от Вашингтона в ядерной сфере.

Однако при любом варианте теория применения ТЯО предстает как результат англосаксонской стратегической культуры с характерным для нее разделением понятий «безопасность» и «оборона». Администрация Д. Эйзенхауэра соотнесла оба этих понятия с ядерной политикой. На СЯС возлагали функции сдерживания СССР и КНР, на ТЯО — задачи ведения военных действий, если эта политика потерпит неудачу.

Стратегическое и тактическое ядерное оружие имело различные схемы управления: вопросы применения ТЯО находились в ведении военных, в отношении СЯС соответствующие политические решения принимало руководство США. Технической формой контроля над использованием ТЯО стали системы электронных замков типа *PAL*. Преобладает точка зрения, что активизация систем *PAL* предполагает санкцию высшего военного руководства США и/или НАТО, однако в первой половине 1980-х годов в альянсе обсуждали вопрос о возможности использования ТЯО по непосредственному решению военных.

Наиболее полно теория применения ТЯО разработана в *Соединенных Штатах Америки*. Еще в конце 1950-х годов ведущие американские эксперты (Генри Киссинджер, Герман Кан, Роберт Осгуд и др.) предложили концепцию ограниченной ядерной войны (*limited nuclear war*). На базе этих набросков администрация Джона Кеннеди сформулировала несколько вариантов операций различной степени интенсивности, в том числе с применением ограниченного количества ЯО⁹.

Новыми направлениями ядерной стратегии США стали концепции принудительной дипломатии (*coercive diplomacy*) и эскалационного контроля (*escalation control*). В американской системе ядерного планирования ЯО стали рассматривать как инструмент не только ведения войны на ограниченном ТВД, но и деэскалации гипотетического конфликта.

Дальнейшим изменениям американская стратегия сдерживания подверглась в середине 1970-х годов. В то время у нее появилась новая задача: не просто удерживать оппонентов от неблагоприятных действий, но и побуждать их к совершению определенных шагов. Такая концепция получила название «стратегия принуждения» (*compellence*). С того времени среди американских экспертов по стратегическому планированию шли дискуссии о возможности превращения части ТЯО в инструмент ведения боевых действий. Первая подобная дискус-

сия состоялась на рубеже 1970–1980-х годов, когда администрации Дж. Картера (1977–1981) и Р. Рейгана (1981–1989) обсуждали вопрос о целесообразности размещения в Центральной Европе нейтронного оружия¹⁰. Вторая — в первой половине 2000-х годов, когда президент Дж. Буш-младший (2001–2009) санкционировал работы по созданию сверхмалого ЯО (*bunker busters*), способного поражать высокозащищенные и заглубленные цели без побочных эффектов в виде выпадения радиоактивных осадков¹¹ (хотя фактически разработка этого проекта была разрешена администрацией У. Клинтона в 1995 г.¹²).

В СССР концепция использования ТЯО не стала частью открытой военной доктрины. В рамках советской стратегии ядерное оружие рассматривали как инструмент ведения военных действий, а не осуществления политики сдерживания¹³. Американские эксперты также полагали, что Кремль, имея превосходство в обычных вооруженных силах, не нуждался в развитой стратегии применения ТЯО¹⁴. Некоторые подвижки наметились во второй половине 1960-х годов¹⁵. И все же на официальном уровне СССР отвергал сценарии «гибкого» использования ТЯО.

Двойственной остается ситуация и в ядерной политике *России*. В «Основных положениях военной доктрины Российской Федерации» (1993) зафиксированы два сценария использования ядерного оружия: 1) вооруженное нападение ядерной страны на РФ или ее союзников; 2) поддержка агрессора государством, обладающим ЯО. Военная доктрина Российской Федерации 2000 г. допускала возможность отражения агрессии с применением как ядерных, так и обычных вооружений¹⁶. В Военной доктрине 2010 г. указано: «Российская Федерация оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства»¹⁷. В документах, однако, нет разграничения ЯО на стратегическое и тактическое.

В *Великобритании* оригинальные разработки 1950-х годов в области ТЯО не получили развития. После подписания «пакта Нассау» (1962) британский ядерный арсенал был включен в американскую систему ядерного планирования, которое с того времени страна осуществляла только совместно с США. После 1991 г. Великобритания отказалась от ТЯО как особого класса ядерных вооружений.

Расплывчатой остается и ядерная стратегия *Франции*. Официально Париж не проводит разграничений между стратегическим и тактиче-

ским ЯО, но авиационный компонент французской стратегической триады относится (по российской и американской классификациям) к тактическому, а не стратегическому оружию. В «Белых книгах по вопросам обороны Франции» 1972, 1994 и 2008 гг. зафиксирована двойная роль ЯО в военной политике страны: 1) инструмент предотвращения агрессии посредством сдерживания; 2) способ нанесения неприемлемого ущерба. Однако при этом пояснено, какие задачи должно выполнять именно ТЯО.

В ядерной стратегии КНР также не проводится различий между стратегическим и тактическим ядерным оружием¹⁸. С 1964 г. Пекин заявлял, что не применит ЯО первым и против неядерных государств. Оценки потенциала КНР в этой сфере приблизительны и основаны на экспертных, прежде всего американских, расчетах. Представления американских аналитиков, что Пекин пытается сдерживать США посредством угрозы применения ТЯО, построены по аналогии со стратегией гибкого реагирования администрации Дж. Кеннеди (хотя руководство КНР не обязательно должно следовать теории эскалации Г. Кана).

Нелегальные ядерные державы (Индия, Пакистан, Израиль, КНДР) не проводят на официальном уровне различий между стратегическим и тактическим ЯО. У Индии и Пакистана есть оба класса ядерных вооружений; Израиль, по мнению экспертов, имеет потенциал для создания ТЯО; у КНДР, согласно предварительным оценкам, такой возможности пока нет. Эти страны, видимо, располагают ядерными боезарядами различной мощности, однако в открытых документах по их ядерной стратегии ТЯО не выделено в самостоятельный класс вооружений и не решает определенного комплекса задач¹⁹. При моделировании сценариев возможного применения ТЯО со стороны перечисленных государств аналитики, как и в случае с КНР, проводят параллели с американской ядерной стратегией 1960-х годов.

4.2. Трудности переговорного процесса по ТЯО

Диалог по проблемам сокращения ТЯО в настоящее время затруднен в связи с рядом объективных причин. На международно-правовом уровне нет общего понимания термина «тактическое ядерное оружие»²⁰. Теоретически оно включает класс ядерных вооружений, который не относится ни к СЯО, ни к ядерному оружию средней и меньшей дальности. Речь идет о ядерном оружии с радиусом действия менее 500 км.

Однако в американской традиции к ТЯО (*tactical nuclear weapons*) относится ядерное оружие малой дальности (до 800 км). В советской/

российской традиции разделены понятия «тактическое ядерное оружие» (дальность действия до 1000 км) и «оперативно-тактическое ядерное оружие» (дальность действия до 500 км).

Американские эксперты используют термин «нестратегическое ядерное оружие» (*non-strategic nuclear weapons*), который объединяет ТЯО, ядерное оружие на ракетах средней и меньшей дальности, крылатые ракеты. Теоретически к этому классу вооружений относится и американская система передового базирования (*forward-based systems — FBS*). Советские и российские военные, как правило, не оперировали этим термином. В ходе Женевских переговоров 1980-х годов СССР и США определили, что к ТЯО относятся ракеты с радиусом до 1000 км, авиабомбы самолетов фронтовой авиации, артиллерийские снаряды, мины, фугасы, крылатые ракеты морского базирования. Однако общего определения термина «тактическое ядерное оружие» выработано не было.

Другая сложность — отсутствие точных данных о количестве ТЯО. Стокгольмский институт проблем мира и безопасности (СИПРИ) провел оценку запасов данного вида вооружений у различных ядерных держав к началу 2011 г.²¹:

Запасы тактического ядерного оружия в мире в начале 2011 г.
(по данным СИПРИ)

Страна	Оперативно-развернутое ТЯО (количество боезарядов)	Складированное ТЯО (количество боезарядов)
США	Около 500	3 000–5 000
Российская Федерация	Около 2 000	8 000–10 000
КНР	100–200	н/д
Израиль	60–200	н/д
Франция	Около 60	н/д
Пакистан	Около 60	н/д
Индия	Около 50	н/д
КНДР	6–10	0
Великобритания	0	н/д

Эти расчеты, однако, носят приблизительный характер и официально не подтверждены. США и Россия в 1991–1992 гг. взяли на себя добровольные обязательства сократить количество ТЯО, но до настоящего времени нет официальной информации о том, сколько такого оружия было ликвидировано, а сколько складировано. Москва и Ва-

шингтон не дали официальных разъяснений, какая часть складированного ТЯО находится в дееспособном, а какая — в разобранном состоянии (и сколько времени понадобится для его сборки и возвращения на боевые позиции). Неясно также, было ли продиктовано стремление сторон ликвидировать часть запасов ТЯО их «доброй волей» или желанием уничтожить боезаряды, выработавшие ресурс. Многие из них были поставлены на вооружение в 1960-х или даже 1950-х годах.

Сложнее ситуация с другими ядерными державами. Великобритания после 1991 г. официально отказалась от ТЯО, Франция и КНР сохраняют этот класс вооружений. Вместе с тем на ядерные потенциалы Лондона, Парижа и Пекина не распространяются международно-правовые ограничения, тем более система мер доверия. Нет подтвержденной информации о количестве ТЯО в структуре ядерных потенциалов Индии, Пакистана и Израиля. Под вопросом остается способность КНДР создавать транспортабельные ядерные боезаряды. Испытания в 2006 и 2009 гг. доказали только наличие у Пхеньяна технических возможностей для производства ядерных взрывных устройств.

Еще одна проблема — отсутствие критериев разделения стратегического и тактического ядерного оружия²². Теоретически оно различается по двум параметрам: дальности радиуса действия носителей и мощности используемых ядерных боезарядов. Иногда добавляют третий признак — тип носителя. В такой трактовке ТЯО означает тип ядерных вооружений, используемых фронтовыми носителями ядерного оружия.

На практике эти критерии действуют не всегда. Стратегическая и тактическая авиация часто применяет одинаковые по мощности типы ядерных боезарядов. Крылатые ракеты морского базирования большой дальности (более 600 км) могут быть размещены как на кораблях, так и на многоцелевых подводных лодках. Одни и те же ядерные боезаряды могут также иметь разную мощность в зависимости от типа используемого носителя (например, американскую авиабомбу *B61-3*, предназначенную для тактической авиации, можно использовать в четырех вариантах — с выделением 0,3, 1,5, 60 или 170 кт)²³.

Есть коллизии и с определением типов носителей ТЯО. Американские атомные подводные лодки, размещенные в портах европейских союзников по НАТО, входят в состав *FBS*. Советские и российские эксперты рассматривали *FBS* как часть СЯС США, американские — как размещенное на территории союзников нестратегическое ядерное оружие. Крылатые ракеты морского базирования по дальности полета часто превосходят баллистические ракеты на подводных лодках, но относятся к тактическому, а не стратегическому ЯО. Крылатые раке-

ты воздушного базирования могут относиться как к стратегическому (стратегическая авиация), так и к тактическому (фронтовая авиация) ядерному оружию. Немалую роль играет и фактор дальности используемых крылатых ракет воздушного базирования. В зависимости от него бомбардировщик может действовать на стратегическом или нестратегическом уровне.

Еще большие трудности вызывает проблема носителей двойного назначения, которыми могут быть средние бомбардировщики, истребители-бомбардировщики, наступательные ракеты малой дальности и зенитные ракеты, боевые средства кораблей и подводных лодок, крупнокалиберная ствольная артиллерия. Ограничение или ликвидацию ТЯО невозможно осуществлять и контролировать посредством уничтожения пусковых установок, носителей или платформ. Значительное сокращение ТЯО по методике СНВ (зачет и боезарядов, и носителей) повлекло бы за собой урезание систем вооружений ВВС, ВМС, сухопутных войск и систем ПВО ядерных держав.

Неурегулированность данной проблемы создает трудности для диалога о контроле над обычными вооруженными силами. В Договоре об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) 1990 г. введены равные лимиты для НАТО и ОВД на пять категорий вооружений: танки, артиллерийские системы, боевые бронированные машины, боевые самолеты и ударные вертолеты. С 2009 г. Россия и страны альянса ведут консультации о возможности модернизации ДОВСЕ. Сокращение ТЯО ставит вопрос о необходимости уничтожения систем двойного назначения для артиллерии и фронтовой авиации. Это ведет к неоправданному расширению предмета обсуждения в данной сфере.

Сложной проблемой остается правовая основа переговоров о сокращении ТЯО. Статьи I–III ДНЯО запрещают ядерным державам передавать ЯО (как стратегическое, так и тактическое) неядерным государствам. Однако ядерное оружие одной страны может находиться на территории неядерного государства, при условии, что последнее не допущено к процессу управления этим потенциалом.

Двусмысленной остается VII статья ДНЯО. Ее формулировка гласит, что «никакое положение настоящего Договора не затрагивает права какой-либо группы государств заключать региональные договоры с целью обеспечить полное отсутствие ядерного оружия на их соответствующих территориях». Из этого по факту следует вывод, что неядерным государствам разрешено заключать договоры с ядерными державами об их ядерном присутствии на своих территориях. Начало переговоров о сокращении ТЯО может поставить вопрос о трансфор-

мации режима нераспространения ядерного оружия. Это обусловлено несколькими причинами.

Во-первых, такие переговоры потребуют уточнения формулировки VII статьи ДНЯО. Необходимо определить возможность (или невозможность) участия неядерных государств в процессе обсуждения условий вывода ТЯО.

Во-вторых, переговоры поставят под сомнение гарантии безопасности, обеспечиваемые ядерными державами своим союзникам. Речь прежде всего идет об американском ядерном присутствии на территории союзников. Пересмотр VI статьи ДНЯО потребует изменить логику отношений в НАТО, а также союзных договоров США с Японией и Южной Кореей.

В-третьих, возникают правовые коллизии с режимом безъядерных зон. Прежде их создание было прерогативой неядерных государств. Если последние будут исключены из переговорного процесса по сокращению ТЯО, эта привилегия перейдет к ядерным державам.

В-четвертых, вызывает тревогу само стремление уточнить VII статью ДНЯО. С момента вступления в силу этого договора (1970) не было прецедентов пересмотра отдельных его статей. Ядерные и неядерные державы старались не менять текста документа, решая спорные вопросы посредством создания дополнительных институтов (вроде Группы ядерных поставщиков или Комитета Цангера). Поправки к VII статье ДНЯО могут стать прецедентом для частичного пересмотра договора.

4.3. Два переговорных пакета в Европе

Наиболее интенсивный диалог по проблеме ТЯО происходит в Европе, где на протяжении последних 50 лет не раз возникал интерес к вопросу сокращения данного вида вооружений.

Первый всплеск пришелся на рубеж 1950–1960-х годов. После решений Совета НАТО в декабре 1957 г. американское ТЯО было развернуто на территории Великобритании, ФРГ, Нидерландов, Бельгии, Италии и Турции. США и страны Западной Европы обсуждали проект создания Многосторонних ядерных сил НАТО. В 1958 г. министр обороны ФРГ Франц Йозеф Штраус предложил учредить Европейское оборонительное сообщество для управления американским ТЯО в Европе. Администрация Д. Эйзенхауэра поддержала этот проект. В 1959 г. Соединенные Штаты выдвинули концепцию ядерного участия (*nuclear sharing*) — обсуждения с союзниками по НАТО вопросов использования ТЯО. В 1961 г. администрация Дж. Кеннеди приняла концепцию двойного ключа (*double keys*), предполагавшую создание системы сов-

местного контроля США и западноевропейских союзников над этими вооружениями, размещенными Соединенными Штатами в Европе.

Позиция СССР относительно американского ядерного присутствия на территории европейских стран была негативной. Советское руководство видело в нем потенциальную агрессию, особенно опасаясь допуска к ядерному оружию ФРГ. В 1958 г. министр иностранных дел Польши Адам Рапацкий при поддержке СССР выдвинул план создания безъядерной зоны в Центрально-Восточной Европе. Страны НАТО, однако, отклонили «план Рапацкого» из-за превосходства Советского Союза в обычных вооруженных силах. 23 декабря 1960 г. последовало жесткое заявление министра иностранных дел СССР Андрея Громыко о том, что допуск ФРГ к ядерному оружию может стать *casus belli* для новой войны в Европе.

Серьезность намерений Москвы предотвратить доступ Западной Германии к «ядерной кнопке» подтвердил Второй берлинский кризис в августе 1961 г., после которого была принята новая система управления американским ТЯО в Европе. 18 декабря 1962 г. премьер-министр Великобритании Г. Макмиллан и президент США Дж. Кеннеди подписали «пакт Нассау», включивший британский ядерный потенциал в американскую систему ядерного планирования. В 1965 г. вместо МСЯС была создана Группа ядерного планирования НАТО (*Nuclear Planning Group*). Она координирует ядерную политику альянса, но не имеет права осуществлять оперативный контроль над размещенным в Европе американским ТЯО. Концепцию двойного ключа стали применять, таким образом, только к узкой сфере американо-британских отношений. На территории других стран НАТО тактическое ядерное оружие перешло под жесткий контроль Соединенных Штатов.

Второй всплеск интереса к проблеме ТЯО пришелся на рубеж 1980–1990-х годов. До того времени СССР безуспешно пытался начать переговоры о контроле над этими вооружениями в Европе. Советское руководство придерживалось концепции равной безопасности, согласно которой для СССР американское ядерное оружие на территории европейских стран было не тактическим, а стратегическим. В ходе переговоров 1967–1968 гг. председатель Совета министров СССР Алексей Косыгин настаивал на учете фактора ТЯО в стратегическом балансе. На Хельсинкских переговорах 1969–1970 гг. советская сторона добивалась включения проблем сокращения ТЯО в повестку в обмен на согласие начать обсуждение ограничения систем ПРО. Во время Женевских переговоров 1981–1983 гг. Кремль настоял на выделении вопроса о сокращении ТЯО в особый переговорный пакет. Все эти инициативы, однако, успеха не имели.

Ситуация изменилась в конце 1980-х годов, когда возникла проблема объединения Германии, страны, теоретически способной создать собственный ядерный потенциал. В ходе переговоров 1989–1990 гг. было решено, что за ФРГ останется право самостоятельного выбора блокового или безблокового статуса. На практике это означало продолжение членства объединенной Германии в НАТО и сохранение на ее территории американского ТЯО. Московский договор 12 сентября 1990 г. подтвердил международные гарантии неядерного статуса ФРГ, но сохранил в силе ряд ограничений немецкого суверенитета. Германия, в частности, по-прежнему не имела доступа к управлению размещенным на ее территории американским ТЯО, которое Вашингтон также мог перемещать внутри страны без уведомления Берлина.

29 мая 1990 г. президенты СССР и США договорились о сокращении количества ТЯО в Европе при одновременном снижении степени его боеготовности. 17 сентября 1991 г. Дж. Буш-старший заявил о конкретных шагах Вашингтона в этом направлении. Инициатива Белого дома предусматривала:

- вывоз на территорию Соединенных Штатов всех артиллерийских снарядов и боеголовок тактических ракет с их последующей ликвидацией;
- снятие ТЯО с надводных кораблей и многоцелевых подлодок, а также базирующейся на суше морской авиации;
- снятие всех ядерных крылатых ракет типа «*Tomahawk*» с кораблей и авиабомб на авианосцах;
- ликвидацию части боеголовок морского базирования;
- сохранение в Европе потенциала ТЯО воздушного базирования.

5 октября 1991 г. президент СССР М. Горбачев заявил о готовности Москвы реализовать симметричные меры по сокращению ТЯО. Эти меры были конкретизированы российским президентом Б. Ельциным в заявлении «О политике России в области ограничения и сокращения вооружений» от 29 января 1992 г. В нем было указано, что в Российской Федерации прекращено производство ядерных артиллерийских снарядов и боеголовок ракет наземного базирования, а все запасы таких боезарядов будут уничтожены. Россия обязалась также снять ТЯО с надводных кораблей и многоцелевых подлодок, ликвидировать их на одну треть и сократить наполовину количество боеголовок зенитных ракет и авиабомб. В заявлении отмечалась и возможность вывода российского ТЯО с боевых позиций.

До настоящего времени точных данных о выполнении обеими странами взятых на себя обязательств 1991–1992 гг. нет. Соединенные

Штаты как будто сократили количество оперативно развернутого ТЯО с 11 500 единиц в 1991 г. до 500 единиц в 2010 г.²⁴. Сюда входят 100 КРМБ типа «Tomahawk» (TLAM/N) для многоцелевых АПЛ на базе Кингс-Бэй и Бангор на территории США. Еще 190 боезарядов для КРМБ (W80-0) находятся на складах. У США есть около 200 авиабомб B-61-3 и B-61-4, размещенных на складах ВВС в пяти странах НАТО (Бельгии, Италии, Нидерландах, Турции, Германии). Бомбы предназначены для доставки истребителями-бомбардировщиками ВВС США типа F-16, а также бельгийскими и британскими авиационными носителями того же типа и германо-итальянскими ударными тактическими самолетами класса «Tornado».

Россия, по оценкам СИПРИ, сократила количество ТЯО с 22 000 единиц в 1991 г. до 2000 единиц в 2011 г. По российским официальным данным, к 2000 г. все ТЯО флота и авиации ВМФ было перемещено на централизованные хранилища, а 30% ликвидировано; уничтожено 50% ТЯО ВВС и 50% боеголовок зенитных ракет ПВО, частично ликвидированы ядерные боеголовки артиллерии, тактических ракет и мин Сухопутных войск. Российский арсенал ТЯО предположительно включает:

- около 500 боезарядов для бомбардировщиков средней дальности Ту-22М3 и фронтовых бомбардировщиков типа Су-24 и Су-27ИБ/Су-34;
- около 300 авиационных ракет и бомб морской авиации;
- около 500 противокорабельных, противолодочных, противовоздушных ракет (из них до 250 ядерных крылатых ракет морского базирования большой дальности);
- около 630 единиц боезарядов на зенитных ракетах С-300 и других системах ПВО²⁵.

Третий всплеск интереса к проблеме сокращения ТЯО был связан с начавшимся в 1994 г. расширением НАТО на Восток²⁶. На Московском саммите 9–11 мая 1995 г. президенты России и США договорились, что этот процесс будет происходить постепенно, с учетом российских интересов и при одновременном усилении политической составляющей блока. Однако 20 сентября 1995 г. НАТО опубликовала «Исследование о расширении Североатлантического альянса». Документ постулировал: 1) сохранение основ ядерной политики организации (включая право на нанесение первого ядерного удара); 2) право НАТО определять состав военной инфраструктуры на своей территории без соглашений с другими странами. В России эти решения были восприняты как фактический отказ Белого дома от соблюдения мо-

сковских договоренностей. Появились опасения, что Соединенные Штаты могут развернуть ТЯО на территории новых членов альянса, т.е. вблизи российских границ.

Осенью 1996 г. министр иностранных дел РФ Евгений Примаков несколько раз указывал, что неразмещение ЯО на территории будущих участников блока — одно из условий согласия России с процессом расширения НАТО на Восток²⁷. Администрация У. Клинтона, однако, не поддержала Кремль в этом вопросе из-за опасения разделения блока на «полноценных» и «неполноценных» членов. Параметры компромисса были согласованы в ходе визита в Москву госсекретаря США Мадлен Олбрайт (21–41 февраля 1997 г.) и встречи Е. Примакова с генеральным секретарем НАТО Хавьером Соланой в Люксембурге (6 мая 1997 г.).

Московские и люксембургские договоренности легли в основу подписанного 27 мая 1997 г. «Основополагающего акта Россия—НАТО». В документе было зафиксировано отсутствие у Североатлантического альянса намерений размещать ЯО на территории его новых членов. Это, впрочем, не означало, что такие планы не появятся у НАТО в будущем. Стороны также декларировали стремление возобновить переговоры о создании безъядерной зоны в Центрально-Восточной Европе, т.е. вернуться к «плану Рапацкого» 1958 г. Россия подтвердила свое заявление от 19 апреля 1996 г. о возможности выхода из Договора о всеобъемлющем запрете ядерных испытаний в случае появления ЯО на территории новых членов НАТО²⁸.

Формально ни Москва, ни Вашингтон не нарушили условий «Основополагающего акта»²⁹, но администрация Дж. Буша-младшего изменила подход к проблеме ТЯО. 15 мая 2003 г. 18 бывших деятелей администрации США опубликовали статью «За обновление трансатлантического партнерства»³⁰. Речь шла о необходимости придать новый импульс НАТО, включая сохранение общей ядерной политики. Эти задачи были подтверждены в «Национальной стратегии борьбы с распространением оружия массового поражения» (2006) и «Национальной военной стратегии США» (2008). Вашингтон ставил перед собой две цели: 1) сокращение превосходства России по ТЯО; 2) сохранение американского ядерного присутствия в Европе³¹.

Четвертый всплеск интереса к проблеме ограничения ТЯО пришелся на рубеж 2000–2010-х годов³². В Пражской речи 5 апреля 2009 г. президент Б. Обама объявил ликвидацию данного вида вооружений важным шагом на пути к построению безъядерного мира (*nuclear-free world*). Но неудачными оказались попытки Соединенных Штатов наладить диалог по ТЯО с Россией³³. В «Обзоре ядерной политики США» (2010) отме-

чено, что Вашингтон поддерживает «инициативу Бильдта—Сикорского» о сокращении ТЯО в Европе. 24 декабря 2010 г. конгресс ратифицировал Договор СНВ-3 на условиях обязательного начала переговоров с РФ по ТЯО. Однако для России тактическое оружие останется в обозримой перспективе средством компенсации превосходства НАТО в обычных вооружениях. 24 декабря 2010 г. министр иностранных дел РФ С. В. Лавров заявил, что Москва возобновит переговоры по ТЯО в случае выполнения США условий Договора СНВ-3, решения проблемы ЕвроПРО, восстановления контроля над обычными вооруженными силами в Европе и предотвращения милитаризации космоса. 1 марта 2011 г. глава МИД России отметил, что сокращение ТЯО необходимо начинать с его вывода на территорию страны, которой оно принадлежит. Эти предложения, однако, не нашли поддержки Белого дома, и российско-американский диалог по проблеме ограничения ТЯО был заморожен.

К началу 2010-х годов в Европе сложились два подхода к переговорам по тактическому оружию: 1) сохранение американского ядерного присутствия на территории европейских стран НАТО; 2) сокращение российско-американского ТЯО. В настоящее время оба диалога заблокированы, однако дискуссии 2009—2010 гг. связали их в единую переговорную систему³⁴. Обсуждение вопроса о ТЯО в Европе вышло за рамки российско-американских отношений и приобрело многосторонний характер.

4.4. АТР: диалог США с союзниками

Иной вариант диалога по тактическому ядерному оружию осуществляется в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где ключевой проблемой было не советско-американское противостояние, а отношения СССР/России и США с КНР и Японией.

С середины 1960-х годов Москва и Пекин сосредоточили на советско-китайской границе крупные запасы ТЯО (точных данных о количестве боезарядов в настоящее время нет). Советскому Союзу это позволяло компенсировать превосходство КНР в живой силе, а Китай посредством тактического оружия стремился заблокировать материально-техническую мощь Советской армии. После военно-политического кризиса 1969 г. американские эксперты с большой долей вероятности прогнозировали возможность применения ТЯО в гипотетическом конфликте СССР и КНР.

Однако странам удалось решить эту проблему: в ходе визита в Пекин генерального секретаря ЦК КПСС М. Горбачева в июне 1989 г. лидеры обоих государств договорились о принципах размежевания со-

ветско-китайской границы и выводе ТЯО с приграничной территории. Договоренности были подтверждены во время визита президента России Б. Ельцина в Пекин в декабре 1992 г. На их основе в 1996 г. стороны запустили «шанхайский процесс» повышения мер доверия в приграничных регионах. 25 марта 1996 г. был подписан российско-китайский протокол о выводе ТЯО с приграничной территории. По условиям российско-китайского «большого договора» 2001 г. Москва и Пекин обязывались не нацеливать ядерное оружие друг на друга³⁵.

Проблемы присутствия американского ТЯО на территории тихоокеанских союзников проявились прежде всего в отношениях США с Австралией и Новой Зеландией. После подписания в 1951 г. Договора АНЗЮС американские военные корабли с ТЯО имели право заходить в австралийские и новозеландские порты. Но 6 августа 1985 г. на острове Раротонга (острова Кука) Австралия, Новая Зеландия и пять малых государств южной части Тихого океана подписали Договор о создании безъядерной зоны в этой части мира. Договор вступил в силу в декабре 1986 г. К документу также прилагались три протокола³⁶, обязывавшие его участников:

- 1) не допускать действий, «в той мере, в какой они относятся к производству, размещению и испытанию любых ядерных устройств в пределах этих территорий»;
- 2) не применять и не угрожать применением любого ядерного устройства против сторон договора;
- 3) не проводить ядерные испытания в пределах безъядерной зоны южной части Тихого океана.

Вопрос о заходе в свои порты иностранных судов, имеющих на борту ядерное оружие, оставался в национальной компетенции. Австралия воспользовалась этим правом, условно разрешив заходить в свои порты американским и британским носителям ЯО. Новая Зеландия, напротив, выступила с запретом для американских военных кораблей, чем вызвала недовольство США. В 1987 г. администрация Р. Рейгана заморозила оказание военной помощи Веллингтону. Это означало фактическое приостановление действия договора АНЗЮС 1951 г.³⁷

Тенденция была тревожной для США³⁸. В середине 1980-х годов СССР попытался активизировать дипломатические усилия в южной части Тихого океана. В 1987 г. Москва заключила с островным государством Вануату соглашение о рыболовстве, что расценили в Вашингтоне как попытку создания военной базы³⁹. (В 1988 г. соглашение, однако, не было возобновлено ввиду его экономической нерентабель-

ности.) СССР также вел переговоры (правда, неудачно) об укреплении экономических связей с Тувалу, Кирибати, Западным Самоа и Соломоновыми островами. Беспокойство в Белом доме вызывал тот факт, что СССР подписал Протоколы 2 и 3 к Договору Раротонга 15 декабря 1986 г. и ратифицировал их 21 апреля 1988 г. КНР подписала и ратифицировала Протоколы 2 и 3 в 1987 г. В таких условиях США не стали обострять отношения с тихоокеанскими союзниками. Вашингтон подписал протоколы Договора Раротонга 25 марта 1996 г. вместе с Францией и Великобританией, хотя не ратифицировал его до сих пор.

Ситуация стала меняться после подписания Веллингтонской декларации США и Новой Зеландии 4 ноября 2010 г.⁴⁰ Документ предусматривает расширение военного партнерства двух стран, не уточняя его характер. Масштабы этого партнерства были расширены двусторонней Вашингтонской декларацией 19 июня 2012 г., которая недвусмысленно говорила о необходимости развития партнерства США и Новой Зеландии в оборонной сфере⁴¹. Возможно, Новая Зеландия пойдет по австралийскому варианту, разрешив ограниченный заход американских военных судов в свои порты⁴². Такой шаг Веллингтона означал бы размывание условий Договора Раротонга.

Другой приоритетной проблемой в вопросах ТЯО для Соединенных Штатов традиционно были отношения с Японией. К 1991 г. Вашингтон развернул на ее территории, а также в Южной Корее около 1000 единиц тактических боезарядов, но Токио неоднократно высказывал сомнения в надежности американских ядерных гарантий безопасности. В 1957 г. премьер-министр Японии Нобусукэ Киси заявил, что при определенных условиях страна может создать собственное ЯО. Официальный Токио подтвердил это в 1964 г. после ядерных испытаний КНР. В 1969 г. правительство Японии издало документ «Основные принципы дипломатической политики нашей страны», постулировав намерение создать ядерное оружие при ослаблении «ядерного зонтика» США. Эти события побудили администрацию Ричарда Никсона модернизировать систему американо-японского партнерства (подробнее см. гл. 19).

В отношениях с Южной Кореей Вашингтон занял твердую позицию. 21 апреля 2010 г. министр иностранных дел Республики Корея Ю Мен Хван опроверг возможность повторного размещения американского ТЯО на южнокорейской территории. Однако 23 ноября 2010 г. КНДР демонстративно обстреляла южнокорейский остров Йонпхендо, что стало крупнейшей военной акцией со времен Корейской войны 1950–1953 гг. В феврале 2011 г. парламент Южной Кореи

провел слушания о возможности возвращения американского ТЯО на полуостров. 2 марта 2011 г. посол США в Южной Корее Кэтрин Стивенс подтвердила, что Вашингтон не выступает за его полную дenuклеаризацию. Администрация Б. Обамы, по-видимому, рассчитывает на возобновление диалога с КНДР. Белый дом также опасается ответных мер КНР в случае возвращения американского ТЯО в Южную Корею.

Иного подхода США придерживаются в отношениях с Японией. Зимой 2007 г. Токио под давлением администрации Дж. Буша-младшего свернул дискуссии о возможности приобретения ядерного оружия. Однако в марте 2010 г. японское правительство признало существование секретных договоренностей 1960-х годов о возвращении американского ТЯО на Японский архипелаг (прежде всего на американской базе в Окинаве) в критической ситуации. Особое соглашение 1960 г. дало США право осуществлять транзит самолетов и кораблей с ядерным оружием через японскую территорию без предварительных консультаций с правительством страны. 17 марта 2010 г. МИД Японии подтвердил, что при «особых обстоятельствах» в японские порты могут заходить американские корабли с ядерным оружием. Эти заявления эксперты расценили как создание Токио прецедента для пересмотра «трех неядерных принципов».

При этом США пытаются предотвратить рост самостоятельности Японии в ядерной сфере. Трения между Вашингтоном и Токио усилились после того, как в сентябре 2009 г. на выборах в Японии победила оппозиционная Демократическая партия. Новый премьер-министр Юкио Хатояма пообещал пересмотреть договор о базировании американской военной базы на Окинаве и начать диверсификацию японской внешней политики в рамках создания Восточно-Азиатского содружества. Эта попытка встретила резкое неприятие Вашингтона и окончилась отставкой Ю. Хатоямы 2 июня 2010 г. В новом составе правительства Демократической партии, сформированном в сентябре 2010 г., пост министра иностранных дел занял Сейдзи Маехара, убежденный сторонник укрепления связей с США. Его стратегия сводилась в том числе к подтверждению незыблемости американских ядерных гарантий безопасности Японии. Сформированное в сентябре 2011 г. правительство Йосихико Нода подтвердило действенность той стратегии.

Таким образом, сегодня налицо сложный переговорный комплекс по проблемам размещения американского ТЯО в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Ключевую роль в этом диалоге играют не отношения США с потенциальными противниками (Россией, КНР и КНДР), а система взаимо-

действия Вашингтона с союзниками (Японией и Южной Кореей). Сеул и Токио стремятся расширить свою военно-политическую самостоятельность⁴³, однако для американской стороны важно сохранить саму возможность (пусть и виртуальную) ядерного присутствия на территории этих стран.

4.5. ТЯО и проблема безъядерной зоны на Ближнем Востоке

Особый вариант дискуссий по проблемам тактических вооружений осуществляется на Ближнем Востоке. В этом регионе не ведутся официальные переговоры о сокращении американского ТЯО, размещенного в Турции или, возможно, на ВМС США в Персидском заливе. Ключевую роль играет проблема ядерного потенциала Израиля. На официальном уровне Тель-Авив не подтверждает и не опровергает факта наличия у него ЯО, но, по неофициальным данным, израильский ядерный потенциал насчитывает до 200 боезарядов. Их носителями могут выступать баллистические ракеты малой и средней дальности «Иерихон-1» и «Иерихон-2», а также модернизированные американские самолеты «Фантом» (*F-4E*, *F-16* и *F-15*). По американской и российской градации такой парк носителей квалифицируется как нестратегические вооружения.

Потенциальными противниками Израиля выступают, однако, не отдаленные ядерные державы, а сопредельные арабские страны, включая Иран. До настоящего времени только Египет и Иордания заключили мирные договоры с Израилем и признают его право на существование как суверенного государства. В этой связи ядерная доктрина Тель-Авива (известная в основном по многочисленным утечкам в СМИ) ставит перед ТЯО стратегические задачи:

- сдерживание потенциальных противников посредством угрозы нанесения неприемлемого ущерба;
- нанесение контрценностного ядерного удара по противнику в случае использования ЯО против Израиля;
- нанесение контрценностного ядерного удара по противнику в случае поражения Израиля в войне с использованием конвенционального оружия.

Арабские страны, в свою очередь, используют тематику ядерного разоружения для ликвидации или по крайней мере ослабления израильского ядерного потенциала. Еще в 1974 г. Египет выдвинул проект создания безъядерной зоны на Ближнем Востоке, предполагавший

уничтожение израильских ядерных вооружений и вывод из региона американского ТЯО. Это шло вразрез с интересами США, Израиля, Турции, отчасти Саудовской Аравии и Кувейта, поэтому в 1970–1980-х годах данный проект был малореалистичным.

Ситуация изменилась в середине 1990-х годов. Весной 1995 г. в Нью-Йорке состоялась конференция по бессрочному продлению ДНЯО. Для достижения договоренности «легальным» ядерным державам были важны голоса арабских стран. Последние, однако, готовы были поддержать данную инициативу в обмен на создание безъядерной зоны на Ближнем Востоке. В ответ правительство Ицхака Рабина (1992–1995) в лице министра иностранных дел Шимона Переса заявило, что это возможно лишь в том случае, если все арабские страны (включая Иран) признают право Израиля на существование и заключат с ним всеобъемлющий мирный договор. Соединенные Штаты ради спасения ДНЯО стали побуждать Тель-Авив к переговорам, 11 мая 1995 г. Нью-Йоркская конференция рекомендовала Израилю присоединиться к договору. Эти усилия увенчались лишь частичным успехом: 25 сентября 1996 г. Израиль под давлением Вашингтона подписал ДВЗЯИ.

Однако переговоры о создании безъядерной зоны на Ближнем Востоке завершились неудачно. После убийства И. Рабина 4 ноября 1995 г. к власти в Израиле пришел консервативный кабинет Биньямина Нетаньяху (1996–1999), и Тель-Авив устранился от дальнейшего обсуждения этого вопроса. 11 августа 1998 г. израильское правительство приняло решение не открывать центр в Димоне для инспекций МАГАТЭ и отказалось от участия в дискуссиях вокруг Договора о запрещении производства расщепляющихся материалов в военных целях. 20 ноября 2000 г. Израиль проголосовал против внесенных Египтом проектов резолюций Генеральной Ассамблеи ООН «Установление безъядерной зоны в регионе Ближнего Востока» (A/RES/55/30) и «Риск ядерного распространения на Ближнем Востоке» (A/RES/5536). Эти действия означали фактическое дезавуирование заявлений Ш. Переса 1995 г.

Отказ Израиля от создания безъядерной зоны вызвал негативную реакцию арабских государств. Последовала серия жестких заявлений о возможности пересмотра базовых положений ДНЯО. 27 января 1996 г. глава Ливии Муамар Каддафи выступил с речью, в которой отметил, что арабские страны должны стремиться к самостоятельному приобретению ЯО в качестве противовеса угрозы со стороны Израиля, 30 октября 1998 г. аналогичное заявление последовало от президента Египта Хосни Мубарака. Развитие своей ядерной программы ускорил Иран. На этом фоне прошедшие в 2000 и 2003 гг. дискуссии в кнессе-

те о ядерном статусе Израиля, возможно, были попыткой Тель-Авива напомнить другим странам о наличии у него инструмента для осуществления политики ядерного сдерживания. Некоторые эксперты восприняли это как стремление прощупать возможность отхода от политики ядерной непрозрачности.

Неудача переговоров о создании безъядерной зоны на Ближнем Востоке усилила напряженность в регионе. 12 марта 2006 г. Сирия обвинила Израиль в захоронении ядерных отходов на Голанских высотах. 30 марта 2006 г. саммит Лиги арабских государств потребовал превратить Ближний Восток в регион, свободный от оружия массового поражения. 21 октября 2006 г. Объединенные Арабские Эмираты призвали ООН оказать давление на Израиль с целью открыть его ядерные объекты для инспекций МАГАТЭ. 24 января 2007 г. с аналогичным заявлением выступил министр иностранных дел Египта, призвавший Тель-Авив присоединиться к ДНЯО. Ответом стало двусмысленное заявление вице-премьера Ш. Переса 13 марта 2007 г.: «Израиль не станет первым государством Ближнего Востока, которое заявит о наличии у него ядерного оружия. Однако, в отличие от других стран, мы никогда не угрожали его использованием», — отметил он⁴⁴.

На этом фоне новую роль в регионе стал играть фактор Турции. На ее территории с конца 1950-х годов находилось американское ТЯО. Согласно экспертным оценкам на американской базе Инджирлик развернуто около 70 единиц тактических вооружений — гравитационных авиабомб типа В-61⁴⁵. До конца 2000-х годов этот вопрос не носил конфликтного характера, но в феврале 2010 г. бывший генеральный секретарь НАТО Дж. Робертсон признал, что на базе Инджирлик остаются 40–90 ядерных боеголовок США. 6 апреля 2010 г. отставной турецкий дипломат и советник министерства обороны Танер Байток выступил с сенсационным заявлением о том, что около Стамбула развернуто американское ТЯО. Большинство экспертов усомнились в достоверности этой информации (возможно, речь шла о праве захода американских военных судов с ЯО в турецкие порты в годы «холодной войны»). И все же дискуссия о перспективах пребывания американского ТЯО на турецкой территории активизировалась.

Весной 2010 г. в СМИ действительно появились сообщения о готовности администрации Б. Обамы рассмотреть возможность вывоза из Турции американских тактических боезарядов. Накануне Таллинского саммита НАТО (22–23 апреля 2010 г.) такой вопрос, судя по открытым источникам, осторожно обсуждали в Белом доме, но в контексте переговоров о выводе американского ТЯО из Германии и Нидерландов

Вашингтон не стал создавать неудобный для себя прецедент. Ситуацию с пребыванием тактических вооружений США на территории Турции президент Б. Обама обсуждал с премьер-министром Реджепом Эрдоганом на саммите «Группы двадцати» в Торонто (Канада, 26–27 июня 2010 г.). Официально Анкара выступает в поддержку сохранения американского ТЯО, неофициально же турецкие эксперты высказывают сомнения в целесообразности этой политики.

Трения по вопросам тактического оружия происходили на фоне общего осложнения американско-турецких отношений. Турция недовольна ситуацией в Иракском Курдистане: осенью 2007 г. Вашингтон заблокировал планы Анкары провести военную операцию на его территории. Турецкое руководство озабочено также растущим вниманием США к партнерству с Румынией и Болгарией на Черном море, видя в этом альтернативу американско-турецким отношениям. Соединенные Штаты, в свою очередь, выражали недовольство в связи с фактическим отказом Анкары пропустить в Черное море американские военные корабли в период «пятидневной войны» вокруг Южной Осетии (август 2008 г.), а также растущей с 2010 г. напряженностью между Турцией и Израилем. На этом фоне Анкара может выступить с инициативами в поддержку создания безъядерной зоны на Ближнем Востоке.

Особую роль в вопросе пребывания американского ТЯО в данном регионе играет конфликт вокруг ядерной программы Ирана. Еще в январе 1980 г. администрация Дж. Картера заявила, что Вашингтон готов применить любое оружие (включая ядерное) для защиты монархий Персидского залива; с 1987 г. там находится военный флот США для охраны транзита энергоносителей. В настоящее время официальных данных о наличии американского ТЯО в регионе нет, но технически оно может быть переброшено в короткие сроки при возникновении опасности вооруженного конфликта с Ираном или в случае создания им ядерного оружия. Это может подорвать политику арабских стран по включению Израиля в переговоры о создании безъядерной зоны.

Для Ближнего Востока, как и для Азиатско-Тихоокеанского региона, характерно растущее ощущение ядерной опасности, которое выражается в первую очередь в восприятии ЯО как оружия, выполняющего не только политические, но и военные функции. Диалог по проблеме ТЯО пока ведется в контексте дискуссий о создании безъядерной зоны, однако опыт предшествующего десятилетия доказал невозможность быстрой денуклеаризации Ближнего Востока. Это может привести к усилению ядерного присутствия США в регионе.

За минувшие 20 лет в мире выделились три региона, где возникли стихийные диалоги по ТЯО. В Европе речь идет о сокращении количества тактических боезарядов и в целом американского ядерного присутствия на территории стран НАТО. На Тихом океане приоритетную роль играет перестройка отношений США с союзниками — Японией и Южной Кореей. На Ближнем Востоке потерпел неудачу проект денуклеаризации региона, усиливаются предпосылки к расширению ядерного присутствия США. Диалог по ТЯО включает целый комплекс проблем региональной безопасности. В обозримом будущем он может выйти на уровень решения задач, которые не связаны напрямую с вопросами ДНЯО.

Теоретически общий диалог по тактическим вооружениям возможен на глобальном уровне, но он затронет VII статью ДНЯО. Уточнение этой статьи за счет включения в нее положений о правомерном присутствии ядерных держав на территории неядерных государств привело бы к новой волне дискуссий о реформе ДНЯО. Поэтому «легальные» ядерные страны пока не заинтересованы во включении проблематики тактического оружия в предмет международных переговоров.

Примечания

¹ *Gottmoeller R., Miller J.* Remarks at New START Treaty Discussion at the Brookings Institution. Washington, D.C., December 7, 2010 [Electronic resource // U.S. Department of State [Official website]. URL: <http://www.state.gov/t/avc/rls/152658.htm>.

² Tactical Nuclear Weapons and NATO / Ed. by T. Nichols, D. Stuart, J. McCausland. Strategic Studies Institute, April 2012 [Electronic resource] // Strategic Studies Institute [Official website]. URL: <http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdffiles/PUB1103.pdf>.

³ Подробнее см.: *Арбатов А. Г.* Безопасность: российский выбор. М.: ЭПИ-центр, 1999.

⁴ См.: *Powell R.* Nuclear Deterrence Theory: the Search for Credibility. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

⁵ Strategic Coercion: Concepts and Cases / Ed. by L. Freedman. N.Y.: Oxford University Press, 1998. P. 37–60.

⁶ *Трухановский В. Г.* Английское ядерное оружие: историко-политический аспект. М.: Международные отношения, 1985.

⁷ On Limiting Atomic War / Ed. by A. W. Buzzard. L.; N.Y.: Royal Institute of International Affairs, 1956.

⁸ *Stocker J.* The United Kingdom and Nuclear Deterrence / International Institute for Strategic Studies (IISS). Adelphi Paper. № 386 (February 2007). P. 16–17.

⁹ См.: *Арбатов А. Г.* Военно-стратегический паритет и политика США. М.: Политиздат, 1984. Подробнее этот вопрос рассматривается в гл. 1 настоящего издания.

- ¹⁰ *Бочаров И.* Современные подходы США к ядерному сдерживанию // США и Канада: экономика, политика, культура. 2008. № 4. С. 19–31.
- ¹¹ *Kelly H. G., Levi M. A.* Nix the Mini-Nukes // *The Christian Science Monitor*. 2002. March 28; *Бочаров И.* Создается ядерное оружие четвертого поколения // Независимое военное обозрение. 2005. 14 октября.
- ¹² *Веселов В. А., Лисс А. В.* Ядерное сдерживание. М.: МАКС Пресс, 2005. С. 39.
- ¹³ *Николаев К.* Ядерное сдерживание: ретроспектива и перспективы. М., 1989.
- ¹⁴ *McGwire M.* Perestroika and Soviet National Security. Washington, D.C.: The Brookings Institution, 1991. P. 88.
- ¹⁵ *Kokoshin A. A.* Soviet Strategic Thought, 1917–1991. L.; Cambridge: CSIA Studies in International Security, 1998.
- ¹⁶ Военная доктрина Российской Федерации. 21 апреля 2000 г. // Независимая газета. 2000. 22 апреля.
- ¹⁷ Военная доктрина Российской Федерации. 5 февраля 2010 г. // Российская газета. 2010. 10 февраля.
- ¹⁸ *Арбатов А. Г., Дворкин В. З.* Ядерное сдерживание и нераспространение. М.: Московский центр Карнеги, 2005.
- ¹⁹ Ядерное оружие после «холодной войны» / Под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006.
- ²⁰ Controlling Non-Strategic Nuclear Weapons. Obstacles and Opportunities / Ed. by A. Jeffrey, K. J. Klingenberg. Colorado Springs, CO: United States Air Force, Institute for National Security Studies, July 2001.
- ²¹ Ежегодник СИПРИ-2010. Вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 627–630.
- ²² *Арбатов А. Г.* Нестратегическое ядерное оружие: дилеммы и подходы // Независимое военное обозрение. 2011. 20 мая.
- ²³ Нестратегическое ядерное оружие. Проблемы контроля и сокращения / Дьяков А. С., Мясников Е. В., Кадышев Т. Т. Долгопрудный: Центр по изучению проблем контроля над вооружениями при МФТИ, 2004. С. 10.
- ²⁴ Ежегодник СИПРИ-2010. Вооружения, разоружение и международная безопасность / Пер. с англ. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 628.
- ²⁵ Там же. С. 629.
- ²⁶ Стратегия для России: 10 лет СВОП. М.: Вагриус, 2002.
- ²⁷ *Примаков Е.* Годы в большой политике. М.: Мысль, 1999.
- ²⁸ *Dahlman O., Mykkeliveit S., Haak H.* Nuclear Test Ban. Converting Political Vision to Reality. Springer Science + Business Media, 2009.
- ²⁹ *Максинджани А., Смит Б.* Ядерный конфликт внутри НАТО // Независимое военное обозрение. 2004. 29 августа.
- ³⁰ За обновление трансатлантического партнерства // *Le Monde*. 2003. 15 May. URL: <http://www.inosmi.ru/world/20030515/181068.html>.
- ³¹ National Defense Strategy. June 2008 [Electronic resource] // U.S. Department of Defense [Official website]. URL: <http://www.defense.gov/news/2008%20national%20defense%20strategy.pdf>. The National Military Strategy to Combat Weapons of

Mass Destruction. February 2006 [Electronic resource] // U.S. Department of Defense [Official website]. URL: <http://www.defense.gov/pdf/NMS-CWMD2006.pdf>.

³² *Kelleher C. M., Warren S. L.* Getting to Zero Starts Here: Tactical Nuclear Weapons [Electronic resource] // Arms Control Association [Official website]. October 2009. URL: http://www.armscontrol.org/act/2009_10/Kelleher (accessed: 22.04.2012).

³³ *McDermott R. N.* Russia's Conventional Military Weakness and Substrategic Nuclear Policy. The Foreign Military Studies Office (FMSO). Fort Leavenworth (Kansas), 2011.

³⁴ The U.S. — Russia Relations after the «Reset»: Building a New Agenda. A View from Russia. Report by the Russian Participants of the Working Group on the Future of the Russian-U.S. Relations. Valdai Discussion Club. М., March 2011.

³⁵ *Чернов О.* Россия за укрепление стратегической стабильности // *Международная жизнь*. 2002. № 3. С. 106–115.

³⁶ South Pacific Nuclear Free Zone Treaty. URL: <http://www.fas.org/nuke/control/spnfv/text/spnfv.htm>.

³⁷ *Carpenter T. G.* Pursuing a Strategic Divorce: The U.S. and the Anzus Alliance // *Cato Policy Analysis*. 1986. 27 February. No 67. URL: <http://www.cato.org/pubs/pas/pa067.html>.

³⁸ *Knibb D.* Pacific Islands are Drifting Away from West // *Wall Street Journal*. 1985. December 30.

³⁹ *Богатуров А. Д.* Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1954–1995). М.: Конверт-МОНФ, 1997. С. 210.

⁴⁰ Full text of the Wellington Declaration. URL: <http://www.stuff.co.nz/national/politics/4309206/Full-text-of-the-Wellington-Declaration>.

⁴¹ *Watkins T.* Agreement with US sees NZ as 'de facto' ally. URL: <http://www.stuff.co.nz/national/politics/7133939/Agreement-with-US-sees-NZ-as-de-facto-ally>.

⁴² *Alexander D.* (20 September 2012). U.S. lifts 26-year old ban on New Zealand warship visits to U.S. bases // *Chicago Tribune (Auckland)*. 2012. 20 September. URL: <http://www.chicagotribune.com/news/sns-rt-us-defense-panettabre88k031-20120920,0,7448039.story>.

⁴³ *Woolf A. F.* Nonstrategic Nuclear Weapons. Congressional Research Service. 7-5700. 2012. May 29. [Electronic resource] // Federation of American Scientists [Official website]. URL: <http://www.fas.org/sgp/crs/nuke/RL32572.pdf> (accessed: 26.05.2012).

⁴⁴ Author Says Shimon Peres Persuaded France to Backdate Nuclear Deal with Israel in 1957 // *International Herald Tribune*. 2007. 20 March.

⁴⁵ В Турции выявлено наличие 70 американских ядерных бомб. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.atomic-energy.ru/news/2012/10/23/36807>.

«Ядерный фактор» в системе международной космической безопасности

В отношениях между ядерными державами все большую роль начинает играть военно-космический фактор. К началу второго десятилетия XXI в. попытки кооперационного освоения космического пространства сменились «второй космической гонкой»¹. Великие державы вновь рассматривают деятельность в космосе как путь к созданию военных технологий и приобретению выгодных стратегических позиций. Второе рождение получают проекты милитаризации околоземного пространства и достижения победы в военных конфликтах посредством использования аэрокосмических систем². Развитие этих тенденций угрожает подрывом норм космического права, повышением опасности возникновения военных столкновений в ближнем космосе и деградацией системы взаимно гарантированного уничтожения. Назревает пересмотр старых, относительно кооперационных принципов использования космоса в пользу новых, более конкурентных подходов. Эта проблема тем более важна, что военно-космические проблемы непосредственно влияют на систему стратегической стабильности.

5.1. Понятие «космическая безопасность»

В политической теории понятие «космическая безопасность» (*space security*) имеет несколько значений³. В 1950-х годах этот термин обозначал способность предотвращать достижение оппонентом военного превосходства в космосе⁴. В 1980-х годах американская программа стратегической оборонной инициативы (СОИ) вызвала международное движение против милитаризации космоса⁵. На официальном уровне данное понятие закрепилось в 2004 г., когда в министерстве обороны США был создан отдел национальной космической безопасности (*National Security Space Office*). Это событие породило волну публикаций о проблемах безопасности космического пространства⁶.

В начале XXI в. в официальном лексиконе⁷ понятие «космическая безопасность» обозначает:

- техническую и правовую защищенность космических активов⁸;
- способность вооруженных сил защищаться от нападения с использованием космических систем навигации и связи (аэрокосмическая безопасность);
- отсутствие угроз для научной, телекоммуникационной, а в перспективе и экономической деятельности в космическом пространстве;
- состояние космической инфраструктуры, которое считается безопасным с точки зрения интересов государства.

На этой основе возник ряд исследовательских направлений, которые по-разному трактуют механизмы обеспечения космической безопасности⁹.

В целом космическая безопасность предстает как способность субъекта контролировать часть космического пространства и осуществлять в нем определенную деятельность, не подвергаясь при этом внешнему давлению, угрозам или нападению со стороны оппонентов¹⁰.

В последней трети прошлого века космические державы строили политику на основе модели многостороннего диалога. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства 1967 г. («договор по космосу») установил нормы межгосударственного взаимодействия в этой сфере. Важнейшими из них были исследование и использование космоса в интересах всего человечества, равенство всех стран при проведении космических исследований, ведение космической деятельности в соответствии с международным правом, а также запрет на присвоение космического пространства государствами. Особое место занимали положения об использовании небесных тел исключительно в мирных целях, о запрещении вывода в космос и установки на небесных телах объектов с оружием массового поражения (ОМП). Договор 1967 г. был позднее дополнен серией соглашений, которые уточняли правила проведения космических исследований — от принципов изучения небесных тел до дистанционного зондирования Земли.

В начале XXI в. положение изменилось. Государства и крупные коммерческие компании получили возможность осуществлять эффективный контроль над определенными сегментами космического пространства¹¹. На первый план вышли незаметные прежде правовые лакуны договора 1967 г.¹²

Во-первых, в международном праве отсутствует **определение космического пространства**. Большинство государств, включая Россию, вслед

за Международной федерацией аэронавтики считают, что граница между воздушным и космическим пространством проходит на высоте 100–120 км над уровнем моря. США придерживаются иного — функционального — подхода. В соответствии с ним нет необходимости устанавливать границу между двумя пространствами. Лучше различать авиационную и космическую деятельность в зависимости от типа используемого аппарата. Это открывает возможности для провозглашения государствами суверенитета над пограничными слоями космоса, выдавая их за «верхние слои атмосферы».

Во-вторых, проблему представляют **спорные сегменты космического пространства**. Еще в 1976 г. экваториальные страны заявили, что рассматривают геостационарную орбиту как продолжение геомагнитного поля Земли и требуют распространить на нее свой суверенитет. С такими претензиями не согласны космические державы, рассматривающие эту орбиту как часть космоса. Непроясненной остается ситуация вокруг статуса небесных тел. «Соглашение о Луне» 1979 г.¹³ распространило нормы международного права на все небесные тела (кроме Земли), включая их орбиты. Но этот документ ратифицировали лишь несколько государств, среди которых нет постоянных членов Совета Безопасности ООН. Теоретически здесь заложены правовые коллизии с «договором по космосу» 1967 г., который фиксировал нейтральный статус небесных тел, но не объявлял об их принадлежности какому бы ни было субъекту, включая «человечество».

В-третьих, сложный комплекс проблем порождает **коммерциализация космической деятельности**. Основные проекты изучения космоса традиционно реализовывали государства. С развитием телекоммуникационных технологий, метеорологии, спутниковой связи, систем дистанционного зондирования Земли и рынка коммерческих запусков орбитальных аппаратов все более весомую роль приобретает космический бизнес¹⁴. Коммерческие компании выводят свои спутники или покупают у государства услуги, предоставляемые его орбитальной группировкой. Новый ракурс эта проблема получила в связи с появлением проектов космического туризма на основе частных суборбитальных аппаратов и космодромов. Однако международных правил ведения коммерческой деятельности в космосе нет. Применимы ли нормы «договора по космосу» к транснациональным компаниям, если они не являются его участниками?

В-четвертых, большую опасность представляет **проблема вывода в космос ударных боевых платформ и/или развития противоспутниковых технологий**. «Договор по космосу» запрещал выводить в космическое

пространство все виды ОМП. Но в документе не говорилось о запрете на размещение в космосе обычных вооружений или оружия на новых физических принципах¹⁵. Между тем в соответствии с функциональным подходом к определению космоса боевые платформы можно выводить в ближний космос, выдавая их за системы «заатмосферного» перехвата. Возникает тенденция к милитаризации космического пространства без формального нарушения условий договора 1967 г.

Под воздействием этих процессов в политической науке растет интерес к изучению альтернатив старой системы обеспечения космической безопасности¹⁶.

Выдвигаемые в начале 2010-х годов теории космической безопасности выглядят как попытки проработать варианты поведения «космических держав» на случай пересмотра принципов использования космического пространства.

5.2. Проекты кооперационного освоения космоса

После распада СССР российские и американские политики обратились к идее трансформации космической гонки в политику соосвоения космического пространства. Первый шаг в этом направлении был сделан в ходе совместного полета космических кораблей «Союз-19» и «Аполлон» (1975). После запуска Соединенными Штатами автоматических станций для изучения газовых планет Солнечной системы (1977) и испытания ими многоразовой транспортной системы «Спейс-Шаттл» (1981) космическая гонка временно возобновилась. Но после испытания СССР системы «Буран—Энергия» (1988) сторонам стала понятна бесперспективность ее продолжения: ни одна из сверхдержав не достигла превосходства в военно-космической сфере. Возникли проекты совместного изучения космического пространства силами нескольких держав.

Прекращение первой космической гонки во многом было связано с решением Советского Союза отказаться от орбитальных баллистических ракет. По условиям Договора ОСВ-2 (1979), СССР и США обязались не создавать, не испытывать и не развешивать частично орбитальные ракеты. Единственной системой подобного класса в то время были советские баллистические ракеты РС-36орб (*SS-9 Mod 3 «Scarp»*) с неограниченной дальностью полета в пределах одного витка вокруг Земли. В 1983 г. их сняли с боевого дежурства. По условиям Договора СНВ-2 (1993) Россия отказалась также от межконтинентальной баллистической ракеты РС-18А (*SS-19 «Stilet»*), которая, имея дальность

полета до 10 000 км, теоретически могла рассматриваться как частично орбитальная. И хотя Договор СНВ-2 в силу не вступил, на ее основе были созданы ракеты-носители «Стрела» и «Рокот».

Параллельно Соединенные Штаты стали разрабатывать проекты космического сотрудничества на основе орбитальных станций. В 1970-х годах НАСА попыталось построить космическую станцию «Скайлэб» («*SkyLab*»), но этот опыт оказался неудачным¹⁷. В 1984 г. НАСА объявила о намерении создать станцию «Фридом». В 1986 г. Вашингтон привлек к этой работе Европейское космическое агентство (ЕКА), Канадское космическое агентство и Японское агентство аэрокосмических исследований. Ни один из участников проекта не имел, однако, ресурсов для создания космических станций.

Более успешной была программа развития советских орбитальных станций. Еще в 1971 г. Советский Союз вывел на орбиту первую в мире орбитальную станцию «Салют-1». К 1982 г. с помощью ракеты-носителя «Протон» на околоземные орбиты были доставлены семь станций типа «Салют». Их деятельность осуществлялась в рамках двух программ: гражданской — «Долговременная орбитальная станция» (ДОС) и военной — «Алмаз». 19 февраля 1986 г. СССР успешно осуществил запуск первого модуля орбитальной станции «Мир». Это событие было воспринято как отставание США в области освоения ближнего космоса.

В начале 1990-х годов интерес к международным программам развития космонавтики проявила Российская Федерация. Причиной стало сокращение финансирования российских космических исследований. США со своей стороны были заинтересованы в развитии партнерства, отдавая должное советскому опыту в создании орбитальных станций и тяжелых ракет-носителей. 17 июня 1992 г. президенты Б. Н. Ельцин и Дж. Буш-старший подписали Соглашение о сотрудничестве в области исследования и использования космического пространства в мирных целях¹⁸. Условия договора предусматривали сотрудничество в области запуска ракет-носителей для вывода спутников на коммерческой основе и разработке совместных проектов изучения ближнего и дальнего космоса. Проблемы сотрудничества в космосе стали регулярного обсуждаться на заседаниях межправительственной комиссии Гора—Черномырдина.

Особую роль в развитии партнерства сыграла коммерциализация российской космической промышленности. Федеральное космическое агентство России (Роскосмос) приватизировало часть подчиненных ему предприятий. Было создано несколько коммерческих компаний: «Интернешнл лонч сервис» (Россия—США), «Си Лонч» (Россия—

США), «Старсем» (Россия—ЕС) и «Еврокот» (Россия—ЕС)¹⁹. Новые объединения стали использовать российские ракеты-носители «Протон», «Протон-М» и «Рокот» для реализации коммерческих запусков орбитальных аппаратов. В 1999 г. компания «Си Лонч» начала строить плавучий космодром «Одиссей» для запуска с экватора российско-украинской ракеты-носителя «Зенит-SL».

5 октября 1992 г. Роскосмос и НАСА²⁰ начали совместную программу «Мир—Шаттл». Российских космонавтов стали доставлять на орбитальную станцию «Мир» американские корабли системы «Спейс-Шаттл», а американские астронавты проводили на ней научные эксперименты. До затопления «Мира» 23 марта 2001 г. было осуществлено семь кратковременных экспедиций, в ходе которых к станции пристыковывались три модуля и состоялись визиты 34 американских астронавтов²¹.

К началу 1980-х годов в Канаде, Японии, Скандинавских странах, Испании, Британии и США были развернуты системы мобильной спутниковой связи для гражданских пользователей. В 1991 г. американские телекоммуникационные корпорации «*Loral Space and Communications*» и «*Qualcomm*» учредили с этой целью международный консорциум «Глобалстар». Россия отставала на рынке гражданских спутниковых технологий: первая линия мобильной связи появилась в нашей стране только в 1990 г. ОАО «Ростелеком» и консорциум «Глобалстар» создали в 1996 г. ЗАО «ГлобалТел» — эксклюзивный оператор системы связи «Глобалстар» в России. Новые формы сотрудничества позволили покрыть большую часть российской территории мобильной спутниковой связью и частично сохранить государственный контроль над ее использованием²².

Москва и Вашингтон преобразовали проект «Фридом» в идею строительства Международной космической станции (МКС)²³. Это предложение Роскосмоса летом 1993 г. вызвало дебаты в США. Соглашение о сотрудничестве с Россией было ратифицировано в конгрессе с перевесом в один голос: 216 против 215. 2 сентября 1993 г. вице-президент США А. Гор и председатель правительства России В. С. Черномырдин объявили о намерении создать МКС. 29 января 1998 г. пятнадцать стран подписали межправительственное соглашение о космической станции. Участники проекта закрепили за НАСА статус назначенного управляющего МКС.

С ноября 1998 г. Роскосмос и НАСА вывели на орбиту ключевые модули МКС. Но вопреки опасениям станция не стала формой сохранения российско-американской монополии на космические ис-

следования. Другие субъекты получили возможность реализовывать проекты изучения космического пространства. ЕКА вывело на орбиту исследовательский модуль *Columbus*²⁴ и создало грузовой космический корабль типа *ATV*²⁵. Япония с помощью НАСА пристыковала к станции экспериментальный модуль *Kibo* и также предполагает запустить беспилотный многоразовый корабль *HTV*²⁶. Канада поставила мобильную систему техобслуживания. Возник задел для широкого участия ЕКА, Японии и Канады в совместных с Россией и США проектах освоения космического пространства.

Российско-американское взаимодействие в космосе распространилось и на военную сферу. Еще 3 февраля 1992 г. президент России Б. Н. Ельцин заявил о возможности партнерства с Соединенными Штатами в области ПРО театра военных действий. 5 октября 1992 г. Москва и Вашингтон запустили программу создания российско-американской спутниковой системы наблюдения (*Russian-American Observation Satellite, RAMOS/РАМОС*). Речь шла о совместной эксплуатации на орбите двух спутников дистанционного зондирования Земли, способных проводить стереоскопическое наблюдение за пусками баллистических ракет. Весной 1995 г. Россия и США начали проводить эксперименты в околоземной атмосфере с использованием самолетов-лабораторий и космических аппаратов из состава орбитальных группировок²⁷. На саммите в Хельсинки 21 марта 1997 г. президенты обеих стран договорились о сотрудничестве Агентства по противоракетной обороне при министерстве обороны США с научно-производственным центром «Комета». Российская сторона обеспечивала материально-технический, а американская — финансовый аспекты проекта.

К концу 1990-х Россия и США стали подключать программу РАМОС к режиму контроля над ракетными технологиями (РКРТ). 2 сентября 1998 г. президенты У. Клинтон и Б. Н. Ельцин подписали в Москве Совместное заявление об обмене информацией о пусках ракет и раннем предупреждении. 20 июня 1999 г. на саммите стран «Группы восьми» в Кельне Россия предложила расширить РАМОС до глобальной системы контроля за нераспространением ракет и ракетных технологий (ГСК). 4 июня 2000 г. президенты У. Клинтон и В. В. Путин подписали меморандум о создании в Москве совместного центра обмена данными, поступающими от систем раннего предупреждения и взаимном уведомлении о пусках баллистических ракет²⁸. Это решение было одобрено 15 февраля 2001 г. на московской встрече экспертов по созданию Глобальной системы контроля (ГСК) за пусками баллистических ракет в рамках РКРТ.

Однако 13 июня 2002 г. Соединенные Штаты вышли из Договора по ПРО. С этого времени Вашингтон стал терять интерес к реализации совместных с Россией космических инициатив. 13 февраля 2004 г. Пентагон объявил о завершении участия в программе РАМОС. Летом 2004 г. была заморожена и система взаимодействия в рамках центра «Комета». Растущие российско-американские противоречия в стратегической сфере не позволили начать строительство центра обмена данными о пусках баллистических ракет.

Международная космическая станция и система контроля за пусками баллистических ракет могли стать прообразом кооперационной формы использования космического пространства. Они доказали возможность реализации положений Договора 1967 г. о международном статусе космического пространства. Однако в 2000-х годах реализация национальных проектов стала вновь считаться более перспективной, чем международное сотрудничество в космическом пространстве. Возникла опасность маргинализации международного сотрудничества в космосе на узком сегменте МКС.

5.3. Вторая космическая гонка и обострение соперничества в космическом пространстве

Датой начала «второй космической гонки» считается рубеж 2003–2004 гг.²⁹ Толчком к ее началу послужили успехи Китая³⁰. Еще в 1992 г. КНР запустила трехэтапную программу пилотируемой космонавтики. Для ее реализации в 1993 г. было создано Национальное управление по исследованию космического пространства КНР (*China National Space Administration*) или Китайское космическое агентство (ККА)³¹. КНР оказалась единственной космической державой, которая не присоединилась к проекту МКС и разработала альтернативную программу проведения космических исследований.

Особую роль в космических успехах КНР сыграло российско-китайское партнерство³². 25 марта 1996 г. странами был заключен межправительственный протокол о предоставлении Пекину доступа к российским ракетно-космическим технологиям мирного назначения. Это облегчило КНР организацию в феврале 2003 г. орбитального полета автоматического корабля «Шеньчжоу-3». 15 октября 2003 г. Китай стал третьей страной мира, совершившей пилотируемый орбитальный полет с помощью корабля «Шеньчжоу-4», доказав наличие технических возможностей доставить ядерный боезаряд в любую точку Земли.

Вопрос о взаимосвязи пилотируемых космических полетов и демонстрации способности МБР остается спорным. Вместе с тем американский ученый Джеймс Клэй Молтц утверждал, что испытание МБР решает только часть проблемы (подобно тому как вывод на орбиту полезного груза не означает появления у страны способности проводить космическую политику). Испытания первых МБР в конце 1950-х годов не давали ответа на вопросы:

- 1) какой полезный груз МБР могут доставить к цели в реальных боевых условиях;
- 2) удастся ли направить полет МБР по заданной траектории в реальных (а не заранее смоделированных) боевых условиях;
- 3) как поведет себя МБР с полезным грузом (в данном случае — ядерным боезарядом) на активном участке траектории полета, проходящим через ближний космос;

К тому же создающийся парк МБР гипотетически уязвим для контрсилового удара противника и потому необходимо доказательство способности одиночных МБР, переживших разоружающий удар, гарантированно доставить ядерное оружие к территории противника.

Пилотируемые полеты в космос позволили СССР и США разрешить спорные проблемы. По этой схеме, возможно, действовала и КНР.

На фоне успехов КНР возникла группа стран, претендовавших на присоединение к «космическому клубу». Индия запустила в 2001 г. трехступенчатую ракету-носитель *GSLV*³³ и разместила семь спутников на полярных орбитах Земли. ЕКА интенсифицировало действующую с 1979 г. программу развития ракет-носителей «Ариан». Бразилия 23 октября 2004 г. вывела модель двухступенчатой ракеты *VSB-30*³⁴ на границу атмосферы и космоса. Иран с помощью России вывел на орбиту первый исследовательский спутник «Синах-1» (2005 г.) и объявил об испытании ракетносителя «Посланник надежды» (2008 г.). Новая Зеландия испытала 30 ноября 2009 г. модель суборбитального ракетносителя «*Atea-II*». Интерес к развитию непилотируемой космонавтики проявили Австралия и Аргентина, Великобритания и Германия, Венгрия и Израиль, Индонезия и Испания, Южная Корея и Малайзия, Таиланд и Пакистан.

Эти события вызвали болезненную реакцию Соединенных Штатов³⁵. 14 января 2004 г. президент Дж. Буш заявил о начале второй космической гонки и необходимости запуска новой программы американских космических исследований³⁶. Приоритетными программами НАСА были объявлены изучение Луны и Марса (включая организацию к ним пилотируемых полетов), а также наблюдение за объектами Солнечной системы. Эти решения закреплялись в «Национальной космической политике США» 2006 г. Космические инициативы Соединенных Штатов

вынудили Россию, ЕКА и КНР запустить альтернативные программы, которые в целом дублировали приоритеты НАСА.

Ключевым направлением второй космической гонки стал возрожденный интерес к проектам освоения Луны. В 1990-х годах автоматические станции НАСА «*Clementine*» (1994) и «*Lunar Prospector*» (1998) составили карту элементарного состава Луны и обнаружили лед на ее южном полюсе. Запущенная в 2004 г. программа «Созвездие» (*Constellation*) предусматривала строительство космических кораблей³⁷, предназначенных для возобновления пилотируемых полетов на Луну. НАСА запустило 18 июня 2009 г. лунные зонды *LRO* и *LCROSS*³⁸ для изучения лунной поверхности. Аппарат *LCROSS* и разгонный блок «Центавр» совершили 9 октября 2009 г. падение в кратер Кабеус, расположенный примерно в 100 км от южного полюса Луны. НАСА 13 ноября 2009 г. сообщило, что с помощью эксперимента на спутнике Земли обнаружена вода. Россия не оставалась в стороне от новой лунной гонки. С 2006 г. НПО им. Лавочкина начало реализовывать проект «Луна—Глоб»: изучение спутника Земли и окололунного пространства с помощью автоматических беспилотных аппаратов. Целью проекта объявлен запуск в 2015 г. автоматического зонда, который должен будет осуществить облет Луны и выбор подходящих площадок для последующих спускаемых аппаратов. Для реализации этой цели РКК «Энергия» разрабатывала проекты многоразового корабля «Клипер» и межорбитального буксира «Паром».

Другие космические державы шли в фарватере лунных программ США и России. В 2003—2006 гг. частичное картографирование лунной поверхности провела станция ЕКА *SMART-1*³⁹. В 2007 г. ККА запустило автоматический аппарат «Чанъэ-1» для аэрофотосъемки Луны. Япония — автоматический аппарат «Кагуя» для картографирования лунной поверхности. 22 октября 2008 г. Индия отправила более совершенный спутник «Чандраян-1» для дистанционного зондирования спутника Земли в поисках минералов, воды и гелия-3. О намерении создать на Луне беспилотную научно-исследовательскую базу заявила в декабре 2008 г. Великобритания. Детали этого проекта остались, однако, неизвестными: возможно, речь шла о проекте в рамках ЕКА или совместном американо-британском варианте освоения лунной поверхности.

Жесткое соперничество разворачивается вокруг исследования Марса. С 1964 г. НАСА запустило серию аппаратов «*Mariner*» для изучения марсианской поверхности. В 1976—1982 гг. НАСА исследовало Марс с помощью автоматических аппаратов «Викинг» и «Викинг-2». 4 июля 1997 г. НАСА высадило на его поверхность непилотируемый

аппарат «*Mars Pathfinder*» и марсоход «*Sojourner*», однако связь с ними вскоре была потеряна. В 1996 г. тестировался марсоход «*Mars Peacefinder*». В 1999 г. Вашингтон попытался доставить на Красную планету три аппарата, но они потерпели крушение.

Новый импульс изучению Марса придало выступление президента Дж. Буша 14 января 2004 г. На его поверхность зимой 2004 г. были доставлены управляемые марсоходы «*Spirit*» и «*Opportunity*», а на орбиты выведены космические аппараты «*Mars-Odyssey*» (2001) и «*Mars Reconnaissance Orbiter*» (2005). 25 мая 2008 г. НАСА доставило на Марс автоматическую станцию «Феникс» для изучения состава его воды. Но 2 ноября 2008 г. связь с ней была потеряна. Это событие пошатнуло лидирующее положение США в изучении Красной планеты.

Интерес к изучению Марса проявила и Россия. В 1971–1974 гг. СССР получил его фотографии с помощью аппаратов типа «Марс». Однако дальнейшие запуски оказались неудачными: автоматической межпланетной станции «Марс-96» (16 ноября 1996 г.) и автоматического аппарата «Фобос-грунт» (9 ноября 2011 г.) для изучения поверхности Марса и его спутника Фобоса (аппарат не вышел на заданную орбиту, и в январе 2012 г. его обломки упали на Землю). Единственным успехом Роскосмоса стал проведенный в ноябре 2007 г. совместный с ЕКА эксперимент «Марс-500» по моделированию пилотируемого полета на эту планету.

Еще менее удачными были попытки исследования Марса другими странами. Япония в 1998 г. не сумела доставить на планету зонд «Нодзоми». В 2003 г. потерпел крушение модуль ЕКА «Бигль-2». Европейское космическое агентство в 2003 г. отправило с помощью российского ракетносителя «Союз-ФГ» космический аппарат «Марс-экспресс». Но по объему выполняемых задач аппарат ЕКА уступает американским марсоходам. Для восполнения лакун ЕКА 19 июня 2009 г. подписало соглашение с НАСА о запуске совместной программы исследования Марса «*ExoMars*», но уже в декабре 2009 г. свернуло их в рамках программы «Аврора».

Похожее соперничество складывается вокруг Венеры. На ее поверхности работали аппараты НАСА «Пионер Венера-1» (1978–1992) и «Пионер Венера-2» (1978). В конце 1980-х годов в НАСА подготовили проект картографирования этой планеты. 4 мая 1989 г. к Венере отправилась американская межпланетная станция «Магеллан». В 1990–1994 гг. она исследовала поверхность планеты, включая эксперименты по изучению гравитационного поля и проверку технологии атмосферного торможения. Но 12 октября 1994 г. контакт с «Магелланом»⁴⁰ был утерян.

В 1961—1983 гг. СССР запустил 16 автоматических станций типа «Венера». В 1970 г. станция «Венера-7» впервые совершила посадку на этой планете. В 1984—1986 гг. советские зонды «Вега-1» и «Вега-2» изучали атмосферу планеты и комету Галлея. Во второй половине 1980-х годов крупные венерианские проекты СССР были свернуты. Только в 2016 г. Роскосмос планирует отправить автоматическую станцию «Венера-Д», миссия которой будет аналогичной задачам «Магеллана». После 2020 г. Роскосмос планирует запустить также автоматическую станцию «Венера-глоб» для всестороннего исследования планеты.

Более успешным оказались совместные проекты Роскосмоса и ЕКА. В июне 2003 г. ЕКА и компания «Старсем» заключили соглашение об отправке аппарата «Венера-экспресс». 9 ноября 2005 г. он был запущен с космодрома Байконур российской ракетой-носителем «Союз-ФГ». В 2006—2008 гг. аппарат проводил детальное картографирование поверхности планеты, передавая полученные данные в Европейский центр управления космическими аппаратами (Оберфафенхофен, Германия). На этой основе Институт геохимии и аналитической химии РАН в феврале 2008 г. составил геологическую карту Венеры.

Неудачи на Венере Соединенные Штаты пытаются наверстать изучением Меркурия. Еще в 1973 г. аппарат НАСА «Маринер-10» провел фотосъемку его поверхности. Интерес к изучению этой планеты усилился в начале 2000-х годов из-за появившихся сведений о существовании на ней ледяных полюсов и большого количества солнечной энергии («пиков вечного света»). Для проверки этих сведений НАСА запустило 3 августа 2004 г. к Меркурию аппарат «Мессенджер»⁴¹. 14 января 2008 г. он совершил первый пролет мимо планеты и передал полученные фотографии на Землю. 18 марта 2011 г. «Мессенджер» вышел на орбиту Меркурия. На основе полученных данных астрономы Бостонского университета (США) объявили в 2008 г. об открытии у Меркурия кометоподобного хвоста длиной более 2,5 млн км.

Ответом американским исследованиям призван стать совместный проект ЕКА и Японского космического агентства «БеппиКоломбо». Соглашение о его запуске было подписано 2 марта 2008 г. В 2013—2014 гг. предусмотрен запуск к Меркурию двух межпланетных аппаратов: «*Mercury Planetary Orbiter*» (МПО) и «*Mercury Magnetospheric Orbiter*» (ММО). Первый должен будет исследовать поверхность планеты и ее глубины, второй — наблюдать за магнитным полем.

Объектом новой космической гонки стали даже планеты-гиганты. Еще в 1970-х годах НАСА разработало серии автоматических станций «Пионер» и «Вояджер» для исследования дальнего космоса. В 1973—

1974 г. Юпитер облетели станции НАСА «Пионер-10» и «Пионер-11». В 1979 г. аппараты серии «Вояджер» обнаружили кольца Юпитера. В 1989–2003 гг. на орбите Юпитера работал аппарат НАСА «Галилео». Подобную миссию осуществлял в 1997–2008 гг. совместный аппарат НАСА и ЕКА «Уллис». 5 августа 2011 г. НАСА запустило автоматическую станцию «Юнона» для проверки гипотезы о наличии у Юпитера твердого ядра.

Другой целью НАСА стал Сатурн. Пролет возле этой планеты впервые в 1979 г. совершила автоматическая станция НАСА «Пионер-11». В 1980–1981 гг. последовал пролет станций «Вояджер-1» и «Вояджер-2». В 1997 г. для изучения Сатурна и его спутников стартовал аппарат НАСА и ЕКА «Кассини—Гюйгенс», 1 июля 2004 г. он достиг системы Сатурна. Ученые получили информацию о наличии следов воды и гейзеров на спутнике Сатурна — Энцеладе. К 2009 г. были открыты восемь новых спутников Сатурна. На 2020 г. намечен запуск новой автоматической станции ЕКА и НАСА «*Titan Saturn System Mission*». НАСА также планирует отправку двух автоматических аппаратов: «*Titan Mare Explorer*» для изучения метановых морей спутника Сатурна — Титана и «*Kronos*» для исследования поверхности Сатурна и его спутников.

Наиболее значимым событием эксперты НАСА считали запущенный 19 января 2006 г. аппарат «Новые горизонты». Аппарат прошел возле Юпитера (2007), Сатурна (2008) и Урана (2011). «Новые горизонты» также успешно опробовал на Нептуне и его спутнике Тритоне камеру «*LORRI*». До 2020 г. аппарат должен пересечь орбиту Нептуна, изучить Плутон и его спутник Харон. «Новые горизонты» станет, таким образом, вторым после «Веги» космическим аппаратом, покинувшим пределы Солнечной системы.

Попытки других держав организовать миссии по изучению Юпитера пока заканчивались неудачей. В конце 1980-х годов СССР разработал проект автоматической станции «Циолковский» для изучения Юпитера, но этот проект остался нереализованным. ЕКА предпочитает действовать совместно с НАСА. В феврале 2009 г. Роскосмос и ЕКА подписали соглашение о запуске в 2017 г. автоматической станции «Лаплас-Европа II» для изучения спутника Юпитера — Европы. Но в 2020 г. НАСА и ЕКА также планируют запустить аппарат по изучению спутников Юпитера «*Europa Jupiter System Mission (EJSM)*». Неудача российской миссии «Фобос-грунт» может побудить ЕКА сделать выбор в пользу совместного проекта с США, а не Россией.

Особым направлением второй космической гонки стало соперничество вокруг Солнца. Исследования в этой сфере СССР и США

проводили с конца 1950-х годов. Но попытки НАСА организовать масштабные проекты по изучению Солнца — обсерватория «*Apollo Telescope Mount*» (1973), зонд «*Solar Maximum Mission*» (1984), зонд «*Ulyss*» (1990) — были неудачными. Частичных успехов удалось достичь японскому зонду «*Yohkoh*» (1991–2005) и совместному аппарату НАСА и ЕКА «*SOHO*»⁴² (1995–2009).

Прорывным проектом стала программа солнечных исследований НАСА «*STEREO*»⁴³. Для ее реализации 26 октября 2006 г. США запустили на орбиты Земли два космических аппарата, один из которых постепенно отстает от Земли, а другой, напротив, обгоняет ее. Это дало возможность использовать стереоскопический эффект для наблюдения за Солнцем. Развитием успеха стал осуществленный НАСА запуск 11 февраля 2010 г. непилотируемого аппарата «Обсерватория солнечной динамики» (*Solar Dynamics Observatory*) со сроком работы пять лет. На 2015 г. запланировано выведение на орбиту более совершенного автоматического аппарата «Солнечная лаборатория».

Менее удачным оказался российский проект «Коронас—Фотон»⁴⁴. 30 января 2009 г. спутник был выведен на орбиту с космодрома Плесецк, и в течение 2009 г. он исследовал комплекс процессов на Солнце. Но 1 декабря 2009 г. связь с ним была утеряна (хотя предполагаемый срок работы аппарата приблизительно составлял три—пять лет). В апреле 2010 г. визуальное наблюдение установило дезориентацию аппарата и разворот его панелями солнечных батарей к Земле. Лаборатория рентгеновской астрономии Солнца РАН констатировала 18 апреля 2010 г. гибель спутника с высокой степенью вероятности.

Напряженное соперничество космических держав складывается и в ближнем космосе. Основным его направлением выступает развертывание систем спутниковой навигации и связи. Единственной подобной системой остается вступившая в действие в 1995 г. американская «*Navstar-GPS*» (*Global Positioning System*). К концу 2000-х годов ряд государств заявил о намерении развернуть альтернативные системы⁴⁵.

Наибольших успехов на этом пути достигла Россия. Проект создания Глобальной навигационной спутниковой системы (ГЛОНАСС) начался СССР в 1982 г. 24 сентября 1993 г. ГЛОНАСС была официально принята в эксплуатацию с орбитальной группировкой из 12 спутников. В 1995 г. спутниковая группировка была развернута до штатного состава 24 спутника «Ураган». Но к 2001 г. число работающих аппаратов сократилось, по разным оценкам, на 6–10⁴⁶.

Работы над ГЛОНАСС возобновились в начале XXI в. Федеральная целевая программа «Глобальная навигационная система» (август 2001 г.)

предусматривала, что к 2008 г. она обеспечит полное покрытие территории России. 27 декабря 2007 г. в продажу поступили спутниковые навигаторы «GloSPACE», рассчитанные на ГЛОНАСС. В тот же день последовало сообщение Роскосмоса о пробном вводе системы в действие. Но 31 марта 2008 г. Роскосмос заявил, что группировка ГЛОНАСС включает в себя 16 работающих аппаратов, т.е. не достигла штатного количества 1995 г. С начала 2008 г. российская сторона предпочитала совместное использование систем ГЛОНАСС и GPS.

15 декабря 2009 г. на встрече председателя правительства России Владимира Путина с главой Роскосмоса А. Н. Перминовым было объявлено, что развертывание ГЛОНАСС закончится к концу 2010 г. Эта задача не была реализована: при старте ракетносителя «Протон-М» 5 декабря 2010 г. разрушились три спутника ГЛОНАСС. О вступлении в действие системы Роскосмос объявил после успешного запуска серии спутников в ноябре 2011 г.⁴⁷ Но вывод на штатное расписание 1995 г. не означает, что ГЛОНАСС находится в состоянии полной готовности. У системы сохраняются проблемы, из-за которых она пока не стала аналогом американской «Navstar-GPS». В их числе:

- превышение ошибок ГЛОНАСС над ошибками GPS⁴⁸;
- отсутствие сроков отказа от совместного использования ГЛОНАСС / GPS⁴⁹;
- недостижение системами ГЛОНАСС полного покрытия поверхности Земли⁵⁰;
- окончание срока службы ряда спутников ГЛОНАСС⁵¹.

Есть прогнозы, что Россия и после 2013–2014 гг. не сумеет сохранить штатное расписание группировки на уровне 24 работающих аппаратов.

ЕКА создает систему «Галилео». Участие ее в реализации примут также КНР, Израиль, Южная Корея, Украина, Индия. Ведутся переговоры с представителями Аргентины, Австралии, Бразилии, Чили, Индии, Малайзии. В настоящее время эта система зависима от России и США: ее компоненты доставляются на орбиту российскими ракетносителями, а сигналы будут обрабатывать усовершенствованные приемники GPS. С 2012 г. ведущую роль в создании «Галилео» должны играть «Thales Alenia Space» (Италия), «OHB-System AEG» (Германия), «SSTL» (Великобритания). К 2017 г. на орбиту планируется вывести 30 спутников: 27 операционных и 3 резервных.

КНР создает систему спутниковой навигации и связи «Бэйдоу» («Компас»). Еще в 2000 г. на геостационарную орбиту выведены три

спутника. Однако решение о развертывании системы было принято в 2003 г. Процесс создания системы начался с 2007 г. К 2011 г. КНКА вывело на орбиту шесть спутников. После 2020 г. система «Бэйдоу» должна состоять из 30–35 аппаратов.

Япония в 2002 г. разработала проект навигационной системы «*Quazi-Zenith*» (*QZSS*). Первоначально она задумывалась как региональная для Юго-Восточной Азии. Но в 2006 г. Японское космическое агентство решило ограничиться запуском опытных космических аппаратов. В декабре 2010 г. первый спутник для *QZSS* был успешно выведен на орбиту. В дальнейшем предполагается запуск еще трех спутников, которые должны взаимодействовать с американской системой *GPS*.

Менее понятны перспективы Индии. 9 мая 2006 г. ее правительство одобрило проект развертывания Индийской спутниковой региональной системы навигации (*Indian Regional Navigation Satellite System — IRNSS*). Группировка должна будет состоять из 7 аппаратов на геосинхронных орбитах. В настоящее время *IRNSS* находится в стадии проекта.

В начале 2010-х годов появились тенденции к ослаблению второй космической гонки. США пошли по пути сокращения приоритетов. 1 июня 2009 г. администрация Б. Обамы создала Комиссию по изучению состояния пилотируемой космонавтики (*Human Space Flight Plans Committee*) во главе с экс-директором компании «Локхид Мартин» Норманном Огустином. Осенью 2009 г. «комиссия Огустина» представила отчет, в котором содержались два принципиальных вывода: совершение полетов дальше орбит Земли потребует расширения финансирования. Второй: временной разрыв между завершением программы «Спейс-Шаттл» и началом запуска кораблей типа «Орион» составит минимум семь лет. К похожим выводам пришла в январе 2010 г. и созданная конгрессом США Консультативная группа по безопасности космических полетов (*Aerospace Safety Advisory Panel — ASAP*). На базе этих рекомендаций администрация Б. Обамы в 2011 г. окончательно закрыла программу «Спейс-Шаттл»⁵² и заморозила программу «Созвездие».

Роскосмос в 2010–2011 гг. преследовали неудачи. 24 августа 2011 г. произошла авария при запуске транспортного корабля «Прогресс М-12М». Ситуация усугубилась после гибели 9 ноября 2011 г. автоматической марсианской станции «Фобос-грунт». В декабре 2011 г. президент России Д. А. Медведев поручил вице-премьеру Д. О. Рогозину провести ревизию работы Роскосмоса. На неопределенный срок сдвинута реализация проектов создания многоразового корабля «Кли-

пер» и буксира «Паром». После аварии «Фобос-грунт» замороженными оказались проекты «Луна-глоб» и «Венера-Д».

Лидеры в ракетно-космической деятельности — Соединенные Штаты и Россия — сокращают космические программы. Другие космические державы (ЕКА, КНР, Индия, Япония) пока не достигли их уровня. Масштабные космические проекты откладываются на будущее «после 2040 г.». Существующий уровень развития ракетно-космической техники по-прежнему не способен дать необходимое технологическое обеспечение разработкам 1960-х и 1970-х годов. (Или такое обеспечение по-прежнему нерентабельно с точки зрения ожидаемых результатов.) Пределом использования ближнего космоса остается развертывание телекоммуникационных систем в околоземном пространстве.

5.4. Проблема милитаризации космического пространства

Особым направлением космической деятельности выступает возвратный интерес к милитаризации космического пространства. Во всех ядерных державах, обладающих стратегическим ядерным оружием (США, СССР/Россия, КНР), ракетно-ядерная программа осуществлялась изначально параллельно с ракетно-космической.

Во-первых, баллистические ракеты межконтинентального радиуса действия (по факту и достратегического радиуса, кроме оперативно-тактических ракет) до настоящего времени имеют единственную рациональную схему применения: быть носителями ядерного боезаряда. Использовать их для других целей теоретически можно. Но дешевле и эффективнее решать эти задачи с помощью других видов вооружений.

Во-вторых, задача стратегического ядерного оружия — гарантированно поразить стратегические объекты противника. Сделать это можно только с помощью ракетных средств доставки ядерных боезарядов. Опыт Корейской войны доказал, что авиационные средства доставки высокоуязвимы для ПВО и истребительной авиации.

В-третьих, целью ракетно-космических программ СССР, США и КНР был обход систем ПВО и гипотетической ПРО потенциального противника. СССР отставал от США в области стратегической авиации. Американцы с начала 1950-х годов сомневались в способности стратегических бомбардировщиков прорвать советскую систему ПВО. Возник запрос на создание оружия, гарантированно доставляющего ядерные боезаряды к американской или советской территории. Таким оружием стали МБР, а позднее частично-орбитальные ракеты. Пилотируемые по-

леты в космос были призваны продемонстрировать способность СССР и США доставлять ядерное оружие в любую точку Земли.

Военную направленность изначально имели и пилотируемые полеты в космос. Испытания первых МБР не позволяли получить точный ответ на вопросы:

- 1) какой полезный груз МБР могут доставить к цели в реальных боевых условиях?
- 2) удастся ли направить полет МБР по заданной траектории в реальных (а не заранее смоделированных) боевых условиях?
- 3) как будет вести себя МБР с полезным грузом (в данном случае ядерным боезарядом) на активном участке траектории полета, проходящим через ближний космос?

Создающийся парк МБР гипотетически также уязвим для контрсилового удара противника. Необходимо доказательство способности одиночных МБР, переживших разоружающий удар, гарантированно доставить ЯО к территории противника. Отсюда потребность в более весомой демонстрации, чем простое испытание МБР. Такой демонстрацией стали первые пилотируемые полеты в ближний космос.

Параллельно шло развитие перспективных военно-космических проектов. Еще в 1940-х годах были разработаны планы использования орбитальных систем в разведывательных и коммуникационных целях. В 1960–1970-х годах Москва и Вашингтон развернули в ближнем космосе спутники военной разведки, связи и наблюдения. Обе державы в 1960-х годах создали системы предупреждения о ракетном нападении, включавшие в себя спутники наблюдения за районами базирования баллистических ракет и стратегической авиации. Тогда же СССР и США пытались создать системы стратегической ПРО, связанные с орбитальными аппаратами⁵³. Частичные ограничения военно-космической деятельности ввели многосторонний «договор по космосу» (1967) советско-американский Договор по ПРО (1972). Последний запрещал развертывание перехватчиков космического базирования и строительство РЛС СПРН в глубине советской и американской территорий.

Но в каждом из этих случаев космическое пространство использовалось для обеспечения действия обычных вооружений и/или стратегических ядерных сил. Проекты создания космического оружия не получили реального воплощения⁵⁴. В 1960-х годах концепции боевых космических кораблей обсуждались в рамках «Лунной программы» США. В начале 1970-х годов советские ученые разработали проекты использования орбитальных станций типа «Салют» в военных целях. Однако многочисленные экспертные комиссии подобные проекты признали технически

неосуществимыми. Военное использование космоса ограничивалось системами военной навигации и связи, включая действие космического обеспечения для СПРН.

Более успешно проходило создание противоспутникового оружия, предназначенного для уничтожения космических аппаратов. В 1970 г. Советский Союз успешно испытал противоспутниковую систему «ИС-М» и в 1979 г. поставил ее первый комплекс на боевое дежурство. США в 1977–1985 гг. создали систему противоспутникового оружия *ASAT (Anti-Satellite System)*, в состав которой входил модернизированный истребитель *F-15* и двухступенчатая ракета *ASAT*. В тот период обе стороны осознали опасность этой тенденции. В августе 1983 г. генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов (1982–1984) объявил мораторий на испытания противоспутникового оружия. Соединенные Штаты 13 сентября 1985 г. успешно испытали комплекс *ASAT*. Вашингтон не взял на себя аналогичных обязательств, однако до 2008 г. не проводил подобных испытаний.

В 1980-х годах ситуация стала меняться. 23 марта 1983 г. администрация Р. Рейгана (1981–1988) объявила программу Стратегической оборонной инициативы (*Strategic Defense Initiative — SDI / СОИ*). Она предусматривала создание стратегической ПРО космического базирования посредством вывода в ближний космос орбитальных лазерных станций и автономных перехватчиков. В отличие от программ ПРО 1960-х годов СОИ делала упор на космический эшелон противоракетной обороны и «экзотические» средства поражения — различные типы лазеров, электродинамические ускорители массы, ускорители частиц⁵⁵. Особую роль предполагалось уделить созданию лазерного оружия.

Действия США побудили советское руководство принять ответные меры в рамках военно-космической деятельности. В 1983 г. по инициативе Ю. В. Андропова была создана экспертно-консультативная группа по проблемам противодействия СОИ. К 1986 г. она разработала программу «асимметричного ответа». Речь не шла о запуске советского аналога программы СОИ (хотя в 1987 г. прошли испытания советского макета боевой лазерной станции «Полюс»/«Скиф-ДМ»). Советский асимметричный ответ предусматривал: 1) повышение уровня боевой устойчивости СЯС, 2) повышение способности наступательных средств СЯС по преодолению системы ПРО, 3) разработку специальных мер по поражению (нейтрализации) космических боевых станций или размещенных в космосе на околоземных орбитах ретрансляционных зеркал мощных наземных лазерных установок. Реализация этих мер позволила СССР повысить способность советских СЯС преодо-

лвать системы ПРО без втягивания в дорогостоящую гонку ракетно-космических вооружений. (Последнее, судя по ряду публикаций, было одной из приоритетных целей администрации Р. Рейгана.)

Под влиянием этих тенденций вопрос об ограничении военно-космической деятельности был включен в советско-американский стратегический диалог. В 1981 г. проблема ограничений ударных космических вооружений (УКВ) была специально выделена на Женевских переговорах по ограничению и сокращению стратегических вооружений. В 1983 г. Ю. В. Андропов пошел на блокировку пакета, заявив, что СССР будет вести переговоры по РСМД только в пакете с переговорами по УКВ. На фоне конфликта вокруг размещения в Европе американских ракет средней дальности «Першинг-2» (осень 1983 г.) это привело к срыву Женевских переговоров. Только на саммите в Рейкьявике 12 октября 1986 г. генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев (1985–1991) согласился разблокировать переговорный пакет. 5 ноября 1986 г. Москва и Вашингтон достигли соглашения, что УКВ будут исключены из советско-американских переговоров по стратегическим наступательным вооружениям.

Однако к концу 1980-х годов эксперты пришли к выводу, что существующий технологический уровень не позволяет создать боевые системы космического базирования. Немалую роль в свертывании СОИ сыграли эффективные советские меры в рамках стратегии «асимметричного ответа»⁵⁶. В 1991 г. конгресс США принял Закон о противоракетной обороне (*Missile Defense Act*). По его условиям Вашингтон сворачивал работы по СОИ, смещая акцент на создание ПРО ТВД, Советский Союз во второй половине 1980-х годов также демонтировал Красноярскую РЛС, которую администрация Р. Рейгана воспринимала как нарушение СССР условий Договора по ПРО.

В 1990-х годах лидером военной деятельности в космосе стали США. В распоряжении Вашингтона находилась самая крупная в мире спутниковая группировка. Развертывание *GPS* позволило Соединенным Штатам создать интегрированные орбитальные системы навигации и связи. Внедрение систем спутниковой навигации в вооруженные силы давало возможность получать голографические изображения местности и управлять военными действиями в режиме реального времени. Высокоточное оружие стало переводиться на космические средства навигации, что увеличило точность поражения целей.

Опыт США в использовании космических систем навигации и связи спровоцировал в России дискуссии о необходимости реформы вооруженных сил. В СССР существовали два автономных рода войск — Ракетные

войска стратегического назначения (РВСН) и Военно-космические силы. В 1990-х годах руководство РФ попыталось реформировать эту систему. В 1994 г. был создан Главный центр испытаний и применения космических средств (ГЦИП КС) Военно-космических сил. В 1997 г. Военно-космические силы РФ были включены в состав Ракетных войск стратегического назначения (РВСН). Однако эта реформа привела к сокращению финансирования военно-космических программ. Поэтому в 2001 г. Военно-космические силы были вновь выделены из состава РВСН. Задачей этого рода войск стала организация запуска военно-космических аппаратов и создания средств космической обороны.

К концу 1990-х годов Соединенные Штаты выдвинули более масштабные программы использования космоса в военных целях. Принятый в марте 1998 г. Стратегический план космического командования США до 2020 г.⁵⁷ определял четыре основных направления деятельности:

- развитие средств и методов осуществления всеобъемлющего контроля над космосом;
- определение новых форм и способов ведения глобальных боевых действий;
- достижение полного функционального объединения в боевых операциях космических сил и средств с сухопутными, воздушными и морскими силами;
- внедрение информационных технологий в перспективные средства вооруженной борьбы на всех уровнях ее ведения.

Наработки администрации У. Клинтона стали основой для военно-космических программ администрации Дж. Буша-младшего. 11 января 2001 г. комиссия Пентагона под руководством Д. Рамсфельда подготовила доклад о перспективах военно-космической политики США⁵⁸. Авторы сфокусировали внимание на росте зависимости американских вооруженных сил от информационно-космических систем навигации и связи. Эта зависимость повышала, по их мнению, опасность нанесения превентивного удара по американской спутниковой группировке. Возник запрос на разработку оборонительных операций по защите центров связи и региональных группировок американских вооруженных сил. В июне 2002 г. корпорация «РЭНД» представила доклад о возможности использования боевых лазеров воздушного базирования, бронебойных снарядов и авиационных транспортных средств для защиты космических аппаратов США.

В середине 2000-х годов тенденция к милитаризации космоса усилилась. 17 февраля 2004 г. был утвержден доклад Военно-воздушных сил США «*U.S. Air Forces Transformation Flight Plan-2004*»⁵⁹. Он намечал новые приоритеты: создание противоспутникового оружия воздушного базирования, систем поражения телекоммуникационных космических аппаратов, лазеров воздушного и космического базирования, аппаратов изучения дальнего космоса, более мощных грузовых космических кораблей и СПРН нового поколения. На его основе администрация Дж. Буша запустила программы по увеличению числа спутников оптикоэлектронной и радиолокационной разведки, наблюдения за пусками баллистических ракет и ядерными взрывами, космической связи топогеодезической и метеорологической направленности⁶⁰. В Соединенных Штатах ускорились работы по созданию систем кинетического подрыва боеголовок, лазеров воздушного базирования и противоспутникового оружия. Национальная космическая политика (2006)⁶¹ предусматривала расширение космического компонента системы ПРО. Систему раннего обнаружения пусков баллистических ракет *SBIRS* предполагалось реализовать в двухэшелонном варианте:

- 1) традиционные спутники *SBIRS* на геостационарной орбите;
- 2) спутники нового поколения *SEWS* для замены *DSP* на геосинхронных орбитах, составляющие новую систему⁶².

Но 11 января 2007 г. КНР испытала противоспутниковое оружие, уничтожила боеголовкой кинетического подрыва свой метеорологический спутник *FY-1C* на высоте 865 км над уровнем моря. Это побудило республиканцев ужесточить подходы в области военного использования космического пространства. 6 января 2009 г. администрация Дж. Буша одобрила документ «Космические операции» (*Space Operations*)⁶³. Основными направлениями космической политики США были названы создание спутников защиты космических аппаратов, систем бесперебойной замены поврежденных космических аппаратов и противоспутниковых систем. 21 февраля 2008 г. Пентагон уничтожил с помощью противоракеты *SM-3* свой спутник *USA-193*. Демократическая администрация Барака Обамы скорректировала приоритеты. Еще в конце 2008 г. министр обороны США Роберт Гейтс указал на опасность излишней зависимости американских вооруженных сил от информационно-космических систем. На базе его рекомендаций 28 июня 2010 г. была принята «Национальная космическая политика США». Она предполагала усиление взаимодействия с другими странами (пре-

жде всего странами ЕС и Японией) в области освоения космического пространства⁶⁴. Основное внимание предполагалось уделить совершенствованию информационных и разведывательных возможностей спутниковой группировки.

Эти положения развивала принятая в январе 2011 г. Национальная стратегия в области безопасности космического пространства. Она сфокусировала внимание на необходимости обеспечения стабильности в ближнем космосе⁶⁵. Документ, в отличие от стратегий администрации Дж. Буша-младшего, не определяет приоритеты в области военно-космических исследований. Однако в нем содержится ряд программных положений, призванных определить будущую военно-космическую политику Соединенных Штатов:

- усиление внимания к «технологическим вызовам», прежде всего противодействию опасности космического мусора;
- расширение взаимодействия с союзниками, что означает расширение взаимодействия США по военно-космическим исследованиям;
- фиксирование растущей опасности со стороны военно-космических программ других государств, особенно в области создания противоспутникового оружия;
- подтверждение готовности Соединенных Штатов применить силу в случае появления угрозы их космическим активам.

Американские проекты вызвали озабоченность других стран. Еще 6 сентября 2000 г. президент В. В. Путин на «саммите тысячелетия» призвал ООН помешать милитаризации космоса⁶⁶. На заседании ГА ООН 2005 г. российская сторона представила проект обеспечения «коллективной безопасности» в космосе с помощью запрета на вывод в космическое пространство обычных вооружений, а также проект документа «Меры по обеспечению транспарентности и укреплению доверия в космическом пространстве» В первоначальном виде он не был принят, но 6 декабря 2006 г. ГА ООН приняла резолюции «Предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве» (A/RES/61/58) и «Меры по обеспечению транспарентности и укреплению доверия в космической деятельности» (A/RES/61/75), близкие российскому проекту усиления мер доверия в космосе, но не имеющие обязательного характера.

Россия и КНР попытались использовать эти заявления для разработки соглашения, дополняющего «договор по космосу» 1967 г. Москва и Пекин представили 11 апреля 2007 г. юридическому подкоми-

тету Комитета ООН по использованию космического пространства в мирных целях проект договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силы в отношении космических объектов. Проект предусматривал введение запретов: 1) на размещение в космосе ударных боевых систем; 2) вывод в космическое пространство любых вооружений и 3) применение силы против космических объектов. 7 августа 2007 г. Комитет ООН одобрил этот проект. Договор предполагалось открыть для подписания на ежегодной Конференции ООН по разоружению, проходившей в Женеве 12–13 февраля 2008 г.

Вашингтон, однако, отказался от его подписания, сославшись на необходимость защиты своих космических активов. 5 февраля 2008 г. Госдепартамент США представил серию поправок к проекту, но на Женевской конференции этот договор открыт для подписания не был. Формальной причиной стала позиция Пакистана, заблокировавшего рассмотрение его проекта. 23 мая 2008 г. Россия и КНР приняли совместную Декларацию о запрещении размещения в космосе ударных боевых систем. США и страны ЕС отказались присоединиться к ее положениям.

Новую попытку договориться по проблемам космической безопасности Россия предприняла в рамках политики «Перезагрузки». 20 апреля 2009 г. президент Д. А. Медведев назвал отказ от милитаризации космоса одним из условий ведения переговоров по договору СНВ-3⁶⁷. Это вызвало негативную реакцию администрации Барака Обамы: в Вашингтоне в российском предложении увидели попытку ревизии «вайомингского компромисса» 1989 г.⁶⁸, который на протяжении двадцати лет выступал основой для ведения переговоров по проблемам контроля над стратегическими вооружениями. По итогам Женевских переговоров 2009 — начала 2010 г. проблема демилитаризации космоса не была зафиксирована в тексте СНВ-3 (Пражский договор).

Последнюю попытку вернуться к переговорам по космической безопасности Россия и США предприняли на рубеже 2010–2011 гг. В «Национальной космической политике» 2010 г. администрация Барака Обамы зафиксировала намерение усилить меры доверия в космосе. В январе 2011 г. заместитель госсекретаря США по вопросам контроля над вооружениями Роуз Гетемюллер уведомила Москву о готовности вернуться к переговорам по укреплению мер доверия в космосе. Но из-за критики республиканцев и ухудшения российско-американских отношений в 2011 г. переговоры не состоялись.

Неудача переговоров о демилитаризации космического пространства, возможно, побудила Россию ускорить развитие программы воздушно-космической обороны. Концепция воздушно-космической обороны Российской Федерации (2006 г.) предусматривала развитие систем ПВО и воссоздание единого радиолокационного поля страны за счет строительства метровых радиолокационных станций типа «Воронеж». Первая такая станция была введена в строй 30 января 2006 г. в местечке Лехтуси под Санкт-Петербургом. К началу 2012 г. работали более совершенные станции СПРН типа «Воронеж ДМ» (Калининградская область) и «Воронеж-М» (Ленинградская область).

4 октября 2007 г. главнокомандующий Военно-космическими войсками России В. А. Поповкин заявил, что Москва примет адекватные меры в ответ на попытки Вашингтона развернуть систему ПРО с элементами космического базирования⁶⁹. У России, судя по заявлениям командования РВСН, есть перспективные проекты в области развития средств преодоления космического эшелона ПРО:

- 1) мобильный ракетный комплекс «Тополь-М» с боеголовкой, устойчивой к лазерному оружию;
- 2) межконтинентальная баллистическая ракета РС-24 с разделяющимися головными частями индивидуального наведения⁷⁰.

Эти меры по-своему возрождают концепцию асимметричного ответа СССР на программу СОИ 1980-х годов⁷¹.

Неудача переговоров по ПРО 2010 г. подвигла Москву к более жестким мерам. 1 декабря 2011 г. в соответствии с Указом Президента России был создан отдельный род войск Вооруженных сил РФ — Войска воздушно-космической обороны (ВКО). В их состав вошли Космические войска и Войска оперативно-стратегического командования воздушно-космической обороны⁷². Официальным предлогом для создания ВКО стала потребность объединить силы и средства, отвечающие за обеспечение безопасности России в космосе и из космоса, с воинскими формированиями, решающими задачи противовоздушной обороны (ПВО) Российской Федерации. Объекты Войск ВКО расположены по всей территории России. На территории ряда стран СНГ (Азербайджана, Белоруссии, Казахстана и Таджикистана) дислоцированы объекты систем предупреждения о ракетном нападении и контроля космического пространства.

Меньше известна военно-космическая программа КНР. Официально Пекин, в отличие от Вашингтона и Москвы, не огласил своих приоритетов в этой сфере⁷³. Единственным шагом Китая в этом на-

правлении остается испытание противоспутникового оружия 11 января 2007 г. Однако сам факт проведения такого испытания предполагает наличие у КНР долгосрочной военно-космической программы и проведения широкого комплекса НИОКР в данной сфере⁷⁴.

Наибольших успехов Пекин добился в области создания спутников военного назначения⁷⁵. Еще 24 апреля 1970 г. был запущен первый китайский искусственный спутник Земли DFH-1 («Дунь-фаньхон-1», в английском варианте — «China-1»).

В 1980-х годах Китай развернул на геостационарной орбите два первых спутника связи DFH-2 («Дунь-фаньхон-2»), по характеристикам сравнимых с западными коммерческими аппаратами аналогичного назначения 1960-х годов (например, системы «Intelsat-3»). 12 мая 1997 г. КНКА вывело на орбиту более совершенный спутник DFH-3 («Чжон Синь-6» или «China Sat-6»). В 1994 г. Китай заявил о намерении разместить в первом десятилетии XXI в. на геостационарной орбите новые спутники-ретрансляторы DFH-4 («Дунь-фанхон-4»). Данные аппараты предназначены для прямой ретрансляции сигналов без промежуточных наземных станций. Предполагается, что DFH-4 могут быть использованы для передачи данных о противнике одновременно нескольким сотням подразделений наземных войск, в том числе находящимся на театре военных действий.

В 2000 г. КНР также запустила навигационные искусственные спутники Земли серии BD-1 («Бэйдоу-1»)⁷⁶. Они образовали на геостационарной орбите космический эшелон китайской системы навигации и определения местоположения подвижных объектов в Восточной Азии. Этот эшелон предположительно состоит из четырех ИСЗ BD-1 (два оперативных и два резервных). Но для глобальной навигации необходимо дополнительное число подобных космических аппаратов на орбитах с большим наклоном. 26 мая 2012 г. КНКА запустило телекоммуникационный спутник «Чжунсин-2А». Возможно, он станет основой китайских спутников нового поколения.

В области связи Китай использует запущенный 26 января 2000 г. спутник связи FH-1 («Фынхуо-1»). Он служит космическим элементом первой комбинированной системы связи, разведки и управления вооруженных сил КНР «Ку Диань». Развертывание этой системы существенно повышает возможности командования НОАК в управлении войсками и силами на территории КНР.

Создание космических перехватчиков или ударных боевых платформ космического базирования пока остается экзотическим проектом. Более реалистичны варианты развития противоспутникового

оружия, орбитальных баллистических ракет, усиления спутниковых систем навигации и связи, использования ближнего космоса в интересах системы ПРО. В любом случае проблема милитаризации космоса означает нарушение духа «договора о космосе» и всех последующих договоренностей. Не ясно, удастся ли удержать державы от борьбы за раздел космического пространства.

Вторая космическая гонка стала политикой нового соперничества великих держав в космическом пространстве. Отношения в рамках этой модели включают в себя маргинализацию проектов сотрудничества в области космических исследований, попытки добиться превосходства в исследовании небесных тел, стремление приобрести новые военно-космические технологии в рамках реализации научно-исследовательских проектов, разработку проектов вывода в космос ударных боевых систем. Повышается опасность возникновения конфликта в космосе с прицелом на вывод из строя систем навигации и связи, телекоммуникационных технологий, инфраструктуры стратегических ядерных сил. В этом контексте международная космическая безопасность становится политикой, направленной на упрочение сложившихся сорок лет назад принципов кооперационного использования космоса в мирных целях.

Потенциальную опасность новый раунд космического соперничества несет для России. Москва озабочена американскими (а потенциально и китайскими) проектами милитаризации космического пространства и выдвигает проекты совершенствования РВСН, СПРН, систем навигации и связи. Но из-за недостатка финансирования космических программ намечается угроза отставания России в изучении дальнего космоса. Россия рискует остаться в стороне от нового технологического прорыва, который может завершиться размещением принципиально новой военной инфраструктуры в космосе. Возникает трудная задача — усовершенствовать потенциал научно-исследовательской деятельности в отдаленных сегментах космического пространства.

Примечания

¹ Понятие «космическая гонка» используется в литературе для обозначения советско-американского соперничества в космосе в 1960-х годах. Однако оно все чаще применяется для описания современной борьбы великих держав за предел космического пространства. См.: *Moltz J. C. The Politics of Space Security. Strategic Restraint and the Pursuit of National Interests.* Stanford: Stanford University Press, 2008; *Freeze J. J. Space as a Strategic Asset.* N.Y.: Columbia University Press, 2007; *Саган К. Космос.* М.: Амфора, 2008.

² *DeBlois B. M., Garvin R. L., Kemp R. S., Marwell J. C.* Space Weapons: Crossing the U.S. Rubicon // International Security. Fall 2004. Vol. 29. No 2. P. 50–84.

³ Подробная информация о понятии «космическая безопасность», его истории и развитии приведена на специальном интернет-портале Space Security.org. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.spacesecurity.org>.

⁴ *Clarke A. C.* The Exploration of Space. N.Y.: Harper, 1959; *Ducrocq A.* The Conquest of Space: Moon Problems and Artificial Satellite: Their Impact on Human Destiny. L.: Putnam, 1961.

⁵ *Stares P. B.* Space and National Security. Washington: Brookings Institution, 1987; Космическое оружие. Дилемма безопасности / Под ред. Е. П. Велихова, А. А. Кокошина, Р. З. Сагдеева. М.: Мир, 1986.

⁶ *Temple P.* Shades Of Gray: National Security And The Evolution Of Space Reconnaissance. Washington: American Institute of Aeronautics, 2004; *Hitchens T.* Future Security in Space: Charting a Cooperative Course. Washington: Center for Defense Information, 2004.

⁷ Материалы об использовании понятия «космическая безопасность» в официальной риторике США см. в специальном проекте Центра оборонной информации Вашингтона: Space Security Links // CDI — Center for Defense Information. URL: <http://www.cdi.org>. Из выступлений российских официальных лиц укажем, например: Вступительное слово президента РФ В. В. Путина на совещании с членами Совета Безопасности «О политике Российской Федерации в области космической деятельности на период до 2020 года и дальнейшую перспективу». 11 апреля 2008 г. Москва, Кремль; Совместное заявление Президента Российской Федерации и Президента Республики Казахстан. Принято 2 июня 2005 г. в Байконуре // Официальный сайт президента Российской Федерации. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/>. См. также: Космическая безопасность «на грани» // Новости космонавтики. 2006. № 1. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.novosti-kosmonavтики.ru>.

⁸ *McDougall W.* EHe Heavens and the Earth: A Political History of the Space Age. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997.

⁹ Международные отношения России в «новых политических пространствах» / Отв. ред. А. Д. Богатуров. М.: ЛЕНАНД, 2011. С. 142–168.

¹⁰ *Moltz J. C.* Op. cit. P. 11.

¹¹ См.: *Фененко А. В.* Космические грезы Вашингтона // Русский журнал. 2008. 11 апреля. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.russ.ru>.

¹² См.: Civil Space Programs and Global Utilities. Key Trends and 2004 Developments // Space security 2004. URL: <http://www.spacesecurity.org>.

¹³ «Соглашение о Луне» — Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах. Документ был открыт для подписания в 1979 г. и вступил в действие для 13 стран в 1984 г.

¹⁴ См.: *Крутских А. В.* Космос в политическом измерении // Международные процессы. 2007. Май—август. Т. 5. № 2 (14). С. 17–26.

¹⁵ Оружие на новых физических принципах (ОНФП) — средства вооруженной борьбы, поражающее действие которых основывается на использовании направленных высокоэнергетических излучений и полей, нейтральных или за-

раженных частиц, доводимых до объектов поражения, а также на других нетрадиционных способах полного или частичного поражения живой силы, боевой техники, объектов или территории противника. К нему относятся лазерное, ускорительное, сверхвысокочастотное, информационное, инфразвуковое, геофизическое и другие виды оружия.

¹⁶ *Moltz J. C.* Op. cit. P. 302–329.

¹⁷ В 1973 г. США запустили в космос орбитальную станцию «Скайлэб» для проведения астрофизических, технических и биологических исследований. Однако станция была технически несовершенной и уступала советским орбитальным станциям типа «Алмаз» и «Салют». (Ее конструкция представляла собой модернизированную верхнюю ступень ракеты «Сатурн-1В».) Большой проблемой были постоянные поломки станции. В 1979 г. НАСА решило ликвидировать «Скайлэб».

¹⁸ Соглашение между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки относительно безопасных и надежных перевозки, хранения и уничтожения оружия и предотвращения распространения оружия (с изменениями на 16 июня 2006 г.). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://docs.kodeks.ru/document/901778190>.

¹⁹ Подробнее см.: *Ионин А.* Куда ведет сотрудничество США и России в космосе? // Экспорт вооружений. 2005. № 1. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cast.ru/journal/2005/contribution/>.

²⁰ НАСА — *National Aeronautics and Space Administration*, Национальное управление США по авиации и исследованию космического пространства.

²¹ См.: *Мировая пилотируемая космонавтика: история, техника, люди* / Под ред. Ю. М. Батурина. М.: РТСофт, 2005.

²² 1 февраля 2000 г. Федеральное собрание РФ приняло Положение о государственном регулировании допуска и использования иностранных систем спутниковой связи и вещания в информационном (телекоммуникационном) пространстве Российской Федерации.

²³ Историю создания и развития МКС см.: *Фернисс Т.* История завоевания космоса. Энциклопедия космических аппаратов. М.: ЭКСМО, 2007.

²⁴ *Reibaldi G. et al.* The ESA Payloads for Columbus — A bridge between the ISS and exploration // ESA bulletin. May 2005. No 122. URL: <http://www.esa.int/>.

²⁵ *ATV (Automated Transfer Vehicle)* — автоматический грузовой космический корабль (АГК), разработанный Европейским космическим агентством. Корабль предназначен для доставки топлива, научного оборудования, продуктов, воздуха и воды на Международную космическую станцию. Первый АГК «Жюль Верн» отправился к МКС 9 марта 2008 г. — *Прим. ред.*

²⁶ *HTV (H-II Transfer Vehicle)* — японский грузовой беспилотный автоматический космический корабль многоразового использования, предназначенный для дооснащения экспериментального модуля «Кибо» или других компонентов МКС. Первый запуск корабля произошел летом 2009 г.

²⁷ США покидают секретный проект RAMOS // Эл. портал RussiaUS.com. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rususa.com>.

²⁸ Меморандум о договоренности между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о создании совместного центра обмена данными от систем раннего предупреждения и уведомления о пусках ракет. Москва, 4 июня 2000 // Официальный сайт президента Российской Федерации. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/>.

²⁹ *Samson V.* Could U.S. Missile Defense Policy Restrict Access to ISS? October 1, 2008 // CDI Center for Defense Information. URL: <http://www.cdi.org>.

³⁰ *Macdonald B. W.* China, Space Weapons, and U.S. Security. Washington: Council on Foreign Relations Press, October 2008.

³¹ В российской литературе Национальное управление по исследованию космического пространства КНР принято также называть Китайским национальным космическим агентством — КНКА. Далее по тексту мы используем эту аббревиатуру.

³² По условиям межправительственного соглашения от 25 апреля 1996 г. Пекин получил право закупать российские ракетно-космические технологии. С конца 2006 г. представители Роскосмоса стали заявлять о возможности расширения взаимодействия в ракетно-космической сфере. Межправительственное соглашение от 28 марта 2007 г. предусматривало организацию совместных российско-китайских проектов по изучению дальнего космоса, включая изучение Луны.

³³ *GSLV (Geostationary Satellite Launch Vehicle)* — система для многократного выведения спутников на геосинхронную орбиту, разработанная по заказу Индийской организации космических исследований.

³⁴ *VSB* — экспериментальная ракета бразильского производства.

³⁵ *Samson V.* Could U.S. Missile Defense Policy Restrict Access to ISS? October 1, 2008 // CDI Center for Defense Information. URL: <http://www.cdi.org>.

³⁶ Text of President George W. Bush's address on a new vision for space exploration, 14 January 2004. URL: <http://www.johnstonsarchive.net/astro/bushspacegoals.html>.

³⁷ Программа «Созвездие» включала в себя разработку 1) пилотируемого исследовательского корабля «Орион» (*Crew Exploration Vehicle — CEV*); 2) ракеты-носителя «Арес-1» (*Crew Launch Vehicle — CLV*) для вывода на орбиту вокруг Земли пилотируемого исследовательского корабля; 3) ракеты-носителя «Арес-5» (*Cargo Launch Vehicle — CaLV*) для вывода в космос полезных грузов; 4) лунного модуля «Альтаир» (*Lunar Surface Access Module — LSAM*), предназначенного для посадки на Луну и взлета с ее поверхности.

³⁸ *LRO — Lunar Reconnaissance Orbiter; LCROSS — Lunar Crater Observation and Sensing Satellite.*

³⁹ *SMART-1 (Small Missions for Advanced Research in Technology)* — экспериментальная межпланетная станция для отработки перспективных технологий, в первую очередь электрореактивной двигательной установки. — *Прим. ред.*

⁴⁰ Осенью 1994 г. «Магеллан» проводил эксперимент по исследованию поведения молекул в верхних слоях атмосферы Венеры. 11 октября 1994 г. орбита станции была снижена в последний раз. 12 октября контакт с аппаратом, приближавшимся к Венере по спирали, был потерян. Заявления НАСА носили сбивчивый характер: только 14 октября 1994 г. агентство признало гибель «Ма-

геллана». Такая неопределенность породила в СМИ многочисленные инсинуации о том, что США в действительности осуществляли более масштабные исследования Венеры, которые закончились неудачей. Официальных доказательств эти версии не получили. Подробнее о миссии «Магеллана» см.: Magellan Mission to Venus // National Aeronautics and Space Administration. Official web-site. Special Project. URL: <http://www2.jpl.nasa.gov/magellan>.

⁴¹ Мессенджер (*MESSENGER* — англ. *MErcury Surface, Space ENvironment, GEochemistry and Ranging*).

⁴² «*Solar and Heliospheric Observatory*».

⁴³ *STEREO — Solar TERrestrial RELations Observatory*.

⁴⁴ КОРОНАС: Комплексные орбитальные околоземные наблюдения активности Солнца.

⁴⁵ Глобальная безопасность: инновационные методы анализа конфликтов / Под общ. ред. А. И. Смирнова. М.: Общество «Знание» Россия, 2011. С. 118–125.

⁴⁶ Официально это было вызвано необходимостью вывода из строя спутниковых систем первой половины 1980-х годов. Эксперты выдвигали иную причину: неспособность российской (т.е. бывшей советской) группировки обеспечить полное покрытие поверхности Земли.

⁴⁷ По официальным данным, на 23 апреля 2012 г. ГЛОНАСС насчитывает в своем составе 31 космический аппарат. Из них 24 аппарата используются по целевому назначению, два временно выведены на техобслуживание, четыре находятся в орбитальном резерве, один аппарат на этапе летных испытаний.

⁴⁸ «Мы в разы увеличили точность сигнала. За последние пять лет она улучшена на порядок — с 35 до 2,8 м. У *GPS* пока чуть получше, но уже сопоставимые параметры — у нас 2,8 м, а там 1,8 м», — заявил 9 февраля 2012 г. президент России В. В. Путин. См.: В. В. Путин: «Точность ГЛОНАСС надо довести до показателей не хуже *GPS*». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ria.ru/science/20120209/561463930.html>.

⁴⁹ 27 сентября 2011 г. было принято постановление правительства Российской Федерации об обязательном оснащении пассажирских транспортных средств модулями ГЛОНАСС/*GPS*.

⁵⁰ «Объективно в силу орбитального построения ГЛОНАСС лучше работает в северных широтах. А в экваториальных — наоборот. Поэтому, используя две системы, мы фактически обеспечиваем устойчивую работу на всем земном шаре», — заявил 11 апреля 2012 г. заместитель генерального директора — начальника ИАЦ КВНО ФГУП ЦНИИмаш С. Г. Ревнивых. Источник: Интервью заместителя генерального директора — начальника ИАЦ КВНО ФГУП ЦНИИмаш С. Г. Ревнивых о перспективах развития ГЛОНАСС. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.glonass-ianc.rsa.ru/content/news/?ELEMENT_ID=250.

⁵¹ «Роскосмос» в декабре 2009 г. объявил о намерении заменить (предположительно с 2014 г.) действующие спутники «Глонасс-К» на «Глонасс-К2» и «Глонасс К-М». Срок службы спутников «Глонасс-К» составляет три-четыре года. Значит, к 2013–2014 гг. должен начаться вывод из строя спутников, по-

строенных до 2009 г. Для их замены необходим ввод в действие адекватного количества новых спутников «Глонасс-К» или «Глонасс-К-2».

⁵² Принципиальное решение закрыть программу «Спейс-Шаттл» приняла первая администрация Дж. Буша-младшего после катастрофы шаттла «Колумбия» 1 февраля 2003 г. Это решение означало, что в течение 10 лет программа будет закрыта, если не будут найдены аргументы в пользу ее продолжения. Сразу после этого весной 2003 г. в конгрессе начались дискуссии о будущем космической программы США, в ходе которых появились три подхода:

- 1) инерционный — продолжение текущей космической программы на ближайшие два десятилетия;
- 2) поступательный — замена «челноков» более совершенными транспортными системами;
- 3) прогрессивный — формирование приоритетов космической программы США после завершения программы «Спейс-Шаттл» к 2013 г. и, возможно, завершения проекта МКС после 2018 г.

14 января 2004 г. администрация Дж. Буша сделала выбор в пользу третьего варианта. Но это не означало, что дискуссии по первым двум подходам были закрыты. Делались попытки начать дискуссии в конгрессе о целесообразности продолжения программы «Шаттлов» в 2006 г. Были попытки возобновить дискуссии в конгрессе о возвращении к «Шаттлам» в 2008-м (накануне ухода администрации Дж. Буша-младшего) и в 2009-м (сразу после прихода к власти администрации Барака Обамы). Примерно до рубежа 2009–2010 гг. вопрос о «Шаттлах» не был окончательно закрыт.

«Комиссия Огустина» проводила общую переоценку космических проектов НАСА (прежде всего обозначенных в выступлении президента Дж. Буша-младшего 14 января 2004 г.). Но она сделала два важных вывода. Первый — большинство перспективных проектов в области пилотируемой космонавтики, включая возможную модернизацию «Шаттлов», потребует больших бюджетных расходов. Второй — даже в случае резкого увеличения финансирования первые результаты могут быть получены только примерно к 2020 г. Оба этих аргумента были использованы президентом Бараком Обамой в выступлении в Космическом центре имени Кеннеди (Флорида) 15 апреля 2010 г. В ходе этого визита президент Б. Обама подтвердил принципиальное решение 2003 г. о закрытии программы «Спейс-Шаттл». Официально решение было подтверждено при утверждении бюджета НАСА на 2011 г. С этого времени принципиальное решение 2003 г. стало носить обязательный характер.

⁵³ СССР создал в 1970-х годах систему стратегической ПРО вокруг Москвы А-135, которая работает в связке с космическим компонентом СПРН. США не смогли создать систему стратегической ПРО около баз Гран-Форкс в штате Северная Дакота. Однако американцы в 1969 г. добились успеха в разработке системы тактической ПРО «Иджис» (*AEGIS*), которая опиралась на данные орбитальных систем навигации и связи.

⁵⁴ Подробнее см.: *Арбатов А. Г.* Военно-стратегический паритет и политика США. М.: Политиздат, 1984; *Дворкин В. З.* Ответ СССР на программу «звездных войн». М.: ФМП-МГУ — ИПМБ РАН, 2008.

⁵⁵ *Кокошин А. А.* Обеспечение стратегической стабильности в прошлом и настоящем. М.: КРАСАНД, 2009. С. 104.

⁵⁶ *Ознобищев С. К., Потапов В. Я., Скоков В. В.* Как готовился «асимметричный ответ» на «Стратегическую оборонную инициативу» Р. Рейгана. Велихов, Кокошин и др. М.: ЛЕНАНД, 2008.

⁵⁷ Long Range Plan (Executive Summary). Howell B. Estes III General, USAF Commander in Chief. March 1998.

⁵⁸ Report of the Commission to Assess United States National Security Space Management and Organization // Интернет-портал Globalsecurity.org. URL: <http://www.globalsecurity.org>.

⁵⁹ *Leonard D.* U.S. Air Force Plans for Future War in Space. URL: <http://www.space.com>.

⁶⁰ The Army's Future Combat System (FCS): Background and Issues for Congress. CRS Report for Congress. Order Code RL32888. 2008. May 12. URL: <http://www.fas.org>.

⁶¹ National Space Policy, 2006 // SpaceRef — Space News as it Happens. Official site. URL: <http://www.spaceref.com>.

⁶² *SBIRS — Space-Based Infrared System; DSP — Defense Support Programm; SEWS — Satellite Early Warning System.*

⁶³ Space Operations. Joint publication 3–14. 2009. 6 January. URL: https://www.fas.org/irp/doddir/dod/jp3_14.pdf.

⁶⁴ The White House, “National Space Policy of the United States Of America,” June 28, 2010. URL: www.whitehouse.gov/sites/default/files/national_space_policy_6-28-10.pdf.

⁶⁵ U.S. Department of Defense, “National Security Space Strategy (Unclassified Summary),” January 2011. URL: http://www.defense.gov/home/features/2011/0111_nsss/docs/NationalSecuritySpaceStrategyUnclassifiedSummary_Jan2011.pdf.

⁶⁶ *Путин В. В.* Выступление на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций («Саммите тысячелетия»). 6 сентября 2000. Нью-Йорк. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru>.

⁶⁷ Выступление Президента РФ Д. А. Медведева в Университете Хельсинки и ответы на вопросы аудитории. Хельсинки, 20 апреля 2009 // Официальный сайт Президента РФ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/transcripts/3805>.

⁶⁸ Подробнее см.: *Фененко А. В.* Кризис Вайомингского компромисса // Независимая газета. 2009. 9 декабря. Эта проблема также подробно рассмотрена в гл. 10 настоящего издания.

⁶⁹ Командующий Космическими войсками: Никакой стране мы не позволим хозяйничать в космосе // Интернет портал Viperson.ru. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.viperson.ru>.

⁷⁰ См.: Николай Соловцов: Российские ракеты смогут преодолевать американские ПРО; Виктор Есин: Россия может создать орбитальные баллистические ракеты в ответ на ПРО // Интернет-портал Viperson.ru. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.viperson.ru>.

⁷¹ *Кокошин А. А.* «Асимметричный ответ» на «Стратегическую оборонную инициативу» как пример стратегического планирования в сфере национальной безопасности // *Международная жизнь*. 2007. № 7. С. 29–42.

⁷² Войска Воздушно-космической обороны. Министерство обороны РФ. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://structure.mil.ru/structure/forces/cosmic.htm>.

⁷³ Космос: оружие, дипломатия, безопасность / Под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. М.: Московский центр Карнеги — РОССПЭН, 2009. С. 76.

⁷⁴ См.: *Gill B., Kleiber M.* China's Space Odyssey // *Foreign Affairs*. May/June 2007. Vol. 86. No 3. P. 2–6; *Marder E.* Chinese ASAT Test: A Breach of International Law? 2008. July 1 // *CDI* — Center for Defense Information. URL: <http://www.cdi.org>.

⁷⁵ *Чуприн К.* Военная мощь Поднебесной. (Вооруженные силы КНР): Справочник. Минск: Харвест, 2007. С. 226–238.

⁷⁶ *Чуприн К.* «Алеет Восток» над Землей // *Независимое военное обозрение*. 2006. 22 сентября.

Стратегия принудительного разоружения и политика контрраспространения

Российские и зарубежные авторы значительное внимание уделяют радикальной трансформации режима нераспространения ядерного оружия¹. В этой обширной и важной теме остается много аспектов (содержательных и терминологических), требующих упорядочения нового эмпирического знания, полученного в быстро изменяющихся условиях последних полутора десятилетий. Однако уже в настоящее время исследователи говорят о кризисе и даже деструкции всей системы нераспространения ЯО².

Исторически словосочетание «нераспространение ядерного оружия» (*non-proliferation*) связывалось почти исключительно с понятием «стратегия нераспространения» (*non-proliferation strategy*). Эксперты определяли ее как укрепление международно-правовых режимов с целью «сковать» действия потенциальных нарушителей комплексом мягких профилактических, а также контролирующих условий и мероприятий³. Подобная стратегия была скорее оборонительной. Она, конечно, ориентировала на применение санкций против «неблагонадежных» государств. Но для запуска механизма подобных репрессалий требовались более или менее убедительные свидетельства о нарушениях режима нераспространения, а сами санкции ограничивались рамками политико-экономического и морально-политического давления (на Бразилию, Аргентину, ЮАР, Израиль, а косвенно и на Японию). Случай бомбежки Израилем ядерного реактора в Ираке (1981 г.) стал исключением, а слухи о существовании планов «ядерной кастрации» Китая силами США (при администрации Дж. Кеннеди) или СССР (в 1969 г.) никогда не были достоверно подтверждены⁴.

В начале нового века на смену политике нераспространения приходит стратегия контрраспространения (*counter-proliferation strategy*)⁵. Эта политика по смыслу является наступательной. Она ориентирует на активное противодействие распространению расщепляющихся материалов и технологий замкнутого ядерного топливного цикла (ЗЯТЦ) — «агрессивную профилактику» этого процесса при помощи превентив-

ных действий. Применение силы становится не «последним резервным средством», а рядовым инструментом воздействия на потенциальных (или формально потенциальных, как, например, Иран) нарушителей⁶.

Очевидно, меняются представления. Противодействие распространению больше не рассматривается как набор правовых норм, полугласных правил, дипломатических инициатив и технологических ограничений, на зыбкой основе которых держался режим нераспространения ЯО. В нем начинают видеть силовые действия — разоружение потенциально опасных субъектов или борьбу с транснациональными криминально-террористическими сетями⁷. Применение силы начинает рассматриваться как приемлемый инструмент разоружения нарушителей режимов нераспространения ЯО, а в более широком смысле и всего оружия массового поражения.

6.1. Концепция контрраспространения в американской системе стратегического планирования

Концепция контрраспространения начала складываться в США в 1990-х годах — при демократической администрации У. Клинтона. До уровня официальной установки американской администрации она была повышена в 2002–2006 гг. — при республиканской администрации Дж. Буша-младшего. Единого понимания этого термина среди американских экспертов нет. Можно говорить только о формировании трех различных подходов к его трактовке.

Сторонники *первого* рассматривают контрраспространение предельно конкретно и практически — как военно-силовую составляющую традиционной стратегии нераспространения. Именно так его определяют аналитики Центра Военно-воздушных сил США по изучению проблем контрраспространения (*Air Force Counterproliferation Center*) и Национального университета обороны (*National Defense University*)⁸. В рамках данного подхода контрраспространение выступает как комплекс превентивных мер для предотвращения угрозы распространения ОМП⁹.

В рамках *второго* подхода интересующее нас понятие определяется шире — как новый элемент системы ядерного сдерживания в целом¹⁰. Смысл контрраспространения оказывается не просто в модернизации и расширении инструментария дипломатии. Речь идет о выделении нового, силового направления в политике ядерного сдерживания¹¹.

Если, несмотря на все усилия, потенциально опасный режим не удалось заставить следовать нормам нераспространения переговорным путем, тогда, по мнению аналитиков второй группы, его следует подвергнуть «принудительной денуклеаризации». Если расщепляю-

шиеся материалы попали в руки террористических сетей или неблагонадежных стран, то контрраспространение предполагает нанесение незамедлительного удара по опорным пунктам или ядерным центрам последних¹². Доктрина упреждающей (*preemptive*) войны (ударов для нейтрализации прямой, реально надвигающейся, конкретной опасности) сменяется концепцией войны превентивной (*preventive*), которая предполагает устранение потенциальной или гипотетической угрозы. Понятие «контроль над вооружениями» (*arms control*) начинает осмысливаться как попытка предотвратить распространение ЯО, расщепляющихся материалов, химического и биологического оружия или их компонентов.

Разницу в понятиях можно уяснить при помощи исторических сравнений. Если бы в 1941 г. США нанесли упреждающий удар по японскому флоту за два-три дня до Пёрл-Харбора, то такую операцию можно было бы обозначить *preemptive*. Но если бы в 1961 г. США подвергли бомбардировке создававшиеся тогда объекты ядерной инфраструктуры КНР, то это было бы «превентивным» (*preventive*) действием, по сути дела, «профилактическим». Ведь Китай, в отличие от императорской Японии, не собирался наносить удар по Соединенным Штатам. Значит, с их стороны речь могла идти лишь о предупреждении потенциальной угрозы, которой мог оказаться (или не оказаться) для США ядерный Китай. Дискуссия о «профилактических» или «упреждающих» ударах — спор о том, какие методы следует считать легитимными для обороны: 1) применение силы только по готовящемуся к агрессии противнику или 2) уничтожение даже потенциальных угроз, которые могут перерасти или не перерасти в угрозу реальной военной агрессии через несколько лет или десятилетий.

Для *третьей* группы трактовок характерен акцент на политико-психологической роли контрраспространения. По мнению экспертов этой группы, эта практика разрушает политико-психологические заповести на ядерные конфликты любого рода, которые с 1960-х годов выработались в стратегической культуре «старых» ядерных держав.

Классик американской политической науки Артур Шлезингер-младший полагает, что контрраспространение способствует возрождению представлений об ограниченной войне с потенциально ядерным измерением как о нормальном элементе межгосударственного взаимодействия¹³. Еще более архаична внешнеполитическая практика контрраспространения. Она, по сути, восходит к мировоззрению XIX в., когда ограниченная война считалась нормальным элементом межгосударственного взаимодействия. К аналогичным выводам склоняется и профессор Гарвардского университета Грэм Аллисон¹⁴.

Американские эксперты признают, что в основе контрраспространения лежат идеи 1) профилактического изъятия ядерного оружия

у потенциально опасных режимов и 2) предотвращения попадания расщепляющихся материалов в руки криминальных сетей. Одновременно американские аналитики рассматривают контрраспространение как основу обновленной системы нераспространения ЯО.

По сути, все три группы ученых понимают контрраспространение как систему откровенно принудительных мер по разоружению недружественных к США субъектов и/или пресечению попыток приобретения ими ОМП.

Можно предположить, что каждое из этих направлений рассматривает один из элементов стратегии контрраспространения. В первом случае речь идет о системе превентивных военных операций, т.е. о силовом компоненте контрраспространения. Во втором на первое место выходит компонент политический — превентивное воздействие на нарушителей режимов нераспространения, которое может перерасти (или не перерасти) в принудительное разоружение опасных субъектов. Наконец, третье (критическое) направление рассматривает проблемы правовой и даже морально-правовой легитимности акций, проводимых в рамках стратегии контрраспространения. Все это позволяет представить структуру контрраспространения в следующем виде:

Структура стратегии контрраспространения

Компоненты контрраспространения	Цели	Средства	Результаты
Силовой	Разрушение инфраструктуры производства и хранения нелегального ОМП	Высокоточные системы. Новые образцы ЯО. Использование систем ПРО для перехвата ограниченного числа баллистических ракет «потенциальноопасных» режимов и террористических организаций	Дискуссии о возможности превентивных ударов по ядерным объектам, биологическим и токсическим производствам нарушителей
Политический	Предотвращение незаконного оборота расщепляющихся, токсических и биологических материалов	Взаимодействие с международными организациями. Разработка новых правовых норм. Воздействие методами дипломатического и экономического давления. Стратегия санкций	Дискуссии о силовых демонстрациях в сфере контроля над оборотом расщепляющихся материалов и ядерных технологий

Окончание

Компоненты контрраспространения	Цели	Средства	Результаты
Морально-правовой	Легитимизация действий США и их союзников	Создание новой правовой среды. Реабилитация концепции превентивной войны	Утверждение новых правовых норм. Опасность делегитимизации стратегии США

На официальном уровне термин «контрраспространение» впервые стал употребляться в начале 1990-х годов. После военной операции многонациональной коалиции во главе с США в Персидском заливе (1991) американские аналитики заговорили о том, что само силовое преобладание Америки дает толчок к распространению ОМП. Летом 1992 г. Научный совет оборонных исследований Соединенных Штатов (*Defense Science Board Study*) начал изучать способы возможной борьбы с распространением ОМП. Именно в его разработках впервые появился термин «противодействие распространению ОМП» (*counter WMD proliferation*). Но на официальном уровне он был впервые использован в выступлении министра обороны США Лесса Эспина 7 декабря 1993 г.¹⁵ Анализируя итоги кризисов вокруг советского ядерного наследия и ядерной программы КНДР, министр обороны США предлагал выработать новую стратегию контрраспространения (*Defense Counterproliferation Initiative*). Ее задачами Л. Эспин считал проведение превентивных мер по борьбе с распространением ОМП и защиту американских войск, территории Соединенных Штатов и их союзников от возможного использования такого оружия, а именно:

- разработку новых вариантов превентивного уничтожения ОМП, что предполагает изменение всей системы стратегического планирования США;
- развитие потенциала для нанесения контрсиловых ударов, в том числе по труднодоступным и высокозащищенным целям;
- создание новых средств ведения войны с противником, обладающим ОМП;
- совершенствование средств обнаружения программ развития ОМП;
- усиление сотрудничества с союзниками США, прежде всего странами НАТО.

На базе программного выступления Л. Эспина администрация У. Клинтона выработала комплексную стратегию контрраспространения. 18 декабря 1993 г. президент У. Клинтон подписал директиву № 18 (PDD/NSC 18) о придании министерству обороны США новых функций. Проведение стратегии контрраспространения соотносилось с использованием методов «активной» (использование силы) и «пассивной» (гражданской) обороны, развитием средств очистки территорий от последствий применения ОМП и совершенствованием системы сдерживания региональных противников США, обладающих небольшими, но увеличивающимися арсеналами оружия массового поражения. Особая роль уделялась повышению контрсилловых возможностей вооруженных сил США.

30 апреля 1994 г. конгресс США принял Закон о предотвращении распространения ядерного оружия (*Nuclear Proliferation Prevention Act*). Соединенные Штаты должны были прекратить экономическую и военную помощь любому государству, которое испытало ядерное взрывное устройство или приобрело информацию о его конструкции. «Обзор ядерной политики США» 1994 г. рассматривал предотвращение распространения ОМП (*preventing proliferation*) как одну из задач ядерной политики США. С помощью двух директив министра обороны США от 1 июня 1994 г. и 5 мая 1995 г. Пентагон утвердил систему планирования военных операций в рамках стратегии контрраспространения¹⁶. 21 июня 1995 г. вышла директива президента Соединенных Штатов № 39 (PDD/NSC 39), включающая в понятие «контрраспространение» борьбу за предотвращение попадания ОМП в руки транснациональных террористических сетей¹⁷.

В 1996 г. администрация У. Клинтона создала при министерстве обороны США Совет по проблемам контрраспространения (*Counterproliferation Council*) и отдел по проблемам контрраспространения (*Department of Defense Counterproliferation*). Задача первого заключалась в выработке общей стратегии контрраспространения; задача второго — в непосредственной подготовке планов проведения операций. В ноябре 1997 г. президент У. Клинтон подписал директиву № 60 (PDD 60), которая санкционировала применение силы для уничтожения хранилищ и производств ОМП «стран-нарушителей»¹⁸. Стратегия контрраспространения была повышена до ранга одного из официальных приоритетов военного планирования США.

Однако до уровня целостной концепции контрраспространение поднялось только в 2002—2003 гг. В ключевых документах того периода — «Стратегия национальной безопасности США» (сентябрь 2002 г.)

и «Национальная стратегия борьбы с распространением ОМП» (декабрь 2002 г.)¹⁹ — американская политика в области нераспространения ЯО была «расщеплена» на три равноправных компонента:

- 1) контрраспространение (*counterproliferation*), которое предполагало ограничение или пресечение распространения ОМП посредством превентивных действий;
- 2) нераспространение (*nonproliferation*) — усиление многосторонних режимов в сфере нераспространения, контроль над оборотом расщепляющихся материалов, санкции против «распространителей»;
- 3) меры борьбы с последствиями распространения (*consequence management*), подразумевавшие шаги для уменьшения негативных последствий от возможного использования ОМП против американских вооруженных сил или в ходе диверсий на территории Соединенных Штатов и их союзников.

В годы первой администрации Дж. Буша (2001–2004) в США появилась серия публикаций о возможности нанесения «разоружающих» ударов по Ирану и КНДР. Рассматривался вопрос о создании арсенала упреждающих действий — сверхмалых ядерных боезарядов, приспособленных для поражения подземных бункеров, пещер и высокозащищенных хранилищ ОМП²⁰. Шли дискуссии о возможности обезоружить потенциально опасных субъектов с помощью развертывания над территорией США системы ПРО. Некоторые авторы полагали, что факт наличия у Америки системы защиты от хотя бы ограниченного ракетного нападения противника сможет убедить «режимы-изгои» в бесперспективности их потенциально агрессивных посягательств²¹.

С 2004 г. смысл термина «контрраспространение» стал расширяться. 11 февраля 2004 г. Дж. Буш наряду с традиционными напоминаниями о необходимости воздействия на Иран и КНДР впервые высказался о потребности наладить противодействие транснациональным криминальным сетям и усилить международный контроль за оборотом расщепляющихся материалов²². Президент США призвал ввести мораторий на поставки технологий ядерного топливного цикла странам, не овладевшим им до 1 января 2004 г., и одновременно усилить полномочия Всемирной ядерной ассоциации (*World Nuclear Association*). 15 апреля 2004 г. конгрессу США был представлен доклад о мерах повышения безопасности хранения ОМП (*weapons security*), мест его складирования (*site security*) и расщепляющихся материалов (*fissile material security*). 6 февраля 2006 г. Белый дом выдвинул программу «Глобаль-

ное партнерство в атомной энергетике» (*The Global Nuclear Energy Partnership*), направленную на частичную интернационализацию ЗЯТЦ. В «Национальной стратегии борьбы с распространением ОМП» (февраль 2006 г.)²³ система контрраспространения включала в себя целый комплекс разнонаправленных мер:

- 1) «выкуп» ядерной программы у потенциально опасного государства;
- 2) установление контроля над ядерными объектами «проблемных» (с точки зрения США) стран;
- 3) частичное признание ядерного статуса нарушителя в обмен на соблюдение им некоторых соглашений;
- 4) принудительное разоружение посредством комбинации дипломатического давления и применения силы;
- 5) воздействие на крупнейшие уранодобывающие компании и страны—поставщики уранового сырья.

Демократическая администрация Б. Обамы критиковала республиканцев за излишне жесткое силовое давление на оппонентов. Но программные положения стратегии контрраспространения были подтверждены в «Обзоре ядерной политики США» и «Четырехлетнем обзоре безопасности» (2010 г.). Не была принята новая «Национальная стратегия борьбы с распространением ОМП», и программные положения 2006 г. сохранили силу. Разница заключалась том, что демократы попытались сделать упор на борьбу с террористическими сетями и диалог с оппонентом. Однако концептуальных подвижек в американской стратегии контрраспространения после 2009 г. не произошло.

Ключевой идеей этой политики является лишение любых стран, реально или теоретически претендующих на приобщение к «ядерному клубу», всех возможностей осуществить эту задачу, оставить продвижение к ней на возможно более ранних этапах, причем, если понадобится и окажется возможным, то при помощи силы.

6.2. Становление политики контрраспространения

Становление американской политики контрраспространения было неразрывно связано с дискуссиями о советском ядерном наследстве. Распад СССР в декабре 1991 г. обострил проблему нераспространения ЯО. Советский ядерный арсенал оказался разделенным между четырьмя государствами — Российской Федерацией, Украиной, Белоруссией и Казахстаном. Ядерный статус России как правопреемницы СССР не оспаривался, и она не собиралась от него отказываться. Не было ясно,

как поведут себя другие страны. Возникла парадоксальная ситуация, когда распространение ЯО стало возможным без формального нарушения условий ДНЯО.

Нерешенность проблемы ядерного наследия Советского Союза создавала трудности и для системы контроля над вооружениями. 31 июля 1991 г. СССР и США подписали договор СНВ-1, предусматривавший сокращение стратегических ядерных боезарядов до 6500 единиц у каждой стороны. Но до разрешения вопроса о статусе Украины, Белоруссии и Казахстана он не мог вступить в силу. Ратифицировать договор СНВ-1 должно было не одно государство (СССР), а четыре страны (Россия, Белоруссия, Украина, Казахстан). Было непонятно, попадают ли под действие СНВ-1 ядерные боезаряды, оставшиеся на украинской, белорусской и казахстанской территориях.

Ситуация оставалась двойственной до подписания 8 декабря Беловежских соглашений. 25 декабря 1991 г. президент СССР М. С. Горбачев объявил о прекращении своей деятельности на посту президента Союза ССР и передал управление стратегическим ЯО президенту России Б. Ельцину. 29 декабря 1991 г. лидеры России, Белоруссии, Украины и Казахстана договорились создать временное командование Стратегических сил СНГ. 20 марта 1992 г. было создано Главное командование объединенных вооруженных сил Содружества, в подчинении которого находились Стратегические силы СНГ²⁴. Формально эта структура предназначалась для временного управления стратегическим ЯО, находившимся на украинской, белорусской и казахстанской территории. Фактически она координировала действия по вывозу ядерных боезарядов из этих стран в Россию. (К лету 1992 г. тактические и оперативно-тактические ядерные боезаряды были выведены с территории Белоруссии, Казахстана и Украины.) Однако в Киеве термин «стратегические силы СНГ» интерпретировали как косвенное согласие России начать переговоры о статусе советских стратегических ядерных сил.

Более сложным был вопрос о выводе стратегического ЯО. 23 мая 1992 г. в Лиссабоне представители России, США, Украины, Белоруссии и Казахстана подписали протокол к советско-американскому договору СНВ-1²⁵. Согласно его условиям последние три страны соглашались принять на себя обязательства СССР по этому документу и присоединиться к ДНЯО в качестве неядерных государств. Но подписание Лиссабонского протокола не означало окончания кризиса. *Во-первых*, предстояла сложная процедура ратификации договора СНВ-1 в парламентах Белоруссии, Украины и Казахстана. *Во-вторых*,

министерства обороны должны были согласовать конкретные графики вывода ядерных боезарядов и их носителей. В-третьих, и Минск, и Киев, и Астана требовали финансовой или технической компенсации за вывод ЯО со своей территории. Российское руководство рассчитывало на поддержку США.

Вашингтон стремился к скорейшей ратификации договора СНВ-1, видя в нем средство сократить советский ядерный арсенал. Американские эксперты полагали, что приобретение ЯО Украиной, Белоруссией и Казахстаном может стать прецедентом для выхода из ДНЯО «пороговых» стран. Руководство США опасалось (по крайней мере, согласно официальным заявлениям) кражи криминальными структурами расщепляющихся материалов или тактических ядерных боезарядов. Сотрудничество в сфере нераспространения виделось в Вашингтоне доказательством провозглашенного в 1992 г. курса на стратегическое партнерство России и США.

С конца 1991 г. Вашингтон стал участвовать в переговорах о судьбе советского ядерного арсенала. 13 ноября 1991 г. президент Дж. Буш-старший подписал законопроект о создании экспертной группы, призванной выработать рекомендации министерству обороны США по вопросам сотрудничества с СССР в сферах ликвидации ОМП, предотвращения его распространения и конверсии советской оборонной промышленности. 15–16 декабря 1991 г. Москву посетил госсекретарь США Дж. Бейкер, который в ходе встреч с М. С. Горбачевым и Б. Н. Ельциным поддержал требования российского руководства признать за Российской Федерацией ее ядерный статус как единственного государства—правопреемника СССР. 30 декабря 1991 г. Соединенные Штаты признали Россию единственным правопреемником СССР, что означало и ее признание в качестве единственной ядерной державы на постсоветском пространстве.

Одновременно США заявили о готовности помочь России в вопросах ликвидации ввезенных из Украины, Белоруссии и Казахстана ядерных боезарядов. 25 ноября 1991 г., предложив Российской Федерации программу совместного уменьшения угрозы (*Cooperative Threat Reduction Program*), известную также как «Программа Нанна—Лугара» (по именам ее авторов — сенаторов Сэма Нанна и Ричарда Лугара). 17 июня 1992 г. Б. Н. Ельцин и Дж. Буш-старший подписали Соглашение между Российской Федерацией и США относительно безопасных и надежных перевозок, хранения и уничтожения ЯО и предотвращения его распространения. Вашингтон стал оказывать финансовую помощь российским работам по ликвидации той части ядерных боезарядов, которая под-

лежала сокращению по условиям СНВ-1, строительству контейнеров и хранилищ для расщепляющихся материалов. Параллельно США стали взаимодействовать с министерствами обороны Украины, Белоруссии и Казахстана, выделяя им средства на вывоз ядерных боезарядов и модернизацию их атомных объектов.

После вывоза ядерных боезарядов со своей территории *Белоруссия* 4 февраля 1993 г. ратифицировала договор СНВ-1 и Лиссабонский протокол, а 22 июля 1993 г. присоединилась к ДНЯО в качестве неядерного государства. В ноябре 1996 г. Минск передал России последние советские межконтинентальные баллистические ракеты-носители ЯО. Реактор-наработчик высокообогащенного урана в Объединенном институте энергетических и ядерных исследований (поселок Сосны под Минском) был поставлен под гарантии МАГАТЭ. Вашингтон только выделил средства на ликвидацию боезарядов и их носителей на территории Российской Федерации в рамках программы «Нанна—Лугара»²⁶.

Более сложно развивалась ситуация вокруг *Казахстана*. Официально Алма-Ата согласилась в конце 1991 г. вывезти ядерные боезаряды и их носители в Россию. 2 июля 1992 г. Алма-Ата ратифицировала договор СНВ-1 в пакете с Лиссабонским протоколом. 14 февраля 1994 г. Республика Казахстан присоединилась к ДНЯО в качестве неядерного государства. В апреле 1995 г. последние носители стратегического ЯО были выведены с территории Казахстана в Россию.

Но 7 июля 1992 г. правительство Н. Назарбаева обратилось к МАГАТЭ с просьбой помочь реконструировать ключевые казахстанские ядерные центры — Курчатовский институт атомной энергетики в городе Усть-Каменогорске (северо-восток Казахстана) и энергетическую установку Мангышлак в городе Актау (побережье Каспийского моря). 23 ноября 1994 г. Белый дом заявил, что США вывезли из Курчатовского института 581 кг высокообогащенного урана, который был превращен в низкообогащенное урановое топливо для американских атомных электростанций²⁷. Летом 1995 г. Вашингтон выплатил компенсацию Казахстану, по разным источникам, от 10 до 20 млн долл. Эти события, получившие в СМИ название операция «Сапфир», вызвали негативную реакцию российского Минатома²⁸ и Республиканской партии США. Согласие администрации У. Клинтона приобрести казахстанский высокообогащенный уран воспринималось как скрытая плата за быстрый вывоз ЯО с территории Казахстана.

Наиболее сложно переговоры о выводе стратегического ЯО проходили с *Украиной*. 24 октября 1991 г. Верховная рада приняла постановление о безъядерном статусе страны. 18 апреля 1992 г. президенты

Б. Н. Ельцин и Л. М. Кравчук подписали Соглашение о порядке перемещения ядерных боеприпасов с территории Украины на базы Российской Федерации для разукрупнения и ликвидации. 7 мая 1992 г. Л. Кравчук в письме Дж. Бушу-старшему гарантировал готовность уничтожить в течение семи лет все стратегические наступательные вооружения. В мае 1992 г. Киев после двухмесячной заминки позволил вывезти тактическое ЯО со своей территории.

Но постепенно позиция Украины ужесточалась. В начале 1992 г. она отказалась ввести в состав Стратегических сил СНГ дислоцированные на своей территории части, располагавшие стратегическим ядерным оружием. 10 июня 1992 г. правительство Украины установило «административный контроль» над находящимися на ее территории носителями стратегического ЯО. 11 декабря 1992 г. МИД Украины заявил о праве собственности республики на все компоненты ядерных боеголовок, дислоцированных на ее территории. 2 июля 1993 г. Верховная рада утвердила «Основные направления внешней политики Украины», содержание которых было двусмысленным. Республика провозглашалась безъядерным государством, однако все находящееся на ее территории ЯО было объявлено «собственностью Украины».

Эти события породили сомнения в России и США относительно намерений Украины остаться неядерным государством. Опасения подогревал тот факт, что это было единственное (кроме России) государство постсоветского пространства, которое имело залежи урановой руды, технологии замкнутого ядерного топливного цикла и предприятия по производству МБР. Американские аналитики опасались сценария установления «негативного контроля» Украины над ЯО (блокировка возможности активизации ядерных боезарядов с помощью системы электронных кодов)²⁹.

Российско-украинские переговоры начались во время визита президента Украины Л. Кравчука в Москву 15 января 1993 г. В ходе саммита президент Б. Н. Ельцин заявил о готовности до ратификации Украиной СНВ-1 и ее присоединения к ДНЯО предоставить ей гарантии безопасности. Главы государств поручили правительствам обеих стран начать переговоры по урегулированию сложных вопросов, связанных с реализацией договора СНВ-1. 26 января 1993 г. начала работать комиссия во главе с чрезвычайным и полномочным послом России Ю. Дубининым и министром охраны окружающей среды, руководителем специальной рабочей группы Верховной рады Украины по подготовке к ратификации договора СНВ-1 Ю. Костенко³⁰.

3 сентября 1993 г. на встрече в Массандре (Крым) премьер-министры России В. Черномырдин и Украины Л. Кучма подписали три

документа: «Соглашение об утилизации ядерных боезарядов», «Основные принципы утилизации ядерных боезарядов стратегических сил, дислоцированных на Украине», «Соглашение о порядке осуществления гарантийного авторского надзора за эксплуатацией стратегических ракетных комплексов стратегических сил, расположенных на территории России и Украины». Договоренности предусматривали вывоз всех носителей стратегического ЯО на территорию России и их демонтаж на заводах-изготовителях. Российская сторона обязалась превратить извлеченный из вывезенных боезарядов высокообогащенный уран в низкообогащенный и вернуть его Украине в качестве топлива для ее АЭС.

Важную роль на переговорах сыграла позиция США. На протяжении 1992 г. Вашингтон неоднократно давал понять Киеву, что в случае попытки провозгласить себя ядерной державой Украина окажется в международной изоляции. 9 мая 1993 г. заместитель госсекретаря США С. Тэлботт заявил, что администрация У. Клинтона готова выделить Украине 175 млн долл. в случае ратификации ею договора СНВ-1³¹. В августе 1993 г. была создана рабочая группа во главе с заместителем министра иностранных дел России Ю. Мамедовым и С. Тэлботтом. 14 января 1994 г. президенты США, России и Украины подписали в Москве соглашение о сокращении ядерного оружия и гарантиях безопасности Украины. Киев обязался завершить вывоз ЯО в Россию, а Вашингтон — выделить Киеву целевую помощь в рамках программы «Нанна—Лугара». Россия и США согласились гарантировать безопасность Украины после вывода ЯО с ее территории.

3 февраля 1994 г. Верховная рада сняла дополнительные условия, что позволило республике ратифицировать договор СНВ-1 в пакете с Лиссабонским протоколом, а 16 ноября 1994 г. ратифицировала ДНЯО. 5 декабря 1994 г. на саммите СБСЕ в Будапеште Россия, США, Великобритания и Франция дали Украине гарантии безопасности. В феврале 1995 г. начались инспекции МАГАТЭ на ее атомные объекты. К 1 июня 1996 г. Украина передала России все имевшееся на ее территории ЯО.

Дискуссии вокруг ядерного наследия СССР доказали возможность и эффективность российско-американского взаимодействия. Россия и США смогли сохранить режим нераспространения ЯО, укрепили систему контроля над вооружениями: 5 декабря 1994 г. вступил в силу договор СНВ-1. Однако в ходе этих событий США почувствовали себя более сильной стороной, которая может прислушиваться, но может и не прислушиваться к мнению партнера. Важная роль Вашингтона на переговорах с Украиной и Казахстаном убедила американский истеблишмент в том, что США становятся лидером международной систе-

мы нераспространения. Администрация У. Клинтона расценила это как право Вашингтона принуждать другие страны соблюдать международный режим нераспространения ЯО — в той версии, как его трактовали в США.

6.3. Мирный вариант контрраспространения

Успешное участие США в решении советского ядерного наследства побудило американских аналитиков задуматься, как применить схему ядерного саморазоружения «пороговых стран». Особый интерес вызывал пример ЮАР³². В 1974 г. эта страна начала тайную разработку ядерного оружия в ответ на возможную угрозу со стороны соседних стран (Анголы и Мозамбика), активно сотрудничавших с Советским Союзом³³. Но в результате ослабления международной напряженности в конце 1980-х годов, распада СССР и политической эволюции самой ЮАР потребность в ядерном оружии — даже формальная — отпала. В 1990 г. новое руководство страны во главе с Фердинандом де Клерком согласилось «разоружиться» на основе компромисса с МАГАТЭ. В 1991 г. компоненты для производства ядерных боезарядов были ликвидированы властями страны. Международное сообщество согласилось оставить ЮАР два легководных и один исследовательский реактор, а также несколько предприятий по пилотному обогащению урана. Впервые страна согласилась отказаться от приобретения ЯО под международным контролем.

Однако африканский опыт «ядерного саморазоружения» остался уникальным. Между тем требовалось найти средства пресечения попыток тех или иных стран приобрести ядерный статус. Администрация У. Клинтона выдвинула идею «выкупа» военных ядерных программ у «опасных» государств.

Правда, одновременно с ЮАР свои ядерные программы свернули Бразилия и Аргентина. Однако приостановка их ядерных исследований произошла после заключения двустороннего Гвадалахарского соглашения 18 июля 1991 г. — без международного воздействия. Кроме того, ни Бразилия, ни Аргентина не вышли на стадию полноценной программы создания ЯО, речь шла только о программе обогащения урана (Бразилия) и выделения плутония из отработанного ядерного топлива (Аргентина).

Первым объектом такой политики стал *Алжир*. В 1980-х годах эта страна начала строительство мощного ядерного центра в местечке Айн-Уссер (горы Атлас)³⁴, что вызвало озабоченность международного сообщества: Алжир не являлся участником ДНЯО и его атомные объекты не были поставлены под гарантии МАГАТЭ. С мая 1991 г. Вашингтон добивался от Алжира присоединения к международным соглашени-

ям в сфере нераспространения ЯО. В 1995 г. Алжир присоединился к ДНЯО и Договору о создании безъядерной зоны в Африке, а 30 марта 1996 г. заключил соглашение о гарантиях в МАГАТЭ. Соединенные Штаты со своей стороны согласились с беспрепятственным развитием мирной атомной энергетики этой страны.

Похожую схему Европейский союз реализовал в отношении Румынии. Еще в 1970-х годах она овладела ЗЯТЦ и создала серию ядерных центров. После свержения режима Николае Чаушеску в 1989 г. появились сообщения, что Румыния осуществляла военную ядерную программу. 17 июня 1992 г. страны ЕС призвали Бухарест поставить все ядерные объекты под гарантии МАГАТЭ и уничтожить «чувствительное» оборудование на атомных объектах³⁵. На реализацию этой деятельности МАГАТЭ выделило Бухаресту финансовую помощь в размере 1,5 млн долл. К апрелю 1994 г. правительство Иона Илиеску выполнило эти условия, что подтвердила специальная инспекция МАГАТЭ. После нее Румыния восстановила деятельность своих ядерных центров в перепрофилированном виде и возобновила производство тяжелой воды.

Особый вариант мирного разоружения был осуществлен применительно к Югославии. Развитие ее ядерной программы началось в конце 1940-х годов на базе соглашений о сотрудничестве в сфере мирного использования атомной энергии с СССР и Норвегией³⁶. В 1950-х годах Югославия начала сотрудничать в области атомной энергетики с США. На базе этих соглашений в СФРЮ были построены Институт атомных исследований Винце (*VINCA*) с тяжеловодным и легководным реактором³⁷, а также маломощная АЭС «*Krisko*» в Словении. В 1966 г. были созданы мощности лабораторного типа по переработке отработанного ядерного топлива с целью извлечения из него плутония. В 1974 г. правительство И.Б. Тито запустило Программу А (развитие технологий ЗЯТЦ) и Программу Б (создание ядерного оружия на основе ЗЯТЦ)³⁸. В 1980-х годах в Югославии нарастали финансово-экономические трудности. В 1987 г. Программа А была официально закрыта.

Но страны ЕС требовали от президента С. Милошевича гарантий свертывания югославской ядерной программы. С этой целью МАГАТЭ организовало в 1995 г. инспекции в Институт Винца с целью проверки надежности хранения свежего и облученного ядерного топлива³⁹. У комиссии МАГАТЭ сохранялись конфликтные отношения с правительством С. Милошевича, которое регулярно обвиняло инспекторов в попытках превышения полномочий. В ходе военной операции НАТО (24 марта — 9 июня 1999 г.) МИД Югославии вы-

ражал озабоченность угрозой попадания натовских крылатых ракет в Институт Винца.

После падения правительства С. Милошевича осенью 2000 г. «легальные» ядерные державы решили вывезти ядерное топливо из Югославии. 19 апреля 2001 г. министерство энергетики США заявило о возможности вывоза расщепляющихся материалов из Института Винца. Правительство Воислава Коштуницы (2001–2006) предпочло, однако, договориться об этом с Россией. В августе 2002 г. из Института Винца в Россию было вывезено 48 кг 80%-ного обогащенного урана (в Дмитровград), а в октябре 2006 г. около двух метрических тонн отработанного ядерного топлива.

На рубеже 2003–2004 гг. кампания за принудительное разоружение авторитарных режимов дала результаты в *Ливии*. Существует две версии причин изменения ситуации вокруг этой страны. Американские политики уверяют: ливийское правительство испугалось, что США нападут на Ливию, как они напали на Ирак весной 2003 г. под предлогом борьбы с распространением ОМП⁴⁰. Западноевропейские дипломаты утверждают, что позиция Триполи стала меняться в результате усилий Евросоюза «интегрировать» Ливию в торгово-экономические связи. 19 декабря 2003 г. Триполи заявил о готовности ликвидировать под контролем МАГАТЭ программы создания ОМП⁴¹. На протяжении весны—лета 2004 г. эти обещания были выполнены. Страны ЕС и США отменили введенные в 1986 г. санкции против Ливии. Однако модель одностороннего разоружения принесла режиму М. Каддафи временные гарантии. С 18 марта по 31 октября 2011 г. страны НАТО при решающей роли Великобритании и Франции провели военную операцию в поддержку повстанцев, завершившуюся свержением и физическим уничтожением М. Каддафи.

Окрыленные успехом дипломаты стран ЕС по согласованию с американскими предприняли серию попыток применить тактику двоякого воздействия в отношении *Ирана*. Большинство иранских ядерных объектов было построено при шахе Мухаммеде Реза Пехлеви (1953–1979) в рамках соглашений с Францией, ФРГ и Данией. Особую роль в развитии иранской ядерной программы сыграло участие Тегерана в консорциуме «Евродиф», через который иранские специалисты получили в 1974 г. технологии обогащения урана. После Исламской революции 1979 г. Тегеран разорвал соглашения со странами Западной Европы, что вызвало его конфликт с Францией из-за отказа Парижа поставить произведенное в Трикастане иранское ядерное топливо. Поэтому с начала 1990-х Тегеран переориентировался на сотрудниче-

ство с другими странами — Аргентиной, КНР и Россией. Российские специалисты на основе соглашения 1992 г. возобновили начатое ФРГ строительство Бушерской АЭС на берегу Персидского залива.

В 2002 г. ситуация вокруг ядерных экспериментов Ирана обострилась. Чиновники МАГАТЭ заговорили о том, что Тегеран нарушает условия соглашения о гарантиях с агентством 1974 г. Используя эти заявления, администрация Дж. Буша-младшего, полагая, что победа в Ираке развязывает ей руки для новой силовой акции на Среднем Востоке, стала вести дипломатическую подготовку войны против Ирана. Однако страны ЕС, самые крупные из которых выступали против нападения США на Ирак, также критически относились и к планам войны с Тегераном. Они настаивали на применении к Ирану переговорного подхода, несмотря на сложность ведения диалога с его руководством. Желая представить альтернативу американской версии контрраспространения, страны «евротройки» (Франция, Великобритания и Германия) от имени ЕС предложили идею «выкупа» у Ирана его ядерной программы.

Консультации между ЕС и Ираном начались в 2002 г. 30 августа 2003 г. Евросоюз обратился к Тегерану с призывом возобновить нормальное сотрудничество с МАГАТЭ и подписать Дополнительный протокол агентства 1997 г.⁴² После года переговоров 15 ноября 2004 г. страны ЕС и Иран заключили в Париже предварительное соглашение на уровне экспертов⁴³. Тегеран обязался приостановить работы по обогащению урана, а Европейский союз подтвердил готовность к техническому сотрудничеству, в том числе поставкам реактора на легкой воде. «Евротройка» пообещала в течение полугода представить детальный план урегулирования конфликта вокруг ядерной программы Ирана. 22 ноября 2004 г. Тегеран заявил о прекращении работ по обогащению урана. 29 ноября 2004 г. этот факт подтвердили представители МАГАТЭ.

США отнеслись к этим инициативам скептически: Вашингтон не исключал, что в крайнем случае возможны разоружающие удары по ядерным объектам Ирана. Но по мере продвижения успехов европейской дипломатии (и одновременно растущих неудач Соединенных Штатов в Ираке) администрация Дж. Буша-младшего заговорила о том, что иранскую проблему невозможно решить силой⁴⁴. В ходе европейского турне 31 января — 4 февраля 2005 г. госсекретарь США К. Райс заявила, что Белый дом занят выработкой совместного с ЕС подхода к урегулированию кризиса вокруг иранской ядерной программы⁴⁵. С аналогичными заявлениями 22 февраля 2005 г. выступил и президент Дж. Буш⁴⁶. В начале марта 2005 г. представитель президента Скотт Маклеллан, а затем и госсекретарь США Кондолиза Райс заявили, что

Соединенные Штаты готовы принять участие в «выкупе» ядерной программы Тегерана. Вашингтон предложил Ирану разрешить закупки американских авиационных двигателей и авиационного электронного оборудования, а также поддержать его вступление во Всемирную торговую организацию⁴⁷.

27 февраля 2005 г. Москва подписала договор с Тегераном о возвращении в Россию отработанного ядерного топлива с будущей Бушерской АЭС. Во время визита в Иерусалим 28 апреля 2005 г. В. Путин заявил, что Россия выступает за отказ иранской стороны от создания технологий ядерного цикла и постановку под контроль МАГАТЭ атомных объектов Ирана⁴⁸. 3 ноября 2005 г. Россия предложила Ирану создать совместное предприятие по обогащению урана под контролем МАГАТЭ. Зимой 2006 г. это предложение стало предметом российско-иранских переговоров, которые, однако, завершились безрезультатно.

Однако найти компромисс по иранской ядерной программе в 2005 г. не удалось. На переговорах в Женеве 25 мая 2005 г. «евротройка» так и не представила план урегулирования иранской проблемы. США не предоставили письменных гарантий безопасности Тегерану. 26 июня 2005 г. президентом Ирана был избран Махмуд Ахмадинежад, который через месяц отказался от рассмотрения инициатив ЕС. 2 августа 2005 г. министры иностранных дел Великобритании, Германии и Франции предъявили Ирану ноту, в которой указывалось, что возобновление работ по переработке урана будет означать конец переговоров. В ответ 8 августа 2005 г. Тегеран возобновил обогащение урана и вышел из режима переговоров с «евротройкой». После серии неудачных консультаций 4 февраля 2006 г. Совет управляющих МАГАТЭ передал «иранское досье» СБ ООН, к работе которого присоединилась и Германия. Возникла угроза проведения военной операции США и/или Израиля против Ирана.

Первоначально «шестерка» (пять постоянных членов СБ ООН плюс Германия) пытались действовать в духе «евротройки». 1 июня 2006 г. от имени «шестерки» Тегерану был предложен «Венский пакет» инициатив, которые, по сути, повторяли предложения «евротройки». Но 22 августа 2006 г. Иран отказался от этой инициативы, начал наращивать темпы работ по обогащению урана и строить завод по производству тяжелой воды в городе Араке. Совет Безопасности ООН ввел против Ирана серию санкций. Резолюция № 1737 (2006 г.) запретила поставки Тегерану оборудования и технологий для обогащения урана и выделения плутония из ОЯТ и заморозило счета ряда иранских компаний за рубежом. Резолюция № 1747 (2007 г.) наложила запрет на поставки во-

оружения в Иран, что, однако, не распространялось на заключенные ранее контракты. Резолюция № 1803 (2008 г.) призвала все государства тщательно осматривать отправлявшиеся в Иран грузы с технологиями ЗЯТЦ для избежания ядерной контрабанды. Все эти санкции носили, однако, обратимый характер: формально они должны были действовать только до приостановки Тегераном программы обогащения урана.

Санкции Совета Безопасности ООН и посредничество России подвигли правительство М. Ахмадинежада занять более конструктивную позицию на переговорах. На встрече с министром иностранных дел России С. В. Лавровым 27 июня 2007 г. он заявил о намерении искать компромисс с МАГАТЭ. Иран дал разъяснения агентству относительно проведенных в прошлом экспериментов по выделению плутония из атомного топлива. МАГАТЭ 20 августа 2007 г. подтвердило, что не имеет претензий к Тегерану по вопросам выделения плутония. Эксперты полагали, что решение «плутониевого вопроса» станет основой соглашения по иранской программе обогащения урана. 21 августа 2007 г. Иран и МАГАТЭ выработали план решения остающихся спорных вопросов относительно соблюдения Тегераном соглашения о гарантиях с МАГАТЭ. 27 августа 2007 г. план был принят сторонами⁴⁹. Иран обязался дать агентству объяснения по поводу:

- происхождения частиц обогащенного урана, взятых МАГАТЭ в Техническом университете Тегерана;
- заявлений о закупках Ираном информации и технологий для Р-1 и Р-2 через иностранных посредников, а также иранских НИОКР в этой сфере;
- иранского документа, обнаруженного экспертами МАГАТЭ в 2005 г. с описанием процедуры конверсии урана (UF₆) в металлический уран и о придании обогащенному металлическому урану формы полушария (последние могли быть использованы для создания ядра в ЯВУ имплозивного типа);
- целей экспериментов Ирана с изотопами полония-210;
- характера деятельности Тегерана на урановой шахте в Гчине.

Иран также согласился сотрудничать с МАГАТЭ в подготовке соглашений по объектам в Натанзе и возобновить инспекции на строящемся рядом с Араком реактор ИР-40.

Принятие рабочего плана вызвало, однако, недовольство США и стран ЕС⁵⁰. Представители этих стран отмечали, что гендиректор МАГАТЭ М. эль-Барадей превысил свои полномочия: в докладе не содержится требований к Тегерану приостановить программу обога-

нения урана. 15 ноября 2007 г. М. эль-Барадей подготовил новый доклад для Совета управляющих МАГАТЭ, в котором отмечались позитивные сдвиги при сотрудничестве с Тегераном. Иран оценил доклад как свидетельство своей конструктивной позиции на переговорах. На Женевских переговорах верховный комиссар ЕС Х. Солана предложил представителю Ирана Саиду Джалили (сменил А. Лариджани) стратегию двойного замораживания: ООН прекращает введение дальнейших санкций против Тегерана в обмен на приостановку расширения его программы обогащения урана. Такой подход ЕС отличался от предложений «евротройки» 2005 г. Однако 30 ноября 2007 г. Саид Джалили отказался от варианта Евросоюза⁵¹.

Но между постоянными членами Совета Безопасности ООН начались разногласия относительно дальнейших шагов в отношении Ирана. США настаивали на принятии новой резолюции, допускающей применение силы в случае отказа Ирана свернуть программу обогащения урана. Россия, КНР и отчасти Франция выступали за систему «обратимых» санкций, действие которых приостанавливается в случае приостановки Ираном процесса обогащения урана. Процесс переговоров о «выкупе» иранской программы обогащения урана оказался парализованным.

Второй этап переговоров по ядерной программе Ирана наступил после прихода к власти администрации Б. Обамы в 2009 г. Белый дом послал сигналы о готовности возобновить переговоры с Тегераном. Россия попыталась сыграть роль посредника, 1 октября 2009 г. предложив создать совместное с Францией предприятие по обогащению урана. 21 октября 2009 г. МАГАТЭ представило схему реализации этого проекта. К 15 января 2010 г. из Ирана в Россию должно было быть вывезено 75% НОУ, наработанного на обогатительном предприятии в Натанзе (1200 кг). Далее планировались очистка гексафторида урана от примесей и дообогащение на одном из российских предприятий до 19,75%, а затем поставка во Францию для производства ядерного топлива. К концу 2010 г. это топливо должно было через Россию поставляться в Иран. 23 октября 2009 г. Россия, США и Франция согласились с предложением МАГАТЭ.

Тегеран сначала позитивно отреагировал на российскую инициативу, 29 октября 2009 г. заявив, что заинтересован в предложении МАГАТЭ, хотя и с оговорками, но 17 ноября 2009 г. предложил вывозить со своей территории НОУ небольшими партиями. Это заявление вызвало недовольство США и стран ЕС. Заключить соглашение до 2 января 2010 г., как предполагала «шестерка», не удалось. В мае 2010 г. Тегеран оконча-

тельно отказался от проекта МАГАТЭ, предложив Бразилии и Турции создать совместное предприятие. В ответ Москва разорвала подписанный в 2007 г. контракт с Тегераном на поставку зенитно-ракетных комплексов С-300. 9 июня 2010 г. Россия и КНР вместе с другими постоянными членами проголосовали за резолюцию СБ ООН № 1929, которая ввела первые необратимые санкции против Ирана.

Третий этап переговоров начался во второй половине 2011 г. К этому времени Тегерану удалось добиться успехов в реализации своей ядерной программы. 12 сентября 2011 г. в Бушере состоялась церемония пуска первого энергоблока АЭС. 8 ноября 2011 г. МАГАТЭ опубликовало отчет по поводу ядерной программы Ирана, в котором указывалось на то, что он осуществлял шаги, «имеющие отношение к разработке ядерного взрывного устройства». Доклад МАГАТЭ вызвал жесткую реакцию Израиля: 4 ноября 2011 г. президент Шимон Перес заявил, что Тель-Авив оставляет за собой право на любые шаги (включая силовые) для недопущения получения Тегераном ЯО. Эти заявления были интерпретированы СМИ как готовность Израиля провести (совместно с США или самостоятельно) военную операцию по уничтожению иранских ядерных объектов. Однако администрация Б. Обамы официально не поддержала Израиль.

Дипломатический конфликт вокруг ядерной программы Ирана имеет не только региональное, но прежде всего глобальное измерение. Согласно IV статье ДНЯО все неядерные государства имеют право на развитие атомной энергетики, и обязанность «легальных» ядерных держав — помогать им в этом процессе. В случае если Иран будет лишен права на обогащение урана, ситуация изменится. Возникнет прецедент разделения неядерных стран на «достойных» и «недостойных» иметь ЗЯТЦ. Это заставляет Россию, КНР и отчасти Францию относиться настороженно к политике Вашингтона в иранском вопросе. Мирный вариант контрраспространения в случае с Ираном не сработал.

6.4. Контроль над ядерными объектами «проблемных» государств

На фоне дискуссии о приоритетности силовых или дипломатических вариантов контрраспространения в американском аналитическом сообществе стала обсуждаться идея введения внешнего управления над ядерными арсеналами «проблемных» стран (*failing/failed states*). Смысл дискуссии состоял в том, чтобы оценить, насколько полезно и реалистично было пробовать поставить под международный, прежде всего американский, контроль атомные объекты (склады ядерных боеприпа-

сов, полигоны, пусковые установки, АЭС и сопряженные с ними научные и промышленные производства) зарубежных государств. Имелись в виду, конечно, страны, в силу разных причин неспособные самостоятельно обеспечить безопасность своих атомных объектов.

В начале 2000-х годов к числу таковых относился прежде всего Пакистан, ставший де-факто ядерным государством в 1998 г., но с политически неустойчивым режимом. Эта страна пользовалась, однако, симпатиями США, и ее руководителей нельзя было компрометировать введением режима внешнего управления. Требовались более тонкие решения, как, например, «дозированное участие» Америки в управлении ядерными объектами иностранных государств. Не имея возможности заставить Пакистан отказаться от приобретенного им ядерного статуса, Соединенные Штаты стремились максимально его девальвировать.

Американские аналитики высказывали опасения по поводу возможности территориального распада Пакистана под давлением антиправительственной борьбы местной радикальной исламской оппозиции. На его земле действовали формирования талибов, вытесненных из Афганистана. Базировавшиеся в Пакистане талибы и местные пакистанские экстремисты были связаны с международными террористическими сетями. Пакистанские радикалы заявляли о намерении силой захватить ядерные объекты страны и получить доступ к ЯО. Тревогу вызывали и сообщения о «коррупционных утечках» — случаях незаконной передачи пакистанских технологий, оборудования и материалов атомного профиля в другие страны. Скандал вокруг «дела Хана» (нелегальные поставки пакистанских ядерных технологий в Иран, Ливию и КНДР) показал, что эти опасения обоснованны⁵². Американские специалисты заговорили о необходимости «помочь» президенту П. Мушаррафу сохранить контроль над ядерным арсеналом⁵³.

Эти скандальные разоблачения названы «делом Хана» по имени ведущего физика Пакистана Абдул Кадыр Хана, директора исследовательской лаборатории при Пакистанском институте ядерных исследований и технологий. Хан считается «отцом» ядерной программы Пакистана. Вместе с тем именно он с середины 1990-х годов организовал систему нелегальных поставок пакистанских ядерных материалов и технологий в Иран, Ливию и КНДР. В начале 2004 г. разоблачение этой сети вызвало международный скандал и показало, что «сетевое распространение» расщепляющихся материалов уже стало реальностью.

Консультации между США и правительством П. Мушаррафа начались в 2000 г. В это время президент Пакистана учредил Систему национального командования (*National Command Authority — NCA*), в ее состав вошли президент, руководители военных ведомств и коман-

дующие родами войск пакистанской армии. П. Мушарраф обратился к США с просьбой поставить для *NCA* системы *PAL*, которые блокируют процесс применения ЯО и могут быть отключены с помощью цифровых кодов и с санкции президента. Но администрация У. Клинтона отказалась предоставить системы *PAL*, опасаясь, что факт их поставок будет означать косвенное признание ядерного статуса Пакистана⁵⁴.

С началом антитеррористической операции Соединенных Штатов в Афганистане контакты между Исламабадом и Вашингтоном расширились. Во время визита в Пакистан госсекретаря США К. Пауэлла 19 октября 2001 г. стороны обсуждали различные варианты оказания помощи правительству П. Мушаррафа в сфере обеспечения безопасности хранения пакистанского ЯО. Американские эксперты прорабатывали вопрос о поставках Пакистану передатчиков, с помощью которых правительства обеих стран могли бы отслеживать перемещение пакистанских ядерных боезарядов, или систем, позволяющих при наличии соответствующего технического персонала уничтожать ЯО в случае возникновения реальной опасности для пакистанских ядерных объектов⁵⁵. В тот момент П. Мушарраф отклонил предложения администрации Дж. Буша. В СМИ появились сообщения о том, что в критической ситуации США на основании секретной договоренности с Исламабадом могут вывезти пакистанское ЯО из страны⁵⁶.

С начала 2004 г. обсуждение пакистанской проблемы вышло на новый уровень. Мотив возможной помощи Пакистану в охране его ядерных объектов звучал в заявлениях Госдепартамента, Минобороны и даже президента США⁵⁷. Конкретные аспекты взаимодействия обеих сторон начали прорабатываться в марте 2004 г., когда силы НАТО проводили операцию «Буря в горах» в приграничном с Пакистаном афганском районе. В июне 2004 г. Исламабаду был предоставлен статус ключевого союзника вне НАТО (*Major Non-NATO Ally*) в рамках борьбы с терроризмом⁵⁸. Пакистанская тематика звучала в кулуарах Берлинской конференции по Афганистану (31 марта 2004 г.) и Стамбульского саммита НАТО (28–29 июня 2004 г.). Американские СМИ сообщили, что 22 ноября 2004 г. было подписано соглашение, согласно которому Пентагон получил право участвовать в боевых действиях на территории Пакистана⁵⁹ — в охране его ядерных объектов. Исламабад, однако, дезавуировал эти сообщения.

Ситуация осложнилась после того, как 14 февраля 2006 г. талибы провозгласили независимость северо-западной провинции Пакистана — Вазиристана. Во время визита Дж. Буша в Исламабад 4 марта 2006 г. президенты обеих стран договорились об усилении взаимодей-

ствия в сфере предотвращения попадания ОМП в руки террористов, сотрудничества разведывательных служб, помощи Соединенных Штатов пакистанским силам специального назначения и развитии контактов в области мирного использования атомной энергетики. И все же передать свой ядерный арсенал под контроль американцев Пакистан был не готов. Летом 2007 г. Исламабад жестко отреагировал на заявления американских сенаторов Б. Обамы и Р. Джулиани о возможности проведения США самостоятельной военной операции в Вазиристане⁶⁰. Официальный Вашингтон поспешил отмежеваться от этих заявлений.

3 ноября 2007 г. в Пакистане было введено чрезвычайное положение. Однако в стране набирала силу поддерживаемая США демократическая оппозиция во главе с бывшим премьер-министром Беназир Бхутто, которая требовала отмены этого режима. Гибель Б. Бхутто в результате теракта 27 декабря 2007 г. привела к политическому кризису. 15 января 2008 г. пакистанская армия потерпела неудачу в операции у форта Сарарога и не могла проводить эффективные операции в Вазиристане. 18 августа 2008 г. президент П. Мушарраф был вынужден добровольно уйти в отставку.

Приход к власти нового президента Асифа Али Зардари сначала привел к ухудшению американо-пакистанских отношений. 23 сентября 2008 г. президент Зардари в своем программном выступлении перед парламентом осудил попытки США проводить самостоятельные операции в Вазиристане. Осенью 2008 г. между пакистанскими пограничниками и американскими военнослужащими произошло несколько вооруженных стычек. Но после терактов в Мумбае 26–29 ноября 2008 г., в которых Индия подозревала укрывшихся в Пакистане талибов, позиция Зардари смягчилась. С января 2009 г. американские военные с согласия Исламабада наносят удары по позициям талибов в Пакистане. Уместно ожидать возобновления переговоров о возможности по крайней мере косвенной помощи США охране его ядерных объектов.

Новый контекст дискуссий вокруг ядерной программы Пакистана возник в начале 2010-х годов. Лиссабонский саммит НАТО 20–21 ноября 2012 г. принял решение о выводе войск альянса из Афганистана в 2014 г. Это возродило дискуссии о возможности или невозможности Пакистана сохранить контроль над своими ядерными объектами. Еще в январе 2010 г. в американских и британских СМИ появилась серия публикаций об участившихся случаях нападения талибов на ядерные объекты Пакистана⁶¹. Ситуация обострилась после ухудшения американо-пакистанских отношений в конце 2011 г. Показательно, что па-

кистанская армия и полиция Пенджаба 7 сентября 2012 г. развернули усиленные войска на ядерном объекте в Дера-Гази-Хане⁶². Возможно, Исламабад стремился продемонстрировать надежность охраны своих ядерных объектов накануне переговоров с США о сотрудничестве по афганскому вопросу после 2014 г.

Во второй половине XX в. единственно возможным сценарием ядерного конфликта считалось столкновение сверхдержав. В начале 2000-х заговорили о вероятности использования ЯО транснациональными террористическими сетями. Сегодня предметом анализа становятся сценарии возникновения конфликтов вследствие распада слабых ядерных государств, захвата их ядерного потенциала транснациональными субъектами, а также войн, вызванных сопротивлением попыткам силой установить внешний контроль (международную опеку) над ядерными объектами тех или иных государств.

6.5. Силовой вариант контрраспространения

Неудачи мирного варианта контрраспространения усилили позиции сторонников силового изъятия ОМП у «опасных» режимов. Концепция контрраспространения предполагает, что в критической ситуации против «нелегальных» ядерных субъектов можно применить силу. Однако превентивные удары способны перерасти в региональный конфликт с использованием ОМП. Поэтому силовой вариант контрраспространения представляет собой комбинацию дипломатического давления, силовых угроз и избирательного использования силы.

Классическим примером такой политики стал Ирак. В ходе проведенной в 1991 г. операции «Буря в пустыне» авиация союзников нанесла ракетно-бомбовые удары по незагруженному реактору «Исис» и исследовательским лабораториям в комплексе аль-Тувайта и опытному полигону аль-Ассер, уничтожив и опытные предприятия по обогащению урана. По условиям подписанного 3 марта 1991 г. перемирия Багдад обязался выполнить все требования Совета Безопасности ООН, включая ликвидацию запасов предприятий по производству ОМП. С этого времени основные усилия Вашингтон сосредоточил на разоружении Ирака под контролем ООН и МАГАТЭ. На протяжении 1990-х годов США наносили ракетно-бомбовые удары по Ираку всякий раз, когда Багдад отказывался от сотрудничества со Специальной комиссией ООН.

Иракский кризис стал обостряться в конце 1990-х годов. 11 апреля 1996 г. ЮНСКОМ представила СБ ООН доклад о разоружении Ирака. (В мае 1995 г., по официальным данным, Багдад ликвидировал последний завод по производству химического оружия.) Но осенью

1997 г. иракское правительство не допустило инспекторов ЮНСКОМ на президентские объекты, где теоретически могли располагаться лаборатории по производству химического и биологического оружия. Администрация У. Клинтона пригрозила самостоятельно уничтожить их. Это вызвало возражения России, Франции и Германии. На женевской встрече 28 октября 1997 г. представители этих стран убедили госсекретаря США Мадлен Олбрайт не наносить удар по Ирку. В то время Вашингтон пошел навстречу партнерам.

Ситуация вновь обострилась в конце 1998 г. 31 октября 1998 г. Багдад отказался от сотрудничества с ЮНСКОМ по президентским объектам. 17–20 декабря 1998 г. США и Великобритания провели военную операцию: серию ракетно-бомбовых ударов по предполагаемым местам производства химического и биологического оружия. В ответ С. Хусейн прервал сотрудничество с ЮНСКОМ, выслал ее представителей.

Новое обострение иракского кризиса произошло после начала «глобальной антитеррористической операции» США. 29 января 2002 г. президент Дж. Буш-младший причислил Ирак к странам «оси зла» наряду с Ираном, КНДР, Сирией, Ливией и Суданом. 4 марта 2002 г. премьер-министр Великобритании Энтони Блэйр заявил в палате общин, что Багдад продолжает программу создания химического и биологического оружия. 12 сентября 2002 г. со сходными заявлениями в адрес иракского режима выступил президент Дж. Буш на Генеральной Ассамблее ООН. Появилась опасность проведения военной операции Вашингтона и Лондона против Ирака. 10 октября 2002 г. конгресс США предоставил президенту право использовать силу против Ирака.

Действия США вызвали недовольство со стороны России, Франции, Германии и отчасти КНР. Эти страны увидели в действиях США опасный прецедент принудительного разоружения враждебного Вашингтону режима. Принятая 8 ноября 2002 г. резолюция СБ ООН № 1441 носила компромиссный характер. Она постановила возобновить работу инспекторов ЮНСКОМ и фиксировала возможность применения силы против Ирака в случае отказа Багдада возобновить работу комиссии ООН. (При этом резолюция № 1441 не вводила механизма верификации в отношении докладов ЮНСКОМ.) В ноябре 2002 г. работа комиссии в Ираке возобновилась.

Однако зимой 2003 г. Вашингтон сделал заявления о невыполнении Ираком резолюции № 1441 и продемонстрировал в СБ ООН серию «закрытых материалов» о продолжении Багдадом работ по созданию химического и биологического оружия. Белый дом требовал принять новую резолюцию, допускающую принудительное разоружение Ирака, однако против нее проголосовали Франция, Россия и КНР. (Париж

даже пригрозил использовать право вето.) Зимой 2003 г. в Совете НАТО против военной операции выступили Германия, Франция и Бельгия. Поэтому США и Британия самостоятельно провели 20 марта — 1 мая 2003 г. военную операцию против Ирака под предлогом изъятия химического и биологического оружия у режима Саддама Хусейна.

Осенью 2003 г. США создали специальную комиссию во главе с Дэвидом Кэем по поиску ОМП в Ираке. Комиссии удалось обнаружить около 500 химических боезарядов, начиненных горчичным газом и заринном. Но эти факты приводились в докладе ЮНСКОМ от 11 апреля 1996 г. 11 января 2005 г. представитель Белого дома Скотт Маклеллан заявил о прекращении поиска ОМП в Ираке. Это привело к частичной дискредитации американской стратегии контрраспространения.

На первых порах аналитики опасались, что после успешного (как казалось в 2003 г.) окончания войны в Персидском заливе администрация Дж. Буша начнет тиражировать иракскую схему на другие регионы. Но конфликт с другими «нарушителями» мог обернуться реальной войной с использованием ОМП. Поэтому в отношении иных авторитарных режимов Вашингтон выбрал тактику сдвоенного давления — чередования угроз и переговоров ради достижения выгодного США компромисса.

Классическим примером такого воздействия стала КНДР⁶³. 30 января 1992 г. республика подписала соглашение о гарантиях с МАГАТЭ. Летом 1992 г. представители агентства посетили реакторы и строящуюся радиохимическую лабораторию в ядерном центре в Йонбоне. Результаты этих инспекций показали, что Пхеньян проводит широкую ядерную деятельность⁶⁴. Особую тревогу вызвал его отказ допустить инспекторов МАГАТЭ к ядерным хранилищам в Йонбоне, в которых, как полагали, мог находиться плутоний. 25 января 1993 г. Совет управляющих МАГАТЭ потребовал проведения дополнительных инспекций на ядерные хранилища в Йонбоне. В ответ КНДР запретила дальнейшие инспекции агентства и 12 марта 1993 г. заявила о намерении выйти из ДНЯО.

В июне 1993 г. в Женеве начались переговоры между США и КНДР о допуске инспекторов МАГАТЭ на северокорейские ядерные объекты. Пхеньян согласился пойти на частичные уступки, в частности, заморозил свое решение о выходе из ДНЯО. Но 15 мая 1994 г. представители КНДР сообщили о начале замены графитовых стержней реактора без наблюдения. 2 июня 1994 г. Совет управляющих этой организации вновь обратился в Совет Безопасности ООН, заявив, что КНДР уклоняется от своих обязательств по ДНЯО⁶⁵. Администрация У. Клинтона стала рассматривать возможность нанесения ударов по северокорейским ядерным объектам.

Угрозы применения силы оказались действенными. 21 октября 1994 г. США и КНДР подписали рамочное соглашение о принципах урегулирования конфликта вокруг северокорейской ядерной программы⁶⁶. Пхеньян пообещал вернуться в ДНЯО, допустить инспекторов МАГАТЭ на свои ядерные объекты и заменить реакторы—наработчики плутония менее опасными легководными реакторами. Соединенные Штаты обязались не угрожать применением ЯО против КНДР, поставить совместно с Японией, Южной Кореей в Северную Корею легководяные реакторы и затем снабжать ее мазутом. Механизмом для этих поставок стала созданная 9 марта 1995 г. корпорация КЕДО (Организация по содействию развитию энергетики Кореи).

Но США не поставили обещанные легководные реакторы. Северная Корея продолжала незарегистрированные эксперименты по обогащению урана и выделению плутония из ядерного топлива. 29 января 2002 г. Дж. Буш в своем выступлении перед конгрессом причислил Северную Корею к странам «оси зла», которые финансируют терроризм и незаконно создают ОМП. В ответ КНДР удалила из страны инспекторов МАГАТЭ, возобновила работу реактора—накопителя плутония в Йонбоне, заявила о принципиальном намерении создать ЯО и повторно вышла из ДНЯО. Американские эксперты вновь заговорили о возможности нанесения ударов по ядерным объектам КНДР.

Летом 2003 г. американская администрация стала добиваться не только свертывания северокорейской ядерной программы, но и ликвидации уже созданной в этой стране ядерной инфраструктуры. Главным средством давления на Пхеньян в Вашингтоне избрали угрозы, которые вызывали опасения в соседних с Северной Кореей странах — Китае, России, Южной Корее и даже Японии. По их настоянию вопрос о северокорейской ядерной программе был помещен в фокус внимания специально созданного для этого переговорного механизма — нерегулярно собиравшейся конференции шести держав⁶⁷. Один из вариантов, который обсуждался (но не был принят) в ее рамках, предусматривал ликвидацию ядерных материалов Северной Кореи, под контролем комиссии шести держав и/или МАГАТЭ⁶⁸.

19 сентября 2005 г. США и КНДР подписали Пекинскую декларацию об отказе Пхеньяна от продолжения ядерной программы и обязательства Соединенных Штатов вывести ЯО с территории Корейского полуострова. США и Республика Корея заявили об отсутствии у них намерений нападать на КНДР и подтвердили обещание поставить ей реактор на легкой воде⁶⁹.

Но между сторонами начались конфликты из-за очередности обозначенных в Пекинской декларации шагов, и 10 ноября 2005 г. Пхе-

ньян отказался выполнять условия Пекинской декларации. 23 ноября 2005 г. был ликвидирован консорциум КЕДО. После серии ракетных испытаний 5 июля 2006 г. и выхода страны из принятого в 1999 г. моратория на их проведение 9 октября 2006 г. КНДР прошли испытания ядерного взрывного устройства. Эти действия привели к сближению позиций всех участников шестисторонних переговоров. 14 октября 2006 г. Совет Безопасности ООН проголосовал за резолюцию № 1718, вводящую санкции в отношении Северной Кореи.

Это заставило КНДР пойти на уступки. 12 февраля 2007 г. участники возобновившихся шестисторонних переговоров подписали Пекинское соглашение, по условиям которого Пхеньян обязался остановить реактор в Йонбоне и извлечь из него топливные стержни в обмен на поставки топливного мазута. Летом 2007 г. Россия помогала вернуть КНДР 25 млн долл., которые в ноябре 2005 г. были заблокированы США. Это привело к смягчению позиции Северной Кореи: она допустила инспекторов МАГАТЭ к своим ядерным объектам. Летом 2007 г. Пхеньян приостановил работу реактора в Йонбоне, а спустя год взорвал его охладительную башню. 12 июля 2008 г. КНДР договорилась с МАГАТЭ о демонтаже к концу октября реактора—наработчика плутония.

Однако Северная Корея обвинила США и Японию в несоблюдении условий Пекинского соглашения и приостановила эти работы, а 5 апреля 2009 г. запустила ракету-носитель, которую США и Япония угрожали сбить с помощью систем ПРО. В ответ на эти угрозы 14 апреля 2009 г. КНДР удалила из страны инспекторов МАГАТЭ и возобновила свою ядерную программу, 25 мая 2009 г. провела второе испытание ядерного взрывного устройства, а затем произвела пуски баллистических ракет малой дальности. 12 июня 2009 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 1874, вводящую дополнительные санкции против КНДР. Эксперты заговорили о «третьей ядерной тревоге» на Корейском полуострове с угрозой перерастания ее в военный конфликт.

Опасность подтвердил вооруженный конфликт у группы южнокорейских островов Йонпхендо в Желтом море. Еще в январе 2010 г. министерство обороны КНДР заявляло о непризнании демаркационной линии 1953 г. в Желтом море. Ситуация обострилась после гибели 26 марта 2010 г. южнокорейского корвета «*Cheonan*» в территориальных водах Южной Кореи. 22 ноября 2010 г. министерство обороны республики заявило о возможности размещения американского ТЯО. В ответ 23 ноября 2010 г. артиллерия КНДР обстреляла остров Большой Йонпхендо. С обеих сторон имелись жертвы⁷⁰.

Конфликт доказал, что при определенных условиях его инициатором в Восточной Азии может выступить Северная Корея. Кризис

вокруг Йонпхендо продемонстрировал, что руководство КНДР не боится американских ядерных гарантий Южной Кореи. Эта тенденция понижает порог применения силы в отношениях США и КНДР. Теоретически здесь возможна серия сценариев: от «выдавливания» северокорейских кораблей из спорных морских акваторий до ограниченного обмена артиллерийскими ударами на линии прекращения огня 1953 г.

Важно, что Вашингтон говорит именно о разоружении Северной Кореи, а не о контроле за ее ядерными программами. О контроле речь шла в 1994 г., когда Пхеньян обязался постепенно вернуться в режим ДНЯО и поставить свои ядерные материалы под контроль МАГАТЭ. Однако начиная с VII Обзорной конференции по ДНЯО (май 2005 г.) представители США вновь заговорили о необходимости лишить атомных технологий такие страны, как Иран и КНДР⁷¹, предложив замораживание и последующий демонтаж ядерной инфраструктуры КНДР под наблюдением инспекторов МАГАТЭ. Северная Корея, однако, не желает принимать такую повестку дня на переговорах.

Северокорейский кризис продемонстрировал пределы силового варианта контрраспространения. По сути, он упирается в проблему, как наносить «разоружающие» удары по государству, уже обладающему запасами ОМП. Неудачные дипломатические маневры могут привести к тому, что силовое разоружение станет рассматриваться как единственная альтернатива надоевшим угрозам. Это повышает опасность перерастания стратегии контрраспространения в вооруженный конфликт с использованием силы.

Стратегия контрраспространения складывается как доктрина превентивного изъятия ОМП у потенциально опасных (с точки зрения США) режимов. Фактически речь идет о принудительном разоружении государств, которые стремятся получить доступ к ядерным, химическим и биологическим технологиям. Контрраспространение превратилось в широкий комплекс мер, в число которых входят и военно-силовые акции, и дипломатическое принуждение к отказу от ядерных программ, и контроль над поставщиками расщепляющихся материалов, и борьба с криминальными сетями черного рынка ядерных технологий. Все это означает очень серьезную трансформацию традиционной системы нераспространения ядерного оружия, если понимать под таковой совокупность международных режимов второй половины XX в.

Проблема, однако, состоит в том, что механизм контрраспространения нацелен в основном на борьбу с «государствами-изгоями». Между тем в 2000-х годах распространение расщепляющихся материалов все

больше связано с деятельностью нелегальных «сетей-распространителей». Одним из ключевых вопросов ближайших десятилетий, возможно, станет проблема «перенастраивания» механизмов и потенциала контрраспространения на борьбу с негосударственными субъектами.

Само международное сообщество не едино и зачастую делится по «группам интересов». Правовая база контрраспространения спорна и уязвима, а грань между переговорами и силовыми демонстрациями узка и проницаема. Это увеличивает вероятность непросчитываемых ситуаций, каждая из которых чревата использованием силы.

Примечания

¹ См., например: *Levi M. A., O'Hanelon M.* The Future of Arms Control. Washington: Brookings Institution Press, 2005; *Braun C., Chyba C. F.* Proliferation Rings: New Challenges to the Nuclear Nonproliferation Regime // *International Security*. 2004. Vol. 29. No 2. P. 5–49; *Perkovich G.* Bush's Nuclear Revolution. A Regime Change in Nonproliferation // *Foreign Affairs*. 2003. P. 2–8; *Кокошин А. А.* Ядерные конфликты в XXI веке (типы, формы, возможные участники). М.: Медиа-Пресс, 2003; *Ядерное сдерживание и нераспространение* / Под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. М.: Московский центр Карнеги, 2005.

² Термин «нераспространение ядерного оружия» тождествен американскому *nuclear non-proliferation*, поскольку он включает в себя не только контроль над оборотом ядерных боезарядов и их носителей, но также расщепляющихся материалов и ядерных технологий. Речь идет о комплексе мер, предпринимаемых в целях нераспространения ЯО и соответствующих комплексности самого ядерного топливного цикла.

³ См.: *Levite A. E.* Never Say, Never Again: Nuclear Reversal Revisited // *International Security*. Winter 2002/03. Vol. 27. No 3. P. 59–88.

⁴ Системная история международных отношений: В 4 т. 1918–2003 / Под ред. А. Д. Богатурова. М.: НОФМО, 2003. С. 334–335.

⁵ Подробнее см.: *Фененко А. В.* Теория и практика контрраспространения во внешнеполитической стратегии США. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.

⁶ International Counterproliferation Program. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.nti.org>; *Feinstain L., Slaughter A.-M.* A Duty to Prevent // *Foreign Affairs*. 2004. Vol. 84. No 1. P. 136–150.

⁷ См.: *Deuch J.* A Nuclear Posture for Today // *Foreign Affairs*. 2005. Vol. 84. No 1. P. 49–60.

⁸ См.: *The Origin of U.S. Counterproliferation Policy*. Air Force Counterproliferation Center. URL: <http://www.au.af.mil>; *Ellis J. D.* The Best Defense: Counterproliferation and U.S. National Security // *The Washington Quarterly*. 2003. Vol. 26. No 2. P. 115–133.

⁹ *McCull A.* Is Counterproliferation Compatible with Nonproliferation? Rethinking the Defense Counterproliferation Initiative // *Aerospace Power Journal*. Spring 1997. URL: <http://www.airpower.maxwell.af.mil>; *Roberts B.* Proliferation and Non-

proliferation in the 1990s: Looking for the Right Lessons // *Nonproliferation Review*. Fall 1999. Vol. 6. No. 4. P. 70–82.

¹⁰ *Albright D.* Preventing Illegal Exports: Learning from Case Studies. URL: <http://www.isis-online.org>; *Etzioni A.* Enforcing Nuclear Disarmament // *National Interest*. Winter 2004/05. Issue 78. P. 81–89.

¹¹ *Perkovich G., Methews J. T., Cirincione J., Goetemoeller R., Wolfstall J. B.* Universal Compliance. A Strategy for Nuclear Security / Carnegie Endowment for International Peace. March 2005. P. 71–78.

¹² *Caldicott H.* The New Nuclear Danger. N.Y.; L.: The New York Press, 2004.

¹³ *Schlesinger A. M.* War and the American Presidency. N.Y.; L.: W.W. Norton & Company, 2004. P. 21–29.

¹⁴ *Allison G. T.* Nuclear terrorism. The Ultimate Preventable Catastrophe. New York Times Book: Henry Holt and Company, 2004.

¹⁵ Counterproliferation Initiative Presidential Decision Directive PDD/NSC 18. December 1993. URL: <http://www.fas.org/irp/offdocs/pdd18.htm> (дата посещения: 30.04.2006).

¹⁶ Secretary of Defense Memorandum, “Department of Defense Counterproliferation Policy,” June 1, 1994; Secretary of Defense Memorandum, “CJCS Counterproliferation Missions and Functions Study,” May 5, 1995.

¹⁷ Counterterrorism Policy [FEMA abstract and Federal Response Plan]. URL: <http://www.fas.org/irp/offdocs/pdd39.htm> (дата посещения: 26.10.2006).

¹⁸ Полный текст изданной в ноябре 1997 г. президентской директивы № 60 (*Presidential Decision Directive 60*) остается закрытым до настоящего времени. Однако в американской печати появились публикации о том, что в директиве может содержаться санкция, подтверждается возможность применения США ядерного оружия не только в случае прямой военной агрессии против Америки, но даже при угрозе использования против Соединенных Штатов ядерного, химического и биологического оружия. См., например: *Smith J.* Clinton Directive Changes Strategy on Nuclear Arms // *Washington Post*. 1997. December 7.

¹⁹ The National Security Strategy of the United States of America. September 2002. URL: <http://www.whitehouse.gov>; National Strategy to Combat Weapons of Mass Destruction. URL: <http://www.whitehouse.gov>. P. 4–5.

²⁰ См.: *Kelly H. C., Levi M. A.* Nix the Mini-Nukes // *The Christian Science Monitor*. March 28, 2002. URL: <http://www.csmonitor.com/>; *Ferguson C. D.* Mini-Nuclear Weapons and the U.S. Nuclear Posture Review. URL: <http://www.cns.miis.edu>.

²¹ *Glaser C. L., Fetter S.* National Missile Defense and the Future of U.S. Nuclear Weapons Policy // *International Security*. 2001. Vol. 26. No 1. P. 40–92.

²² President Announces New Measures to Counter the Threat of WMD. URL: <http://www.whitehouse.gov>.

²³ См.: National Security Strategy to Combat Weapons of Mass Destruction, 16 February 2006. URL: <http://politique-etrangere-usa.typepad.com>.

²⁴ Решение Совета глав государств Содружества Независимых Государств от 20 марта 1992 г. «О Главном командовании Объединенных Вооруженных Сил Содружества Независимых Государств». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://pravo.kulichki.com>.

²⁵ Протокол к Договору между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.armscontrol.ru>.

²⁶ После ухудшения отношений с Белоруссией эксперты американского Фонда Карнеги заявили, что на белорусской территории расположено около 1000 т жидкого ракетного топлива и 9000 т окислителя, статус которых не определен. Официальных подтверждений со стороны Белоруссии этот факт не получил. См.: *Cirincione J., Wolfstal J. B., Rajkmar M.* Deadly Arsenals. Tracking Weapons of Mass Destruction. Washington, 2002. P. 320.

²⁷ U.S. General Accounting Office. Nuclear Nonproliferation: Status of U.S. Efforts to Improve Nuclear Material Controls in Newly Independent States. GAO/NSIAD/RCED-96-89. March 1996. P. 14.

²⁸ *Михайлов В. Н.* Кто и почему атакует атомную промышленность // Московские новости. 1995. 5–12 февраля. № 9.

²⁹ *Аллисон Г. Т.* Ядерный терроризм. Самая страшная, но предотвратимая катастрофа. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. С. 164–165.

³⁰ *Дубинин Ю. В.* Ядерный дрейф Украины // Россия в глобальной политике. 2004. № 2. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru>.

³¹ Ukraine. Nuclear Chronology. 1991–1999. URL: <http://www.nti.org>.

³² *Sagan S.* Why Do States Build Nuclear Weapons? // International Security. Winter 1996/1997. Vol. 21. No 3. P. 54–86; *Lieberman P.* The Rise and Fall of the South African Bomb // International Security. Fall 2001. Vol. 26. No 2. P. 45–86.

³³ К 1977 г. эксперты МАГАТЭ зафиксировали следы подготовки к ядерным испытаниям в пустыне Калахари. В середине 1980-х годов ЮАР, по оценкам российских исследователей, произвела примерно шесть ядерных взрывных устройств, хранящихся, правда, в разобранном состоянии. См.: Ядерное нераспространение / Под ред. В. А. Орлова. М.: ПИР-центр, 2002. Т. I. С. 256; Т. II. С. 6.

³⁴ *Cirincione J., Wolfstal J. B., Raykmar M.* Deadly Arsenals. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2002. P. 299–300.

³⁵ Договор о нераспространении ядерного оружия. Проблемы продления. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://svr.gov.ru/material/4-rom.htm>.

³⁶ Страны, имевшие или имеющие программы создания ядерного оружия // Bellona. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.bellona.ru/reports/1174944248.53>.

³⁷ “Vinca” Institute of Nuclear Sciences // Federation of American Scientists. URL: <http://www.fas.org/nuke/guide/serbia/facility/vinca.htm>.

³⁸ *Potter W. Miljanic D., Slaus I.* Tito’s Nuclear Legacy // The Bulletin of the Atomic Scientists. March/April 2000. Vol. 56. No 2. P. 63–70. URL: <http://cns.mii.edu/reports/yugopot.htm>.

³⁹ IAEA Official Doubts FRY Capable of Building Nuclear Bomb Budapest MTI 1730 GMT 19 April 1999. URL: <http://www.fas.org/news/serbia/fbis-eeu-1999-0419.htm>.

⁴⁰ См.: *Black C. R.* Deterring Libya: The Strategic Culture of Muammar Qaddafi. URL: <http://www.au.af.mil/au/awc/awcgate/crc-pubs/black.htm> (дата посещения: 01.04.2006).

⁴¹ См.: Ежегодник СИПРИ-2004. Вооружения, разоружения и международная безопасность. М.: Наука, 2005. С. 673–675.

⁴² Речь идет о выработанном в сентябре 1997 г. Типовом дополнительном протоколе между [...государствами] и Международным агентством по атомной энергии о применении гарантий.

⁴³ Communication dated 26 November 2004 received from the Permanent Representatives of France, Germany, the Islamic Republic of Iran and the United Kingdom concerning the agreement signed in Paris on 15 November 2004. URL: <http://www.iaea.org>.

⁴⁴ См., например: *Venter Al. J.* Iran's Nuclear option. Tehran's Quest for the Atom Bomb. Philadelphia: Casemate, 2005.

⁴⁵ *Secretary Condoleezza Rice.* Remarks With German Chancellor Gerhard Schroeder After Meeting. 31 January 2005. URL: <http://www.state.gov>.

⁴⁶ President Meets with E.U. Leaders. Brussels. 22 February 2005. URL: <http://www.whitehouse.gov>.

⁴⁷ Press Briefing by Scott McClellan. 3 March 2005. URL: <http://www.whitehouse.gov>; *Secretary Condoleezza Rice.* U.S. Support for the EU. 11 March 2005. URL: <http://www.state.gov>.

⁴⁸ Заявление для прессы и ответы Президента России В. В. Путина на вопросы по итогам переговоров с Президентом Израиля М. Кацавом, Иерусалим, 28 апреля 2005. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.in.mid.ru>.

⁴⁹ Communication Dated 27 August 2007 from the Permanent Mission of the Islamic Republic of Iran to the Agency concerning of the Text of the Understandings of the Islamic Republic of Iran and the IAEA on the Modalities of Resolution of the Outstanding Issues // IAEA. INFICIRC/711. 2007. 27 August.

⁵⁰ Rogue regulator // Washington Post. 2007. 5 September.

⁵¹ Ежегодник СИПРИ-2008. С. 395.

⁵² См., например: Pakistan's Nuclear Proliferation Activities and the Recommendations of the 9/11 Commission: U.S. Policy Constraints and Options / Congressional Research Service. 2005. 25 January. URL: <http://www.fas.org>.

⁵³ См.: *Telli A. S.* U.S. Strategy: Assisting Pakistan Transformation // The Washington Quarterly. Winter 2004/05. Vol. 28. No 1. P. 97–116; *Kerr P.* New Details Emerge on Pakistani Networks // Arms Control Today. May 2005. URL: <http://www.nci.org>.

⁵⁴ *Камн К. Х.* Насколько безопасно хранится атомное оружие Пакистана? // International Politik. 2004. № 5. С. 103–104.

⁵⁵ Детали см.: *Albright D.* Securing Pakistan's Nuclear Weapons Complex. Washington: Institute for Science and International Security, 2001.

⁵⁶ Are Pakistans Nuclear Weapons Now Under US Control? // The Hindustan Times. 30.09.2002.

⁵⁷ *Powell N. J.* Ambassador to Pakistan. U.S. Foreign Policy Towards Pakistan. August 20, 2004. URL: <http://www.state.gov>; *Secretary Colin L. Powell.* Interview With the USA Today Editorial Board. October 18, 2004. URL: <http://www.state.gov>.

⁵⁸ Pakistan's Nuclear Proliferation Activities and the Recommendations of the 9/11 Commission: U.S. Policy Constraints and Options. January 25, 2005. Congressional Research Service. 2005. 25 January. P. 29–30. URL: <http://www.fas.org>.

⁵⁹ U.S. Forces Kill Four in Afghanistan; Bush Defends Pakistan's Efforts in Terror War. Fox News Chanel, Official Site. URL: <http://www.foxnews.com>.

⁶⁰ Овчинский В. С. Пакистанская рулетка // Россия в глобальной политике. 2007. Июль—август. Т. 5. № 4. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/numbers/27/8083.html>.

⁶¹ Армия США берет под охрану пакистанские ядерные объекты? // Институт религии и политики. 19.01.2011. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://i-r-p.ru/page/stream-event/index-25375.html>.

⁶² Власти Пакистана усилили охрану ядерных объектов. 07.09.2012. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.12news.uz/news/>.

⁶³ Литература о северокорейском кризисе огромна. Укажем лишь некоторые публикации: North Korea and Iran: Test Cases for an Improved Nonproliferation Regime? // URL: <http://www.armscontrol.org>; North Korea's Military Strategy // Homer Hodge, Parameters. Spring 2003. P. 68–81. URL: <http://www.nautilus.org>; Гёммельер Р., Федоров Ю. Корейский ядерный кризис: перспективы урегулирования. М.: МГИМО МИД России, Фонд Карнеги за международный мир, 2005.

⁶⁴ См.: Новиков В., Булычев Г., Воронцов А. В чем суть выбора в «корейском вопросе»? Пути преодоления кризиса на Корейском полуострове // Ядерное распространение. 2003. № 47.

⁶⁵ Safeguards Inspections in the DPRK. IAEA Press Release 94/25 13 June 1994. URL: <http://www.fas.org>.

⁶⁶ Полный текст Рамочного соглашения см.: Ядерное распространение. 1994. Декабрь. Вып. 5. С. 39–41.

⁶⁷ Подробный анализ хода шестисторонних переговоров в 2002–2003 гг. см.: Nowowiejski D., Nakano T., Bus R. Crisis on the Korean Peninsula // Brookings Northiest Asia Survey. 2002–2003. P. 1–17.

⁶⁸ См.: Harrison S. S. Did North Korea Cheat? // Foreign Affairs. 2005. Vol. 84. No 1. P. 99–110; Haas R. N. Regime Change and Its Limits // Foreign Affairs. 2005. Vol. 84. No 4. P. 66–78.

⁶⁹ См.: Мамаев Ш. Урок тэквондо в японском танце // Политический журнал. 2005. № 32.

⁷⁰ В результате артобстрела были убиты двое морских пехотинцев и двое гражданских лиц, ранения получили более десятка морских пехотинцев и несколько местных жителей. Артиллерия также нанесла значительный ущерб на острове. От ответного огня, по словам представителей КНДР, погиб один военный КНДР и двое были ранены. По данным Республики Корея, погибли не менее 5–10 военнослужащих армии КНДР и не менее 30 получили ранения.

⁷¹ США требуют лишить Иран и КНДР ядерных технологий. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://russianboston.com>.

Проблематика безъядерного мира в мировой политике

К концу первого десятилетия XXI в. во внешнеполитической стратегии США обозначилось новое направление — выдвижение инициатив по сокращению ядерного оружия (ЯО)¹. Еще в 2007 г. в Соединенных Штатах сформировалась группа экспертов, выступавших за глубокое сокращение ядерных потенциалов и «старых», и «новых» ядерных держав. В 2009–2010 гг. администрация Барака Обамы заявляла о поддержке этих проектов. Американские инициативы были с пониманием встречены союзниками Вашингтона, что породило прогнозы об их возможном обсуждении в НАТО. Сторонники безъядерного мира создали в 2008 г. движение «Глобальный ноль». В американской литературе возрождается разработанная в 1960-х годах концепция *nuclear reversal* — добровольного отказа государств от ЯО².

В конце прошлого века ряд государств — ЮАР (1991), Югославия (1987), Румыния (1992), Бразилия (1994), Аргентина (1994), Алжир (1996) — свернули военные ядерные программы под контролем Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ). Россия и США совместно добились вывода советского ЯО с территорий Казахстана (1995), Белоруссии (1996) и Украины (1997). В 2000-х годах США, страны ЕС и Япония требовали от «пороговых» стран — Ирана и КНДР — ограничить ядерные исследования. Но эти события не затрагивали систему отношений между «легальными» ядерными державами³. Речь шла только о неядерных государствах, которые под воздействием внешнего давления соглашались (или не соглашались) сохранить свой безъядерный статус⁴.

Теперь ситуация изменилась. Новая администрация США сместила акцент с проблем нераспространения на сокращение существующих ядерных арсеналов и усиление контроля над оборотом расщепляющихся материалов (РМ). Великобритания и Франция обсуждают возможность присоединения к советско-американскому Договору 1987 г. о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. Германия и Нидерланды ставят вопрос о возрождении дискуссий вокруг свернутого в 1958 г. плана создания безъядерной зоны в Центральной Европе. Схожую

инициативу выдвигают Израиль и Турция в отношении проекта создания безъядерной зоны на Ближнем Востоке. Россия в 2008 г. осторожно поддержала проект общего ядерного разоружения и весной 2009 г. начала переговоры с США о подписании нового договора о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ). *Возникла тенденция к превращению тематики ядерного разоружения в одно из ключевых направлений мировой политики.*

7.1. Эволюция концепций ядерного разоружения

Идея отказа от оружия массового поражения не нова. В 1925 г. в Женеве был подписан Протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств. Этот запрет соблюдался в основном в годы Второй мировой войны. 12 января 1993 г. в Париже была подписана Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении. 29 апреля 1997 г. она вступила в действие и в настоящее время находится в стадии исполнения. Отказ великих держав от химического оружия создал международно-правовой прецедент запрещения определенного вида ОМП.

Более сложная ситуация сложилась вокруг проектов запрета биологического оружия (БО). Его использование в ходе боевых действий также запрещено Женевской конвенцией 1925 г. В 1972 г. была принята международная Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (КБТО). Участники документа обязались в течение 9 месяцев с момента вступления в силу документа уничтожить БО или переключить на мирные цели все агенты, токсины, оружие, оборудование и средства доставки. Однако в тексте КБТО не содержалось указания на срок вступления в действие документа и списка подлежащих уничтожению биологических агентов. С 1991 г. великие державы ведут переговоры о подписании дополнительного протокола к конвенции, который должен установить сроки ее вступления в действие и механизм ликвидации запасов БО.

Российские, американские и западноевропейские эксперты неоднократно обсуждали запрет ЯО⁵. Речь шла о возможности (или невозможности) повторить сценарии отказа от химического и биологического оружия как негуманного или ненужного для ведения военных действий. Под влиянием этих настроений ядерные державы пытались начать переговоры о путях построения безъядерного мира или по крайней мере начале глубокого сокращения ядерных арсеналов. Но все

инициативы оказывались на поверку стремлением одной из сверхдержав добиться стратегического превосходства над оппонентом.

Первая попытка начать переговоры о ликвидации ЯО была предпринята сразу после бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. В декабре 1945 г. на московском совещании министров иностранных дел представители США, СССР и Великобритании договорились о создании Комиссии ООН по атомной энергии. В январе 1946 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, содержащую предложение комиссии выработать планы по изъятию атомных боезарядов из-под национального контроля и установлению международного контроля над атомной энергией. Эти настроения нашли поддержку у лидеров Советского Союза и Соединенных Штатов. Вашингтон стремился предотвратить появление атомного оружия у СССР, Москва — ликвидировать американскую атомную монополию и выиграть время для создания собственного атомного боезаряда.

В марте 1946 г. администрация Г. Трумэна (1945–1952) представила «план Ачесона–Лиленияля». Он предполагал постановку под международный контроль замкнутого ядерного топливного цикла (ЗЯТЦ) и ликвидацию через 5–6 лет атомных боезарядов. Весной 1946 г. представитель США в Комиссии ООН по атомной энергии Бернард Барух внес в план две поправки. Во-первых, решения в будущем международном органе должны были приниматься простым большинством голосов — без права вето постоянных членов Совета Безопасности ООН. Во-вторых, принудительные меры против государств-нарушителей могли приниматься новым институтом без санкции СБ ООН. 14 июня 1946 г. план установления международного контроля над ЗЯТЦ («план Баруха») был внесен США в Комиссию ООН по атомной энергии⁶.

Советский Союз, однако, не принял американских предложений. В Москве опасались, что такой очередностью действий США пытаются помешать созданию советской атомной бомбы и закрепить свою атомную монополию. Представитель СССР в Комиссии ООН по атомной энергии А. А. Громыко выдвинул 19 июня 1946 г. проект конвенции о запрещении и уничтожении в трехмесячный срок всех запасов готовой и незаконченной продукции атомного оружия. 11 июня 1947 г. СССР внес в Комиссию по атомной энергии план постановления ЗЯТЦ под контроль ООН («план Молотова»), который должен был вступить в действие после ликвидации атомных боезарядов. В 1948 г. Советский Союз направил ГА ООН предложения о запрещении атомного оружия и сокращении на треть вооружений и вооруженных сил постоянных членов СБ ООН. Но с таким вариантом не согласились США. В Ва-

шингтоне подозревали, что после ликвидации их атомной монополии СССР распространит свое влияние на Западную Европу.

В 1950-х годах было предпринято несколько попыток возобновить переговоры о ядерном разоружении. В 1955 г. появился «Манифест Эйнштейна—Рассела», в котором американские физики призвали отказаться от планов использования атомной энергии в военных целях. На Женевском саммите 1955 г. Советский Союз выдвинул предложения о сокращении вооружений, запрещении атомного оружия и устранении угрозы новой войны. В 1959 г. последовала Декларация советского правительства о всеобщем и полном ядерном разоружении, которая предполагала ликвидацию ЯО. Но США и страны Западной Европы видели в них дипломатическую риторику, а не серьезную международно-правовую инициативу. Для рассмотрения советских предложений было создано несколько комитетов, которые при подготовке первой сессии ГА ООН по проблемам разоружения (1978 г.) далеко отошли от исходных предложений СССР.

В противовес советским предложениям США, Великобритания, Франция и Канада представили в 1957 г. Лондонскому подкомитету Комиссии ООН по разоружению документ, содержащий предложение использовать «все будущее производство расщепляющихся материалов... на не связанные с изготовлением оружия цели, включая накопленные запасы»⁷. Этой формулировкой они, по сути, предлагали начать разработку Договора о запрещении производства РМ в военных целях (ДЗПРМ / *Fissile Material cut-off Treaty*). Однако данная инициатива вызвала негативную реакцию СССР. В Москве опасались, что США хотят лишить Советский Союз базы для воспроизводства ядерного арсенала, который нуждается в обновлении каждые 25–30 лет. (Сами Соединенные Штаты смогут воспроизводить ядерный арсенал за счет доступа к канадскому и австралийскому природному урану.) Процесс разработки договора СССР увязал с подписанием соглашений об уменьшении опасности ядерной войны и началом переговоров по сокращению ЯО. В 1957 г. советский представитель проголосовал против соответствующей резолюции ГА ООН. В 1964 г. президент США Линдон Джонсон (1963–1968) и первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев (1957–1964) согласились сократить производство РМ в военных целях. Однако их заявления были личной договоренностью, а не международно-правовыми обязательствами.

Второй раз переговоры по проблеме ядерного разоружения проходили в конце 1960-х годов, когда разрабатывался текст Договора о нераспространении ядерного оружия. Центром переговоров стал созданный

в 1962 г. Комитет 18 государств по разоружению (Женевский комитет), сопредседателями которого были СССР и США⁸. 15 сентября 1965 г. его нейтральные члены (Бирма, Бразилия, Индия, Мексика, Нигерия, Объединенная Арабская Республика, Швеция и Эфиопия) представили совместный меморандум. В нем говорилось, что нераспространение ядерного оружия должно рассматриваться как этап на пути к всеобщему и полному разоружению, включая повсеместный отказ от ЯО. 19 ноября 1965 г. ГА ООН приняла резолюцию 2028 (XX), постановившую, что «договор должен являться первым шагом в направлении достижения всеобщего и полного разоружения и особенно ядерного разоружения». Неядерные державы соглашались присоединиться к ДНЯО только при условии, что «старые» ядерные державы будут двигаться по пути ядерного разоружения⁹.

В такой ситуации Советский Союз и Соединенные Штаты предпочли не жертвовать будущим договором ради абстрактной (как казалось тогда) формулировки о «всеобщем разоружении». На переговорах в Нью-Йорке в сентябре 1966 г. министр иностранных дел СССР А. А. Громыко и госсекретарь США Дин Раск договорились пойти на уступки неядерным странам. В сентябре 1967 г. делегация Египта при поддержке Мексики предложила внести соответствующую статью в текст ДНЯО. 18 января 1968 г. СССР и США согласились включить ее в документ. По условиям VI статьи ДНЯО ядерные державы обязались «вести переговоры об эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений в ближайшем будущем и ядерному разоружению».

Принятие этой статьи изменило характер дискуссий о ядерном разоружении. СССР (Россия) и США начали переговоры об ограничении гонки вооружений и сокращении СНВ ради сохранения режима нераспространения, которые завершились подписанием договорных комплексов ОСВ-1 (1972) и ОСВ-2 (1979). На основе VI и VIII статей ДНЯО состоялись переговоры об ограничении ядерных испытаний, в результате которых в 1996 г. был подписан Договор о всеобъемлющем запрете ядерных испытаний (ДВЗЯИ). Большую популярность приобрели теории о взаимосвязи процессов «вертикального» и «горизонтального» распространения ЯО¹⁰.

И все же СССР и США по-разному трактовали смысл VI статьи ДНЯО. Русское выражение «в духе доброй воли» предполагало, что вопросы контроля над вооружениями сверхдержавы будут обсуждать добровольно. Английское *in good faith* предполагало наличие «твердых обязательств». Ссылаясь на более мягкую формулу русского варианта ДНЯО, американцы называли соглашения об ограничении стра-

тегических вооружений ОСВ-1 (1972) и ОСВ-2 (1979) переговорным процессом без однозначных обязательств — *Strategic Arms Limitation Talks*¹¹. К концу 1970-х годов в Советском Союзе начались дискуссии о целесообразности подписания ДВЗЯИ из-за наличия у Соединенных Штатов более мощных систем компьютерного моделирования ядерных взрывов¹².

Третья попытка начать переговоры о перспективах ядерного разоружения произошла в середине 1980-х годов¹³. Еще на XXIV (1971) и XXV (1976) съездах КПСС была принята «Программа мира», которая предполагала движение к полной ликвидации ОМП, включая ЯО. Выступая в Туле 18 января 1977 г., генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев пообещал, что СССР ни при каких обстоятельствах не использует ЯО первым (в 1982 г. СССР взял на себя соответствующие официальные обязательства). 15 января 1986 г. генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев выдвинул инициативу по ликвидации ЯО к 2000 г. На первом этапе предлагалось уничтожить РСМД и на 50% сократить стратегические ядерные арсеналы, на втором этапе ликвидировать тактическое ЯО, а на третьем — все оставшиеся боеголовки. Это предложение советская сторона предполагала сделать повесткой для возобновления прерванных в 1983 г. женеvских переговоров о «евроракетах» и об ограничении и сокращении стратегических вооружений. В таком контексте следовали и возобновившиеся 25 июля 1986 г. женеvские переговоры о запрещении ядерных испытаний.

Предложения СССР вызвали настороженную реакцию США. В Белом доме опасались, что Москва хочет закрепить свое превосходство в обычных вооруженных силах. Появились прогнозы, что Кремль после ликвидации ЯО развяжет большую неядерную войну, чтобы изгнать американцев из Евразии¹⁴. На советско-американском саммите в Рейкьявике 12 октября 1986 г. президент США Рональд Рейган отказался от советской инициативы. Стороны только договорились идти по пути ограничения гонки вооружений и сокращения ЯО.

В американской политической теории произошел возврат к теме «химического разоружения» 1920-х годов. Поводом к этому стало учреждение в 1984 г. Комитета по химическому оружию при Конференции по разоружению ООН. Но американские эксперты обращали внимание на то, что в годы Второй мировой войны все державы в целом соблюдали Женевский протокол 1925 г.¹⁵ Возникали две проблемы, связанные с анализом советских предложений по ликвидации ЯО. Первая — не попытаются ли великие державы возродить конфликты высокой степени интенсивности на основе обычных вооружений. Вто-

рая — решились бы державы «оси» на развязывание Второй мировой войны, если бы им пришлось учитывать перспективу нанесения удара возмездия с применением химического оружия. Аналитики полагали, что отказ от применения данного оружия позволил военным развивать теорию танковых ударов, не опасаясь, что пехотное прикрытие танков будет уничтожено химическими зарядами. Скептицизм по отношению к проектам химического разоружения была частью полемики с советскими проектами ликвидации ЯО.

Четвертая попытка ядерного разоружения носила более завуалированный характер. В ходе встречи с президентом США Дж. Бушем-старшим (1989–1992) на Мальте 3 декабря 1989 г. М. С. Горбачев предложил вернуться к американской инициативе 1957 г. и подписать ДЗПРМ. На встрече У. Клинтона и Б. Н. Ельцина в Ванкувере 3–4 апреля 1993 г. Соединенные Штаты выразили заинтересованность в этом проекте¹⁶. Эксперты по-разному объясняли возродившийся интерес к ДЗПРМ. Одни связывали его с Нью-Йоркской конференцией по бессрочному продлению ДНЯО 1995 г.: переговоры по ДЗПРМ могли стать демонстрацией стремления сверхдержав выполнять условия VI статьи договора. Другие полагали, что Россия видела в будущем договоре возможность ограничения американского «возвратного потенциала». Высказывается также точка зрения, что посредством ДЗПРМ Вашингтон собирался ограничить российские возможности по производству ЯО.

Но, как бы то ни было, в 1993 г. была создана специальная группа при СБ ООН под руководством России и Индии, разработавшая резолюцию, принятую ГА ООН 16 декабря 1993 г., — 48/75L «Запрещение производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия и других взрывчатых устройств». В документе предлагались:

- разработка недискриминационного, многостороннего и поддающегося эффективному международному контролю договора;
- запрещение производства РМ для ЯО и других ядерных взрывчатых устройств;
- обращение к МАГАТЭ с просьбой оказать помощь в разработке мер контроля в отношении договора;
- обсуждение проекта в ходе Женевской конференции ООН по разоружению.

Весной 1994 г. на этой конференции канадскому послу Дж. Шэннону было поручено подготовить мандат ведения переговоров по данной проблеме. Соответствующий доклад был представлен им 28 марта 1995 г. Основное внимание канадская сторона предполагала сосредото-

точить на проблеме свертывания производства РМ в военных целях и установления контроля над использованием их накопленных запасов. Планировалось создать международное агентство по наблюдению за этим процессом. В дальнейшем предусматривалось ввести международный мораторий на выделение плутония из ядерного топлива и повсеместно перейти с высокообогащенного на низкообогащенный уран в качестве топлива для атомных электростанций. После некоторых колебаний члены Женевского комитета утвердили «план Шэннона» в качестве основы для ведения будущих переговоров по запрещению производства РМ в военных целях. 12 августа 1998 г. был создан соответствующий комитет ООН.

В рамках переговорного процесса великие державы стали вводить моратории на производство РМ. Соединенные Штаты еще в 1964 г. прекратили наработку высокообогащенного урана, в 1988 г. — плутония для ЯО. В июле 1992 г. президент Дж. Буш пообещал, что США не будут производить РМ для ядерных боезарядов. (Мораторий действовал до 27 июня 2005 г., когда министерство энергетики США заявило о возобновлении процесса выделения плутония из атомного топлива.) В 1995 г. о прекращении производства РМ заявила Великобритания. В 1996 г. Франция закрыла производство высокообогащенного урана и плутония. Париж приступил к демонтажу соответствующих промышленных объектов и постановке ряда объектов гражданской атомной энергетики под гарантии МАГАТЭ, сохранив только производство трития.

Сложнее развивалась ситуация в России. О прекращении производства высокообогащенного урана для ЯО СССР заявил в 1982 г., а в середине 1980-х годов свел до минимума и производство плутония, сохранив только два реактора-наработчика, обеспечивавшие электричеством обширные районы Сибири. (С 1985 г. они были поставлены под гарантии МАГАТЭ.) 18 февраля 1993 г. Россия и США подписали соглашение, согласно которому Россия обещала перерабатывать высокообогащенный уран, изъятый из боезарядов, ликвидируемых по условиям Договора СНВ-1, и поставлять низкообогащенный уран в США для коммерческих целей, где он использовался в качестве топлива для АЭС. Летом 1994 г. обе страны подписали также соглашение о совместном свертывании производства оружейного плутония к 2000 г. 23 сентября 1997 г. было заключено дополнительное соглашение, в соответствии с которым США намеревались помочь России построить теплоэлектростанции для замены производства плутония. В 1998 и 2000 гг. последовали также два российско-американских соглашения о сотрудничестве в области утилизации захоронения плутония.

Но, несмотря на попытки введения односторонних мораториев, выработать компромиссный текст ДЗПРМ не удалось. Во-первых, между сторонами начались дискуссии о целесообразности распространения положений будущего договора на уже накопленные запасы РМ. Во-вторых, США настаивали на нераспространении положений ДЗРПМ на процесс добычи урановой руды. В-третьих, делегация КНР увязывала перспективы переговоров по ДЗПРМ с отказом США от проектов вывода в космос ударных боевых систем. В-четвертых, с 1999 г. возобновились споры от мандате переговоров из-за попыток некоторых участников (Пакистан, Израиль, ЮАР) пересмотреть ряд положений «доклада Шэннона». В-пятых, США негативно восприняли принятый в 2001 г. закон о возможности ввоза в Россию отработанного ядерного топлива из-за опасения, что из него будут извлекать плутоний для возобновления производства ЯО. После завершения нью-йоркской сессии 2001 г. наступила стагнация переговоров.

24 сентября 1996 г. был подписан многосторонний Договор о всеобъемлющем запрете ядерных испытаний. Дополняя Договор о запрещении ядерных испытаний в трех сферах (1963) и советско-американский Договор о пороговом ограничении подземных ядерных испытаний (1974), он предполагал полный отказ от проведения натуральных ядерных испытаний, включая мирные ядерные взрывные устройства. Эксперты полагали, что ДВЗЯИ в совокупности с будущим ДЗПРМ снизит роль ЯО в военных доктринах ядерных держав. Но этот договор имел сложную процедуру ратификации: для его вступления в силу требовалось, чтобы треть ратифицировавших ДВЗЯИ стран имели технологии ЗЯТЦ. Отказ конгресса США ратифицировать Договор в 1999 г. заблокировал его вступление в силу (хотя с 1997 г. все участники договора строят Международную систему мониторинга ядерных испытаний, включающую в себя сейсмические радиолокационные станции различных типов).

Особый интерес вызывает точка зрения российских экспертов А. Г. Арбатова и В. З. Дворкина, полагающих, что ДВЗЯИ косвенно означает запрет на применение ЯО в ходе военных действий. «Ведь договор, — отмечают авторы, — не проводит никакого различия между испытанием и боевым применением ЯО, и это различие ни доказать, ни проверить невозможно»¹⁷. С юридической точки зрения подобная трактовка ДВЗЯИ вызывает сомнения. Однако она показывает, что крупные аналитические центры (в частности, Московский центр Карнеги) рассматривают вопрос ядерных испытаний в контексте общей проблематики ядерного разоружения.

Всеобщее ядерное разоружение пока остается утопическим проектом. Великие державы не готовы отказаться от ЯО. СЯС рассматриваются ядерными державами как эффективный инструмент сдерживания оппонента и гарантия сохранения логики взаимно гарантированного уничтожения. Инициативы по ликвидации ЯО были попытками сверхдержав сохранить ядерную монополию, закрепить преобладание в конвенциональных вооружениях или сократить запасы РМ.

В ходе этих дискуссий был накоплен потенциал для дальнейших переговоров по ядерному разоружению: ликвидации (или ограничению) производства РМ в военных целях, снижению потолков ядерных вооружений, ограничению доступа неядерных государств к технологиям ЗЯТЦ и разработке международного кодекса поведения в области атомной энергетики. Особого внимания заслуживают проблемы частичной интернационализации ЗЯТЦ и вступления в действие ДВЗЯИ. Подвижки на этих направлениях вряд ли будут носить радикальный характер. Их побочным результатом может стать изменение стратегического баланса в российско-американских отношениях.

7.2. Современные проекты всеобщего ядерного разоружения

Движение за безъядерный мир возникло 4 января 2007 г.¹⁸ Американская газета «*Wall Street Journal*» опубликовала статью «Мир без ядерного оружия»¹⁹. Ее авторы — бывшие госсекретари США Генри Киссинджер и Дж. Шульц, бывший министр обороны Уильям Пери и бывший председатель сенатского Комитета по вооруженным силам Сэм Нанн — призвали великие державы начать полную и необратимую ликвидацию ядерных вооружений в связи, по их мнению, с появлением новых угроз распространения ЯО, использования его в ходе региональных конфликтов и попадания ядерных боезарядов в руки террористов. Авторы статьи предложили проекты промежуточных межгосударственных соглашений — «дорожную карту движения к безъядерному миру». Американские политики считали ликвидацию ЯО возможной, если все ядерные державы:

- изменят принципы боевого дежурства стратегических ядерных сил и переведут носители ЯО в режим, требующий нескольких часов для их подготовки к пуску;
- уничтожат тактическое ЯО и радикально сократят стратегические ядерные арсеналы;
- ратифицируют подписанный в 1996 г. всеми странами ДВЗЯИ;
- подпишут ДЗПРМ;

- повысят безопасность систем хранения ЯО и РМ (прежде всего оружейного плутония и высокообогащенного урана);
- перестанут использовать плутоний, образующийся в исследовательских и энергетических реакторах;
- установят международный контроль над ЗЯТЦ;
- разрешат региональные конфликты и противоречия, которые создают предпосылки для создания ЯО новыми субъектами.

На протяжении последующих двух лет институциональная база безъядерного движения укрепилась. В Гарвардском университете запущен проект по проблемам ликвидации ЯО, руководителем которого стал Сэм Нанн²⁰. Аналогичный проект инициировал Международный институт безопасности, 74 американские неправительственные организации основали Движение за безъядерный мир, а представители Фонда мирного ядерного века собирают подписи в поддержку идеи всеобщего ядерного разоружения. Публикации о возможности ликвидации ЯО появились на сайтах Института Гувера и Фонда Карнеги, Института Брукингса и Ассоциации контроля над вооружениями.

Безъядерное движение тоже усилило свой организационный ресурс. 25 мая 2007 г. эксперты в области безопасности стран ЕС организовали Люксембургский форум, призванный выработать стратегические проекты в области нераспространения ЯО и ядерного разоружения. 12 декабря 2007 г. Гарвардский университет провел конференцию, посвященную 20-летию подписания Договора о ликвидации РСМД и перспективам придания ему универсального характера. Следующим шагом стала международная конференция в Осло 26–27 февраля 2008 г. Ее организаторами были Гарвардский университет и Институт Гувера, в ее работе приняли участие делегации 128 государств, среди них министр иностранных дел Норвегии Ганс Стор и директор МАГАТЭ Мухаммед эль-Барадей²¹. Эксперты расценили эти мероприятия как репетицию будущей конференции в поддержку всеобщего ядерного разоружения.

Американское экспертное сообщество стало популяризировать опыт стран, добровольно отказавшихся от ЯО. В 1990-х годах фаворитом в этом отношении была Южно-Африканская Республика, уничтожившая в 1991 г. шесть готовых атомных боезарядов под контролем МАГАТЭ. Сегодня «мода на ЮАР» сменилась «модой на Казахстан». Еще в 1995 г. Алма-Ата при финансовой поддержке США передала России находившееся на казахстанской территории советское ЯО. В дальнейшем Астана закрыла ядерный полигон в Семипалатинске и добилась подписания Договора о создании безъядерной зоны в Центральной Азии. 29 августа 2007 г. американский университет «Нова»

вручил президенту Казахстана Нурсултану Назарбаеву премию мира за большой вклад в ядерное разоружение. Весной 2008 г. казахстанский опыт позитивно оценили основатели «безъядерного проекта» С. Нанн и Дж. Шульц²².

В США, Великобритании и Австралии появилась волна аналитических докладов о возможном отказе Лондона от статуса ядерной державы²³. Авторы подобных работ доказывали, что в современных условиях Великобритания не нуждается в стратегических ядерных силах. Во-первых, британский ядерный запас невелик: он состоит из 180 ядерных боезарядов, размещенных на четырех АПЛ класса «*Vanguard*». Во-вторых, британские ядерные силы с 1962 г. включены в американскую систему ядерного планирования. В-третьих, с 1995 г. Соединенное Королевство прекратило производство РМ в военных целях. В-четвертых, срок действия британских атомных подводных лодок истекает к 2024 г., и Лондон еще не определился с планами строительства новых носителей ЯО. (Палата общин проголосовала за ее реализацию 15 марта 2007 г., однако конкретных мероприятий на этом направлении до настоящего времени сделано не было.) Возникли предположения о возможном отказе Великобритании от своего ядерного статуса.

Проблема безъядерного мира обсуждалась в ходе президентской кампании 2008 г. в США. Выступая в Университете Де-Пол (Чикаго) 2 октября 2007 г., сенатор-демократ Б. Обама заявил, что первоочередным шагом на пути к безъядерному миру должно стать подписание многострадального ДЗПРМ²⁴. 15 июля 2008 г. Б. Обама предложил России сократить ядерные арсеналы и одновременно разработать проекты по улучшению контроля за хранением РМ. Похожие предложения выдвигал и кандидат от Республиканской партии сенатор Джон Маккейн. Выступая 27 мая 2008 г. в Денверском университете (штат Северная Дакота)²⁵, он предложил: 1) ликвидировать ТЯО; 2) подписать новый российско-американский Договор СНВ; 3) обеспечить повсеместную ратификацию ДВЗЯИ; 4) придать глобальный статус российско-американскому Договору РСМД 1987 г. Осенью 2008 г. Б. Обама поддержал некоторые из этих проектов.

Рост антиядерного движения в США вызвал позитивный отклик в других странах. 25 сентября 2007 г. на заседании ГА ООН президент Казахстана Н. Назарбаев предложил всем державам принять конкретные меры по всеобщему ядерному разоружению²⁶. 21 марта 2008 г. президент Франции Николя Саркози призвал все страны полностью запретить ракеты средней дальности класса «земля–земля» и прекратить производство РМ в военных целях²⁷. 31 марта 2008 г. министр ино-

странных дел Нидерландов Макс Ферхахен призвал ядерные державы начать ликвидацию ЯО и усилить контроль над оборотом технологий ЗЯТЦ²⁸. 30 июня 2008 г. в поддержку ядерного разоружения выступили бывшие министры иностранных дел Великобритании Малкольм Рифкинд и лорд Дэвид Оуэн, а также бывший генеральный секретарь НАТО Дж. Робертсон²⁹. О поддержке проекта ядерного разоружения заявили министры иностранных дел Германии (Франк-Вальтер Штайнмайер) и Австралии (Кевин Рудд)³⁰.

Новый импульс безъядерное движение получило после победы на выборах в США демократа Барака Обамы. 24 ноября 2008 г. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун призвал всех участников ДНЯО провести конференцию по проблемам ядерного разоружения. 4 декабря 2008 г. министр иностранных дел Германии Франк-Вальтер Штайнмайер заявил, что страны ЕС должны поддержать движение к всеобщему ядерному разоружению. 8–11 декабря 2008 г. в Париже состоялась учредительная конференция нового движения «Глобальный ноль» (*Global Zero*).

Весной 2009 г. администрация Б. Обамы попыталась вывести дискуссии о проблемах ядерного разоружения на международный уровень. Ключевые положения прозвучали в пражской речи Б. Обамы 5 апреля 2009 г.³¹, принесшей ему Нобелевскую премию мира. Президент США отметил избыточность существующих запасов ядерных вооружений, унаследованных от периода «холодной войны». Одновременно он подчеркнул, что даже одиночный взрыв ядерного боезаряда в густонаселенном городе нанесет непоправимый ущерб экономике стран ЕС и Соединенных Штатов (это было повторением тезиса министра обороны США Р. Макнамары 1961 г.). Опасность реализации этого сценария, по мнению Б. Обамы, увеличивается из-за растущей угрозы распространения ЯО и его возможного попадания в транснациональные террористические сети.

Ключевой тезис Б. Обамы заключался, однако, в другом. Соединенные Штаты должны, по его мнению, взять на себя моральную ответственность за построение безопасности в безъядерном мире. В качестве первоочередных шагов «программа Обамы» предполагает:

- уменьшение роли ЯО в рамках стратегии национальной безопасности США;
- побуждение других стран последовать американскому примеру;
- проведение переговоров с Россией о заключении нового договора СНВ;
- укрепление ДНЯО, включая создание международных центров по производству и переработке ядерного топлива;

- развертывание системы ПРО с целью показать «опасным» государствам бесперспективность попыток приобретения ими ЯО;
- усиление контроля над оборотом РМ с целью предотвращения их попадания в руки криминально-террористических сетей.

Особое внимание президент США предложил уделить укреплению Глобальной инициативы по борьбе с ядерным терроризмом (2002) и Инициативы безопасности в борьбе с распространением ОМП (2003). Эти программы, запущенные администрацией Дж. Буша-младшего (2001–2008), предполагали развитие международного сотрудничества в области контроля над оборотом РМ и технологий ЗЯТЦ. Финалом такой политики, по мнению Б. Обамы, должно стать проведение в США глобального саммита по проблемам безопасности ядерных объектов и мест хранения РМ.

Пражская речь президента США вызвала острые дискуссии. 10 апреля 2009 г. министр иностранных дел Германии Ф.-В. Штайнмайер инициировал обсуждение в бундестаге проектов вывода с немецкой территории американского тактического ЯО. (Правда, канцлер А. Меркель отвергла это предложение, заметив, что наличие ЯО на территории Германии позволяет ей участвовать в работе Группы ядерного планирования НАТО.) Более жесткую позицию занял президент Франции Н. Саркози, критически отзывавшийся об «антиядерных» инициативах Б. Обамы.

Неоднозначное отношение к проекту построения безъядерного мира вызвал на Ближнем Востоке. В 1994 г. Египет, Иордания и Ливия объявили его обсуждение условием для своего согласия на бессрочное продление ДНЯО. Однако для создания подобной зоны Израиль потребовал заключения с ним мирного договора всеми арабскими странами (включая Иран), что в 2000 г. привело к свертыванию переговорного процесса. После пражской речи Б. Обамы ситуация изменилась. 15 апреля 2009 г. с предложением о возобновлении переговорного процесса выступил президент Турции Абдулла Гюль. Подобные заявления были сделаны и представителями Египта, увязывавшими вопрос о свертывании иранской ядерной программы с отказом Израиля от ЯО.

Настороженное отношение к проблематике ядерного разоружения вызвала в КНР. С момента проведения Бандунгской конференции солидарности стран Азии и Африки (1955) Пекин выступает за ядерное разоружение во всем мире, но не начинает переговоров о присоединении к системе контроля над вооружениями, ссылаясь на слишком малый объем своего ядерного арсенала. Эту двойственность подтвердила и реакция Пекина на пражскую речь президента США. Официально

19 мая 2009 г. помощник министра иностранных дел КНР Лю Цзеи заявил, что «Китай неизменно выступает за всестороннее запрещение и окончательное уничтожение ядерного оружия». Однако на практике вопрос о начале переговоров был увязан Пекином с ратификацией Вашингтоном ДВЗЯИ. Эта формулировка означает, что вопрос об участии КНР в переговорах о сокращении ядерных вооружений отодвигается на неопределенный срок.

Похожей позиции придерживается и руководство Индии. Формально с момента возникновения Движения неприсоединения (1961) страна выступает за полную ликвидацию ЯО во всем мире. В 1988 г. на заседании ГА ООН премьер Индии Раджив Ганди даже представил план всеобъемлющей ликвидации ядерных вооружений. Но начало конкретных переговоров по проблемам ликвидации ЯО индийское руководство всегда увязывало с ядерной политикой Китая и Пакистана. Возможно, поэтому официальный Дели пока никак не отреагировал на заявление президента США.

Призыв Б. Обамы к ядерному разоружению позволил возобновить прерванные в 2002 г. российско-американские переговоры о контроле над вооружениями. Еще 1 апреля 2009 г. на встрече в Лондоне президенты Б. Обама и Д. А. Медведев договорились начать переговоры о подписании нового договора СНВ вместо Договора СНВ-1, срок действия которого истек 31 декабря 2009 г. В лондонском заявлении было также согласовано, что потолки вооружений в будущем договоре будут ниже, чем в Договоре о сокращении стратегических наступательных потенциалов 2002 г. Россия и США начали 24 апреля 2009 г. консультации по этой проблеме, завершившиеся подписанием Договора СНВ-3 (Пражского договора) 8 апреля 2010 г.

В общественном мнении стран Атлантического сообщества меняется отношение к ЯО. В годы «холодной войны» ядерные арсеналы в США и странах Западной Европы воспринимались как средство, позволяющее уравновесить превосходство в обычных вооружениях государств Варшавского договора. Теперь ЯО видится оружием сдерживания стран—членов НАТО от полноценного лидерства в военной области. В таком контексте проекты создания безъядерного мира можно рассматривать как попытку закрепить превосходство Соединенных Штатов в области обычных вооружений и отойти от логики взаимного гарантированного уничтожения.

Глубокое сокращение стратегических ядерных сил может воссоздать ситуацию 1950-х годов, когда СССР и США рассматривали возникновение глобального военного конфликта как реалистический сценарий. Попыт-

ки реализации проекта безъядерного мира вписываются, таким образом, в общий тренд на изменение базовых параметров сложившегося миропорядка.

Полный отказ от ЯО теоретически сделает возможным ведение войн на основе конвенциональных вооружений. В перспективе это может породить соблазн изменить границы с помощью военного конфликта высокой степени интенсивности, в котором один из противников не будет опасаться нанесения ему в ответ на агрессию заведомо неприемлемого ущерба.

7.3. Перспективные направления дискуссий о всеобщем ядерном разоружении

Дискуссии о построении безъядерного мира имеют важную особенность: одновременно с ними в Соединенных Штатах возрождаются проекты интернационализации ЗЯТЦ. Еще в 1993 г. администрация У. Клинтона провозгласила стратегию контрраспространения, предлагавшую проведение превентивных мер для предотвращения распространения ЯО. В 2002 г. администрация Дж. Буша-младшего модифицировала ее в систему превентивных мер по разоружению субъектов, недружественных по отношению к США, и/или пресечению попыток приобретения ими ОМП. Одним из вариантов проведения этой стратегии выступает расширение контроля за производителями РМ и оборотом этих материалов на мировом рынке. Отсюда второе рождение популярных в 1940-х годах проектов установления «международного» (или американского) контроля над ЗЯТЦ.

В середине 2000-х годов Вашингтон дважды пытался инициировать дискуссии о реформе ДНЯО. 11 февраля 2004 г. президент США Дж. Буш-младший призвал: 1) подключить Интерпол к реализации Инициативы безопасности в борьбе с распространением ОМП; 2) придать универсальный характер Дополнительному протоколу МАГАТЭ 1997 г.; 3) запретить поставки технологий ЗЯТЦ странам, не владевшим им до 1 января 2004 г.³² На VII Обзорной конференции по ДНЯО (май 2005 г.) США предложили принять поправку к его X статье, предусматривающую возвращение выходящими из Договора государствами приобретенных прежде технологий ЗЯТЦ и РМ под контроль МАГАТЭ. Само агентство получало бы право удалять из своего Совета управляющих государства, регулярно нарушающие условия Соглашения о гарантиях с этой организацией.

Но американские проекты реформы ДНЯО оказались неудачными. Участники VII Обзорной конференции по ДНЯО их отвергнули. Предложения Дж. Буша-младшего от 11 февраля 2004 г. реализовались

только в принятом на саммите в Си-Айленде (США, 9–11 июня 2004 г.) меморандуме стран «Группы восьми», который вводил годичный мораторий на поставку технологий ЗЯТЦ государствам, не владевшим им до 2004 г. В 2005 и 2006 гг. страны «Группы восьми» продляли срок его действия на год. Однако на саммите «восьмерки» в Хайлигендамме (Германия, 7–9 июня 2007 г.) аналогичного продления не последовало. Зато 28 апреля 2004 г. СБ ООН принял резолюцию № 1540, которая передавала прерогативы по введению ограниченно репрессивных мер против «государств-нарушителей» созданному при ООН «Комитету 1540».

Неудачи проектов международных соглашений побудили администрацию Дж. Буша запустить программу по ограниченному контролю над ЗЯТЦ. 6 февраля 2006 г. министерство энергетики США начало разработку программы «Глобальное партнерство в ядерной энергетике» (ГНЭП, *The Global Nuclear Energy Partnership*), призванную предотвратить возможную утечку ядерных материалов и технологий на всех фазах ЗЯТЦ. Программа предусматривала предоставление заинтересованным государствам в аренду готового ядерного топлива и вывоз отработанных РМ из стран-потребителей с их последующей переработкой на территории США³³. 16 февраля 2006 г. США, Франция и Япония подписали соглашение о сотрудничестве в области создания реакторов на быстрых нейтронах в рамках ГНЭП. 11 августа 2006 г. министерство энергетики США обратилось к американским и иностранным компаниям с призывом представить предложения по созданию консолидированного центра, в котором можно было бы осуществлять переработку ОЯТ. 18 сентября 2006 г. американскую инициативу поддержали французская группа «Арева» и американские компании «*BWX Technologies, Inc*» и «*Washington Group International*» (*WGI*)³⁴. В июне 2007 г. конгресс США принял Акт о международном ядерном топливе во имя мира и нераспространения, предусматривающий создание центра на территории неядерного государства под гарантиями МАГАТЭ.

16 сентября 2007 г. 16 стран (в их числе Франция, Япония, Россия и КНР) подписали устав и принципы ГНЭП. Позднее к программе присоединились Армения, Канада, Эстония, Италия, Республика Корея, Марокко, Оман, Сенегал и Великобритания, 17 развивающихся стран (в их числе — ЮАР) заявили о намерении вступить в ГНЭП. На Парижской встрече стран-участников 1 октября 2008 г. еще 25 государств присоединились к программе.

Настороженное отношение к ГНЭП высказали Канада и Австралия. Премьер-министры Австралии Джон Говард и Канады Стивен Харпер заявили в начале 2006 г. о намерении внимательно следить за

американской инициативой. На повестку дня был вынесен вопрос о создании канадско-австралийской группы поставщиков урана как своеобразной альтернативы данному проекту.

Наиболее сложно в рамках программы ГНЭП выстраивались отношения России и США. 3 ноября 2005 г. Москва предложила Ирану создать совместные центры по обогащению урана на российской территории. Об этом 25 января 2006 г. заявил и президент В. В. Путин. На генеральной конференции МАГАТЭ в Вене председатель Росатома С. Кириенко 18 сентября 2006 г. назвал место будущего центра — Ангарск (Восточная Сибирь), под гарантией МАГАТЭ. Центр был построен в мае 2007 г.

Это подтолкнуло обе страны согласовать свои позиции. Переговоры о расширении российско-американского взаимодействия начались осенью 2006 г. Накануне визита президента В. В. Путина в США 29 июня 2007 г. стороны завизировали в Москве текст соглашения на русском и английском языках, а 6 мая 2008 г. подписали соглашение о партнерстве в сфере мирного использования атомной энергии (Соглашение 1, 2, 3. Оно предусматривает взаимодействие в области гражданских атомных технологий (правда, отказ конгресса США ратифицировать это соглашение из-за войны вокруг Южной Осетии отодвинул перспективы партнерства на неопределенный срок).

Постепенно в Соединенных Штатах нарастала критика ГНЭП³⁵. Ключевую роль здесь сыграла победа Демократической партии на выборах в конгресс 7 ноября 2006 г. Демократы утверждали, что вместо предотвращения распространению РМ и технологий ЗЯТЦ новая программа только способствует этому процессу. 31 октября 2007 г. несколько американских центров, специализирующихся на изучении проблем контроля над вооружениями, направили в конгресс письмо с заявлением, что ГНЭП противоречит принятому 5 мая 1994 г. Закону о предотвращении распространения ядерного оружия (согласно этому закону США прекращают экономическую и военную помощь любому неядерному государству, которое произвело взрыв ядерного устройства или получило информацию о его конструкции). Только в апреле 2008 г. конгресс согласился профинансировать лишь научно-исследовательское направление ГНЭП.

Дальнейшая работа в рамках программы не принесла ощутимых результатов. Строительство общего центра блокировалось отсутствием у США и ЕС соглашения о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии и/или переработке расщепляющихся материалов. Но 2 апреля 2009 г. министерство энергетики США заявило

о неготовности снять ограничения для производства на американской территории компонентов для ГНЭП, а 1 июля — о неготовности переориентировать американскую атомную энергетику на нужды программы³⁶. С середины 2009 г. ГНЭП находится в состоянии «холодной инициативы»: наличие перспективных соглашений при фактически полном отсутствии реального наполнения.

В конце 2000-х годов Россия расширила формат работы МЦОУ. 17 ноября 2008 г. Совет управляющих МАГАТЭ поддержал предложения России создать при центре запас НОУ. 29 марта 2010 г. было подписано соглашение Росатома и МАГАТЭ о создании на территории России его гарантийного запаса в количестве 120 т в форме гексафторида урана (UF₆) со степенью обогащения в пределах 2–4,95%. Запас должен храниться в МЦОУ под гарантиями МАГАТЭ и для использования членами МАГАТЭ, которые будут испытывать перебои в поставках НОУ. Расходы на применение гарантий должна нести Россия.

Менее эффективны были попытки США и России скоординировать усилия с другими странами. 6 июня 2006 г. Франция, Германия, Нидерланды, Россия, США и Великобритания представили проект, предусматривавший гарантированные поставки НОУ странам, которые откажутся от создания национальных предприятий по обогащению урана, заключат с МАГАТЭ соглашение о всеобъемлющих гарантиях и подпишут Дополнительный протокол МАГАТЭ 1997 г. В сентябре 2006 г. Япония предложила создать Резервную систему МАГАТЭ для гарантирования поставок атомного топлива. Одновременно Великобритания выдвинула проект «обязательств по обогащению урана», которые могли бы обеспечить потребности государств, нуждающихся в технологиях. В том же сентябре американская неправительственная организация «*Nuclear Threat Initiative*» объявила о выделении 50 млн долл. для создания запаса НОУ при МАГАТЭ.

2006 г. стал пиком выдвижения инициатив по созданию международных центров обогащения урана. Большинство из них, включая американскую инициативу ГНЭП, пока завершились неудачно. На этом фоне успехи Росатома по созданию МЦОУ воспринимались в США как неприятная альтернатива собственным предложениям, тем более что с технологической точки зрения российская система обогащения урана в ряде аспектов опережает американскую.

В таком контексте концепции ядерного разоружения теоретически могут создать новые направления политики интернационализации ЗЯТЦ, более выгодные США, чем ГНЭП. В 2006 г. администрация Дж. Буша-младшего попыталась вернуться к обсуждению проекта

ДЗПРМ. Американский вариант договора предполагал свертывание производства РМ в военных целях без системы международного контроля и исключение из его юрисдикции накопленных запасов РМ. Эти предложения оказались неприемлемыми для других участников Женевского комитета. Но в Пражской речи Б. Обама предложил вернуться к обсуждению проекта контролируемого ДЗПРМ. Возможно, США попытаются создать более выгодный им режим контроля над ЗЯТЦ в рамках предусмотренного ДЗПРМ международного агентства по ликвидации производства РМ в военных целях.

Другой вариант — многократно обсуждаемое в США усиление полномочий Всемирной ядерной ассоциации³⁷. Эта организация, созданная в 2001 г. на базе Уранового института (Великобритания) и сообщества компаний—производителей атомной энергии, по своей структуре фактически дублирует МАГАТЭ, имея свой Совет управляющих и секретариат. Деятельность ее членов регламентируется особым Этическим уставом и проведением ежегодных симпозиумов в Лондоне. Основным приоритетом работы организации выступает мониторинг международных ядерных рынков, прежде всего состояния добычи природного урана и производства атомного топлива. Начиная с 2003 г. американские эксперты неоднократно ставили вопрос об усилении полномочий этой организации (например, введения процедуры обязательной отчетности перед ней поставщиков природного урана).

Нельзя забывать и об обсуждаемом в США проекте международно-го кодекса поведения в области атомной энергетики. Разработанный американскими аналитическими центрами в 2003—2004 гг.³⁸, этот проект условно предполагает:

- переход с высокообогащенного урана на низкообогащенный;
- замену тяжеловодных реакторов на легководные;
- запрет на развитие технологий обогащения урана и выделения плутония «государствам-нарушителям» ДНЯО;
- введение международного моратория на поставки технологий ядерного топливного цикла странам, не владевшим им до 1 января 2004 г.

Попытки США начать обсуждение данного проекта на VII Обзорной конференции по ДНЯО закончились неудачей. Однако его положения согласуются с Этическим кодексом Всемирной ядерной ассоциации в сфере мониторинга за деятельностью ведущих поставщиков объединенного урана. Нельзя исключать, что проект нового договора будет увязан с возможным расширением ее полномочий.

Дискуссия о безъядерном мире может вызвать инициативы американских представителей по усилению международного контроля над технологиями ядерного топливного цикла. Предложения усилить ДНЯО дополнительными соглашениями были выдвинуты администрацией Дж. Буша в 2002–2004 гг., хотя в полной мере и не нашли поддержки у всех участников «Группы восьми»³⁹. Но Вашингтон может стремиться не только укрепить режим нераспространения, но и ограничить технические возможности ядерных держав по производству ЯО. Борьба за частичное расширение контроля международного сообщества над ЗЯТЦ может стать одной из наиболее конфликтных проблем ближайших десятилетий.

В середине 2000-х годов проблема ядерного разоружения казалась пустой фантазией интеллектуалов. В 2009 г. ситуация изменилась. 5 апреля президент США Барак Обама в своей речи в Праге призвал все ядерные державы начать глубокое сокращение ядерных арсеналов. Месяц спустя его призыв превратился в набор конкретных инициатив.

В 1990-х годах американские военные эксперты разделились на два лагеря. Первые выступали за создание «облегченных» видов ЯО, использование которых можно замаскировать под применение конвенционального оружия. Вторые требовали разрешить использование тактических ядерных боезарядов в региональных конфликтах. Администрация Дж. Буша-младшего отдавала предпочтение второму варианту. Демократы всегда симпатизировали первому направлению. За рассуждениями о безъядерном мире, возможно, стоит банальное стремление американских стратегов заменить ЯО более применимыми системами или блокировать будущие небольшие стратегические ядерные силы оппонентов посредством развертывания систем ПРО. Оба варианта означают отход Вашингтона от логики взаимно гарантированного уничтожения.

Реализация проектов безъядерного мира, возможно, вернет мир в 1950-е годы, когда вероятность военного столкновения СССР и США была высокой из-за технического несовершенства и немногочисленности их ядерных арсеналов. Трудно сказать, насколько низким будет порог конфликтности в мире, где ядерные державы будут обладать небольшими, но мобильными ядерными арсеналами. С учетом развертывания глобальной системы ПРО и развития высокоточного оружия такой вариант автоматически создаст военные преимущества для США и их союзников.

Примечания

¹ *Wittner L.* Confronting the Bomb: A Short History of the World Nuclear Disarmament Movement (Stanford Nuclear Age Series). Stanford: Stanford University Press, 2009.

² *Levite A. E.* Never Say Never Again: Nuclear Reversal Revisited // International Security. 2002–2003. Vol. 27. No 3. P. 59–88.

³ *Braun Ch., Chyba Ch. F.* Proliferation Rings: New Challenges to the Nuclear Nonproliferation Regime // International Security. 2004. Vol. 29. No 2. P. 5–49.

⁴ *Perkovich G., Methews J. T., Cirincione J., Goetemoeller R., Wolfstall J. B.* Universal Compliance. A Strategy for Nuclear Security. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2005. P. 5–31.

⁵ *Wittner L.* Toward Nuclear Abolition: A History of the World Nuclear Disarmament Movement, 1971 — Present. Stanford: Stanford University Press, 2009.

⁶ The Baruch Plan. Presented to the United Nations Atomic Energy Commission, 14 June 1946. URL: <http://www.streitcouncil.org>.

⁷ *Тимербаев Р.* О запрещении производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия. Анализ // ПИР-центр (Центр политических исследований России) [Официальный сайт]. URL: <http://www.pircenter.org>.

⁸ Ядерное нераспространение: В 2 т. / Под общ. ред. В. А. Орлова. 2-е изд. М.: ПИР-центр, 2002. Т. 1. С. 95–97.

⁹ *Reparing the Regime: Preventing the Spread of Weapons of Mass Destruction / Ed. by J. Cirincioni.* N.Y.: Routledge, 2000. P. 37–54.

¹⁰ Ядерное сдерживание и нераспространение / Под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. М.: Московский центр Карнеги, 2005. С. 12–14.

¹¹ Детали см.: *Garthoff R. L.* Detente and Confrontation: American-Soviet Relations from Nixon to Reagan. Washington: Brookings Institution Press, 1994.

¹² *Nichols T.* The Sacred Cause: Civil-Military Conflict over Soviet National Security, 1917–1992. Ithaca; N.Y.: Cornell University Press, 1993.

¹³ См.: *Kristensen H. M., Norris R. S., Oelrich I.* From Counterforce to Minimal Deterrence — A New Nuclear Policy on the Path Toward Eliminating Nuclear Weapons // Occasional Paper. April 2009. No 7. P. 23–29.

¹⁴ *Halperin M.* Nuclear Fallacy: Dispelling the Myth of Nuclear Strategy. Cambridge: Ballinger, 1987. P. 25.

¹⁵ *Coleman K. A.* History of Chemical Warfare. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2005.

¹⁶ *Berkhout F., Bukharin O., Feiveson H., Miller M.* A Cutoff in the Production of Fissile Material // International Security. 1994–1995. Vol. 19. No 3. P. 167–202.

¹⁷ Ядерное сдерживание и нераспространение / Под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. М.: Московский центр Карнеги, 2005. С. 64.

¹⁸ *Богатуров А. Д., Фененко А. В.* Кризис «навязанного консенсуса» // Свободная мысль. 2008. № 12.

¹⁹ *Шульц Дж. П., Перри У. Дж., Киссинджер Г. А., Ханн С.* Мир без ядерного оружия // ИноСМИ.Ru [Интернет-портал]. 8 января 2007 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.inosmi.ru>.

²⁰ Nuclear Security Project (Harvard University) [Official Site]. URL: <http://www.nuclearsecurityproject.org>; *Nunn S.* Co-Chairman of the Nuclear Threat Initiative. «The Mountaintop: A World Free of Nuclear Weapons». Council on Foreign Relations. 14 June 2007 // Nuclear Security Project (Harvard University) [Official Site]. URL: <http://www.nuclearsecurityproject.org>.

²¹ Achieving the Vision of the World Free of the Nuclear Weapons. International conference on Nuclear Disarmament. Oslo, 26–27 February 2008. URL: <http://disarmament.nrpa.no>.

²² Пример ядерного разоружения Казахстана — в фокусе внимания // Национальное информационное агентство «Казинформ» [Официальный сайт]. 04.03.2008. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.inform.kz>.

²³ *Stocker J.* The United Kingdom and Nuclear Deterrence. IISS (International Institute for Strategic Studies) // Adelphi Paper. February 2007. No 386.

²⁴ Barack Obama's Foreign Policy Speech. Published 2 October 2007 // Council Foreign Relations [Official Site]. URL: <http://www.cfr.org>.

²⁵ Remarks by John McCain on Nuclear Security. 27 May 2007 // [Official Site of John McCain]. URL: <http://www.johnmccain.com>.

²⁶ Выступление Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева на дебатах 62-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Нью-Йорк, 25 сентября 2007 г. // Официальный сайт Президента Казахстана. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.akorda.kz>.

²⁷ Sarkozy defends France's nuclear arsenal // International Herald Tribune. 21 March 2008. URL: <http://www.iht.com>.

²⁸ Нидерланды предлагают сдатьсь // Взгляд. Деловая газета [Электронное издание]. 2008. 31 марта. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.vz.ru>.

²⁹ Start worrying and learn to ditch the bomb. Letter to The Times by Douglas Hurd, Malcolm Rifkind, David Owen and George Robertson // The Times. 2008. 30 June. URL: www.timesonline.co.uk.

³⁰ *Steinmeier F.-W.* A New World Order and Transatlantic Relations. Speech at the Conference on Transatlantic Relations. Berlin, 2008. 4 July. URL: <http://www.auswaertiges-amt.de>; *Rudd K.* Building a Better World Together. Speech at Kyoto University, 9 June 2008 // Nuclear Security Project (Harvard University) [Official Site]. URL: <http://www.nuclearsecurityproject.org>.

³¹ Text of President Obama's speech in Prague. 2009. 5 April. URL: <http://www.marketwatch.com>.

³² President Announces New Measures to Counter the Threat of WMD // Official Site of the President of the USA. 11 February 2004. URL: <http://www.whitehouse.gov>.

³³ Global Nuclear Energy Partnership [Official Site]. URL: <http://www.gnep.energy.gov>.

³⁴ AREVA стремится участвовать в GNEP. 18.09.2006 // Голос ядерного Ирана [Информационный сайт]. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.iranatom.ru>.

³⁵ *Bengelsdorf H. D.* Proposals to Strengthen the Nuclear Nonproliferation Regime // Bridges. December 2006. Vol. 12 // OpEds & Commentaries [Official Site]. URL: <http://www.ostina.org>.

³⁶ US GNEP programme dead, DOE confirms, Nuclear Engineering International, 15 April 2009. URL: <http://www.neimagazine.com/story.asp?storyCode=2052719>, retrieved 2009-07-10.

³⁷ Managing the Nuclear Fuel Cycle: Policy Implications of Expanding Global Access to Nuclear Power. CRS Report for Congress. Order Code RL34234. 3 September 2008. P. 29.

³⁸ *Levi M. A., O'Hanlon M. E.* The Future of Arms Control. Washington: Brookings Institution Press, 2005. P. 22–30.

³⁹ *Perkovich G.* Bush's Nuclear Revolution. A Regime Change in Nonproliferation // Foreign Affairs. 2003. March/April. Vol. 82. No 2. P. 2–8.

Часть II

**Перспективы развития
системы «центрального»
сдерживания**

Военно-техническая модернизация и «циклы» российско-американских отношений

В современных российско-американских отношениях можно заметить закономерность. Лидеры обеих стран каждые пять-шесть лет торжественно объявляли о похоронах наследия «холодной войны». Через несколько лет Москва и Вашингтон оказывались, однако, в состоянии нового военно-политического отчуждения, представители опять начинали переговоры о контроле над вооружениями и партнерстве, после чего цикл повторялся заново.

Эта тенденция просматривается и в начале 2010-х годов. Подобно своим предшественникам, президенты Б. Обама и Д. А. Медведев объявили о намерении преодолеть остатки недоверия и придать качественно новый характер российско-американским отношениям. Но после саммита двух президентов в Вашингтоне (24 июня 2010 г.) и саммита «Группы восьми» в Торонто (26–27 июня 2010 г.) среди экспертов обеих стран росло ощущение, что политика «перезагрузки» идет не так, как хотелось¹. Неудачные переговоры по ПРО летом 2011 г. породили тревожные прогнозы о том, что «перезагрузка» может перетечь в непонимание². Ситуация усугубилась в 2012 г. Негативная реакция администрации Б. Обамы на избрание В. В. Путина на третий президентский срок, отказ нового президента России посетить саммит НАТО в Чикаго (19 мая 2012 г.) и президента США — форум АТЭС во Владивостоке (2–9 сентября 2012 г.) создали ощущение демонтажа политики «Перезагрузки»³. Возникают вопросы: что задает цикличность российско-американским отношениям и можно ли прогнозировать, а в идеале и корректировать развитие этих циклов?

8.1. Циклический характер российско-американских отношений

Понятие «цикл» (лат. *cyclos* — окружность) означает круговое движение, осуществляемое определенной системой. В термодинамике это

процесс, когда физическая система, претерпев ряд изменений, возвращается в исходное состояние. В экономической теории циклами называют регулярные колебания уровня деловой активности от бума до спада. В международных отношениях под циклом, следовательно, можно понимать регулярное прохождение системами (в данном случае — российско-американскими отношениями) одинаковых фаз развития с возвращением в исходное или близкое к нему состояние.

В политической теории существует несколько объяснений цикличности российско-американских отношений. Первое, представленное американским историком Артуром Шлезингером — каждые 15–20 лет колебание американской элиты от экспансии к изоляционизму⁴. Новое поколение американских политиков делало карьеру на критике предшественников. Вот почему во внешнеполитической стратегии США каждые 15–20 лет преобладают то изоляционистские, то экспансионистские тенденции.

Второе объяснение на основе немецких разработок XX в.⁵ — соперничество континентальной и морской держав⁶. Континентальная стремится установить контроль над евразийским побережьем и проецировать силу на морские державы, а те пытаются закрепиться в прибрежных регионах Евразии и разукрупнить территорию. Геополитики выделили несколько циклов наступления СССР на прибрежные районы Евразии и отбрасывания СССР/России в глубь континента объединенной мощью США и стран Западной Европы⁷.

Третье объяснение российских⁸ и американских⁹ экспертов либерального направления, возникшее после 1991 г., способность (или неспособность) России усваивать западные инновации. Модернизация страны на либерально-рыночной основе дает толчок сближению. Отказ российской власти от либерального проекта, ее попытки противопоставить себя США, напротив, ведут к обострению двусторонних отношений.

Ни одна из приведенных точек зрения не выявляет природу циклов российско-американских отношений. Почему именно им, а не отношениям США с какой-либо другой страной присуща столь выраженная цикличность? Как объяснить, что Вашингтон, периодически критикуя Россию, не раз шел на партнерство с любыми авторитарными режимами, не задумываясь об их готовности к усвоению либеральных норм? Почему в разные годы американское общественное мнение по-разному относилось к советским и российским лидерам, игнорируя довольно глубокие политические перемены в Москве после распада СССР?

Циклический характер российско-американских отношений, возможно, определяется характером эволюции системы ядерного сдерживания (nuclear deterrence). Сдерживание представляет собой политику превентив-

ных угроз применения ядерного оружия с целью побудить оппонента отказаться от каких-либо действий или, напротив, совершить их. Для реализации такой политики СССР/Россия и США нацелили стратегические ядерные силы на стратегические объекты друг друга.

Во-первых, ядерное оружие нуждается в обновлении каждые 15–20 лет. Поэтому необходим согласованный вывод из строя устаревших ядерных систем и запуск программ обновления СЯС.

Во-вторых, взаимное ядерное сдерживание предполагает реалистичность угроз. Обе страны регулярно подтверждали убедительность взаимных угроз развить более совершенные системы нанесения разоружающего и обезглавливающего удара.

В-третьих, взаимное ядерное сдерживание подталкивало обе державы к демонстрации готовности применять силу, т.е. участвовать в региональных конфликтах.

В-четвертых, стороны периодически оказывались на грани военного столкновения, после чего за стол переговоров для разработки правил поведения в военно-стратегической сфере.

Циклы 15–20 лет — это срок функционирования определенного поколения стратегических вооружений, на протяжении которого оно вводится в строй, находится на боевом дежурстве и исчерпывает свои ресурсы. Цикл взаимодействия обеих стран проходил в своем развитии примерно пять этапов:

- 1) создание новых правил взаимодействия в стратегической сфере;
- 2) развитие программ модернизации стратегических потенциалов в рамках выработанных правил контроля над вооружениями;
- 3) появление у одной и/или обеих сторон представлений о возможности достижения стратегического превосходства;
- 4) наступление серьезного военно-политического кризиса вследствие эскалации одного из региональных конфликтов;
- 5) возобновление контактов для начала переговоров о ревизии правил взаимодействия в стратегической сфере.

Кремль и Белый дом вступали в переговоры по контролю над вооружениями не в моменты максимального роста политической напряженности в мире, а в периоды модернизации стратегических потенциалов. Мир оказывался сопутствующим результатом подготовки к ведению войны на более высоком уровне.

8.2. Первый цикл советско-американских отношений

Середина 1940-х — середина 1960-х годов — время становления системы взаимного ядерного сдерживания. Еще в ходе Второй миро-

вой войны возникли стратегическая авиация, баллистические ракеты и атомное оружие (АО) — основа будущей стратегической триады (*nuclear triad*)¹⁰. Быстрое развитие средств поражения в 1943–1944 гг. вызвало у части американской элиты стремление определить новые правила взаимодействия с СССР в стратегической сфере. Подобную точку зрения излагали в памятных записках члены Военно-промышленного комитета США, курировавшие «манхэттенский проект», В. Буш и Дж. Коннан (сентябрь 1944 г.)¹¹. Пришедшая к власти в апреле 1945 г. администрация Г. Трумэна первоначально разделяла эти настроения¹².

Советское руководство во главе с И. В. Сталиным (1924–1953) также склонялось к компромиссу с США. К концу Второй мировой войны в СССР была создана научная база для получения урана и плутония, промышленного производства металлического урана, графита и тяжелой воды, но наблюдалось отставание в создании АО. Поэтому на Московском заседании Совета министров иностранных СССР, США и Великобритании (декабрь 1945 г.) В. М. Молотов согласился на переговоры о введении международного контроля над атомной энергией¹³.

Площадкой для переговоров стала созданная в январе 1946 г. Комиссия ООН по атомной энергии. В марте 1946 г. США представили «план Ачесона—Лилененталя», предусматривавший формирование международной администрации по развитию атомной энергии. Ей предполагалось передать контроль над всеми фазами замкнутого ядерного топливного цикла, включая добычу урановой руды. План допускал, что на определенном этапе Вашингтон должен будет отказаться от производства АО. Но представитель США в Комиссии ООН по атомной энергии Б. Барух убедил президента Г. Трумэна внести в план два изменения: на деятельность международного органа не будет распространяться право вето постоянных членов Совета Безопасности ООН, орган будет обладать полномочиями принимать меры против нарушителей без его санкции. Обновленный вариант («план Баруха») США представили в Комиссию ООН по атомной энергии 14 сентября 1946 г.

Первоначально И. В. Сталин склонялся к поддержке «плана Ачесона—Лилененталя». Но требования наказания нарушителей без санкции Совета Безопасности ООН вызвали в Кремле настороженное отношение. В 1946 г. постоянный представитель СССР при ООН А. А. Громыко предложил Комиссии ООН по атомной энергии альтернативный план: сначала ликвидация атомных боезарядов, а затем постановка под контроль ЗЯТЦ. Проект вызвал несогласие администрации Г. Трумэна. 29 июля 1949 г. состоялось последнее заседание Комиссии ООН по атомной энергии.

Во второй половине 1940-х годов американские эксперты разработали концепцию поражения экономической инфраструктуры противника с помощью атомных боезарядов¹⁴. В 1948 г. ВВС США приняли концепцию воздушной атомной войны (*war-fighting*) за основу военного планирования. США увеличили количество атомных боезарядов с 12 единиц в 1947-м до 300 единиц в 1950 г. В качестве их носителей сначала предполагалось использовать поршневые условно-стратегические бомбардировщики *B-29*. В 1950-х годах на вооружение ВВС США стали поступать сначала реактивные бомбардировщики *B-47*, а затем более совершенные *B-52*.

Советская военная доктрина рубежа 1940–1950-х годов не рассматривала АО в качестве основного оружия будущей войны¹⁵. Преобладала точка зрения И. В. Сталина, что исход войны будут решать постоянно действующие факторы: количество и качество вооружений; прочность тыла; эффективность мобилизационных мероприятий, уровень развития военно-промышленного комплекса, качество управления и характер общевойсковых операций. Атомному оружию отводилась функция дополнять последние. Вместе с тем СССР создал в 1949 г. свое АО. К середине 1950-х годов он произвел, по разным оценкам, около 15–20 атомных боезарядов. В качестве их носителя рассматривались поршневые условно-стратегические Ту-4, а к 1956 г. были поставлены на боевое дежурство реактивные стратегические бомбардировщики Ту-95 и М-4, хотя по количеству и качеству стратегической авиации СССР значительно отставал от США.

Но расчеты второй половины 1940-х годов доказали, что мощность атомных боезарядов недостаточна для полного поражения стратегического потенциала противника. АО образца 1946 г. могло использоваться скорее как фактор поражения отдельных городских объектов или поддержки общевойсковых операций. Справедливость этих заключений подтвердила Корейская война: советские истребители МиГ-15 поражали американские бомбардировщики *B-29*.

Ситуация изменилась после создания в 1952–1953 гг. термоядерного оружия. Благодаря мегатонной мощности, плавильному эффекту и пригодности для ракетных носителей оно могло гарантированно поражать стратегический потенциал противника¹⁶. Советская и американская военные доктрины быстро переориентировали с АО на ЯО. По данным СИПРИ, к 1959 г. США имели на стратегических носителях 2496, СССР — 243 ядерных боезаряда¹⁷. Москва и Вашингтон совершили рывок в развитии ракетных средств доставки ЯО. В 1957 г. СССР испытал межконтинентальную баллистическую ракету Р-7. В 1958 г. последовало испытание американской МБР «*Atlas D*».

Появление ракетно-ядерного оружия позволило разработать первое поколение полноценных концепций ядерного сдерживания (*nuclear deterrence*). Принятая администрацией Д. Эйзенхауэра (1953–1960) доктрина массированного возмездия (*massive retaliation*) ориентировалась на угрозу нанесения ядерного удара по городам СССР и КНР. Документ СНБ 162/2 (1953) определил три условия эффективности этой стратегии: 1) военно-технические средства, способные поражать стратегический потенциал оппонента; 2) техническая возможность причинить оппоненту неприемлемый ущерб; 3) готовность применить ЯО в случае нападения оппонента¹⁸. Военно-технической основой этой доктрины стал принятый в 1960 г. план SIOP (*Strategic Integrating Operation Plan*), предусматривавший использование в первом ядерном ударе примерно 3400 стратегических ядерных боезарядов.

Сдвиги происходили и в советской военной стратегии. В 1950-х годах маршалы Р. Я. Малиновский и С. В. Бирюзов отмечали растущую роль ракетно-ядерного оружия для будущей войны. Оно рассматривалось как эффективное средство компенсации американского превосходства в стратегической авиации. На базе этих разработок в 1959 г. создан новый род войск — ракетные войска стратегического назначения.

Отсутствие ограничений на гонку вооружений порождало перманентный страх обеих сторон перед стратегическим прорывом оппонента. Во второй половине 1950-х годов в Америке шли дебаты о ракетном отставании (*missile gap*) от СССР. Для получения точной информации о советской ракетной программе администрация Д. Эйзенхауэра санкционировала в 1956 г. полеты над СССР самолетов-разведчиков И2, а в 1958 г. запустила серию программ по модернизации американских СЯС, предусматривавшую строительство жидкотопливных МБР «Atlas-D» и «Титан», твердотопливных МБР «Минитмен-1», 19 АПЛ типа «Дж. Вашингтон», оснащенных баллистическими ракетами класса «Polaris»; и сверхзвуковых палубных бомбардировщиков «Виджилент», способных нести ЯО. В декабре 1957 г. Совет НАТО санкционировал размещение американских жидкотопливных РСД «Тор» и «Юпитер».

Действия Вашингтона вызвали стремление Н.С. Хрущева пойти на ответные меры. Еще в 1950-х СССР развернул парк баллистических ракет средней дальности: комплексы Р-5(8А62) и Р-12(8К63), в 1957 г. создал жидкотопливную МБР Р-7. В 1960–1961 гг. основу советских СЯС составляли жидкотопливные МБР Р-7 (8К71) и Р-7А (8К74). С 1960 г. на вооружение стали приниматься также более совершенные жидкотопливные Р-16 (8К64). Менее успешной была советская программа

развертывания стратегической авиации. По разным оценкам, СССР произвел к началу 1960-х годов примерно 48 Ту-95 и 29 ЗМ. Понимая, что СССР отстает от США, советское руководство пошло на силовые демонстрации: поражение самолета-разведчика U-2 (1 мая 1960 г.) и испытание самого мощного в истории термоядерного устройства (30 октября 1961 г.).

Гонка стратегических вооружений совпала с серией международно-политических кризисов. Рубежом стал Суэцкий кризис 1956 г., после которого распад Британской и Французской колониальных империй приобрел необратимый характер. Во второй половине 1950-х годов статус обеих стран снизился до уровня региональной державы. На смену миру пяти (фактически — четырех) «держав-победительниц» пришел мир двух сверхдержав, создавших собственные военно-политические блоки и ракетно-ядерное оружие. Серия военно-политических кризисов вокруг ядерной программы ФРГ (1959—1960), Конго (1960) и Западного Берлина (1961) была попытками Москвы и Вашингтона проверить новую модель взаимного сдерживания на базе ракетно-ядерного оружия.

Карибский кризис 1962 г., приведший Кремль и Белый дом на грань ракетно-ядерной войны, стал логическим завершением этого процесса¹⁹. В его основе лежали три причины. Первая — стремление СССР создать США адекватную угрозу, исходящую для советской территории от американских РСД в Турции, Италии и Великобритании (в том числе с целью побудить Вашингтон к переговорам). Вторая — силовая демонстрация в третьем мире после советской неудачи в конфликте вокруг Конго 1960 г. Третья — создание угрозы США для получения преимуществ на переговорах по «немецкому вопросу». Для американского истеблишмента, напротив, размещение советских ракет на Кубе стало бы свидетельством краха стратегической неуязвимости США, что означало бы кризис американских гарантий безопасности союзникам по НАТО и на Тихом океане.

В совокупности эти тенденции осенью 1962 г. поставили СССР и США на грань ядерной войны. Возникла потребность выработать правила стратегического взаимодействия в условиях, когда обе стороны приобрели ракетно-ядерные потенциалы.

8.3. Второй цикл советско-американских отношений

Период середина 1960-х — середина 1980-х годов характеризовался двумя тенденциями. Между СССР и США начала складываться система взаимно гарантированного уничтожения²⁰. На этой основе началась серия советско-американских переговоров: сначала об

определении правил взаимодействия в стратегической сфере (1960), затем — об ограничении стратегических вооружений (1970). Но обе стороны постоянно повышали потенциал нанесения контрсилового и контрэлитного ударов²¹, что вело к снижению порога ядерного сдерживания, повышению риска военного столкновения.

В публицистической литературе нередко путают понятия «ограничение» (*limitation*) и «сокращение» (*reduction*) вооружений. Ограничение означает введение предельных лимитов на количество боезарядов и их носителей, сокращение — уменьшение количества боезарядов и/или их носителей посредством их ликвидации или снятия с оперативного развертывания (*de-alerting*). Лимит может превышать число боезарядов и их носителей. В этом смысле соглашения по ОСВ 1970-х годов были договоренностями СССР и США о согласованном довооружении, а не разоружении.

Администрация Дж. Кеннеди суммировала их наработки в концепцию гибкого реагирования (*flexible response*): возможность дозированного применения ЯО в зависимости от масштабов конфликта. Одним из вариантов ее реализации стал переход от контрценностной к контрсиловой концепции использования ЯО. 11 июня 1962 г. министр обороны США Р. Макнамара заявил о перенацеливании американских СЯС с советских городов на советские пусковые установки. Похожие сдвиги происходили и в советской ядерной стратегии. Официально Советский Союз отрицал концепцию гибкого реагирования. Но на практике советская стратегическая мысль 1960-х годов была во многом близка американским рекомендациям. Такие представители ВС СССР как маршал бронетанковых войск П. А. Ротмистров, главком РВСН Н. Крылов, маршал Советского Союза В. Д. Соколовский²² допускали возможность возникновения конфликта высокой степени интенсивности как с использованием, так и без применения ЯО. В их работах содержался тезис о том, что локальный военный конфликт может перерасти, а может и не перерасти в тотальную войну с использованием ЯО.

До середины 1960-х годов подобные концепции были разработками на будущее. Но во второй половине 1960-х годов ситуация изменилась. США испытали в 1968 г. МБР «Минитмен-III», оснащенную разделяющимися головными частями индивидуального наведения²³. Теоретически они позволяли поразить пусковые установки противника до принятия политического решения о нанесении ответного удара. СССР отставал от США в создании РГЧ ИН, зато первым испытал в 1961 г. противоракетное оружие и развернул вокруг Москвы систему стратегической ПРО А-35, предназначенную для перехвата моно-

блочных баллистических ракет. Аналогичные американские проекты «*Nike Zeus*», «*Nike X*» и «*Sentinel*» оказались неудачными. Создав новый проект «*Safeguard*», США пытались построить наземные стационарные комплексы ПРО, СССР — «догнать» американцев в области РГЧ ИН. У сторон стали появляться технические возможности для осуществления сценариев эскалационного контроля в ходе ядерного конфликта.

Стороны разработали новые правила стратегического взаимодействия. В 1963 г. СССР, США и Великобритания подписали Договор об ограничении ядерных испытаний в атмосфере, космосе и под водой, в 1967 г. — Договор о принципах исследования и использования космического пространства («договор о космосе»), запрещавший вывод в космос ОМП, в 1968 г. — международный Договор о нераспространении ядерного оружия, по условиям которого пять постоянных членов Совета Безопасности ООН приобрели статус легальных ядерных держав. Остальные государства получили статус неядерных держав, т.е. обязанных развивать мирные ядерные программы под гарантиями МАГАТЭ. Договор имел двойственное значение. Он снижал возможность возникновения советско-американского конфликта из-за провокационных действий союзников (например, ФРГ), но одновременно усиливал иерархичность мирового порядка²⁴.

Сложнее проходил начавшийся в 1969 г. диалог по стратегическим наступательным и оборонительным вооружениям. Компромисс был зафиксирован в подписанном 26 мая 1972 г. договорном комплексе ОСВ-1. Договор по ПРО ограничивал системы стратегической ПРО двумя районами и 100—150 стационарными противоракетами наземного базирования²⁵. Временным соглашением о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений вводился лимит в 1054 МБР для США и 1600 — для СССР из-за отсутствия у него РГЧ ИН. Этот документ касался вооружений, которые могли использоваться в одном пуске (вылете), в нем устанавливались правила зачета пусковых установок.

С середины 1970-х годов гонка за приобретение стратегического превосходства возобновилась²⁶. Советский Союз запустил программы строительства МБР с РГЧ ИН Р-36М (*SS-18*) и УР-100Н (*SS-19*) и начал создавать мобильные МБР РТ-23 УТТХ (*SS-24*) железнодорожного базирования. Эти шаги Москвы вызвали тревогу в Вашингтоне. В 1977 г. коллектив экспертов во главе с П. Нитце выдвинул концепцию окна уязвимости (*window of vulnerability*): опасения, что СССР получает потенциал для нанесения разоружающего удара по американским СЯС. По рекомендациям П. Нитце администрация Дж. Картера

ускорила реализацию запущенных еще в 1972 г. программ создания СЯС с РГЧ ИН нового поколения: МБР «*MX Peacekeeper*», БРПЛ «*Trident-I*» и «*Trident-II*». Новой программой администрации Дж. Картера стало создание бомбардировщика-невидимки В-2 на основе технологий «*Stealth*». Их целью было объявлено поражение высокозащищенных целей: шахтных пусковых установок и пунктов управления СЯС.

Действия СССР и США негативно сказались на переговорах по ОСВ. 23 ноября 1974 г. генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев (1964–1982) и президент США Дж. Форд (1974–1976) подписали Владивостокскую декларацию о параметрах Договора ОСВ-2. Стороны обязались ограничить РГЧ ИН на всех компонентах стратегической триады. Из-за опасений перед повышением контрсилловых возможностей СЯС переговоры затянулись на пять лет. 18 июня 1979 г. Л. И. Брежнев и Дж. Картер подписали Договор ОСВ-2, повторявший условия Владивостокской декларации. Но после ввода советских войск в Афганистан (декабрь 1979 г.) президент Дж. Картер отозвал договор из сената²⁷.

Более глубокие противоречия складывались вокруг ракет средней и меньшей дальности. В 1973 г. министр обороны США Дж. Шлессинджер заявил о смещении центра сдерживания с межконтинентальных средств доставки ЯО на РСМД, оснащенных РГЧ ИН, а также системами лазерного, инфракрасного и телевизионного самонаведения на цели. Такой вариант позволял обрести потенциал для нанесения уже не контрсилового, а контрэлитного удара за счет выигрыша в подлетном времени, т.е. ликвидации руководства противника до принятия им решения о нанесении ответно-встречного удара²⁸. На базе этих решений США начали модернизацию системы передового базирования в Европе. В 1974 г. последовало также заключение Оттавской декларации Франции и Великобритании об усилении их взаимодействия в ядерной сфере. С учетом особых отношений Лондона и Вашингтона в области ядерного планирования этот шаг означал усиление координации ядерного планирования Франции и США.

Действия США вызвали ответные шаги СССР. Еще 9 мая 1975 г. министр обороны А. А. Гречко заявил о необходимости укрепить «евростратегическое направление». В феврале 1977 г. на боевое дежурство были поставлены 300 РСД-10 «Пионер» (*SS-20*), каждая из которых имела три РГЧ ИН. Находясь в 5–10 минутах полета до целей в Западной Европе, они создавали угрозу нанесения контрэлитного удара по штаб-квартире НАТО в Брюсселе и всей европейской инфраструктуре альянса. Совет НАТО 12 декабря 1979 г. принял «двойное реше-

ние»: пробовать достичь договоренности с СССР по РСМД к 1983 г. и одновременно готовиться к размещению в Западной Европе начиная с 1983 г. американских РСД «*Pershing-II*».

Последующие события приобрели характер встречной эскалации. Женевские переговоры 1981–1983 гг. по РСМД не принесли результата. СССР отказался от предложенной администрацией Р. Рейгана (1981–1988) концепции глобального нуля: ликвидация советских РСД-10 и неразмещение американских РСД. Осенью 1983 г. в Западной Европе началось размещение 108 американских БРСД «*Pershing-II*» и крылатых ракет (КР) наземного базирования «*Tomahawk*». Находясь в 8–10 минутах подлета от Москвы, они создавали угрозу нанесения контрэлитного удара по СССР.

Дополнительным фактором обострения стали попытки милитаризации космоса. 23 марта 1983 г. президент Р. Рейган объявил о запуске программы Стратегической оборонной инициативы (*Strategic Initiative Defense — SDI*, СОИ). Она предусматривала создание полномасштабной системы ПРО космического базирования, способной перехватывать советские МБР и БРПЛ на активном участке траектории полета. Основной упор предполагалось сделать на «экзотические технологии» — боевые лазеры и электромагнитные ускорители частиц.

Международно-политический кризис 1983 г. стал результатом развития предшествующих тенденций²⁹. Инцидент с южнокорейским «Боингом» 1 сентября 1983 г. был воспринят советским правительством как попытка США прощупать надежность советской системы ПВО. 24 ноября 1983 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов заявил, что размещение РСД «Першинг-2» повышает опасность начала ядерной войны в Европе и необходимости принятия ответных мер: от выхода из Женевских переговоров по РСМД до размещения дополнительных РСД-20 и оперативно-тактических ракет ОТР-23 «Ока» (SS-23) в ГДР и Чехословакии. Советская система управления СЯС была приведена в режим «пятиминутной готовности к ядерной войне».

Итоги кризиса 1983 г. побудили руководство сверхдержав обновить правила взаимодействия в стратегической сфере. На похоронах Ю. В. Андропова (9–14 февраля 1984 г.) вице-президент США Дж. Буш и премьер-министр Великобритании М. Тэтчер обсудили эту проблему с Генеральным секретарем ЦК КПСС К. У. Черненко (1984–1985) и министром обороны Д. Ф. Устиновым. В феврале 1985 г. министр иностранных дел А. А. Громыко и госсекретарь Дж. Шульц возобновили в Женеве переговоры о разблокировке переговорного пакета РСМД—СОИ.

8.4. Третий цикл российско-американских отношений

Переход к нему (середина 1980-х — середина 2000-х годов) сопровождался новыми обстоятельствами. В мире осознавалось падение сдерживающей роли ядерных потенциалов, в том числе из-за разработки в середине 1980-х годов концепции ядерной зимы³⁰, поэтому появилось стремление отказаться от использования стратегических носителей ЯО поколения 1960-х годов.

Советско-американский диалог возобновился в середине 1980-х годов. На XXVII съезде КПСС (февраль 1986 г.) М. С. Горбачев заявил о невозможности достижения победы в ядерной войне. На встрече в Рейкьявике (Исландия) 12 октября 1986 г. советский лидер разблокировал переговорный пакет по СОИ и евроракетам. 7 декабря 1987 г. стороны подписали Вашингтонский договор о сокращении ракет средней и меньшей дальности, предусматривавший ликвидацию РСМД как класса вооружений. США также ликвидировали КР наземного базирования типа «Tomahawk», а СССР — оперативно-тактические ракеты ОТР-23 «Ока».

В конце 1980-х годов была согласована концепция стратегической стабильности (*strategic stability*). Долгое время СССР не соглашался принять американский вариант стратегической стабильности³¹. Но на встрече в Вайоминге (США) 22–23 сентября 1989 г. министр иностранных дел Э. А. Шеварднадзе и госсекретарь Дж. Бейкер выработали правила стратегического диалога:

- разделение переговоров по наступательным и оборонительным стратегическим вооружениям;
- допустимость условного зачета боеголовок для тяжелых бомбардировщиков, что создавало определенную диспропорцию в пользу США;
- ограничение забрасываемого веса МБР с РГЧ ИН (тяжелых МБР);
- исключение из переговоров КР морского и воздушного базирования.

Логика «вайомингского компромисса» была зафиксирована в Договоре СНВ-1 (31 июля 1991 г.). СЯС ограничивались лимитом в 6500 оперативно-развернутых боезарядов и 1600 носителей у каждой из сторон. Но на тяжелых МБР разрешалось иметь не более 1540 боезарядов, что вело к диспропорциональному сокращению советских тяжелых МБР. В договоре был также установлен принцип условного зачета боезарядов на тяжелых бомбардировщиках, в которых Вашингтон традиционно имел превосходство.

Вашингтон ждал от России уступок в стратегической сфере³². Еще 12 мая 1989 г. президент Дж. Буш-старший указал, что демократические реформы в СССР неотделимы от процесса сокращения стратегических вооружений. Договор СНВ-2 (3 января 1993 г.) предусматривал снижение их числа до 3500 боезарядов у каждой из сторон. Но условия СНВ-2 содержали ряд уступок в пользу США: принцип возвратного потенциала и приоритет сокращения тяжелых МБР³³. 23 сентября 1997 г. стороны подписали соглашение об остановке работы реакторов-накопителей оружейного плутония, который использовался в СССР как основной материал для производства ядерных боезарядов. (США чаще использовали природный уран благодаря союзническим отношениям с Канадой и Австралией.)

С середины 1990-х годов в США возродились проекты достижения стратегического превосходства. В «Обзоре ядерной политики США» (1994) было зафиксировано сохранение угрозы со стороны российских СЯС и контрсилевой системы нацеливания американских. 3 января 1995 г. министр обороны У. Перри провозгласил доктрину взаимно гарантированной безопасности (*mutually assured safety*). Вашингтон сохранял складированные в ходе реализации Договора СНВ-1 ядерные боезаряды на случай, если политика демократических реформ в России окажется неудачной, чтобы таким образом вернуться к лимитам СЯС 12 000–14 000 боезарядов. Американские эксперты полагали, что из-за экономической депрессии Москва не сможет поддерживать СЯС на уровне СНВ-1.

Согласно Закону о противоракетной обороне (*Missile Defense Act*) 1991 г., была свернута программа СОИ. В качестве приоритета было обозначено создание систем ПРО ТВД. В его рамках американские компании разработали проекты систем заатмосферного перехвата, способных поражать цели на границе космического и атмосферного пространств³⁴. В феврале 1995 г. Пентагон запустил программы «3+3» — создание компонентов для будущей стратегической ПРО. С января 1999 г. администрация У. Клинтона начала консультации с Россией о возможности ревизии Договора по ПРО³⁵.

Белый дом обсуждал также возможность разработки нового поколения ядерных боезарядов. Принятая конгрессом США 5 мая 1994 г. Резолюция Фурса—Спратта запрещала создание ЯО мощностью менее 5 кт. Но 24 июня 1995 г. Пентагон запустил программу повышения защищенности ядерных боеголовок на БРПЛ. В феврале 1996 г. президент У. Клинтон подписал Меморандум об арсенале ядерного оружия (*NWSM-96*), предусматривавший модернизацию американских ядер-

ных боезарядов до 2001 г. В рамках этих проектов обсуждались вопросы создания малых ядерных боезарядов типа *B-61-11* для поражения подземных высокозащищенных целей. Рассматривались и проекты «боеголовок будущего» *W-94* и *W-95*, которые теоретически могли быть созданы на основе «чистого термоядерного оружия».

Россия на протяжении 1990-х годов также снижала порог ядерного сдерживания. В «Основных направлениях Военной доктрины РФ» (ноябрь 1993 г.) было исключено обязательство СССР 1982 г. не применять ЯО первым. «Основные положения политики РФ в области ядерного сдерживания» (март 1999 г.) допускали возможность использования ЯО в критических для национальной безопасности ситуациях. Военная доктрина РФ (апрель 2000 г.) допускала возможность применения ЯО для отражения агрессии с применением как ядерных, так и обычных вооружений.

19 апреля 1996 г. российская сторона заявила, что готова подписать Договор о всеобъемлющем запрете ядерных испытаний только при условии неразмещения ЯО на территории новых членов НАТО. В «Основополагающий акт Россия—НАТО» (27 мая 1997 г.) было включено положение о том, что у альянса нет намерений размещать ЯО на территории присоединившихся к нему государств. 26 марта 1999 г. Россия в ответ на начало военной операции НАТО против Югославии выдвинула часть СЯС на боевые позиции. Наиболее резкое заявление президент Б. Н. Ельцин сделал в ответ на критику президентом У. Клинтонном российской контртеррористической операции в Чечне. 9 декабря 1999 г. Б. Н. Ельцин, находясь с официальным визитом в Пекине, напомнил, что Россия обладает всем современным ядерным арсеналом³⁶.

Российско-американское сближение начала 2000-х годов было вызвано прежде всего стремлением сохранить систему стратегической стабильности. На встрече в Кроуфорде (США) 12 ноября 2001 г. президент В. В. Путин (2000—2008) согласился с выходом Вашингтона из Договора по ПРО. В обмен президент Дж. Буш-младший (2001—2008) пошел на подписание 24 мая 2002 г. Договора сокращения стратегических наступательных потенциалов, предусматривавшего сокращение СЯС до 2200 оперативно-развернутых боезарядов у каждой из сторон. Одновременно с ним была подписана Московская декларация о стратегическом партнерстве в области борьбы с терроризмом. Соединенные Штаты обязались консультироваться Россией по всем вопросам развертывания системы ПРО.

Но администрация Дж. Буша-младшего ускорила реализацию клинтоновских стратегических проектов. В «Обзоре ядерной политики США» (2002) говорилось о переходе к новой структуре стратегической

триады: 1) ударные наступательные системы, ядерные и конвенциональные; 2) оборонительные системы: ПРО, ПВО и средства гражданской обороны и 3) обновленная инфраструктура с ориентацией на информационно-космические системы³⁷. 22 ноября 2003 г. конгресс США отменил Резолюцию Фурса—Спратта и санкционировал разработки малых и сверхмалых вариантов ЯО. Администрация Дж. Буша переоборудовала четыре АПЛ типа «Огайо» в носители КР и переоснастила МБР «Минитмен-3» боеголовками *W-87* с МБР *MX*, предназначенными для поражения высокозащищенных целей.

В 2002 г. был утвержден план создания стратегической ПРО³⁸. Он предусматривал развитие средств поражения баллистических целей на всех участках траектории полета, информационных систем наземного, морского, воздушного и космического базирования, разветвленной сети средств боевого управления и связи. С августа 2004 г. началась постановка на боевое дежурство стратегических перехватчиков *GBI* на Аляске и в Калифорнии и испытания воздушных лазеров авиационного базирования³⁹. «Национальная космическая политика» (2006) США предусматривала расширение космического компонента ПРО. 21 февраля 2008 г. Соединенные Штаты испытали противоракету *SM-3*, уничтожив свой спутник *USA-193*.

Действия Вашингтона побудили Россию начать модернизацию своих СЯС⁴⁰. В 2007 г. была разработана МБР РС-24 с РГЧ ИН. Возобновились производство тяжелых бомбардировщиков Ту-160 и началась модернизация бомбардировщиков Ту-95. Прошли модернизацию АПЛ класса «Дельфин» (включая замену БРПЛ на Р-29РМУ2 «Синева»), вступила в действие первая АПЛ «Юрий Долгорукий» класса «Борей». Вошли в строй новые станции РЛС в Ленинградской области в Краснодарском крае. Представители РВСН заявляли о возможности восстановления производства МБР железнодорожного базирования РС-24. 17 августа 2007 г. Россия возобновила прерванные в 1992 г. регулярные полеты стратегической авиации.

Под воздействием этих тенденций импульс к российско-американскому сближению иссяк. Попытку Вашингтона создать «второй позиционный район» ПРО в Великобритании и Гренландии российская сторона восприняла как нарушение Московской декларации 2002 г. (США уведомили Россию об этом 20 марта 2004 г. — за день до принятия решения о модернизации РЛС в Файлингдейлз-Мур и Туле.) На саммите в Братиславе 24 февраля 2005 г. президент В. В. Путин не согласился с предложением Дж. Буша-младшего включить в стратегический диалог проблемы контроля над расщепляющимися материалами.

В Мюнхенской речи 10 февраля 2007 г. президент В. В. Путин заявил, что российская сторона может ответить военными контрмерами на развертывание американских противоракет в Европе и продолжение расширения НАТО на Восток. 12 декабря 2007 г. Россия ввела мораторий на выполнение Договора об обычных вооруженных силах в Европе.

Кризис в российско-американских отношениях разразился из-за появившихся в начале 2007 г. проектов США развернуть третий позиционный район американской ПРО в Польше и Чехии. 7 июня 2007 г. президент В. В. Путин предложил Вашингтону отказаться от этого плана в обмен на совместное использование РЛС в Габале (Азербайджан) и Армавире (Россия). Но переговоры осенью 2007 г. не увенчались успехом. 26 октября 2007 г. В. В. Путин сравнил размещение элементов системы ПРО США в Европе с действиями СССР в период Карибского кризиса. Летом 2008 г. Соединенные Штаты подписали соглашения с Польшей и Чехией о развертывании компонентов ПРО на их территории.

Осложняющими обстоятельствами стали проблемы расширения НАТО и обострения российско-грузинских отношений. В 2004 г. президентом Грузии стал М. Саакашвили, выступавший за восстановление контроля Тбилиси над Абхазией и Южной Осетией. Это создавало противоречие для интересов России, которая выполняла миротворческие функции в Южной Осетии (с 1992 г.) и Абхазии (с 1994 г.). США с 2002 г. осуществляли поставки Грузии военной техники и обучение грузинских военнослужащих. На саммите НАТО в Бухаресте (5 апреля 2008 г.) вопрос о предоставлении Украине и Грузии индивидуальных «Планов действий по членству в НАТО» был отложен до декабря 2008 г. Но 10 июля 2008 г. госсекретарь США К. Райс посетила Тбилиси и заявила о необходимости решить до декабря проблему территориальной целостности страны. Грузинская сторона отказалась от компромиссного «плана Штайнмайера»: вхождение Грузии в НАТО без Абхазии и Южной Осетии.

«Пятидневная война» вокруг Южной Осетии (август 2008 г.) стала апогеем конфронтации середины 2000-х годов. К осени 2008 г. острота полемики между Москвой и Вашингтоном немного уменьшилась. Во время официальных и неформальных встреч российские и американские представители, как в 1963 и 1984 гг., сигналили друг другу о готовности к поиску компромисса. 18 декабря 2008 г. Совет НАТО на неопределенный срок отложил вопросы вступления Грузии и Украины в альянс и не одобрил развертывание третьего позиционного района ПРО. Окончательно от его развертывания отказался президент Б. Обама 17 сентября 2009 г. Главы России и США осознавали потреб-

ность обновить условия «вайомингского компромисса» как базовых правил стратегической стабильности.

8.5. Четвертый цикл российско-американских отношений

Он начался с обновления стратегических доктрин. В 2010 г. администрация Б. Обамы приняла стратегию минимального сдерживания (*minimal deterrence*)⁴¹, предусматривавшую перенацеливание части американских СЯС на ключевые объекты экономической инфраструктуры потенциальных противников. Новая стратегия предполагала радикальное сокращение российских и американских СЯС (в идеале на 75%) и широкое развитие систем ПРО. В Пражской речи 5 апреля 2009 г. президент США Б. Обама заявил о поддержке проекта безъядерного мира (*nuclear zero*) — глубоких сокращений СЯС, ликвидации ТЯО и установления международного контроля над ЗЯТЦ⁴². Важным этапом на этом пути должен стать переход к виртуальному сдерживанию (*virtual deterrence*) — состоянию, когда ЯО полностью снято с оперативно-развернутых носителей⁴³.

Согласно Военной доктрине России (февраль 2010 г.)⁴⁴ Москва оставляет за собой право использовать ЯО в ответ на применение против нее и/или ее союзников ОМП и в случае агрессии с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено существование государства. Среди приоритетных угроз в документе названы создание и развертывание систем стратегической ПРО, милитаризация космического пространства, развитие неядерного высокоточного оружия, распространение ОМП и ракетных технологий.

Политика «перезагрузки» (*reset*), провозглашенная в феврале 2009 г. вице-президентом США Дж. Байденом, предполагает в первую очередь возрождение диалога по контролю над вооружениями. В декабре 2009 г. истек срок действия Договора СНВ-1. Но в ходе начавшихся 24 апреля 2009 г. переговоров по новому СНВ Россия стала настаивать на пересмотре «вайомингского компромисса» 1989 г. Выступая в Хельсинки (20 апреля 2009 г.) и Амстердаме (20 июня 2009 г.) президент Д. А. Медведев выдвинул новые условия ведения переговоров по СНВ: 1) введение лимитов на комплексы стратегической ПРО, 2) отказ от милитаризации космоса, 3) зачет ударных высокоточных систем и 4) отказ от принципа возвратного потенциала. Но Соединенные Штаты были не готовы радикально пересмотреть «вайомингский компромисс». Поэтому подписанный на саммите в Праге (8 апреля 2010 г.) Договор СНВ-3 (Пражский договор) не только предусматривал снижение потолков

СЯС до 1550 блоков у каждой из сторон, но и фиксировал новые правила стратегического диалога:

- сохранение права России и США на возвратный потенциал;
- учет проблемы ПРО в структуре стратегического баланса;
- невключение в переговорный процесс неядерного высокоточного оружия;
- отсутствие лимитов на РГЧ ИН;
- отказ от приоритетности переговоров по сокращению тяжелых МБР;
- ослабление системы взаимных инспекций.

Последующие события расширили параметры «пражского компромисса»⁴⁵. 24 декабря 2010 г. конгресс США ратифицировал СНВ-3 при условии отсутствия ограничений на развертывание систем ПРО, модернизации американского ядерного потенциала и начала переговоров с Россией по сокращению ТЯО. 26 января 2011 г. Федеральное собрание РФ ратифицировало СНВ-3 с тремя оговорками: развитие ядерного комплекса страны, учет фактора ПРО и начало переговоров о выводе американского ТЯО из Европы. Российская сторона оставила за собой право выйти из договора в случае резкого наращивания стратегической ПРО. 5 февраля 2011 г. стороны обменялись ратификационными грамотами по Договору СНВ-3.

Важным актом стало подключение к стратегическому диалогу союзников США⁴⁶. Британский ядерный арсенал с 1962 г. входит в американскую систему ядерного планирования. Весной—летом 2010 г. российские эксперты высказывали опасения, что нерешенность «британской проблемы» может стать одним из препятствий при ратификации договора Москвой. В июле 2010 г. МИД России предложил США учесть фактор Великобритании в рамках СНВ-3, например, через подписание дополнительного соглашения о ненаращивании британского ядерного арсенала. Администрация Б. Обамы от этого варианта отказалась. Зимой 2011 г. в СМИ появились сообщения, что стороны достигли компромисса по британской проблеме⁴⁷.

Другой новацией стали попытки включить в переговорный процесс проблематику ТЯО⁴⁸. В феврале 2010 г. министры иностранных дел Польши Р. Сикорский и Швеции К. Бильдт призвали Соединенные Штаты сократить ТЯО в Европе, а Россию — вывести его из пограничных районов со странами ЕС. В «Обзоре ядерной политики США» (2010) говорилось о поддержке инициативы Бильдта—Сикорского⁴⁹. 24 декабря 2010 г. конгресс США ратифицировал СНВ-3 на условиях обязательного начала переговоров с Россией по ТЯО.

Но для Москвы ТЯО остается на обозримую перспективу средством компенсации превосходства НАТО в обычных вооружениях. 24 декабря 2010 г. министр иностранных дел РФ С. В. Лавров выдвинул четыре условия начала переговоров по ТЯО: выполнение Договора СНВ-3, решение проблемы ЕвроПРО, восстановление контроля над обычными вооружениями в Европе и предотвращение милитаризации космоса. 1 марта 2011 г. С. В. Лавров отметил, что сокращение ТЯО должно начаться с его вывода на территорию страны, которой оно принадлежит. Дополнительные трудности могут создать попытки США привлечь к переговорам КНР⁵⁰.

Менее успешным был диалог по проблемам европейской безопасности. В Берлинской речи 5 июня 2008 г. президент РФ Д. А. Медведев призвал страны НАТО, ЕС и СНГ заключить Договор о европейской безопасности (ДЕБ). 29 ноября 2009 г. МИД России представил его проект, предусматривавший отказ от разрешения спорных вопросов силой и обязательные консультации на случай военно-политических кризисов⁵¹. В начале 2010 г. США при поддержке Великобритании и Польши отказались от проекта ДЕБ из-за опасений ослабить американские гарантии безопасности союзникам по НАТО. Новой формой диалога стала запущенная 5 декабря 2009 г. Евроатлантическая инициатива безопасности. Изначально она представляла собой негосударственный проект Фонда Карнеги, но накануне Таллинского саммита НАТО ее поддержал российский МИД.

Но к середине 2010 г. в политике «перезагрузки» наметились проблемы. 6 апреля 2010 г. министр иностранных дел России С. В. Лавров заявил, что Пражский договор будет заключен в рамках стратегических оборонительных вооружений⁵². В ответ 13 мая 2010 г. министр обороны США Р. Гейтс подчеркнул, что Пражский договор не мешает Вашингтону разрабатывать системы ПРО. Разночтение по формулировке о взаимосвязи СНВ/ПРО грозило трудностями при выполнении СНВ-3.

Накануне Вашингтонской встречи президентов Б. Обамы и Д. А. Медведева (24 июня 2010 г.) МИД России выдвинул проект дополнительного протокола к СНВ-3⁵³, который определит число перехватчиков и районы их базирования. Но подписать соглашение по ПРО на Вашингтонском саммите не удалось. Стороны ограничились совместным заявлением о стратегической стабильности⁵⁴, повторявшим заявление президентов Б. Н. Ельцина и У. Клинтона от 2 сентября 1998 г. 25 июня 2010 г. заместитель госсекретаря США Р. Гетемюллер указала, что Белый дом готов подписать с Россией только декларацию о сотрудничестве в сфере ПРО ТВД⁵⁵. В июле 2010 г. США разместили

в Польше комплексы ПРО ТВД «Пэтриот» и начали переговоры об их размещении с Румынией.

На Лиссабонском саммите НАТО 20 ноября 2010 г. президент РФ Д. А. Медведев предложил создать совместную «секторальную ПРО»⁵⁶. В рамках этого проекта Россия и страны НАТО должны прикрывать друг друга в рамках ответственности своего сектора. Но переговоры на саммите «Группы восьми» в Довиле (26–27 мая 2011 г.) и заседании Совета Россия—НАТО в Сочи (4 июля 2011 г.) не завершились успехом. Формальной причина срывов переговоров по ПРО лета—осени 2011 г. стал отказ США предоставить письменные гарантии ненаправленности системы ПРО против РФ. Поиск компромисса накануне саммита НАТО в Чикаго (май 2012 г.) не завершился успехом.

Политика «перезагрузки» может начать развиваться по логике предшествующих циклов. Определение новых правил стратегического взаимодействия (которое, возможно, продлится еще 2–3 года) сменяется ростом трудностей в переговорном процессе⁵⁷.

Во-первых, Россия и США подошли к критическим потолкам сокращения СЯС — до 1550 оперативно-развернутых боезарядов у каждой из сторон. Дальнейшее снижение потолков (ниже 1000 боезарядов) делает возможным нанесение разоружающего удара по стратегическим силам одной из сторон.

Во-вторых, за минувшие двадцать лет стороны обновляли свои СЯС намного медленнее, чем в 1970-х и 1980-х годах. Потенциал для вывода из строя ядерных систем окажется намного меньше, чем это было до 2009 г.

В-третьих, сужаются возможности для достижения компромисса по ПРО. Вашингтон выделяет значительные средства на реализацию этого проекта, а американский бизнес получает крупные военные заказы. Американцы не видят, на какую уступку Москвы они могли бы разменять возможное соглашение по ПРО.

Запас прочности отношений России и США в стратегической сфере истощается. Возникает задача сохранить стратегический диалог в условиях изменения материально-технической основы системы ядерного сдерживания.

Циклический характер российско-американских отношений обусловлен системой взаимного ядерного сдерживания. В его основе лежат потребность согласовать действия СССР/России и США в период обновления стратегических потенциалов и/или вывода из строя носителей ЯО. По исчерпанию этой повестки элиты обеих стран пыта-

лись совершить прорыв в области стратегических вооружений. Итогом были кризисы 1962, 1983 и 2008 гг. Кризисы побуждали стороны начинать новый тур переговоров о модернизации правил стратегического взаимодействия.

После Второй мировой войны СССР/Россия и США прошли три цикла, которые завершились крупным военно-политическим кризисом 1962, 1983 и 2008 гг. В рамках начавшейся с 2009 г. политике «Перезагрузки» Москва и Вашингтон вырабатывают правила стратегического взаимодействия в новых условиях. Но основная задача «перезагрузки» — восстановить систему контроля над вооружениями — выполнена. На очереди может оказаться очередной виток обновления стратегических потенциалов.

Примечания

¹ См., например: *Караганов С. А.* Вперед от «Перезагрузки» // Российская газета. 2011. 17 февраля; *Богатуров А. Д.* Кризис как инструмент дипломатии // НГ-Дипкурьер. 2010. 27 декабря.

См. также нашу статью: *Фененко А. В.* После перезагрузки // НГ-Дипкурьер. 2011. 17 января.

² Что тебе снится, крейсер «Монтерей»? Интервью главы МИД РФ Сергея Лаврова // Российская газета. 2011. 11 июля. С. 1, 3.

³ См., например: *Конец перезагрузки? Как изменится внешняя политика РФ при Путине* // Аргументы и факты. 21 марта 2012. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.aif.ru/society/article/50487>; *Kyl John.* Missile Defense Is Self-Defense // The Wall Street Journal. 2012. 14 May. URL: http://online.wsj.com/article/SB10001424052702304070304577398102608414864.html?mod=googlenews_wsj.

⁴ См.: *Шлезингер А. М.* Циклы американской истории. М.: Издательская группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992; *Schlesinger A. M.* War and the American Presidency. N.Y.; L.: W.W. Norton & Company, 2004.

⁵ *Хаусхофер К.* О геополитике. М.: Мысль, 2001; *Шумтг К.* Левиафан в учении Томаса Гоббса. М.: Издательство «Владимир Даль», 2006.

⁶ См.: *Kearns G.* Geopolitics and Empire: The Legacy of Halford Mackinder (Oxford Geographical and Environmental Studies). Oxford: Oxford University Press, 2009; *Bluet B.* Global Geostrategy: Mackinder and the Defence of the West (Geopolitical Theory). L.: Frank Cass, 2005; *Goefrey P.* Geopolitics. Past, Present and Future. L.: Washington: Macmillan, 1998. Радикальный вариант подобных концепций см.: *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 2005; *Дугин А. Г.* Геополитика постмодерна, СПб., 2007.

⁷ Наиболее полно теория геополитического циклизма российско-американских отношений сформулирована в: *Цымбурский В. Л.* Остров России: геополитические и хронополитические работы 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007.

⁸ См., например: *Тренин Д. В.* Одиночное плавание. М.: Изд-во Р. Эленина, 2009; *Кулагин В. М.* Россия—США. «Кое-что начинает получаться» // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991—2002. М.: РОССПЭН, 2002. Т. 1. С. 172—180; *Кременюк В. А.* Россия вне мирового общества // Международные процессы. 2006. Сентябрь—декабрь. Т. 4. № 3 (12).

⁹ *Тэлботт С.* Какая Россия нужна Америке? // Независимая газета. 1997. 11 декабря; *Коэн С.* Провал крестового похода: США и трагедия посткоммунистической России / Пер. с англ. М.: 2001; Michael McFaul. Realistic Engagement: A New Approach to American-Russian Relations // Current History. October 2001. *Sestanovich S.* What Has Moscow Done? Rebuilding U.S.-Russian // Foreign Affairs. November/December 2008. URL: <http://www.foreignaffairs.org/20081001/faessay87602/>. Анализ восприятия России американскими экспертами в зависимости от характера российской политической системы см.: *Шаклеина Т. А.* Россия и США в новом мировом порядке. Дискуссии в политико-академических сообществах России и США (1991—2002). М.: Ин-т США и Канады РАН, 2002.

¹⁰ Стратегическая триада — три вида носителей стратегического ядерного оружия: межконтинентальные баллистические ракеты, баллистические ракеты на подводных лодках, тяжелые бомбардировщики. В окончательном виде стратегическая триада сложилась к концу 1950-х годов.

¹¹ Подробный анализ этой проблемы см.: *Веселов В. А., Лисс А. В.* Ядерное сдерживание. М.: МАКС Пресс, 2005. С. 31—33.

¹² *Печатнов В. О., Маныкин А. С.* История внешней политики США. М.: Международные отношения, 2012. С. 273.

¹³ Анализ проблем международного контроля над ЗЯТЦ см.: *Фененко А. В.* Проблема ядерного разоружения в мировой политике // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2009. № 1. С. 63—86.

¹⁴ *Brodie B.* The Absolute Weapon: Atomic Power and World Order (editor and contributor). Harcourt, 1946; *Wohlstetter A., Hoffman F., Lutz R. J., Rowen H. S.* Selection and the Use of Strategic Air Bases. A report prepared for United States Air Force Project RAND, R-266. Santa Monica, CA: RAND Corporation, April 1954. URL: <http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/reports/2006/R266.pdf>.

¹⁵ Здесь и далее реконструкция советской ядерной стратегии осуществлена на основе следующих работ: *Арбатов А. Г.* Безопасность: Российский выбор. М.: ЕПИцентр, 1999; *Kokoshin A.* Soviet Strategic Thought, 1917—91. Cambridge (Mass.); L.: CSIA Studies in International Security, 1998; *Trenin D.* The soviet conceptions of nuclear war. Weimar, 1992.

¹⁶ Подробно эту стратегическую новацию см.: *Brodie B.* Strategy in the Missile Age. Princeton: Princeton University Press, 1959.

¹⁷ Цит. по: *Стародубов В. П.* Супердержавы XX века. Стратегическое противоборство. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 132.

¹⁸ A Report to the National Security Council by the Executive Secretary on Basic National Security Policy. Washington, NSC 162/2. 30 November 1953. Federation of American scientist. URL: <http://www.fas.org/irp/offdocs/nsc-hst/nsc-162-2.pdf>.

¹⁹ Подробнее см.: *Стародубов В. П.* Супердержавы XX века. Стратегическое противоборство. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 144.

²⁰ Попытку анализа этой системы с новых позиций см.: *Getting MAD: Nuclear Mutual Assured Destruction, Its Origins and Practice. Its Origins and Practice / Ed. by H. D. Sokolski.* Strategic Studies Institute, November 2004. P. 15–50.

²¹ О политике США и отчасти СССР на этом направлении см.: *Арбатов А. Г.* Военно-стратегический паритет и политика США. М.: Политиздат, 1984.

²² *Косошин А. А.* Армия и политика. М.: Международные отношения, 1995. С. 148–150.

²³ По американской терминологии они обозначались как *MIRV (multiple independently targeted recycle warheads)*.

²⁴ Подробнее см.: *Косолапов Н. А., Андреева Т. А.* Ядерное сдерживание в условиях глобализации (политико-психологические аспекты проблемы) // Национальная безопасность. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.nationalsecurity.ru/library/00028/00028nuclear3.htm>.

²⁵ В 1974 г. их количество было сокращено до одного района: Москва у СССР и база МБР Гранд-Форкс в Северной Дакоте у США.

²⁶ См.: *Garthoff R. L.* Detente and Confrontation: American-Soviet Relations from Nixon to Reagan. Washington: Brookings Institution Press, 1985.

²⁷ Эксперты полагали, что главной причиной провала ОСВ-2 было недовольство конгресса растущим превосходством Советского Союза в РГЧ ИН. См., например: *Ritter S.* Dangerous Ground. America's Failed Arms Control Policy, from FDR to Obama. N.Y.: Mation Books, 2010. P. 240–245.

²⁸ Подробный анализ возникновения этой концепции см.: *Klark I.* Limited Nuclear War. Oxford, 1980.

²⁹ Анализ этого кризиса см.: *Ritter S.* Dangerous Ground. America's Failed Arms Control Policy from FDR to Obama. N.Y.: Nation Books, 2010. P. 266–280.

³⁰ Анализ этой проблемы см.: *Косолапов Н. А.* Пороговый уровень и вероятность конфликта США с Россией // Международные процессы. 2008. Сентябрь—декабрь. Т. 6. № 3 (18).

³¹ *Савельев А. С.* Стратегические отношения России и США // Международные жизнь. 2008. № 11. С. 33–45.

³² *Goldgeier J. M., McFaul M.* Power and Purpose: U.S. Policy toward Russia after the Cold War. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2003.

³³ Соединенные Штаты должны были преобразовать в моноблочные 500 МБР «Минитмен-3», снять с вооружения 50 МБР МХ с РГЧ ИН и 450 МБР «Минитмен-2». Россия должна была полностью ликвидировать тяжелые МБР Р-36М, около 400 ракет УР-100, РТ-2П и МР-УР-100, а также преобразовать в моноблочные МБР УР-100 Н.

³⁴ Наиболее известным из них стал проект *ТНААД*.

³⁵ *Тэлботт С.* Бил и Борис. Записки о президентской дипломатии / Пер. с англ. М.: Издательский дом «Город», 2003. С. 442–467.

³⁶ Б. Н. Ельцин заявил: «Билл Клинтон вчера позволил себе надавить на Россию. Он, видимо, на секунду, на минуту, на полминуты забыл, что такое

Россия, что Россия владеет полным арсеналом ядерного оружия, и поэтому решил поиграть мускулами». См.: *Горностаев Д.* Ельцин напомнил Клинтону и миру — Россия остается ядерной державой // Независимая газета. 1999. 10 декабря.

³⁷ Nuclear Posture Review Report. January 2002. URL: <http://www.globalsecurity.org>.

³⁸ President Announces Progress in Missile Defense Capabilities. URL: <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2002/12/20021217.html>.

³⁹ Подробный анализ противоракетных планов США см.: *Есин В. И.* Проблема ПРО в глобальной политике // Международные процессы. 2009. Май—август. Т. 7. № 2 (20).

⁴⁰ Ежегодник СИПРИ-2008. Вооружения, разоружение и международная безопасность / Пер. с англ. М.: ИМЭМО РАН, 2009. С. 427—436 [Ezhegodnik SIPRI-2008. Vooruzhenija, razoruzhenie i mezhdunarodnja bezopasnost' / Per. s angl. М.: ИМЭМО РАН, 2009. Р. 427—436].

⁴¹ Nuclear Posture Review Report. NPR. April 2010. Department of Defense. USA. Washington D.C., 2010.

⁴² Remarks by President Barack Obama. Prague, Czech Republic. 2009. 5 April. URL: http://www.whitehouse.gov/the_press_office/Remarks-By-President-Barack-Obama-In-Prague-As-Delivered.

⁴³ См.: *Cortright D., Vayrynen R.* Towards Nuclear Zero. L.: International Institute for Strategic Studies — Arundel House, 2010. Р. 148—150.

⁴⁴ Военная доктрина Российской Федерации. 5 февраля 2010 // Российская газета. 2010. 10 февраля [The Military Strategy of Russian Federation // Rossiiskaya gazeta. 2010. February 10].

⁴⁵ Подробнее о ратификации СНВ-3 см.: *Рябков С.* Россия и Америка: вопросы СНВ-3, ПРО, афганского наркотрафика и не только... // Международная жизнь. 2011. № 1. С. 2—13.

⁴⁶ *Robles J., Krylova E.* Sergei Lavrov gives his summary of 2010. Jan 14, 2011 10:02 Moscow Time. URL: http://english.ruvr.ru/radio_broadcast/25369469/39969111.html.

⁴⁷ См.: WikiLeaks cables: US agrees to tell Russia Britain's nuclear secrets // The Telegraph. 2011. 4 February. URL: <http://www.telegraph.co.uk> 1.

⁴⁸ См.: *Арбатов А. Г., Дворкин В. З., Ознобищев С. К., Пикаев А. А.* Отношения России и НАТО (Перспективы новой архитектуры безопасности, сокращение ядерных потенциалов, ДОВСЕ). М.: ИМЭМО РАН, 2010. С. 30—42.

⁴⁹ Nuclear Posture Review Report. NPR. April 2010. Department of Defense. USA. Washington D.C., 2010. Р. X—XI.

⁵⁰ Анализ этих проблем см.: *Micah Zenko.* Toward Deeper Reductions in U.S. and Russian Nuclear Weapons. Council on Foreign Relations. Special Report No 57. November 2010.

⁵¹ Проект Договора о европейской безопасности. 29 ноября 2009 [European Security Treaty Draft]. URL: <http://kremlin.ru/news/6152>.

⁵² Стенограмма выступления и ответов Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на вопросы СМИ в ходе пресс-конференции в связи с предсто-

шим подписанием Договора между Россией и США о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений. Москва, 6 апреля 2010 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mid.ru>.

⁵³ *Лавров С. В.* Новый договор СНВ в матрице глобальной безопасности // *Международная жизнь*. 2010. № 7.

⁵⁴ Совместное заявление президентов Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки о стратегической стабильности. Вашингтон. 24 июня 2010. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru>.

⁵⁵ *Гетемюллер Р., Тренин Д.* Новый Договор СНВ: что дальше? Цели дальнейшего сотрудничества в сфере контроля над вооружениями и безопасности. Московский центр Карнеги, 2010. 25 июня. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.carnegie.ru>. Анализ переговоров по ПРО 2010 г. см. в нашей статье: *Богатуров А. Д., Фененко А. В.* Посткризисные тренды в мировой политике // *Свободная мысль*. 2011. № 2. С. 119–134.

⁵⁶ Совместное заявление Совета Россия—НАТО. 20 ноября 2010 года [Joint Statement by Russia-NATO Council. 20.11.2010]. URL: <http://www.kremlin.ru>.

⁵⁷ *Перспективы трансформации ядерного сдерживания* / Под ред. А. Арбатова, В. Дворкина, С. Ознобищева. М.: ИМЭМО РАН, 2011.

Проблема стратегической стабильности в российско-американских отношениях

В современной ядерной политике России особое место занимает концепция стратегической стабильности. Сама по себе «стратегическая стабильность» — абстрактная модель (или, если использовать терминологию немецкого социолога Макса Вебера, идеальный конструкт) определенной системы взаимодействия ядерных держав. Однако на протяжении последних двадцати лет российское руководство использует его в практической деятельности. *Во-первых*, ядерная доктрина России ориентирует развитие стратегических ядерных сил на обеспечение системы стратегической стабильности. *Во-вторых*, с середины 1980-х годов СССР, а потом Российская Федерация выстраивает стратегический диалог с Вашингтоном на основе этой концепции. *В-третьих*, действия других ядерных держав российская сторона оценивает сквозь призму сохранения или подрыва данной системы. В ядерной политике принцип стратегической стабильности выступает, таким образом, как оценка вероятности возникновения ядерной войны при существующем соотношении и структуре ядерных возможностей.

9.1. Понятие «стратегической стабильности» в российской военно-политической теории

В российской и американской традиции понятие «стратегическая стабильность» имеет разный смысл. Для российских экспертов стратегическая стабильность традиционно была набором условий, снижающих риск начала ядерной войны, для американцев — совокупностью параметров развития СЯС. На протяжении последних двадцати лет российские ученые с разной степенью успешности адаптировали американскую концепцию «стратегической стабильности» к российским условиям.

Истоки теории стратегической стабильности были заложены в Соединенных Штатах в 1960-х годах. Администрация Линдона Джонсона (1963—1968) начинала стратегический диалог с Советским Союзом и с этой целью стремилась оценить соотношение советского и американского ядерных потенциалов. В 1968—1969 гг. исследовательская

группа во главе с американским экспертом Мортонем Гальперином исследовала долгосрочные перспективы развития всего стратегического баланса между сверхдержавами. Основными компонентами анализа выступали численность и состав стратегической триады, количество боеголовок и обеспеченность боеголовок средствами доставки. Вывод группы оказался пессимистическим: никакая из имеющихся американских структурных программ не способна вернуть США военно-стратегического превосходства 1950-х годов. Этот результат был принят в 1969 г. помощником президента США по национальной безопасности Г. Киссинджером. Его внешнеполитическая концепция заключалась в признании 1) неизбежности ракетно-ядерного паритета сторон и 2) необходимости заключения «страховочных» соглашений между Москвой и Вашингтоном.

Окончательно концепция стратегической стабильности была разработана экспертом в области контроля над вооружениями П. Нитце. В 1976 г. под его руководством коллектив американских исследователей составил меморандум для администрации Джеральда Форда (1974–1976)¹. Документ констатировал растущее превосходство советских СЯС, которое создавало для США «окно уязвимости». Он содержал жесткую критику политики администрации Дж. Форда, которая, по мнению П. Нитце, допустила появление «окна уязвимости» у США. Критика была примечательной в том плане, что авторы документа «группы В» получили большое влияние при республиканской администрации Р. Рейгана. Группа Нитце указывала, что принятые на вооружение в СССР *SS-18 (РС-20)*, включая модификации) и *SS-19 (РС-18А)* имели соответственно трех- и семикратное превосходство над самой мощной американской МБР «*Minuteman-III*» по забрасываемому весу. Советский Союз получал, таким образом, гипотетический потенциал для нанесения контрсилового удара по американским СЯС. Для закрытия «окна уязвимости» группа Нитце советовала принять ряд контрмер:

- сделать приоритетом на переговорах с Советским Союзом проблему сокращения МБР с РГЧ ИН («тяжелых МБР») как дестабилизирующего вида вооружений;
- увеличить контрсилового потенциал американских БРПЛ и ТБ;
- повысить точность попадания ядерных боезарядов и их способность поражать высокозащищенные цели;
- увеличить парк крылатых ракет в ядерном оснащении, оснащенных лазерными, инфракрасными и телевизионными системами наведения на цели.

Американская концепция «стратегической стабильности» предусматривала условное деление стратегических наступательных во-

оружений на средства первого и средства ответного удара². К первой категории «дестабилизирующих» вооружений были отнесены МБР стационарного наземного базирования с РГЧ ИН, ко второй — тяжелые бомбардировщики и БРПЛ, неспособные поражать высокозащищенные цели*. Такое разделение было разработано в 1962 г. министром обороны США Р. Макнамарой. При администрации Р. Рейгана такой подход утвердился в американском экспертном сообществе и с тех пор не претерпел существенных изменений³.

В Советском Союзе до середины 1980-х годов концепция стратегической стабильности критиковалась как «буржуазная». Советские эксперты видели в ней попытку США добиться превосходства на переговорах по ограничению и сокращению стратегических вооружений⁴. Альтернативой считалось «военно-стратегическое равновесие» (понятие, принятое на XXVI съезде КПСС 1981 г.), включавшее три компонента: отсутствие намерения использовать ЯО, потенциала для нанесения разоружающего удара и условий для несанкционированного применения ЯО⁵. Такая концепция в некоторых вопросах совпадала с американской «стратегической стабильностью», прежде всего — в необходимости снижения контрсиловых потенциалов СЯС. Но, в отличие от концепции П. Нитце, Советский Союз не выдвигал жестких военно-технических параметров стабильности: речь шла, скорее, о создании набора политических условий, в которых будет снижен риск применения ЯО.

В советском руководстве не было единства относительно механизмов обеспечения военно-стратегического равновесия. На рубеже 1970—1980-х годов между министром обороны Д. Ф. Устиновым и начальником Генерального штаба ВС Н. В. Огарковым развернулась о полемика, предполагает ли поддержание военно-стратегического равновесия обязательное сохранение симметричного равенства сторон⁶. Н. В. Огарков выступал против количественного равенства с США по ядерным боезарядом: по его мнению, было достаточно иметь такое количество ядерных боезарядов, которое позволит выдержать упрежда-

*Не все американские эксперты соглашались с логикой П. Нитце. Критики возражали ему, указывая, что, хотя каждая ракета СССР в отдельности мощнее американской аналогичного типа, по совокупности забрасываемого веса американские СЯС превосходят советские. СССР отставал от США в технологиях точного наведения, уступал боевой мощи подводного флота и средствам противолодочной борьбы. Но логика П. Нитце была основана на преобладании в структуре советских СЯС наземной группировки стационарных МБР. Американские эксперты считали, что этот тип МБР уязвим для контрсилового удара США. Следовательно, СССР, поддерживая такую группировку, ориентировался на сценарий нанесения контрсилового удара по американским СЯС. Это обеспечило популярность идей П. Нитце в американском истеблишменте 1970—1980-х годов. См.: *Ritter S. Dangerous Ground. America's Failed Arms Control Policy, from FDR to Obama*. N.Y.: Mation Books, 2010. P. 215—245.

ющий удар и нанести «неприемлемый ущерб». Д. Ф. Устинов, напротив, настаивал на сохранении ракетно-ядерного паритета с США. Он обращал внимание на тот факт, что в структуре советских СЯС преобладали стационарные МБР, потенциально уязвимые для контрсилового удара⁷. Отставка в 1984 г. Н. В. Огаркова означала выбор советского руководства в пользу сохранения ракетно-ядерного паритета с США по количеству боезарядов и носителей.

Различия в понимании «стратегической стабильности» и «военно-стратегического равновесия» были не случайными. За ними стояли традиционные противоречия США и СССР в области контроля над вооружениями, появившиеся еще в середине 1960-х годов. Соединенные Штаты делали упор на принципе равной безопасности (*equal security*), которая требовала одинакового ограничения и сокращения стратегических вооружений для обеих сторон, Советский Союз руководствовался принципом одинаковой безопасности. В его основе лежал тезис об изначальном превосходстве стратегических возможностей США над СССР из-за наличия у Вашингтона ядерных союзников (Великобритания и Франция), систем передового базирования в Европе и Восточной Азии (*Forward Based System*). Советские средства средней и меньшей дальности не достигали территории США (кроме Аляски), в то время как американские могли поражать стратегические цели на нашей территории. Поэтому руководство СССР добивалось от Вашингтона сокращения большего количества ядерных вооружений.

Поворот советских исследователей к теории стратегической стабильности произошел в период дискуссий вокруг американской программы Стратегической оборонной инициативы середины 1980-х годов. По свидетельству Г. А. Арбатова, немолодое поколение лидеров не до конца понимало, чего хочет администрация Р. Рейгана, и стало рассматривать программу СОИ как опасность для СССР⁸. При Ю. В. Андропове (1982–1984) советские эксперты начали изучать влияние милитаризации космоса на стратегическую стабильность. В период «перестройки» появились открытые работы Е. П. Велихова, Р. З. Сагдеева, А. А. Кокошина о дестабилизирующей роли военно-космических систем⁹. В литературе военно-политического профиля утвердился тезис о взаимосвязи стратегических наступательных и оборонительных вооружений. Примерно с 1987 г. советские исследователи стали использовать термин «стратегическая стабильность»¹⁰.

И все же при М. С. Горбачеве (1985–1991) руководство разделяло два взаимосвязанных понятия: «стратегическая стабильность» и «ядерное сдерживание». Первое было принято при подписании Договора

РСМД 7 декабря 1987 г., второе по-прежнему критиковалось как «буржуазная концепция». Вместо него в документе «О военной доктрине государств—участниц Варшавского договора» (май 1987 г.) был использован термин «предотвращение войны»¹¹. «Ядерное сдерживание является источником напряженности, поскольку оно неизбежно воспроизводит всю совокупность конфронтационных межгосударственных отношений», — заявил 3 октября 1989 г. министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе¹². Окончательно термин «стратегическая стабильность» закрепился в официальном лексиконе только в 1988—1989 гг.

В современной российской литературе можно выделить три подхода к проблеме стратегической стабильности. Первый представлен в работах академика Ю. А. Трутнева¹³, рассматривающего это понятие с *военно-технической точки зрения*. Стратегическая стабильность вступает как результат наличия у как минимум двух ядерных держав необходимого объема средств для политики ядерного сдерживания. Его убедительность определяется тремя параметрами:

- совокупной мощностью ядерных боеприпасов, достаточной для нанесения неприемлемого ущерба потенциальному противнику;
- совокупной живучестью средств ответного удара по отношению к средствам удара противника;
- совокупной степенью выживаемости средств ответного удара по отношению к средствам ПРО противника.

Правда, Ю. А. Трутнев подчеркивал, что реальность сложнее моделей. Необходимо заранее определить, что понимает противник под неприемлемым ущербом в широкомасштабном конфликте*. Последнее

* Противники концепции заданного ущерба утверждают, что агрессор не обязательно прекратит военные действия после поражения на его территории нескольких крупных городов или промышленных объектов. Они чаще всего ссылаются при этом на выступление министра пропаганды Германии Й. Геббельса 18 февраля 1943 г. После капитуляции 6-й германской армии в Сталинграде он заявил: «Я спрашиваю вас: хотите ли вы тотальную войну? Если потребуется, хотите ли вы более тотальную и радикальную войну, чем вы вообще можете сегодня представить?» Заявление было встречено бурными аплодисментами (см.: *Геббельс Й.* Речь о тотальной войне. Речь, произнесенная в берлинском Дворце спорта 18 февраля 1943 года // Эл. ресурс: Библиотека Питера Хебрука. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://hedrook.vho.org/library/goebbels4.htm>). На это сторонники концепции заданного ущерба (например, бывший начальник Главного штаба РВСН В. И. Есин) указывают, что в современном мире трудно найти таких политиков, как Й. Геббельс, предпочитающих гибель компромиссу (см.: *Есин В. И.* «Надо исходить не только из виртуальных возможностей...» // *Международные процессы*. 2011. Сентябрь—декабрь. Т. 9. № 3 (27). С. 118—128).

зависит от конкретной военно-политической ситуации: остроты кризиса, масштаба угрозы основным национальным интересам, наличия альтернативных возможностей. Немалую роль играют политико-психологические характеристики лидеров и их ближайшего окружения.

Второй подход — «стратегическая стабильность» как *результат комбинации военно-технических и политических условий*. Он представлен прежде всего в работах А. А. Кокошина. По его мнению, в основе стратегической стабильности «лежит неспособность каждой из сторон нанести такой упреждающий удар (или удар в назначаемое время), который вывел бы из строя если не все, то подавляющую часть ядерных сил и средств другой стороны, которые могут быть использованы в ответном ударе возмездия»¹⁴. Для поддержания стратегической стабильности важно, чтобы ни одна из сторон не рассматривала тотальную или ограниченную ядерную войну в классических (по Карлу фон Клаузевицу) категориях победы и поражения. Основными угрозами стратегической стабильности, по мнению А.А. Кокошина, выступают:

- 1) опасность вывода из строя наземных и космических компонентов системы предупреждения о ракетном нападении, системы контроля космического пространства, космических средств (спутников, связи, навигации, разведки и целеуказания);
- 2) способность страны-агрессора прикрыться от ответного удара с помощью систем ПРО;
- 3) развитие систем, повышающих боевую устойчивость СЯС, за счет перебазирования МБР на подвижные старты, снижения шумности АПЛ, снижения заметности для ТБ и крылатых ракет большой дальности, повышения дальности БРПЛ;
- 4) размещение БРСД с высокой точностью поражения целей и повышенной способностью к поражению высокозащищенных целей вблизи от центров управления противника, что создает угрозу нанесения «обезглавливающего удара»;
- 5) развитие технологий заглубленных ядерных взрывов.

С подобным взглядом на стратегическую стабильность согласен ряд других отечественных экспертов: В. И. Есин, А. Г. Савельев, С. К. Ознобищев, В. А. Веселов и др.¹⁵

Третий подход — *признание взаимосвязи проблем центрального сдерживания (Россия/США), нераспространения ЯО, а в последнее время и «ядерного терроризма»* — разработан экспертами ИМЭМО РАН и Московского центра Карнеги А. Г. Арбатовым, В. З. Дворкиным, А. А. Пикаевым. Авторы исходят из того, что классическое определение стратегической стабильности включало в себя два слагаемых.

Первое — способность к ядерному сдерживанию глобальной войны за счет поддержания стратегического ядерного равновесия оппонентов. *Второе* — наличие такой группировки СЯС, а также планов и возможностей ее развития, которые наглядно демонстрируют бесплодность попыток достижения односторонних преимуществ, т.е. бесперспективность гонки вооружений¹⁶. Факторами, влияющими на стратегическую стабильность, традиционно выступали степень выживаемости СНВ, уровень развития систем ПРО, ядерные вооружения третьих стран, высокоточное оружие с неядерным оснащением, проблемы милитаризации космоса, противолодочная оборона.

Но обострение проблемы распространения ЯО (в том числе угрозы их попадания в руки транснациональных террористических организаций) меняет ситуацию. «Стабильность будет окончательно разрушена в случае дальнейшего распространения ядерного оружия и неизбежного получения к нему доступа международным терроризмом», — отмечает В. З. Дворкин¹⁷. С его мнением солидарен А. Г. Арбатов, подчеркивающий неразрывную связь «горизонтального» и «вертикального» распространения ЯО. Оба автора уделяют повышенное внимание опасности расширения «ядерного клуба». Данный процесс, по их мнению, ставит вопрос о трансформации взаимного ядерного сдерживания России и США в новую, кооперационную систему отношений для поддержания глобальной стабильности. Несмотря на различия, российские концепции стратегической стабильности отличаются от американских. В российской экспертной литературе произошел отход от жесткого технологического детерминизма П. Нитце. «Стратегическая стабильность» стала рассматриваться как более совершенный вариант военно-стратегического равновесия 1980-х годов¹⁸. Она включает в себя многие компоненты советской концепции одинаковой безопасности, которая с начала 1970-х вызвала негативное отношение в США.

В этом смысле «стратегическая стабильность» стала не только повесткой стратегического диалога, но и предметом серьезной дипломатической полемики между Москвой и Вашингтоном.

9.2. Принятие Россией концепции стратегической стабильности

Принятие СССР концепции стратегической стабильности произошло в конце 1980-х годов. С предложением сделать принцип стратегической стабильности основой двусторонних отношений выступил президент Р. Рейган на пресс-конференции 29 января 1981 г. Он под-

верг критике Договоры об ограничении стратегических вооружений (ОСВ) 1970-х годов, которые, по его мнению, были соглашениями о до-вооружении, а не о сокращении вооружений. Президент США призвал перейти к реальному сокращению стратегических вооружений¹⁹.

Советское руководство во главе с Л. И. Брежневым не приняло американских предложений²⁰. СССР предлагал начать пакетные переговоры по ОССВ (ограничению и сокращению стратегических вооружений): по стратегическим наступательным и оборонительным вооружениям, ударным космическим вооружениям, ракетам средней и меньшей дальности и тактическому ядерному оружию. В 1981–1983 гг. стороны пытались вести Женевские переговоры по четырем пакетам. Но советское руководство во главе с Ю. В. Андроповым пошло в августе 1983 г. на блокировку пакета, соглашаясь продолжать переговоры по «евроракетам» только в пакете с УКВ. 24 ноября 1983 г. генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов заявил о выходе из Женевских переговоров в ответ на развертывание США РСД «Першинг-2» на территории ФРГ.

Женевские переговоры возобновились в 1985 г., но в течение первых полутора лет СССР отвергал разблокировку пакета. Несмотря на это, именно в ходе переговоров в лексикон обеих стран стало входить понятие стратегической стабильности. 8 января 1985 г. было принято советско-американское заявление относительно предмета и целей Женевских переговоров: предотвратить гонку вооружений в космосе и прекратить ее на Земле, ограничить и сократить ядерные вооружения и укрепить стратегическую стабильность. Смысл понятия «стратегическая стабильность» пока не уточнялся. Однако советское руководство впервые согласилось с правомерностью его использования на официальном уровне.

Ситуация изменилась на встрече с Р. Рейганом в Рейкьявике 12 октября 1986 г. М. С. Горбачев предложил сократить СЯС на 50% и использовать принцип равномерного сокращения стратегической триады. На Венской встрече 5–6 ноября 1986 г. министра иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе с госсекретарем США Дж. Шульцем рассматривался рамочный проект Договора СНВ. Он предусматривал сокращение каждой сторон МБР на 50% к 1995 г. и наличие у сторон равного количества боезарядов и носителей. Советский Союз согласился пойти на ряд уступок и отказаться от учета средств передового базирования и крылатых ракет. Но администрация Р. Рейгана в соответствии с принципом стратегической стабильности требовала установить отдельные подуровни для МБР и БРПЛ, а также полной ликвидации тяжелых и мобильных МБР. Начавшиеся в мае 1987 г. Женевские

переговоры по сокращению наступательных вооружений проходили на первых порах безуспешно.

Ситуация изменилась после подписания 7 декабря 1987 г. Договора РСМД. В преамбуле фиксировалось, что он заключен «с целью укрепления стратегической стабильности». Содержание этого термина было, однако, не определено. Американская сторона трактовала преамбулу к РСМД как согласие Москвы с основными положениями «Меморандума Нитце» 1977 г. Возникла потребность согласовать подходы СССР и США в отношении принципа стратегической стабильности. (При том, что само его принятие было серьезной уступкой Кремля, заинтересованного в том, чтобы удержать Соединенные Штаты в режиме стратегического диалога²¹.)

Компромиссное решение было найдено на встрече в Вайоминге 22–23 сентября 1989 г. министра иностранных дел Э. Шеварднадзе и госсекретаря Дж. Бейкера: устанавливались базовые принципы ведения дальнейших переговоров по СНВ, получившие название «вайомингского компромисса».

Во-первых, было решено разделить переговоры по наступательным и оборонительным стратегическим вооружениям. Вопросы ПРО и ударных космических вооружений шли отдельным от СНВ переговорным пакетом.

Во-вторых, повышенное внимание уделялось МБР с РГЧ ИН. Сокращение именно этого вида носителей приобрело приоритетное значение.

В-третьих, крылатые ракеты выводились за рамки понятия «стратегические вооружения». Этот вид вооружений не подпадал под ограничения договоров СНВ²².

В-четвертых, был согласован принцип условного зачета боеголовки для тяжелых бомбардировщиков: за каждым типом условно записывалось некоторое количество боезарядов. В реальности стороны могли самостоятельно распределять боезаряды по конкретным единицам. Позднее на этой основе возник принцип возвратного потенциала: право сторон сокращать СЯС посредством снятия боезарядов с боевого дежурства, а не их реального уничтожения.

Принцип стратегической стабильности закреплялся в Совместном заявлении президентов СССР и США 1 июня 1990 г.

Стратегическая стабильность определялась как такое состояние стратегических сил, при котором отсутствуют стимулы для нанесения первого удара.

В документе декларировалось, что будущие договоренности должны обеспечить стратегическую стабильность путем стабилизирующих сокращений СНВ и посредством воплощения соответствующей взаимосвязи между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями²³. Принципами стабилизирующих сокращений назывались уменьшение концентрации ядерных боезарядов на стратегических носителях и оказание предпочтения системам вооружений, обладающих повышенной выживаемостью²⁴. Заявление 1 июня 1990 г. носило компромиссный характер, и каждая из сторон трактовала его как свой дипломатический успех. Администрация Дж. Буша видела в нем согласие СССР на сокращение МБР с РГЧ ИН, поскольку именно к этому классу вооружений наиболее применим термин «концентрация ядерных боезарядов на стратегических носителях», руководство М. С. Горбачева — согласие США включить в переговорный процесс стратегические оборонительные вооружения, т.е. ПРО. Эти разночтения в 1990 г. не были заметны, но с середины 1990-х оказались источником серьезных разногласий между Москвой и Вашингтоном.

«Вайомингский компромисс» стал основой подписанного 31 июля 1991 г. советско-американского договора СНВ-1. Документ вводил предельный уровень 6500 боезарядов для каждой из сторон. Приоритетным объявлялось сокращение на 50% тяжелых МБР и ограничение их забрасываемого веса. Документ также вводил правила условного зачета КРВБ. Сокращение вооружений проводилось на основе взаимных инспекций. К моменту вступления договора в силу (5 декабря 1994 г.) Россия и США выработали график промежуточных сокращений СЯС, который позволял проверять соответствие снимаемого количества боезарядов и остающихся на боевом дежурстве пусковых установок.

В более полном виде принцип «вайомингского компромисса» был реализован в рамках договора СНВ-2. Подписанное 17 июня 1992 г. «Рамочное соглашение по СНВ-2» предусматривало сокращение к 2003 г. СЯС до уровня 3500 боезарядов у каждой из сторон и ликвидацию тяжелых МБР с РГЧ ИН. У договора был промежуточный потолок: сокращение к 1997 г. боезарядов до 4800 у России и США. Стороны указывали допустимость выполнения договора к 2000 г., если США предоставят финансовую помощь. Осенью 1992 г. МИД РФ и Госдепартамент США согласовали проблему сокращения стратегической авиации. Российская сторона подтвердила действенность принципа условного зачета для бомбардировщиков; американская дала гарантии не развивать неядерную стратегическую авиацию за пределами лимитов Договора СНВ-2.

Договор СНВ-2 был подписан в ходе визита в Москву президента Дж. Буша 3 января 1993 г. Документ предусматривал сокращение СЯС на 50% по сравнению с условиями СНВ-1 (до уровня 3500 боезарядов у каждой из сторон), введение лимитов на все компоненты СЯС и ликвидацию тяжелых МБР, включая МБР с РГЧ ИН. Стороны при этом получали возможность преобразования тяжелых МБР в моноблочные (кроме СС-18) и иметь 100 ТБ для решения неядерных задач. К тексту СНВ-2 прилагалось три дополнительных документа: «Меморандум о зачислении боезарядов и о данных по тяжелым бомбардировщикам»; «Протокол о показах и инспекциях тяжелых бомбардировщиков», «Протокол о контроле и наблюдении за ликвидацией».

Но условия Договора СНВ-2 содержали ряд диспропорций в пользу США: принцип возвратного потенциала и приоритет сокращения межконтинентальных баллистических ракет с разделяющимися головными частями индивидуального наведения, которые составляют основу российских СЯС²⁵. 12 февраля 1993 г. Комитет по обороне и безопасности Верховного Совета РФ выдвинул три претензии к договору: неясность финансирования расходов по ликвидации СЯС и перехода на моноблочные МБР, изменение структуры российских СЯС, что требовало запуска программ строительства АПЛ и ТБ. Верховный Совет отказался даже рассматривать вопрос о возможности ратификации СНВ-2.

Ситуация вокруг СНВ-2 стала обостряться в 1994 г. По условиям договора он не мог вступить в силу до того момента, как начнет действовать Договор СНВ-1. Накануне этого события 26–27 сентября 1994 г. состоялась вашингтонская встреча президентов Б.Н. Ельцина и У. Клинтона. Официально стороны договорились содействовать ратификации Договора СНВ-2 и подтвердили действенность Договора по ПРО 1972 г. Однако, по свидетельству госсекретаря США С. Тэлбота, встреча проходила в конфликтной атмосфере. Б. Н. Ельцин указал, что при действующем составе Государственной думы ратифицировать СНВ-2 будет трудно. Администрация У. Клинтона восприняла это как отказ Б. Н. Ельцина придерживаться договоренностей о приоритетности сокращения СНВ.

21 июня 1995 г. президент Б. Н. Ельцин внес в Государственную думу Договор СНВ-2 на ратификацию. 18 июля 1995 г. с докладом в нижней палате выступил заместитель начальника Генштаба В. М. Журбенко, который отметил, что на развитие СЯС России в рамках Договора СНВ-2 ежегодно требуется 5–6 трлн руб. (в ценах 1995 г.), не считая средств на утилизацию устаревшего вооружения и строительства ядерных систем нового поколения. Это стало ключевым аргументом против

ратификации СНВ-2. В августе 1995 г. в Государственной думе прошли слушания по этому вопросу. В их ходе был выявлен ряд невыгодных для России условий договора. В марте 1996 г. депутаты второго созыва отказались рассматривать вопрос о ратификации СНВ-2.

Конгресс США, напротив, ратифицировал Договор СНВ-2 29 января 1996 г. Единственной оговоркой было замечание, что на Договор СНВ-2 не распространяются положения «программы Нанна—Лугара». Госдепартамент США начал воздействовать на Россию с целью побудить ее к скорейшей ратификации договора. Компромиссный вариант был найден в ходе встречи президентов Б. Н. Ельцина и У. Клинтона в Хельсинки 21 марта 1997 г.: стороны договорились урегулировать противоречия посредством подписания дополнительных протоколов. 26 сентября 1997 г. госсекретарь М. Олбрайт и министр иностранных дел Е. М. Примаков подписали в Нью-Йорке пакет документов к договору ПРО/СНВ («нью-йоркские протоколы»):

- Первое и Второе согласованные заявления по разграничению стратегических и тактических ПРО;
- совместное согласованное заявление МИД РФ и Госдепартамента США о продлении срока действия Договора СНВ-2;
- взаимные письма министерства обороны США и Министерства обороны РФ о деактивации некоторых стратегических носителей;
- заявление о подтверждении действия Договора по ПРО.

По условиям этих документов срок действия Договора СНВ-2 продлился до 2007 г. Стороны вводили принцип разграничения тактических и стратегических перехватчиков ПРО (5 км/с) и подтверждали действенность Договора по ПРО. Россия обязалась деактивировать тяжелые МБР к 2003 г. при условии разработки и подписания Договора СНВ-3. Эксперты восприняли нью-йоркские договоренности как успех российской дипломатии в процессе трансформации концепции стратегической стабильности. (Москва, в частности, добилась фактической увязки переговоров по СНВ с подтверждением действия Договора по ПРО 1972 г.)

Нью-Йоркские протоколы вызвали, однако, негативное отношение конгресса США, где с конца 1994 г. преобладали республиканцы. На рубеже 1997—1998 гг. в конгрессе состоялась серия слушаний, в ходе которых они указали на невыгодные для Вашингтона положения «нью-йоркских протоколов». Позиции их противников усилились после того, как в декабре 1998 г. Государственная дума отказалась рассматри-

вать вопрос о ратификации СНВ-2. (Формальным поводом для этого стала американско-британская операция «Лис пустыни» против Ирака 17–20 декабря 1998 г.) В ходе визита в Москву 25 января 1999 г. госсекретарь М. Олбрайт уведомила российскую сторону о том, что в обозримом будущем конгресс не сумеет ратифицировать дополнительные соглашения 1997 г. к Договору СНВ-2.

Россия, напротив, ратифицировала Договор СНВ-2 с серьезными оговорками. 14 апреля 2000 г. Государственная дума РФ ратифицировала СНВ-2 с условием, что договор:

- действует в пакете с Нью-Йоркскими договоренностями 1997 г.;
- действует совместно с Договором по ПРО;
- не вступает в силу до того момента, пока конгресс США не ратифицирует «нью-йоркские соглашения».

В тексте Федерального закона «О ратификации Договора СНВ-2» также указывалось, что Москва оставляет за собой право выйти из договора в «исключительных обстоятельствах»: размещение ЯО на территории новых членов НАТО и действия третьих стран по наращиванию стратегических наступательных вооружений «таким образом, что это будет создавать угрозу национальной безопасности РФ». (Речь, очевидно, шла о Великобритании, чей ядерный арсенал включен в американскую систему ядерного планирования с 1962 г.) К подобным условиям относилось также «принятие и реализация Соединенными Штатами Америки, другими государствами, включая Организацию Североатлантического договора, таких решений в области военного строительства, которые создадут угрозу национальной безопасности Российской Федерации». Двусмысленная формулировка позволяла России выйти из СНВ-2 в ответ на любой военный шаг Соединенных Штатов и НАТО.

В действие Договор СНВ-2, однако, не вступил. Президент России 4 мая 2000 г. подписал Федеральный закон «О ратификации Договора СНВ-2». Конгресс США отказался ратифицировать «нью-йоркские соглашения» 1997 г. Негативно к ним относилась и пришедшая к власти в январе 2001 г. администрация Дж. Буша-младшего. Окончательно Россия заявила об отказе от Договора СНВ-2 после выхода США из Договора по ПРО 13 июня 2002 г.

Более конфликтно проходили переговоры вокруг СНВ-3. Решение об их начале президенты России и США приняли на Вашингтонской встрече 27–28 сентября 1994 г. На Московском саммите 9–11 мая 1995 г. президенты Б.Н. Ельцин и У. Клинтон заявили о необходимо-

сти выхода на потолки 1500–2200 блоков (50% уровня СНВ-2) и достижения договоренности по системам ПРО «затмосферного перехвата». Хельсинкская декларация 21 марта 1997 г. содержала базовые параметры СНВ-3:

- ограничение развернутых СЯС до 2000–2500 боезарядов у каждой из сторон к концу 2007 г.;
- введение меры транспарентности стратегических ядерных боезарядов и извлеченных расщепляющихся материалов;
- ведение переговоров о возможности учреждения мер контроля над крылатыми ракетами морского и воздушного базирования повышенной дальности.

В 1997–1999 гг. проходили переговоры Группы стратегической стабильности во главе с заместителем госсекретаря США С. Тэлботтом и заместителем министра иностранных дел РФ Ю. Э. Мамедовым. В августе 1999 г. консультации по проекту Договора СНВ-3 состоялись с участием заместителя госсекретаря США Дж. Холума и начальника департамента МИД по безопасности Г. В. Берденникова. В августе 2000 г. стороны обменялись проектами СНВ-3. Но Россия отказалась от американского варианта, предполагавшего помимо сокращения СЯС снижение боеготовности МБР. (Перевод МБР в режим, требующий не менее 24 часов для подготовки к пуску.) Пришедшая к власти в январе 2001 г. администрация Дж. Буша отказалась от согласования проектов. Хельсинкская декларация 1997 г. не была реализована.

Провал переговоров по СНВ-2 и СНВ-3 не означал краха системы контроля над стратегическими вооружениями. 23 мая 2000 г. кандидат в президенты США от республиканцев Дж. Буш-младший заявил о необходимости более глубоких сокращений стратегических наступательных вооружений по сравнению с Договором СНВ-2, а также о снижении уровня боевой готовности МБР и БРПЛ. 13 ноября 2000 г. президент В. В. Путин предложил новому президенту США снизить до 1550 единиц количество оперативно-развернутых стратегических ядерных боезарядов. С этими предложениями президент России выступил на встрече с Дж. Бушем в Любляне 16 июня 2001 г. Накануне саммита «Группы восьми» в Генуе (20–22 июля 2001 г.) Белый дом был готов принять российские предложения. Против них, однако, выступили ОКНШ и министерство обороны во главе с Д. Рамсфельдом. Их аргументом была техническая неготовность радикально изменить систему американского ядерного планирования. Ситуацию усугублял намечавшийся выход Соединенных Штатов из Договора по ПРО.

Ситуация изменилась после событий 11 сентября 2001 г. Руководство России и США, используя благоприятный психологический фон, пошло на согласованную ревизию принципа стратегической стабильности. На встрече в Кроуфорде (Техас) 12–13 ноября 2001 г. Дж. Буш-младший предложил В. В. Путину новую формулу — подписание декларативных документов без жестких обязательств. Российская сторона предложила другой вариант: согласие Москвы на выход Вашингтона Договора по ПРО при сохранении базовых принципов стратегической стабильности, прежде всего системы контроля над вооружениями. Стороны пришли к компромиссу, взяв за основу российский вариант.

В ходе саммита в Кроуфорде президенты России и США согласовали параметры будущих сокращений стратегических наступательных вооружений. В. В. Путин предложил сократить СЯС до 1700–2200 блоков у каждой из сторон, с чем Дж. Буш-младший согласился. Но одновременно он заявил о необходимости сокращения «находящихся в боеготовности развернутых стратегических ядерных боеголовок» (*operationally deployed strategic nuclear warheads*). Этот подход 10 января 2002 г. подтвердил госсекретарь К. Пауэлл, что вызвало негативную реакцию МИД России. Соединенные Штаты, таким образом, не отказывались от одного из ключевых положений принципов «вайомингского компромисса» — права сторон на наличие «возвратного потенциала» или потенциала реконструкции СЯС.

Воплощением «кроуфордского компромисса» стал подписанный 24 мая 2002 г. Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов (Договор СНП), предусматривающий сокращение ядерных боезарядов до уровня 2200 единиц у России и США к 2012 г. Стороны сохраняли принцип «возвратного потенциала». Договор не имел механизмов верификации: взаимные инспекции проводились на основе СНВ-1²⁶.

Договор СНП содержал в себе и ряд новаций. Россия и США получали возможность свободно развивать носители ЯО. Из документа по настоянию Москвы было исключено понятие «оперативно-развернутые вооружения». Вместо них использовались «разгруженные» и «нагруженные носители», что давало возможность в короткие сроки вернуть снятые боезаряды на разгруженные носители²⁷.

Путь сокращения СЯС стороны, однако, видели по-разному. Для России речь прежде всего шла о выводе из строя носителей СЯС ввиду истощения ими технологического ресурса. Соединенные Штаты подтвердили намерение достигать сокращения СЯС посредством снятия части оперативно-развернутых боезарядов и их перевода в категорию

«резервных возможностей» (*responsive capability*). Последние можно было достаточно быстро (от недели до года) вернуть на боевое дежурство и таким образом восстановить СЯС до уровня СНВ-1. Вашингтон мотивировал это решение свертыванием производства в США новых ядерных боезарядов. Российские эксперты полагали, что Вашингтон стремится иметь «гарантийный потенциал» на случай изменения характера отношений с Россией или наращивания китайских СЯС²⁸.

К 2002 г. Россия и США путем серии компромиссов сумели выработать приемлемое для обеих сторон понимание стратегической стабильности. В его основе лежали сформулированные в 1989 г. принципы «вайомингского компромисса». В модернизированном виде они были сохранены и в рамках «кроуфордского компромисса». Эти принципы были более выгодны США, чем России, из-за разделения переговорных пакетов по стратегическим оборонительным и наступательным вооружениям, приоритетности сокращения тяжелых МБР и наличия «возвратного потенциала». Россия, однако, расширила понимание стратегической стабильности, привнеся в него ряд компонентов советской концепции одинаковой безопасности. Важнейшим российским успехом стал фактический отказ к 2002 г. от приоритетности сокращения тяжелых МБР²⁹. Это позволило Москве удержать Соединенные Штаты в режиме стратегического диалога при нарастающем неравенстве экономических потенциалов сторон.

9.3. Проблема ПРО в системе стратегической стабильности

На фоне дискуссий о концепции стратегической стабильности в российско-американских отношениях возрастала значимость стратегических оборонительных вооружений. Договор по ПРО пережил в 1980-х годах серьезный кризис. В американской программе СОИ провозглашался курс на построение системы стратегической противоракетной обороны космического базирования для борьбы с баллистическими ракетами. В отличие от предшествующих проектов стратегической ПРО упор в программе СОИ был сделан на развитие «экзотических» технологий: боевых лазеров и электромагнитных ускорителей частиц. Это вызвало дипломатический кризис в советско-американских отношениях: СССР рассматривал СОИ как нарушение Договора по ПРО, США — как исследовательскую программу, проведение которой разрешено договором.

Вашингтон также имел претензии к Советскому Союзу в вопросах соблюдения Договора по ПРО. Тревогу администрации Р. Рейга-

на вызывало строительство РЛС в районе Красноярска, т.е. в глубине советской территории. (Договор по ПРО разрешал строительства РЛС только по периметру границ СССР и США в рамках создания СПРН.) Предварительное разрешение этих проблем Соединенные Штаты ставили в качестве условия для возобновления переговоров по ОСВ/СНВ. В целом разработка СОИ и строительство Красноярской РЛС создавали прецеденты «расширенной трактовки» Договора 1972 г. — попыток США и СССР развивать реальные проекты в области стратегической ПРО под предлогом разработки исследовательских программ.

В 1990-х годах характер переговоров по данной проблеме изменился. В 1991 г. в США был принят Закон о противоракетной обороне (*Missile Defense Act*), в соответствии с которым в ранг национальных приоритетов возводилось создание системы ПРО ТВД. Корпорация «Lockheed» разработала к 1994 г. серию проектов ПРО ТВД, способных поражать цели на границе атмосферного и космического пространств (от 100 до 120 км), что, по сути, было попыткой США перейти к «расширенной трактовке» Договора по ПРО. По американской классификации новые системы относились к ПРО ТВД. Но в соответствии с нормами Международной федерации аэронавтики они выступали как комплексы стратегической ПРО, поскольку могли поражать цели в нижних слоях ближнего космоса. Для разрешения этой коллизии администрация У. Клинтона изобрела понятие «*Theater High Altitude Area Defense*» (ТНААД) — система ПРО «заатмосферного перехвата», представляющая собой промежуточное звено между стратегической и тактической ПРО.

Несмотря на свертывание программы СОИ, проекты ПРО ТВД вызывали тревогу в Москве. Российское руководство воспринимало советско-американское заявление 1 июня 1990 г. как обязательство Вашингтона вести переговоры по стратегическим оборонительным вооружениям. 3 февраля 1992 г. президент Б. Н. Ельцин призвал США к сотрудничеству в области противоракетной обороны. 17 июня 1992 г. был подписан российско-американский договор о сотрудничестве в области исследования и использования космического пространства в мирных целях. На его основе стороны запустили в октябре 1992 г. программу РАМОС (*Russian-American Observation Missile Satellite — RAMOS*), отрабатывая технологии совместного спутникового наблюдения с целью создания банка данных о пусках баллистических ракет.

Но проект разработки систем ПРО ТВД вызвал сопротивление республиканцев, которые требовали создания ограниченной системы стратегической ПРО. В начале 1995 г. республиканцы внесли в конгресс проект «Об укреплении национальной безопасности» (*National*

Security Revitalization Act), который требовал от Белого дома развертывания систем национальной ПРО, как только это станет технически осуществимо. В специальном письме палате представителей министр обороны У. Перри и госсекретарь У. Кристофер указывали, что ракетно-ядерная угроза со стороны «стран-изгоев» (*pariah states*) может возникнуть не ранее чем через 10—15 лет. Конгресс принял компромиссный вариант закона, обязывавшего администрацию У. Клинтона разрабатывать только варианты развертывания систем ПРО ТВД после проведения испытаний. Для исполнения этих положений Пентагон 9 февраля 1995 г. запустил программу «3+3» по защите США от одиночных ракетных пусков, что предполагало разработку систем заатмосферного перехвата и развертывание на их основе компонентов системы ПРО после 2000 г. Целями программы были названы защита США от ракетных ударов со стороны «стран-изгоев», а также несанкционированных ракетных пусков, в том числе с российской территории.

Развитие программы *ТНААД* вызвало трудности в российско-американских отношениях. Еще на встрече в Вашингтоне 26—27 сентября 1994 г. президент РФ Б. Н. Ельцин поставил перед У. Клинтонем вопрос о необходимости разграничения систем стратегической и тактической ПРО. Продолжение вашингтонских переговоров стал Московский саммит 9—11 мая 1995 г. В совместном заявлении президентов указывалось, что «Соединенные Штаты и Россия привержены Договору по ПРО — краеугольному камню стратегической стабильности». Обе стороны получили возможность устанавливать и размещать системы ПРО ТВД, которые не будут: 1) представлять реальной угрозы СЯС противоположной стороны и 2) испытываться в целях предоставления подобным системам такой возможности. Масштабы развертывания ПРО ТВД обеими сторонами по количеству и географическому охвату должны были соответствовать программам ПРО ТВД другой стороны. Россия и США обязались в духе партнерства «способствовать взаимной открытости в деятельности сторон, касающейся систем ПРО ТВД и обмена соответствующей информацией».

Официальные отчеты о ходе российско-американских переговоров по ПРО 1994—1997 гг. не опубликованы. В открытых источниках нет также итоговых документов российско-американских саммитов, посвященных вопросам ПРО. Подробности переговоров известны только из воспоминаний бывшего заместителя госсекретаря США С. Тэлбота, который приводит выдержки из итоговых российско-американских документов по ПРО.

Закреплением московских договоренностей стали переговоры на саммите «Группы семи» в Галифаксе (Канада) 17—18 июня 1995 г.

В ходе встречи президент У. Клинтон предложил каждой из сторон самостоятельно определять принадлежность перехватчиков со скоростью полета более 3 км/с к стратегической или тактической ПРО. Россия сочла американские предложения нарушением условий московских договоренностей и 7 июля 1995 г. отказалась от галифакского проекта. В ответ палата представителей конгресса в сентябре 1995 г. пошла на одностороннюю квалификацию ПРО ТВД: в законопроекте о военном бюджете на 1996 г. фиксировалось определение тактической ПРО как системы, испытанной со скоростью менее 5 км/с при дальности запуска баллистической цели менее 3500 км. Администрация У. Клинтона, однако, не закрывала окно для диалога с Россией. В апреле 1996 г. министр обороны США У. Перри уточнил, что завершение первой фазы программы «3+3» не означает автоматического принятия решения о развертывании системы стратегической ПРО.

Новый раунд переговоров по ПРО начался в 1997 г. К этому времени республиканцы вновь попытались привлечь внимание администрации У. Клинтона к проблеме противоракетной обороны. В январе 1997 г. по инициативе лидера республиканцев Т. Лотта на рассмотрение конгресса была внесена обновленная версия законопроекта о защите Америки (*Defending America Act*). В новой редакции закон получил более жесткое название «О национальной системе ПРО» (*The NMD Act*). В нем указывалась необходимость достижения договоренности с Россией о внесении поправок в Договор по ПРО 1972 г.

Разрешить противоречия был призван Хельсинкский саммит президентов Б. Н. Ельцина и У. Клинтона 21 марта 1997 г. В ходе встречи председатель ОКНШ генерал Джон Шаликашвили представил представителю Министерства обороны РФ генералу В. Н. Самсонову ряд сведений о системе *ТНААД*. Старший гражданский сотрудник министерства обороны США Йэн Лодэл и заместитель министра иностранных дел РФ Ю. Мамедов подготовили проект совместного заявления в отношении Договора по ПРО. Документ предусматривал:

- достижение договоренности сторон о разграничении систем стратегической и тактической ПРО;
- согласие обеих сторон на развитие систем ПРО ТВД;
- развитие сотрудничества Агентства по ПРО при министерстве обороны США с российским НПЗ «Комета»³⁰ по проектированию систем ПРО ТВД.

Важную роль сыграл тот факт, что соглашение по ПРО подписывалось в пакете с Хельсинкской декларацией по СНВ-3. Американские

эксперты предполагают, что Москва пошла на подписание этого соглашения в надежде на более низкие потолки СНВ-3 и включение в переговорный пакет проблемы ограничения крылатых ракет³¹.

26 сентября 1997 г. был подписан Нью-Йоркский протокол к Договору СНВ-2. Устанавливалось, что система ПРО считается нестратегической до тех пор, пока не испытана против целей-мишеней со скоростью полета до 5,5 км/с для систем наземного и воздушного базирования и 4,5 км/с для систем морского базирования с дальностью полета ракет-целей до 3500 км. Одновременно США, Россия, Украина, Белоруссия и Казахстан подписали специальный меморандум, который распространял действие Договора по ПРО на территорию всех бывших республик СССР.

Однако Нью-Йоркский пакет не был ратифицирован конгрессом. Республиканцы указывали на два условия, которые с их точки зрения были невыгодными для США. *Во-первых*, протокол о разграничении систем стратегической и тактической ПРО требовал свернуть переходную систему «заатмосферного перехвата» *ТНААД*. *Во-вторых*, документ косвенно подтверждал невозможность пересмотра Договора по ПРО 1972 г. Россия, напротив, ратифицировала нью-йоркские договоренности в пакете с Договором СНВ-2, но «нью-йоркские протоколы» в действие не вступили.

В дальнейшем позиция администрации У. Клинтона по проблеме ПРО ужесточилась. Еще в июле 1998 г. комиссия во главе с Д. Рамсфельдом представила конгрессу и министерству обороны США доклад об опасности развития ракетных программ «стран-изгоев»³². Подтверждением этого стали проведенные 31 августа 1998 г. испытания КНДР баллистической ракеты повышенной дальности «Тэпходонг-2». В послании конгрессу 19 января 1999 г. президент У. Клинтон заявил о необходимости модификации Договора по ПРО. Речь шла о внесении в него поправок для достижения двух целей. *Первая* — предоставить каждой из сторон право иметь большее количество стратегических противоракет (по классификации 1997 г.), чем это было предусмотрено договором 1972 г. *Вторая* — разрешить США передвинуть район базирования стратегической ПРО с базы Гранд-Форкс в Северной Дакоте на Аляску, Алеутские и, возможно, Гавайские острова.

В марте 1999 г. сенат большинством голосов (97 против 3) одобрил разработанный в 1997 г. Закон о национальной противоракетной обороне (*National Missile Defense Act*). Документ предписывал подготовить программу развертывания эффективной ПРО при первой технической возможности. В мае 1999 г. палата представителей одобрила закон, а 23 июля 1999 г. президент У. Клинтон его подписал. Принятие закона

не означало, однако, отказа Белого дома от диалога с Кремлем. *Во-первых*, формулировка «при первой технической возможности» позволяла отодвигать сроки его реализации. *Во-вторых*, демократы добавили положение о том, что США будут следовать политике сокращения стратегических наступательных вооружений. *В-третьих*, вместо термина «*anti-ballistic missile defense*» в законе использовалось более широкое понятие «*Missile Defense*». Теоретически это означало возможность достижения компромисса через признание Москвой правомерности американских исследований по созданию систем «затмосферного перехвата» или ограничения их количества.

Новый раунд российско-американских переговоров по ПРО начался в ходе визита в Москву госсекретаря США М. Олбрайт 25 января 1999 г.³³ В ходе встреч с министром иностранных дел И. С. Ивановым и премьер-министром Е. М. Примаковым она заявила о намерении Вашингтона внести поправки в Договор по ПРО (как это было сформулировано в послании президента У. Клинтона конгрессу 19 января 1999 г.). Российская сторона, однако, не поддержала это предложение.

На протяжении 1999 г. консультации по ПРО проводились в рамках Группы стратегической стабильности под руководством заместителя госсекретаря США С. Тэлботта и заместителя министра иностранных дел РФ Ю. Мамедова. В течение 1999 г. прошла серия встреч в Москве, Вашингтоне, Нью-Йорке, Риме, Хельсинки, Осло и на Окинаве. На официальный уровень переговоры вышли в ходе встречи 2 февраля 2000 г. и.о. президента РФ В. В. Путина и госсекретаря М. Олбрайт. В марте 2000 г. Госдепартамент США предложил в рамках Группы стратегической стабильности компромисс: Россия соглашается внести поправки в Договор по ПРО, а в совместном заявлении президентов после саммита «Группы восьми» на Окинаве будет указано, что стороны сохраняют обязательства по поддержанию стратегической стабильности. (Последнее, с точки зрения администрации У. Клинтона, было уступкой Вашингтона, поскольку означало согласие на модернизацию «вайомингского компромисса».)

Эта формула стала повесткой переговоров в Москве президентов У. Клинтона и В. В. Путина 3–5 июня 2000 г. Визит, по оценкам американской стороны, завершился неудачно. Президент В. В. Путин подтвердил отказ России внести поправки в Договор по ПРО. Стороны подписали меморандум о создании в Москве совместного центра обмена данными, поступающими от систем раннего предупреждения, и взаимном уведомлении о пусках баллистических ракет³⁴. (Сотрудничество в этой сфере предусматривалось совместным заявлением президентов У. Клинтона и Б. Н. Ельцина 2 сентября 1998 г.) Российская

сторона рассматривала его как альтернативу развертыванию системы ПРО; американская — как шаг к модернизации Договора по ПРО.

К этому времени Россия попыталась расширить переговорный процесс по ПРО. Москва добилась внесения в итоговое заявление VI Обзорной конференции по ДНЯО (24 апреля — 19 мая 2000 г.) положения о необходимости укрепить Договор по ПРО. 24 марта 2000 г. и.о. президента России В. В. Путин также предложил премьер-министру Великобритании Э. Блэйру проект создания совместной системы «европейской ПРО» ТВД («ЕвроПРО»). Предложение было с интересом встречено британской стороной. Повторное предложение по созданию «ЕвроПРО» В. В. Путин сделал в ходе визита в Италию 5–6 июля 2000 г. В США это восприняли как конкурирующее предложение России.

В середине 2000 г. позиция администрации У. Клинтона по ПРО смягчилась. Этому способствовали неудачные испытания американских противоракет «*Standart-2*» 18 января и 4 июля 2000 г. В ходе саммита «Группы восьми» на Окинаве 21–23 июля 2000 г. президент У. Клинтон согласился зафиксировать в итоговом коммюнике следующее положение: «Мы ожидаем скорейшего вступления в силу и выполнения в полном объеме Договора СНВ-2 и заключения как можно скорее Договора СНВ-3, сохраняя и укрепляя Договор по ПРО в качестве краеугольного камня стратегической стабильности и основы для дальнейших сокращений стратегических наступательных вооружений в соответствии с его положениями³⁵. «Окинавская формула» была воспринята экспертами как согласие демократов модифицировать, но сохранить Договор по ПРО³⁶. 1 сентября 2000 г. президент У. Клинтон заявил, что оставляет принятие решение о развертывании ПРО на усмотрение будущего президента. В Москве надеялись на достижение компромисса с кандидатами в президенты США от Демократической партии Альбертом Гором.

Ситуация изменилась после победы на президентских выборах 7 ноября 2000 г. кандидата от Республиканской партии Дж. Буша. 18 декабря 2000 г. вице-президент Р. Чейни заявил о том, что Вашингтон намерен в кратчайшие сроки развернуть систему противоракетной обороны. В феврале 2001 г. Соединенные Штаты передали Норвегии РЛС «Глобус-2», что было нарушением условий Договора 1972 г. 1 мая 2001 г. президент Дж. Буш заявил о необходимости отказа от Договора по ПРО. «Он основан на доктрине, в соответствии с которой само наше выживание может быть обеспечено наилучшим образом, если обе стороны останутся полностью открытыми и уязвимыми для ядерного нападения... Мы должны стремиться к безопасности, основанной на чем-то большем, чем мрачная посылка “взаимного гарантированного

уничтожения»³⁷. Летом 2001 г. российско-американские переговоры в рамках Группы стратегической стабильности завершились безрезультатно. Появились опасения, что администрация республиканцев собирается отказаться не только от Договора по ПРО, но и от концепции стратегической стабильности³⁸.

Разрешить конфликт сторонам удалось в рамках «кроуфордского компромисса». На встрече в Кроуфорде 12–13 ноября 2001 г. президент В. В. Путин согласился с выходом США из Договора по ПРО в обмен на сохранение системы контроля над вооружениями и консультативных механизмов по ПРО. 13 декабря 2001 г. президент Дж. Буш-младший заявил о выходе США из Договора по ПРО 1972 г. (Официально это произошло 13 июня 2002 г.) Президент В. В. Путин назвал решение Дж. Буша-младшего «большой ошибкой», но воздержался от жесткой критики.

Но 24 мая 2002 г. в пакете с Договором СНП была подписана Московская декларация о новых стратегических отношениях между РФ и США. Американская сторона обязалась консультироваться с Москвой по всем действиям в области развертывания систем ПРО. 28 мая 2002 г. была подписана Римская декларация о переходе к стратегическому партнерству России и НАТО. На ее основе запускались совместные проекты в области ПВО и ПРО ТВД. После серии совместных компьютерных командно-штабных учений (с участием США и Канады) сторонам удалось согласовать подходы не только к архитектуре «ЕвроПРО», но и к совместимости огневых средств ПРО и информационно-управляющих систем.

«Кроуфордский компромисс» позволил сохранить систему стратегической стабильности и механизм диалога между Россией и США. Но выход Соединенных Штатов из Договора по ПРО менял повестку переговоров в области контроля над вооружениями. Ведение переговоров о сокращении стратегических наступательных вооружений становилось невозможным без учета оборонительных вооружений. Перед российской дипломатией встала задача модификации «вайомингского компромисса».

9.4. Конфликт вокруг «третьего позиционного района» ПРО

«Кроуфордская система», однако, оказалась непрочной. По мере реализации программы создания системы ПРО Вашингтон устранился от консультативных обязательств. Еще в 2004 г. США вышли из программы РАМОС и отказались от строительства в Москве центра обмена данными о пусках баллистических ракет. (На переговорах Дж. Бу-

ша-младшего и В. В. Путина в Братиславе 24 февраля 2005 г. стороны не смогли договориться об условиях и сроках его строительства.) Весной—летом 2004 г. Пентагон также провел несколько испытаний лазеров воздушного базирования. Это вызвало негативное отношение российского руководства, опасавшегося, что США возрождают компоненты рейгановской программы СОИ.

У России и США возникли трения вокруг второго позиционного района ПРО. Министерство обороны США заявило 20 марта 2004 г. о намерении развернуть его в Калифорнии и одновременно модифицировать под задачи ПРО станции РЛС на постах Файлингдейлз-Мур (Великобритания) и Туле (Гренландия). Американская сторона уведомила российскую сторону о принятых решениях по развертыванию системы ПРО. Но уведомительная нота об этом была направлена Госдепартаментом США в МИД РФ 19 марта 2004 г. — за день до принятия решения. Такой срок делал невозможными российско-американские консультации по этой проблеме. Российская сторона расценила этот шаг Вашингтона как фактическое нарушение Московской декларации 2002 г.

В то же время произошло оттеснение России от участия в проекте «ЕвроПРО». На саммите в Стамбуле 28–29 июня 2004 г. страны НАТО приняли проект многоуровневой мобильной ПРО ТВД, интегрирующую в себя системы «Patriot», MEADS и SAMP-T. Проект получил название *ALTBMD (Active Layered Theatre Ballistic Missile Defense)*. 11 марта 2005 г. Совет НАТО принял Положение об Организации управления программой *ALTBMD (Program Management Organization, PMO ALTBMMD)*, в котором не говорилось о привлечении к ней России. 23 ноября 2006 г. главком ВВС России генерал армии В. С. Михайлов заявил, что Москва предлагает европейским странам НАТО создание совместной системы ПРО ТВД. Главком подчеркнул, что «зоны ответственности наших РЛС системы предупреждения о ракетном нападении, в отличие от американских, перекрывают основные ракетоопасные направления для большинства стран Европы со стороны Ближнего и Среднего Востока, а также Южной Азии»³⁹. Совет НАТО оставил российское предложение без ответа. Окончательно совместные программы России и НАТО в области ПРО ТВД были свернуты после «пятидневной войны» 2008 г.

Более серьезным стал конфликт вокруг третьего позиционного района (ТПР) ПРО. Еще в августе 2006 г. появились сообщения о начале переговоров США с Польшей и Чехией о размещении на их территории компонентов американской системы ПРО. В январе 2007 г. администрация Дж. Буша-младшего заявила о намерении развернуть ТПР

на территории обеих стран. Официальной мотивацией для этого стали опасения США перед развитием ракетной программы Ирана. Предполагалось развернуть на территории Польши базу для 10–20 стратегических противоракет *GBI (Ground-Based Interceptor)* и построить РЛС на территории Чехии. На этот раз российская сторона, в отличие от весны 2004 г., не получила даже официального уведомления о намерениях Соединенных Штатов.

Среди российских экспертов преобладало негативное отношение к ТПР. Большинство из них ставили под сомнение направленность ТПР против Ирана. (Исключение составляла точка зрения генерал-майора В. З. Дворкина, который утверждал, что технически расположение ТПР в Польше и Чехии приемлемо.) *Во-первых*, для обороны от иранских ракет было бы более логично строить этот район в Южной Европе. *Во-вторых*, Иран, по мнению российских экспертов, не имел ракет достаточной дальности для нанесения ударов по странам ЕС, тем более Восточной Европы. *В-третьих*, расположение ТПР в Восточной Европе оставляло открытыми для гипотетических ударов Ирана страны Южной Европы, особенно Болгарию и Грецию. *В-четвертых*, российские аналитики были обеспокоены деятельностью РЛС в Чехии, которая могла наблюдать за российскими ракетными базами до Урала. Высказывались и более спорные точки зрения, что перехватчики из ТПР смогут достигать российские МБР на параллельных курсах.

Ответом стала беспрецедентно жесткая позиция Российской Федерации. В. В. Путин подверг сомнению факт наличия у Ирана и других «стран-изгоев» баллистических ракет, способных достигать территории стран ЕС и тем более Соединенных Штатов. Президент России выступил также против концепции возвратного потенциала, призвав США «не прятать» складированные боезаряды. Косвенно это стало первым призывом Москвы пересмотреть концепцию «вайомингского компромисса». Мюнхенская речь В. В. Путина вызвала негативное отношение лидеров стран ЕС и США⁴⁰. На официальном уровне Белый дом, однако, не пошел на диалог с Москвой по проблеме ТПР. 24 февраля 2007 г. представитель Госдепартамента США Шон Маккормак указал, что архитектура ПРО в Европе может измениться, т.е. выйти за рамки Польши и Чехии. 15 марта 2007 г. директор Агентства по противоракетной обороне США генерал-лейтенант Генри Оберинг выразил недоумение, каким образом десять противоракет могут изменить стратегический баланс между Москвой и Вашингтоном. 31 мая 2007 г. госсекретарь США К. Райс назвала высказываемые Москвой опасения по поводу размещения американских противоракет в Чехии и Польше «нелепыми».

Россия подкрепила Мюнхенскую речь В. В. Путина серией жестких шагов. 19 февраля 2007 г. главком РВСН генерал-полковник Н. Е. Соловцов заявил, что Ракетные войска РФ могут быть нацелены на объекты ПРО США, размещенные в Чехии и Польше. Президент РФ В. В. Путин объявил 26 апреля 2007 г. о намерении ввести мораторий на выполнение об обычных вооруженных силах в Европе. Адаптированная версия этого документа, принятая 19 ноября 1999 г. на саммите ОБСЕ в Стамбуле, не ратифицирована ни одной из стран—членов НАТО. 13 июля 2007 г. был опубликован Указ Президента РФ «О приостановлении действия ДОВСЕ и связанных с ним международных договоров». Москва приостановила взаимное военное инспектирование, отказалась от предоставления информации о перемещении воинских частей и боевой техники и соблюдения количественных ограничений ДОВСЕ.

Но российская сторона пыталась удержать США в режиме стратегического диалога. 7 июня 2007 г. на саммите «Группы семи» в Хайлигендамме (Германия) президент В. В. Путин предложил Дж. Бушу-младшему совместно использовать РЛС в Габале как альтернативу ТПР ПРО, а на саммите в Кеннебанкпорте (США) 1–3 июля 2007 г. — станцию в Армавире (юг России). Президент России заявил о возможности создания центров обмена информацией по ПРО в Москве и в одной из европейских столиц, например, в Брюсселе⁴¹.

Вашингтон, однако, не принял российских предложений. 7 июля 2007 г. госсекретарь США К. Райс сообщила, что США не намерены отказываться от размещения ПРО в Европе. 18 августа 2007 г. Г. Оберинг предложил превратить станции в Габале и Армавире в четвертый позиционный район ПРО, не отказываясь при этом от создания ТПР в Восточной Европе. Россия не согласилась с таким вариантом взаимодействия, хотя 18–19 сентября 2007 г. состоялся визит американской военной делегации во главе с заместителем директора Агентства по ПРО при министерстве обороны США Патриком О’Релли на РЛС в Габале. Американские эксперты утверждали, что эта РЛС устарела, не имеет надежных средств слежения и расположена слишком близко к потенциальным пусковым установкам в Иране⁴².

Неудача переговоров в Кеннебанкпорте ужесточила позицию Москвы⁴³. Еще 4 июля 2007 г. первый вице-премьер РФ С. И. Иванов заявил: «Если США примут наши предложения, то у нас исчезнет необходимость размещать новые ракеты в европейской части России, включая Калининград»⁴⁴. В августе 2007 г. была опубликована статья министра иностранных дел С. В. Лаврова «Сдерживание России: назад в будущее», в которой отмечался «глубокий зазор» между внешнепо-

литическими стратегиями Москвы и Вашингтона, особенно в ядерной сфере⁴⁵. «Вряд ли случайно, — указывал С. В. Лавров, — что противоракетная база в Европе точно — как недостающий элемент *jigsaw puzzle*⁴⁶ — ложится в рисунок глобальной системы ПРО США, расположенной по периметру российских (а заодно и китайских) границ». С. В. Лавров также указывал, что в России подготовлен ответ на стратегическом уровне в случае развертывания систем американской ПРО. Частью этого ответа стало возобновление регулярных полетов российской стратегической авиации 17 августа 2007 г.

Попытку найти компромисс стороны предприняли в ходе состоявшегося 10–12 октября 2007 г. визита в Москву госсекретаря К. Райс и министра обороны Р. Гейтса. Представители Соединенных Штатов провели серию встреч с министром иностранных дел РФ С. В. Лавровым и министром обороны РФ А. Э. Сердюковым (формат переговоров «2+2»). Было подтверждено предложение создать альтернативу ТПР на базе РЛС в Габале и Армавире, а также заключить гарантийные соглашения по ТПР, фиксирующие параметры размещаемых перехватчиков, мощности РЛС в Чехии и возможности российских военных инспекций на объекты ТПР. 12 октября 2007 г. К. Райс отметила, что сторонам не удалось достичь компромисса по ПРО и параметрам реализации Договора СНП. 26 октября 2007 г. на саммите Россия—ЕС в Лиссабоне президент В. В. Путин сравнил размещение американских противоракет в Польше и Чехии с Карибским кризисом 1962 г.

Иной взгляд на ход переговоров в Москве представили эксперты СИПРИ. Они утверждают, что 12 октября 2007 г. госсекретарь К. Райс и министр обороны Р. Гейтс предложили России «совместную архитектуру» региональной ПРО. В ее рамках Россия присоединилась бы к США и НАТО в качестве полноправного партнера при разработке системы ПРО, прикрывающей всю Европу. (При этом перехватчики оставались бы под национальным командованием сторон.) Р. Гейтс также предложил, чтобы Россия направила своих наблюдателей на объекты ТПР, и сообщил, что США могли бы отложить полное укомплектование стартовых площадок до получения «четкого подтверждения» ракетной угрозы со стороны Ирана. В российских новостных агентствах эти предложения администрации Дж. Буша относились ко второму визиту в Москву К. Райс и Р. Гейтса — 17–18 марта 2008 г.

В дальнейшем предпринимались безрезультатные попытки переговоров по ТПР. 24 октября 2007 г. Р. Гейтс заявил о возможности подключения России к сотрудничеству по созданию ТПР. 22 ноября 2007 г. администрация Дж. Буша передала России предложения о разрешении кризиса вокруг ТПР. Предложения включали:

- интеграцию ПРО США, России и НАТО для повышения общей безопасности;
- разрешение российским экспертам проводить регулярные инспекции американской базы ПРО в Польше с одобрения польской стороны;
- введение в действие американских перехватчиков только при появлении достоверной информации о том, что иранские ракеты смогут достичь территории Европы⁴⁷.

Российская сторона, однако, сочла подобные предложения нарушением итогов октября переговоров. 26 ноября 2007 г. С. В. Лавров заявил, что из пакета американских предложений удалены меры транспарентности и укрепления доверия в отношении объектов ТПР. Одновременно был исключен пункт относительно совместного анализа возможных угроз как основы для совместной работы. 26 декабря 2007 г. С. В. Лавров заявил, что размещение ПРО в Европе направлено в первую очередь не против Ирана, а для сдерживания России. Неудачной оказалась и попытка России и Польши начать в декабре 2007 г. прямой диалог по проблеме ПРО. 30 января 2008 г. С. В. Лавров указал, что Россия не видит необходимости размещения элементов ПРО в Польше и Чехии для реализации целей, которые декларирует США.

Попыткой реанимировать переговоры стал визит в Москву К. Райс и Р. Гейтса 17–18 марта 2008 г. Переговоры, как и в октябре 2007 г., прошли в формате «2+2». А. Сердюков сообщил, что американская делегация предложила допустить «присутствие российских офицеров на объектах ПРО в Польше и Чехии, а также другие меры, направленные на снятие обеспокоенности российской стороны планами США». Такой вариант предполагал возможность достижения компромисса по ТПР.

Другой попыткой достичь компромисса стал Сочинский саммит президентов В. В. Путина и Дж. Буша 6 апреля 2008 г. В Декларации о стратегических рамках российско-американских отношений указывалось, что стороны «выразили заинтересованность в создании системы реагирования на возможные ракетные угрозы, в которой Россия, Соединенные Штаты Америки и Европа будут участвовать как равноправные партнеры». Российская сторона зафиксировала, что не согласна с размещением объектов ТПР.

Вместе с тем в Сочинской декларации указывалось, что Москва «оценила меры, предложенные США», «такие меры будут важными и полезными с точки зрения смягчения российских озабоченностей». Речь, видимо, шла о мартовском предложении Р. Гейса разрешить российским военным инспектировать объекты ПРО. 8 апреля 2008 г. ми-

нистр иностранных дел РФ С. В. Лавров указал, что «российские военные должны постоянно находиться на объектах американской системы противоракетной обороны в Чехии и Польше». Но 22 апреля 2008 г. С. В. Лавров объявил, что чешская и польская стороны пока не готовы пойти на предложения, сделанные США России по ПРО. С. В. Лавров призвал Соединенные Штаты «объективно излагать договоренности, достигнутые между Москвой и Вашингтоном в области ПРО». Это заявление означало, что между Россией и США нарастают разночтения положений Сочинской декларации.

Последовала эскалация конфликта. 8 июля 2008 г. К. Райс и министр иностранных дел Чехии К. Шварценберг подписали Соглашение между Чешской Республикой и США о размещении элементов противоракетной обороны на территории республики. Речь шла о строительстве американской РЛС в районе чешского города Брдо. Начались переговоры по выработке соглашения об условиях базирования американских солдат для обслуживания РЛС, переговоры по этому документу пока еще ведутся. 19 сентября 2008 г. министр обороны США Р. Гейтс и его коллега из Чехии В. Парканова подписали соглашение о размещении американских военных, которые будут работать на РЛС в Брдо.

Польская сторона поначалу требовала от Вашингтона дополнительных гарантий безопасности. Летом 2008 г. администрация Дж. Буша-младшего даже рассматривала вариант перенесения базы противоракет в Литву. Но 14 августа 2008 г. (не без влияния «пятидневной войны») К. Райс и министр иностранных дел Польши Р. Сикорский подписали Договор о строительстве базы для 10 ракет-перехватчиков системы ПРО США в районе города Слупска в 2014–2016 гг.

После подписания соглашений США с Польшей и Чехией 20 августа 2008 г. МИД РФ заявил, что «развертывание третьего позиционного района ПРО США в Европе с реальным антироссийским потенциалом подталкивает к гонке вооружений на континенте и за его пределами», что «ни о каком упрощенном доверии теперь речи быть не может. В расчет будут браться не обманчивые декларации о намерениях и некие обещания, а реальные действия и юридически закрепленные межгосударственные договоренности». 22 сентября 2008 г. С. В. Лавров вновь говорил о желательности присутствия российских военных на объектах ТПР. Но 24 сентября 2008 г. заместитель министра иностранных дел Чехии Томаш Пояра и его польский коллега Пржемыслав Груджински заявили, что не приветствуют российскую инициативу.

Осень 2008 г. стала пиком конфронтации вокруг ТПР. 5 ноября 2008 г. в послании Федеральному собранию РФ президента Д. А. Мед-

ведова говорилось об ответных мерах российской стороны: прекращении расформирования ракетной дивизии в Козельске (Калужская область), возможности развертывания в Калининградской области оперативно-тактического ракетного комплекса «Искандер» и допустимости применения в будущем средств радиоэлектронного подавления в отношении радара в Чехии. 6 ноября 2008 г. представитель Госдепартамента США Шон Маккормак сообщил, что Вашингтон разочарован российским решением. Стороны, однако, не закрыли окно для диалога. 12 ноября 2008 г. Москву посетил заместитель госсекретаря США Уильям Бернс. 13 ноября 2008 г. президент Д. А. Медведев указал, что Россия откажется от размещения «Искандеров», если Вашингтон пересмотрит решение по ТПР.

Ситуация изменилась на саммите министров иностранных дел стран НАТО 2–3 декабря 2008 г. Накануне встречи президент Франции Н. Саркози призвал все заинтересованные стороны не спешить с реализацией ракетных планов и обсудить проблему на саммите ОБСЕ. Его поддержали главы итальянского, немецкого и испанского правительств. 15 декабря 2008 г. Москву посетила американская делегация во главе с и.о. заместителя госсекретаря по контролю над вооружениями и международной безопасности США Джоном Рудом. Администрация Б. Обамы в феврале 2009 г. приняла решение провести ревизию программ ПРО и пообещала учесть озабоченность России планами развертывания ТПР.

В последующие месяцы Россия и Соединенные Штаты достигли компромисса. 18 марта 2009 г. глава правительства Чехии Мирек Тополанек отозвал из парламента соглашение с США о размещении радара на чешской территории, которое ранее было внесено им на ратификацию. 7 мая 2009 г. С. В. Лавров заявил, что стороны ищут компромисса по ТПР. 17 сентября 2009 г. президент Б. Обама сообщил об отказе США развертывать противоракетные комплексы в Польше и Чехии. 24 октября 2009 г. администрация Б. Обамы провозгласила «поэтапный адаптивный подход» по созданию мобильной «ЕвроПРО». Но Вашингтон не денонсировал соглашения с Варшавой и Прагой. Говорить об отказе от проекта ТПР преждевременно.

9.5. Ревизия «вайомингского компромисса»

Конфликт вокруг ТПР доказал обеим сторонам необходимость ревизии «вайомингского компромисса». Инициатива его пересмотра исходила от российской стороны. Весной—летом 2007 г. российские эксперты опубликовали серию статей об опасном снижении ядерного

порога и необходимости обновления параметров стратегического диалога с Соединенными Штатами. Проблема заключалась в том, чтобы побудить к диалогу Вашингтон. Американская сторона по-прежнему считала правила 1989 г. основой стратегической стабильности и не соглашалась на их пересмотр.

Попытки вести диалог об обновлении концепции стратегической стабильности начались на саммите В. В. Путина и Дж. Буша в Кеннебанкпорте 1–3 июля 2007 г. Лидеры России и США только парафировали двустороннее Соглашение о сотрудничестве в сфере мирного использования атомной энергии и приняли Заявление о развитии ядерной энергетики и укреплению нераспространения. К. Райс и С. В. Лавров зафиксировали намерение сторон следовать в дальнейшем политике сокращения стратегических наступательных вооружений. Однако российская сторона видела подобные сокращения через подписание нового Договора СНВ (взамен Договора СНВ-1, срок действия которого истекал 5 декабря 2009 г.) и в увязке с ограничением систем ПРО, американская — как набор декларативных обязательств сторон без жестких механизмов взаимных инспекций. В целом «компромисс в Кеннебанкпорте», широко обсуждавшийся экспертами в июне 2007 г., не состоялся.

Следующей попыткой стал Сочинский саммит президентов России и США 6 апреля 2008 г. По его итогам была принята Декларация о стратегических рамках российско-американских отношений⁴⁸. Стороны заявили об отказе от принципа «игры с нулевой суммой» и намерении совместно противодействовать угрозам XXI в. — транснациональному терроризму и распространению ОМП. Определяя параметры будущего стратегического диалога, президенты России и США:

- 1) подтвердили намерение сокращать стратегические наступательные потенциалы до минимально возможного уровня (подчеркивалось, что сокращение будет проходить в форме юридически обязывающего договора СНВ, призванного заменить Договор СНВ-1);
- 2) подчеркнули приверженность целям ДНЯО, включая свои обязательства по его VI статье;
- 3) выразили заинтересованность в создании системы реагирования на возможные ракетные угрозы, в которой Россия, Соединенные Штаты Америки и Европа будут участвовать как равноправные партнеры (Россия зафиксировала свое несогласие с развертыванием американских систем ПРО в Восточной Европе);

- 4) заявили о необходимости вести диалог на высоком уровне по анализу нынешних и будущих угроз, которые представляют баллистические и крылатые ракеты средней и меньшей дальности, и определению вариантов реагирования на эти угрозы.

Полноценный диалог об обновлении концепции стратегической стабильности начался, однако, после прихода к власти в США администрации демократов. 1 апреля 2009 г. президенты Б. Обама и Д. А. Медведев выступили в Лондоне с совместным заявлением о возобновлении переговоров о подписании нового Договора СНВ, которые должны были начаться 24 апреля 2009 г. Накануне этого события российская сторона потребовала, однако, изменить условия переговоров. Выступая 20 апреля 2009 г. в Хельсинки, президент Д. А. Медведев заявил, что Россия будет вести переговоры по СНВ только при условии: 1) введения лимитов на комплексы стратегической ПРО; 2) отказа от милитаризации космоса и 3) зачета ударных высокоточных систем, т.е. крылатых ракет в неядерном оснащении. 20 июня 2009 г. последовало выступление Д. А. Медведева в Амстердаме, в котором он выступил за отказ от принципа возвратного потенциала. Хельсинкская и амстердамская речи Д. А. Медведева стали официальным предложением России к ревизии системы «вайомингского компромисса».

Соединенные Штаты не сразу согласились на это. Еще на предварительных переговорах в Риме 27 апреля 2009 г. сторонам удалось согласовать принципиальные моменты нового договора СНВ. После переговоров в Москве (19–20 мая 2009 г.) и Женеве (1–3 июня 2009 г.) стороны достигли базовых условий компромисса. На Московском саммите 6 июля президенты Б. Обамы и Д. А. Медведев подписали текст «Совместного понимания по вопросу о дальнейших сокращениях и ограничениях стратегических наступательных вооружений». В документе декларировалось намерение сторон сократить количество ядерных боезарядов до 1500–1675 единиц, а их носителей — до 500–1100. Дальнейшие условия компромисса не конкретизировались, что оставляло свободу для маневра.

Седьмой (19–30 октября 2009 г.) и восьмой (9 ноября 2009 г.) раунды Женевских переговоров вскрыли наличие серьезных разногласий. Российская сторона настаивала на сохранении принципа возвратного потенциала. Американская сторона выдвигала претензии к России по поводу испытаний МБР РС-24 «Ярс» с РГЧ ИН (изначально РС-24 «Ярс» был модернизированной ракетой РТ-2ПМ2 «Тополь-М», но в тексте СНВ-3 она числилась как отдельная МБР РС-12М2). Вашингтон не согласился пойти на ограничение или включение в зачет АПЛ,

переоборудованных под обычные КРМБ, а также ТБ В-1 и В-52, переоснащенных под неядерные КРВБ. С российской стороны были также заявления относительно необходимости включить Великобританию в переговорный процесс, поскольку ее ядерный потенциал включен в американскую систему ядерного планирования. Подписать Договор СНВ-3 к моменту истечения срока действия Договора СНВ-1 (5 декабря 2009 г.) сторонам не удалось.

Россия и США, однако, продолжали переговорный процесс. В феврале 2010 г. были найдены условия компромисса. Российская сторона согласилась снять требования по зачету крылатых ракет и отказу от принципа возвратного потенциала. Соединенные Штаты согласились вписать в Договор СНВ-3 формулу о взаимосвязи процесса СНВ и развертывания систем ПРО. Администрация Б. Обамы с конца 2009 г. стала сокращать программы космических исследований. Это снимало российские озабоченности по проблемам милитаризации космического пространства. 24 марта 2010 г. стороны объявили, что все документы для подписания нового договора готовы и согласованы. 26 марта 2010 г. была учреждена Двусторонняя консультативная комиссия, чтобы «содействовать осуществлению нового договора».

8 апреля 2010 г. на саммите в Праге президенты Д. А. Медведев и Б. Обама подписали Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (Договор СНВ-3, или Пражский договор). Его условия фактически заменили «вайомингский компромисс» 1989 г. принципиально новым «пражским компромиссом».

Во-первых, Россия и США договорились снизить к 2020 г. потолки СЯС до 1550 блоков у каждой из сторон. Вводились ограничения по количеству развернутых носителей (700 единиц) и суммарному количеству развернутых и неразвернутых пусковых установок (800 единиц). Никаких ограничений на структуры и подуровни ядерных триад нет.

Во-вторых, в документе не был прописан принцип возвратного потенциала. Указывалось, что «количество боезарядов является количеством боеголовок, установленных на развернутых МБР и на развернутых БРПЛ». Количество боезарядов определяется, таким образом, по реальному оснащению МБР и БРПЛ независимо от числа посадочных мест на платформах разведения, а любое количество КРВБ и ТБ считается за один боезаряд. Это фактически оставляло в силе положение о праве сторон на наличие «возвратного потенциала» как составной части «вайомингского компромисса».

В-третьих, в преамбуле к СНВ-3 стороны зафиксировали важность учета проблемы стратегических оборонительных вооружений для стратегического баланса.

В-четвертых, для повышения доверия было решено вести двусторонний обмен телеметрическими данными о пусках МБР и БРПЛ (раз в год не более чем по пяти пускам МБР или БРПЛ).

В-пятых, Россия и США пересмотрели принципы формирования стратегической триады. Пражский договор не фиксировал приоритетности переговоров по сокращению тяжелых МБР. Документ также не вводил лимиты на РГЧ ИН. Были также сняты все ограничения на пространственно-временные параметры мобильных МБР.

В-шестых, СНВ-3 не накладывал ограничений на модернизацию и замену СЯС. Необходимо только уведомить противоположную сторону о разработке или вводе в строй нового типа МБР и БРПЛ, который отличается от ранее заявленного техническими характеристиками по одному признаку: количеству ступеней, типу топлива, длине ракеты (без головной части), длине первой ступени, диаметру первой ступени более чем на 3%.

В-седьмых, СНВ-3 модифицировал структуру взаимных инспекций. Предусмотрено два типа инспекций: для подтверждения достоверности заявленных количеств развернутых СНВ и данных о неразвернутых, переоборудованных или ликвидированных вооружениях. Такие инспекции проводятся в местах загрузки МБР, БРПЛ, местах складского хранения МБР, БРПЛ и мобильных пусковых установок МБР, местах ремонта МБР, БРПЛ и мобильных пусковых установок МБР, на испытательных полигонах и в местах обучения. Договор СНВ-3, в отличие от СНВ-1, не предполагал, однако, проведения инспекций на местах производства баллистических ракет.

Россия и США ратифицировали Пражский договор с оговорками. Конгресс США — 24 декабря 2010 г. при условии отсутствия ограничений на развертывание систем ПРО, модернизации американских СЯС и начала переговоров с Россией по сокращению ТЯО. Федеральное собрание РФ — 26 января 2011 г. при условии развития ядерного комплекса РФ и учета фактора ПРО и начала переговоров о выводе американского ТЯО из Европы. Российская сторона оставила за собой право выйти из договора в случае резкого стратегического уровня ПРО. Договор СНВ-3 вступил в силу 5 февраля 2011 г. Между сторонами, однако, не было единства по проблеме ПРО. 6 апреля 2010 г. С. В. Лавров заявил, что Пражский договор будет заключен в рамках имеющихся уровней стратегических оборонительных вооружений. Иная точка зрения пре-

обладала в США. 13 мая 2010 г. договор был передан для ратификации в сенат. В тот же день министр обороны США Р. Гейтс выступил с разъяснением, что договор не содержит ограничений на развертывание системы ПРО. Для разрешения противоречия российская сторона инициировала три попытки переговоров.

Первой стал саммит президентов Д. А. Медведева и Б. Обамы 24 июня 2010 г. К этому времени МИД РФ разработал проект дополнительного протокола к Договору СНВ-3, включавший в себя ограничение на количество районов ПРО и развертываемых перехватчиков⁴⁹. Администрация Б. Обамы не приняла российский проект дополнительного протокола, фиксирующего количество противоракет и районы их базирования. Стороны ограничились совместным заявлением о намерении сотрудничать в области наблюдения за пусками баллистических ракет. (Которое в целом повторяло заявление президентов Б. Н. Ельцина и У. Клинтона от 2 сентября 1998 г.) На саммите «Группы восьми» в Торонто (Канада) 26–27 июня 2010 г. стороны только объявили о намерении искать компромисс по проблеме ПРО.

Второй попыткой стал Лиссабонский саммит НАТО 20–21 ноября 2010 г. Президент Д. А. Медведев предложил проект совместной «секторальной «ЕвроПРО»: российский и натовский секторы ответственности будут взаимодействовать друг с другом через общий центр обмена данными. Однако 9 января 2011 г. Совет НАТО принял решение, что система «ЕвроПРО» альянса будет развертываться отдельно от России. Переговоры в Берлине 16 апреля 2011 г. по «ЕвроПРО» завершились безрезультатно: страны НАТО поддержали идею партнерства с Москвой, но отказались от проекта «ЕвроПРО». Поиск компромисса был перенесен на саммит НАТО в Чикаго 19 мая 2012 г.

23 октября 2009 г. министерство обороны США приняло Европейский поэтапный адаптивный подход (ЕРАА). Он предусматривал развертывание системы «ЕвроПРО» в четыре этапа.

Первый этап (до конца 2011 г.) предполагал развертывание в Германии Центра управления ПРО (авиабаза Рамштайн), в Турции — радара *AN/TRY-2*, вывод на боевое дежурство в Средиземном море крейсера «Монтерей» с системой «*Eagles*» и противоракетами *SM-3 Block 1A*. США также отказались от продолжения совместной с Италией и Германией программы развертывания ПРО ТВД *MEADS (Medium Areas Defense System)*, предназначенной для поражения как воздушных целей, так и баллистических ракет дальностью полета до 1000 км.

Второй этап (до конца 2015 г.) предусматривал развертывание в Румынии (база Девеселу) базы ПРО наземного базирования, оснащенной противоракетным комплексом «Иджис Эшор», включающим в себя 24 противоракеты *SM-3 Block 1B*. (Отличается от противоракеты *SM-3 Block 1A* более совершенной

степень поражения, прежде всего за счет системы маневрирования и пространственной ориентации.) На Средиземном море предполагалось держать на боевом дежурстве два корабля (без уточнения класса) системы «Eagies», оснащенных противоракетами *SM-3 Blok 1A* и *SM-3 Blok 1B*. Систему ПРО ТВД НАТО предполагалось вывести на уровень, пригодный для поражения ракет средней дальности за счет замены противоракет *SM-2 Block 4* на *SBT-1* и, возможно, развертывания систем ПРО ТВД *THAAD*.

Третий этап (до конца 2018 г.) связан с постановкой и принятием на вооружение новой противоракеты *SM-3 Block 2-A*. Предусмотрено создание в Польше (город Слупск) второй наземной базы ПРО, оснащенной противоракетным комплексом «Иджис Эшор», включающим в себя 24 противоракеты *SM-3 Block 1B*. К концу 2018 г. планируется произвести замену противоракет *SM-3 Block 1A* и *1B* на противоракеты *SM-3 Block 1A*. На ПРО морского базирования «Eagies» должна будет произойти замена радара — *AN/SPY-1D* на новую радарную станцию *AMDR*, включающую в себя два радара *S*-диапазона и *X*-диапазона, сопряженных контролером. На вооружение ЗРК комплексов «Patriot» должны поступить новые противоракеты *SBT-2*.

Четвертый этап (до конца 2020 г.) остается дискуссионным. Основное внимание предполагается уделить переходу на противоракеты *SM-3 Block 2B*, прежде всего на базах Девеселу (Румыния) и Слупск (Польша). Группировка кораблей, оснащенных системами *Eagies*, может возрасти до 20 крейсеров и эсминцев. Их них примерно две трети должны нести боевое дежурство в Атлантическом океане, одна треть — в Северном и Средиземном морях, возможно, с периодическим заходом в Черное, Балтийское и Баренцево моря. Планируется также переход на перехватчики *SM-6*, оснащенные кинетической боеголовкой.

Такой план «ЕвроПРО» смещал упор со стратегической ПРО на ПРО ТВД. Однако он не предполагал взаимодействия с Москвой даже на уровне совместных проектов, предусмотренных Римской декларацией Россия—НАТО 2002 г.

Неудача переговоров на основе «лиссабонской формулы» вызвала новый виток напряженности. 7 марта 2011 г. госсекретарь США Х. Клинтон указала, что в Польше будут размещены постоянная база ВВС и элементы ПРО. 10 марта 2011 г. представитель МИД РФ А. К. Лукашевич заявил, что «Россию беспокоят и волнуют планы США размещения элементов ПРО и базы ВВС в Польше». 3 мая 2011 г. было парафировано американо-румынское соглашение о размещении на территории систем ПРО ТВД на базе Девеселу. 4 мая 2011 г. МИД РФ констатировал, что практические шаги по созданию европейского сегмента глобальной ПРО США предпринимаются вне зависимости от российско-американского диалога по противоракетной проблематике». 9 мая 2011 г. президент Румынии Т. Бесэску отказался предоставить России какие-либо гарантии.

Третьей попыткой переговоров стали предложения России заключить гарантийное соглашение с НАТО о ненаправленности против нее

систем «ЕвроПРО». 14 мая 2011 г. президент Д. А. Медведев направил главам государств—членов Совета Россия—НАТО послания, в которых подчеркнул необходимость гарантировать, что разворачиваемые в Европе противоракетные потенциалы не станут подрывать стратегическую стабильность и не будут направлены против какой-либо стороны. Предложения Д. А. Медведева 16 мая 2011 г. конкретизировал постоянный представитель РФ при НАТО Д. О. Рогозин. Гарантии НАТО России должны, по его мнению, включать юридические обязательства и технические сведения о «ЕвроПРО».

18 мая 2011 г. президент Д. А. Медведев также заявил, что если найти общую модель сотрудничества по ПРО не удастся, то Россия будет «форсировать развитие ударного потенциала своих ядерных средств». 9 июня 2011 г. о возможности выхода России из СНВ-3 заявил официальный представитель МИД РФ А. К. Лукашевич. Переговоры по «ЕвроПРО» стали фактически поиском формулы сохранения Договора СНВ-3.

Переговоры по «гарантийным предложениям» состоялись на заседании Совета Россия—НАТО в Сочи 4 июля 2011 г. Встреча не принесла результатов. Генеральный секретарь НАТО Андрес Фогг Расмусен заявил, что «секторальный подход», предложенный президентом Д. А. Медведевым в Лиссабоне, неприемлем для стран альянса. «У НАТО, — заявил он, — есть обязательства по обеспечению безопасности всех своих стран-членов. И мы не можем делегировать эти обязательства кому-то еще». Постоянный представитель России при НАТО Д. О. Рогозин заявил, что Москва готова вести переговоры по «ЕвроПРО» только при наличии юридических гарантий ненаправленности ПРО США против России. Продолжением переговоров стали визиты С. В. Лаврова в Вашингтон (11–13 июля 2011 г.), Д. О. Рогозина и заместителя министра иностранных дел России С. В. Рябкова в США (21–26 июля 2011 г.). Прийти к компромиссу сторонам, однако, не удалось.

Второй раунд «гарантийных переговоров» прошел осенью 2011 г. Еще 30 августа 2011 г. министр обороны А. Э. Сердюков обсудил проблему ПРО с атташе по вопросам обороны при посольстве США в Москве контр-адмиралом Дагласом Венлетом. 2 сентября 2011 г. МИД РФ запросил от Соединенных Штатов гарантий в связи с решением Турции разместить на своей территории американскую РЛС передового базирования *AN/TPY-2*. (20 сентября 2011 г. Турция заявила о приостановке реализации проекта.) 13 сентября 2011 г. было подписано американо-румынское соглашение о размещении компонентов американской системы ПРО в Румынии. В тот же день МИД России заявил: «Развитие событий лишь повышает актуальность получения от США и НАТО

твердых, юридически обязывающих гарантий ненаправленности развертываемых ими в Европе противоракетных средств против стратегических ядерных сил России». Такие гарантии виделись в Москве как выработанные в Совете Россия—НАТО «действенные и предметные решения относительно замысла и архитектуры ПРО, разворачиваемой в регионе». В начале октября 2011 г. появились сообщения о том, что Россия и США могут вернуться к идее компромисса через создание общего центра обмена данными о пусках баллистических ракет.

Второй этап «гарантийных переговоров» оказался столь же неудачным, как и первый. 30 сентября 2011 г. Д. О. Рогозин заявил, что следующий саммит Россия—НАТО состоится только при готовности альянса начать переговоры по проблеме ПРО. 7 октября 2011 г. МИД России выступил с критикой Вашингтона за принятие далекоидущих решений без коллективного обсуждения и без учета мнения всех заинтересованных сторон⁵⁰. Ситуация обострилась в середине ноября 2011 г., когда появились сообщения о намерении США использовать радар «*Globus-II*» в городе Вардё на крайнем востоке Норвегии, т.е. в нескольких десятках километров от баз российского Северного флота на Кольском полуострове. 23 ноября 2011 г. президент Д. А. Медведев заявил о возможности принятия ответных мер: приостановке расформирования дивизии РВСН в Козельске, возможности развертывания ОТР «Искандер» в Белоруссии и ускорение работ по созданию воздушно-космической обороны России. В крайнем случае Москва, по словам Д. А. Медведева, оставляла за собой возможность выйти договора СНВ-3.

Заявление Д. А. Медведева вызвало отрицательную реакцию США и НАТО. 8 декабря 2011 г. генеральный секретарь НАТО А. Ф. Расмуссен заявил, что военные контрмеры будут «напрасной тратой» для российского бюджета. Негативные заявления Госдепартамента США в отношении парламентских выборов в России усилили неблагоприятный психологический фон. На Мюнхенской конференции по безопасности 4–5 февраля 2012 г. С. В. Лавров заявил об отсутствии прорывов на переговорах по «ЕвроПРО». 7 марта 2012 г. Х. Клинтон отметила, что у России нет права вето на размещение систем ПРО в Европе.

23 марта 2012 г. президент Д. А. Медведев заявил о необходимости документально закрепить гарантии ненаправленности системы ПРО против России. Ситуация обострилась после сообщения 4 мая 2012 г. начальника Генштаба ВС РФ Н. Макарова о том, что в случае обострения обстановки не исключается нанесение упреждающего удара по системам ПРО в Европе. 21 мая 2012 г. Генеральный секретарь ОДКБ

Н. Бордюжа заметил, что размещение систем американской ПРО в Европе ведет к нарушению паритета. Визит президента В. В. Путина на саммит НАТО в Чикаго 19 мая 2012 г. не состоялся.

Неудача российско-американских переговоров по ПРО поставила под сомнение перспективы «пражского компромисса», Договора СНВ-3. Выход из него России может создать ситуацию отсутствия согласованной формулы стратегической стабильности. Это приведет к блокировке стратегического диалога Москвы и Вашингтона в том виде, как он сложился в советско-американских отношениях 1970-х годов.

На протяжении последних тридцати лет Россия выработала свою концепцию стратегической стабильности, отличающуюся от американской. Она несет в себе многие компоненты советской концепции одинаковой безопасности, включая взаимосвязь стратегических наступательных и оборонительных вооружений. До 2007 г. Россия искала в этой сфере компромисс с США на базе правил «вайомингского компромисса», а с 2009 г. пытается заменить его более выгодным «пражским компромиссом».

В настоящее время принцип стратегической стабильности требует обновления. Сокращение ядерных потенциалов России и США достигло пределов. Дальнейшие переговоры о сокращении стратегических наступательных вооружений возможны только при учете фактора ПРО и подключении к процессу третьих ядерных держав. Это объективно снижает шансы на их успешное проведение в 2010-х годах.

Примечания

¹ Intelligence Community Experiment in Competitive Analysis-Soviet Strategic Objectives: Report of «Team B» (PDF). National Archives. URL: <http://www.gwu.edu/~nsarchiv/NSAEBB/NSAEBB139/nitze10.pdf>.

² Подробный анализ этой проблемы см.: *Савельев А. Г.* Стратегические отношения СССР и США // *Международная жизнь*. 2008. № 11. С. 33–45.

³ Детали см.: *Goldman K.* Change and Stability in Foreign Policy: The Problems and Possibilities of Detent. Princeton: Princeton University Press, 1988.

⁴ *Рогов С. М.* Советский Союз и США: поиск баланса интересов. М., 1989.

⁵ См.: *Тюшкевич С. А.* Стратегическая стабильность в историческом изменении. М.: Арбизо, 1995.

⁶ См.: *Кокошин А. А.* Стратегическое управление. Теория, исторический опыт, сравнительный анализ, задачи для России. М.: РОССПЭН, 2003. С. 243–245.

⁷ *Дворкин В. З.* К вопросу о формировании политики национальной безопасности. М.: Мировая экономика и международные отношения, 2004. С. 55.

⁸ *Ознобищев С. К., Потапов В. Я., Скоков В. В.* Как готовился «асимметричный ответ» на «Стратегическую оборонную инициативу» Р. Рейгана: Велихов, Кокошин и другие. М.: ЛЕНАНД, 2008. С. 4.

⁹ *Космическое оружие. Дилемма безопасности* / Под ред. Е. П. Велихова, А. А. Кокошина, Р. З. Сагдеева. М.: Мир, 1986; *Стратегическая стабильность в условиях сокращения ядерных вооружений* / Кокошин А. А. и др. М.: Комитет Советских ученых в защиту мира, против ядерной угрозы. 1987.

¹⁰ *Кокошин А. А.* В поисках выхода. Военно-политические проблемы международной безопасности. М.: Политиздат, 1989.

¹¹ Правда. 1987. 19 мая.

¹² Правда. 1989. 4 октября.

¹³ На благо России. К 75-летию академика РАН Ю. А. Трутнева / Под ред. Р. И. Илькаева. Саров; Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2002. С. 328.

¹⁴ *Кокошин А. А.* Обеспечение стратегической стабильности в прошлом и настоящем: теоретические и прикладные вопросы. М.: КРАСАНД, 2009.

¹⁵ См., например: *Есин В. И.* Проблема ПРО в глобальной политике // *Международные процессы*. 2009. Май—август. Т. 7. № 2 (20); *Савельев А. Г.* Механизм принятия решения по вопросам ограничения и сокращения вооружений в СССР: конспект лекций. М.: МАКС Пресс, 2005; *Веселов В. А.* Международная безопасность: военно-политические аспекты. М.: МАКС Пресс, 2005.

¹⁶ *Ядерная перезагрузка: сокращение и нераспространение вооружений* / Под ред. А. Г. Арбатова и В. З. Дворкина. М.: РОССПЭН, 2011. С. 29.

¹⁷ Там же. С. 40.

¹⁸ *Золотарев П. В.* Возможный облик «новых рамок» стратегических отношений России и США. М.: Центр оборонной информации, 2002.

¹⁹ *The President's News Conference*. 1981. January 29. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=44101>.

²⁰ См.: *Геловани В. А., Пиотковский А. А.* Эволюция концепций стратегической стабильности: Ядерное оружие в XX и XXI веке / Под ред. С. В. Емельянова; предисл. Е. П. Велихова. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.

²¹ *Garthoff R. L.* *The Great Transition: American-Soviet Relations and the End of the Cold War*. Washington: Brookings, 1994. С. 268–271.

²² *Мясников Е.* Высоточное оружие и стратегический баланс. Долгопрудный: Центр по изучению проблем разоружения при МФТИ, 2000.

²³ *Сергеев И.* Без первого удара // *Российская газета*. 2001. 13 ноября.

²⁴ *Ядерная перезагрузка: сокращение и нераспространение вооружений...* С. 24.

²⁵ *Волков Е. Б.* Договор СНВ-2 и военно-стратегическое равновесие. М.: Международные отношения, 1994.

²⁶ Поскольку Договор СНП не содержал жестких обязательств, его принято называть Московским, подчеркивая его отличие от полноценных договоров СНВ-1 и СНВ-2.

²⁷ *Арбатов А. Г., Дворкин В. З.* Ядерное сдерживание и нераспространение. М.: Московский центр Карнеги, 2005. С. 57.

²⁸ *Веселов В. А., Лисс А. В.* Ядерное сдерживание. М.: МАКС Пресс, 2005.

²⁹ *Иванов С. Б.* Стратегическая стабильность на современном этапе // *Международная жизнь*. 2002. № 8.

³⁰ Российский научно-производственный центр «Комета» — головное предприятие в РФ по разработке систем стратегической ПРО.

³¹ *Craig C.* Duma Criticizes Helsinki Outcome; Postpones START II Discussions // *Arms Control Today*. April 1997. URL: http://www.armscontrol.org/act/1997_04/helsinki.

³² Executive Summary of the Report of the Commission to Assess the Ballistic Missile Threat to the United States. 1998. July 15.

³³ *Визит М. Олбрайт в Россию* // *Дипломатический вестник*. Февраль 1999. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.mid.ru/bdomp/dip_vest.nsf/99b2ddc4f717c733c32567370042ee43/a5eeff14c8938b75c32568870049a41b!OpenDocument.

³⁴ См.: Меморандум о договоренности между РФ и США о создании совместного центра обмена данными от систем раннего предупреждения и уведомления о пусках ракет. Москва, 4 июня 2000 г. // Официальный сайт президента Российской Федерации. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru>.

³⁵ Коммюнике совещания «Группы восьми» на Окинаве. Окинава 23 июля 2000 // Официальный сайт Президента РФ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://2002.kremlin.ru/summit2/s2_oki_doc1ru.html.

³⁶ *Nacht M.* The Politics: How Did We Get Here? // *The Washington Quarterly*. 2000. Summer. P. 86–88.

³⁷ The White House. Office of the Press Secretary. Remarks by the President to Students and Faculty at National Defense University, Fort Lesley J. McNair, Washington, D.C. 2001. May 1.

³⁸ *Daalder I. H., Lindsay J. M.* Missile Defense Plan Short on Substance // *Newsday*. 2001. May 2.

³⁹ Подробности: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/744416.html#ixzz2DpT4yby1>.

⁴⁰ СМИ: мюнхенская речь Путина — поворотная точка во внешней политике РФ 12.02.07. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.nr2.ru/policy/104025.html>.

⁴¹ *Сухов П.* Россия нашла асимметричный ответ странам НАТО // *Независимая газета*. 2007. 4 июля.

⁴² *Hidreth S. A., Ek C.* Long-Range ballistic missiledefense in Europe // *CRS Report for Congress no. RL34051*. Congressional Research Service. Washington, DC. 2007. 25 July.

⁴³ См.: Что дало России стратегическое партнерство с США? // *Родная газета*. 2007. 12–18 июля. № 21 (206).

⁴⁴ С асимметричным приветом // *Коммерсантъ*. 2007. 7 июля.

⁴⁵ *Лавров С. В.* Сдерживание России: назад в будущее? Россия в глобальной политике. 2007. № 4. Июль–август. Подробный ее анализ см.: *Бозатуров А. Д.* Вашингтон создает новую биполярность // *Независимая газета*. 2007. 21 августа.

⁴⁶ Головоломка, в которой общая картинка собирается из отдельных элементов. — *Ред.*

⁴⁷ *Burns R. Gates: US may delay missile shield // Washington Post. 2007. 23 October.*

⁴⁸ Декларация о стратегических рамках российско-американских отношений, Сочи, 6 апреля 2008 года // МИД РФ. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.mid.ru.

⁴⁹ *Лавров С. В. Новый договор СНВ в матрице глобальной безопасности // Международная жизнь. 2010. № 7.*

⁵⁰ Наш комментарий относительно неудачи переговоров по «ЕвроПРО» см.: *Has the 'missile defense reset' reached deadlock? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://english.ruvr.ru/radio_broadcast/46086744/58332750.html.*

Эволюция ядерных концепций России и США после «холодной войны»

На протяжении всего периода биполярной конфронтации ядерные концепции СССР и США были нацелены на гипотетический конфликт между ними. Еще в конце 1950-х годов эксперты обеих стран пришли к выводу о затруднительности достижения победы в условиях тотального применения ядерного оружия (ЯО)¹. Альтернативой выступали многочисленные сценарии ограниченной ядерной войны (1960-е годы), вариациями которой были концепции войны на базе ракет средней и меньшей дальности (1970-е годы), войны с использованием систем ПРО (1960-е и 1980-е годы). На практике с середины 1960-х годов лидеры СССР и США придерживались парадигмы «взаимно гарантированного уничтожения» (*mutually assured destruction — MAD*)².

В последние двадцать лет ситуация изменилась. Россия и США снизили порог ядерного сдерживания и вернулись к идеям гибкого реагирования начала 1970-х годов. После конфликта вокруг «третьего позиционного района ПРО» (2007) и «пятидневной войны» в Южной Осетии (2008) российские и американские эксперты заговорили об опасности прямого столкновения Москвы и Вашингтона. Подобный гипотетический конфликт видится аналитикам в форме регионально-го столкновения российских и американских вооруженных сил с использованием ограниченного количества ядерных боезарядов. (Опыт Хиросимы, Нагасаки, Тоцкого и Чернобыля доказал, что использование небольшого количества ЯО не угрожает глобальной экологической катастрофой.) Опасность реализации подобных сценариев может повыситься в случае резкого сокращения численности стратегических ядерных сил, развития высокоточных неядерных систем и создания различных типов систем ПРО.

10.1. США после «холодной войны»

Концептуальные установки современной ядерной доктрины Соединенных Штатов сформировались при администрации Дж. Ф. Кеннеди (1961–1963) и с тех пор не претерпели существенных изменений. Ядерная стратегия администрации Д. Эйзенхауэра ориентировалась

на нанесение тотального удара по стратегическому потенциалу СССР и (в случае необходимости) других социалистических стран. Ситуация изменилась после создания Советским Союзом средств доставки ЯО к территории США. Разработка аппаратом министра обороны США Р. Макнамары концепции «контрсилового удара» допускала различные варианты нанесения ядерных ударов. По выбору времени нанесения удар мог быть первым (*preemptive strike*), упреждающим (*preventive strike*), ответно-встречным (*launch of warring*) и ответным (*launch on impact*). По характеру целей ядерные удары подразделялись на демонстрационные (*demonstrative*), выборочные (*different*), частичные (*partial*) и полные (*total*). По характеру целей ядерный удар мог быть контрценностным (по городам), контрсилковым (по военным объектам) и комбинированным (по комбинации перечисленных целей). Контрсилового удар в свою очередь подразделялся на три варианта:

- поражение ключевых военных объектов противника, прежде всего СЯС;
- поражение военных объектов противника в прифронтовой или приграничной полосе;
- поражение вооруженных сил противника на одном или нескольких ТВД, не затрагивая при этом его территорию.

В начале 1970-х годов администрация Ричарда Никсона расширила схему. Этому способствовали технические новации. В 1964 г. на вооружение американских СЯС стали поступать разделяющиеся головные части (*Multiple Reentry Vehicles — MRV*) — боезаряды рассеивающегося или кассетного типа, устанавливаемые на БРПЛ «*Polaris A-3*». В 1970 г. на смену им пришли более совершенные разделяющиеся головные части индивидуального наведения на цели (*Multiple Independently Targetable Re-entry Vehicles*), которыми стали оснащаться МБР «*Minuteman-III*» и БРПЛ «*Poseidon*». Это позволило Соединенным Штатам увеличить забрасываемый вес боезарядов и расширить диапазон поражаемых целей. Параллельно в США разворачивалась ограниченная система стратегической ПРО «*Safeguard*». Поэтому с 1970 по 1971 г. американское стратегическое планирование предусматривало нанесение различных вариантов ядерных ударов (по классификации Р. Макнамары) в трех различных ситуациях:

- 1) СССР наносит контрценностный удар по США, Соединенные Штаты отвечают контрценностным ударом по СССР;
- 2) США наносят первый контрсилковой удар по СССР; Советский Союз отвечает контрценностным ударом по Соединенным Штатам;

- 3) США наносят первый контрсилевой удар по СССР; Советский Союз отвечает контрценностным ударом по Соединенным Штатам; США отвечают контрценностным ударом по СССР³.

Ключевой стратегической новацией американского ядерного планирования стало, таким образом, разделение СЯС на две категории. Первая: оперативно развернутые боезаряды (*operational warheads*), предназначенные для нанесения ядерного удара в заданное время. Вторая: резервные боезаряды (*reserved warheads*), предназначенные для решения задач после использования оперативно развернутых сил. Американские СЯС были, таким образом, переориентированы на ведение «гибких», или «многовариативных», сценариев ядерного конфликта. Группа Макнамары, кроме того, разрабатывала различные варианты послевоенной роли США. Речь шла о том, какой ядерный потенциал останется у Соединенных Штатов после окончания ядерного конфликта для выстраивания отношений с другими ядерными державами.

Модернизация доктринальных установок. Начавшаяся в 1985 г. политика перестройки в СССР не вызвала глубоких изменений в системе американского ядерного планирования. Ядерная доктрина США по-прежнему ориентировалась на сценарий масштабного ядерного конфликта с Советским Союзом. Его основой выступал обновляемый с 1960 г. единый интегрированный план ведения ядерной войны — *SIOP* (*Single integrative operation plan*). Даже в 1989 г. план *SIOP-7* ориентировался на сценарий полномасштабной ядерной войны с СССР. В случае войны ставилась задача уничтожения военно-политического руководства Советского Союза, а также советских СЯС путем массированного применения высокоточного ЯО⁴.

По мере нарастания кризиса в СССР в ядерном планировании США усиливались новые тенденции. В 1988 г. коллектив экспертов во главе с Г. Киссинджером, З. Бжезинским и Ф. Икле выработал документ «Доклад комиссии США по интегрированной долгосрочной стратегии»⁵. Документ рекомендовал отходить от доктрины взаимно гарантированного уничтожения, усиливать способность вооруженных сил действовать без ЯО и повышать ядерный порог. (Последний был радикально понижен администрацией Дж. Картера в 1979–1980 гг. в связи с вводом советских войск в Афганистан и развертыванием Советским Союзом БРСД «Пионер».) Сторонниками радикального изменения американской ядерной стратегии выступали бывший министр обороны США Роберт Макнамара, эксперты Карл Кайзен и Брюс Блэйр. Они рекомендовали администрации Дж. Буша-старшего отказаться от

преобладания контрсилового нацеливания американских СЯС и концепции нанесения первого ядерного удара.

12 мая 1989 г. президент Дж. Буш-старший заявил, что перед Вашингтоном стоят более широкие задачи, чем сдерживание СССР. «Мы стремимся к вовлечению СССР в сообщество наций», — подчеркнул президент США⁶. В том же 1989 г. министр обороны Р. Чейни сообщил о начале пересмотра американской системы ядерного планирования. Детали реформы не сообщались. По заявлению командующего Стратегическим авиационным командованием (САК) США генерала Л. Батлера, Вашингтон в 1989 г. отказался от принципиальной установки на глобальное ядерное столкновение с СССР. С подобными заявлениями выступил в марте 1990 г. и Комитет начальников штабов (КНШ).

Американское ядерное планирование сокращало количество целей на территории СССР, а затем — стран СНГ. В 1986 г. на советской территории насчитывалось примерно 16 тыс. целей. В 1989 г. их осталось примерно 12,5 тыс.: в 1991 г. — около 10 тыс. К началу 1992 г. речь шла примерно о 7 тыс. целей на всей территории бывшего Советского Союза⁷. В 1993 г. появился план *SIOP-93*, который предусматривал сокращение количества целей на территории Российской Федерации до 4 тыс. В марте 1992 г. КНШ указывал, что перед ядерными силами могут быть поставлены новые задачи в ответ на появление ядерных потенциалов в странах третьего мира. По указанию министра обороны Р. Чейни в 1992 г. была создана «комиссия Хоффмана» по обновлению американской системы ядерного планирования. Ее задачей был пересмотр установок ядерной доктрины США, принятой директивой Р. Рейгана *NSDD-13* (1981 г.)⁸.

По инициативе Л. Батлера в марте 1992 г. была создана комиссия по переоценке американской системы ядерного планирования. Она ввела в оперативно-стратегическое планирование понятие «оружие массового поражения» (*weapons of mass destruction*). В ноябре 1992 г. по инициативе Л. Батлера при министерстве обороны США была создана специальная комиссия по повышению гибкости американского ядерного планирования. Одновременно с ней Л. Батлер создал при министерстве обороны США внутриведомственную исследовательскую группу (*Strategic Planning Study Group*). По ее инициативе был разработан «подвижный план СИОП» (*living SIOP*). Его основой, по словам Л. Батлера, должно было стать «адаптивное планирование» (*adaptive planning*) — перманентное обновление системы поражаемых целей. Неизменным, по мнению группы Л. Батлера, должно было оставаться столько ста-

бильное ядро ядерной политики: наличие у американских СЯС высокого контрсилового потенциала⁹.

Пересмотр ядерной стратегии США продолжился при администрации Уильяма Клинтона (1993–2000). Министр обороны Лесс Эспин объявил 29 октября 1993 г. о начале всестороннего пересмотра ядерной стратегии¹⁰, который не проводился после Дж. Шлессинджера. 18 сентября 1994 г. президент У. Клинтон одобрил новый «Обзор ядерной стратегии США» (*Nuclear Posture Review*). Документ постулировал, что наибольшую потенциальную угрозу для Соединенных Штатов представляют российские СЯС. Приоритетными задачами ядерной политики США, таким образом, выступали:

- сдерживание России путем создания угрозы поражения объектов, представляющих ценность для ее военно-политического руководства;
- поддержание «потенциала воссоздания» (*potential of reconstitution*) американских СЯС: резерва складированных боезарядов для обеспечения сдерживания других ядерных держав;
- переориентация части американских СЯС для борьбы с будущими угрозами;
- подтверждение преимущественной ориентации американских СЯС на контрсилловые варианты поражения целей.

«Обзор ядерной стратегии США» 1994 г. постулировал многовариантность сценариев применения американских СЯС — от нанесения тотального удара до гибкого поражения комплекса избирательных целей. Наиболее выгодным вариантом политики сдерживания провозглашались комбинации поражения ключевых для противоположной стороны целей. Обзор подтверждал сформулированное в 1962 г. положение о преимущественно контрсилловом характере американской ядерной стратегии. Основными целями для нанесения стратегических ядерных ударов объявлялось ядерное оружие другой стороны и связанная с ним инфраструктура, а не города и промышленные центры противника.

На этой основе в середине 1990-х годов была разработана доктрина взаимно гарантированной безопасности (*mutually assured safety*). Она была оглашена министром обороны США Уильямом Перри 5 января 1995 г. в Центре им. Генри Стимпсона. В соответствии с ее условиями Вашингтон увязывал сокращение своих СЯС с продолжением Россией курса демократических реформ. Если российское руководство следовало набору «демократических ценностей», изложенных в Вашингтонской хартии от 17 июня 1992 г., американская сторона соглашалась продол-

жать переговоры по СНВ. В случае отказа Москвы от «демократических ценностей» Вашингтон оставлял за собой право иметь потенциал воссоздания СЯС до уровня конца 1980-х годов. Американские эксперты полагали, что в условиях затяжной экономической депрессии Россия не сможет содержать большое количество складированных боезарядов¹¹.

Следующей стратегической подвижкой стала подписанная президентом У. Клинтон в ноябре Президентская директива № 60 (PDD-60). Полный текст этого документа до настоящего времени остается закрытым: неизвестна даже точная дата подписания этого документа. (Условной датой считается ноябрь 1997 г.) Однако, судя по заявлениям официальных лиц, в нем сохранялось право США на нанесение первого ядерного удара. (Хотя при этом исключалась принятая в 1984 г. рекомендация вооруженным силам США быть готовыми одержать победу в «затяжной ядерной войне».) Документ PDD-60 постулировал три задачи, стоящие перед американскими СЯС. Первая — сдерживание вероятного противника (России) угрозой нанесения ударов по узкому кругу целей. Вторая — обеспечение возможности поражения объектов на территории стран, пытающихся создать ОМП. Третья — отказ от ставки на ответно-встречный удар переходом к концепции ответного удара. Применение ЯО должно было начаться только после получения подтверждения ядерного нападения на территорию Соединенных Штатов. «Стратегия национальной безопасности США для нового столетия» 1999 г. подтвердила, что американские СЯС служат преградой для «неопределенного будущего» и сдерживают других субъектов от приобретения ЯО.

Тенденции 1990-х годов закрепила администрация Дж. Буша-младшего. «Четырехлетний обзор состояния обороны» (утвержден президентом США 30 сентября 2001 г.) подтвердил, что сдерживание остается основой американской ядерной стратегии. Политика ядерного сдерживания была названа многовекторной, в которой все большую роль будут играть другие ядерные державы, особенно КНР. Развитием этих положений стал подписанный Дж. Бушем-младшим 8 января 2002 г. «Обзор ядерной политики США». Документ предусматривал возможность проведения объединенных операций с применением ядерных и неядерных сил (*Joint Nuclear Operations*). С этой целью предполагался переход к новой структуре стратегической триады:

- ударные наступательные системы (ядерные и конвенциональные);
- оборонительные системы (ПРО, ПВО, средства гражданской обороны);
- инфраструктура, обслуживаемая информационно-космическими телекоммуникациями.

«Обзор ядерной политики США» скорректировал систему нацеливания американских СЯС. Документ предполагал сокращение количества целей на территории Российской Федерации и увеличение целей на территории других ядерных государств, прежде всего КНР. В документе была изложена концепция «страховочного потенциала» (*hedge potential*). Речь шла о возможности возвращения на боевое дежурство складированных боеголовок. Администрация Дж. Буша-младшего, таким образом, косвенно подтвердила тезис администрации У. Клинтона о том, что российские СЯС остаются ключевой угрозой для национальной безопасности США.

В последующие три года администрация Дж. Буша-младшего подтвердила курс на снижение ядерного порога. «Стратегия национальной безопасности США» 2002 г. постулировала возможность: 1) создания угрозы применения ЯО против террористических сетей и поддерживающих их сил; 2) нанесения (в случае необходимости) превентивных ударов по военным объектам на территориях, находящихся под контролем террористических сетей. В Доктрине совместных операций с применением ядерного оружия (2005 г.) констатировалась возможность, что США применяют ЯО в локальных конфликтах не только против «государств-изгоев», но также против террористических сетей. В последнем случае документ допускал два сценария:

- 1) если террористические сети будут контролировать территории, подобно движению «Талибан» в Афганистане;
- 2) если террористические сети возьмут под контроль «слабое ядерное государство» (например, Пакистан).

Американские военачальники получали право запрашивать у президента санкцию на нанесение избирательных ядерных ударов по странам или группировкам, угрожающим применить ОМП против США или их союзников.

Проект реформы СЯС 2002 г. был, однако, воспринят в Пентагоне как излишне радикальный. После президентских выборов 2004 г. министр обороны США Д. Рамсфелд фактически приостановил его реализацию. Реформе подвергся только узкий сегмент американских стратегических вооружений. Эта реформа реализовывалась в рамках концепции «объединенных операций» (*joint operations*), получив развитие в форме доктрины «глобального удара» (*global strike*).

Еще в 2003 г. министерство обороны США утвердило концепцию «специальных объединенных операций», которая предусматривала прорыв глубокой обороны противника посредством взаимодействия всех родов войск¹². 13 апреля 2004 г. министр обороны США Д. Рамс-

фелд заявил о создании глобальных вооруженных сил, действующих по формуле «10 – 30 – 30»¹³. В августе 2004 г. ОКНШ утвердило концепцию глобального удара в рамках документа *CONPLAN 8022*. В декабре 2008 г. был введен в действие модернизированный Оперативный план 8010-08 (*OPLAN*) «стратегического сдерживания и глобального удара». Оба этих документа предусматривали как нанесение ядерных ударов, так и варианты использования обычного оружия¹⁴.

Параллельно создавались структуры для управления «объединительными операциями». В октябре 2002 г. командование Стратегическими силами США (*STRATCOM*) было объединено с командованием Космическими силами США (*SPACECOM*). 7 августа 2009 г. было создано командование глобальными ударами ВВС (*AFGSC*) с центром на военно-воздушной базе Бэркдейл (штат Луизиана). 1 декабря 2009 г. Командование взяло под контроль МБР, находящиеся в ведении ВВС США; 1 февраля 2010 г. — бомбардировщики стратегической авиации. 30 сентября 2010 г. командование заявило о достижении полных оперативных возможностей. Оперативно развернутые силы командования должны включать в себя 23 тыс. человек.

Приход в 2007 г. нового министра обороны США Роберта Гейтса привел к корректировке приоритетов американской ядерной политики. 21 марта 2007 г. Р. Гейтс указал на необходимость модернизации американских СЯС. 30 октября 2008 г. он заявил о стремлении России и КНР укрепить контрсилевой потенциал своих СЯС и необходимости укрепить традиционные компоненты американской «стратегической триады». Эксперты предполагали, что США начнут в ответ укреплять контрсилевой потенциал своих СЯС. Но после прихода к власти в 2009 г. демократической администрации Б. Обамы американское ядерное планирование стали ориентировать на модель радикального сокращения ядерных потенциалов всех ядерных держав. 8 апреля 2009 г. эксперты *Federation of American Scientist* выдвинули концепцию «минимального сдерживания» (*minimal deterrence*). Документ предусматривал:

- сокращение на 75% ядерных потенциалов России и Соединенных Штатов;
- снижение контрсилевых возможностей американских СЯС;
- перенацеливание оставшихся СЯС на ключевые объекты военной и экономической инфраструктуры противников;
- модернизация оставшейся части стратегического потенциала.

Такой подход напоминал ту часть концепции массивированного возмездия администрации Д. Эйзенхауэра, которая ориентировалась на сдерживание СССР и, отчасти, КНР посредством угрозы нанесения

контрценностных ударов. Это отражало приоритеты, объявленные президентом Бараком Обамой в Пражской речи 5 апреля 2009 г.: резкое сокращение количества СЯС и снижение роли ЯО в военной доктрине США (в будущем — переход к модели «виртуального сдерживания») как часть процесса всеобщего ядерного разоружения.

Официально министерство обороны США приняло концепцию «минимального сдерживания». Но разработки *FAS* были учтены аппаратом Р. Гейтса. Опубликованный в апреле 2010 г. «Обзор ядерной политики США» представлял собой сочетание традиционных и новых компонентов концепции ядерного сдерживания.

Во-первых, «Обзор...» 2010 г. стал первым документом, определившим ликвидацию ЯО как конечную цель политики США.

Во-вторых, в документе проблематике нераспространения ЯО уделялось такое же значение, как проблематике ядерного сдерживания. При этом сами рекомендации в области нераспространения повторяли положения «Национальной стратегии противодействия распространению ОМП» 2006 г.

В-третьих, «Обзор...» подтвердил важность ЯО для национальной безопасности США и рекомендовал сохранить стратегическую триаду как основы СЯС. Документ также рекомендовал поддерживать высокую боевую готовность американских СЯС и иметь в резерве количество ядерных боеголовок, способное обеспечить быстрое восстановление американских СЯС до уровня Договора СНП 2002 г.

В-четвертых, документ рекомендовал создавать новые производства для изготовления ядерных боезарядов. Такой подход расходится с провозглашенной в 1991 г. политикой отказа от производства новых ядерных боезарядов.

В-пятых, «Обзор...» 2010 г. подтверждал возможность взаимодействия США с союзниками, имеющими ЯО, — Великобританией и Францией. Речь шла о совместных действиях по предотвращению войны или совместном планировании ядерных ударов в случае ее начала. Новым положением было, таким образом, усиление американо-французского взаимодействия в ядерной сфере. (С Великобританией подобные отношения выстраиваются США в рамках «пакта Нассау» 1962 г.)

Ядерная стратегия США сохраняет, таким образом, многовариативный характер ядерного планирования. Это позволяет командованию ВС сил США наносить в случае необходимости ядерные удары как по всему стратегическому потенциалу, так и по выборочным объектам противоположной стороны, включая ее СЯС. Новым вариантом этой стратегии стала провозглашенная в 2010 г. приоритетность нацеливания американских СЯС на экономический потенциал возможных

противников. В новых условиях современные количественные потоки американских СЯС становятся «избыточными». Перед американским ядерным планированием появляется новая задача: привести количественные показатели СЯС в соответствие с новыми задачами.

Эволюция военно-технической составляющей американских СЯС. На протяжении последних двадцати лет материально-технические возможности американских СЯС подтягивались под новые стратегические приоритеты. До конца 1980-х годов приоритетом американского планирования было повышение их контрсилловых возможностей. Со времен администрации Р. Никсона задачами развития американских СЯС выступали их оснащение РГЧ ИИ и повышение их возможности поражать высокозащищенные цели, прежде всего пусковые установки шахтного базирования и подземные командные пункты. В середине 1990 г. американские СЯС включали в себя 10 563 оперативно развернутых боезаряда и 2246 носителей¹⁵:

Состав американских СЯС в середине 1990 г.

Наземный компонент	Морской компонент	Воздушный компонент
450 МБР « <i>Minuteman-II</i> » с 450 боезарядами	192 БРПЛ « <i>Poseidon</i> » С-3 с 1920 боезарядами	470 ТБ В-52 с 2258 боезарядами
500 МБР « <i>Minuteman-III</i> » с 1500 боезарядами	384 БРПЛ « <i>Trident-I</i> » (С-4) с 3072 боезарядами	95 ТБ В-1В
50 МБР « <i>MX-Peacekeeper</i> » с 500 боезарядами	96 БРПЛ « <i>Trident-II</i> » с 768 боезарядов	
Всего: 1000 МБР с 2450 бое- зарядов	Всего: 672 БРПЛ с 5760 боезарядов	Всего: 574 ТБ с 5760 боезарядов

Договор ОСВ-2 (1979 г.) ввел лимиты для СССР и США: 2400 оперативно развернутых стратегических боезарядов и 1320 боезарядов на РГЧ ИН. Конгресс США не ратифицировал ОСВ-2, хотя администрация Р. Рейгана заявила в 1981 г. о готовности соблюдения его лимитов. Но США продолжили разработку мобильных МБР МХ и «*Midgetman*», БРПЛ «*Trident-II*», работы по созданию стратегического бомбардировщика В-2 и КРВБ *AGM-129*. 27 мая 1986 г. администрация Р. Рейгана заявила о том, что задачи плановой модернизации американских СЯС превышают лимиты ОСВ-2. 15 декабря 1986 г. Вашингтон объявил о прекращении соблюдения его положений.

Новая стратегическая концепция требовала сокращения избыточного компонента американских СЯС. Сокращения были выполнены в рамках реализации советско-американского договора СНВ-1 (1991; 1994).

Договор установил лимит в 6500 оперативно развернутых боезарядов для каждой из сторон. В рамках этих обязательств Соединенные Штаты сократили к концу 2001 г. свои стратегические вооружения по носителям на 1009 ед. (около 45%), а по стратегическим зарядам — на 4615 ед. (около 44%). Было ликвидировано около 450 МБР «*Minuteman II*», 23 АПЛ типа «*Lafayette*» с БРПЛ «*Poseidon*» и «*Trident-I*», а также устаревшие стратегические бомбардировщики типа В-52Н. Вашингтон также ликвидировал шахтные пусковые установки МБР «*Minuteman II*», и разгрузил 150 МБР «*Minuteman-III*» с трех до одного боезаряда, а также 168 БРПЛ «*Trident-I*» с 8 до 6 боезарядов. Суммарное количество боезарядов на МБР наземного и морского базирования стало укладываться в лимит 4900 единиц. Американская сторона также заявила при подписании СНВ-1 о добровольном ограничении КРМБ до 880 единиц.

27 сентября 1991 г. президент Дж. Буш-старший объявил новую, более глубокую программу сокращения СЯС. Белый дом сообщил о решении отменить программы создания мобильных ПУ для 50 МБР МХ и мобильных элементов для МБР «*Midgetman*». Республиканцы также предложили СССР заключить договор о ликвидации всех МБР с РГЧ ИН и заявили о намерении сократить количество американского ТЯО в Европе¹⁶. В послании конгрессу 28 января 1992 г. президент Дж. Буш объявил ряд односторонних мер по сокращению вооружений, в числе которых были:

- приостановка разработки мобильных вариантов базирования МБР «*Midgetman*»;
- отказ от дальнейшего производства МБР МХ (в будущем допускалась возможность их полной ликвидации);
- сокращение количества боеголовок на каждой МБР «*Minuteman-III*» до одной;
- сокращение на треть общего количества оперативно развернутых боеголовок на БРПЛ в случае, если страны бывшего СССР ликвидируют МБР с РГЧ ИН;
- прекращение производства боеголовок *W-88* для РГЧ ИН на БРПЛ «*Trident-II*»;
- прекращение закупок перспективной КРВБ *SRAM-2*;
- переориентация части ТБ на решение неядерных задач.

Администрация У. Клинтона модифицировала эту политику. Соединенные Штаты продолжали выполнять свои обязательства по Договору СНВ-1. Но параллельно в рамках концепции взаимно гарантированной безопасности министр обороны У. Перри расширил смысл понятия «потенциал воссоздания». Соединенные Штаты, по его мне-

нию, должны были сохранить не только складированные ядерные боезаряды, но и оружейный комплекс для их производства. Последний состоял из трех национальных лабораторий (Лос-Аламосской, Ливерморской, «Сандиа»), заводов по серийному производству ядерных боезарядов и их компонентов. В случае необходимости у США должны были остаться мощности для быстрого восстановления производства ЯО. В целом в рамках политики взаимно гарантированной безопасности ядерный потенциал США был разделен на четыре категории:

Структура стратегического потенциала США в рамках концепции взаимно гарантированной безопасности

Активный арсенал	Пассивный арсенал
a) Боезаряды, оперативно развернутые на стратегических носителях	c) Резервные боезаряды, которые не находятся в готовности к развертыванию, но могут быть использованы для замены боезарядов активного арсенала
b) Боезаряды, снятые со стратегических носителей, но поддерживаемые в состоянии готовности к развертыванию	d) Боезаряды, снятые с стратегических носителей и подлежащие уничтожению

Наибольшую значимость в американском ядерном планировании играет категория (b). Именно он «призван» обеспечить в случае необходимости потенциал быстрого восстановления СЯС. В конце 2000-х годов он состоял из снимаемых в порядке разгрузки ядерных боезарядов *W-78* с МБР «*Minuteman-II*», *W-76* — с БРПЛ «*Trident-II*» и *W-87* — с подлежащих уничтожению МБР «*MX-Peacekeeper*»¹⁷:

Состав боезарядов категории А в середине 2000-х годов

Тип боезаряда	Год принятия на вооружение	Тип носителя	Тротиловый эквивалент, кт
<i>W-62 (Mk-12)</i>	1970	МБР « <i>Minuteman-III</i> »	170
<i>W-78 (Mk-12A)</i>	1979	МБР « <i>Minuteman-III</i> »	335
<i>W-87 (Mk-21)</i>	1986	МБР « <i>MX-Peacekeeper</i> », « <i>Minuteman-III</i> »	475
<i>W-76 (Mk-4)</i>	1978	БРПЛ « <i>Traident-I</i> », « <i>Traident-II</i> »	100
<i>W-88 (Mk-5)</i>	1988	БРПЛ « <i>Traident-II</i> »	475
<i>W-80-1</i>	1981	КРВБ <i>AGM-86B</i> , <i>AGM-129A</i>	5 /150*
<i>B-83</i>	1981	ТБ <i>B-52H</i> , <i>B-2A</i>	1200

Окончание

Тип боезаряда	Год принятия на вооружение	Тип носителя	Тротиловый эквивалент, кт
<i>B-61-7</i>	1985	ТБ <i>B-52H</i> , <i>B-2A</i>	10 / 340*
<i>B-61-11</i>	1996	ТБ <i>B-2A (B-52H)</i>	0,3 / 5 / 340* ¹⁸

* Прогнозируемый эквивалент.

Министр обороны Д. Рамсфелд обосновывал необходимость «возвратного потенциала» прекращением производства в США ядерных боезарядов и отсутствием действующих производственных линий. Но одновременно его наличие согласуется с популярными после Р. Макнамары концепциями о необходимости наличия у США ядерных сил для «послевоенного времени» — состояния после гипотетического конфликта с одной из ядерных держав.

Такая структура ядерного потенциала Соединенных Штатов позволяет выявить важные тенденции. *Во-первых*, последняя крупная модернизация качественных параметров американских боезарядов пришлась на 1980-е годы. (После этого в 1996 г. были поставлены на вооружение только боезаряды *B-61-11*.) *Во-вторых*, новейшие типы боеголовок 1980-х годов размещаются прежде всего на морском и воздушном компоненте американских СЯС. *В-третьих*, для морских и наземных носителей стратегического ЯО происходит постепенная унификация боезарядов: переход на носители типа *W-87* и *W-88*. Для воздушного компонента характерна большая дифференцированность количества и качества ядерных боезарядов.

В середине 1990-х годов американские СЯС вступили в новую полосу сокращения. Российско-американский договор СНВ-2, ратифицированный конгрессом в 1996 г., предусматривал сокращение оперативно развернутых ядерных боезарядов до 3500 единиц у каждой из сторон. Соединенные Штаты обязались: 1) переоснастить из трехзарядных в моноблочные 500 МБР «*Minuteman-III*»; 2) снять с боевого дежурства 50 МБР *MX* с РГЧ ИН и 450 МБР «*Minuteman-II*»; 3) прекратить работы по созданию мобильной ПУ в железнодорожном варианте и легкой мобильной МБР «*Midgetman*». Договор СНВ-2 сохранил при этом за США возможность воссоздания быстрого СЯС посредством сохранения «возвратного потенциала» в количестве 4500 единиц. Из них более 1000 боезарядов относилось к БРПЛ «*Trident-II*», около 1350 — к МБР «*Minuteman-III*» (последние также можно было использовать для дозагрузки МБР типа *MX*), 2232 авиабомбы — для 93 бомбардировщиков *B-1B*.

Сокращению американских СЯС соответствовал отказ администрации У. Клинтона от производства расщепляющихся материалов в военных целях. В 1994 г. Вашингтон прекратил производство урансодержащих узлов вторичного «каскада» термоядерных боезарядов. В марте 1995 г. президент У. Клинтон объявил избыточными для нужд обороны 50 т плутония и заявил о намерении не использовать его в военных целях. К началу 2010 г. США имели около 5000 плутониевых сердечников, складированных на заводе «Пантекс» (штат Техас) в качестве стратегического резерва. Еще около 9000 сердечников, хранящихся на комплексе «Пантекс» с 1993 г., содержали в себе большую часть из 43 т оружейного плутония, объявленного администрацией У. Клинтона избыточным¹⁹.

Технические планы обновления американских СЯС выглядели при этом скромно. Администрация У. Клинтона объявила о намерении переоснастить МБР «*Minuteman-III*» боеголовками *W-87* от МБР «*Peacekeeper*» и сохранить на БРПЛ «*Trident-II*» боеголовки *W-88*²⁰. Последние были предназначены исключительно для быстрого (с учетом короткого подлетного времени) поражения высокозащищенных целей типа шахтных пусковых установок МБР, подземных командных центров и ударов по площадям рассредоточения мобильных МБР. Но Вашингтон при этом разрабатывал проекты создания нового поколения ядерных боезарядов. В феврале 1996 г. президент У. Клинтон подписал Меморандум об арсенале ядерного оружия (*NWSM-96*). Документ представлял собой план модернизации части складированных ядерных боезарядов до 2001 г.

Провал ратификации Договора СНВ-2 ужесточил американскую позицию. В 2000 г. министерство энергетики США объявило о начале реализации пятнадцатилетнего плана по обновлению 6000 ядерных боеголовок. Это примерно вдвое превышало лимит, предусмотренный СНВ-2. Лишние боеголовки оставались в «неактивном резерве» (категория С). Такая мера выглядела как подготовка Вашингтона к выходу из СНВ-2. В том же 2000 г. в структуре министерства энергетики была создана Администрация национальной ядерной безопасности (*Nation Nuclear Security Administration — NNSA*). Ее задачей было осуществление во взаимодействии с Пентагоном руководства всеми военными ядерными программами США. В ее ведении находятся и все три национальные ядерные оружейные лаборатории — Лос-Аламосская, Ливерморская и Сандийская.

Подписанный 24 мая 2002 г. российско-американский Договор СНП предполагал дальнейшие сокращения американских СЯС. Его условия предусматривали сокращение к 2012 г. количество оперативно

развернутых ядерных боезарядов до 2200 у каждой из стороны. «Обзор ядерной политики США» 2002 г. планировал, что сокращение американских СЯС произойдет в два этапа.

К 2007 г. предполагалось довести объем оперативно развернутых боезарядов до 3800 за счет снятия с боевого дежурства 50 МБР *MX* и переоборудования 4 ПЛАРБ в носители крылатых ракет. В 2007–2012 гг. сокращение должно было проводиться за счет разгрузки стратегических носителей на БРПЛ «*Trident-II*» и МБР «*Minuteman-III*». К 2012 г. американские СЯС должны были включать в себя 14 ПЛАРБ с БРПЛ типа «*Trident-II*», 500 МБР «*Minuteman-III*» и 76 ТБ И-52Н и 21 бомбардировщик *B-2*.

Приоритеты США в области разоружения были скорректированы в 2007 г. министром обороны Робертом Гейтсом. В области разоружения Вашингтон не только выполнил, но и отчасти перевыполнил стратегический план 2002 г. К началу 2011 г. американские СЯС включали в себя 2150 оперативно развернутых боезарядов:

Состав американских СЯС в начале 2011 г.²¹

Наземный компонент	Морской компонент	Воздушный компонент
250 МБР « <i>Minuteman-III</i> » <i>Mk-12</i> с 200 боеголовками	БРПЛ « <i>Trident-II</i> » <i>D-5 Mk-4</i> с 568 боеголовками	93 ТБ типа <i>B-52H</i> (оперативно развернуты — 44) с 200 боеголовками
200 МБР « <i>Minuteman-III</i> » <i>Mk-21</i> с РГЧ ИН с 300 боеголовками	БРПЛ « <i>Trident-II</i> » <i>D-5 Mk-4A</i> с 200 боеголовками	21 ТБ типа <i>B-2</i> (оперативно развернуты — 16) со 100 боеголовками
	БРПЛ « <i>Trident-II</i> » <i>D-5 МК-5</i> с 384 боеголовками	
Всего: 450 МБР с 500 оперативно развернутыми боезарядами	Всего: 288 БРПЛ с 1152 оперативно развернутыми боезарядами ²²	Всего: 113 ТБ (оперативно развернуто — 60) с 300 боеголовками

Но одновременно при Р. Гейтсе министерство обороны США усилило координацию действий с министерством энергетики. Еще 27 июня 2005 г. администрация Дж. Буша-младшего санкционировала возобновление процесса накопления плутония, не указав при этом, будет ли он доведен до состояния оружейного плутония. В декабре 2008 г. министерство энергетики США предложило построить на базе Лос-Аламосской национальной лаборатории химико-металлургический опытный завод по производству замещающих ядерных боеприпасов с ограничением производственной мощности в 20 плутониевых сердечников в год и с предельной мощностью в 80 сердечников. Министерство обороны США в целом поддержало этот проект.

В 2010 г. планы воссоздания в Соединенных Штатах производства ЯО были расширены. Национальное управление по ядерной безопасности заявило о намерении до 2020 г. потратить на содержание и модернизацию ядерных боезарядов, развитие производственных мощностей более 92 млрд долл. Указывалось, что в будущем будут построены три предприятия по производству ЯО, способные выпускать 80 боеголовок ежегодно: предприятие по переработке урана в Ок-Ридже (штат Теннесси), химико-металлургический опытный завод по производству замещающих ядерных боезарядов в Лос-Аламосе (штат Нью-Мексико) и завод в Канзас-Сити (штат Миссури).

Менее ясны планы Соединенных Штатов по модернизации стратегической триады. Наземный компонент СЯС планируется довести к 2020 г. до 400–420 МБР «*Minuteman-III*». (Срок службы таких ракет при этом продляется до 2030 г.) 11 августа 2010 г. была демонтирована последняя боеголовка *W-62* мощностью 170 кт. На вооружении МБР остаются только боеголовки типов *W-78* и *W-87* мощностью около 300 кт.

Неясными остаются и перспективы модернизации воздушного компонента американских СЯС. До 2035 г. ВВС США планируют сохранять в резерве парк тяжелых бомбардировщиков *B-52H*. (На модернизацию их действующего парка выделено 1,7 млрд долл.) В 2013 г. начнется изучение вопроса о замене существующих КРМБ класса «*Tomahawk*» на перспективные крылатые ракеты дальнего радиуса действия, — гиперзвуковые КР типа «*Fasthawk*». В середине 2010-х годов также ожидается запуск программы НИОКР по созданию более перспективных типов ТБ.

Серьезная модернизация намечена только для морского компонента СЯС. Военно-морской флот США планирует после 2019 г. заменить ПЛАРБ типа «*Ohio*» 12 АПЛ следующего поколения. АПЛ нового поколения будут нести по 16 БРПЛ каждая, что должно повысить их оперативную гибкость. Продолжается переоснащение БРПЛ «*Trident-II D-5*» боеголовками *W-76*, способными поражать высокозащищенные цели.

Параллельно в Соединенных Штатах происходят дальнейшие проработки программы модернизации СЯС. Администрация Б. Обамы заявила в мае 2011 г. о начале пересмотра системы ядерного планирования. В мае 2012 г. комиссия во главе с вице-председателем КНШ генералом Дж. Картрайтом опубликовала доклад «Модернизация ядерной стратегии США, состояние и структура сил». Документ указывает, что современные ядерные арсеналы США и России «значительно превышают разумные требования к политике сдерживания». Эксперты

предлагают сократить ядерные арсеналы США и России до 900 стратегических боеголовок, половина из которых должна находиться в оперативно развернутом состоянии и половина — в резерве. 450 оперативно развернутых боезарядов находились бы в состоянии готовности к запуску от 24 до 72 часов. Резервные ядерные боезаряды могли бы быть готовы к оперативному развертыванию в «пределах недель или месяцев».

Более радикальный вариант предложили летом 2012 г. американские эксперты С. Дрелл и Дж. Гудби. По их мнению, к 2021 г. американские СЯС могли бы состоять из трех компонентов:

Ядерные силы США по С. Дреллу и Дж. Гудби

Компонент СЯС	Оперативно развернутые силы	Силы ответного удара
Морской	3 АПЛ типа «Ohio» и «Lafayette» на боевом патрулировании с 24 БРПЛ «Trident-I», несущих по 96 боезарядов переключаемой мощности	3 резервных АПЛ с 24 БРПЛ «Trident-II», несущих по 96 боезарядов переключаемой мощности 2–3 АПЛ в ремонте
Наземный	100 моноблочных МБР «Minuteman-III» шахтного базирования	50 или 100 МБР «Minuteman-III», выведенных из состояния немедленной готовности к запуску со снятыми боеголовками
Воздушный	20–25 бомбардировщиков B-2 и B-52H с гравитационными авиабомбами или авиационными крылатыми ракетами	20 до 25 ТБ без вооружений в состоянии техобслуживания или тренировочных полетов

Эти проекты остаются дискуссионными. Однако они демонстрируют две тенденции в развитии ядерной политики США. Первая — продолжающееся снижение опоры на ЯО в военной стратегии. Вторая — повышение мобильности американских ядерных сил. Вашингтон по сути стремится ограничить свои силы сдерживания мощными морскими и воздушными компонентами. Сухопутному компоненту будет отводиться роль дополнения к морскому и воздушному. Упор смещается на гибкие схемы применения ЯО, что требует развития стратегической авиации и модернизации ядерных боезарядов.

Американские проекты создания нового типа ядерных боезарядов. На фоне проектов модернизации СЯС в Соединенные Штаты ведутся НИОКР по созданию нового поколения ЯО. Идея создания нового поколения ядерных боезарядов не нова. В годы «холодной войны» проводились эксперименты по трем направлениям:

- 1) разработка «оружия направленной энергии», использующего энергию ядерного взрыва для поражения объектов;
- 2) создание нейтронного оружия, поражающего не ударной волной, а выбросом радиоактивных элементов;
- 3) производство боезарядов с обедненным ураном — бронебойных сердечников, содержащих изотопы U-238.

Наибольших успехов США достигли в области создания нейтронного оружия. В 1977 г. администрация Дж. Картера запустила проект создания нейтронных боезарядов: 203-миллиметровые артиллерийские снаряды и боеголовки для ОТР «Lance». Теоретически оно предназначалось для отражения советского танкового наступления в Центральной Европе. В 1981 г. Совет НАТО в рамках «стратегии довооружения» одобрил размещение американского нейтронного оружия в Европе. С 1984 г. администрация Р. Рейгана приступила к реализации этого проекта, что породило волну «антинейтронных» выступлений в странах Западной и особенно Северной Европы. Но президент Д. Буш-старший уничтожил нейтронное оружие в ходе односторонних параллельных инициатив о сокращении ТЯО 1991–1992 гг.

Параллельно США и СССР определили статус боезарядов с обедненным ураном.

До середины 1980-х годов в научной литературе шли споры о том, считать эти боезаряды частью ТЯО или особым видом вооружений. Только на Женевских переговорах 1987 г. стороны договорились вынести боезаряды с обедненным ураном из категории ядерных вооружений. Эксперты полагали, что их применение не приводит к выбросу радиации. Но опыт Балканских войн 1990-х годов доказал, что применение сердечников с обедненным ураном приводит к эффектам облучения и всплеску лейкемии.

После окончания «холодной войны» в Соединенных Штатах были введены законодательные ограничения на разработку нового поколения ЯО²³. Причиной стали опасения, что в ходе боевых действий военные могут использовать «маломощный ядерный боезаряд», не ожидая санкции из Вашингтона. В 1993 г. конгресс США принял поправку к закону о бюджете на 1994 финансовый год, в которой запретил выделять средства на НИОКР по созданию ядерных боезарядов мощностью менее 5 кт. Это решение в литературе стало называться Резолюция Фурса—Спратта (*Spratt-Furse Provision*). В ноябре 1993 г. в США, согласно официальной информации, были прекращены НИОКР по созданию нового поколения ЯО.

Администрация У. Клинтона формально соблюдала этот запрет. Но 24 июня 1995 г. министерство обороны США запустило програм-

му повышения защищенности ядерных боеголовок на БРПЛ. В 1996 г. появились сообщения о том, что в рамках этой программы разрабатываются проекты малых ядерных боезарядов типа *B-61-11*, предназначенных для поражения подземных высокозащищенных целей. В СМИ обсуждался вопрос о ведущихся в ее рамках разработках «боеголовок будущего» *W-94* и *W-95*²⁴. Администрация У. Клинтона не опровергала эти сообщения, отмечая, что подобные проекты носят сугубо исследовательский характер.

Ситуация изменилась после прихода к власти администрации Дж. Буша-младшего. С 2000 г. лаборатории «Лос-Аламос» и «*Sandia*» начали борьбу за отмену Резолюции Фурса—Спрагга. Сторонником этой отмены был также один из руководителей Ливерморской лаборатории Стивен Янгер, который занял в 2001 г. пост директора Агентства по уменьшению угрозы при министерстве обороны США. Достоинством малых ядерных боезарядов были, по его мнению, меньший ущерб окружающей среде, чем в случае применения классического ЯО, а также большая степень надежности при их поддержании в состоянии боеготовности, чем у традиционных ядерных боезарядов.

Работы по созданию сверхмалого ЯО были окончательно легализованы в «Обзоре ядерной политики США» 2002 г. После его утверждения весной 2002 г. в американских СМИ прокатилась волна публикаций о ведущихся исследованиях по проектированию «мини-нюксов» (от англ. *mini nukes* — миниатюрные боезаряды)²⁵. Речь шла о создании ядерных боезарядов мощностью 1–5 кт, способных поражать заглубленные цели подземным ядерным взрывом при минимальном выбросе радиоактивных осадков. Основной их задачей считалось поражение подземных высокозащищенных целей закупоренным взрывом и с минимальным выбросом радиоактивных осадков²⁶. Отсюда следовало другое их название — «противобункерные боезаряды» (*bunker busters*).

Большое внимание американские эксперты уделяли обсуждению потенциальных целей для использования «миниатюрного ЯО». В качестве объектов для поражения назывались труднодоступные цели на территории «стран-изгоев», «убежища бен Ладена», «подземные склады ОМП» и даже российский пункт стратегического управления на Южном Урале. В американских СМИ обсуждался сценарий применения сверхмалого ЯО Пентагоном при проведении операции в горах Тора Бора (граница Афганистана и Пакистана) на рубеже 2001–2002 гг. Не исключались варианты поражения «закупоренными взрывами» труднодоступных объектов в горных районах Ирана и КНДР. В середине 2000-х годов эксперты выдвинули несколько технических схем для создания «мини-нюксов»:

- уменьшение поражающей мощи ЯО до уровня менее одной килотонны;
- создание «чистого термоядерного оружия», реакция синтеза в котором инициируется альтернативным реакцией деления источником энергии;
- создание боезарядов на основе радиоактивного элемента гафния.

В феврале 2003 г. президент Дж. Буш-младший направил конгрессу сопроводительное письмо к сформированному администрацией бюджетному запросу на оборонные нужды министерства обороны и министерства энергетики в 2004 г. В нем были выделены четыре приоритета в области развития ядерного оружия:

- отменить Резолюцию Фурс—Спратта, запрещавшую разработку сверхмалого ЯО (менее 5 кт);
- выделить 6 млн долл. на инициативу по разработке перспективных видов ядерного оружия (*Advanced Concepts Initiative — ACI*);
- направить 15 млн долл. для продолжения работ по разработке прочной, заглубляющейся в грунт ядерной боеголовки для поражения сильно заглубленных целей типа *HDPT (Hard and Deeply Buried Targets)*;
- выделить 25 млн долл. на работы по установлению срока готовности Невадского испытательного полигона к возобновлению ядерных испытаний.

На слушаниях в конгрессе 20 мая 2003 г. министр обороны США Дональд Рамсфельд заявил, что Вашингтон намерен только изучать возможности нового оружия, а не применять его на практике. Это было серьезной оговоркой. Однако при принятии бюджета на 2004 финансовый год администрация Дж. Буша-младшего сумела убедить конгресс в легализации работ по созданию нового типа ЯО. 22 ноября 2003 г. конгресс отменил Резолюцию Фурс—Спратта, что санкционировало разработку новых видов ЯО.

Принятие решения о разработке «мини-ньюков» сопровождалось некоторыми структурными переменами. Поначалу в *NNSA* имелся Консультативный комитет независимых ученых и экспертов в области ЯО. Однако летом в 2003 г. он был распушен. В августе 2003 г. на базе Стратегического командования Оффут (штат Небраска) состоялось секретное совещание якобы по ЯО малой мощности — «мини-ньюкам» — разрушителям бункеров. На это совещание, судя по открытым источникам, не были допущены даже представители конгресса. После него *NNSA* де-факто потеряла свой полунезависимый статус и стала строго засекреченной руководящей структурой ядерного оборонного комплекса США.

После 2005 г. количество открытых публикаций по проблеме «нового ЯО» заметно сократилось. После прихода на пост министра обороны Р. Гейтса публикации по данной проблеме почти исчезли из открытой печати. (Известно, что американские специалисты располагают самой мощной в мире лазерной установкой *NIF — National Ignition Facility*.) Возможно, причиной стало урезание финансирования работ по созданию «мини-нюклов». Возможно, исследования стали переходить в практическую область. Напрашивается параллель с тем, как с 1941 г. в Великобритании и США со страниц открытой печати исчезли публикации по ядерным проблемам. Такие параллели, однако, искусственно сконструированы на базе сравнения современности с реалиями 1940-х годов.

Подходы конца 2010-х годов подчеркивают консервативный характер американской ядерной стратегии. Она по-прежнему ориентирована на ведение тотальной или ограниченной ядерной войны с сопоставимым по ядерному потенциалу противником (т.е. с Россией или КНР)²⁷. Параллельно понижение потолков СЯС при широком развитии противоракетных технологий и средств контрсилового удара увеличивает опасность «дозированного» использования ЯО в военных конфликтах. Реализация программных положений стратегии «минимального сдерживания» ставит под сомнение возможность сохранения логики взаимно гарантированного уничтожения. Это может повысить соблазн у США как более сильной стороны пойти на силовое давление или даже развязывание ограниченного военного конфликта.

10.2. Россия после «холодной войны»

Россия после 1991 г. также модернизировала основы своей ядерной политики. Основным направлением российской ядерной доктрины стало поэтапное снижение порога ядерного сдерживания. Это снижение было вызвано тремя причинами. *Во-первых*, Россия стала рассматривать ЯО как средство сдерживания США от совершения недружественных действий, включая нанесение «заданного ущерба» в случае начала военной агрессии. *Во-вторых*, после распада Варшавского договора и СССР превосходство в области обычных вооружений перешло к Соединенным Штатам и блоку НАТО. Москва фактически оказалась перед лицом тех же вызовов, что и США в конце 1950-х годов (опасность втягивания в региональные военные конфликты при абсолютном превосходстве противника в обычных вооруженных силах). *В-третьих*, балканские события 1990-х годов породили у российской элиты опасения, что при определенных обстоятельствах сама Россия может стать объектом для гуманитарной интервенции. Под воздействием этих

тенденций Москва, подобно Вашингтону, перешла к проведению наступательного или принудительного сдерживания, допускающего возможность использования ограниченного количества ЯО для достижения определенных политических целей.

Советские стратегические разработки. В отличие от американской ядерной доктрины исследователям почти неизвестна советская теория применения ЯО. Большинство документов по советской ядерной стратегии остаются до настоящего времени закрытыми. Имеются только немногочисленные свидетельства военного руководства СССР, приведенные в мемуарной литературе или открытых научных публикациях, чаще всего — в периодических журналах. Первая инструкция по боевым свойствам атомного оружия была выпущена в Советской армии в 1948 г. Однако длительное время это оружие рассматривалось советским военно-политическим руководством как один из компонентов ведения будущей войны.

В советской ядерной стратегии преобладал взгляд на ЯО не как на оружие сдерживания США или иного государства, а как на оружие для ведения реальной войны.

Ключевым компонентом выступала концепция «постоянно действующих факторов», сформулированная И. В. Сталиным в приказе Красной армии № 55 от 23 февраля 1942 г. Согласно этой концепции судьба войны решалась такими постоянно действующими факторами, как: а) прочность тыла; б) моральный дух армии; в) количество и качество дивизий; г) вооружение армии; д) организаторские способности начальствующего состава армии²⁸. Появление атомного оружия не могло, по мнению И. В. Сталина, принципиально изменить характера войны и роли постоянно действующих факторов²⁹. В 1953 г. генерал-майор Н. Таленский указывал, что исход современной войны (т.е. с применением ЯО) будет решать факторный подход³⁰. С конца 1950-х в советской ядерной стратегии возникло два направления.

Первое, представленное в работах маршалов Советского Союза Р. Я. Малиновского и С. Н. Бирюзова, исходило из решающей роли ракетно-ядерного оружия в будущей войне. Еще на XXI съезде КПСС (1961 г.) Р. Я. Малиновский указал, что «традиционная неуязвимость Америки навсегда ликвидирована». В работе «Бдительно стоять на страже мира» (1962 г.) Р. Я. Малиновский отмечал³¹, что главным средством ведения войны становится нанесение стратегических ракетно-ядерных ударов по противнику. Р. Я. Малиновский указывал при этом на сохраняющуюся значимость «массовых, многомиллионных

армий». (Последнее выглядело скрытой полемикой с первым секретарем ЦК КПСС Н. С. Хрущевым.) Но в целом именно Р. Я. Малиновский стал одним из первых теоретиков приоритетной роли МБР (в то время — МКР) в будущей войне. Маршал С. Н. Бирюзов указывал на перспективность строительства межконтинентальных баллистических ракет по сравнению с американской стратегической авиацией. «Все увидели, — писал он в 1964 г., — что подлинный ключ к победе на поле сражений находится в руках того, кто не только владеет новым оружием, но и идет впереди в производстве ракет»³².

Второе, представленное в работах генерал-полковника С. М. Штеменко и генерала армии И. Г. Павловского, исходило из сохраняющейся роли обычных вооружений в ходе будущей войны. И. Павловский отмечал в 1967 г., что создание РВСН не отвергает роли сухопутных войск, которым в условиях ядерной войны отводится важное место. «Танковые войска, — указывал он, — способны с самой высокой эффективностью использовать результаты наших ядерных ударов, противостоят ядерным ударам противника и успешно преодолевать зоны радиоактивного заражения в полосе сильных разрушений»³³. Еще дальше шел С. М. Штеменко, указывавший, что «массовое внедрение в войска ядерного оружия еще больше подняло роль танков в будущей войне»³⁴. Фактически оба советских военачальника размышляли о сценарии войны с ограниченным применением ЯО на одном (прежде всего — европейском) или нескольких ТВД. Эти размышления легли в основу советской концепции «глубокой» или «объемной» операции 1970-х годов, включающей: 1) нанесение огневых ударов на всю глубину оперативного построения противника и 2) более полное использование сухопутными войсками воздушного пространства.

Развивая второе направление, маршал Советского Союза В. Д. Соколовский и генерал-майор М. И. Чередниченко разработали теорию возникновения войны с ограниченным применением ЯО на одном или нескольких ТВД³⁵. Генерал армии С. П. Иванов указывал на возможность возникновения войны с нанесением нескольких выборочных ядерных ударов по второстепенным целям. В этом случае, по мнению С. Иванова, все равно сохранялись бы два типа войн: мировая и локальная — по масштабам, ядерная и неядерная — по средствам их ведения³⁶. Эти размышления перекликались с принятием НАТО в 1967 г. концепции гибкого реагирования как основы своей военно-политической доктрины. Фактически речь шла о возможности или невозможности сохранить гипотетический конфликт между НАТО и ОВД на доядерном уровне.

Стратегические разработки 1960-х годов показывают, что вектор развития советской ядерной стратегии был близок американской. По-

добно стратегии гибкого реагирования советская военная мысль прошла за одно десятилетие путь от безусловного приоритета ракетно-ядерного оружия до допустимости конфликтов с комбинированным использованием как ядерного, так и конвенционального оружия. Однако советская ядерная доктрина, в отличие от американской, не ставила перед ЯО политические задачи. Речь шла о проработке сценариев его возможного применения в ходе войны. После 1982 г. (фактически — с 1977-го) официальная советская доктрина ориентировалась на ненанесение СССР первого ядерного удара в ходе гипотетической войны³⁷.

Некоторые подвижки произошли в период перестройки, когда в Советском Союзе обсуждалась концепция «оборонной достаточности». В середине 1980-х годов в СССР прошла волна публикаций об оборонительной стратегии СССР в годы Великой Отечественной войны. Советские исследователи того периода критиковали оборонительные мероприятия И. В. Сталина весной—летом 1941 г.³⁸ и, напротив, позитивно оценивали опыт Курской битвы летом 1943 г. (Особую роль в этом отношении сыграла публикация в 1989 г. исключенных из мемуаров «Солдатский долг» маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского фрагментов, в которых давалась критическая оценка мероприятиям советского Генерального штаба в 1940–1941 гг.) Отсюда — разработка тезиса о приоритете оборонительного характера советской военной доктрины. На берлинском совещании Политического консультативного совещания ОВД 29 мая 1987 г. было объявлено, что военная доктрина Варшавского договора подчинена задаче предотвращения и недопущения войны — как ядерной, так и обычной. Начальник Генерального штаба М. А. Моисеев выделил пять параметров, обеспечивающих реализацию принципа оборонной достаточности:

- придание вооруженным силам ненаступательной структуры;
- предельное ограничение наличия в их составе ударных систем;
- изменение их дислокации в расчете на выполнение строго оборонительных задач;
- снижение параметров мобилизационного развертывания Вооруженных сил;
- уменьшение объемов военного производства³⁹.

Попытки связать эти параметры с системой ракетно-ядерного паритета⁴⁰ оказались неудачными. Концепция «оборонной достаточности» не была увязана с конкретными количественными и качественными параметрами развертывания советских СЯС.

Российские доктринальные установки. Российская ядерная политика изначально строилась на иных концептуальных основах, чем совет-

ская. Ключевой тенденцией российской ядерной стратегии 1990-х годов стало снижение порога ядерного сдерживания. В «Основных направлениях военной доктрины РФ» (ноябрь 1993 г.) было заявлено об обязательстве СССР 1982 г. не применять ЯО первым. Документ фиксировал два сценария, когда Россия могла применить ЯО: 1) вооруженное нападение ядерного государства на РФ или ее союзников; 2) поддержка государства-агрессора государством, обладающим ядерным оружием. В 1995 г. в проекте Концепции национальной безопасности РФ понятие «ядерное сдерживание» впервые зафиксировано как основная функциональная задача российских СЯС.

15 марта 1999 г. президент РФ Б. Н. Ельцин утвердил «Основные положения политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания»⁴¹. Документ провозгласил, что Россия рассматривает свои ядерные силы в качестве гаранта национальной безопасности и средства сдерживания агрессии против Российского государства. Главной целью политики России в ядерной сфере были названы:

- 1) обеспечение гарантированного сдерживания агрессии против Российской Федерации и ее союзников;
- 2) обеспечение гарантированной защиты территориальной целостности и суверенитета Российской Федерации и ее союзников*;
- 3) создание благоприятных условий для мирного развития России.

Москва при этом подтверждала, что не применит ЯО против неядерных государств—участников ДНЯО. Исключение составляли случаи вторжения или другого вида нападения на Россию, ее территорию, вооруженные силы или российских союзников с территории неядерных стран.

В более широком контексте задачи политики ядерного сдерживания были подтверждены в обеих редакциях Концепции национальной безопасности РФ 1997 и 2000 гг.⁴² В окончательной ее редакции (утверждена Указом Президента РФ № 24 от 10 января 2000 г.) было указано, что «важнейшей задачей Российской Федерации является осуществление сдерживания в интересах предотвращения агрессии любого масштаба, в том числе с применением ядерного оружия, против России и ее союзников». Россия заявила о намерении обладать ядерны-

* Последний пункт выглядел в определенной степени революционно. Российская Федерация на официальном уровне заявила, что на ее союзников (т.е. на страны—участницы Ташкентского договора 1992 г.) распространяются ядерные гарантии безопасности. Это можно было расценить так, что нападение на союзников России может повлечь за собой любой ответ Москвы, включая применение ЯО.

ми силами, способными гарантированно обеспечить нанесение заданного ущерба любому государству-агрессору или коалиции государств в других условиях.

Закреплением этих подвижек стала утвержденная 21 апреля 2000 г. Военная доктрина Российской Федерации. Она допускала возможность применения ЯО для отражения агрессии с применением как ядерных, так и обычных вооружений. В документе подтверждалась необходимость обладания ядерным потенциалом сдерживания, «гарантирующим нанесение заданного ущерба агрессору в любых условиях». «Российская Федерация, — отмечалось в документе, — оставляет за собой право на применение ядерного оружия в ответ на использование против нее и ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в ответ на широкомасштабную агрессию с применением обычного оружия в критических ситуациях для национальной безопасности Российской Федерации». Критериев понятия «критическая ситуация» в документе не приводилось. Это означало, что российская сторона оставляла за собой неограниченную возможность «ядерного выбора» на любой стадии эскалации конфликта. (Подобно тому, как это провозглашали США в рамках концепции гибкого реагирования 1960-х годов.) Москва, таким образом, подтвердила (пусть и с оговорками) введенную в 1995 г. систему негативных гарантий в ДНЯО. Разница по сравнению с аналогичными обязательствами 1968 и 1995 гг. заключалась в том, что теперь оно действовало только в случае, если эти страны не предоставляли свою территорию для осуществления агрессии против Российской Федерации, ее вооруженных сил и/или ее союзников.

Промежуточные поправки в российской ядерной стратегии появились в середине 2000-х годов. В 2003 г. был издан документ «Актуальные задачи развития Вооруженных Сил Российской Федерации». В документе фиксировалось снижение опасности прямой военной агрессии против РФ. Вместе с тем в нем указывались потенциально опасные процессы: территориальные претензии к Российской Федерации, противодействие укреплению России как одного из центров многополярного мира, наличие очагов вооруженных конфликтов вблизи от границ РФ, наращивание группировок войск, ведущее к нарушению сложившегося баланса сил, расширение военных блоков и союзов в ущерб безопасности России. К военным угрозам были отнесены создание препятствий работе систем государственного и военного управления РФ, нарушение функционирования российских СЯС и СПРН, систем ПРО и контроля над космическим пространством. После этого шли распространение ОМП, международный терроризм, информационная борьба и наркобизнес.

Новации 2003–2005 гг. не были революционными. Однако они фиксировали три важных обстоятельства. *Во-первых*, в документах косвенно подтверждалось, что российская система ядерного планирования нацелена прежде всего на конфликт с США и НАТО. (Только эти страны могли осуществлять перечисленные угрозы.) *Во-вторых*, подчеркивалось право РФ наносить упреждающие удары, что выглядело как заявка на параллельность шагов с ядерной доктриной США. *В-третьих*, международный терроризм был поставлен в списке угроз на одно из последних мест.

Следующие концептуальные подвижки в российской ядерной стратегии произошли в конце 2000-х годов. Они были связаны с принятием 5 февраля 2010 г. новой Военной доктрины Российской Федерации. 8 октября 2009 г. секретарь Совета безопасности РФ Н. Патрушев заявил, что: 1) в новом варианте доктрины будет закреплено право России наносить превентивные ядерные удары и 2) обновленная доктрина допускает применение Россией ЯО в крупномасштабной, региональной и даже локальной войне. Эти заявления вызвали широкую дискуссию в российских СМИ.

Финальные формулировки документа были более сдержанными. Новая Военная доктрина РФ указывает, что ЯО будет оставаться важным фактором предотвращения возникновения ядерных военных конфликтов и военных конфликтов с применением обычных средств поражения. Военными опасностями с потенциально ядерным измерением были объявлены:

- создание и развертывание систем стратегической ПРО, подрывающих глобальную стабильность и нарушающих сложившееся соотношение сил в ракетно-ядерной сфере;
- милитаризация космического пространства;
- развертывание стратегических неядерных систем высокоточного оружия;
- распространение оружия массового поражения, ракет и ракетных технологий;
- увеличение количества государств, обладающих ЯО.

В документе подтверждается тезис 2000 г. о том, что «Российская Федерация оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства».

Вместе с тем формулировки документа о возможности нанесения упреждающих ударов были мягче, чем в редакции 2000 г. Главной причиной стала, по-видимому, необходимость сделать упор на развитие сил общего назначения и повышение ядерного порога на основе негативного опыта «пятидневной войны» 2008 г. (По логике: если произойдет региональный конфликт с вмешательством США и НАТО, необходимо как можно дольше удерживать его на доядерном уровне.)

В 2010-х годах перед ядерной политикой России встанет комплекс новых задач. Первая — вывод из строя ядерных систем 1980-х годов. Вторая — повышение роли фактора ПРО при переходе к более низким потолкам сдерживания. Третья — стремление США активизировать переговоры по тактическому ядерному оружию в Европе. Четвертая — судьба Договора о всеобъемлющем запрете ядерных испытаний. (Россия пока остается единственной страной, которая в полной мере участвует в этом договоре.) Российская ядерная политика нацелена на сохранение логики взаимно гарантированного уничтожения. Но параллельно Россия начинает признавать американскую доктрину гибкого реагирования, которую в 1970-х годах отрицали советские эксперты.

Параметры развития российских СЯС. Менее известны параметры развития российских СЯС. Большая часть информации по этому вопросу остается закрытой. Официальные документы фиксируют скорее концептуальные установки, чем конкретные параметры. Экспертные публикации позволяют только сделать вывод об основных процессах в этой сфере.

К концу 1980-х годов основными направлениями советской ядерной стратегии были обеспечение ракетно-ядерного паритета с США и повышение контрсилового потенциала советских СЯС. В 1990 г. СССР имел 2500 носителей с 10 271 боезарядом⁴³:

Состав советских СЯС в середине 1990 г.

Наземный компонент	Морской компонент	Воздушный компонент
326 МБР РС-10 с 326 боезарядами	192 БРПЛ РС-25 со 192 боезарядами	147 Ту-95 с 735 боезарядами
40 МБР РС-12 с 40 боезарядами	280 БРПЛ РСМ-40 с 280 боезарядами	15 Ту-160 со 120 боезарядами
47 МБР РС-16 со с 188 боезарядами	12 БРПЛ РСМ-45 с 12 боезарядами	
300 МБР СС-18 с 1800 боезарядами	224 БРПЛ РСМ-50 с 672 боезарядами	
308 МБР РС-20 с 3080 боезарядами	120 БРПЛ РСМ-52 с 1200 боезарядами	

Окончание

Наземный компонент	Морской компонент	Воздушный компонент
89 МБР РС-22 с 890 боезарядами	112 БРПЛ РСМ-54 с 448 боезарядами	
288 РС-12 М с 288 боезарядами		
Всего: 1398 МБР с 6612 боезарядами	Всего: 940 БРПЛ с 2804 боезарядами	Всего: 162 ТБ с 855 боезарядами

Такая структура советских СЯС отличалась от американских по трем параметрам. *Во-первых*, в СССР было больше, чем в США, моноблочных носителей ЯО. *Во-вторых*, советские СЯС были менее унифицированы, чем американские, из-за наличия большого количества носителей «первого поколения» 1960-х годов. (Наиболее унифицированным был наименее значимый воздушный компонент.) *В-третьих*, хотя безусловным приоритетом советской военной доктрины было развитие МБР, морской компонент СЯС также переживал период быстрой (хотя и не всегда успешной) модернизации.

Особым направлением советской ядерной стратегии был при этом поиск асимметричного ответа на объявленную в 1983 г. американскую программу СОИ⁴⁴. Дискуссии на эту тему начались в Советском Союзе еще в период пребывания у власти Ю. В. Андропова (1982–1984). Ответные действия советской стороны вырабатывались в Академии наук СССР, Центральном научно-исследовательском институте (ЦНИИ) Министерства общего машиностроения СССР, 4-м ЦНИИ Минобороны и ряде других научно-исследовательских институтов Министерства обороны СССР. Привлекались также сотрудники Института США и Канады АН СССР, ИМЭМО АН СССР и Института космических исследований АН СССР. Особую роль играл созданный вице-президентом АН СССР Е. П. Велиховым Комитет советских ученых в защиту мира, против ядерной угрозы, заместителем председателя которого был А. А. Кокошин. Руководители и ряд членов этого Комитета работали над «асимметричным ответом» как в сугубо закрытом, секретном режиме, так и в открытом, практически публичном варианте. В середине 1980-х годов эти структуры подготовили ряд аналитических докладов для Политбюро ЦК КПСС, Министерства обороны, Генерального штаба и Комиссии по военно-промышленным вопросам Совмина СССР.

На этой основе к 1986 г. были разработаны принципы «асимметричного ответа» на СОИ. Его сущность сводилась прежде всего к тому, чтобы в самых тяжелых условиях, при развертывании США многоэшелонной противоракетной обороны обеспечить возможность советским

ракетно-ядерным средствам нанести «неприемлемый» ущерб агрессору, тем самым убедив его отказаться от упреждающего (превентивного) удара. Технически такой ответ предполагал повышение устойчивости СЯС по отношению к упреждающему удару противника, увеличение способности СЯС по преодолению ПРО другой стороны и развитие средств поражения и нейтрализации ПРО, особенно ее космических компонентов.

Глубоким сокращениям советские СЯС подверглись по условиям Договора СНВ-1. Для СССР, как и для США, был установлен лимит в 6500 тыс. боезарядов. К 2001 г. Россия сократила свой потенциал до 1136 носителей и 5518 боезарядов. СССР полностью ликвидировал МБР РС-10, РС-12 и РС-16; БРПЛ — РСМ-25 и на 50% РСМ-40. По данным СИПРИ, в январе 2003 г. в составе российских СЯС было 4853 ядерных боезаряда. РВСН, которые в 2001 г. были переведены из статуса вида вооружений в род войск, включали в себя 680 МБР с 2916 оперативно развернутыми боезарядами. Морской компонент насчитывал 14 АПЛ с 232 ПУ БРПЛ с 1072 боезарядами. Воздушный компонент — 79 ТБ (64 Ту-95 М и 15 Ту-160) с 864 КР. При этом часть морского и воздушного компонента (без уточнения количества) находилась на переоборудовании, в заводском ремонте или в процессе вывода из строя.

Более глубоких сокращений СЯС требовал от России Договор СНВ-2. Он ограничивал количество оперативно развернутых стратегических ядерных боезарядов до 3500 единиц у каждой из сторон. Для его выполнения России требовалось ликвидировать около 400 ракет УР-100, РТ-2П, МР-УР-100. Полностью подлежали ликвидации тяжелые МБР типа Р-36М. Параллельно 36 МБР железнодорожного базирования, многзарядные МБР типа УР-100Н разгружались до одной боеголовки. Российский «возвратный потенциал» был при этом на порядок ниже американского: он насчитывал всего около 500 боеголовок, снимаемых с МБР типа УР-100Н. В 1998 г. под условия Договора СНВ-2 экспертная комиссия во главе с вице-президентом РАН Н. П. Лавровым разработала новую программу развития российских СЯС. К 2007 г. предполагалось сохранить СЯС в составе 1500 ядерных боезарядов, из них более 400 — на моноблочных МБР⁴⁵. Однако Договор СНВ-2 в действие не вступил.

Последующее развитие ядерной доктрины РФ было связано с сокращением СЯС по иным принципам. Договор СНП (2002 г.) ввел более низкий лимит в 2200 оперативно развернутых ядерных боезарядов. Договор СНВ-3 — в 1550 боезарядов. Его исполнение проводилось по трем направлениям. Однако Россия осуществляла их на условиях свободного определения параметров стратегической триады и количества РГЧ ИН. Это позволило российской ядерной политике компенсиро-

вать медленный ввод в строй новых МБР «Тополь-М» за счет двух тенденций. Первая — продление срока службы тяжелых МБР. Вторая — переоснащение МБР «Тополь-М» на РГЧ ИН. По данным на 1 октября 2012 г., российские СЯС имели следующие показатели:

Состав российских СЯС на 1 октября 2012 г.

Наземный компонент	Морской компонент	Воздушный компонент
58 МБР Р-36МУТТХ и Р-36М2 с РГЧ ИН	32 БРПЛ Р-29Р с 98 боезарядами	32 Ту-95МС6/Ту-95МС16 с 352 КР
70 МБР УР-100Н УТТХ	80 БРПЛ Р-29РМ с 320 боезарядами	13 Ту-160 со 156 КР
171 подвижный грунто- вый комплекс РТ-2ПМ «Тополь» (SS-25)	48 БРПЛ с 6 боезарядами Р-30	
56 комплексов РТ- 2ПМ2 «Тополь-М» шахтного базирования (SS-27)		
18 мобильных комплек- сов РТ-2ПМ2 «Тополь- М» (SS-27)		
18 мобильных комплек- сов РС-24 «Ярс»		
Всего: 391 МБР с 1299 ядерными боезарядами	Всего: 112 БРПЛ на 7 АПЛ с 416 ядерными боезарядами	Всего: 45 ТБ с 508 КР

Дальнейшая программа модернизации российских СЯС до 2020 г. будет осуществляться по следующим направлениям⁴⁶. Для наземной составляющей предусматривается развертывание мобильной МБР РС-24 с тремя РГЧ ИН и продолжение развертывания РС-12М1 в варианте шахтного базирования. Для морского компонента ведется строительство трех АПЛ нового класса проекта 955 «Борей», количество которых в дальнейшем предполагается увеличить до 8 единиц. В области стратегической авиации Россия только завершила в июне 2010 г. ремонт бомбардировщика Ту-160.

Будущий облик российских СЯС остается, однако, дискуссионным. Бывший начальник штаба РВСН генерал-полковник В. И. Есин разработал три варианта возможного облика российских СЯС к 2022 г.⁴⁷:

Вариант первый. В ядерных силах — 2500 боезарядов: 1800 единиц стратегического ядерного оружия в модифицированной оперативной готовности и 700 единиц неразвернутого нестратегического ядерного оружия. Содержатся в развернутом состоянии 900 единиц стратегиче-

ского ядерного оружия, а остальные находятся в активном резерве. СЯС могут состоять из 350 МБР, оснащенных 1000 боеголовок (500 развернутых, 500 в резерве), 12 ПЛАРБ со 192 БРПЛ и 600 боеголовками на них (300 развернутых, 300 в резерве) и 25 тяжелых бомбардировщиков с 200 КРВБ (100 развернутых, 100 в резерве).

Вариант второй. В ядерных силах — 2000 боезарядов: 1400 единиц стратегического ядерного оружия в модифицированной оперативной готовности и 600 единиц неразвернутого нестратегического ядерного оружия. Содержатся в развернутом состоянии 700 единиц стратегического ядерного оружия, а остальные находятся в активном резерве. В этом случае структурно стратегические ядерные силы могут состоять из 310 МБР, оснащенных 750 боеголовками (375 развернутых, 375 в резерве), 10 ПЛАРБ со 160 БРПЛ и 460 боеголовками на них (230 развернутых, 230 в резерве) и 20 тяжелых бомбардировщиков со 190 КРВБ (95 развернутых, 95 в резерве).

Вариант третий. В ядерных силах — 1500 боезарядов: 1000 единиц стратегического ядерного оружия в модифицированной оперативной готовности и 500 единиц неразвернутого нестратегического ядерного оружия. При этом для осуществления ядерного сдерживания содержатся в развернутом состоянии 500 единиц стратегического ядерного оружия, а остальные находятся в активном резерве. В этом случае структурно стратегические ядерные силы могут состоять из 270 МБР, оснащенных 540 боеголовками (270 развернутых, 270 в резерве), 8 ПЛАРБ со 128 БРПЛ и 280 боеголовками на них (140 развернутых, 140 в резерве) и 15 тяжелых бомбардировщиков со 180 КРВБ (90 развернутых, 90 в резерве).

Ядерное оружие, содержащееся в активном резерве, может быть взято из хранилищ и загружено на носители в течение периода от нескольких недель до нескольких месяцев. Причем большую часть (до 80–85%) развернутого стратегического ядерного оружия допустимо содержать в пониженной готовности (с восстановлением ее через 24–72 часа).

При повседневной деятельности достаточно иметь две ПЛАРБ на боевом патрулировании в море в часовой готовности к пуску БРПЛ, оснащенных суммарно 70 боеголовками. В чрезвычайной ситуации еще две ПЛАРБ, находящиеся в базах и вооруженные семью десятками дополнительных боеголовок, могут быть выведены в море в течение нескольких часов. За 24–72 часа может быть восстановлена готовность 135 МБР с 270 боеголовками, а на все 15 тяжелых бомбардировщиков загружены 180 КРВБ. Таким образом, спустя 72 часа количество развернутого и готового к немедленному применению стратегического ядерного оружия у России достигнет 590 единиц.

Наиболее реалистичным (с условием выполнения Договора СНВ-3) пока выступает третий вариант. Не исключены, однако, и другие варианты, особенно в случае резкого потенциала американской системы ПРО. Однако они доказывают, что Россия ставит перед своими СЯС две функциональные задачи: 1) обеспечение ракетно-ядерного паритета с США и 2) способность к преодолению системы ПРО. Москва также намерена сохранить все компоненты стратегической триады. При количественном сокращении СЯС Россия намерена повышать их контрсиловой потенциал и сохранить стратегическую мобильность.

В течение последних двадцати лет Россия и США не выдвинули принципиально новых идей в области ядерного сдерживания. Они скорее переосмысливали концепцию гибкого реагирования 1960-х годов, подводя под нее новые военные технологии. Но одновременно Москва и Вашингтон резко понизили по сравнению с концом 1980-х годов порог применения ядерного оружия. Это особенно тревожно на фоне появления пространства, где непосредственно сталкиваются российские и американские военные, политические и экономические интересы, — территории бывших республик СССР. Поэтому приоритетной задачей российско-американских отношений вновь, как и в 1970-х годах, становится разработка стабилизирующих правил поведения на случай несанкционированного военного столкновения или конфликта с третьими странами.

Ситуация может измениться в 2020-х годах. К этому времени российский и американский ядерный потенциалы могут быть серьезно сокращены. Это придаст новый характер таким проблемам, как развертывание систем ПРО, развитие технологий «разоружающего» удара, фактор тактического ядерного оружия и отношения с третьими ядерными державами (прежде всего — КНР). В таких условиях может возникнуть запрос на появление нового поколения ядерных доктрин в России и США. Сохранят ли Москва и Вашингтон старую логику взаимно гарантированного уничтожения, которая полвека обеспечивала мирный характер отношений между ними?

Примечания

¹ Arms Control, Disarmament and National Security / Ed. by Donald Brennan. N.Y., 1961.

² *Trachtenberg M.* History and Strategy. Princeton: Princeton University Press, 1991. P. 25–28.

³ *Трофименко Г. А.* США: политика, война, идеология. М.: Мысль, 1976. С. 238–239.

- ⁴ *Веселов В. А., Лусс А. В.* Ядерное сдерживание. М.: МАКС Пресс, 2005. С. 129.
- ⁵ Discriminate Deterrence. Report of the Commission on Integrated Long. Time Strategy. Washington, D.C.: Gov. Pr. Office, 1988.
- ⁶ *Garthoff R. L.* The Great Transition: American-Soviet Relations and the End of the Cold War. Washington: Brookings, 1994. P. 377.
- ⁷ Подробный анализ этой проблемы см.: *McKinzie M. G.; Cochran Th. B., Norris R. S., Arkin W. M.* The U.S. Nuclear War Plan: A Time for Change, National Resources Defense Council, 2001. URL: <http://holtz.org/Library/Social%20Science/Political%20Science/US%20Nuclear%20War%20Plan%20-%20NRDC%202001.pdf>.
- ⁸ *Cheney D.* Annual Report of the Secretary of Defence to the President and the Congress. Washington, January 1994. P. 25.
- ⁹ *Arkin W. M., Kristensen H.* Dangerous Direction // The Bulletin of the Atomic Scientists. March—April 1998. Vol. 54. No 2. P. 30.
- ¹⁰ Пересмотр ядерной стратегии: Материалы к пресс-брифингу Л. Эспина // Ядерное распространение. Май 1994. Вып. 2.
- ¹¹ Подробно взгляды американской элиты на развитие российских СЯС в начале 1990-х годов см.: *Koch. S. J.* The Presidential Nuclear Initiatives of 1991—1992. Center for the Study of Weapons of Mass Destruction National Defense University. September 2012. URL: http://www.ndu.edu/press/lib/pdf/CSWMD-CaseStudy/CSWMD_CaseStudy-5.pdf.
- ¹² См., например: *Rosen B. R.* Command of the Commons: The Military Foundation of U.S. Hegemony // International Security. Summer 2003. Vol. 28. No 1. P. 5—46.
- ¹³ После получения соответствующего приказа за 10 дней вооруженные силы США должны быть переброшены в любую точку земного шара и должны начать боевые действия, за 30 дней они обязаны разбить войска противника и в течение 30 дней пройти перегруппировку для переброски в иную точку. См.: *Rumsfeld Faces Growing Revolt by Retired Gene* // The New York Times. 2006. April 13. URL: <http://www.nytimes.com>.
- ¹⁴ *Kristensen H. M.* Obama and the Nuclear War Plan // FAS. February 2010. URL: <http://www.fas.org/blog/ssp/2010/02/vvanil/php>.
- ¹⁵ *Стародубов В. П.* Супердержавы XX века. Стратегическое противоборство. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 482—483.
- ¹⁶ Проблема ТЯО подробно рассматривается в гл. 4 настоящей работы.
- ¹⁷ *Арбатов А. Г., Дворкин В. З.* Ядерное сдерживание и нераспространение. М.: Московский центр Карнеги, 2005. С. 33.
- ¹⁸ *Сосновский М.* Ядерная политика и ядерное оружие США // Национальная оборона. 2006. № 1.
- ¹⁹ Ежегодник СИПРИ-2010. С. 377.
- ²⁰ *Арбатов А. Г., Дворкин В. З.* Указ. соч. С. 35.
- ²¹ Ежегодник СИПРИ-2011. С. 351.
- ²² США при этом не включали в состав СЯС 4 подводные лодки, переоборудованные под КРМБ с обычными высокоточными боезарядами.
- ²³ Подробный анализ см.: *Medalia Jonathan: Nuclear Weapon Initiatives: Low-Yield R&D, Advanced Concepts, Earth Penetrators, Test Readiness.* 2004. March 8. CRS Report for Congress. Order Code RL32130. URL: <http://www.fas.org/ssp/starwars/crs/RL32130.pdf>.

²⁴ Михайлов В. Н. Перспективы новых технологий разработки ядерного оружия // Независимое военное обозрение. 1999. № 15.

²⁵ Drel L. S., Jeanloz R., Peurifory B. Bunkers, Bombs, Radiation // Los Angeles Times. 2002. March 17; Kelly H. G., Levi M. A. Nix the Mini-Nukes // The Christian Science Monitor. 2002. March 28.

²⁶ Nelson R. N. Low-Yield Earth-Penetrating Nuclear Weapons // FAS Public Interest Report. 2001. Vol. 54. No 1.

²⁷ Gates R. The Case for the New START Treaty // Wall Street Journal. 2010. May 13.

²⁸ Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. 5-е изд. М.: Воениздат, 1948. С. 43–44.

²⁹ Ответ товарища И. В. Сталина корреспонденту «Правды» насчет атомного оружия // Военная мысль. 1951. № 10. С. 4.

³⁰ Таленский Н. К вопросу о характере законов военной науки // Военная мысль. 1953. № 9. С. 31.

³¹ Малиновский Р. Я. Бдительно стоять на страже мира. М.: Воениздат, 1962.

³² Бирюзов С. Новый этап в развитии Вооруженных сил и задачи обучения и воспитания войск // Коммунист Вооруженных сил. 1964. № 4. С. 18.

³³ Павловский И. Сухопутные войска Советских Вооруженных сил // Военная мысль. 1967. № 11. С. 36–37.

³⁴ Штеменко С. Научно-технический прогресс и его влияние на военное дело // Коммунист Вооруженных сил. 1963. № 3. С. 25.

³⁵ Соколовский В., Чердниченко М. Военная стратегия и ее проблемы // Военная мысль. 1968. № 10.

³⁶ Иванов С. Советская военная доктрина и стратегия // Военная мысль. 1969. № 5. С. 48.

³⁷ Огарков Н. В. История учит бдительности. С. 77.

³⁸ Мерцалов А. Н., Мерцалова Л. А. Сталинизм и война. М.: Родник, 1994.

³⁹ Моисеев М. Советская военная доктрина — реализация ее оборонительной направленности // Правда. 1989. 13 марта.

⁴⁰ Одной из немногочисленных попыток такого рода была статья: Андреев В. Ф. Военно-стратегический паритет как фактор сдерживания // Военная мысль. 1989. № 2.

⁴¹ Сообщение пресс-службы Президента Российской Федерации. 15 марта 1999.

⁴² Концепция национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 17 декабря 1997 г. № 1300 (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 10 января 2000 г. № 24) // Российская газета. 2000. 18 января.

⁴³ Стародубов В. П. Указ. соч. С. 482–483.

⁴⁴ Ознобищев С. К., Потанов В. Я., Скоков В. В. Как готовился «асимметричный ответ» на «Стратегическую оборонную инициативу» Р. Рейгана: Велихов, Кокошин и др. М.: ЛЕНАНД, 2008.

⁴⁵ Арбатов А. Г., Дворкин В. З. Указ. соч. С. 26.

⁴⁶ Ежегодник СИПРИ-2011. С. 361–364.

⁴⁷ Данные предоставлены автору из личного архива В. И. Есина.

Российско-американские отношения в сфере нераспространения ядерного оружия

В начале XXI в. в отношениях между ведущими ядерными державами по-прежнему силен элемент политико-военного соперничества. Стратегические противоречия осложняются конкуренцией в сфере экспорта расщепляющихся материалов и ядерных технологий¹, что препятствует формированию единого подхода к проблемам нераспространения ядерного оружия. Примером могут служить российско-американские отношения. Формально Москва и Вашингтон совместно выступают за укрепление Договора о нераспространении ядерного оружия², фактически между ними сложился комплекс противоречий, связанный с различной политикой в отношении государств-аутсайдеров международной системы нераспространения³.

В 2000-х годах в Соединенных Штатах окончательно сформировалась стратегия контрраспространения (*counter-proliferation strategy*). Эта концепция предполагает превентивное изъятие ОМП у «опасных» (с точки зрения Вашингтона) режимов и предотвращение его попадания в руки транснациональных криминально-террористических сетей⁴. Понятие «контрраспространение» впервые появилось в 1993 г., что было вызвано опасениями американского истеблишмента возможной утечки расщепляющихся материалов с территории бывшего СССР и создания ядерного оружия КНДР⁵. Администрация Дж. Буша-младшего (2001–2008) расширила смысл этого термина: «выкуп» ядерной программы у потенциально опасного государства, установление контроля над атомными объектами «проблемных» стран, частичное признание ядерного статуса нарушителя в обмен на соблюдение им ряда международных соглашений, силовые угрозы и взаимодействие с ведущими поставщиками уранового сырья.

С некоторыми оговорками такой подход приняли страны Европейского союза, Япония, Южная Корея и ряд более мелких союзников Вашингтона. Россия, напротив, относится к политике контрраспространения настороженно, видя в ней угрозу региональных конфликтов

с потенциально ядерным измерением. В 2003—2007 гг. Москва разработала свой вариант стратегии нераспространения, основанный на идеях неприемлемости использования силы против аутсайдеров режима нераспространения, укрепления ДНЯО с помощью дипломатических инициатив и допустимости экономических контактов с «проблемными» государствами под контролем МАГАТЭ. Подобные положения иногда совпадали, но иногда и не совпадали с подходами США и государств ЕС. В известном смысле российские инициативы можно рассматривать как поиск мирной альтернативы американской концепции принудительного разоружения «неблагонадежных» государств.

11.1. Концептуальные подходы России и США к проблемам нераспространения

Сама по себе альтернативность не означает конфронтации. Но в условиях, когда США претендуют на лидерство в сфере нераспространения ЯО, любой альтернативный подход вызывает подозрительное отношение в Вашингтоне, тем более что объективно активность России на международном рынке расщепляющихся материалов и технологий воспринимается как оппозиция стратегии контрраспространения. Российская элита и общественность не понимают, почему США, позволяя государствам ЕС (прежде всего Франции и Германии) проводить самостоятельную коммерческую политику в отношении «проблемных» стран, отказывают в этом праве Российской Федерации. Российская сторона подозревает, что под прикрытием риторики о необходимости усиления ДНЯО Соединенные Штаты выдавливают конкурентов с ядерных рынков и, по сути, разрабатывают новый вариант сдерживания России. Возникает статусный конфликт, связанный со стремлением Москвы повысить свою роль в международной системе нераспространения и укрепиться на небольшом сегменте сбыта, с одной стороны, и психологической неготовностью Вашингтона согласиться с такой ревизией сложившегося порядка — с другой.

Рассматривая отношения России с государствами—нарушителями ДНЯО, важно отметить, что понятие «аутсайдер международной системы нераспространения ядерного оружия» условно. Традиционно эксперты включали в него три группы государств: не подписавших ДНЯО (Израиль, Индия и Пакистан), вышедших из этого договора (КНДР) и подозреваемых МАГАТЭ в осуществлении военных ядерных программ (Иран, до 2003 г. Ирак и Ливия)⁶. Однако условия ДНЯО нарушали не только эти страны⁷. ЮАР осуществляла военную ядерную программу и свернула ее только под давлением «международного со-

общества». Бразилия, Аргентина, Югославия и Румыния осуществляли военные ядерные программы и свернули их под воздействием совокупности внутренних факторов и внешнего воздействия. Не задекларированные в МАГАТЭ эксперименты по обогащению урана и выделению плутония проводили Египет, Алжир, Южная Корея и Вьетнам. Саудовская Аравия в 2005 г. на спорной основе помешала инспекциям международного агентства на свои протоядерные объекты⁸. Немецкие, японские и австралийские политики периодически заявляли о возможности присоединения своих стран к «ядерному клубу»⁹.

Но к началу 1990-х годов общественное мнение и политические элиты стран Запада негласно поделили нарушителей ДНЯО на «респектабельных» и «опасных». В первую группу вошли страны, сотрудничавшие с США в годы «холодной войны», — Пакистан, Израиль, Южная Корея, Бразилия, Аргентина, ЮАР. Во вторую — государства, ориентировавшиеся на СССР или враждебно относившиеся к Соединенным Штатам: Ирак, Иран, Ливия, Египет, Сирия, КНДР. Промежуточное место занимает Индия: в разное время она относилась то к первой, то ко второй категории. Аутсайдерами системы нераспространения стали, таким образом, «опасные», с точки зрения США и стран ЕС, нарушители условий ДНЯО¹⁰.

Похожее разделение было произведено и в отношении нарушителей режима контроля над ракетными технологиями¹¹. К «злостным» распространителям относятся страны, запустившие свои ракетные программы на основе советских ракетных комплексов *P-17 «Scud»* (КНДР, Египет, Ливия, Ирак) или импортировавшие их (Алжир, Сирия, Йемен). К «респектабельным» производители ракетных технологий относятся государства, чьи баллистические ракеты были созданы на базе американских ракетных комплексов *MGM-52 «Lance»* (Южная Корея, Израиль) или чьи вооруженные силы были оснащены ими (Аргентина, Пакистан, Турция). На Западе издано немало работ о закупке Ираном и Ираком советских и северокорейских ракетных технологий. Об участии западноевропейских инженеров в создании иракских ракет средней дальности «Аль-Аббас» и «Аль-Хусейн» упоминается в немногих исторических исследованиях¹².

Россия занимает в этой системе сложное положение. После распада СССР она попыталась сначала интегрироваться в западное сообщество, затем следовать его правилам в сфере нераспространения ядерных и ракетных технологий. Однако на этом пути у Москвы возник ряд объективных трудностей.

Во-первых, к началу 1990-х ядерные рынки «респектабельных» нарушителей были поделены между американскими, западноевро-

пейскими, канадскими и австралийскими компаниями. Россия могла рассчитывать только на рынки «опасных» нарушителей¹³. Это обстоятельство открывало для Москвы перспективы сотрудничества с такими странами, как Иран, Индия, Алжир и Ливия. Но одновременно оно порождало новые трения между Россией и западным сообществом.

Во-вторых, авария на Чернобыльской АЭС 1986 г. закрыла для России те немногие «респектабельные» ядерные рынки, какие были доступны СССР. Одни покупатели советских технологий (Чехословакия, Венгрия) свернули программы развития атомной энергетики, другие (Финляндия) переориентировались на считавшуюся «более безопасной» французскую продукцию. У России не оставалось других рынков, кроме стран третьего мира. Это ухудшило ее имидж в области нераспространения.

В-третьих, в начале 1990-х в США и странах ЕС появились публикации о ненадежности систем хранения расщепляющихся материалов на территории постсоветских государств¹⁴. Авторы подобных комментариев ссылались на недоказанные случаи утечки высокообогащенного урана и плутония на российском Северном флоте и из научно-исследовательских центров в 1993–1995 гг. (Факты утечки делящихся материалов из американских исследовательских лабораторий в Лос-Аламосе и Ливерморе, немецких и голландских ядерных центров в таких публикациях, как правило, замалчивались.) Одновременно американские и западноевропейские эксперты заговорили о том, что российские предприятия поставляют атомные и ракетные технологии Ирану и Индии¹⁵, хотя у истоков ракетных и ядерных программ этих стран стояли сами США и страны Европейского сообщества. Отсюда следовал тенденциозный, но понятный массовому сознанию вывод: в рамках сотрудничества с Россией «государства-изгои» получают доступ к технологиям создания ЯО.

В-четвертых, у российского руководства сохраняется настороженное отношение к американской стратегии контрраспространения¹⁶. В Вашингтоне ее рассматривают как систему принудительных мер по разоружению недружественных по отношению к Соединенным Штатам субъектов и/или пресечению попыток приобретения ими ОМП. В рамках этой стратегии сформировалось несколько вариантов воздействия на потенциальных нарушителей: от свертывания программ создания ЯО в обмен на ряд экономических и политических льгот «одумавшемуся» государству до разоружения потенциальных нарушителей с помощью силы и взаимодействия с ведущими поставщиками уранового сырья.

Неудачными оказались и переговоры об участии России в ГНЭП. Официально о присоединении Москвы к инициативе было объявлено

на саммите президентов В. В. Путина и Дж. Буша-младшего в Кеннебанкпорте 1–2 июля 2007 г. Но конгресс США отказывался ратифицировать российско-американское соглашение о партнерстве в сфере мирного использования атомной энергии (Соглашение 1-2-3). К моменту его ратификации в декабре 2010 г. Соединенные Штаты заморозили развитие программы ГНЭП. На этом фоне создание на территории России международного центра по обогащению урана в Ангарске было воспринято в Вашингтоне как попытка Москвы создать альтернативу программе ГНЭП¹⁷. (Доказательством этого для американской стороны служил тот факт, что президент В. В. Путин объявил о создании центра в Ангарске 15 января 2006 г. — за три недели до официального запуска программы ГНЭП.)

Еще в 1996 г. Москва выступила с пакетом инициатив по усилению ДНЯО, предложила расширенную трактовку термина «ядерная безопасность», включив в нее вопросы безопасности гражданских ядерных реакторов, ответственности за нанесение ущерба ядерным объектам и совершенствования систем управления атомной энергетикой в странах с переходной экономикой¹⁸. 6 сентября 2000 г. президент В. В. Путин предложил: 1) исключить использование в мирной ядерной энергетике обогащенного урана и чистого плутония; 2) решить проблему радиоактивных отходов с помощью полного сжигания плутония и других радиоактивных элементов; 3) разработать и реализовать с участием МАГАТЭ международный проект уничтожения радиоактивных отходов и 4) предотвратить милитаризацию космоса¹⁹. Российская сторона утверждала, что реализация этих мер снизит риски приобретения ЯО «пороговыми» государствами и попадания расщепляющихся материалов в террористические сети.

В 2004 г. Россия не без некоторых колебаний присоединилась к ИБОР и согласилась ввести временный мораторий на поставки атомных технологий странам, не имеющим в своем распоряжении технологий замкнутого ядерного топливного цикла²⁰. В 2006 г. на саммите «восьмерки» в Санкт-Петербурге российская сторона выступила инициатором дискуссий по проблемам безопасного развития атомной энергетике²¹. Россия как один из инициаторов принятия Международной конвенции ООН по борьбе с актами ядерного терроризма (2005) с 1993 г. участвует в разработке Договора о запрете производства расщепляющихся материалов в военных целях.

Однако до середины 2000-х годов Москва предлагала не целостную стратегию, а набор отдельных инициатив по усилению ДНЯО, носивших «вторичный» характер, выступая как реакции на соответствующие про-

екты США. В 2006–2007 гг. ситуация изменилась. Россия выдвинула серию собственных инициатив в сфере нераспространения ЯО, предлагая:

- создать на российской территории международные центры по обогащению урана;
- вернуть отработанное атомное топливо из советских реакторов, расположенных на территории других государств;
- содействовать программе МАГАТЭ, доведя обогащение ядерного топлива до уровня ниже 20% в исследовательских реакторах стран третьего мира;
- ускорить переговоры по заключению Договора о запрещении производства расщепляющихся материалов в военных целях;
- расширить принятый в 2003 г. план МАГАТЭ по защите от ядерного терроризма;
- соблюдать принятые ООН Международную конвенцию о борьбе с актами ядерного терроризма (2005) и Глобальную контртеррористическую стратегию (2006);
- стремиться к повсеместной ратификации Дополнительного протокола МАГАТЭ²².

Такая стратегия близка «мирной» политике контрраспространения, которую с 2003 г. пытаются проводить страны ЕС. Подобно своим европейским партнерам Россия выступает за усиление международного контроля над оборотом уранового концентрата и атомного топлива, поддерживая предложения Вашингтона о необходимости частичной интернационализации ядерного топливного цикла. Москва предлагает ужесточить отчетность всех стран перед МАГАТЭ, включая предоставление агентству права устанавливать допустимые уровни обогащения реакторного топлива, и вместе с США настаивает на ужесточении международных стандартов защиты ядерных объектов. Поэтому российские предложения по усилению ДНЯО были с пониманием встречены и в Вашингтоне, и в Брюсселе.

Но в целом российские инициативы воспринимаются в США как оппозиция стратегии контрраспространения. Москва выступает против применения силы в отношении Ирана, Ливии и КНДР и предлагает создать центры по обогащению урана на российской территории, в то время как США рассматривают это как свою прерогативу. Российские предложения не запрещают сотрудничать со странами изгоями в том случае, если подобное сотрудничество осуществляется под контролем МАГАТЭ.

Ситуация не была сглажена и в период президентства Б. Обамы. Россия и США 24 апреля 2009 г. возобновили переговоры о сокра-

щении стратегических наступательных вооружений. Но Москва настороженно отнеслась к Пражской речи Б. Обамы (5 апреля 2009 г.) с его призывом к строительству «безъядерного мира»²³. Официальным ответом было (помимо одобрения любых проектов сокращения вооружений) только предложение постоянного представителя РФ при НАТО Д. О. Рогозина представить американские инициативы письменно. Примечательно, что в программном интервью министра иностранных дел России С. В. Лаврова 6 апреля 2009 г. не содержалось упоминаний о них: подробный анализ был дан только итогам встречи президентов Б. Обамы и Д. А. Медведева в Лондоне (1–2 апреля 2009 г.), проблемам нового договора СНВ, ПРО и ядерной программы Ирана²⁴. Вступление в силу 11 января 2011 г. российско-американского Соглашения 1-2-3²⁵ также не привело к обсуждению проектов интернационализации ЗЯТЦ. 12 января 2011 г. на встрече с главой Росатома С. В. Кириенко президент Д. А. Медведев указал на необходимость избежать политизации сотрудничества России и США в области атомной энергетики²⁶.

Но сближения концептуальных позиций обеих стран по проблемам нераспространения ЯО не произошло. В Концепции внешней политики Российской Федерации (2008), Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. (2009) и Военной доктрине Российской Федерации (2010) зафиксированы необходимость укрепления российско-американского сотрудничества в сфере нераспространения. Похожие проблемы содержались в Стратегии национальной безопасности-2010 и Обзоре ядерной политики США (2010). Возможности сотрудничества с Москвой в области нераспространения ЯО в них, правда, отводилось не меньше места, чем в российских документах. Однако ни один из упомянутых документов не содержал плана преодоления противоречий в отношениях Москвы и Вашингтона по проблематике нераспространения.

11.2. Противоречия в области утилизации расщепляющихся материалов

Серьезный комплекс противоречий у России и США сложились вокруг проблематики утилизации расщепляющихся материалов. Истоки российско-американского взаимодействия в этой сфере восходят к реализации Договора СНВ-1 (1991), когда у сторон высвободились значительные запасы высокообогащенного урана (ВОУ). Россия объявила, что ее излишки составляют 500 т, США — 178 т²⁷. 18 февраля 1993 г. в дополнение к Договору СНВ-1 было заключено Соглашение

об использовании высокообогащенного урана, извлеченного из сокращаемых и демонтируемых в России ядерных боеприпасов (Соглашение ВОУ—НОУ). Излишки подлежали разобогащению до уровня 4–5% по изотопу U-235. Полученный в результате низкообогащенный уран (НОУ) должен был поставляться в США по коммерческим ценам для использования в гражданских атомных реакторах. К 1 октября 2007 г. 315 т российского ВОУ (что эквивалентно 12 615 ядерных боезарядов) было обеднено в 9200 т НОУ²⁸.

Одновременно сторонами подписан меморандум о введении мер транспарентности. Россия гарантировала, что попадающий под действия соглашения ВОУ извлекается из ЯО и именно он поступает на установку по окислению. США гарантировали, что доставленный на их территорию НОУ используется только для изготовления топлива для коммерческих ядерных реакторов. Американские инспекторы получили право наблюдать за процессами извлечения ВОУ из ядерных боеприпасов, окисления или фторирования, переливом НОУ из технической емкости в транспортные контейнеры, загрузкой урана и его выходом из процесса смешивания, изменением массы, химического и изотопного состава ВОУ и природной составляющей урана. Российские инспекторы наблюдали за вводом российского НОУ в технологические процессы на американских предприятиях по производству атомного топлива и его выводом.

В марте 1994 г. министр энергетики З. О’Лири и глава Минатома В. Михайлов подписали протокол о мероприятиях по обеспечению транспарентности Соглашения ВОУ—НОУ. Объектами, подлежащими контролю, были объявлены:

- Уральский электрохимический комбинат и завод Сибирского комбината, где металлический ВОУ подвергался окислению;
- электрохимический завод в Зеленогорске, где происходит фторирование окиси-закуси ВОУ в урановый гексафторид и его последующее разбавление;
- газодиффузный завод в Портсмуте, заводы по производству топлива в штатах Южная и Северная Каролина, Вирджиния, Миссури, Вашингтон, принадлежащие компаниям «*Westinghouse*», «*General Electric*», «*Babcock & Wilcox*», «*Siemens*» и «*Combustion Engineering*»,

В 1994–1996 гг. эксперты обеих стран разработали ряд приложений к протоколу, регламентирующих процедуры мониторинга на указанных объектах²⁹. Важнейшей из них стало измерение американскими

инспекторами с помощью переносной аппаратуры неразрушающего контроля степени обогащения ВОУ на всех этапах его перевода в НОУ.

По условиям соглашения покупателем выступала обогатительная корпорация *USEC*. В 1996 г. началась ее приватизация и американская сторона отказалась оплачивать природный компонент российского НОУ, решив поставлять взамен свой природный уран. Из-за отсутствия межправительственного соглашения о торговле расщепляющимися материалами реализация проекта столкнулась с трудностями. (Российские эксперты, в частности, неоднократно ставили вопрос о заниженности цен на российский НОУ.) Но весной 1999 г. стороны нашли посредника — франко-германо-канадский консорциум «*Cogema—Nukem—Cameco*», не связанный ограничениями по торговле расщепляющимися материалами ни с американской, ни с российской стороны³⁰.

Такой шаг позволил укрепить Соглашение ВОУ—НОУ, но доказал, что Москва и Вашингтон не в состоянии решить спорные вопросы без участия посредников.

Более сложно развивались события вокруг программы утилизации плутония. В марте 1994 г. министр энергетики Х. О'Лири и глава Минатома В. Михайлов создали рабочую группу по разработке перечня контрольных процедур и будущих взаимных инспекций ВОУ и плутония, извлеченного из ядерных боезарядов. 23 сентября 1997 г. США и Россия подписали соглашение о сотрудничестве в отношении реакторов, производящих оружейный плутоний. Документ предусматривал сокращение запасов плутония и их ликвидацию, а также закрытие трех российских реакторов наработчиков плутония — двух в Северске и одного в Железногорске (с 1993 г. они использовались в гражданских целях, но производили оружейный плутоний без оборонного заказа). По условиям соглашения 1997 г. США взяли на себя обязательства оказать финансовую помощь в строительстве замещающих мощностей, а Россия — не использовать полученный этими реакторами плутоний в ЯО. Соглашение содержало также ряд приложений относительно мер контроля, в том числе плутония с 1 января 1997 г. Плутоний в форме PuO_2 помещали в специальные контейнеры и отправляли в хранилища.

На этой основе подписан комплекс соглашений о сотрудничестве России и США в области утилизации плутония. 24 июля 1998 г. было подписано российско-американское соглашение о сотрудничестве в области обращения с плутонием, изъятым из ядерных программ (фактически — из реакторов в Северске и Железногорске) и не являющимся более необходимым для целей обороны.

В начале 2000-х годов между Россией и США начались разногласия относительно схем реализации соглашения 2000 г. По его условиям стороны могли использовать два варианта утилизации плутония:

- превращение его в смешанное оксидное (МОХ) топливо для последующего использования в энергетических реакторах;
- иммобилизация и помещение на объект долгосрочного хранения с помощью методов, не позволяющих применять его для создания ЯО.

Администрация Дж. Буша-младшего разработала план по переработке всех избыточных запасов плутония в формате МОХ-топлива. Утилизация плутония предполагалась на специальном комплексе Саванна-Ривер (штат Южная Каролина), строительство которого началось в августе 2007 г. Россия, однако, не соглашалась с американским проектом. Во-первых, Москва отказывалась брать на себя обязательства в отношении компенсации возможного ущерба лицам, занятым в США проблемами переработки плутония в МОХ-топливо. Во-вторых, США не поддерживали российские планы по облучению МОХ-топлива в реакторах-размножителях (бридерах), а не легководных реакторах³¹. США утверждали, что такой вариант более дорогостоящ и менее безопасен с точки зрения нераспространения ЯО.

В середине 2000-х стороны пошли на некоторые уступки. 15 сентября 2006 г. был подписан дополнительный протокол к соглашению 2000 г., по условиям которого Россия не брала на себя обязательств компенсировать ущерб за будущие эксперименты с российским плутонием в Соединенных Штатах. В марте 2007 г. глава Росатома С. В. Кириенко предложил компромиссный вариант: Россия будет облучать МОХ-топливо в действующих реакторах-бридерах БОР-60 и БН-600, а США откажутся спонсировать финансирование перспективного российского бридера БН-800. 19 ноября 2007 г. С. В. Кириенко и министр энергетики США С. У. Бодман подписали совместное заявление к поддержке этого плана. Летом 2009 г. Россия остановила реакторы в Севергорске, в апреле 2010 г. — в Железногорске.

Прошедший 12–13 апреля 2010 г. Вашингтонский саммит по ядерной безопасности вновь выявил разногласия по «плутониевой проблеме». Россия подписала протокол о вводе в действие соглашения 2000 г. Плутоний, который должен высвободиться при реализации Договора СНВ-3, пока не стал предметом переговоров. США подтвердили приоритет создания международных центров по производству атомного топлива. 47 государств—участниц саммита выступили за инициативу

Украины о постепенном отказе от высокообогащенного урана и производстве для Киева атомного топлива в международных центрах. Россия, однако, не поддержала позицию США по этому вопросу, особенно дискуссии в формате ГНЭП.

В запасе у Белого дома есть и другой вариант. Еще в 2008 г. американские эксперты Роберт Айхорн и Мэтью Банн предложили учредить Инициативу по контролю за расщепляющимися материалами³². Предполагалось укрепление системы физической защиты мест хранения РМ, предоставление государствами сведений о своих запасах РМ, установление контроля МАГАТЭ над всеми накопленными запасами высокообогащенного урана и оружейного плутония, постепенное уменьшение этих запасов и/или их превращение в формы, непригодные для создания ЯО. Такая инициатива может выступать или дополнением к будущему ДЗПРМ, или его временной заменой до выработки соответствующего документа. Россия, однако, с 2005 г. последовательно отклоняет подобные предложения США, видя в них опасность скрытой интернационализации ЗЯТЦ.

Противоречия не сгладил и прошедший 26–27 марта 2012 г. саммит ядерной безопасности в Сеуле. По его итогам принято коммюнике, в котором главы делегаций подтвердили приверженность решениям Вашингтонского саммита 2010 г. Решения были направлены на укрепление физической ядерной безопасности и снижение угрозы ядерного терроризма, а также общим целям в сфере ядерного разоружения, ядерного нераспространения и мирного использования атомной энергии³³. Новых документов в этой сфере (за исключением типового совместного заявления) принято не было. США не поддержали российские предложения 2011 г. об укреплении международных стандартов использования атомной энергетики.

В области проблемы нераспространения расщепляющихся материалов Россия придерживается традиционного подхода: усиление международных стандартов охраны ядерных объектов, включая хранение расщепляющихся материалов (РМ). Еще в 1980 г. была подписана Венская конвенция о физической защите расщепляющихся материалов, которая ввела международные стандарты их хранения и транспортировки. В 1994 г. последовала Венская конвенция о ядерной безопасности, установившая нормы обращения с ядерным материалом и оборудованием, в 1997 г. — Объединенная конвенция о безопасности обращения с отработанным топливом и радиоактивными отходами. В 2005 г. были приняты Международная конвенция по борьбе с актами ядерного терроризма и поправки к Венской конвенции 1980 г., ужесточающие стан-

дарты транспортировки РМ. Дважды — на Московском саммите ядерной безопасности (1996) и саммите в Эвиане (2003) — страны «Группы восьми» признали укрепление международных стандартов основой профилактики ядерного терроризма.

Соединенные Штаты понимают профилактику распространения расщепляющихся материалов иначе. В 2004 г. администрация Дж. Буша-младшего заявила о необходимости создать международный кодекс поведения в атомной энергетике предусматривающий повсеместный запрет на использование высокообогащенного урана и оружейного плутония. Вашингтон предложил запретить поставку ядерных технологий странам, которые не овладели ЗЯТЦ до 1 января 2004 г. Данный подход означает, с точки зрения России, полномасштабную реформу ДНЯО. Поэтому совместные проекты в области утилизации плутония Москва рассматривает сквозь призму потенциально конфликтной проблемы интернационализации ЗЯТЦ.

11.3. Региональные аспекты проблемы нераспространения

Еще большие разногласия России и США вызывают отношения Москвы с отдельными «государствами-аутсайдерами». За последние пятнадцать лет у российской стороны сложился комплекс коммерческих связей с Ираном, Индией и КНДР, свертывать которые в угоду Вашингтону Москва не собирается. Россия выступает против разделения нарушителей ДНЯО на «респектабельных» и «опасных», утверждая, что ко всем «аутсайдерам» нужно применять одни стандарты. Москва исходит из своеобразной презумпции невиновности: пока у международного сообщества нет неоспоримых доказательств наличия военной ядерной программы у той или иной страны, сотрудничество с ней допустимо. США, напротив, полагают, что незаконная ядерная деятельность в прошлом может служить основанием для введения международных санкций. В этом смысле российские подходы объективно стали восприниматься как альтернатива американской концепции принудительного разоружения «неблагонадежных государств».

Иран. Становление российской политики в сфере нераспространения проходило на фоне дискуссий вокруг ядерной программы Ирана. Большая часть его ядерных объектов была построена в 1970-х годах в рамках соглашений о партнерстве в сфере мирного использования атомной энергии с США (1957), Францией (1974) и ФРГ (1977). После Исламской революции 1979 г. Соединенные Штаты и страны Западной

Европы разорвали контракты с Тегераном. Россия, напротив, с начала 1990-х начала видеть в Иране партнера в области атомной энергетики. Перед российской дипломатией встала задача сохранить присутствие на иранском ядерном рынке и одновременно убедить западных партнеров в безопасности поставок Тегерану атомных технологий.

Основы российско-иранского партнерства были заложены в конце 1980-х годов. 22 июня 1989 г. Стороны подписали Долгосрочную программу торгово-экономического и научно-технического партнерства на период до 2000 г., которая помимо прочего предполагала организацию совместных энергетических проектов, а в 1989–1991 гг. Москва и Тегеран заключили контракты на поставки советской военной техники³⁴. 25 августа 1992 г. подписаны соглашения «О сотрудничестве в сфере мирного использования атомной энергии» и «О сотрудничестве в сооружении атомной электростанции на территории Ирана». Эти документы предусматривали поставку Тегерану четырех реакторов типа ВВЭР-1000³⁵ и российского низкообогащенного урана для проектирующейся АЭС.

Первоначально предполагалось построить АЭС около города Горган (побережье Каспийского моря). Но этот район оказался сейсмически опасен, и потому в 1994 г. начались переговоры о завершении строительства атомной электростанции около города Бушер (побережье Персидского залива)³⁶. 5 января 1995 г. российские и иранские представители подписали контракт на завершение строительства энергоблока № 1 Бушерской АЭС. Глава Минатома России В. Н. Михайлов и вице-президент Ирана Р. Амрохалли подписали Меморандум о намерении. Согласно этому документу, российская сторона обязалась поставить Ирану ряд реакторов различной мощности, предоставить ядерное топливо для первого энергоблока АЭС в Бушере и оказать помощь в строительстве завода по обогащению урана. Контракт на поставку российского атомного топлива для первого энергоблока будущей электростанции был подписан 7 августа 1995 г.³⁷

Однако российско-иранское партнерство вызвало недовольство США, которые в 1990-х годах ввели серию санкций против Ирана³⁸. Двусмысленной оставалась и позиция стран Европейского союза. Контакты Тегерана с западноевропейскими компаниями сохранялись и после 1979 г. Но государства ЕС не поддержали Россию. (Германия, в частности, отказалась от российского предложения принять участие в завершении строительства АЭС в Бушере, хотя в 1986–1987 гг. западногерманские компании ввели подобные переговоры с Ираном.) После отказа Аргентины и КНР от сотрудничества с Ираном Россия осталась

едва ли не единственной страной, поставляющей ядерные технологии Тегерану. Это обрекало Москву на дипломатическую изоляцию в ходе переговоров с Вашингтоном.

Серия российско-американских переговоров³⁹ завершилась выработкой компромисса. На саммите в Ванкувере 3–4 апреля 1993 г. президент У. Клинтон предложил президенту Б. Н. Ельцину отказаться от поставок ракетных технологий Тегерану в обмен на использование российских ракетносителей для запуска американских коммерческих спутников. На встрече в Вашингтоне 27–28 сентября 1994 г. Б. Н. Ельцин пообещал не заключать новых соглашений о поставках военной техники Ирану. На саммите в Женеве 22–23 марта 1995 г. министр иностранных дел России А. В. Козырев и госсекретарь США У. Кристофер обсудили проблемы ограничения российско-иранского сотрудничества. Наконец, в ходе визита в Москву министра обороны Соединенных Штатов У. Перри 3–4 апреля 1995 г. стороны договорились, что Россия откажется от ракетных контрактов с Тегераном, а США не будут препятствовать строительству Бушерской АЭС. У. Клинтон официально заявил, что Белый дом заинтересован в свертывании «бушерского проекта» (Правда. 1995. 30 апреля).

Условия российско-американского компромисса были озвучены на Московском саммите 9–10 мая 1995 г. В ходе встречи президент Б. Н. Ельцин заявил, что российская сторона продолжит строительство Бушерской АЭС и обучение иранских специалистов, но отказывается поставлять Ирану технологии обогащения урана и выделения плутония из атомного топлива. Со своей стороны президент У. Клинтон признал право России строить атомную электростанцию в Бушере. Эти заявления, включая отказ Кремля от новых контрактов на поставки военной техники Тегерану, были закреплены в подписанном 30 июня 1995 г. меморандуме межправительственной комиссии Гора—Черномырдина.

Однако Россия продолжала развивать сотрудничество с Ираном. 23 мая 1995 г. В. Н. Михайлов объявил: ежегодно от 20 до 40 иранских специалистов-ядерщиков будут повышать квалификацию в России. 29 декабря 1995 г. был подписан Протокол об урегулировании взаимных финансовых обязательств, облегчивший поставки военной техники Ирану. 12 января 1996 г. вступил в силу контракт на постройку Бушерской АЭС. В таких условиях меморандум Гора—Черномырдина стал рассматриваться в Москве как временный и не очень выгодный для Российской Федерации компромисс.

Американские СМИ в свою очередь упрекали администрацию У. Клинтона в том, что она разрешила России поставлять ядерные тех-

нологии Ирану в обмен на символические уступки Москвы. (Меморандум Гора—Черномырдина американские журналисты республиканского толка называли «иранским Мюнхеном» Вашингтона с намеком на Мюнхенские соглашения 1938 г.). На очередном совещании комиссии Гора—Черномырдина в Москве (24 февраля 1997 г.), встрече Б. Н. Ельцина и У. Клинтона в Хельсинки (21–23 марта 1997 г.) и на саммите «семерки» в американском городе Денвере (20–21 июня 1997 г.). Вашингтон настаивал на дополнительных обязательствах — от официального отказа России помогать развитию ракетной программы любой страны до «недвусмысленного подтверждения окончания ядерного сотрудничества с Ираном», кроме строительства Бушерской АЭС. Проект такого соглашения был изложен в послании У. Клинтона Б. Н. Ельцину от 30 ноября 1997 г.⁴⁰

США начали угрожать введением санкций против сотрудничающих с Ираном российских предприятий. Президент У. Клинтон 23 июня 1998 г. наложил вето на законопроект конгресса, предусматривающий введение подобных мер. Однако на саммите в Москве 2 сентября 1998 г. У. Клинтон отметил, что Белому дому становится все труднее противодействовать давлению конгресса в вопросе о введении санкций против российских институтов.

Первоначально Москва склонялась к компромиссу с Вашингтоном. 21 сентября 1997 г. глава Росатома В. Н. Михайлов предложил ввести совместный российско-американский контроль над работой АЭС в Бушере. 22 января 1998 г. правительство В. Черномырдина ввело новые, более жесткие правила в сфере экспортного контроля (постановление правительства РФ от 22.01.1998 г. № 57). Но 12 января 1999 г. Госдепартамент Соединенных Штатов ввел административные меры против Московского авиационного института, Химико-технического университета им. Д. И. Менделеева, Научно-исследовательского и конструкторского института энерготехники им. Н. А. Доллежалы, подозреваемых американцами в сотрудничестве с Ираном. В ходе визита в Москву госсекретаря США М. Олбрайт 25 января 1999 г. позиция России ужесточилась. Правительство Е. М. Примакова отказалось ограничить сотрудничество с Ираном.

После победы В. В. Путина на президентских выборах 2000 г. Россия стала проводить более активную политику в отношении Ирана: 23 ноября 2000 г. Москва официально вышла из меморандума Гора—Черномырдина. 12 марта 2001 г. президенты двух стран подписали Договор об основах взаимоотношений и принципах сотрудничества⁴¹. Москва и Тегеран обязались строить отношения на основе «суверен-

ного равенства, сотрудничества, взаимного доверия, уважения суверенитета, территориальной целостности и независимости». Стороны обещали развивать совместные проекты в области транспорта, энергетики (включая атомную), промышленности, науки и техники. Россия и Иран договорились согласовывать позиции по разделу Каспийского моря, взаимодействовать в ООН, сотрудничать в вопросах борьбы с терроризмом, разоружения, экспортного контроля и экологии.

В начале XXI в. ситуация вокруг иранской ядерной программы обострилась. Страны ЕС и США начали переговоры о свертывании иранской программы обогащения урана в обмен на поставки легководных реакторов или американских авиационных технологий.

В такой ситуации российская политика стала двойственной. Москва не желала терять стратегического партнера и перспективный рынок атомных технологий и вместе с тем не могла безоговорочно поддерживать Иран: подобное решение привело бы ее к конфликту со странами ЕС и США. Поэтому Россия выбрала тактику тройных переговоров: склонить Иран к компромиссу, вынудить Вашингтон отказаться от военной операции, уговорить страны ЕС и МАГАТЭ смягчить требования к Тегерану.

На первом этапе Россия сближала свою позицию с предложениями стран ЕС. 27 февраля 2005 г. Москва и Тегеран подписали протокол о возврате в Россию отработанного ядерного топлива и утвердили график поставок топлива Тегерану. В ходе визита в Иерусалим 28 апреля 2005 г. В. Путин заявил, что Россия выступает за отказ иранской стороны от создания технологий замкнутого ядерного цикла и постановку под контроль МАГАТЭ его ядерных объектов. 3 ноября 2005 г. Москва предложила Ирану производить на заводе в Исфахане тетрафторид урана (UF-4), а его конверсию в гексафторид урана (UF-6) и обогащение производить на российской территории. Россия гарантировала, что в таких условиях Иран не сможет обогащать уран до степени, пригодной для производства ядерных боезарядов.

В феврале—марте 2006 г. состоялись три тура российско-иранских переговоров. Однако принять решение о создании совместного предприятия не удалось. Россия выступала за возвращение иранских ядерных объектов под контроль МАГАТЭ. Иран утверждал, что обогащение урана на российской территории не означает отказа от приобретения им атомных технологий. Поэтому с середины 2006 г. Москва начала осторожно дистанцироваться от Тегерана, опасаясь, что неконструктивный подход Ирана дискредитирует российскую дипломатию⁴², а 1 июня 2006 г. присоединилась к «Венскому пакету» международных

инициатив по свертыванию иранской программы обогащения урана. 23 декабря 2006 г. и 24 марта 2007 г. Россия проголосовала за резолюции Совета Безопасности ООН № 1737 и 1747, введившие ограниченные санкции против Ирана (правда, Москва при поддержке Пекина добилась существенного смягчения их первоначальных условий⁴³).

7 июня 2007 г. на саммите «восьмерки» в немецком городе Хайлигендамме В. В. Путин предложил США использовать Габалинскую РЭС, арендуемую Россией у Азербайджана, как альтернативу развертыванию американских комплексов ПРО на территории Польши и Чехии. Аналитики заговорили о том, что Россия впервые косвенно признала наличие угрозы ракетной программы Ирана. Ведь официальным предлогом для появления американской ПРО в Восточной Европе служил тезис о ее наличии для стран ЕС от иранских баллистических ракет.

Подвижки в российской политике вызвали недовольство в Тегеране. Весной 2007 г. в российско-иранских отношениях возник серьезный кризис вокруг строительства Бушерской АЭС. 19 февраля 2007 г. пресс-служба Росатома сообщила, что платежи от иранской стороны за строительство АЭС в Бушере не поступают уже более месяца, а 5 марта 2007 г. вновь напомнила о задержке платежей. Но 6 марта 2007 г. Тегеран заявил о возобновлении финансирования бушерского проекта. 7 марта 2007 г. глава МИД Ирана М. Моттаки заявил, что не существует финансовых проблем по вопросу о строительстве Бушерской АЭС. 31 марта 2007 г. Россия сообщила о готовности поставить ядерное топливо для Бушерской АЭС. Несмотря на это, 3 апреля 2007 г. Г. Ализаде отметил, что, если Москва не будет поставлять атомное топливо, Иран будет вынужден начать его промышленное производство. В СМИ появились предположения, что Россия использует строительство Бушерской АЭС как рычаг для принуждения Тегерана к возвращению на переговоры.

Дополнительным фактором раздражения стали подписанные в 2002–2005 гг. соглашения России с Азербайджаном, Туркменией и Казахстаном о разделе дна Каспийского моря на секторы. В начале 1990-х Москва и Тегеран, ссылаясь на двусторонние договоры 1921 и 1940 гг., заявили, что Каспийское море следует оставить в совместном пользовании всех прикаспийских стран. По мнению иранского руководства, позиция России не соответствовала духу договора 2001 г., поэтому возникла потребность в проведении нового тура переговоров.

Летом 2007 г. Россия взяла на себя роль посредника на переговорах Тегерана с МАГАТЭ и СБ ООН⁴⁴. В ходе визита в Тегеран 20–21 июня 2007 г. министр иностранных дел России С. В. Лавров заявил о новых

подходах Москвы к иранскому вопросу, о готовности завершить все контракты с Ираном при условии их своевременного финансирования и контроля МАГАТЭ. Министр указал, что вопрос об иранской ядерной программе «должен решаться на основе сотрудничества между Ираном и МАГАТЭ»⁴⁵. Эти заявления были с энтузиазмом встречены в Тегеране⁴⁶. (16 января 2007 г. Россия поставила Ирану зенитно-ракетные комплексы «Тор М-1»⁴⁷, а в декабре 2007 г. — ядерное топливо для Бушерской АЭС.) «Глубокое понимание сущности международных проблем будет способствовать формированию нового этапа регионального и международного сотрудничества с Россией», — заявил 23 июля 2007 г. министр иностранных дел Ирана М. Моттаки⁴⁸.

Дополнительным фактором двустороннего взаимодействия стала активизация в 2007 г. споров о Каспийском море. Несмотря на наличие у России договоров с Азербайджаном и Казахстаном о разделе каспийского шельфа, Москва и Тегеран, ссылаясь на советско-иранские соглашения 1921 и 1940 гг., настаивают на неделимости водных ресурсов Каспия⁴⁹. Тегеран выразил понимание по поводу создания российской военной флотилии на Каспийском море (Азербайджан и Казахстан при поддержке США и НАТО — озабоченность этим фактом). Между сторонами действует Тегеранское соглашение об обеспечении экологической безопасности на Каспии. Близость позиций обеих стран проявилась на совещании 21–22 июня 2007 г. министров иностранных дел прикаспийских государств.

На первых порах российское посредничество казалось успешным⁵⁰. 27 августа 2007 г. Иран подписал соглашение с МАГАТЭ об урегулировании спорных вопросов относительно экспериментов по получению плутония, которое экспертам виделось моделью разрешения противоречий вокруг иранской ядерной программы. Российский МИД поддержал подготовленный 31 августа 2007 г. доклад председателя МАГАТЭ и разработанный секретариатом агентства и Ираном план по урегулированию остающихся вопросов по иранской программе обогащения урана. «Необходимо также дальнейшее наращивание сотрудничества Ирана с агентством и выполнение им требований резолюций МАГАТЭ и Совета Безопасности ООН, с тем чтобы в конечном итоге было восстановлено доверие к мирному характеру иранской ядерной деятельности», — подчеркнул 1 сентября 2007 г. представитель МИД России М. Л. Камынин⁵¹. Однако Иран не согласился на ограничение своей ядерной программы без письменных гарантий безопасности со стороны США.

Второй раз Россия попыталась сыграть роль посредника в 2009 г. Толчком к посредничеству послужили два обстоятельства: приход к власти

в США администрации Б. Обамы и успешный пробный пуск первого реактора Бушерской АЭС 25 февраля 2009 г. Последнее обстоятельство побудило Белый дом усилить взаимодействие с Россией по иранской ядерной программе. 5 марта 2009 г. госсекретарь США Х. Клинтон заявила о готовности сблизить позиции Москвы и Вашингтона в иранском вопросе. Параметры российско-американского компромисса были сформулированы в Лондонском заявлении президентов Б. Обамы и Д. А. Медведева от 2 апреля 2009 г., в их числе:

- признание за Ираном права в соответствии с ДНЯО на осуществление программы развития гражданской ядерной энергетики;
- побуждение Ирана к восстановлению доверия к исключительно мирному характеру своей ядерной программы;
- требование от Тегерана выполнять резолюции Совета Безопасности ООН и Совета управляющих МАГАТЭ⁵².

16 апреля 2009 г. министр иностранных дел С. В. Лавров отметил: «Тегеран пока не предоставил убедительных аргументов, зачем именно сейчас ему надо развивать мощности по обогащению урана, когда его атомная энергетика находится на начальном этапе, а топливо на строящуюся нами АЭС в Бушере будет поставляться Россией с его последующим возвратом». Конкретные меры, которые должен предпринять для этого Иран, были сформулированы в решениях Совета управляющих МАГАТЭ, а затем подкреплены в резолюциях СБ ООН. Это означало определенную подвижку в позиции Москвы в сторону большей координации с Соединенными Штатами.

Российские предложения, прозвучавшие на переговорах «шестерки» в Москве 1 октября 2009 г., предусматривали создание совместного предприятия по обогащению урана на территории РФ. Иран должен был направить 1200 кг низкообогащенного урана, т.е. примерно 75% запасов наработанного им НОУ, в Россию для дальнейшего обогащения⁵³. Затем 75% полученного урана предполагалось поставлять во Францию, чтобы там производить урановые стержни для исследовательского реактора в Тегеранском ядерном центре. (В 2010 г. у Ирана предположительно должны были закончиться запасы топлива для этого реактора.) Такой план отличался от российских предложений 2005 г. участием в нем Франции и обогащением иранского урана под контролем МАГАТЭ. План поддержали другие члены «шестерки», включая США. 23 октября 2009 г. Совет управляющих МАГАТЭ рекомендовал решить иранскую проблему посредством заключения соглашения с Ираном о поставках ядерного топлива. Первые поставки в Россию были намечены на январь 2010 г.

Эксперты оценивали шансы на успех российско-французского посредничества высоко⁵⁴. 3–4 октября 2009 г. состоялся визит в Тегеран генерального директора МАГАТЭ М. эль-Барадея, в ходе которого стороны обсуждали этот вопрос. 29 октября 2009 г. Иран выдвинул встречное предложение. Соглашаясь с идеей отправки наработанного НОУ для обогащения, он настаивал на осуществлении перевозок меньшими партиями и на протяжении неопределенного периода времени⁵⁵. 30 октября 2009 г. президент М. Ахмадинежад заявил, что его страна не откажется от развития мирной ядерной программы, но готова сотрудничать с международным сообществом по проблемам использования атомного топлива и технологий ЗЯТЦ, а также наблюдения за атомными объектами.

В ноябре 2009 г. между сторонами появились разногласия⁵⁶. Министр иностранных дел Ирана М. Моттаки объявил, что его страна не намерена поставлять НОУ за границу, пока не получит предназначенное топливо для исследовательского реактора в Тегеране. 17 ноября 2009 г. Иран объявил, что рассмотрит возможность соответствующего «одновременного обмена» на своей территории — например, на острове Киш в Персидском заливе. Предложение было отвергнуто представителями «евротройки» и США⁵⁷. Несмотря на это, стороны продолжали переговоры. 19 декабря 2009 г. М. Ахмадинежад заявил, что Тегеран готов заключить соглашение по национальной ядерной программе, если США и Запад прекратят угрозы в его адрес.

Но «шестерка» требовала от Ирана предоставить ответ до 2 января 2010 г., угрожая в противном случае ужесточением санкций. Такая позиция вызвала недовольство иранской стороны. В день истечения срока Тегеран заявил о готовности начать производство высокообогащенного урана. 17 января 2010 г. страны «шестерки» пригрозили Ирану ужесточением санкций. 20 января 2010 г. Тегеран отказался передавать процесс обогащения урана другим странам. Тегеран обратился к Бразилии и Турции с предложением о сотрудничестве в области обогащения урана. 17 мая 2010 г. главы МИД этих стран подписали соглашение об обмене 1200 кг низкообогащенного урана на ядерное топливо для тегеранского экспериментального реактора.

В такой ситуации Москва ощущала себя в известной степени «подставленной» иранской стороной. 19 февраля 2010 г. официальный представитель МИД РФ А. Нестеренко заявил, что не исключает принятия СБ ООН резолюции с введением новых санкций против Ирана. 26 февраля 2010 г. с призывом к России и КНР поддержать антииранские санкции выступила канцлер Германии А. Меркель.

(Речь шла о введении необратимых санкций, которые можно было бы отменить только новой резолюцией СБ ООН.) И хотя президент Д. А. Медведев выступил 13 апреля 2010 г. против «парализующих» санкций против Ирана, российская сторона поддержала проект резолюции с введением санкций. 17 мая 2010 г. стороны достигли соглашения по тексту резолюции. 9 июня 2010 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 1929, которая ввела первые необратимые санкции против Ирана. Помимо прочего запрещалось поставлять иранской стороне шесть категорий вооружений: бронетранспортеры, танки, артиллерийские системы, вертолеты, боевые и транспортные самолеты, корабли, ракетные системы.

Среди экспертов до настоящего времени нет четкого объяснения причин кризиса в российско-иранских отношениях 2010 г. В экспертной литературе встречаются три точки зрения. Первая. Администрация Д. А. Медведева на волне пика политики «Перезагрузки» рассматривала возможность размена российской позиции по Ирану на привлечение американских и западноевропейских инвестиций. Вторая. Россия была недовольна позицией иранской стороны на переговорах осенью 2009 г. и высказала негативную оценку политики Тегерана. Третья. Россия посредством демонстративных уступок стремилась спровоцировать военное столкновение США с Ираном, которое привело бы к ослаблению американских позиций. Подобная экзотическая точка зрения в середине 2010 г. рассматривалась в американских и британских СМИ.

В середине 2010 г. в российско-иранских отношениях возник кризис. Для исполнения резолюции № 1929 МИД РФ 10 июня 2010 г. заявил об отказе от поставок Ирану ЗРК С-300. (Хотя контракт 2007 г. на их поставку Тегерану не был отменен.) «Иран приближается к обладанию потенциалом, который, в принципе, может быть использован для создания ядерного оружия», — заявил президент Д. А. Медведев, выступая перед дипломатическим корпусом России 12 июля 2010 г. Президент Ирана М. Ахмадинежад выразил 24 июля 2010 г. сожаление, что «Медведев стал рупором планов врагов Ирана». В ответ 26 июля 2010 г. МИД России заявил: «Для нас категорически неприемлемы недавние публичные высказывания президента Ирана Ахмадинежада, искажающие объективный подход России, нашу самостоятельную, конструктивную линию в отношении иранской ядерной программы».

Демонтаж политики «Перезагрузки» в 2011 г. вернул иранской политике России ее традиционное содержание. Поворот в сторону большего учета интересов Ирана стал заметен 18 ноября 2010 г. на саммите прикаспийских стран в Баку. На встрече «шестерки» в Стамбуле 21 января 2011 г. министр иностранных дел С. В. Лавров выступил за смягчение санкций против Тегерана. (Накануне этого события страны ЕС неудачно

попытались в декабре 2010 г. возобновить переговоры с Тегераном, и позиция Москвы выглядела диссонансом на фоне резких заявлений лидеров Великобритании и Франции.) С весны 2011 г. российская сторона ускорила работы по завершению строительства Бушерской АЭС. 3 сентября 2011 г. ее подключили к электросети мощностью около 60 МВт. 12 сентября 2012 г. состоялась церемония ее запуска.

Новая волна расхождений по иранской ядерной программе началась на рубеже 2011–2012 гг. Россия негативно отнеслась к опубликованному в ноябре 2011 г. докладу МАГАТЭ о возможном наличии военной составляющей в ядерной программе Ирана. Столь же негативной была реакция МИД РФ на заявление президента Израиля Шимона Переса 4 ноября 2011 г. о готовности начать самостоятельную военную акцию против иранских ядерных объектов. 2 апреля 2012 г. С. В. Лавров на совместной пресс-конференции с министром иностранных дел Армении Э. Набалдяном заявил, что применение военной силы против Ирана затронет безопасность всего Закавказья и арабского мира: «Так называемое превентивное применение силы международным правом запрещено, поэтому те, кто рассматривают различные опции, все-таки проявят ответственный подход и, самое главное, будут уважать международное право»⁵⁸. Впервые после 2007 г. Москва вновь выступила против принципа превентивного использования силы в международных отношениях.

В середине 2012 г. Кремль послал сигналы о готовности снова взять на себя роль посредника на переговорах по ядерной программе Тегерана. 7 июня 2012 г. президент РФ В. В. Путин встретился на Пекинском саммите ШОС с президентом Ирана М. Ахмадинежадом. Глава России подчеркнул, что Москва всегда поддерживала право Тегерана на развитие мирной атомной энергии: «Мы знаем и вашу позицию, и позицию всего иранского руководства, которая заключается в том, что Иран не работает над созданием ядерного оружия. Исходим именно из этого»⁵⁹. О готовности России содействовать переговорам было заявлено на очередных раундах переговоров по иранской программе обогащения урана в Вене (8–9 июня 2012 г.) и Москве (18–19 июня 2012 г.), которые, возможно, побудят Тегеран и «шестерку» возобновить замороженный в 2010 г. переговорный процесс.

В ходе кризисов вокруг иранской ядерной программы Россия отстояла право проводить самостоятельную политику в сфере экспорта ядерных технологий, однако оказалась перед трудным выбором между охлаждением отношений с партнером и обвинениями в «пособничестве распространению ядерных технологий». События вокруг Ирана показывают, что укрепление позиций России на перспективных ядерных рынках будет

вызывать противодействие ряда политических кругов на Западе. Отношения Москвы с «государствами-нарушителями» могут перерасти в новое «сдерживание России» ради продвижения интересов западного бизнеса.

Индия. С этой страной СССР сотрудничал в сфере мирного использования атомной энергии⁶⁰, еще в 1976 г. поставив Дели тяжелую воду для реактора «Раджастан-2» и получив от индийского правительства официальные гарантии неиспользования ее в военных целях. 20 ноября 1988 г. Советский Союз обязался построить два энергоблока для индийской АЭС в Куданкуламе (юг полуострова Индостан). 18 января 1991 г. Индийское космическое агентство заключило с Главкосмосом СССР договор о поставке четырех криогенно-разгонных блоков для проектируемого индийского ракетносителя *GSLV (Geostationary Satellite Launch Vehicle)*. Это создавало хороший фундамент для развития двусторонних отношений.

Но Индия отказалась подписать ДНЯО и дважды (в 1974 и 1998 гг.) провела незаконные с точки зрения мирового сообщества ядерные испытания. Это создавало объективные трудности в развитии российско-индийских отношений. Трудности возросли после того, как 3 апреля 1992 г. страны—участники Группы ядерных поставщиков (ГЯП) приняли заявление о полноохватных гарантиях. Его условия не разрешали передачу предметов и технологий, упомянутых в Исходном списке Руководящих принципов ГЯП⁶¹, государству, не обладающему ядерным оружием, если оно «не ввело в действие соглашение с МАГАТЭ, требующее применения гарантий в отношении всего исходного и специализированного расщепляющегося материала в своей нынешней и будущей мирной ядерной деятельности». Ссылаясь на эти нормы, на российско-американском саммите в Ванкувере 3 апреля 1993 г. администрация У. Клинтона заявила, что советско-индийские соглашения 1988—1991 гг. противоречат нормам режима контроля над ракетными технологиями и новым правилам ГЯП.

Российская сторона согласилась с реформой Исходного списка ГЯП. 27 марта 1992 г. президент Б. Н. Ельцин подписал Указ № 312, согласно которому Российская Федерация согласилась с новым вариантом Исходного списка в качестве условия об экспорте в государства-импортеры, не обладающие ядерным оружием и не заключившие соглашения о полноохватных гарантиях с МАГАТЭ. Однако Б. Н. Ельцин оговорил, что кодекс Группы ядерных поставщиков не имеет обратной силы и Россия оставляет за собой право реализовать контракт на строительство АЭС в Куданкуламе. Осенью 1993 г. действие этого контракта и поставка ракетных двигателей были приостановлены. В начале 1996 г. мини-

стром иностранных дел России стал Е. М. Примаков, выступавший за расширение партнерства Москвы и Дели. 21 июня 1998 г. руководитель индийской атомной энергетики Р. Чидамбаран и глава Росатома Е. Адамов подписали соглашение о реализации советско-индийского соглашения о строительстве двух энергоблоков для АЭС в Куданкуламе. Россия и Индия разблокировали и сотрудничество в области ракетных технологий. В марте 2001 г. Дели с помощью российских технологий запустил в космос трехступенчатый ракетоноситель *GSLV*.

В 2000 г. сотрудничество продолжилось. 16 августа 2000 г. было подписано соглашение о поставках для АЭС в Тарапуре (побережье Аравийского моря) около 58 т российского диоксида урана. 2–5 октября 2000 г. президент В. В. Путин посетил Дели. Стороны подписали Меморандум о сотрудничестве в сфере мирного использования атомной энергии, предусматривавший поставки Индии российских технологий ЗЯТЦ и возможность участия российских специалистов в строительстве АЭС на территории Индии. В СМИ появились сообщения о намерении России принять участие в строительстве новых индийских АЭС. В феврале 2001 г. российское атомное топливо для реактора в Тарапуре было доставлено индийской стороне.

Такие шаги России вызвали недовольство на Западе. На саммите ГЯП в декабре 2000 г. ее участники (исключая Белоруссию) сочли, что российские поставки для АЭС в Тарапуре «не соответствуют международным российским обязательствам в сфере нераспространения». 17 февраля 2001 г. Госдепартамент США высказал «глубокие сожаления» в связи с поставками российского топлива в Индию. 20 февраля 2001 г. с аналогичным заявлением выступил министр обороны США Д. Рамсфельд. В тот же день протест заявил Пакистан, увидевший в действиях России «практику дискриминации отдельных государств». Американские эксперты заговорили о том, что российско-индийские соглашения 2000 г. означают частичное признание РФ ядерного статуса Индии.

Российская сторона придерживалась иного мнения. 6 мая 2000 г. вышел указ о внесении изменений в Указ Президента РФ от 27 марта 1992 г. № 312. Этот документ позволял в исключительных случаях поставлять ядерные материалы и технологии в страны, чьи ядерные объекты не находились (или находились частично) под гарантиями МАГАТЭ. Такие поставки могли осуществляться, если они не противоречили международным обязательствам РФ, если принимающее государство заявляло об использовании ядерного импорта исключительно в мирных целях и об отсутствии угрозы функционирования ядерных установок. По мнению российской стороны, именно такая ситуация

сложилась в начале 2001 г. в Тарапуре: недозагрузка реактора топливом была чревата технической аварией. Кроме того, Москва стала настаивать на смягчении норм ГЯП в отношении Индии. Российские официальные лица (в их числе глава Росатома Е. Адамов) сделали ряд заявлений о необходимости реформы ГЯП⁶².

Это был первый и пока единственный случай, когда Россия заявила о возможности пересмотра норм в сфере нераспространения.

В начале XXI в. строительство АЭС в Куданкуламе ускорилося. Основными субподрядчиками проекта стали закрытое акционерное общество «Комплект-атом-Ижора» и открытое акционерное общество «Уралмашзавод».

В марте 2002 г. состоялась церемония укладки бетона в фундамент реактора. 23 июля 2002 г. ЗАО «Комплект-атом-Ижора» заключило договор с ОАО «Балтийский завод» на строительство 16 теплообменных аппаратов для индийской АЭС. 21 января 2005 г. Индия досрочно получила первый ядерный реактор в Куданкуламе.

Одновременно Россия предприняла ряд шагов по усилению своего политического влияния в Индостане⁶³. На встрече в Алматы 19–20 июня 2002 г. с лидерами Индии и Пакистана В. В. Путин поспособствовал снижению военной напряженности между обеими странами. В ходе двух визитов В. В. Путина в Дели 13 декабря 2002 и 4 декабря 2004 гг. стороны подписали пакет документов, включая Соглашение о сотрудничестве в области исследования и использования космического пространства в мирных целях⁶⁴. Стороны стали обсуждать новые планы развития отношений в сфере атомной энергетики⁶⁵.

Но 6 декабря 2004 г. глава Росатома А. Румянцев заявил об отказе поставлять низкообогащенный уран для АЭС в Тарапуре и строить новые энергоблоки «Куданкулам-3» и «Куданкулам-4» до тех пор, пока с Индии не будут сняты санкции Группы ядерных поставщиков. Москва предложила Индии провести предварительные переговоры с ГЯП о возможности поставок российских атомных технологий, что вызвало негативную реакцию в Дели⁶⁶. Поэтому, хотя в 2005 г. поступательное развитие отношений возобновилось⁶⁷, индийское правительство начало искать альтернативных поставщиков атомных технологий.

2 марта 2006 г. в ходе визита президента Дж. Буша в Дели стороны подписали Договор о сотрудничестве в сфере мирного использования атомной энергии. Соединенные Штаты несколько раз ставили в ГЯП вопрос о снятии ограничений на торговлю с Дели. (Это, впрочем, не помешало американским представителям заявить, что Россия «торопится» с поставками атомного топлива для Индии.)

Эти события породили в России опасения потерять индийский рынок. 14 марта 2006 г. был подписан контракт на поставку таблеточного топлива из низкообогащенного урана для АЭС в Тарапуре и топлива из природного урана для реакторов АЭС в Раджастане (Центральный Индостан). 17 августа 2006 г. представители индийского посольства посетили Калининскую АЭС и обсудили вопрос о закупках российских ядерных технологий. Тематика сотрудничества в области атомной энергетики стала одной из центральных тем визита В. В. Путина в Индию 29–31 января 2007 г. 2007 г. также не принес принципиальных изменений в отношении стран. В ходе визита В. В. Путина в Индию 25 января 2007 г. стороны как будто согласовали вопрос о поставках ей 4 новых реакторов, однако российская сторона воздержалась от подписания соглашения до тех пор, пока ГЯП не разрешит вопрос о ядерной сделке между Индией и США.

В ходе ответного визита М. Сингха в Москву 11–12 ноября 2007 г. Кремль проявил интерес к разрешению проблемы, но теперь индийская сторона ограничилась заявлениями о намерении развивать сотрудничество в сфере мирного использования атомной энергии. В российских СМИ появились критические замечания о закреплении на рынке партнера других, более «циничных» поставщиков, в индийских — о ненадежности Москвы как поставщика атомных технологий.

Ситуация вокруг ядерной программы Индии стала меняться осенью 2008 г. Во-первых, ее парламент частично ратифицировал соглашение с США 2006 г. Во-вторых, 6 сентября 2008 г. ГЯП частично снял с нее санкции⁶⁸. В-третьих, на индийском рынке расширилась конкуренция. 30 сентября 2008 г. президент Н. Саркози и премьер-министр М. Сингх подписали Соглашение о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии⁶⁹, которое среди прочего предусматривает поставки в Индию реакторных технологий, ядерного топлива, а также обмен опытом управления ЗЯТЦ. 10 октября 2008 г. госсекретарь США К. Райс и министр иностранных дел Индии П. Мукхерджи подписали межправительственное соглашение о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии (Соглашение 1-2-3)⁷⁰. Аналогичные соглашения были подписаны с Аргентиной и Бельгией. 10 ноября 2008 г. Великобритания смягчила ограничения на экспорт в Индию ядерных оборудования, технологий и материалов для объектов, поставленных под гарантии МАГАТЭ. Это позволило 6 апреля 2009 г. индийской компании *BHEL* и британской «*Sheffield Forgemasters International Ltd.*» заключить соглашение сроком на 10 лет об обмене технологиями в области металлургии. Стоимость соглашения оценивается в 43 млн

долл. Со Швецией в апреле 2009 г. начались переговоры о сотрудничестве в области захоронения радиоактивных отходов.

Новая ситуация побудила Москву ускорить борьбу за сохранение позиций на ядерном рынке Индии. Еще 11 февраля 2008 г. стороны парафировали соглашение об участии Росатома в строительстве четырех блоков в Куданкуламе, а 5 декабря 2008 г. подписали совместную декларацию о продолжении сотрудничества в области мирного использования атомной энергии (сооружение дополнительных энергоблоков на площадке в Куданкуламе, где в завершающей стадии находится строительство двух реакторов ВВЭР-1000, а также АЭС по российским проектам на новых площадках)⁷¹. 12 декабря 2008 г. Атомстройэкспорт и индийская компания «*Larsen & Toubro*» (*L&T*) подписали меморандум о сотрудничестве в изготовлении оборудования для АЭС по российским технологиям на индийской территории⁷² (для дополнительных энергоблоков в Куданкуламе, энергоблоков в Харипуре, а также потенциально в третьих странах, где будут вестись работы по российским проектам). 14 января 2010 г. правительство Индии одобрило проект строительства с помощью России АЭС в Харипуре (штат Западная Бенгалия).

России удалось также расширить свое представительство на индийском рынке атомного топлива. 11 февраля 2009 г. ОАО «ТВЭЛ» и Департамент по атомной энергии правительства Индии заключили долгосрочные контракты на поставку топлива для индийских АЭС⁷³. Предусмотрена поставка топливных таблеток для тяжеловодных и легководных кипящих реакторов (в том числе на АЭС «Раджастан» и «Тарапур») общим объемом 2 тыс. метрических тонн. Стоимость контрактов составляет 780 млн долл. Первая партия 30 т была поставлена в Индию в апреле 2009 г.⁷⁴ России, таким образом, удалось на рубеже 2008–2009 гг. выйти за рамки советско-индийского соглашения 1988 г.

Закреплением успехов стало парафированное 7 декабря 2009 г. новое индийское соглашение о сотрудничестве обеих сторон в сфере мирного использования атомной энергии. Оно предполагало более широкий формат, чем соглашение 2000 г. Стороны договорились взаимодействовать в области 1) переработки отработанного ядерного топлива на объекте, который будет находиться под контролем МАГАТЭ; 2) строительства АЭС; 3) создания совместных предприятий по производству тепловыделяющих элементов и 4) возможности для широко-масштабной исследовательской работы в сфере атомной энергии. Соглашение предусматривало то, что на площадке «Куданкулам» в штате Тамилнад будут построены шесть блоков, в штатах Западной Бенгалии

в Харипуре — от четырех до шести. Наряду с этим соглашением в ходе визита в Индию премьер-министра РФ В. В. Путина 12 марта 2010 г.⁷⁵ были подписаны:

- межправительственное соглашение о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях;
- «дорожная карта» серийного сооружения в Республике Индия атомных электростанций по российскому проекту;
- меморандум о взаимопонимании по расширению сотрудничества при сооружении новых энергоблоков на площадке АЭС «Куданкулам»;
- контракт на выполнение первоочередных проектных работ для сооружения 3-го и 4-го блоков АЭС «Куданкулам».

Успехи России на ядерном рынке Индии вызвали беспокойство в США. Еще в ходе визита госсекретаря Х. Клинтон в Дели 19–20 июля 2009 г. заключили соглашения о стратегическом партнерстве, в военно-технической сфере. Однако присутствие американских компаний на индийском ядерном рынке оставалось незначительным. Во-первых, стороны не урегулировали вопрос о порядке компенсации ущерба в случае аварии на АЭС. Во-вторых, индийская сторона стремится оставить за собой право на переработку американского ядерного топлива. Вашингтон долгое время не был согласен с такой позицией Дели, опасаясь, что извлеченный из него плутоний может быть использован для наращивания индийского ядерного потенциала. Только 29 марта 2010 г. стороны подписали соглашение о переработки индийскими предприятиями американского отработанного ядерного топлива. Эксперты оценили стоимость сделки в 150 млрд долл.⁷⁶

Политика России и США на атомном рынке Индии продемонстрировала важную тенденцию. В проигрыше оказывалась та сторона, которая более привержена букве режима нераспространения. Соединенные Штаты получили преимущества в 2005–2007 гг., когда пошли на частичное признание ядерного статуса Индии. Россия добилась успеха в 2008–2010 гг., когда стала поддерживать вступление Дели в ГЯП. Дискуссии вокруг индийской ядерной программы показали, что стремление России и США ужесточить нормы режима нераспространения ЯО может в определенный момент вступить в противоречие с интересами их ядерного бизнеса.

КНДР. В начале XXI в. важной проблемой стало определение российской позиции в отношении американской стратегии контрраспространения. В ходе иракского кризиса 2003 г. Москва отвергла ее силовой

вариант. Менее понятно было, как реагировать на попытки Вашингтона воздействовать на нарушителей сочетанием угроз и обещаний экономических преференций. «Полигоном» для решения этой проблемы стал кризис вокруг ядерной программы КНДР.

Еще в 1950-х годах СССР и КНДР подписали ряд соглашений о сотрудничестве в сфере мирного использования атомной энергии. Северокорейские физики проходили обучение в СССР, а советские специалисты помогли создать ядерный центр около города Йонбон на северо-западе страны. Но после распада СССР Российская Федерация стала дистанцироваться от Северной Кореи⁷⁷, особенно когда осенью 1992 г. в ее отношениях с МАГАТЭ произошел кризис, повлекший за собой «первую ядерную тревогу» на Корейском полуострове (угрозы США нанести упреждающие удары по ядерным объектам КНДР). В российском общественном мнении стал утверждаться образ Северной Кореи как «опасного государства», угрожающего интересам всего мирового сообщества. Поэтому, когда 12 марта 1993 г. КНДР заявила о выходе из ДНЯО, Москва приостановила действие двусторонних соглашений о сотрудничестве в сфере мирного использования атомной энергии.

Согласно Советско-северокорейскому союзному договору 1961 г. Россия была обязана защищать КНДР в случае начала новой войны на Корейском полуострове. В августе 1995 г. Россия отказалась продлить этот договор, предложив КНДР начать подготовку нового документа, но не нашла поддержки у северокорейской стороны.

24 марта 1994 г. МИД России выступил с «комплексным решением» конфликта, предусматривавших: 1) содействие денуклеаризации Корейского полуострова; 2) гарантии невмешательства во внутренние дела обоих корейских государств; 3) осуществление мер доверия в военной области на полуострове; 4) замену соглашения о перемирии 1953 г. мирным договором и 5) нормализацию двусторонних отношений между государствами — участниками конференции. Российские предложения не нашли отклика ни в Вашингтоне, ни в Пхеньяне⁷⁸. Москва почти не участвовала в выработке Рамочного соглашения 1994 г. между Северной Кореей, США и МАГАТЭ.

Во второй половине 1990-х отношение России к событиям на Корейском полуострове стало меняться. Одним из условий подписанного 21 октября 1994 г. Рамочного соглашения между США и КНДР была замена графитовых реакторов КНДР советского типа на американские энергетические установки, действующие на легководных реакторах⁷⁹. С этой целью 9 марта 1995 г. была создана корпорация КЕДО (Организация по содействию развитию энергетики Кореи). Российские экс-

перты считали, что подлинной причиной давления США и Японии на КНДР были не проблемы нераспространения, а борьба за перспективный рынок атомных технологий. Россия же добровольно самоустранилась от решения северокорейской проблемы.

Теперь российская дипломатия активизировала контакты с КНДР. В 1997 г. возобновилась деятельность двусторонней межправительственной комиссии по экономическим и научно-техническим вопросам, 28 декабря 1999 г. были подписаны соглашение о сотрудничестве в лесной промышленности, 9 февраля 2000 г. — Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве. В июле 2000 г. состоялся официальный визит В. В. Путина в КНДР. В 2000—2001 гг. лидер КНДР Ким Чен Ир дважды посетил Москву.

В конце 2002 г. из-за очередных трений между США и Северной Кореей разразилась «вторая ядерная тревога» на Корейском полуострове.

На этот раз Россия уделила больше внимания кризису на Корейском полуострове⁸⁰, опасаясь ядерного конфликта в Северо-Восточной Азии в непосредственной близости от Дальнего Востока, а также возможного прецедента силового изъятия ОМП у «потенциально опасных», с точки зрения Вашингтона, режимов. Российские элиты не хотели терять и активизировавшиеся экономические связи с Северной Кореей (товарный оборот вырос с 60 млн долл. в 1997-м до 115 млн долл. в 2001-м).

На рубеже 2002—2003 гг. Россия стала разрабатывать собственную стратегию урегулирования северокорейского конфликта⁸¹. 2 декабря 2002 г. президент России В. В. Путин и председатель Госсовета КНР Цзян Цзэминь в совместной декларации призвали к денуклеаризации Корейского полуострова и нормализации американо-северокорейских отношений на основе Рамочного соглашения. 20 января 2003 г. заместитель министра иностранных дел России А. Лосюков представил проект «пакетного решения» северокорейской проблемы (обеспечение безъядерного статуса Корейского полуострова, соблюдение ДНЯО и Рамочного соглашения 1994 г. всеми участниками конфликта, предоставление гарантий безопасности КНДР и возобновление действовавших на Корейском полуострове гуманитарных и экономических программ). Правда, российское предложение вновь не было принято ни в Пхеньяне, ни в Вашингтоне.

Но, несмотря на схожесть заявлений о недопустимости превращения КНДР в ядерную державу, между Россией и США были серьезные разногласия по северокорейской проблеме. 20 января 2003 г. госсекретарь К. Пауэлл поставил вопрос о рассмотрении северокорейской

проблемы в СБ ООН. Россия, однако, не поддержала эту инициативу, опасаясь повторения иракского сценария. СБ ООН обсудил 19 февраля 2003 г. северокорейскую проблему, но не смог принять никакого документа из-за противоречий между постоянными членами. 24 февраля 2003 г. Россия и КНР отказались от французской инициативы: обсудить северокорейскую проблему в рамках неформальной встречи пяти постоянных членов СБ ООН. Документ, осуждающий выход Пхеньяна из ДНЯО, не был принят: Москва и Пекин не соглашались с введением санкций против КНДР. 2 июля 2003 г. на неформальной встрече представителей пяти постоянных членов СБ ООН Россия и КНР выступили против того, чтобы его председатель осудил Северную Корею. В середине 2003 г. в Вашингтоне росло ощущение, что Москва блокирует возможность использования механизмов ООН против КНДР.

В августе 2003 г. начались шестисторонние переговоры по ядерной программе КНДР — нерегулярно собиравшийся в Пекине форум с участием представителей Северной и Южной Кореи, США, Японии, России и КНР. К этому времени Москва модифицировала свой подход в северокорейском вопросе. 23 июля 2003 г. А. В. Лосюков в интервью российской газете «Время новостей» отметил, что Россия готова начать поставки природного газа Северной Корее в качестве альтернативы проекту КЕДО. 1 сентября 2003 г. министр иностранных дел России И. С. Иванов отметил: задачи России — добиваться сближения позиций США и КНДР и одновременно сохранять механизм общения мирового сообщества с Северной Кореей. Эта программа стала основой российской позиции на шестисторонних переговорах⁸².

Такой подход нашел понимание у КНР, Южной Кореи, а отчасти и Японии, стран, опасавшихся начала военного конфликта в Северо-Восточной Азии. В начале 2004 г. возник негласный альянс России, КНР, Республики Корея, заинтересованных в мирном решении северокорейской проблемы. (Варианты такого взаимодействия обсуждались, в частности, в ходе визита в Москву президента Республики Корея Но Му Хёна 18–22 сентября 2004 г.) Позиция «негласной коалиции» позволила сохранить режим переговоров в период нового обострения ситуации на рубеже 2004–2005 гг.⁸³ 19 сентября 2005 г. была подписана Пекинская декларация. США обещали поставить КНДР легководный реактор, а Северная Корея — вернуться в ДНЯО и допустить на свои ядерные объекты инспекторов МАГАТЭ.

К этому времени Россия стала играть более активную роль на шестисторонних переговорах. 1 августа 2005 г. Росатом заявил, что Москва готова построить Северной Корее АЭС на основе легководных

реакторов при условии, что Пхеньян вернется в ДНЯО. 12 августа 2005 г. заместитель министра иностранных дел РФ А. Алексеев в интервью южнокорейской газете «Чунан Ильбо» отметил: «Россия признает суверенное право КНДР на развитие мирной ядерной программы при условии ее возвращения в ДНЯО и подписания Дополнительного протокола МАГАТЭ 1997 г.». В этом случае, подчеркнул А. Алексеев, КНДР может рассчитывать на содействие со стороны МАГАТЭ и других государств⁸⁴. Аналитики оценили эти предложения как попытку России предложить свой вариант нового Рамочного соглашения по северокорейской проблеме.

Но за переговорами последовал новый этап осложнений. В ноябре 2005 г. был сорван очередной раунд шестисторонних переговоров, и Пхеньян отказался выполнять условия Пекинской декларации. 23 ноября 2005 г. был ликвидирован консорциум КЕДО. 5 июля 2006 г. Северная Корея провела серию ракетных испытаний, выйдя из моратория 1999 г., а 9 октября 2006 г. — ядерного взрывного устройства. На повестку дня встал вопрос о сохранении самой системы нераспространения ЯО.

Российский МИД заявил, что Северная Корея пренебрегла «единодушной волей международного сообщества, заинтересованного в безъядерном статусе Корейского полуострова». Москва призвала КНДР «незамедлительно предпринять шаги по возвращению в режим ДНЯО и возобновлению шестисторонних переговоров»⁸⁵. Это был первый случай, когда Россия безоговорочно осудила действия Северной Кореи. Москва начала осторожно сближать свои позиции с позициями США и Японии, которые с 2003 г. выступают за «полное, необратимое и проверяемое уничтожение военных ядерных объектов КНДР».

14 октября 2006 г. Россия проголосовала за резолюцию Совета Безопасности ООН № 1718, введившую санкции в отношении Северной Кореи. 30 мая 2007 г. президент В. В. Путин подписал указ о выполнении резолюции СБ ООН о санкциях против КНДР (запрет российским предприятиям передавать Северной Корее вооружения, материалы, пригодные для изготовления ЯО, а также готовить северокорейских специалистов, чья деятельность может быть использована для военной ядерной программы). Выступая в Московском центре Карнеги 21 июня 2007 г., министр иностранных дел России С. В. Лавров впервые отметил близость позиций Москвы и Вашингтона по ядерной программе КНДР⁸⁶.

Российский МИД, впрочем, подчеркивает «безальтернативность продолжения переговорного процесса в шестистороннем формате». Москва участвовала в разработке принятой 12 февраля 2007 г. Пекинской декларации, по условиям которой КНДР обязалась остановить

реактор в Йонбоне и извлечь из него топливные стержни в обмен на поставки топливного мазута.

Частичные уступки Северной Кореи породили осторожный оптимизм у российской дипломатии относительно возможности урегулирования кризиса. 16 июля 2007 г. официальный представитель МИД России М. Л. Камынин отметил, что денуклеаризация Корейского полуострова возможна только через составление рабочего графика дальнейших шагов по реализации Пекинской декларации и синхронное обсуждение ядерных и экономических вопросов⁸⁷. 31 августа 2007 г. министр иностранных дел С. В. Лавров подчеркнул, что Россия поддерживает идею проведения межкорейского саммита и готова реанимировать проект по воссоединению Транскорейской железной дороги с Транссибом⁸⁸. Летом 2007 г. представители железнодорожных ведомств Российской Федерации, КНДР и Республики Корея начали консультации о возможности реализации этого проекта, что еще раз продемонстрировало: у России есть не только политическая, но и экономическая заинтересованность в урегулировании ситуации на Корейском полуострове.

«Третья ядерная тревога» 2009 г. вынудила Москву обновить позицию по отношению к ядерной программе КНДР на основе сохранения механизма «шестисторонних переговоров». 27 марта 2009 г. замминистра иностранных дел РФ А. Бородавкин призвал Пхеньян отказаться от запуска ракеты «Ынха-2» для вывода на орбиту спутника «Кванмёнсён-1». В принятом 2 апреля 2009 г. Лондонском заявлении президентов Б. Обамы и Д. А. Медведева указывалось, что стороны поддерживают «продолжение шестисторонних переговоров в ближайшее время и договорились продолжить добиваться денуклеаризации Корейского полуострова проверяемым способом, в соответствии с целями и принципами Совместного заявления от 19 сентября 2005 г. и последующими консенсусными документами»⁸⁹.

Выработать общую линию сторонам, как и в 2003 г., не удалось. На заседании СБ ООН 6 апреля 2009 г. Россия и КНР также добились проведения исследования, что именно запустил Пхеньян — МБР или мирную ракету-носитель. 25 апреля 2009 г. С. В. Лавров предложил КНДР осуществлять запуски спутников с территории РФ и на основе российских ракет-носителей, чтобы оставить возможность для продолжения переговоров. Однако в Вашингтоне увидели в этом стремление Москвы не допустить введения новых санкций против КНДР.

Но КНДР ответила жесткой силовой демонстрацией. 25 мая 2009 г. состоялось второе испытание северокорейского ядерного боезаряда. 28 мая 2009 г. официальный представитель МИД А. Нестеренко заявил,

что Москва не согласна с введением санкций против КНДР. И все же сохранить режим шестисторонних переговоров не удалось. 12 июня 2009 г. СБ ООН принял резолюцию № 1874 о введении новых санкций против КНДР⁹⁰, за которую проголосовала и Россия. В ответ КНДР вышла из шестисторонних переговоров. Попытки начать консультации об их возобновлении осенью 2009 г. завершились неудачно.

Ситуация ухудшилась в 2010 г., когда КНДР и Южная Корея оказались на грани военного конфликта. Конфликт подошел к опасной черте в ходе инцидента вокруг острова Йонпхендо 23 ноября 2010 г. МИД РФ осудил «любые проявления силы в отношениях между государствами» и призвал обе корейские стороны проявлять сдержанность, ответственный подход и не допускать действий, способных привести к эскалации военной конфронтации на Корейском полуострове⁹¹. Возобновить механизм шестисторонних переговоров в 2011 и 2012 гг. России и КНР не удалось. Попытка поднять этот вопрос на саммите ядерной безопасности в Сеуле 26–27 марта 2012 г. закончилась неудачно, в том числе из-за позиции Южной Кореи. В ходе нового кризиса в марте 2013 г. Москва также не выдвинула новых инициатив.

Северокорейский кризис показал двойственное отношение России к американской политике контрраспространения. Москва выступает за сохранение режима нераспространения ЯО и рассматривает эту проблему как один из приоритетов своей внешней политики, однако не согласна с концепцией силового разоружения потенциально опасных стран. Тревогу российских экспертов вызывают и концепции передачи ядерных объектов «проблемных» стран под международный контроль. В такой ситуации российская сторона пока не делает однозначных заявлений по проблеме контрраспространения. Этот вопрос перенесен, видимо, на более поздний срок — до прояснения перспектив пошатнувшегося осенью 2006 г. режима нераспространения ЯО.

В начале XXI в. отношения со странами-«аутсайдерами» мировой системы нераспространения ЯО стали важным направлением внешней политики России. В ходе дискуссий вокруг ядерной программы Ирана Москва отстаивала право проводить самостоятельную политику в сфере экспорта ядерных технологий. Контракты с Индией стали первым опытом работы на рынке «проблемных» стран. Переговоры по ядерной программе КНДР позволили России выработать свое отношение к американской концепции контрраспространения. В середине 2000-х у России появились перспективы заключить соглашения о сотрудничестве в сфере мирного использования атомной энергии с рядом государств: ЮАР, Алжи-

ром, Мьянмой, Египтом, Ливией⁹². России удалось вырваться за пределы узкого сегмента контрактов с Ираном и Индией.

Однако в отношениях Москвы с государствами-нарушителями всё большую роль начинает играть внешний фактор. Страны ЕС и США не ставят задачей полностью закрыть для России все ядерные рынки. Но политические элиты Соединенных Штатов недовольны отказом Кремля принять американскую концепцию контрраспространения, а руководство стран ЕС полагает, что Россия временами излишне защищает интересы «государств-нарушителей». Можно прогнозировать нарастание информационного воздействия на Россию, в том числе попыток дискредитации ее имиджа ответственного поставщика атомных технологий.

Но стремление Москвы жестко добиваться сохранения ДНЯО создают хорошую основу для переговоров с западными партнерами. События вокруг КНДР доказали, что в условиях кризисов выработка единой позиции США, России, стран ЕС, Японии и КНР в принципе возможна. Такое сотрудничество не исключает периодических всплесков трений по отдельным (прежде всего коммерческим) проблемам. Однако пока ведущие державы исходят из того, что без укрепления режима нераспространения ЯО невозможно сохранение международной безопасности. Это позволяет надеяться, что противоречия между Москвой и Вашингтоном в сфере нераспространения пока не перерастут в полномасштабную конфронтацию в ядерной сфере.

Примечания

¹ *Parker Ph. M.* The World Market for Nuclear Reactors: A 2007 Global Trade Perspective. ICON Group International, Inc., 2006; Ядерное нераспространение / Под ред. В. А. Орлова. М., 2002. Т. I—II; *Богатуров А. Д.* Японская дипломатия в борьбе за источники энергетического сырья (70—80-е годы). М., 1988.

² См.: Пресс-конференция президента России Д. А. Медведева и президента США Б. Обамы по итогам переговоров. 6 июля 2009. Москва. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru>; Пресс-конференция президента России В. В. Путина и президента США Дж. Буша по итогам переговоров. 15 июля 2006. Санкт-Петербург, Стрельна. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru>; Совместная пресс-конференция президента России В. В. Путина с президентом США Дж. Бушем. 2 июля 2007. США, Уолкерс-Пойнт. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru>.

³ См.: Ядерное сдерживание и нераспространение / Под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. М., 2005; *Кокوشин А. А.* Ядерные конфликты в XXI веке (типы, формы, возможные участники); М., 2003; *Кулагин В. М.* Международная безопасность. М., 2006.

⁴ См. нашу работу: *Фененко А. В.* Теория и практика контрраспространения во внешнеполитической стратегии США. М., 2007.

⁵ Подробнее эта проблема рассматривалась в гл. 6 настоящего издания.

⁶ Подробнее см.: Ядерное сдерживание и нераспространение / Под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. М.: Московский центр Карнеги, 2005; Угрозы режиму нераспространения ядерного оружия на Ближнем и Среднем Востоке / Под ред. А. Арбатова, В. Наумкина. М.: Московский центр Карнеги, 2005; Ядерное распространение в Северо-Восточной Азии / Под ред. А. Арбатова, В. Михеева. М.: Московский центр Карнеги, 2005; Ядерное противостояние в Южной Азии / Под ред. А. Г. Арбатова, Г. Чуфрина. В них высказан ряд критических оценок российской политики в сфере нераспространения. Критический анализ этой «тетралогии» см.: *Веселов В. А.* Ядерный фактор в мировой политике. Международные процессы. Т. 4. № 1 (10). С. 154–159.

⁷ Расширенный взгляд на проблему «аутсайдеров системы нераспространения» см. например: *Cirincione J., Wolfstal J. B., Rajkmar M.* Deadly Arsenals. Tracking Weapons of Mass Destruction. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2002.

⁸ В соответствии с подписанным в 1971 г. «Протоколом о малых количествах», согласно которому инспекции агентства не осуществляются в странах с ядерными программами, в которых фигурирует небольшое количество радиоактивных веществ. Со ссылкой на него Саудовская Аравия препятствует инспекциям МАГАТЭ в свои научно-исследовательские институты. (*Макафей Ч., Фельдман Я.* Двигается ли Саудовская Аравия по пути создания ОМУ? // Ядерный контроль. 2004. № 4. С. 43–58).

⁹ См.: *Barnabie F., Burnie S.* The unthinkable: A nuclear-armed Japan // *Asia Times (Greenpeace)*. 20005. September 9. URL: <http://www.freerepublic.com/>; *Germany May Need Own Nuclear Weapons: Scholz*. URL: <http://libertypost.org/>.

¹⁰ Классическим примером в отношении такого разделения «аутсайдеров» может служить выступление заместителя Государственного секретаря США по внешнеполитическим вопросам Николаса Бернса 22 марта 2006 г. Представитель Госдепартамента особо отметил разницу между ядерной политикой Индии и Ирана. По мнению Бернса, Дели никогда не нарушал режим нераспространения ЯО: начиная с 1968 г. Индия отказывалась присоединиться к ДНЯО и не скрывала своего намерения присоединиться к членам «ядерного клуба». Тегеран, напротив, постоянно вводил в заблуждение международное сообщество, проводя секретные эксперименты по обогащению урана. См.: *U.S.-India Civil Nuclear Agreement*. R. Nicholas Burns, Under Secretary of State for Political Affairs, U.S. Department of State. Foreign Press Center Briefing. Washington, DC. 2006. March 22. URL: <http://fpc.state.gov/>.

¹¹ Детали см.: *Dinshaw M.* Containing Missile Proliferation: Strategic Technology, Security Regimes, and International Cooperation in Arms Control. Washington: University of Washington Press, 2003.

¹² *Понов И. М.* Буря в пустыне. М.: Знание, 1992 / Серия «Под знаком Марса». № 4. С. 23.

¹³ *Parker P. M.* The World Market for Nuclear Reactors: A 2007 Global Trade Perspective. ICON Group International, Inc., 2006.

¹⁴ *Bukharin O.* The Future of Russia's Plutonium Cities // International Security. Spring 1997. Vol. 21. No 4. P. 126–158; *Laqueur W.* The New Terrorism. Oxford: Oxford University Press, 1999.

¹⁵ Анализ этой проблемы см.: Preventing Nuclear Meltdown: Managing Decentralization of Russia's Nuclear Complex / J. C. Moltz, V. A. Orlov, A. N. Stulberg. Ashgate Publishing Company, 2004.

¹⁶ Подробнее см.: *Фененко А. В.* Теория и практика контрраспространения во внешнеполитической стратегии США. М.: ЛКИ-URSS, 2007.

¹⁷ Глобальное партнерство по ядерной энергетике. Статья Роуз Готтемюллер в книге «Ядерное распространение: новые технологии, вооружения и договоры». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://nuclearno.ru/text.asp?13579>.

¹⁸ Декларация Московской встречи на высшем уровне по вопросам ядерной безопасности // Ядерное нераспространение... Т. 2. С. 39–43.

¹⁹ *Путин В. В.* Выступление на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций («Саммите тысячелетия»). 6 сентября 2000. Нью-Йорк. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.kremlin.ru/appears/2000/09/06/0001_type63374type63377_56387.shtml.

²⁰ Детали см.: Ежегодник СИПРИ-2004. Вооружения, разоружения и международная безопасность. М.: Наука, 2005. С. 859–893.

²¹ Документы, принятые лидерами «Группы восьми» по итогам саммита, Санкт-Петербург, Стрельна. 16 июля 2006 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mid.ru>.

²² Белая книга «Российская Федерация и ситуация в области нераспространения оружия массового уничтожения и средств его доставки: угрозы, оценки, задачи и пути их реализации». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://194.226.82.76/government/presscenter/new/>.

²³ Интересный анализ этой проблемы см.: Реакция мировых держав на «антиядерное» предложение Обамы // Berliner Zeitung. 2009. 7 апреля. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/world/20090407/248342.html>.

²⁴ Пражская речь Б. Обамы не фигурировала как отдельный пункт для комментария с российской стороны. См.: Интервью министра иностранных дел России С. В. Лаврова по вопросам внешней политики России // Российская газета. 2009. 6 апреля // Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/new_sline/7A2D206B686082A8C3257590001E72DA.

²⁵ МИД РФ выступил с заявлением «О ратификации конгрессом США российско-американского Соглашения 1-2-3». 2010. 11 декабря. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.atomic-energy.ru/news/2010/12/11/16679>.

²⁶ Медведев подчеркивает важность избежания политизации сотрудничества России и США в атомной сфере. 2-11. 12 января. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.atomic-energy.ru/news/2011/01/12/17486>.

²⁷ Ядерная перезагрузка: сокращение и нераспространение вооружений / Под ред. А. Г. Арбатова, В. З. Дворкина. М.: РОССПЭН, 2011. С. 239.

²⁸ United States Enrichment Corporation. US-Russians Megatons to Megawatts Programm status Repert. 2007. 30 September. URL: http://www.usec.com/v2001_02/HTML/megatons_howitzworks.asp.

²⁹ Warhead and Fissile Material Transparency Program: Strategic Plan / U.S. Department of Energy, Office of Non-Proliferation and National Security. May 1999.

³⁰ Подробный анализ трудностей программы ВОУ—НОУ см.: *Timbie J.* Energy from bombs: problems and solutions in the implementation of a high-priority non-proliferation project // Science and Global Security. 2004. Vol. 12. No 3. P. 165—192.

³¹ Ежегодник СИПРИ-2008. С. 416.

³² *Matt Hew Bunn.* Securing the Bomb 2008. Cambridge, Mass., and Washington, D.C.: Project on Managing the Atom. Harvard University, and Nuclear Threat Initiative. 2008. November.

³³ Саммит по ядерной безопасности. 2012. 27 марта // Официальный сайт Президента РФ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://президент.рф/news/14851>.

³⁴ Имеются в виду следующие документы:

1) соглашение от 5 ноября 1989 г., предусматривавшее поставки Ирану 20 истребителей МИГ-29, 4 учебно-боевых истребителей МиГ-29УБ, 12 фронтовых бомбардировщиков Су-24 МК и 2 зенитно-ракетных систем большой дальности С-200ВЭ «Вега-Э» на сумму около 1,3 млрд долл.;

2) соглашение от 17 мая 1990 г., предполагавшее поставки Тегерану 3 дизель-электрических подводных лодок проекта 877 ЭКМ (*Kilo*), торпед и другого оборудования;

3) соглашение от 24 апреля 1991 г., по условиям которого СССР был должен содействовать иранской стороне в создании и дооборудовании в городе Бендер-Аббасе (побережье Персидского залива) шести объектов берегового базирования подводных лодок проекта 877 ЭКМ;

4) соглашение от 13 ноября 1991 г., по условиям которого СССР предоставил лицензию Ирану и оказание технического содействия иранской стороне в организации производства 1000 танков Т-72С и 1500 боевых бронированных машин БМП-2 на сумму 2,2 млрд.

³⁵ ВВЭР — водно-водяной энергетический реактор советской/российской конструкции (*light water cooled and moderated reactor*).

³⁶ Подробный анализ российско-иранского сотрудничества см.: *Хлюков А. В.* Иранская ядерная программа в российско-американских отношениях // Научные записки ПИР-Центра. 2001. № 18.

³⁷ *Herry P.* Iran to Buy 4 Reactors, Say Russia // Moscow Times. 1995. 30 August. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.moscowtimes.ru/1>.

³⁸ В 1992 г. конгресс США принял закон «О нераспространении вооружения на территорию Ирана и Ирака» (*Iran-Iraq Arms Nonproliferation Act*). В 1996 г. был принят закон «О санкциях в отношении зарубежных компаний, инвестирующих капиталы в нефтегазовый сектор Ирана и Ливии» (*Iran and Libya Sanction Act*), в соответствии с которым США вводили санкции против компаний, инвестирующих в иранский энергетический сектор более 40 млрд долл. В 2000 г. последо-

вал закон «О нераспространении в отношении Ирана» (*Iran Nonproliferation Act*), который предусматривал введение американских административных и финансово-экономических санкций по отношению к иностранным компаниям и физическим лицам, если появлялась «достоверная информация» о том, что ими переданы Ирану технологии производства ОМП. Действия законодательных актов были усилены специальными указами президента Соединенных Штатов.

³⁹ *Тэлботт С.* Билл и Борис. Записки о президентской дипломатии. М.: Издательский дом «Городец», 2003; *Примаков Е. М.* Годы в большой политике. М.: Совершенно секретно, 1999.

⁴⁰ Там же. С. 308–309.

⁴¹ Договор об основах взаимоотношений и принципах сотрудничества между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://iran.ru>.

⁴² Iran: Turbulence Within and Without // Strategic Survey. The ISS Annual Review of World Affairs. 2006. P. 211.

⁴³ 4 ноября 2006 г. министр иностранных дел России С. В. Лавров заявил, что Москва проголосует за проект резолюции № 1737 только в случае, если меры против Ирана будут иметь ограниченный срок действия, в документе будет прописан механизм отмены санкций, АЭС в Бушере получит особый статус. В декабре 2006 г. Россия при поддержке КНР добились изъятия из текста резолюции статьи, ограничивающей передвижения иранских ученых и предусматривающей введение санкций против сотрудничающих с Ираном предприятий. В марте 2007 г. российская сторона добилась указания, что, если Тегеран приостановит процесс обогащения урана, с него автоматически будут сняты санкции. См.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.mid.ru.

⁴⁴ *Мехди С.* Ирано-российские связи: проблемы и перспективы // Россия в глобальной политике. 2007. Март—апрель. Т. 5. № 2. С. 118–127.

⁴⁵ Стенограмма ответов министра иностранных дел России С. В. Лаврова на вопросы СМИ на совместной пресс-конференции министров иностранных дел прикаспийских государств. Тегеран, 2007. 20 июня. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mid.ru/>.

⁴⁶ «Исламская Республика заинтересована в хороших и неограниченных отношениях с Россией и полагает, что Россия также заинтересована в усилении Ирана», — подчеркнул президент Ирана М. Ахмадинежад. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.regnum.ru/>.

⁴⁷ 16 сентября 2006 г. Иран заключил соглашение с Россией о покупке пяти самолетов Ту-204. В январе 2007 г. Россия поставила Ирану 29 зенитно-ракетных комплексов «Тор М1», и в прессе появились сообщения о возможности закупки Тегераном новой партии российских вооружений.

⁴⁸ МИД Ирана: Серьезные переговоры с Россией по Бушерской АЭС дадут новый импульс реализации проекта. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/860419.html>.

⁴⁹ Подробный анализ этой проблемы см.: *Мамедов Р.* Разграничение Каспийского моря (международно-правовые вопросы). Баку: Азерннершр, 2006.

⁵⁰ Эксперт: Доверие между ШОС и Ираном способно гораздо лучше снизить градус напряженности в регионе, нежели жесткие санкции. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/871836.html>.

⁵¹ Ответ официального представителя МИД России М. Л. Камынина на вопрос СМИ относительно доклада Генерального директора МАГАТЭ по иранской ядерной программе. 1314-01-09-2007. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/38E760E1B31351A3C325734900308C03.

⁵² Совместное заявление президентов России и США Дмитрия Медведева и Барака Обамы по итогам двусторонней встречи в Лондоне. 2 апреля 2009. Полный текст. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/1145176.html#ixzz292ARXRS2>.

⁵³ Ежегодник СИПРИ-2010. С. 428.

⁵⁴ *Erlanger S., Ladler M.* Iran agrees to send enriched uranium to Russia // *The New York Times*. 2009. 2 October.

⁵⁵ Ежегодник СИПРИ-2010. С. 429.

⁵⁶ *Erlanger S.* Frustration as Iran stall on deal // *The New York Times*. 2009. 20 November.

⁵⁷ *Porter G.* Iran's fuel for conflict // *Le Monde Diplomatique*. 2009. 9 Decembre.

⁵⁸ Совместное заявление министров иностранных дел Российской Федерации и Республики Армения по случаю 20-й годовщины установления дипломатических отношений между Российской Федерацией и Республикой Армения // Министерство иностранных дел РФ. 2 апреля 2012. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newslines/185FC72850427847442579D40052553D.

⁵⁹ Путин: Россия всегда поддерживала право Ирана на мирный атом. 07.06.2012. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/1539661.html#ixzz29xP17QzK>.

⁶⁰ *Федченко В.* О некоторых аспектах российско-индийского сотрудничества в области мирной ядерной энергетики // *Ядерный контроль*. 2001. Май—июнь. № 3. С. 62—73.

⁶¹ Исходный список (*Tigger List*) — Меморандум В Комитета Цангера и приложение к нему. — Пояснение предметов, включенных в Исходный список (по Описанию в разделе 2 Меморандума В). С 1978 г. Исходящий список и Пояснение предметов включены в Руководящие принципы ГЯП (приложения А, В).

⁶² *Radyuhin V.* India, Russia nuclear cooperation will continue // *Hindu*. 2000. 17 December.

⁶³ *Си Раджа Мохан.* Индия и политическое равновесие // *Россия в глобальной политике*. Т. 4 (№ 4). С. 8—25.

⁶⁴ Подробнее о российско-индийских контактах см.: Состоялось шестнадцать российско-индийских встреч на высшем уровне. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.india.mid.ru>.

⁶⁵ *Козлов В. В.* Перспективы российско-индийского сотрудничества в ядерной сфере // *Ядерный контроль*. 2004. Осень. Т. 10. № 3 (73). С. 37—46.

⁶⁶ Индия поражена позицией России по ядерному топливу. 8.12.2004. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.iranatom.ru.

⁶⁷ 21–24 февраля 2005 г. в Бомбее состоялся первый российско-индийский семинар по проблемам ядерной безопасности. 23–24 мая 2005 г. Россию посетил президент Индии А. Калам, и на совместной пресс-конференции с В. В. Путиным стороны отметили «продвижение по осуществлению совместных проектов».

⁶⁸ Сообщение от 10 сентября 2008 г., полученное от Постоянного представительства Германии при агентстве, относительно Заявления о сотрудничестве с Индией в гражданской ядерной области. INFCIRC/734 (Corrected). 2008, 22 сентября. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.iaea.org/Publications/Documents/Infcircs/2008/Russian/infcirc734c_rus.pdf (последнее посещение — 16 октября 2009 г.).

⁶⁹ India, France Ink Landmark Nuclear Deal. *Rediff*. 2008, September 30. URL: <http://www.rediff.com/news/2008/sep/30ndea13.htm>.

⁷⁰ Agreement for Cooperation between the Government of the United States of America and the Government of India Concerning Peaceful Uses of Nuclear Energy. United States House of Representatives: U.S. House Committee on Foreign Affairs. URL: <http://www.hcfa.house.gov/110/press091108h.pdf>.

⁷¹ Совместная декларация между Российской Федерацией и Республикой Индия. Нью-Дели. 2008. 4–5 декабря. Официальный сайт Президента РФ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/articles/2008/12/210187/210200.shtml> (последнее посещение — 26 октября 2009 г.).

⁷² Подписан Меморандум о взаимопонимании между ЗАО «Атомстройэкспорт» и индийской компанией Larsen & Toubro. Официальный сайт ЗАО «Атомстройэкспорт». 2008, 12 декабря. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.atomstroyexport.ru/projects/current/project1/news/item418/>.

⁷³ ОАО ТВЭЛ заключило долгосрочные контракты на поставки топливных таблеток в Индию. Официальный сайт корпорации ТВЭЛ. 2009, 11 февраля. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.tvel.ru/ru/press/news/index.php?from4=3&id4=534> (последнее посещение — 26 октября 2009 г.).

⁷⁴ ОАО ТВЭЛ поставило первую партию топливных таблеток для тяжело-водных реакторов Индии. 2009, 10 апреля. Пресс-центр Атомэнергопрома. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.atomenergoprom.ru/press/news/2009/04/item324.html>.

⁷⁵ Визит премьер-министра России Владимира Путина в Индию. 12.03.2010. РИА Новости. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://ria.ru/trend/putin_india_visit_10032010/#ixzz2GOWcUFJi.

⁷⁶ США и Индия договорились о переработке ядерного топлива. 29.03.2010. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://rus.ruvr.ru/2010/03/29/5782174.html>.

⁷⁷ Концепция внешней политики Российской Федерации // Дипломатический вестник МИД РФ. Спецвыпуск. Январь 1993.

⁷⁸ Денисов В. Проблема ядерной безопасности на Корейском полуострове. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.nasledie.ru/oboz/N03_96/3_06.НТМ.

⁷⁹ Ядерное распространение. 1994. Декабрь. Вып. 5. С. 39–41.

⁸⁰ Попытку суммировать российские подходы к северокорейской проблеме см.: *Moltz J.* The North Korean Nuclear Program: Security, Strategy and New Perspectives from Russia. N.Y.: Routledge, 1999.

⁸¹ Подробнее о позиции России на шестисторонних переговорах см.: *Готттемюллер Р., Федоров Ю.* Корейский ядерный кризис: перспективы урегулирования. М.: МГИМО МИД России, Фонд Карнеги за международный мир, 2005.

⁸² *Nowowiejski D., Nakano T., Bus R.* Crisis on the Korean Peninsula // *Brookings Northiest Asia Survey.* 2002–2003. P. 1–17.

⁸³ *Haas R. N.* Regime Change and Its Limits // *Foreign Affairs.* July–August 2005. Vol. 84. No 4. P. 66–79.

⁸⁴ *Готттемюллер Р., Федоров Ю.* Корейский ядерный кризис: перспективы урегулирования. М.: МГИМО МИД России, Фонд Карнеги за международный мир, 2005. С. 139–142.

⁸⁵ Заявление официального представителя МИД России М. Л. Камынина в связи с ядерным испытанием в КНДР. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/sps/E0229388B4881F34C3257202002F2AA1.

⁸⁶ Стенограмма выступления и ответов на вопросы министра иностранных дел России С. В. Лаврова на семинаре по случаю 200-летия установления дипотношений между Россией и США в Московском центре Карнеги, Москва, 21 июня 2007 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mid.ru>.

⁸⁷ Ответ официального представителя МИД России М. Л. Камынина на вопрос СМИ в связи с предстоящей встречей «шестерки» по ядерной проблеме Корейского полуострова. 1152-16-07-2007. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/sps/A578B79407E103F9C325731A004B1982.

⁸⁸ Стенограмма выступления и ответов на вопросы СМИ министра иностранных дел России С. В. Лаврова по итогам переговоров с министром иностранных дел Республики Корея Сон Мин Суном, Москва, 31 августа 2007 г. 1311-31-08-2007. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/arh/8426BAD5C2F5A0C0C325734800450045?OpenDocument.

⁸⁹ Совместное заявление президентов России и США Дмитрия Медведева и Барака Обамы по итогам двусторонней встречи в Лондоне. 2 апреля 2009. Полный текст. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/1145176.html#ixzz292ARXRS2>.

⁹⁰ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/russian/document/scresol/res2009/res1874.htm>.

⁹¹ Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с произошедшей 23 ноября артиллерийской перестрелкой между КНДР и Республикой Корея. 23 ноября 2010. 1626-23-11-2010.

⁹² В 2005 г. Россия и ЮАР подписали Договор о сотрудничестве в сфере мирного использования атомной энергии. 6 сентября 2006 г. В. Путин посетил с официальным визитом Южно-Африканскую Республику. Президент России заявил, что южноафриканские специалисты могут участвовать в работе Объединенного института ядерных исследований РАН. В. Путин выразил готовность заключить контракты с ЮАР на строительство АЭС и предоставление

российских космических аппаратов для организации южноафриканской системы связи. См.: Стенографический отчет о встрече с представителями российских и южноафриканских деловых кругов. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru>. 22 февраля 2007 г. Россия и ЮАР подписали протокол координационного комитета по развитию сотрудничества в сфере мирного использования атомной энергии. Речь идет о программе строительства к 2030 г. 20 российских энергоблоков на территории ЮАР.

В ноябре 2006 г. Россия заявила о своей готовности участвовать в конкурсе на строительство АЭС в Египте. 22 января 2007 г. консультации о возможности строительства АЭС провели министр промышленности и энергетики РФ В. Христенко и министр энергетики Алжира Ш. Хелиль. 28 мая 2007 г. Россия провела переговоры с Мьянмой о возможности сооружения на ее территории атомной электростанции.

Особое место среди возможных партнеров России занимает Ливия. В 1970-х годах СССР поставил Триполи исследовательский легководный реактор мощностью 10 МВт и помог построить экспериментальный ядерный центр в городе Тажуре на побережье Средиземного моря. Во второй половине 1970-х годов Ливия пыталась построить АЭС в заливе Сидра (Средиземное море), основу которой должен был составлять советский легководный реактор мощностью около 440 МВт. После мирного саморазоружения Ливии в 2003 г. и снятия с нее международных санкций были прогнозы, что Москва и Триполи могут вернуться к обсуждению этих проектов. Однако Ливийская война 2011 г. и последовавший за ней кризис ливийской государственности отодвинули реализацию этих проектов.

«Ядерное измерение» российско-американских отношений в Арктике

На протяжении последних десяти лет в мире происходит «вторая Арктическая гонка»¹. Вступление в силу Конвенции ООН по морскому праву в 1994 г. сломало сложившуюся в 1920-х годах систему секторального деления Арктики. Границы прилежащих вод арктических стран в Северном Ледовитом океане официально сокращены до 24 миль от исходных линий на побережье. Арктические державы (Россия, США, Канада, Дания, Норвегия) ищут новые аргументы для закрепления за собой прежних арктических секторов².

Особую роль в этом процессе играет российско-американское взаимодействие. Противоречия между странами в Арктике возникли еще в XIX в. В период «холодной войны» Советский Союз и Соединенные Штаты разрабатывали сценарии военного конфликта в данном регионе. Однако на протяжении XX в. не существовало материально-технической базы для полноценного контроля над Арктикой. Советские и американские вооруженные силы не могли (за исключением иррационального обмена термоядерными ударами) действовать на отдаленном и климатически сложном Арктическом театре военных действий.

К началу 2010-х годов ситуация изменилась. Среди экспертов становятся все более популярными сценарии потепления Северного Ледовитого океана — вплоть до его полного освобождения от льда³. Обе страны развивают технологии глубоководного бурения и рассматривают проекты увеличения добычи энергоносителей. Однако кооперационные проекты совместного освоения Арктики пока оказываются несостоятельными⁴, и на первый план выходит территориальное соперничество Москвы и Вашингтона. В условиях развития военнотехнических средств может повыситься опасность их столкновения за спорные приарктические территории.

Гипотезу автора можно сформулировать в трех тезисах. *Во-первых*, соперничество России и США в Арктике было перманентным (хотя и весьма периферийным) фактором их отношений как минимум

с середины XIX в. *Во-вторых*, противоречия Москвы и Вашингтона на Крайнем Севере связаны с проблемой сокращения стратегических наступательных вооружений. *В-третьих*, многочисленные квазиэкологические концепции рассматриваются в Соединенных Штатах как инструмент интернационализации Северного Ледовитого океана и, следовательно, сокращения акватории действия Северного флота РФ. Перманентные трения России и США в Арктике имеют под собой более серьезную основу, чем дебаты о ратификации Вашингтоном Конвенции ООН по морскому праву (1982) или гипотетическом таянии арктических ледников. Они связаны с дискуссиями о перспективах российских и американских СЯС, прежде всего баллистических ракет на подводных лодках. В этом смысле роль Арктического региона в двусторонних отношениях между Россией и Соединенными Штатами будет постепенно возрастать.

12.1. Российско-американское соперничество в период «первой арктической гонки»

До середины XIX в. арктические территории были слабо изучены и вызвали во всех странах мира сугубо научный интерес. Положение изменилось после экспедиций австрийского полярника Юлиуса Пайера в начале 1870-х годов⁵, когда Австро-Венгрия выдвинула претензии на ряд арктических территорий. Аналогичные претензии предъявили Швеция и Норвегия после экспедиций Нильса Адольфа Эрика Норденшельда (1878–1879) и Фритьофа Нансена (1890-е годы). Появились проекты раздела Арктики между великими державами по образцу Африки и Азии. Так началась «первая арктическая гонка», в которой активное участие приняли Российская империя и Соединенные Штаты Америки.

Россия осваивала побережье Северного Ледовитого океана со времен Средневековья. Экспедиции Степана Крашенинникова (1737–1740) и Витуса Беринга (1740–1742) позволили установить границу между Евразией и Северной Америкой. В начале XIX в. экспедиции российских полярников Якова Санникова, Матвея Геденштрома, Петра Анжу и Фердинанда Врангеля провели детальное исследование восточной части побережья Северного Ледовитого океана. 16 (28) февраля 1825 г. в Санкт-Петербурге была подписана российско-британская конвенция о разграничении владений двух стран в Северной Америке. Документ стал, по сути, первым международно-правовым актом, фиксирующим северо-восточные границы России.

Соединенные Штаты, напротив, изначально не имели выхода к Северному Ледовитому океану. Интерес к арктическим проблемам по-

явился в Америке в 1820-х годах, когда администрация Джона Куинси Адамса (1825–1829) выразила озабоченность российско-британской конвенцией 1825 г. Вашингтон видел в ней опасность для «доктрины Монро» 1823 г., объявившей Западное полушарие закрытым для экспансии европейских держав. Правда, 5 (17) апреля 1824 г. в Санкт-Петербурге была подписана российско-американская конвенция об упорядочении отношений в северо-западной части Северной Америки. Конвенция зафиксировала, что граница между странами будет проходить на линии 54°40' с.ш.⁶ Однако непосредственного отношения к арктическим проблемам определение этой линии границы не имело.

Ситуация изменилась в 1867 г., когда США приобрели у Российской империи Аляску и Алеутские острова. Согласно двустороннему договору 18 (30) марта 1867 г. новая граница прошла по центру Берингова пролива, отделяя на равном расстоянии острова Крузенштерна (Игналук) от острова Ратманова (Нунарбук). Далее граница направлялась «по прямой линии безгранично к северу, доколе она совсем не теряется в Ледовитом океане» (*in its prolongation as far as the Frozen ocean*)⁷. Однако положение о «линии безгранично к северу» в Вашингтоне трактовали расширительно. Американские экспедиции Адольфа Грили (1879) и Дж. Де Лонга (1879–1881) открыли к северу от Новосибирских островов острова Генриетты, Жаннетты и Беннетта (входящие в архипелаг Де Лонга). В 1881–1882 гг. американская экспедиция Джона Вильсона Даннхауэра изучила устье реки Лены. Эти экспедиции доказывали, что при определенных условиях Вашингтон готов пересмотреть российско-американскую границу 1867 г.

Действия США побудили правительство Александра III (1881–1894) усилить внимание к Восточной Арктике. В Петербурге были сильны опасения, что через эту гипотетическую землю севернее Новосибирских островов и архипелага Де Лонга (которую на российских картах обозначали «Земля Санникова») США и Канада попытаются раньше России достичь Северного полюса. Тревоги усилились в 1893 г., когда норвежский полярник Фрицьоф Нансен прошел на судне «Фрам» севернее предполагаемой Земли Санникова, доказав тем самым возможность ее достижения с территории Аляски или Канады. В 1885, 1893 и 1899–1903 гг. российский полярник Эдуард Толль организовал экспедиции по изучению Новосибирских островов, в том числе по поиску Большой земли к северу от этого архипелага, однако найти ее не удалось. Позднее экспедиция Александра Колчака (1903) и Советская арктическая экспедиция (1935–1937) доказали, что большой территории севернее архипелага Де Лонга нет. Возможно, она существова-

ла в прошлом, но разрушилась из-за таяния составлявшего ее основу ископаемого льда.

С конца XIX в. российско-американское соперничество в Арктике усилилось. В 1897 г. республиканская администрация Уильяма Мак-Кинли (1897–1901) провозгласила «большую арктическую стратегию» (*Great Arctic Strategy*)⁸. Ее целями были объявлены закрепление за США прилегающих к Аляске территорий, открытие новых арктических земель и достижение Северного полюса. Эта стратегия пользовалась поддержкой и следующего президента США Теодора Рузвельта (1901–1909). В 1903–1905 гг. к Северному полюсу отправилась экспедиция Энтони Фиала, но пройти дальше Земли Франца-Иосифа не смогла. В 1908–1909 гг. американские полярники Фердинанд Кук и Роберт Пири независимо друг от друга объявили о достижении ими Северного полюса. Доказать этот факт американцы, однако, не смогли.

Ответом Российской империи стало освоение Северного морского пути (СМП). После поражения в Русско-японской войне (1904–1905) правительство Николая II (1894–1917) рассматривало СМП как альтернативный маршрут для переброски флота из Балтийского моря на Дальний Восток. В Петербурге также опасались, что экспедиции Ю. Пайера, А. Э. Норденшельда, Ф. Нансена и Дж. Де Лонга создадут неблагоприятную для России обстановку на Севере. Интерес к СМП усилился в 1909 г., когда Канада объявила своей собственностью все земли и острова к западу от Гренландии, между Канадой и Северным полюсом. В этой связи Морское министерство организовало экспедиции Григория Седова (1912–1914) и Бориса Вилькицкого (1914–1915), которые описали СМП. В 1916 г. Россия заявила о включении в свой состав всех земель, являющихся продолжением на север сибирского континентального плоскогорья.

Советская Россия продолжила арктическую политику Николая II⁹. В 1920 г. в состав учреждений Сибревкома был введен созданный белым правительством Александра Колчака Комитет Северного морского пути, а при Высшем совете народного хозяйства была организована Северная научно-промысловая экспедиция (а позднее на ее основе — Арктический и антарктический научно-исследовательский институт — ААНИИ). В 1930-х годах СССР провел серию экспедиций на ледокольных пароходах «Григорий Седов», «Александр Сибиряков», «Челюскин», «Садко». Северный морской путь за одну навигацию прошли советские экспедиции Отто Шмидта (1932) и Владимира Визе (1934). В 1937 г. экспедиция Ивана Папанина также создала дрейфующую станцию «Северный полюс—1» в 30 км от Северного полюса.

В 1925 г. после конфликта с СССР вокруг острова Врангеля Канада объявила, что все земли и острова к северу от канадской континентальной части подпадают под ее суверенитет. Президиум ЦИК СССР, в свою очередь, в 1926 г. постановил, что «все земли и острова, как открытые, так и могущие быть открытыми в будущем, расположенные в данном секторе, составляют территорию Советского Союза». Советский арктический сектор стал включать территорию между 32°04'35" в.д. и 168°49'30" з.д.; Канадский — между 60° и 141° з.д. Секторы СССР и Канады стали самыми крупными владениями арктических держав*.

Секторальное деление Арктики было неблагоприятно для Соединенных Штатов. Вашингтон получал арктический сектор между 170° и 141° з.д. — наименьший среди других арктических держав. В 1923 г. президент Уоррен Гардинг (1921–1923) стал первым главой США, посетившим Аляску. В 1924 г. секретарь по морским делам США Эдвин Демби заявил, что Вашингтон должен рассматривать Арктику как свою национальную территорию. Он предложил активизировать деятельность Соединенных Штатов в акваториях морей Бофорта, Берингова и Чукотского, а в перспективе и присоединить Северный полюс как продолжение Аляски¹⁰. Однако «план Демби» не нашел поддержки у администрации Дж. К. Кулиджа (1923–1928). К концу 1920-х годов Вашингтон занял двойственную позицию: непризнание секторального деления Арктики, но и неоспаривание его правомерности. Установление государственных границ в данном регионе считается датой окончания «первой арктической гонки».

12.2. Арктическое соперничество в период биполярной конфронтации

Новый этап во взаимоотношениях СССР и Соединенных Штатов в Арктике начался после оформления биполярной конфронтации. В значительной степени он был обусловлен осознанием военно-стратегического значения данного региона, к которому руководство двух стран пришло в годы Второй мировой войны. 9 апреля 1940 г. Германия оккупировала Данию, что поставило вопрос о принадлежности Гренландии. Администрация Франклина Рузвельта (1933–1945) опасалась, что в перспективе рейх попытается использовать Гренландию как базу

* Другие государства получили меньшие участки арктической территории. Дания в 1933 г. заявила, что ее арктический сектор (созданный на основе Гренландии) будет включать пространство между 60° и 10° з.д. Норвегия в 1934 г. объявила о создании арктического сектора между 5° и 35° в.д. Финляндия после поражения в Зимней войне с СССР (1939–1940) лишилась порта Петсамо (Печенга) и выхода к Северному Ледовитому океану. Не получила своего сектора и Исландия.

для авианалетов на Соединенные Штаты. Белый дом подписал 9 апреля 1941 г. с послом Дании в США Генриком Кауфманном соглашение, которое позволило американским военно-воздушным силам использовать базы на территории Гренландии¹¹. 13 апреля 1941 г. на остров был доставлен американский военный контингент.

С конца Второй мировой войны интерес американских экспертов к Арктике усилился. Примерно в 1943–1944 гг. в американской стратегической мысли стали формироваться представления об Арктике как ключевой позиции в случае противостояния с Советским Союзом¹². Американский геополитик Николас Спайкмен утверждал, что при определенных условиях арктические пространства могут стать для США и Канады «третьим фронтом», над которым будет господствовать авиация¹³. Развивая эти идеи, американские геополитики 1940-х годов Т. Г. Реннер, С. Джонс, Р. Страус-Хюпе полагали, что современная горизонтальная карта мира («проекция Меркатора») исчерпала себя.

«Мир Меркатора, — писали в 1943 г. Р. Харрисон и Р. Страус-Хюпе, — это мир морской силы. Фактически ум Меркатора начисто отбрасывает Арктику в бесконечность и в то же время скрупулезно фиксирует истинные размеры джунглей Экваториальной Африки, дождливые леса Амазонки и пустыни Аравийского полуострова»¹⁴.

В мире преобладания воздушной мощи на первое место должна выходить не широтная, а долготная проекция, в которой Северный Ледовитый океан становится «осевым районом». Американский теоретик воздушной мощи Александр Северский утверждал, что Арктика станет центром, где в случае третьей мировой войны произойдет битва за господство в воздухе¹⁵ (подобно тому как борьба за контроль над Средиземным морем рассматривалась американскими экспертами в качестве ключевого компонента в стратегии разгрома Германии и Италии).

Советский Союз также рассматривал Арктику как потенциальный ТВД. Еще в 1916 г. под задачи Первой мировой войны на Кольском полуострове и в Архангельске была сформирована Флотилия Северного Ледовитого океана. В годы Гражданской войны она действовала под флагом белых. В 1920 г. решением Наркомата по военно-морским делам ее упразднили. Позднее СССР возродил ее, создав сначала Северную военную флотилию (1933), а затем Северный флот (1937). Потребность в нем подтвердила Вторая мировая война. В 1941–1944 гг. Северный флот вел боевые действия в Баренцевом море по охране конвоев союзников. В августе 1942 г. Северному флоту удалось сорвать немецкую операцию «Вундерланд» (попытка прорыва в Карское море тяжелого немецкого крейсера «Адмирал Шпеер»).

Одновременно СССР развернул программу авиационного исследования Арктики. «Золотым веком» изучения Севера стали 1930-е годы. В 1937 г. летчики Валерий Чкалов и Георгий Байдуков совершили беспересадочный перелет на самолете АНТ-25 из Москвы через Северный полюс в Ванкувер (Канада). Более успешным был (в том же 1937 г.) беспосадочный полет Михаила Громова и Андрея Юмашева на самолете АНТ-25-1 по маршруту Москва—Северный полюс—Сан-Джасинто (США). Неудачным оказался перелет Сигизмунда Леваневского из Москвы через Северный полюс в город Фэрбенкс (штат Аляска, США) в августе 1937 г. на четырехмоторном самолете ДБ-А с коммерческим грузом. 13 августа 1937 г. радиосвязь с самолетом прервалась, и найти достоверное место его падения до настоящего времени не удалось. Осенью 1942 г. ВВС СССР проложили субарктическую воздушную трассу «Аляска—Сибирь» для поставок по ленд-лизу американских самолетов, которая пересекала Берингов пролив..

Растущий интерес Вашингтона к Северному Ледовитому океану побудил Арктический и антарктический научно-исследовательский институт ускорить изучение Севера¹⁶. С 1938 г. в институте работали четыре отдела (ледовитый, океанологии, метеорологии и геофизики) с приоритетной задачей гидрометеорологического обслуживания Северного морского пути. В 1944 г. началось изучение физики полярных льдов, вод и снега. В 1948—1950 гг. экспедиции «Север» открыли, что дно Северного Ледовитого океана представляет собой обширную горную систему с высокими хребтами (Ломоносова, Менделеева и др.) и разделяющими их глубокими котловинами. В 1955 г. был создан первый в мире ледовый опытный бассейн для испытания моделей ледоколов. В 1940-х годах в СССР стали также публиковаться работы С. В. Славина о растущей роли Арктики как в экономическом, так и военно-политическом отношении¹⁷.

Технических средств для ведения «арктической войны» Москва и Вашингтон в то время не имели. Речь, скорее, шла о создании ограниченной военной инфраструктуры на побережье Северного Ледовитого океана и прилегающих к нему территориях.

Наибольших успехов в этой сфере добился Советский Союз. С 1960-х годов Северный флот СССР получил в свое распоряжение атомные ракетные и торпедные подводные лодки, ракетноносную и противолодочную авиацию, ракетные, авианесущие и противолодочные корабли. Были созданы семь баз ВМФ СССР: Полярный, Оленья бухта, Гаджиево, Ягельная, Ура-Губа, Ара-Губа, Большая лопатка (Лисья Губа, Гремиха). В Северодвинске (Архангельская область) действова-

ли центр судостроения и ремонта Северного флота, авиабазы дальней авиации и авиации ВМФ СССР (Оленегорск, Североморск-1, Североморск-3). На архипелаге Франца-Иосифа был создан самый северный в мире военный аэродром Грэм-Белл, а на Новой Земле — советский ядерный полигон. В 1960-х годах СССР начал размещать в приарктической зоне компоненты системы предупреждения о ракетном нападении: Оленегорскую радиолокационную станцию типа «Днепр/Даугава» и Печорскую типа «Дарьял». От Чукотки до Кольского полуострова размещались зенитно-ракетные дивизионы.

Соединенные Штаты и их союзники по НАТО — Канада, Норвегия и Дания, как и Советский Союз, не имели в Северном Ледовитом океане крупных надводных кораблей и военно-воздушных баз. Пентагон создавал ограниченную военную инфраструктуру в приарктическом регионе. Еще в годы Второй мировой войны для нужд 3-й и 17-й воздушных армий США были открыты авиабазы Туле (Гренландия) и Кефлавик (Исландия), а в конце 1940-х годов в канадском поселке Черчилль (Гудзонов залив) — американская общевойсковая база (6–8 тыс. военнослужащих). На Аляске размещалась 11-я воздушная армия ВВС США. С 1958 г. США и Канада создали Объединенное командование воздушно-космической обороны Северо-Американского континента — НОРАД (*North American Aerospace Defense Command — NORAD*). Тяжелые бомбардировщики ВВС США совершали ежедневные беспосадочные полеты на Северный полюс и обратно.

Подобной стратегии придерживались и ВМС США. Вашингтон законсервировал постройку единственного тяжелого ледокола «Polar Star», принадлежавшего Береговой охране (*The United States Coast Guard — USCG*) США. Не было и самостоятельного регионального командования ВМС. В Арктику заходили подводные лодки и легкие надводные корабли Второго флота (центр — база Норфолк, штат Вирджиния) и Третьего флота (центр — база Сан-Диего, Калифорния). В Северный Ледовитый океан совершали походы стратегические ракетноносцы с баз Кингс-Бэй (штат Джорджия) и Бангор (штат Вашингтон). В приарктических территориях США, Норвегии и Канады были развернуты компоненты американской противолодочной системы *SOSUS (SOund SURveillance System)*.

Особую роль в стратегических планах Соединенных Штатов играла Гренландия. 27 апреля 1951 г. Вашингтон и Копенгаген договорились преобразовать авиабазу Туле в постоянную базу воздушных сил США¹⁸. В 1953 г. Дания под воздействием США отменила колониальный статус

Гренландии, сделав ее составной частью королевства. В 1958–1966 гг. Пентагон пытался разместить ядерные пусковые установки под ледниковым щитом Гренландии (проект «*Iceworm*» — «Ледяной червь»). Проект потерпел неудачу, когда выяснилось, что ледники внутри щита перемещаются более интенсивно, чем предполагалось. Несмотря на это, Гренландия играла важную роль в рамках Фарерско-Исландского противолодочного рубежа.

Новое значение приобрела борьба за достижение Северного полюса. Еще в 1937 г. в том районе была создана советская дрейфующая станция под руководством И. Д. Папанина. Однако она не достигла полярной точки. В 1948 г. советские транспортные самолеты Ли-2 высадили на Северный полюс экспедицию Павла Гордиенко и Александра Кузнецова. В 1952 г. американский транспортный самолет С-47 доставил к полюсу экспедицию Джозефа О. Флетчера и Уильяма Р. Бенедикта. Американская сторона считала недоказанным факт достижения полюса советской экспедицией 1948 г. Первенство в его покорении Россия и США оспаривают друг у друга до сих пор.

Постепенно обе сверхдержавы стали разрабатывать проекты использования приполярных территорий в военных целях. Американская подводная лодка «*Nautilus*» в 1959 г. совершила всплытие на Северном полюсе, а в 1963 г. — советская подводная лодка К-181. В 1967–1968 гг. американские полярники Ральф Плейстед, Уолт Пендерсон, Джерри Питцл и французский ученый Жан Люк Бомбарье достигли полюса на снегоходе. В 1977 г. СССР организовал экспедицию к Северному полюсу на ледоколе «Арктика». Эти экспедиции должны были доказать возможность высадки в том районе специально подготовленных десантных подразделений.

Между СССР и США стали возрождаться территориальные противоречия в Арктике. Речь шла прежде всего о статусе Северного морского пути. 27 апреля 1965 г. СССР объявил проливы Карские ворота, Югорский шар, Маточкин шар, Вилькицкого, Шокальского и Красной Армии своими территориальными, а проливы Дмитрия Лаптева и Санникова — историческими водами. Госдепартамент США заявил о непризнании советских претензий. Соединенные Штаты при поддержке Швеции и Норвегии настаивали на праве свободного захода коммерческих судов в советские порты восточной части СМП, однако СССР не считал эти требования законными.

Подобные проблемы были характерны и для арктической политики Канады. 27 июня 1952 г. в Канаде был принят Закон о северных территориях, который распространил канадский суверенитет на прилежащие к континентальной части Канады арктические земли и острова. Это вызвало территориальные спо-

ры Канады с Данией (о. Ханс и пр. Нарес в Канадском Арктическом архипелаге) и США (участки моря Бофорта). 1 января 1985 г. Канада ввела в отношении проливов, образующих Северо-Западный проход, режим внутренних морских вод. Этот шаг вызвал протесты со стороны Соединенных Штатов, которые при частичной поддержке Дании и Норвегии стали настаивать на придании Северо-Западному проходу статуса открытого морского пространства. Разница заключалась лишь в том, что противоречия Канады с союзниками по НАТО не имели ярко выраженного военно-стратегического измерения.

Несмотря на остроту взаимных территориальных претензий, юридический спор на длительное время был заморожен. Этому способствовало снижение напряженности в советско-американских отношениях в годы разрядки, позволившее сверхдержавам частично урегулировать противоречия.

Еще 25 мая 1972 г. правительства двух стран подписали Соглашение о предотвращении инцидентов в открытом море и в воздушном пространстве над ним, позволявшее уменьшить риск возможных столкновений советских и американских подводных лодок, военных кораблей и патрулирующих Северный Ледовитый океан самолетов. Разрядка имела еще одно важное последствие — изменение подходов Вашингтона к арктической политике, выразившееся в формулировании комплексной арктической стратегии, не ограниченной рамками соперничества сверхдержав. В 1971 г. администрация Ричарда Никсона издала Меморандум по проблемам национальной безопасности (*National Security Decision Memorandum*) № 144. В документе были сформулированы три приоритета арктической политики США: 1) минимизация угроз окружающей среде, 2) содействие международному сотрудничеству в Арктике и 3) обеспечение защиты национальной безопасности в регионе.

Эта тенденция получила развитие и после окончания периода разрядки. В 1984 г. конгресс США принял «Закон об Арктике» (*Arctic and Policy Act*), постулировавший необходимость развития рыболовства и активизации климатических исследований. Была создана Комиссия по арктическим исследованиям США (*US Arctic Research Commission*), в задачи которой входило:

- 1) определение национальных приоритетов в Арктике, в том числе программ научных исследований;
- 2) предложение президенту и конгрессу перспективных направлений арктической политики;
- 3) координация действий с Национальным научным фондом США (*National Science Foundation*) как ведущим учреждением, ответственным за проведение арктических исследований.

По Закону 1984 г. была создана Межведомственная группа анализа и оценки обстановки в Арктике (*Interagency Arctic Research Policy Committee — IARPC*), которая находится в непосредственном подчинении Национального научного фонда США и состоит из 15 отделов. Задача группы — предоставление Национальному научному фонду докладов о перспективных исследованиях в Арктике. В своей работе группа взаимодействует также с министерством обороны США.

В СССР, в отличие от Соединенных Штатов, в 1970-х и 1980-х годах не была сформулирована комплексная арктическая стратегия. Советское руководство сосредоточилось на проблемах арктических границ. В 1979 г. Верховный Совет СССР принял решение отодвинуть восточную границу, разделяющую Евразийский и Северо-Американский континенты, к западу до $168^{\circ}58'$ з.д., что вызвало территориальный спор Советского Союза и США из-за шельфовых участков в Беринговом и Чукотском морях. Его урегулирование стало одной из основных проблем двусторонних отношений в Арктике в 1980-х годах. С определенного момента Москва взяла курс на снижение конфронтации в Арктическом регионе.

С начала 1984 г. МИД СССР и Госдепартамент США также проводили консультации по вопросам разрешения территориальных споров. 31 мая 1988 г. страны подписали двустороннее Соглашение об уведомлении о пусках МБР и БРПЛ. Выработать всеобъемлющее соглашение не удалось, однако вместо него была подписана серия документов, подтверждавших принцип секторального деления Арктики:

- Соглашение СССР и США о сотрудничестве в борьбе с загрязнением в Беринговом и Чукотском морях в чрезвычайных ситуациях (1990);
- Декларация приарктических стран об охране окружающей среды Арктики (1991);
- Стратегии приарктических стран по экологической защите Арктического региона (1991).

Более сложным оказалось разграничение морских пространств в Беринговом море. 1 июня 1990 г. США и СССР подписали соответствующее соглашение, по которому спорная с 1979 г. территория площадью 50 тыс. кв. км была передана Соединенным Штатам. Однако если конгресс США ратифицировал это соглашение 18 сентября 1990 г., то ни в СССР, ни в Российской Федерации ратификация так и не состоялась. Вашингтон не признает претензий Москвы на данный сектор, а Россия не считает это соглашение вступившим в силу.

Конфликт вокруг разграничения в Беринговом море создал прецедент соперничества СССР и США в приарктических территориях¹⁹. Между странами не проведена четкая граница шельфовых зон в Беринговом проливе, не детализирована и государственная граница по Чукотскому морю. США в 1924 г. признали территориальные претензии СССР на остров Врангеля, но не факт выделения в 1935 г. Восточно-Сибирского моря как отдельного морского пространства и его статус территориального моря СССР. Теоретически это позволяет Соединенным Штатам ставить вопрос о праве захода судов в акваторию Восточно-Сибирского моря, включая остров Врангеля.

Другими словами, подготовленные на рубеже 1980–1990-х годов двусторонние соглашения в силу разных причин не смогли разрешить ключевые российско-американские противоречия. Дальнейшие события привели к их девальвации²⁰. В новых условиях США, разработавшие комплексную арктическую стратегию, оказались в более выигрышном положении по сравнению с Россией, не имевшей к началу 1990-х годов базовой стратегии по определению арктических приоритетов.

12.3. «Превращенное соперничество»: роль США и стран НАТО в сокращении российских стратегических ядерных сил на Крайнем Севере

Новое измерение военной фактор в Арктике приобрел в ходе реализации подписанного 31 июля 1991 г. советско-американского Договора СНВ-1. Документ предполагал сокращение стратегических ядерных сил сторон на 50% (до 6500 боезарядов у каждой).

17 июня 1992 г. Б. Н. Ельцин и Дж. Буш-старший подписали Соглашение относительно безопасных и надежных перевозки, хранения и уничтожения оружия и предотвращения распространения оружия массового поражения. 11 октября 1993 г. конгресс США детализировал направления содействия: новый закон «О совместном уменьшении угрозы», предусматривал финансирование работ из бюджета министерства обороны США по пяти основным направлениям:

- уничтожение ЯО и других видов ОМП, а также средств их доставки;
- предотвращение распространения ОМП;
- содействие предотвращению утечки специалистов в области создания ОМП в страны третьего мира и их вербовки террористическими группами;
- поддержание деятельности стран бывшего СССР по конверсии предприятий военно-промышленного комплекса;

- расширение контактов между военными ведомствами стран бывшего СССР и США.

Особое место в реализации программы Нанна—Лугара занимал вопрос об оказании помощи России при ликвидации подводных лодок, в том числе — по Договору СНВ-1. В СССР было построено около 150 подводных лодок различного назначения. К концу 1996 г. Россия выводила их из строя (по условиям СНВ-1 и в силу технических причин): 90 — на Северном флоте и 60 — на Тихоокеанском (позднее сроки продлили сначала до 2001 г., затем — до 2006 г.). Главным министерством для решения этой задачи был назначен Минатом.

Однако при утилизации АПЛ возникали серьезные трудности²¹. До конца 1980-х годов выгруженное из реакторов подводных лодок ОЯТ выдерживалось на флотах в специальных хранилищах и затем отправлялось на предприятие «Маяк» для переработки. В 1992 г. Госатомнадзор запретил его транспортировку в контейнерах устаревшего типа ТК-11 и ТК-12, разрешив применение только контейнеров нового типа ТУК-18. Весной 1993 г. Правительственная комиссия РФ пришла к выводу о недостаточности мощностей «Маяка» для утилизации ОЯТ из АПЛ, а судоремонтные заводы, где к 1 января 2001 г. было сосредоточено 184 подводных лодки, также не справлялись с этой задачей.

Соединенные Штаты и их союзники согласились предоставить России помощь по утилизации АПЛ. Общий объем финансовых средств, выделенных на реализацию программы Нанна—Лугара республикам бывшего СССР, составил к 2001 г. 6 млрд долл. На эти деньги из боевого состава было выведено около 7 тыс. стратегических ядерных боезарядов, 653 МБР, 613 морских стратегических ракет, около 30 АПЛ, 155 тяжелых бомбардировщиков и 906 крылатых ракет воздушного базирования, а также демонтировано 485 шахт МБР²².

В 2000 г. последовало Соглашение оборонных ведомств двух стран о сотрудничестве в области учета, контроля и физической защиты расщепляющихся материалов на объектах ВМФ РФ²³.

Американская помощь предоставлялась России по двум направлениям. Первое — *Программа совместного уменьшения угрозы*. В ее рамках российской стороне поставлялось различное оборудование для утилизации АПЛ. США предоставили судоремонтному заводу «Нерпа» краны с магнитными подъемными устройствами, режущий инструмент, экскаваторы с ножами для демонтажа, гильотинные прессы, резаки для канатов, обработки металлического лома²⁴. Кроме того, было модернизировано Федеральное государственное унитарное предприятие «Звездочка» (Северодвинск), на котором с 1977 г. проводились работы по

ликвидации АПЛ. Мощностей «Звездочки» не хватало для утилизации АПЛ в рамках СНВ-1, поэтому с 1997 г. Соединенные Штаты, Норвегия, Франция и Канада помогли РФ построить на этом предприятии уникальный комплекс для утилизации АПЛ, включавший:

- береговую инфраструктуру для выгрузки ОЯТ;
- площадку временного хранения транспортных контейнеров ОЯТ;
- комплекс временного хранения и переработки (кондиционирования) жидкого и твердого ракетного топлива;
- участок производства стальнойных работ, в состав которого входят док-камера и плавдок;
- специализированный участок механической, плазменной и газовой резки лома черных металлов;
- специализированный участок переработки лома цветных металлов;
- специализированный участок переработки электрического кабеля и резинотехнических изделий²⁵.

Обновленный комплекс «Звездочка» позволил выполнять промышленную утилизацию АПЛ до 6 единиц в год и одновременно выгружать ОЯТ из реакторов 4–6 АПЛ в год, размещать выгруженное топливо в специальных, более безопасных контейнерах ТК-18 или ТУК-108/1 (позднее топливо отправлялось в специальных эшелонах на предприятие «Маяк»). В «Звездочке» также производили сбор, переработку, кондиционирование и временное хранение жидкого и твердого ракетного топлива, изъятого в процессе утилизации АПЛ.

Второе направление предоставления американской помощи — *Программа физической защиты, учета и контроля расщепляющихся материалов*. 2 сентября 1993 г. было подписано межправительственное соглашение о сотрудничестве в этой области. В сентябре 1995 г. координацию данной программы с американской стороны стало осуществлять министерство энергетики США²⁶. В 1996 г. Североморск (Мурманская область) посетила делегация представителей министерства, и по итогам визита американские эксперты предложили научно-исследовательскому центру «Курчатовский институт» программу улучшения систем защиты хранилищ топлива, изъятого из реакторов АПЛ. Российской стороне были предоставлены обновленные системы безопасности объекта в Северодвинске.

С 1997 г. финансирование программы было увеличено и стало полностью осуществляться через министерство энергетики США. Это

позволило усилить взаимодействие и снять опасения России относительно чувствительных моментов программы сотрудничества в области расщепляющихся материалов. В 1999 г. ВМФ России и министерство энергетики США договорились о расширении сотрудничества за счет реализации мер по физической защите ОЯТ АПЛ. Американская сторона поставила технологии, которые помогли обеспечить эффективную защиту более 38 тыс. выгруженных из АПЛ топливных стержней на Севере и Дальнем Востоке. Были укрупнены хранилища свежего топлива для АПЛ, что позволило сократить их число²⁷.

С середины 1990-х годов Соединенные Штаты также привлекали к Программе совместного уменьшения угрозы Скандинавские страны. В 1994 г. Норвегия заявила о готовности помочь России повысить безопасность объектов хранения ОЯТ и захоронений РМ, утилизировать радиоактивные отходы и снизить экологические выбросы. В 1996 г. норвежская компания «*Kvaerner Matime*» объявила о содействии РКС «Энергия» в вопросах демонтажа и утилизации 125 АПЛ к 2010 г. 7 июня 2000 г. Норвегия выделила России 12,1 млн долл. для реализации совместных проектов, а с августа 2000 г. участвовала в двусторонних проектах по строительству судов и вагонов для безопасной транспортировки ОЯТ и улучшению жидких радиоактивных резервуаров для хранения отходов в Северодвинске.

В мае 2001 г. Россия и Норвегия договорились о взаимодействии по реабилитации территории береговой технической базы российского ВМФ в Губе Андреева (Северодвинск), где, по разным оценкам, находились около 100 снятых с боевого дежурства АПЛ (часть из них с ОЯТ на борту). Осло выделил средства на закрытие хранилища радиоактивных отходов в Западной Лице и строительство нового хранилища для твердого ракетного топлива на Кольском полуострове. Норвежская сторона предоставила также очистные сооружения.

Норвегия также участвовала в трехстороннем российско-американско-норвежском проекте по утилизации жидких радиоактивных отходов. 26 сентября 1996 г. стороны запустили программу «Экологическое сотрудничество в Арктике в военной сфере» (*The Arctic Military Environmental Cooperation Program — АМЕС*), направленную на:

- строительство контейнеров и площадок для временного хранения и транспортировки ОЯТ;
- развитие мобильных технологий по переработке радиоактивных отходов;
- внедрение технологий утилизации твердых радиоактивных отходов и их временного хранения;

- мониторинг радиационной ситуации;
- очистку Губы Андреева.

При поддержке Швеции, Великобритании и Франции Норвегия помогала России построить промежуточное хранилище ОЯТ на Кольском полуострове и предприятие по его утилизации на плавучей технологической базе «Лепсе». Последний проект был инициирован норвежской экологической организацией «Беллуна» и осуществлялся под контролем Совета Баренцева/Евроарктического региона (*Euro-Arctic Barents Council*), в котором участвуют и США.

Сложнее развивалось сотрудничество с Финляндией. В мае 1996 г. министерство иностранных дел этой страны выделило около 700 тыс. долл. финской компании *IVO* для очистки жидких радиоактивных отходов на Федеральном государственном унитарном предприятии «Атомфлот». К реализации проекта была привлечена финская компания по переработке радиоактивных отходов «*Nures*». Однако в августе 1997 г. Финляндия прекратила финансирование проекта.

Меньший интерес к программам помощи Северному флоту проявила Швеция. В 1997 г. консорциум «Промышленная группа» подписал соглашение с Всероссийским проектным и научно-исследовательским институтом комплексной энергетической технологии (Санкт-Петербург) о выделении 3,3 млн долл. на проектирование хранилищ РМ на «Маяке» для материалов, изъятых в процессе утилизации АПЛ и ледоколов на Кольском полуострове, однако Минатом РФ не утвердил данные проекты.

В состав консорциума вошли: «*Swedish Nuclear Fuel and Waste Management Company*» (Швеция), «*British Nuclear Fuels Limited*» (Великобритания), «*Société Générale pour les Techniques Nouvelle*» (Франция) и «*Kvaerner Maritime*» (Норвегия).

Участие других стран ЕС было менее значительным. Механизмом их привлечения к реализации Договора СНВ-1 стала организованная в 1991 г. программа *TASIS* (*Technical Assistance for the Commonwealth of Independent States*). Великобритания предоставила РФ около 150 контейнеров для перевозки РМ, помогла построить системы защиты для хранилища РМ на предприятии «Маяк» и поставила оборудование информационного обеспечения для Госатомнадзора. Франция и Германия помогли модифицировать системы обеспечения безопасности атомных реакторов и мест хранения РМ. Нидерланды профинансировали создание инфраструктуры физической защиты предприятий, на которых осуществлялся демонтаж ядерных боезарядов, подлежащих ликвидации по условиям Договора СНВ-1. Франция и Норвегия также помогли России вывести из эксплуатации реакторы ВВЭР-440 на Кольской АЭС.

24 мая 2002 г. Россия и США подписали Договор СНП, предполагавший сокращение СЯС до 2200 оперативно развернутых ядерных боезарядов, в том числе дальнейший вывод из строя части АПЛ Северного флота. На саммите «Группы восьми» в Кананаскисе (Канада) в июне 2002 г. была принята программа «Глобальное партнерство в сфере нераспространения ОМП», предусматривавшая выделение около 20 млрд долл. всем странам, желавшим ликвидировать запасы ОМП. Приоритетами программы объявлялись утилизация АПЛ, уничтожение химического оружия и РМ, а также трудоустройство ученых ликвидированных предприятий и центров. Это позволило России расширить партнерство с другими странами в области утилизации АПЛ Северного флота.

В мае 2003 г. в Стокгольме состоялось подписание Соглашения о многосторонней ядерно-экологической программе в России (МНЭПР). На его основе модернизировалась программа АМЕС: Норвегия и США снизили в ней свой статус до наблюдателей. Великобритания, напротив, стала участвовать в утилизации АПЛ Северного флота.

Еще 3 сентября 1996 г. было подписано российско-британское Соглашение о сотрудничестве в сфере мирного использования атомной энергии, а в июне 2003 г. — Дополнительное соглашение к нему. Москва взяла на себя обязательство освободить от налогов, таможенных пошлин и иных сборов финансовые средства, услуги, оборудование и материалы, предоставляемые британской стороной в качестве безвозмездной помощи для утилизации АПЛ. Великобритания помогла России утилизировать 3 АПЛ, а также реализовать ряд проектов — от обеспечения радиационной безопасности при проведении работ на технической территории в Губе Андреева до создания хранилища контейнерного типа для непереработанного ОЯТ на предприятии «Атомфлот»²⁸. Реализация программы «Глобальное партнерство в сфере нераспространения ОМП» позволила России добиться значительных успехов в процессе утилизации АПЛ. К концу 2006 г. из состава ВМФ РФ были выведены 197 АПЛ, 120 из них — на Северном флоте и 77 — на Тихоокеанском. 92 АПЛ Северного флота были утилизированы, 11 находились в стадии утилизации, 16 — в ожидании утилизации. В этом смысле Программа совместного уменьшения угрозы и «Глобальное партнерство в сфере нераспространения ОМП» помогли выполнению положений Договоров СНВ-1 и СНП. Возник механизм реального сотрудничества приарктических стран в области контроля над вооружениями и в экологической сфере.

Однако реализация Программы совместного уменьшения угрозы имела и негативные последствия. Она позволяла СМИ Соединенных Штатов и Скандинавских стран публиковать большое количество не-

доказанных сообщений о «слабой охране» российского ОЯТ и/или экологической катастрофе на российском Севере. Экологическая тематика периодически превращалась в средство воздействия на Россию для достижения необходимых США результатов.

В арктической политике появилась возможность использования экологической тематики для извлечения стратегических преимуществ в неблагоприятном для России направлении.

12.4. Россия во «второй арктической гонке»

Реализация Договора СНВ-1 привела к переосмыслению роли Арктики в стратегических концепциях России и США. После распада СССР в 1991 г. страна лишилась большей части советского побережья Балтийского и Черного морей, а также военных баз на территории союзников. Северный флот становился ключевой группировкой Военно-морских сил РФ вместе с морским компонентом СЯС. Это обстоятельство обуславливалось двумя факторами: высокой стратегической защищенностью акватории Северного Ледовитого океана (по сравнению, например, с Тихоокеанским побережьем России) и максимальной приближенностью БРПЛ Северного флота к территории США²⁹. Вследствие этих факторов Арктика заняла одно из центральных мест во внешнеполитической стратегии России³⁰.

Главным фактором повышения роли Северного флота стала разработка концепции Северного стратегического бастиона. Ее основы были сформулированы весной 1998 г. секретарем Совета безопасности РФ Андреем Кокошиным³¹. Северный флот РФ становился основой морского компонента российских СЯС. О переходе к этой концепции официально заявил президент Б. Н. Ельцин в ходе учений Северного флота 21 августа 1998 г.

Россия начала формировать свою комплексную арктическую стратегию. Еще в 1997 г. в структуре федеральной целевой программы «Мировой океан» была выделена подпрограмма «Освоение и использование Арктики» (госзаказчик — Минэкономразвития РФ)³². Приоритетами арктической политики России были объявлены повышение энергонезависимости арктических регионов и реконструкция навигационно-гидрографического оборудования СМП. В 2003 г. Министерство промышленности и энергетики РФ подготовило «Энергетическую стратегию России на период до 2020 года»³³. Документ постулировал необходимость модернизации российского топливно-энергетического комплекса и освоения месторождений северных территорий РФ, включая шельф арктических морей.

Наработки 1997 и 2003 гг. получили развитие в «Энергетической стратегии России на период до 2030 года» (2009). Она предусматривала реализацию региональных стратегических инициатив государства и бизнеса в Арктическом регионе, прежде всего в сфере энергетического освоения Восточной Сибири и Дальнего Востока, а также полуострова Ямал³⁴. Особое внимание предполагалось уделить разработке шельфа прибрежных районов Северного Ледовитого океана. Эти районы рассматривались как возможный ресурс для восполнения активно эксплуатируемых нефтегазовых месторождений Западной Сибири. Особая роль в стратегии отведена взаимодействию с другими арктическими странами в области глубоководного бурения.

Метод глубоководного бурения использовал с 1968 г. Международный консорциум «Объединение океанографических институтов по глубинному опробированию Земли» (*Joint Oceanographic Institutions for Deep Earth Sampling — JOIDES*). С 1985 г. реализуется исследовательский проект океанского глубоководного бурения (*Ocean Drilling Program*). СССР был участником обоих проектов, однако впоследствии вышел из них.

Толчком к активизации арктической политики России послужило также вступление в силу 16 ноября 1994 г. Конвенции ООН по морскому праву³⁵. Это событие предопределило начало «второй арктической гонки» и появление новой формы российско-американского соперничества. Механическое применение этого документа к Северному Ледовитому океану означало сокращение государственных границ приарктических государств до 24 миль от побережья. До 200 миль находились бы исключительные экономические зоны, где у государств были бы эксклюзивные права на эксплуатацию природных и биологических ресурсов, но не полноценный суверенитет на океанические пространства. Остальная часть Северного Ледовитого океана стала бы международными водами. Реализация этих положений означала бы для России интернационализацию СМП и сокращение акватории действия Северного флота РФ, поэтому Москва предприняла меры по сохранению за собой советского арктического сектора 1926 г. и статуса Северного морского пути как внутренней транспортной артерии РФ

Еще при подписании Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. СССР сделал оговорку, что не принимает процедур, влекущих за собой обязательные решения ООН при рассмотрении споров. Постановлениями Совета министров СССР от 7 февраля 1984 г. и 15 января 1985 г. воды Белого моря, Чесской, Печерской, Байдарацкой губ, Обь-Енисейского залива были определены как внутренние воды Советского Союза.

31 июля 1998 г. был принят Федеральный закон «О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской

Федерации»³⁶, 17 декабря 1998 г. — Федеральный закон «Об исключительной экономической зоне Российской Федерации»³⁷. На международной конференции пользователей Северного морского пути в Осло (1999) Россия попыталась заручиться поддержкой Норвегии по этим вопросам и предприняла также попытку легализовать свои права на обладание арктическим сектором СССР. 30 ноября 1995 г. был принят Федеральный закон «О континентальном шельфе Российской Федерации». 20 декабря 2001 г. Москва подала заявку в Комиссию ООН по континентальному шельфу на 1,2 млн кв. км арктического шельфа. Претензии России мотивировались взаимосвязью подводных хребтов Ломоносова и Менделеева с Сибирской континентальной платформой. Однако 28 июня 2002 г. Комиссия ООН рекомендовала России доработать обоснования заявки из-за отсутствия карт подводных хребтов Ломоносова и Менделеева. Это решение в Москве восприняли как результат противодействия других приарктических стран, включая США.

В середине 2000-х годов соперничество за подтверждение границ арктических секторов обострилось. Дания заявила 13 апреля 2004 г. о своих правах на обладание Северным полюсом, обосновывая их связью полюса с подводным хребтом Ломоносова, соединенным с Гренландией (хотя официальной заявки в Комиссию ООН от Дании пока нет). Норвегия подала 27 ноября 2006 г. свою заявку в Комиссию ООН на 250 тыс. кв. км арктического шельфа (15 апреля 2009 г. Комиссия ООН признала ее суверенитет только на 235 тыс. кв. км). Канада и Дания объявили о намерении представить подобные заявки Комиссии ООН в 2013–2014 гг.

В этой ситуации Россия попыталась реализовать двойственную стратегию. Москва стремилась расширить формат работы Арктического совета (АС): осенью 2006 г. МИД России при поддержке Норвегии сделал ряд заявлений о необходимости дальнейшего укрепления этого формата³⁸. Но Москва организовала несколько экспедиций по изучению подводного рельефа Северного Ледовитого океана. 3 мая 2007 г. президент В. Путин заявил о необходимости активизировать усилия по обеспечению стратегических, экономических, научных и оборонных интересов в Арктике.

В июле–августе 2007 г. состоялась полярная экспедиция «Арктика-2007» под руководством депутата Государственной Думы РФ Артура Чилингарова. 2 августа 2007 г. ее участники установили российский флаг на дне Северного Ледовитого океана под Северным полюсом. 20 сентября 2007 г. Минприроды России заявило, что подводные хребты Ломоносова и Менделеева являются продолжением Сибирской континентальной платформы. Дополнительные обоснования по российской заявке должны быть представлены в Комиссию ООН в 2013 г.

К концу 2000-х годов России удалось выработать комплексную арктическую стратегию — «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу» (утверждены президентом Д. Медведевым 18 сентября 2008 г.)³⁹. Стратегическими приоритетами государственной политики России в Арктике провозглашались:

- расширение ресурсной базы Арктической зоны РФ;
- поддержание боевого потенциала региональных группировок войск (сил) общего назначения Вооруженных сил РФ;
- обеспечение защиты природной среды Арктики;
- формирование единого информационного пространства в Арктической зоне РФ;
- создание научных и геоинформационных основ управления арктическими территориями⁴⁰.

Дальнейшая политика России в Арктике состояла из трех этапов. На первом (2008–2010) приоритет отдавался обоснованию внешней границы Арктической зоны РФ. На втором (2011–2015) основными задачами были объявлены международно-правовое оформление внешней границы Арктической зоны России и реализация ее конкурентных преимуществ по добыче и транспортировке арктических энергоресурсов. На третьем этапе (2016–2020) предполагается превращение Арктической зоны РФ в ведущую стратегическую ресурсную базу России.

Для разрешения пограничных споров Россия активизировала диалог с Норвегией. 15 сентября 2010 г. президент Д. Медведев и премьер-министр Й. Столтенберг подписали Договор о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане⁴¹. Ключевым его условием было разделение пополам спорной зоны в Баренцевом море (примерно 175 тыс. кв. км) и признание эксклюзивных прав обеих стран на рыболовство в пределах своего сектора.

Мурманский договор подвергался критике в России⁴². Москва отказалась от значительного территориального сектора в Баренцевом море, сузив акваторию действия рыболовецкого флота. Не были упомянуты ни «Шпицбергенский трактат» (1920), ни резолюция норвежского стортинга 1947 г. По их условиям, Осло гарантировал демилитаризованный статус Шпицбергена, право на ведение хозяйственной деятельности СССР и его особые экономические права в архипелаге. Отсутствие ссылки на эти соглашения позволяет Норвегии поставить вопрос о пересмотре статуса Шпицбергена, включая ликвидацию российских поселений.

И все же Мурманский договор, несмотря на частные потери, должен был принести стратегические выгоды России, поскольку плани-

ровалось добиться признания Норвегией арктических границ РФ. Договор теоретически уменьшал опасность взаимодействия Осло на антироссийской основе с Оттавой и Вашингтоном. Существовали надежды, что Мурманский договор не позволит сформировать общую линию НАТО по Арктике.

К середине 2012 г. стало понятно, что договор не справляется со своей задачей. Серия инцидентов в Баренцевом море доказала, что норвежская сторона «выдавливает» российских рыбаков со Шпицбергена. Норвегия не признает статуса СМП как национального достояния России. Норвежские эксперты утверждают, что приоритет в освоении СМП принадлежит экспедициям норвежского полярника Фритьофа Нансена 1890-х годов.

Новой проблемой для Москвы стали подвижки в работе Арктического совета. Помимо пятерки арктических держав его постоянными членами являются Финляндия, Швеция и Исландия — приарктические страны, не имеющие арктических секторов. Две из них выдвигают серьезные претензии к России. Финляндия после поражения в Зимней войне с СССР (1939—1940) лишилась выхода к Северному Ледовитому океану. Швеция оспаривает статус СМП как национального достояния России. В Стокгольме утверждают, что первой СМП в 1878 г. прошла шведская экспедиция Нильса Адольфа Норденшельда. Возникает опасность формирования общескандинавской позиции по СМП, которая при поддержке США будет носить недружественный России характер.

Новая стратегическая ситуация потребовала от России модернизировать арктическую стратегию. Организованный Русским географическим обществом II Арктический форум прошел 22—23 сентября 2011 г. в Архангельске, где выступил премьер-министр В. В. Путин, наметив несколько приоритетов арктической стратегии РФ⁴³. Важнейшими среди них стали:

- предотвращение межгосударственного соперничества за раздел Арктики;
- усиление экономического освоения Заполярья, прежде всего за счет внедрения технологий глубоководного бурения;
- создание благоприятного климата для привлечения иностранных инвестиций;
- развитие экологических проектов, включая взаимодействие с другими арктическими странами.

Эта программа будет положена в основу обновленной арктической стратегии России. Но форум продемонстрировал трудности ее реализации. Норвежская сторона проявила интерес к развитию совместных

с Россией экономических и экологических проектов, но не готовность признать за Россией эксклюзивные права на СМП⁴⁴. Совместные проекты в Осло видят как путь к интернационализации этой транспортной артерии, прежде всего посредством проекта ЕС «Северный морской коридор» (*Northern Maritime Corridor*).

Позиция Норвегии находит понимание у США и Канады, что создает дипломатические трудности для Москвы.

12.5. США во «второй арктической гонке»

«Вторая арктическая гонка» поставила вопрос о долгосрочной стратегии и перед США. Вашингтон не ратифицировал Конвенцию ООН по морскому праву и формально не мог претендовать на создание особой экономической зоны или получение континентального шельфа в Северном Ледовитом океане, однако попытался определить приоритеты. Еще в 2004 г. Комиссия по арктическим исследованиям США указывала, что присоединение шельфовых территорий Арктики увеличит общую площадь страны на 4,1 млн кв. км. Потенциал арктического шельфа оценивался комиссией в 1,3 трлн долл., включая ресурсы нефти на 650 млрд долл. на шельфе Аляски. Поэтому 2004–2005 гг. администрация Дж. Буша-младшего пыталась воздействовать на конгресс (правда, неудачно) для ускорения ратификации Конвенции ООН по морскому праву⁴⁵.

Ключевым направлением в арктической политике США стала экология⁴⁶. Еще в 1994 г. Международный комитет ученых по Арктике запустил проект «Последствия изменения климата в Арктике». 24 ноября 2004 г. его участники представили доклад о последствиях потепления в этой зоне, где фиксировалось уменьшение толщины ледового покрова. Аномально теплая зима 2006/07 г. в Северном полушарии придала этим прогнозам катастрофический оттенок. 14 марта 2007 г. Межправительственная группа экспертов по изменению климата сообщила о возможном установлении полноценного судоходства в Арктике к 2070 г.⁴⁷ Эти прогнозы вызвали сомнения. В частности, в 2008–2010 гг. в регионе отмечался рост «молодого», т.е. свежееобразовавшегося, льда. Высказывались и предположения о постепенном спаде среднегодовых температур в конце 2000-х годов. И все же преобладающей тематикой научных исследований пока остаются разработки на тему быстрого таяния арктических льдов. В США появилось большое количество работ о роли Арктики в процессах глобального потепления⁴⁸.

Первым шагом в этом направлении стал выпущенный в 2005 г. ежегодный доклад Комиссии по арктическим исследованиям США⁴⁹,

в котором отмечалось, что постепенное таяние льдов упростит добычу энергоресурсов на арктическом шельфе. Американские эксперты исходили из того, что Россия и Норвегия попытаются закрепить за собой арктические секторы, поэтому в докладе подчеркивалась важность присоединения к США прилегающих шельфовых территорий. Эксперты—составители доклада рекомендовали Межведомственной группе анализа и оценки обстановки в Арктике усилить взаимодействие с Госдепартаментом США, поскольку интернационализация Северного Ледовитого океана позволит Соединенным Штатам уравнивать силовые ресурсы в приполярных территориях.

Первоначально основным соперником США в этой сфере выступала Канада. С 1985 г. Вашингтон не признавал ее решение о придании Северо-Западному проходу статуса внутренних вод. США также претендовали на ряд спорных участков моря Бофорта и не признавали претензий Канады на присоединение к своей территории Северного полюса. Американские СМИ утверждали, что по мере развития глобального потепления путь вокруг Гренландии — море Баффина и море Бофорта — может стать альтернативой традиционным тихоокеанским маршрутам. 28 августа 2006 г. администрация Дж. Буша-младшего отказалась принять предложенные Канадой, Россией и Норвегией варианты раздела шельфа Северного Ледовитого океана по секторальному принципу 1920-х годов. Эксперты восприняли это решение как усиление американо-канадских противоречий.

В 2007 г. ситуация изменилась. Российская полярная экспедиция «Арктика-2007» вызвала крайне негативное отношение США и положила начало цепочке событий, получивших в специальной литературе название «арктический кризис 2007 г.»⁵⁰. В июле 2007 г. российскую экспедицию демонстративно облетели самолеты ВВС НАТО. В ответ Россия 17 августа 2007 г. заявила о возобновлении регулярных полетов стратегической авиации. Представители США, Канады, Дании и Норвегии выступили с осуждающими заявлениями по поводу экспедиции «Арктика-2007». К Северному полюсу были организованы датская (сентябрь 2007 г.) и две совместные американо-канадские экспедиции (сентябрь 2008 г. и август 2009 г.). Российские и зарубежные СМИ публиковали сценарии гипотетических военных столкновений России и стран НАТО в Арктике⁵¹. США и Канада стали координировать свои стратегии в Арктике под предлогом необходимости блокировки действий со стороны России, которые могут нанести ущерб их интересам.

Кризис 2007 г. был частично урегулирован на саммите Арктического совета в городе Илулиссат (Гренландия) 27–29 мая 2008 г.⁵² Ар-

ктические страны договорились блокировать попытки установления всеобъемлющего международно-правового режима для управления Северным Ледовитым океаном и урегулировать проблемы Арктики мирными средствами. Однако Илулиссатская декларация побудила администрацию Дж. Буша-младшего четче определить приоритеты Соединенных Штатов во «второй арктической гонке».

Комиссия по арктическим исследованиям США подготовила доклад «Арктический океан и изменение климата: сценарий для ВМС США»⁵³. В документе отмечалась растущая роль Северного морского пути в российско-американских отношениях. Комиссия предполагала вернуться к претензиям США к России 1965 г. по поводу полной интернационализации СМП.

Похожие рекомендации предложила Межведомственная группа анализа и оценки обстановки в Арктике. В июле 2008 г. состоялось ее заседание, посвященное результатам научно-исследовательской и геолого-разведочной деятельности в регионе, в ходе которого обсуждалось использование для этих целей подводных лодок, а также строительство атомных ледоколов. Группа разработала концепцию разграничения арктического морского дна в соответствии с возможными вариантами развития обстановки в Арктике.

16 июля 2008 г. в конгрессе США состоялись слушания по вопросам долгосрочной стратегии Вашингтона в Арктике. Формально их поводом стало развитие ледокольного флота Америки, фактически же речь шла об определении мер противодействия арктической стратегии России. Участники слушаний фокусировали внимание на нескольких проблемах:

- реализации Россией программы по созданию нового поколения тяжелых ледоколов, прежде всего ледокола «50 лет Победы»;
- возобновлении боевого дежурства кораблей Северного флота РФ в арктических районах 14 июля 2008 г.;
- отсутствию у США адекватной программы строительства ледокольного флота.

«Мы теряем позиции. Россия в следующем году завершает программу создания атомных ледоколов нового поколения, что гарантирует русским наличие нескольких тяжелых ледокольных судов», — заявил командующий Береговой охраной США адмирал Тад Аллен. Конгресс рекомендовал администрации президента ускорить работу над стратегией США в Арктике.

На базе этих рекомендаций 9 января 2009 г. Дж. Буш-младший подписал разработанный Советом национальной безопасности документ

«Региональная политика США в Арктике» (NSPD-66)⁵⁴. В нем указывалось, что Соединенные Штаты Америки имеют широкие и основополагающие интересы национальной безопасности в данном регионе. Для их защиты Вашингтон может действовать самостоятельно и/или совместно с другими государствами. В документе были намечены три приоритета США в Арктике.

1. *Ратификация Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.* Присоединение к ней США позволит Вашингтону с большим правовым основанием требовать интернационализации Северного Ледовитого океана как международного океанического пространства. В 1994 г. администрация У. Клинтона (1993–2000) подписала с Подготовительным комитетом ООН Дополнительное соглашение к этому документу. Комитет пообещал дать Соединенным Штатам ряд привилегий: не ограничивать их экономическую деятельность на дне спорных участков шельфа и перейти к системе группового голосования в Совете Международного органа по морскому дну. Это обстоятельство может облегчить США отстаивание своей позиции в дискуссиях вокруг правового статуса подводных хребтов Ломоносова и Менделеева.
2. *Расширение морского присутствия.* В документе конгрессу рекомендовалось рассмотреть возможность запуска программы строительства ледокольного флота. Первым шагом в этом направлении может, в частности, стать расконсервация тяжелого арктического ледокола «*Polar Star*». Постулировалась также необходимость сохранения практики регулярного захода в Северный Ледовитый океан Первого и Второго флотов США.
3. *Усиление военно-воздушного присутствия.* Было рекомендовано проанализировать возможность обеспечения постоянного присутствия в Арктике авианосной группы. Отдельным пунктом предполагалось развитие военно-транспортных средств. В августе 2010 г. Вооруженные силы США начали получать специально адаптированные для действий в приарктических условиях многоцелевые вертолеты «*Black Hawk*».

Развитие этих положений содержится в «Стратегии национальной безопасности США» 2010 г. Документ постулирует, что США являются арктическим государством (*Arctic Nation*), которое имеет национальные интересы в данном регионе⁵⁵. К ним СНБ-2010 относит защиту окружающей среды, ответственное использование природных ресурсов, учет интересов местного населения, развитие научных исследований и рас-

ширение международного взаимодействия. Тон СНБ-2010 мягче документов республиканской администрации Дж. Буша-младшего, однако документ доказывает, что Соединенные Штаты делают ставку на взаимодействие с другими приарктическими странами для интернационализации пространства Северного Ледовитого океана.

Демократическая администрация Б. Обамы отказалась от явного противостояния с Россией в Арктике. Вашингтон также перестал проводить активную политику в Арктическом регионе. Единственными крупными шагами США были замеры по оценке изменения арктического климата. Правда, Целевая группа ВМС США по проблемам изменения климата (*The Navy's Task Force Climate Change*) выпустила два документа: «Военно-морскую арктическую дорожную карту» (*Navy Arctic Roadmap*) в ноябре 2009 г. и «Дорожную карту изменения климата в Арктике» (*Navy Climate Change Roadmap*) в апреле 2010 г. Президент Б. Обама 16 мая 2011 г. заявил о снятии моратория на бурение новых нефтяных скважин в Мексиканском заливе и на Аляске. Однако эти шаги означают скорее создание задела на будущее, чем заявку на раздел Арктики.

Более того, Соединенные Штаты как будто согласились с российским проектом усиления Арктического совета. 12 мая 2011 г. госсекретарь Х. Клинтон и министр внутренних дел К. Салазар приняли участие в саммите АС в Нууке (Гренландия) (до этого Соединенные Штаты ограничивались участием на уровне заместителей секретарей). Участники саммита подписали соглашение о поисково-спасательных операциях в Северном Ледовитом океане. На повестке было также обсуждение вопросов об общих мерах по противодействию разливам нефти в приарктических зонах.

Интерес США к арктическим проблемам усилился после вступления в силу Мурманского договора 2010 г. Американские эксперты восприняли его как готовность России идти на уступки в территориальных спорах. Появились экспертные прогнозы относительно возможности применения «мурманской схемы» к решению проблем Берингова моря, а возможно, и всего «проблемного района» между Восточно-Сибирским морем и Беринговым проливом. Вашингтон, по-видимому, попытается использовать «мурманскую схему» в территориальных спорах с Россией.

Однако между США и другими арктическими странами остается фундаментальное противоречие по вопросам статуса Северного Ледовитого океана. Поворот администрации Б. Обамы к кооперационной политике в Арктике не привел к отказу Вашингтона от требования интернационализации этой акватории.

Особую роль при этом может сыграть взаимодействие Соединенных Штатов и Канады. В 2009–2010 гг. Россия попыталась наладить диалог со Скандинавскими странами. Были подписаны российско-норвежский Договор о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане (15 сентября 2010 г.)⁵⁶ и российско-датская декларация «Партнерство ради модернизации» (28 апреля 2010 г.). Ответом Канады может стать усиление взаимодействия с США, включая разрешение спорных пограничных проблем и определение общей позиции по статусу Северного полюса. Особую остроту это противостояние может приобрести в случае присоединения США к Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. и усиления требования Вашингтона по интернационализации Северного морского пути. В такой ситуации Москва столкнется с новой, менее благоприятной для нее расстановкой сил по вопросам статуса СПМ.

Российско-американские отношения в Арктике можно охарактеризовать термином «стратегическая пауза». Москва и Вашингтон с 2009 г. отказались от резких конфронтационных шагов, совместно работают над усилением Арктического совета и выражают обеспокоенность экологической ситуацией в регионе. Углублению сотрудничества могут способствовать запуск совместной программы глубоководного бурения и активизация диалога по решению спорных пограничных проблем на Дальнем Востоке. В идеале эксперты не исключают реализации совместного российско-американского проекта освоения Арктики.

Однако между странами сохраняются фундаментальные противоречия. Москва настаивает на сохранении внутреннего статуса СМП и признании за собой значительной части континентального шельфа Северного Ледовитого океана, Вашингтон не признает российских претензий и стремится к интернационализации этой акватории. В настоящее время острота данной проблемы блокирована тем фактом, что большая часть Северного Ледовитого океана круглый год покрыта льдом, однако в случае таяния арктических льдов (или спекуляции вокруг этой проблемы) ситуация может обостриться⁵⁷, в результате чего Россия и США окажутся перед лицом новой конфронтации в Арктическом регионе.

Особую роль в обострении противоречий играют военно-стратегические проблемы. В Москве обеспокоены тем, что отказ ООН признать за Россией искомый континентальный шельф Северного Ледовитого океана приведет к сужению акватории для российского Северного флота. В этом смысле действия США могут означать попытку добиться односторонних стратегических преимуществ в Арктике. Выход соперничества

на стратегический уровень создаст угрозу реализации Договора СНВ-3 и сделает Москву и Вашингтон менее склонными к компромиссам даже по частным вопросам.

Примечания

¹ *Kliot N.* Geopolitics at the End of the Twentieth Century: The Changing World Political Map. L.: Routledge, 2007.

² *Zellen B. S.* Breaking the Ice: From Land Claims to Tribal Sovereignty in the Arctic. Lanham: Lexington Books, 2008. P. 2.

³ *Zellen B. S.* Arctic Doom, Arctic Boom: The Geopolitics of Climate Change in the Arctic. Santa Barbara: Praeger, 2009.

⁴ *Tomczak M., Godfrey S. J.* Regional Oceanography: An Introduction. N.Y.: Pergamon, 1994.

⁵ *Агранат Г.* Использование ресурсов и освоение территории зарубежного Севера. М.: Наука, 1984. С. 27–43.

⁶ См.: Convention Between Great Britain and Russia. URL: <http://explorenorth.com/library/history/bl-ruseng1825.htm>.

⁷ Treaty Concerning the Cession of the Russian Possessions in North America by His Majesty the Emperor of All the Russians to the United States of America. 1867. June 20. [Electronic resource] // Yale Law School. The Avalon Project: Documents in Law, History and Diplomacy [Official website]. URL: http://avalon.law.yale.edu/19th_century/treatywi.asp.

⁸ RELIEF EXPEDITION TO THE ARCTIC SEAS, Message from the President (William McKinley)... 1899. URL: <http://books.ioba.org/books/342727930.html>.

⁹ *Булатов В. Н.* КПСС — организатор освоения Арктики и Северного морского пути (1927–1980). М.: МГУ, 1989.

¹⁰ Подробнее об арктической политике США 1920-х годов см.: *Horensma P.* The Soviet Arctic. L.: Routledge, 1991.

¹¹ Denmark — United States Agreement on the Defense of Greenland and exchange of Notice. 1941. April 9. URL: <http://www.jstor.org/discover/10.2307/2213493?uid=3738936&uid=2129&uid=2&uid=70&uid=4&sid=47699119577247>.

¹² Подробный анализ возрастания роли Арктики в американском стратегическом планировании см.: *Трофименко Г. А.* США: политика, война, идеология. М.: Мысль, 1976.

¹³ *Спуктен N.* The Geography for the Peace. N.Y., 1944. P. 14–15.

¹⁴ Цит. по: *Трофименко Г. А.* Указ. соч. С. 148.

¹⁵ *Seversky A. de.* Air Power. Key to Survival. P. 307, 309.

¹⁶ Основные даты и события истории Арктического и антарктического научно-исследовательского института. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.aari.ru/ann80th/_dates_85_1.html.

¹⁷ *Славин С. В.* Освоение Севера. Академия наук СССР. Серия: Проблемы науки и технического прогресса. Л.: Наука, 1975.

¹⁸ Defense of Greenland: Agreement Between the United States and the Kingdom of Denmark. 1951. April 27. URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/den001.asp.

¹⁹ *Chaturvedi S.* The Polar Regions: A Political Geography. Chichester: John Wiley and Sons, 1996.

²⁰ *Фененко А. В.* Международное соперничество за освоение общих пространств // Международные процессы. 2010. Т. 8. № 1 (22). С. 20–23.

²¹ Ядерное нераспространение: В 2 т. Т. 1 / Под общ. ред. В. А. Орлова. 2-е изд., перераб. и расш. М.: ПИР-Центр, 2002. С. 380–385.

²² *Пикаев А. А.* От программы Нанна—Лугара до Глобальной партнерства // Независимая газета. 2009. 7 сентября.

²³ *Литовкин Д. В.* Программа Совместного уменьшения угрозы и утилизация атомных подводных лодок на Северном флоте // Программа совместного уменьшения угрозы: оценка эффективности и перспективы развития: Научные записки. № 13 / Под ред. И. А. Сафранчука. М.: ПИР-Центр, 2000. С. 37–43.

²⁴ *Орлов В. А., Тимербаев Р. М., Хлопков А. В.* Проблемы ядерного нераспространения в российско-американских отношениях. История, возможности и перспективы дальнейшего взаимодействия. М.: ПИР-Центр, 2001. С. 155.

²⁵ *Мальцев А. В., Мануильский Д. А.* Утилизация атомных подводных лодок на северо-западе России: опыт и перспективы российско-британского сотрудничества [Электронный ресурс] // Высшая школа экономики. Клуб мировой политической экономики [Официальный сайт]. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.wpres.ru/text/200706091015.htm> (дата обращения: 24.05.2011).

²⁶ *Орлов В. А., Тимербаев Р. М., Хлопков А. В.* Указ. соч. С. 159.

²⁷ *Moltz J. C.* Russian Nuclear Submarine Dismantlement and the Naval Fuel Cycle // Nonproliferation Review. Spring 2000. No 1. Vol. 7. P. 83–84.

²⁸ *Moltz J. C.* Russia: Naval Fuel Cycle Foreign Assistance. April 1998, updated August 2001. [Electronic resource] // The Nuclear Threat Initiative [Official website]. URL: <http://www.nti.org/db/nisprofs/russia/naval/forasst/forasovr.htm> (accessed: 24.05.2011).

²⁹ *Корзун В. А.* Россия в Мировом океане: новые геополитические условия. М.: Наука, 2003.

³⁰ *Чилингаров А. Н., Кокорев Е. М.* Размышления о российском Севере. М.: Янус-К, 1997.

³¹ *Кокошин А. А.* Политология и социология военной стратегии. М.: Ком-Книга, 2005. С. 190–191.

³² Федеральная целевая программа «Мировой океан» [Официальный сайт]. URL: <http://www.ocean-fcp.ru/> (дата обращения: 24.05.2011).

³³ Энергетическая стратегия России на период до 2020 года // Энергоинформ [Интернет-портал]. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.energoinform.org/normatives/powerstrategy.aspx> (дата обращения: 24.05.2011).

³⁴ Энергетическая стратегия Российской Федерации до 2030 года // Российская газета. 2009. 30 марта.

³⁵ *Александров О.* Лабиринты арктической политики // Россия в глобальной политике. 2009. № 4 (июль—август). С. 114–122.

³⁶ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://rpn.mels.ru/files/normdoc/fz_31.07.1998_N155-fz.doc.

³⁷ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.legis.ru/misc/doc/1026/>.

³⁸ *Лауров С. В., Гар Степе Й.* Арктический совет — 10 лет сотрудничества на благо Севера // Известия. 2006. 24 октября.

³⁹ Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу // Российская газета. 2009. 30 марта. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2009/03/30/arktika-osnovy-dok.html>.

⁴⁰ На базе данного документа Советом по изучению производительных сил (СОПС) по поручению Министерства регионального развития РФ был разработан проект Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г., внесенный для утверждения в Правительство РФ в октябре 2010 г. Подробнее об основных принципах, целях и задачах, обозначенных в стратегии, см.: *Селин В. С.* Стратегические вызовы национальным интересам Российской Федерации в Заполярье: взгляд из Арктики // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2011. № 2. Арктика: политика, экономика, устойчивое развитие.

⁴¹ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://news.kremlin.ru/ref_notes/707.

⁴² *Криворотов А. К.* Неравный раздел пополам: к подписанию российско-норвежского договора о разграничении в Арктике // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2011. № 2.

⁴³ Выступление Председателя Правительства Российской Федерации В. В. Путина на II Международном арктическом форуме «Арктика — территория диалога» (22 сентября 2011 года, г. Архангельск). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://severcom.ru/actions/section6/release457-1.html>.

⁴⁴ Своим путем. Россия не должна поступиться интересами при прокладке северных морских магистралей // Поиск. 2011. 28 октября. № 43. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.poisknews.ru/theme/science-politic/2308/?print>.

⁴⁵ *Halpin T.* Russia Stakes its Claim on North Pole in Underwater Search for Oil [Electronic resource] // The Times [Official website]. July 28, 2007. URL: <http://www.timesonline.co.uk/tol/news/world/europe/article2155477.ece> (accessed: 24.05.2011).

⁴⁶ *Антрим К.* Новая судоходная Арктика: Крайний Север и геополитика в XXI веке // Россия в глобальной политике. 2010. № 5 (сентябрь—октябрь). С. 35—49.

⁴⁷ *Боргерсон С.* Таяние арктических льдов // Россия в глобальной политике. 2008. № 3 (май—июнь). С. 154—168.

⁴⁸ *Додин Д. А.* Устойчивое развитие Арктики (проблемы и перспективы). СПб.: Наука, 2005.

⁴⁹ Report on Goals and Objectives For Arctic Research. 2005 [Electronic resource] // United States Arctic Research Commission [Official website]. URL: http://www.arctic.gov/publications/usarc_2005_goals.pdf.

⁵⁰ *Тренин Д., Баев П.* Арктика: взгляд из Москвы. М.: Московский центр Карнеги, 2010.

⁵¹ *Храмчихин А.* Ледовое побоище. Станет ли Арктика театром военных действий? // Частный корреспондент [Интернет-издание]. 20.11.2008. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.chaskor.ru/article/ledovoe_roboishche_1191.

⁵² Декларация Конференции по вопросам Северного Ледовитого океана, Илулиссат, Гренландия, 27–29 мая 2008 г. // МИД РФ [Официальный сайт]. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/986B38F469167DA5C3257458004581FE.

⁵³ The Arctic Ocean and Climate Change: A Scenario for the US Navy. Special Publication No 02-1 [Electronic resource] // United States Arctic Research Commission [Official website]. URL: http://www.arctic.gov/publications/arctic_and_climate_change.pdf.

⁵⁴ National Security Presidential Directive and Homeland Security Presidential Directive. 2009. January 9. [Electronic resource] // The White House [Official website]. URL: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov>.

⁵⁵ U.S. National Security Strategy. May 2010 [Electronic resource] // The White House [Official website]. URL: <http://www.whitehouse.gov>. P. 50.

⁵⁶ Подробный анализ содержания и потенциальных последствий Мурманского договора в этом номере см.: *Криворотов А. К.* Неравный раздел пополам: к подписанию российско-норвежского спора о разграничении в Арктике // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2011. № 2. Арктика: политика, экономика, устойчивое развитие.

⁵⁷ *Smith L.* Arctic Map Sets Blueprint in March for Oil [Electronic resource] // The Times [Official website]. August 6, 2008. URL: <http://www.timesonline.co.uk/tol/news/environment/article4470697.ece>.

Часть III

**Роль «третьих ядерных
держав» в мировой
политике**

Китай в системе ядерной многополярности

В современной политической науке ядерная политика КНР остается одной из наименее изученных. Причина — отсутствие достоверной информации о ядерных силах и ядерной стратегии Китая. Официальный Пекин не предоставляет об этом никакой информации. (Исключение составляют только «Белые книги по вопросам обороны», фиксирующие обязательства КНР не применять ЯО первой¹.) Знания о китайском ядерном потенциале основаны на оценках западных исследователей. Знания о китайской ядерной стратегии — на сомнительных утечках информации 1980-х годов² и реконструкциях американских экспертов, которые чаще всего некритически проецируют на ядерную политику КНР «теорию эскалации» Германа Кана³. Ситуация напоминает изучение советской ядерной стратегии в годы «холодной войны», когда из-за недостатка информации западные исследователи предпочитали анализировать ядерную стратегию СССР на основе реконструкций американского политолога Майкла Макгвайра.

Но за минувшее два десятилетия «китайский фактор» стал больше учитываться российскими и американскими экспертами, чем это было в 1990-х годах. По количеству ядерных боезарядов и средств их доставки КНР, конечно, не сравнилась с Россией или США. Однако в Москве и Вашингтоне размышляют над тем, как изменится система взаимного ядерного сдерживания в случае быстрого наращивания китайского ядерного потенциала. На переговорах по разоружению обе стороны учитывают возможную позицию КНР. Непроясненным остается вопрос о том, на какие меры пойдет Пекин в случаях наращивания потенциала американской системы ПРО и увеличения ядерного потенциала Индии. Система взаимного ядерного сдерживания пока остается в рамках российско-американских отношений. И все же растущий учет интересов КНР постепенно приближает ее к состоянию «ядерной многополярности».

13.1. Развитие ядерного потенциала КНР

КНР официально провозгласила себя ядерной державой 16 октября 1964 г., когда провела испытание ЯВУ мощностью 20 мт. В тот же день

руководство КНР сделало специальное заявление об отказе от применения ЯО первой против кого бы то ни было. С тех пор ситуация не изменилась. Заявление 1964 г. КНР подтвердила в ходе Нью-Йоркской конференции по бессрочному продлению ДНЯО весной 1995 г. «Белая книга по вопросам обороны» 2010 г. закрепила это обязательство Пекина⁴.

Некоторые подвижки в понимании ядерной стратегии КНР произошли в середине 2000-х годов. МИД КНР заявил 27 апреля 2004 г. о том, что Пекин располагает наименьшим ядерным арсеналом среди ядерных держав⁵. «Белая книга по обороне» 2006 г. отмечала, что китайские ядерные силы нацелены на то, чтобы предотвратить угрозу использовать ЯО против Китая. В документе отмечалось, что китайские ВМС нацелены на укрепление «потенциала по проведению интегрированных морских операций и нанесению ядерного контрудара». Эти тезисы послужили основой для появления многочисленных публикаций об изменении ядерной политики Пекина.

На первом этапе (до середины 1970-х годов) Пекин создавал основу своих ядерных сил. В 1968 г. начал серийное производство атомных, а в 1974-м — термоядерных боезарядов. По разным оценкам, к 1980 г. китайская промышленность изготовила 875 ядерных боезарядов различной мощности. Носителями ЯО в то время, судя по испытаниям, считались полученные от СССР самолеты Ту-4 и Ту-16. 27 октября 1966 г. состоялось первое испытание ракеты, способной нести термоядерный боезаряд. В том же 1966 г. на вооружение НОАК поступили БРСД «Дунфэн-1» и «Дунфэн-2», сконструированные на основе советских БРСД Р-2, Р-5 и Р-12. Логическим завершением этого периода стало создание китайских ракетных баз на границах с СССР и МНР.

Второй этап развития китайского ядерного потенциала охватывал период с середины 1970-х до конца 1980-х годов. На этом этапе Пекин приступил к созданию ограниченных сил сдерживания, включая основы стратегической триады. В 1974 г. в стране была создана единая система оперативного управления ракетными системами, которая в организационном плане оформилась в виде создания нового самостоятельного вида вооруженных сил КНР — «Второй артиллерии» стратегических ракетных войск. Это позволило Пекину создать основы стратегической триады. Слабым местом китайской ракетной группировки была ее высокая концентрация: до 50% ПУ было сосредоточено на двух базах. Это делало ракетный потенциал КНР уязвимым перед возможным разоружающим ударом со стороны СССР или США.

Прежде всего Пекин начал создание наземного компонента СЯС как наиболее дешевого средства доставки ЯО. На вооружение НОАК

стали поступать первые МБР «Дунфэн-4». С 1980 г. начались испытания более совершенной МБР — «Дунфэн-5». Средние темпы развертывания ракетных комплексов составляли 10–12 пусковых установок в год. С началом развертывания комплексов «Дунфэн-5» КНР получила возможность доставлять ЯО на межконтинентальную дальность: поражать большинство объектов на территории СССР и Индии, а также выборочные цели на территории Соединенных Штатов.

Параллельно были усовершенствованы авиационные носители ЯО. Их основой стали переоборудованные советские бомбардировщики типа Ту-16 («Хун-6») и Ил-28 («Хун-5»). Под решение ядерных задач стал использоваться и советский штурмовик МиГ-19 («Цзян-5»). Большинство из них было получено по советской лицензии, действовавшей в рамках советско-китайского союзного договора 1950 г. До конца XX в. основной ударной силой ВВС КНР оставались около 120 бомбардировщиков «Хун-6».

Менее удачно проходило создание морского компонента китайских СЯС. Основой программы их создания стали полученные от СССР в конце 1950-х годов материалы по дизельэлектрическим подводным лодкам проекта 629 и жидкостным ракетам П-11 ФМ. К середине 1980-х годов КНР удалось добиться успехов: была спущена на воду первая АПЛ типа «Ся» с 12 пусковыми установками БРПЛ. В сентябре 1986 г. состоялось успешное испытание БРПЛ типа «Цзюлан» из подводного положения. Однако до конца XX в. НОАК испытывала трудности при запуске БРПЛ из подводного положения.

Наибольших успехов КНР достигла в области создания ракет средней дальности. В 1975 г. НОАК приняла программу создания тактических и оперативно-тактических ракет для сухопутных войск. Основные усилия были сосредоточены на создании БРСД «Дунфэн-61» с дальностью полета 600–1000 км. С 1980 г. приоритетной стала разработка мобильных твердотопливных ракет. В 1990 г. были успешно завершены летно-конструкторские испытания оперативно-тактических ракет «Дунфэн-11» и «Дунфэн-15».

Третий этап в развитии китайских ядерных сил, начавшийся с рубежа 1980-х и 1990-х годов, оценивается экспертами по-разному. Известный российский специалист А. А. Кокошин полагает, что в этот период Пекин упустил шанс запустить программы модернизации СЯС⁶. (В случае их реализации КНР сумела бы выстроить в 2000-х годах диалог с США с иных, более сильных позиций.) Среди американских исследователей популярна точка зрения, что после 1990 г. Пекин ускорил развитие своих ядерных сил⁷. КНР и в самом деле уделала повышенное

внимание развитию ядерных сил тактического и оперативно-тактического назначения, однако по количеству и качеству стратегических ядерных сил КНР отставала не только от России и США, но даже от Великобритании и Франции.

Приоритетом для КНР оставался наземный компонент СЯС. В 1995 г. прошли испытания мобильной твердотопливной МБР «Дунфэн-31» с дальностью полета 8000 км и предположительно оснащенной системами преодоления ПРО. Их развертывание началось в 2007 г. По данным министерства обороны США, оно осуществляется в мобильном варианте — на шасси МАЗ-547В, идентичном советским РСД-10 «Пионер». Сохранились и жидкотопливные МБР шахтного базирования «Дунфэн-4» и «Дунфэн-5А». В середине 1990-х годов началась также разработка более совершенной твердотопливной МБР «Дунфэн-41», но реализация этого проекта отложена на неопределенный срок.

В области морской компоненты Пекин не добился крупных успехов: подводная лодка «Ся» с 12 ПУ остается единственным достоверно известным носителем морского базирования. В СМИ встречаются сообщения о том, что КНР намерена построить 4–6 подводных лодок с 16 ПУ для БРПЛ, возможно, с РГЧ ИН. В американской литературе мелькают сообщения о том, что КНР разрабатывает военную морскую стратегию «передовых океанских рубежей обороны» («океанской китайской стены»). Однако в основе этих построений лежат работы китайского исследователя Шэн Дилиня (см. гл. 1).

В области авиационной компоненты СЯС КНР также не достигла серьезных прорывов. Ее основу составляют бомбардировщики типа «Хун-6». Есть предположения, что Пекин начнет производство неядерных крылатых ракет воздушного базирования класса Х-65СЕ или Х-15 с дальностью полета до 600 км. Точность их наведения повысится в случае развертывания китайской системы навигации и связи «Бэйдоу». Однако пока подобные проекты остаются в стадии дискуссий. В целом, по данным экспертов СИПРИ⁸, к 2008 г. китайские СЯС включали в себя:

Предположительный состав китайских СЯС к началу 2008 г.*

Стратегические вооружения	Количество развернутых единиц	Начало развертывания	Мощность боезарядов	Количество боезарядов
МБР				
«Дунфэн-3А»	17	1971 г.	1–3,3 мт	17
«Дунфэн-4»	17	1980 г.	1–3,3 мт	17

Окончание

Стратегические вооружения	Количество развернутых единиц	Начало развертывания	Мощность боезарядов	Количество боезарядов
«Дунфэн-5А»	20	1981 г.	1–5 мт	20
«Дунфэн-31»	10	2007 г.	н/д	10
«Дунфэн-31А»	10	после 2010 г.	н/д	10
БРПЛ				
«Цзюлан-1»	12	1986 г.	200–300 кт	20
«Цзюлан-2»	(24 условно)	2010 г. (условно)	н/д	(24)
ТБ				
«Хун-6»	20	1965 г.	н/д	20
Всего				114

Примечание: * — выбранная дата (2008 г.) не случайна. Эксперты СИПРИ опирались на доклад министерства обороны США 2007 г. Последующие расчеты китайских СЯС 2009–2011 гг. проводились СИПРИ на основе неправительственных источников и носят сугубо гипотетический характер.

Больших успехов КНР добилась в области укрепления нестратегического ядерного потенциала. Основу ее потенциала по-прежнему составляют баллистические ракеты оперативно-тактического назначения «Дунфэн-15» и «Дунфэн-11». Парк китайских РСД состоит приблизительно из 55 ракет «Дунфэн-21» с дальностью полета до 2100 км. По данным СИПРИ, с 2007 г. КНР начала постановку на боевое дежурство крылатых ракет ДН-100 с дальностью полета до 2000 км. Официальный Пекин не подтвердил и не опроверг это сообщение. В 1999 г. министерство обороны КНР также сообщило об овладении секретом производства нейтронных боезарядов. Вопрос, будут ли такие боезаряды поставлены на боевое дежурство, остается до настоящего времени открытым.

В середине 2000-х годов среди экспертов начались дискуссии о начале *четвертого этапа* развития китайского ядерного потенциала. «Наиболее вероятной линией поведения руководства КНР на ближайшие несколько лет будет демонстрация технических возможностей преодоления перспективных систем ПРО США и повышения боевой устойчивости группировки СЯС (в том числе перехода ее от “монады” в виде МБР к “диаде” — МБР плюс БРПЛ)», — отмечал, например, в 2003 г. А. А. Кокошин⁹. Аналогично А. Г. Арбатов и В. З. Дворкин

прогнозировали в 2005 г., что в следующие 10–15 лет ядерный арсенал КНР будет совершенствоваться по трем направлениям:

- создание твердотопливных ракет наземно-грунтового базирования с дальностью полета 8–12 тыс. км;
- строительство АПЛ нового поколения;
- оснащение атомных ракетносцев 16 ПУ БРПЛ с дальностью полета до 8 тыс. км¹⁰.

В докладе министерства обороны США (май 2007 г.)¹¹ отмечалось, что китайские МБР «Дунфэн-31» стали источником потенциальной угрозы для Соединенных Штатов. Пентагон также полагал, что в 2010–2012 гг. КНР начнет развертывание БРПЛ класса «Цзюлан-2». Предполагалось, что к 2012 г. у КНР будет 5–8 АПЛ нового типа. Еще дальше пошла Федерация американских ученых, утверждавшая в 2007 г., что КНР уже располагает двумя подводными лодками типа «Ся» с 12 БРПЛ каждая. Однако с высоты 2013 г. можно констатировать, что подобные прогнозы не оправдались. Пекин так и не приступил во второй половине нулевых годов к масштабной модернизации своих СЯС.

В основе этой стагнации лежат, по видимому, четыре комплекса причин. Во-первых, КНР пока не выдвинула оригинальных исследовательских проектов в области ракетостроения. На протяжении последних 50 лет Пекин с разной степенью успешности повторял опыт ракетостроительных программ СССР 1950-х и 1960-х годов. Прошлые советские успехи поставили вопрос о продолжении ракетной программы. Оригинальных разработок КНР, в отличие от СССР 1970-х годов, не имеет.

Во-вторых, в Китае (как и всех странах АТР) ощущается нехватка фундаментальных наук. Ни одна из зарубежных стран АТР не обладает полным спектром исследований в области естественных и точных наук. В странах АТР не ведутся теоретические разработки по данным проблемам. Отсутствуют национальные научные школы в области фундаментальных наук. Государства АТР вынуждены импортировать российско-космические технологии, что ставит их в зависимость от других держав.

В-третьих, КНР с конца 1980-х годов ориентируется на систему «ракетного импорта», а не на создание национальных ракетостроительных комплексов. КНР развивает отдельные сегменты ракетостроительной и космической промышленности. Однако основные технологические решения достигаются за счет импорта из России. Отсюда высокая уязвимость китайской ядерной программы перед возможным сокращением импорта российских ракетно-космических технологий.

В-четвертых, коррективы вносит финансовая депрессия 2007–2012 гг. Она непосредственно не повлияла на планы развития ракетостроительных отраслей стран АТР. (После 2010 г. во всех странах региона растут расходы на космическую сферу.) Под влиянием кризиса страны АТР (включая КНР) вынуждены сокращать расходы на реализацию долгосрочных проектов, которые не приносят результатов в краткосрочной перспективе. Такой подход не позволяет создать национальную ракетно-космическую промышленность и ослабить зависимость от импорта российских технологий.

Под воздействием этих тенденций ядерный потенциал КНР пока не вышел на качественно новый уровень развития¹². Он по-прежнему остается технически немногочисленным и высокоуязвимым для контрсилового удара со стороны российских или американских СЯС. В такой ситуации в Пекине делают, по-видимому, ставку на первый, а не ответный или ответно-встречный ядерный удар.

Политика «ядерной непрозрачности» помогает Пекину сдерживать другие ядерные державы (прежде всего США) «фактором неуверенности». Оппонент не знает, насколько эффективным может оказаться гипотетический разоружающий удар по КНР, и воздерживается наносить его из-за страха перед возмездием. Ситуация может измениться, если КНР достигнет реальных успехов в укреплении морской компоненты своих СЯС.

13.2. Россия и КНР: модель стратегического партнерства

Ключевым направлением политики КНР стало выстраивание системы стратегического партнерства с Россией. С призывом к нормализации отношений с КНР выступил еще в 1982 г. генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев. В мае 1989 г. в ходе визита генсека ЦК КПСС Михаила Горбачева (1985–1991) были подписаны документы о нормализации двусторонних отношений между СССР и КНР, а также КПСС и КПК. Российская сторона стремилась к более тесному взаимодействию с КНР. Быстрый рост экономики КНР порождает надежды на привлечение китайских инвестиций для освоения Дальнего Востока. Российское руководство рассматривало сближение с КНР как контрбаланс американской политике расширения НАТО на восток. В Пекине сближение с Россией стало восприниматься как шаг для ограничения влияния Вашингтона.

В декабре 1992 г. во время визита президента России Б. Н. Ельцина в Пекин лидеры двух стран провозгласили намерение перейти к равноправному и доверительному партнерству. В 1994 г. было принято

решение о развитии «конструктивного партнерства». «Совместная китайско-российская декларация» 1996 г. провозгласила строительство отношений на базе равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI в. В 1999 г. целью двусторонних отношений было объявлено стратегическое партнерство.

Но Россия и КНР стремились вывести процесс двустороннего сближения на глобальный уровень. 23 апреля 1997 г. председатель КНР Цзян Цзэминь (1993–2003) и президент России Борис Ельцин (1991–1999) подписали Китайско-российскую совместную декларацию о многополярном мире и формировании нового международного порядка. Документ содержал в себе критику политики «гегемонизма», т.е. расширения НАТО и «гуманитарных интервенций» на Балканах. Декларация провозглашала содействие усилению плюрализма в международных отношениях. Американские эксперты заговорили об опасности формирования российско-китайского партнерства на антиамериканской основе.

Одной из причин для опасений США было использование в Московской декларации 1997 г. термина «многополярный мир». В России автором этого термина считается министр иностранных дел Евгений Примаков (1996–1998). Но еще в 1958 г. понятие «многополярный мир» использовал председатель ЦК КПК Мао Цзэдун. Концепция многополярного мира трактовалась в администрации У. Клинтона как принятие Россией китайских подходов к международным отношениям.

Окончательно система стратегического партнерства России и КНР была сформирована подписанным 16 июля 2001 г. Договором о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве («большим договором»). Документ включал в себя три группы статей.

Первая — политические основы сотрудничества. Россия и КНР отказывались от использования силы и взаимного нацеливания стратегических ядерных сил. Стороны заявляли о приверженности принципам мирного сосуществования и взаимного уважения права друг друга на выбор собственного пути развития.

Вторая — обязательства, близкие союзническим. Москва и Пекин обязывались проводить регулярные консультации по вопросам обеспечения мира и безопасности. Россия и КНР отказывались от вступления в союзы и блоки, наносящие ущерб интересам друг друга. Стороны подчеркивали намерение соблюдать нормы международного права, противодействовать силовому давлению и вмешательству в дела суверенных государств.

Третья — консультации по формированию общей политической позиции. Россия и КНР обязывались сотрудничать по вопросам защиты стратегической стабильности. Другими сферами сотрудничества были названы взаимодействие в области борьбы с терроризмом и поддержка друг друга по вопросам сохранения государственного единства.

«Большой договор» 2001 г. не предполагал создания военно-политического союза. Но на фоне операций НАТО в Югославии (1999) и Македонии (2001) ряд его положений звучал как совместная российско-китайская критика политики США.

В 2000-х годах российско-китайское партнерство развивалось по четырем направлениям:

- демаркация государственной границы по фарватеру рек Амур—Туманная с передачей КНР ряда спорных островов в акватории этих рек;
- создание механизма обеспечения безопасности в Центральной Азии посредством учреждения Шанхайской организации сотрудничества (ШОС);
- формирование системы сотрудничества в области изучения космического пространства;
- содействие появлению международного форума БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) как системы политических консультаций.

Наличие ШОС позволяло Москве и Пекину избежать излишне антиамериканского крена в своем стратегическом партнерстве. Без ШОС российско-китайское партнерство выглядело бы как открыто антиамериканский альянс. Создание ШОС позволяло сместить акцент на поддержание стабильности в Центральной Азии. Борясь с «трансграничным терроризмом» в Афганистане и Пакистане, США лояльнее относились к российско-китайскому «большому договору». Акцент на «региональной безопасности» помог России удержать в орбите партнерских отношений постоянно балансирующий Узбекистан.

Постепенно у российско-китайских отношений появилось энергетическое измерение. На базе двусторонних соглашений от 17 июля 2001 г. Россия к концу 2010 г. завершила строительство нефтепровода «Восточная Сибирь—Тихий океан» (ВСТО). Следующим проектом должно стать строительство газопровода «Якутия—Хабаровск—Владивосток». 21 апреля 2009 г. было подписано двустороннее соглашение о сотрудничестве в нефтяной сфере. 24 июня 2009 г. последовал Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в угольной сфере и природного газа.

Трудности для энергетического партнерства создает неурегулированность вопроса о ценах на российский газ. Еще в 2004 г. «Газпром» подписал Соглашение о стратегическом сотрудничестве с Китайской национальной нефтегазовой корпорацией (*CNPC*). В ходе визита президента России Дмитрия Медведева (2008–2012) в Пекин 26–28 сентября 2010 г. «Газпром» и *CNPC* подписали «Расширенные основные условия поставок природного газа из России в КНР». 27 сентября 2011 г. стороны согласовали формулу цены на российский газ. Однако у сторон сохраняются разногласия относительно отправной точки применения этой формулы.

К концу 2000-х в российско-китайских отношениях усилились трения. В 2009 г. была разработана Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР до 2018 г. В российских СМИ появлялись сообщения о росте китайской эмиграции и теневой деятельности китайского бизнеса на российской территории. Речь шла о попытках китайских предпринимателей договориться с местными властями о закупке сырья (включая древесину) по заниженным ценам.

Российские эксперты настороженно восприняли попытки администрации Барака Обамы начать диалог с Китаем о формировании системы «Группы двух». В Москве помнят опыт середины 1950-х годов, когда СССР и США совместными усилиями понизили статус двух других «держав-победительниц» (Великобритании и Франции) до уровня региональных государств. В российской элите есть опасения, что подобной стратегии в отношении России будет придерживаться и американо-китайский тандем.

У китайской стороны также возник ряд претензий к России. Признание независимости Абхазии и Южной Осетии в Китае восприняли как отход Москвы от принципов незыблемости территориальной целостности и суверенитета. Настороженное отношение КНР вызвало сотрудничество России со странами АСЕАН в военно-космической сфере. Не меньшее беспокойство в Пекине вызывали проекты администрации Барака Обамы по втягиванию российского Дальнего Востока в различные интеграционные проекты. У руководства КНР были подозрения, что в рамках политики «сдерживания Китая» Белый дом попытается использовать российский фактор.

До осени 2011 г. эксперты прорабатывали два сценария развития российско-китайских отношений. Первый — определение пределов двусторонних консультаций по тихоокеанским проблемам. Второй — размывание консультативных механизмов и кризис «большого дого-

вора» 2001 г. Ситуация изменилась после визита В. Путина в Пекин 10–12 октября 2011 г. Стороны договорились расширять систему стратегического партнерства и урегулировать энергетические противоречия в отношении цен на газ. Россия и КНР заморозили назревавшие двусторонние противоречия и подтвердили намерение совместно ограничивать американскую стратегию лидерства.

13.3. «Тайваньский фактор» в американо-китайском взаимодействии

Российско-китайское сближение привело к появлению в США концепции «сдерживания Китая». Система американского присутствия в АТР была создана в 1950-х годах. В то время был подписан комплекс союзных договоров США с Австралией, Новой Зеландией, Филиппинами и Южной Кореей. Позднее к ним добавились Американо-японский договор безопасности (1960) и Закон об отношениях США с Тайванем (1979). Эти соглашения были призваны гарантировать мирный характер политики Японии; обеспечить присутствие Америки в АТР и сдерживать военную мощь СССР и КНР.

После 1989 г. на первое место стала выходить концепция «сдерживания КНР» (*containment of China*). Администрация У. Клинтона выстраивала ее по образцу стратегии «сдерживания коммунизма» 1940-х годов. Речь шла о необходимости пресечь расширение влияния КНР и не допустить усиления китайского влияния в Азии, не доводя при этом конфликт до реального военного столкновения. «Стратегия национальной безопасности США» 1996 г. и «Национальная стратегия для нового века» определили три политические задачи концепции «сдерживания Китая»:

- противодействие попыткам КНР пересмотреть сложившийся порядок в Восточной Азии;
- предотвращение создания региональных организаций с ведущей ролью КНР;
- недопустимость внесения Китаем раскола между США и их союзниками в АТР.

В «Национальной военной стратегии США» 1995 г. суть стратегии «сдерживания Китая» была определена как: 1) сохранение американских гарантий безопасности союзникам в АТР (включая Тайвань) и 2) проведение силовых демонстраций вблизи китайской территории. Особо подчеркивалась необходимость сохранения системы двусторонних союзов США с Японией, Южной Кореей, Австралией, Таиландом,

Филиппинами, а также нормализация отношений с Вьетнамом. (Реализацией последнего пункта стал состоявшийся 11 июля 1995 г. визит президента У. Клинтона в Ханой.)

Полигоном для апробации стратегии был выбран Тайвань. Еще в 1979 г. конгресс США принял закон об основах отношений с Тайванем. Его основными положениями были непризнание Тайваня как суверенного государства и выстраивание отношений в рамках системы неофициального представительства — через Институт изучения Тайваня. Но одновременно Вашингтон нес военные обязательства по защите Тайваня. Это позволяло Соединенным Штатам проводить силовые демонстрации вблизи от границ КНР и одновременно склонять Пекин к переговорам на выгодных для США условиях.

Ситуация вокруг Тайваня обострилась в начале 1990-х годов. В 1990 г. руководство КНР провозгласило новую тайваньскую политику. Она предполагала непризнание Тайваня в качестве суверенного государства, предотвращение провозглашения независимости Тайбэем и одновременно мирную интеграцию с Тайванем по принципу «одна страна — две системы». Тайваньская сторона отвергла, однако, эти предложения. В 1993 г. Тайвань подал заявку на вступление в ООН в качестве независимого государства. В 1994 г. были внесены поправки к конституции Тайваня: выборы президента стали проводиться на основе всеобщего голосования. 22 мая 1995 г. состоялся частный визит президента Тайваня Ли Дэнхуая в США. Палата представителей конгресса провела при этом специальное голосование по вопросу о предоставлении визы Ли Дэнхуаю. В Пекине это событие восприняли как репетицию голосования о признании независимости Тайваня.

Дополнительным источником напряженности стала проблема ПРО. В начале 1990-х годов консорциум ведущих американских предприятий во главе с «Локхид Мартин» (*Lockheed Martin*) разработал проект *THAAD* (*Theater High-Altitude Area Defense*). Система *THAAD* должна состоять из радара, пускового контрольного пункта, пусковой установки и противоракет¹³. Формально он считался нестратегической ПРО, хотя в реальности мог поражать цели в космическом пространстве — до 150 км над уровнем моря. Поскольку США не признают установленную Международной федерацией аэронавтики границу космоса и атмосферы (100 км), в литературе *THAAD* стали называть «системой заатмосферного перехвата». В июле 1994 г. система *THAAD* прошла статические испытания (*static test fire*). 9 ноября 1994 г. американская корпорация «Локхид Мартин» и японский концерн «Мицубиси» подписали соглашение о сотрудничестве в области развертывания систем

THAAD. В декабре 1994 г. начались аналогичные консультации США с Тайванем. В Пекине опасались, что США развертывают *THAAD* вблизи от разгонного участка полета китайских МБР.

Началом тайваньского ракетного кризиса стало заявление МИД КНР от 12 февраля 1995 г. о том, что развертывание системы *THAAD* угрожает интересам Китая. Администрация У. Клинтона, однако, проигнорировала это заявление. 21 апреля 1995 г. Пентагон приступил к испытанию системы *THAAD* на Тихом океане. В ответ Пекин пошел на силовую демонстрацию. В июле—августе 1995 г. НОАК провела масштабные учения в Южно-Китайском море. Вашингтон и Тайбэй пошли на эскалацию конфликта. В декабре 1995 г. американская военная эскадра прошла через Тайваньский пролив.

Ситуация обострилась в марте 1996 г. В период проведения очередных президентских выборов на Тайване в зоне Тайваньского пролива возник кризис. Вооруженные силы КНР провели крупномасштабную военную демонстрацию (маневры с участием 150 тыс. человек) в непосредственной близости от острова, устроив учебные пуски боевых ракет в зоне Тайваньского пролива.

Целью китайской акции было оказать давление на тайваньские власти и тайваньских избирателей и помешать сторонникам независимости Тайваня добиться успеха на выборах. Параллельно Пекин стремился принудить Соединенные Штаты к диалогу по проблеме развертывания систем *THAAD* в АТР.

Вашингтон выступил с осуждением действий Китая. США отправили авианосное соединение в зону Тайваня в качестве ответной силовой демонстрации для удержания КНР от опасных действий. Китайские власти по дипломатическим каналам передали США просьбу не вводить боевые корабли непосредственно в Тайваньский пролив. Американская администрация заявила, что она не принимает на себя никаких обязательств, способных ограничить ее действия в поддержку Тайваня. Однако американские корабли не были введены в пролив и оставались в непосредственной близости от него. Стороны достигли компромисса: КНР обязалась не применять силу против Тайваня, а США заморозили развертывание системы *THAAD* на Тихом океане.

В ходе тайваньского ракетного кризиса 1996 г. американские эксперты предприняли попытку смоделировать ядерную стратегию КНР. Эксперт Гарвардского университета Аластер Джонстон предположила, что Пекин придерживается стратегии «ограниченного сдерживания» (*limited deterrence*)¹⁴. Согласно этой реконструкции Китай не имеет воз-

возможности уничтожить стратегический потенциал США. Китайские ядерные силы, напротив, уязвимы перед возможным американским контрсилловым ударом. В этой связи Пекин, по-видимому, будет придерживаться политики сдерживания Соединенных Штатов посредством угрозы нанесения ядерных ударов по американским союзникам в АТР, американским базам и американскому флоту. КНР будет использовать угрозы для доказательства ненадежности американских гарантий безопасности тихоокеанским союзникам Вашингтона. Наилучшей стратегией для реализации этих задач станет создание Пекином военно-политических кризисов вокруг союзников США (прежде всего — Тайваня) для принуждения американской стороны к локальным отступлениям. Такая концепция основана на прямых аналогиях с американской стратегией «гибкого реагирования» 1960-х годов. Китай между тем имеет уникальную стратегическую культуру, основанную на работах Шан Яна (V в. до н. э.) и Сунь-цзы (IV в. до н. э.).

На протяжении первых пяти лет после ракетного кризиса 1996 г. китайско-тайваньские отношения оставались стабильными. КНР и Тайвань продолжали диалог о перспективах объединения страны по модели «одна страна — две системы». Прорывных решений сторонам достичь не удалось. Но между Тайванем и Китаем окрепли экономические связи, а тайваньские СМИ стали чаще подчеркивать «общекитайскую идентичность». Параллельно в 1997—1999 гг. Китай мирно присоединил утерянные в XIX в. города Гонконг и Макао, сохранив присущие им либерально-рыночную экономику и систему широкого местного самоуправления. В Пекине стали рассматривать «гонконгскую схему» как оптимальный вариант для решения тайваньской проблемы.

В начале XXI в. ситуация изменилась. 17 марта 2000 г. на Тайване состоялись президентские выборы, победу на которых одержал кандидат от оппозиционной Демократической прогрессивной партии Чэнь Шуйбянь. Он представлял новое поколение тайваньских политиков, которые родились и выросли на острове после революции 1949 г. и были лишены ощущения «общности исторической судьбы» с КНР. В ходе предвыборной кампании Чэнь Шуйбянь неоднократно заявлял о возможности проведения референдума о независимости Тайваня. В ответ Китай пригрозил провести военные учения в Тайваньском проливе и даже применить силу в случае проведения такого референдума. В назревающий конфликт вновь вмешались США: администрация У. Клинтона в очередной раз дала понять, что Вашингтон останется верен своим обязательствам защищать Тайвань по условиям американо-тайваньского договора 1979 г. В итоге Пекин отказался от проведения

военных учений, а новая тайваньская администрация — от планов провести референдум о независимости.

Следующий кризис был вызван обострением американо-китайских отношений. 1 апреля 2001 г. над Южно-Китайским морем столкнулись самолет-разведчик ВМФ Соединенных Штатов EP-3 и китайский истребитель «Цзянь-8». Китайский самолет был уничтожен, а американский был принудительно посажен на военном аэродроме Линшуй (остров Хайнань). На фоне кризиса вокруг судьбы самолета EP-3 в американских СМИ появились публикации о готовности администрации Дж. Буша продать Тайваню 4 эсминца с новейшими системами наведения «Иджис» (*Aegis*), позволяющими одновременно отслеживать цели на земле, в воздухе и на воде. 24 апреля 2001 г. Дж. Буш подчеркнул, что Соединенные Штаты будут защищать Тайвань в случае попытки КНР решить тайваньскую проблему военным путем. 1 мая 2001 г. Дж. Буш заявил о намерении развернуть национальную систему ПРО, основная инфраструктура которой должна была находиться на Тихом океане. Американские аналитики заговорили о нарастающей опасности военного конфликта между Вашингтоном и Пекином в Тайваньском проливе.

Эти события вызвали напряженную реакцию КНР. В Пекине опасались, что поставка Тайваню американских систем «Иджис» нарушит соотношение сил в Тайваньском проливе. Тревогу Китая вызывал и тот факт, что одним из районов предполагаемого развертывания американских противоракет мог стать Тайвань. 27 апреля 2001 г. руководство КНР заявило о том, что поставка систем «Иджис» Тайваню может привести к непредсказуемым последствиям. Американская администрация также предпочла не обострять ситуацию. 24 мая 2001 г. Дж. Буш официально отказался от поставок Тайваню эсминцев с системами «Иджис». Вместо них в 2003 г. Тайбэй получил 4 эсминца управляемого ракетного огня класса «Кидд» (*Kidd*).

В середине 2000-х Тайбэй начал прощупывать вопрос о возможности провозглашения независимости. Этому во многом способствовало переизбрание 20 марта 2004 г. Чэнь Шуйбяня на пост президента Тайваня. На протяжении 2004–2007 гг. Тайвань ежегодно подавал заявки на вступление в ООН, которые, однако, отклонялись этой организацией. Тайбэй активизировал начатые в 1997 г. переговоры о вступлении во Всемирную организацию здравоохранения, что было воспринято в КНР как репетиция вступления Тайваня в ООН. Администрация Чэнь Шуйбяня посылала «неофициальных представителей» на форумы Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) в Пусане (2005), Ханое (2006) и Сиднее (2007). Параллельно Чэнь Шуй-

бянь неоднократно обращался к руководству АТЭС с просьбой разрешить президенту Тайваня напрямую участвовать в работе саммита.

Действия подкреплялись развитием американско-тайваньских военных контактов. 1 апреля 2004 г. Тайвань и США подписали соглашение о строительстве на острове станции радиолокационного наблюдения в интересах проектируемой американской системы ПРО. 5 июня 2005 г. Тайвань при поддержке США успешные испытания противокорабельной ракеты «Сюн Фэн» с дальностью полета до 1000 км. В 2004–2006 гг. Тайвань и Соединенные Штаты развернули на орбите группировку *COSMIC* в составе 6 метеорологических спутников, которые теоретически могли быть использованы в интересах системы ПРО. Несмотря на многочисленные протесты китайской стороны, 19 июля 2004 г. советник президента США по национальной безопасности К. Райс отметила, что Вашингтон будет и дальше продавать оружие Тайваню в целях укрепления его системы самообороны. В СМИ появились сообщения о готовности США построить 8 дизельных подводных лодок для Тайваня или поставить острову до 40 ракет *AGM-65G* класса «земля—воздух».

Китайское руководство попыталось предотвратить возможный всплеск сепаратизма на Тайване. 14 марта 2005 г. Всекитайское собрание народных представителей одобрило закон «О противодействии расколу страны». Документ подтверждал право правительства КНР применить «немирные или же другие необходимые меры для защиты своего суверенитета и территориальной целостности» в случае попытки «подрывных элементов, выступающих за “независимость Тайваня”, отделить остров от Родины». Применение силы допускалось также в случае «важных изменений, которые могут привести к отделению Тайваня, или если условия для мирного объединения будут исчерпаны». Эксперты расценили этот документ как попытку КНР усилить психологическое давление на Тайвань, склонив его руководство к переговорам о мирном воссоединении на условиях Пекина.

Такой шаг Китая вызвал негативную реакцию на Тайване. 15 марта 2005 г. правящая Демократическая прогрессивная партия осудила закон как «нарушающий свободы, достоинство и безопасность тайваньского народа». Не менее жестко отреагировали США и Япония. Еще в ходе визита в Токио госсекретаря Соединенных Штатов К. Райс 27 февраля 2005 г. стороны договорились включить Тайвань в зону общих стратегических интересов. После принятия закона К. Райс отметила, что он повысит напряженность в регионе. Япония выразила серьезную озабоченность самим фактом его принятия. Вашингтон вновь дал понять, что в случае начала конфликта США останутся верными своим военным обязательствам перед Тайванем.

Заявления США и Японии вызвали в свою очередь негативную реакцию КНР. 15 марта 2005 г. премьер-министр КНР Вэнь Цзябао призвал Вашингтон и Токио воздержаться от прямого или непрямого вмешательства в тайваньскую проблему, которая, по его словам, является «внутренним делом Китая». Всекитайское собрание народных представителей утвердило новый военный бюджет на 2005 г., в котором расходы на оборону увеличились по сравнению с 2004 г. на 12,6 %. Появились сообщения о намерении КНР осуществить техническую модернизацию своего ядерного арсенала.

После принятия закона Тайвань временно отказался от жестких заявлений. На протяжении 2005 г. лидеры оппозиционных партий Тайваня (в том числе — глава Гоминьдана Лянь Чжань) посетили с визитом Китай, где встречались с председателем КНР Ху Цзиньтао. Пекин расценил это как успех в деле решения тайваньского вопроса. Однако в 2006—2008 гг. ситуация вновь обострилась. 29 января 2006 г. Чэнь Шуйбянь сообщил о возможности выхода тайваньской стороны из Комиссии по делам воссоединения государства и Программы объединения государства. 10 июня 2007 г. Тайвань заявил о намерении провести референдум «по вопросу смены названия острова при вступлении в ООН». Идея проведения референдума вызвала недовольство и в Пекине, и в Вашингтоне. В КНР смену названия рассматривали как шаг к провозглашению независимости, а США предупреждали администрацию Чэнь Шуйбяня об опасности обострения ситуации в Тайваньском проливе. Несмотря на это, Тайбэй в 2007 г. не отказался от планов провести референдум.

22 марта 2008 г. одновременно с президентскими выборами на Тайване прошли два референдума: организованный Демократической прогрессивной партией референдум о вступлении в ООН под названием «Тайвань» и организованный Гоминьданом референдум о возвращении в ООН под любым названием. Из-за недостаточного количества голосов ни один из них не состоялся: в обоих случаях в голосовании участвовали около 35% избирателей. Однако сам факт проведения референдума усилил военно-политическую напряженность. (В частности, 18 марта 2008 г. США направили два авианосных соединения в район тайваньского конфликта.)

После избрания 22 марта 2008 г. президентом Тайваня представителя Гоминьдана Ма Инцзю конфронтационная риторика сторон несколько снизилась. Однако разрешить тайваньскую проблему сторонам не удалось. Тайвань может снова стать местом силовых демонстраций Пекина и Вашингтона.

13.4. Центральная Азия в треугольнике Россия—США—КНР

Политика сдерживания России и КНР повышает для США значимость Центральной Азии. Интерес американской элиты к Центральной Азии появился после ввода советских войск в Афганистан в 1979 г. Это событие вызвало болезненную реакцию в Вашингтоне. Администрации Джимми Картера (1977–1980) и Рональда Рейгана (1980–1988) опасались, что СССР создает плацдарм для рывка к нефтегазовым ресурсам Персидского залива. Соединенные Штаты также поддерживали афганских моджахедов для ослабления позиций Советского Союза. Американская дипломатия наладила систему партнерства с Пакистаном и КНР на антисоветской основе.

К концу 1980-х годов в американской аналитике появился термин «Центральная Азия» (*Central Asia*)¹⁵. Это понятие не тождественно советской «Средней Азии». В Советском Союзе понятие «Средняя Азия» включало в себя Узбекскую, Таджикскую, Туркменскую и Киргизскую ССР. К Центральной Азии в американском понимании помимо них относят Казахстан, западные районы КНР, Афганистан, Пакистан, иногда — зону индо-пакистанского конфликта и Монголию¹⁶. За этим читался политический подтекст: расширенно трактуя понятие «Центральная Азия», американцы не признавали претензий России на приоритетное партнерство с республиками бывшего СССР.

Перелом наступил после прихода к власти в 2001 г. республиканской администрации Джорджа Буша-младшего. Это было вызвано тремя причинами:

- создание Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и подписание российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве («большой договор»);
- усиление конфронтации США и КНР;
- проведение антитеррористической операции НАТО в Афганистане.

Новый взгляд на роль Центральной Азии был закреплен в «СНБ-2002»¹⁷. «Евразия» и Ближний Восток были объявлены в ней приоритетными регионами с точки зрения национальных интересов Соединенных Штатов. В то же время такой традиционно приоритетный регион, как Европа, был отодвинут на третью позицию. В документе утверждалось, что в Центральной Азии сосредоточены «вызовы и возможности» для Америки в новом веке. К первым относились трансна-

циональный терроризм, радикализация ислама и наркотрафик. Ко вторым — наличие больших (хотя и недоказанных) запасов углеводородов и возможность ограничения влияния КНР.

В начале нового века администрация Дж. Буша-младшего предприняла попытку активного вмешательства в центральноазиатскую политику¹⁸. 13 марта 2002 г. США и Узбекистан подписали Декларацию о стратегическом партнерстве и основах сотрудничества. 18 апреля 2002 г. министр иностранных дел Таджикистана Талбак Назаров и заместитель госсекретаря США Ричард Армитидж выступили с совместным заявлением о намерении строить «качественно новые долгосрочные отношения, опирающиеся на решение общих задач». 1 июля 2002 г. Центральная Азия была включена в зону ответственности Центрального командования вооруженных сил США.

Весной 2002 г. администрация Дж. Буша-младшего стала зондировать возможность вступления или предоставления Соединенным Штатам статуса ассоциированного члена ШОС. Предложения Белого дома поставили ШОС на грань кризиса¹⁹. Узбекистан поддерживал американские предложения. Китай выступил против подключения Вашингтона к ШОС. Россия оказалась в сложном положении: она стремилась сохранить единство организации и в то же время не желала ссориться с американцами (в условиях 2002 г. последнее означало трудности в отношениях с Узбекистаном). Только выведя за скобки вопрос об американском присутствии, страны ШОС приняли Устав организации на Санкт-Петербургском саммите 7 июня 2002 г.

Американские СМИ обсуждали более амбициозные проекты²⁰. На случай провала переговоров об участии США в ШОС американские эксперты предполагали возможность подписания «антитеррористического пакта» с участием Афганистана, Пакистана, Узбекистана, Кыргызстана, США и, возможно, Таджикистана. Другой проект предусматривал воссоздание Организации центрального договора (СЕНТО). Эта организация, созданная на базе «Багдадского пакта» 1955 г., включала в себя Турцию, Ирак, Иран, Великобританию и Пакистан. Соединенные Штаты участвовали в работе ее органов на правах наблюдателя. Теперь речь могла идти о создании «обновленного СЕНТО», формально предназначенного для борьбы с транснациональным терроризмом, с участием США, стран Центральной Азии, Афганистана и Пакистана.

Однако администрация Дж. Буша-младшего взяла курс на «ускоренную демократизацию» Центральной Азии. 14 января 2003 г. конгресс США принял резолюцию Маккейна—Либермана²¹, предусматривавшую расширение финансирования демократических организаций

в центральноазиатских государствах. Осенью 2004 г. конгресс США заморозил военное сотрудничество с Узбекистаном под предлогом «нарушений прав человека» в этой стране. В марте 2005 г. администрация Дж. Буша-младшего поддержала «революцию тюльпанов» в Кыргызстане. В мае 2005 г. Вашингтон осудил президента Узбекистана Ислама Каримова за «непропорциональное» применение силы при подавлении мятежа в Андижане. В ответ 29 июля 2005 г. МИД Узбекистана потребовал от США свернуть военное присутствие до конца 2005 г. В 2006 г. Ташкент вступит в ОДКБ.

Толчком к новой активизации американской политики в Центральной Азии стал Лиссабонский саммит НАТО 20–21 ноября 2010 г. В ходе саммита было принято решение о выводе в 2014 г. вооруженных сил Альянса из Афганистана. В результате в Афганистане должны будут остаться только вспомогательные силы НАТО для тренировки афганских сил самообороны. Перед США встал вопрос о маршруте вывода контингента Альянса. В свою очередь страны Центральной Азии проявили интерес к возрождению взаимодействия с США. 27 сентября 2010 г. было подписано Соглашение между КНР и Российской Федерацией о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Это событие вызвало настороженное отношение Узбекистана и Таджикистана, которые были обеспокоены растущим влиянием России и КНР.

Ключевую роль в американской стратегии играет Узбекистан. Еще в октябре 2009 г. в Вашингтоне возобновились прерванные в 2005 г. американо-узбекские политические консультации. 22 сентября 2011 г. конгресс США отменил действовавшие с 2004 г. ограничения на оказание военной помощи Узбекистану. 22–23 октября 2011 г. госсекретарь США Хиллари Клинтон посетила с официальным визитом Ташкент. Детали ее переговоров с президентом Узбекистана Исламом Каримовым остаются закрытыми. Но не исключено, что именно в ходе этих переговоров была достигнута договоренность о приостановлении членства Узбекистана в ОДКБ. 26 июля 2012 г. помощник госсекретаря США по делам Южной и Центральной Азии Роберт Блейк заявил о готовности США расширить партнерство с Узбекистаном по широкому кругу вопросов, включая вопросы безопасности.

Похожей схемы американская дипломатия придерживается и в отношениях с Кыргызстаном. В мае 2010 г. Вашингтон осторожно выступил против возможного ввода в эту страну миротворческих сил ОДКБ. Это привело к стремлению руководства Кыргызстана усилить контакты с США. Военная база НАТО «Манас», как уже отмечалось, получила в декабре 2011 г. статус Центра транзитных перевозок. 22 мая 2012 г.

Кыргызстан подписал с НАТО соглашение о возможности транзита натовских грузов в Афганистан наземным маршрутом через кыргызскую территорию.

Менее ясны перспективы взаимодействия Вашингтона с Таджикистаном. 12 апреля 2011 г. помощник госсекретаря США Р. Блейк и министр иностранных дел Таджикистана Хамрохон Зарифи провели переговоры о сотрудничестве по широкому комплексу вопросов, включая вопросы борьбы с транснациональным терроризмом. Эти же вопросы рассматривались в ходе состоявшегося 20–21 октября 2011 г. визита в Душанбе госсекретаря США Х. Клинтон. 4 июля 2012 г. о намерении усилить взаимодействие в поздравительной телеграмме по случаю Дня независимости США сообщил президент Таджикистана Эмомали Рахмон. Диалог продолжился в ходе прошедшего 17–18 июля 2012 г. визита в Душанбе старшего директора отдела России и Евразии при Национальном совете безопасности США Элис Уэллс.

Переосмысление роли Туркменистана в американской политологии началось после смерти С. Ниязова 21 декабря 2006 г. Весной—летом 2007 г. в Америке появилась серия публикаций о том, что новый президент Гурбангулы Бердымухамедов начнет политику осторожной либерализации туркменской политической системы. Некоторые авторы даже сравнивали ситуацию в Туркменистане с событиями в СССР в период между смертью И. Сталина (1953 г.) и XX съездом КПСС (1956 г.). Эти дискуссии не побудили администрацию Дж. Буша-младшего изменить отношение к Туркменистану, но они доказали, что такое улучшение возможно, если туркменское руководство будет считаться «более либеральным». На фоне успешного визита в Москву нового президента Туркменистана, состоявшегося 23 апреля 2007 г., российские эксперты обратили мало внимания на этот сдвиг в американской политике.

Но 1–2 декабря 2011 г. в Ашхабаде прошли переговоры помощника госсекретаря США Р. Блейка и президента Туркменистана Г. Бердымухамедова. Стороны объявили о намерении сотрудничать в вопросах обеспечения безопасности. Р. Блэйк высказался также в поддержку энергетической стратегии Туркменистана²². 12 июля 2012 г. Ашхабад посетил министр ВМС США Рэй Мабус. Таким образом, Вашингтон пытается создать механизмы двустороннего взаимодействия с Ашхабадом.

Параллельно Соединенные Штаты начали вновь, как и в 2002 г., ставить вопрос об усилении взаимодействия с ШОС. В ходе «центральноазиатского турне» в октябре 2011 г. госсекретарь США Х. Клинтон заверила, что Вашингтон готов начать переговоры с ШОС о формате

сотрудничества. При этом американская дипломатия допускает для Соединенных Штатов два возможных статуса — наблюдателя или партнера по диалогу. Если предложения США будут реализованы, формат деятельности ШОС изменится.

Во-первых, Белый дом стремится получить доступ к процессу принятия в ШОС политических решений. Статус партнера по диалогу не предполагает доступа к закрытым документам. Но партнер может ознакомиться с их содержанием, обратившись с запросом к одному из членов ШОС, например, к Кыргызстану или Узбекистану.

Во-вторых, Вашингтон поддерживает проекты увеличения числа партнеров ШОС. Американцы поддержали заявку Турции на получение статуса партнера ШОС, выступили за интеграцию в ШОС Пакистана и Индии — стран, которые активно взаимодействуют с США в военно-политической сфере. Кроме того, в запасе у Вашингтона есть японские инициативы 2003 г. о создании системы безопасности в Азии.

Политике США соответствует обозначившаяся тенденция к расширению состава ШОС. Еще в 2004–2005 гг. статус наблюдателей в организации получили Монголия, Индия, Пакистан и Иран. На Пекинском саммите 6–7 июня 2012 г. Афганистан получил статус наблюдателя, а Турция — партнера по диалогу. В случае принятия варианта «реформы через расширение» Вашингтон сможет использовать ресурсы средних стран и Индии для блокирования ведущей роли Москвы и Пекина в ШОС.

Активизация политики США на центральноазиатском направлении привела к серьезным последствиям для России. Наиболее болезненными событиями стали выход Узбекистана из ОДКБ и возобновление американо-узбекского диалога в военной сфере. 4 июня 2012 г. президент Владимир Путин прибыл в Ташкент с официальным визитом. По его итогам были подписаны Декларация об углублении российско-узбекского стратегического партнерства и Меморандум о взаимопонимании между двумя странами о дальнейших совместных мерах по присоединению Республики Узбекистан к Договору о зоне свободной торговли в рамках СНГ. Выход Ташкента из ОДКБ через три недели после подписания этих документов выглядел как неудача российской дипломатии.

В неменьшей степени ситуация тревожна и для КНР. Действия США могут изменить характер ШОС. Американцы не против сотрудничества с ШОС по отдельным проблемам. Но в Белом доме хотели бы видеть другую ШОС, где американцы будут влиять на выработку решений. В этом смысле действия США направлены скорее на ослабление, чем на усиление позиций КНР.

В годы «холодной войны» АТР был периферийным регионом советско-американского противостояния. В Азии не было столь ярко выраженного блокового противостояния, как в Европе. Союзнические договоры (кроме американо-японского договора безопасности 1960 г.) не имели жестких военных обязательств. Региональные державы проводили более самостоятельную политику, чем европейские страны НАТО и ОВД. Малые и средние государства АТР создали в 1967 г. Ассоциацию стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Ее целью была выработка общей политической линии с целью не допустить втягивания ее членов в военные конфликты ради интересов сверхдержав.

Возвышение КНР изменило ситуацию. Азиатское направление играет все большую роль в ядерной стратегии России и США. Последствием этого может стать количественный рост ядерного арсенала КНР и даже кризис режима нераспространения ЯО в Восточной Азии. Это потребует пересмотра всей системы российско-американского стратегического диалога. Стороны фактически будут вынуждены учитывать не только наращивание китайских ядерных сил, но также наличие опасных конфликтов в китайско-американских отношениях.

Примечания

¹ Белая книга по мирному развитию КНР. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.china.org.cn/government/whitepaper/2011-09/06/content_23362449.htm.

² *Веселов В. А., Лусс А. В.* Ядерное сдерживание. М.: МАКС Пресс, 2005. С. 104.

³ Интересный анализ этой проблемы см. в работе: *Мамонов М. В.* Возможна ли война между Америкой и Китаем // *Международные процессы*. 2012. Май—август. Т. 10. № 2 (29). С. 135—142.

⁴ China's National Defense in 2010. Information Office of the State Council of the People's Republic of China. 2001. March 31. URL: http://www.china.org.cn/government/whitepaper/2011-03/31/content_22263885.htm. (Автор благодарит Л. С. Крашенинникову за предоставленный материал о китайских источниках.)

⁵ Chinese Ministry of Foreign Affairs. Fact sheet: China: nuclear disarmament and reduction of [sic]. Beijing. 2004. 27 April. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/eng/wjfb/zjzb/jks/cjfk/2622.t93539.html>.

⁶ *Кокошин А. А.* Ядерные конфликты в XXI веке (типы, формы, возможные участники). М.: Медиа-Пресс, 2003. С. 40.

⁷ Подробнее см.: China's Nuclear Force Modernization / L. J. Goldstein, A. S. Erickson (eds) // *Naval War College Newport Papers*. No 22. Newport, Rhode Island: Naval War College, 2005. P. 65—92.

⁸ Ежегодник СИПРИ-2008. Вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: ИМЭМО РАН, 2009. С. 442.

⁹ *Кокошин А. А.* Указ. соч. С. 43.

¹⁰ Ядерное сдерживание и нераспространение... С. 50.

¹¹ US Department of Defense. Military Power of the People's Republic of China 2007. Washington: DOD. 2007. 25 May. URL: <http://www.defenselink.mil/pubs/china.html>.

¹² К подобному выводу пришел еще в 2005 г. американский аналитик Дж. Льюис: *Lewis J.* The ambiguous arsenal // *Bulletin of Atomic Scientist*. 2005. May–June. Vol. 61. No 3. P. 52–59.

¹³ См.: THAAD TMD. URL: <http://www.globalsecurity.org/space/systems/thaad.htm>.

¹⁴ *Jonston A. J.* China's New "Old Thinking". The Concept of Limited Deterrence // *International Security*. Winter 1995–1996. Vol. 20. No 3. P. 19.

¹⁵ *Anderson G.* The International Politics of Central Asia. Manchester; N.Y., 1997.

¹⁶ *After Empire: The Emerging Geopolitics of Central Asia* / Ed. by J. C. Snyder. Washington, 1995.

¹⁷ URL: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2002/>.

¹⁸ См. статью: *Фененко А. В.* Американский фактор и кризис трансевразийского пространства // *Центральная Азия и Кавказ*. 2003. № 3 (27). С. 16–26.

¹⁹ *Макдермотт Р.* Российская программа обеспечения безопасности в Центральной Азии // *Центральная Азия и Кавказ*. 2002. № 2 (20).

²⁰ URL: <http://www.inosmi.ru/untitled/20020827/156496.html>.

²¹ URL: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/BILLS-108sjres3is/pdf/BILLS-108sjres3is.pdf>.

²² Подробнее о политике США в Туркменистане см.: *Nichol J.* Turkmenistan: Recent Developments and U.S. Interests // *Congressional Research Service*. 7-5700. 2012. August 17. URL: <https://www.fas.org/sgp/crs/row/97-1055.pdf>.

Ядерный фактор в системе европейской безопасности

На протяжении всего периода «холодной войны» Европа находилась в центре противостояния СССР и США. Европейский театр военных действий рассматривался как приоритетный в советской и американской военных доктринах. В Европе находились основные союзники сверхдержав по НАТО и Варшавскому договору. В Европе была размещена большая часть советского и американского ТЯО. В Европе находились ядерные державы «второго плана», связанные с Вашингтоном союзными (Великобритания) или условно-союзными (Франция) обязательствами. Опасность ядерной войны в Европе особенно повысилась в ходе конфликта вокруг евrorакет 1977–1987 гг.

В начале XXI в. ситуация изменилась. Европа перестала быть эпицентром российско-американской ядерной конфронтации в ее традиционном варианте. Однако роль ядерного фактора в европейской политике остается высокой. Союзники США ставят вопрос о выводе американского ЯО со своей территории. Британия и Франция формируют двусторонний альянс в военно-политической сфере. Развертывание в Европе американских систем ПРО и ответные меры России (включая возможный выход из Договора РСМД 1987 г.) могут возродить в Европе ядерное противостояние Москвы и Вашингтона образца 1980-х годов. Неопределенными остаются перспективы «ядерной интеграции» в рамках Европейского союза: несмотря на громкие декларации последних двадцати лет, этот проект пока не привел к реальным результатам.

14.1. Эволюция ядерной доктрины НАТО

Хотя Вашингтонский договор был подписан 4 апреля 1949 г., общая ядерная политика НАТО возникла только в середине 1950-х годов. Ее истоки связаны с формированием американо-британских «особых отношений». Второй кабинет У. Черчилля (1951–1955) добился превращения Великобритании в ядерную державу. Но британские эксперты осознавали: у Лондона нет ресурсов для создания ядерного потенциала, сопоставимого с американским. Возможность взаимодействия

в ядерной сфере обсуждалась в ходе встреч У. Черчилля с президентами США Г. Трумэнном (январь 1952 г.) и Д. Эйзенхауэром (январь 1953 г.). В ходе Бермудской встречи 4 декабря 1953 г. лидеры США, Франции и Британии обсудили проект предоставления Вашингтоном ядерных гарантий безопасности европейским странам НАТО.

Реализация «Бермудской стратегии» началась в середине 1950-х годов. В 1954 г. Штаб Верховного главнокомандующего ОВС НАТО в Европе разработал трехлетний план реорганизации вооруженных сил стран—участниц блока. Этот план был основан на допустимости неограниченного применения ЯО в случае возникновения вооруженного конфликта. В 1955 г. США и НАТО достигли соглашения об обмене информацией по поводу американского ядерного оружия на территории Европы. Такой подход положил начало участию неядерных членов НАТО в подготовке к осуществлению ядерных операций блока¹.

В декабре 1956 г. Совет НАТО принял американскую стратегию «масшированного возмездия» за основу ядерной политики альянса. Ядерная стратегия Альянса отличалась при этом от стратегии США. В решениях Совета НАТО говорилось о необходимости создать в Европе крупные сухопутные формирования, способные сдерживать советскую военную мощь на доядерном уровне. В документах особо оговаривалось: ядерное оружие не должно применяться в небольших по масштабу, локальных конфликтах. Решение Совета НАТО предвосхищало то, что в 1960-х годах стали называть концепцией гибкого реагирования.

Следующий концептуальный сдвиг в понимании ядерной политики Альянса произошел в середине 1960-х годов. Основные направления обновленной американской политики в НАТО были изложены в секретной речи Р. Макнамары на сессии совета Сльянса в Афинах (5 мая 1962 г.). В июне того же года содержание этой речи было опубликовано в печати². Суть выступления Р. Макнамары сводилась к четырем тезисам. *Во-первых*, ядерная война провозглашалась «управляемой». *Во-вторых*, США подтверждали свою готовность при любых чрезвычайных обстоятельствах прийти на помощь западноевропейским союзникам. *В-третьих*, основной задачей вооруженных сил США в случае войны с СССР называлось разрушение потенциала ответного удара со стороны Советского Союза. *В-четвертых*, американская сторона заявляла, что не будет наносить ударов по гражданским объектам СССР — городам и убежищам для мирного населения. Это положение было вскоре развито в «стратегию контрсилы» (*counterforce-no-cities strategy*). *В-пятых*, уточнялось, что главным объектом американских ударов будут советские военные объекты, прежде всего ядерные силы СССР.

На официальном уровне стратегия гибкого реагирования была принята Североатлантическим альянсом только через пять лет. В 1964 г. все союзники по НАТО (кроме Франции) заключили соглашения по сотрудничеству, касающемуся информации в ядерной области, и были вовлечены в процесс формирования ядерной политики НАТО и планирования ядерных операций. Это была компенсация европейским союзникам по НАТО за отказ от идеи создания Многосторонних ядерных сил. Шесть неядерных членов Альянса — Бельгия, Германия, Греция, Италия, Нидерланды и Турция — заключили с США двусторонние соглашения о сотрудничестве в целях взаимной обороны (*Agreement for Cooperation for Mutual Defense Purposes*), в соответствии с которыми осуществляется обмен секретной информацией для:

- разработки оборонительных планов;
- подготовки личного состава для применения ЯО и обороны против ядерного оружия противника, а также для применения других разработок военного назначения на основе атомной энергии;
- оценки возможностей потенциального противника в использовании ЯО и других разработок на основе ядерной энергии военного назначения;
- разработки систем доставки, совместимых с ядерным оружием, которое они несут³.

Государства НАТО, разместившие ядерное оружие США на своей территории, стали обеспечивать системы доставки, безопасность в процессе транспортировки и хранение, территорию для размещения хранилищ, инфраструктуру для американского персонала, предназначенного для эксплуатации ядерного оружия. Соединенные Штаты обеспечивают персонал всем необходимым оборудованием. Союзники по НАТО участвуют в ядерном планировании, но решение об использовании ЯО, которое размещено на территории Европы, является прерогативой Вашингтона⁴.

Для реализации доктрины гибкого реагирования НАТО создала органы, ответственные за систему ядерного планирования. В 1965—1966 гг. Совет НАТО учредил Комитет по вопросам обороны (*Defence Planning Committee*) и Группу ядерного планирования (*Nuclear Planning Group — NPG*). Последняя имеет статус совещательного органа, в котором участвуют министры обороны как ядерных, так и неядерных государств Альянса. Группа рассматривает широкий круг вопросов, в том числе вопросы обеспечения безопасности, охраны и выживаемости ЯО, систем связи и информации, развертывания ядерных сил. В ее

компетенцию входят и такие вопросы, как контроль над ядерным оружием и проблемы его распространения. Работа Группы ядерного планирования осуществляется штабной группой, в которую входят представители стран-участниц. Штабная группа выполняет практическую работу по поручению постоянных представителей Группы ядерного планирования⁵.

Группа высокого уровня (ГВУ) (*Senior Officials Group*) ГЯП была создана в качестве консультативного органа при Группе ядерного планирования. Группа высокого уровня, работающая под председательством США, состоит из лиц, определяющих национальную политику, и экспертов, направляемых из столиц стран НАТО. Заседания Группы высокого уровня проводятся несколько раз в год. Основная их повестка — ядерные аспекты политики НАТО, а также вопросы обеспечения безопасности, охраны и степени выживаемости ЯО.

В декабре 1967 г. сессия Совета НАТО в Брюсселе одобрила доклад «Будущие задачи Альянса», подготовленный под руководством министра иностранных дел Бельгии Пьера Армея. Основными его целями была выработка стратегии по: 1) преодолению кризиса, вызванного выходом Франции из военной организации НАТО в 1966 г.; 2) определению общей позиции Альянса относительно инициатив ОВД по «общеевропейскому процессу». «Доклад Армея» рекомендовал продолжить усилия для укрепления оборонного потенциала стран Альянса и одновременно содействовать расширению политического диалога между Востоком и Западом. Особую роль играл тезис о важности участия США в переговорах по проблемам «европейской безопасности».

15 декабря 1967 г. сессия Совета НАТО приняла доктрину гибкого реагирования за основу военной политики Альянса. Североатлантический альянс санкционировал возможность «дозированного» применения ЯО в конфликтах различной степени интенсивности. Задачей НАТО было создание военного потенциала, способного продемонстрировать СССР невозможность достижения победы. Если политика сдерживания Советского Союза не срабатывала, Альянс должен был стремиться удержать конфликт на доядерном уровне или с помощью ограниченного применения ЯО добиться его прекращения на выгодных для себя условиях. Ключевой задачей считалось сохранение на всех стадиях конфликта «эскалационного контроля» (*escalation control*) и «эскалационного доминирования» (*escalation dominance*).

В 1970-х и 1980-х годах НАТО приняла несколько стратегически важных решений по ядерной проблеме. Наиболее известными из них были «двойное решение» относительно развертывания советских ракет средней дальности

РС-10 «Пионер» (декабрь 1979 г.) и декларация Совета НАТО о необходимости предотвращения войны и утверждении новой модели отношений между Востоком и Западом (май 1989 г.). Но эти решения при всей своей значимости не меняли основы ядерной политики НАТО.

Ситуация изменилась в конце 1980-х годов. В то время НАТО столкнулась с долгосрочными политическими процессами, которые требовали реформы ядерной доктрины Альянса. В странах континентальной Европы (прежде всего — во Франции и Италии) начались дискуссии о целесообразности сохранения НАТО и американского военного присутствия в Европе. Запущенный в 1990 г. «Парижский процесс» предполагал усиление роли СБСЕ и в перспективе построение «безблоковой Европы». Возникла потребность приспособить ядерную доктрину НАТО к новым военно-политическим тенденциям. Необходимость адаптации ядерной политики к новым условиям была зафиксирована в Лондонской декларации 6 июля 1990 г. Римский саммит НАТО принял 8 ноября 1991 г. новую Стратегическую концепцию Альянса, основанную на четырех принципах:

- сохранение НАТО для поддержания стабильности в Европе;
- укрепление принципа коллективной обороны стран—участниц Альянса;
- взаимодействие НАТО с другими странами на основе диалога и сотрудничества;
- расширение политической составляющей НАТО.

Вторая волна дискуссий о реформе ядерной стратегии Североатлантического альянса была связана с проблемой его расширения. На Московском саммите 9 мая 1995 г. президенты Б. Н. Ельцин и У. Клинтон договорились, что процесс расширения НАТО будет проходить с учетом трех принципов: постепенность расширения, учет интересов России, усиление политического компонента Альянса. Реализация московских договоренностей требовала введения ограничений на ядерную политику НАТО⁶. Но 20 сентября 1995 г. Совет НАТО опубликовал «Исследование по проблемам расширения НАТО». В документе указывалось, что принятие решений по расширению НАТО остается его собственной прерогативой, а основы ядерной стратегии НАТО являются неизменными⁷. Альянс сохранил за собой право на нанесение первого ядерного удара и по умолчанию мог размещать ЯО на территории любых своих членов. В основополагающем акте Россия—НАТО 1997 г. было только зафиксировано, что у Альянса нет стимулов для размещения ЯО на территории новых участников Вашингтонского договора при отсутствии угрозы со стороны России.

(В случае появления такой угрозы Брюссель имеет право пересмотреть свою ядерную стратегию⁸.)

Более гибкими были формулировки Мадридского коммюнике Совета НАТО, опубликованного 3 декабря 1995 г.⁹ Документ фиксировал необходимость усиления трансатлантического единства, укрепления новой роли НАТО как организации—гаранта трансатлантического единства, совместной деятельности по адаптации Альянса. При реализации Мадридского коммюнике американское ядерное присутствие в Европе могло быть объявлено основой трансатлантического единства стран НАТО. Положение о «совместной деятельности по адаптации Альянса» можно трактовать как начало трансформации ядерной доктрины НАТО. Однако после 1995 г. реальных шагов (за исключением сокращения количества американского ТЯО в Европе на 85%) в этом направлении сделано не было.

Стратегическая концепция НАТО, принятая на Вашингтонском саммите 23–24 апреля 1999 г.¹⁰, носила двойственный характер. Она повторяла постулат о том, что «главная цель остающихся ядерных сил имеет политический характер: сохранение мира и предотвращение принуждения силой».

Документ подчеркивал, что «убедительная ядерная политика, демонстрация солидарности Альянса и общее обязательство предотвратить войну продолжают требовать широкого участия европейских союзников в коллективном оборонном планировании ядерных ролей, в базировании ядерных сил на их территории в мирное время и в координации управления, контроля и консультаций». Высшие гарантии безопасности представлялись в рамках НАТО ядерными силами США; ядерные силы Британии и Франции дополняли их на региональном уровне.

Но в Стратегической концепции НАТО 1999 г. подчеркивалась необходимость расширения участия европейских членов НАТО в системе ядерного планирования. «Убедительная ядерная политика, демонстрация солидарности Альянса и общее обязательство предотвратить войну продолжают требовать широкого участия европейских союзников в коллективном оборонном планировании ядерных ролей, в базировании ядерных сил на их территории в мирное время и в координации управления, контроля и консультаций», — указывалось в документе. Такой подход напоминал «мягкий» вариант разработанной администрацией Д. Эйзенхауэра концепции «ядерного участия» (*nuclearsharing*), в рамках которой неядерные страны НАТО должны были допускаться к управлению «общим ядерным пулом». Разница с политикой

конца 1950-х годов заключалась в том, что теперь речь шла о сокращении, а не увеличении количества американского ЯО в Европе¹¹.

В декабре 2000 г. Совет НАТО опубликовал «Доклад о возможных вариантах по укреплению мер доверия и безопасности, нераспространения, контроля над вооружениями и разоружения»¹². Документ развивал основные положения Стратегической концепции НАТО 1999 г. В докладе указывалось, что размещение американского ТЯО в Европе согласуется с фундаментальным принципом Альянса об общих обязательствах, сотрудничестве и коллективной безопасности. «Тяжесть и риски обеспечения ядерного элемента системы сдерживания НАТО не должны ложиться на плечи одних только ядерных держав», — отмечали авторы. Такой подход конкретизировал решение Мадридского коммюнике 1995 г. о необходимости проведения союзниками совместных мероприятий по усилению трансатлантического единства.

Третий всплеск дискуссий о реформе ядерной стратегии НАТО пришелся на начало 2010-х годов. Возрождение этой проблемы было вызвано тремя причинами:

- вступлением в силу Лиссабонского договора ЕС (2007), согласно которому Европейский союз обретал правосубъектность, в том числе в военно-политической сфере;
- усилением попыток США начать переговоры с Россией о сокращении ТЯО;
- активизацией позиции ряда европейских стран (прежде всего Германии) в вопросе вывода американского ЯО с их территории.

Характер перемен был обозначен на Таллинском саммите НАТО 21–22 апреля 2010 г. Его решения предусматривали, что вывод американского ЯО с территории каждого члена НАТО возможен только в том случае, если его инициативу одобряют все участники Альянса. Такая новация имела двойное значение. Она предельно затрудняла возможность европейских стран НАТО отказать от американского ядерного присутствия. Одновременно эта инициатива означала косвенное признание американского ТЯО общим «ядерным пулом» НАТО, который, хотя и находится в подчинении США, нацелен на решение общих задач. «Таллинская формула» была разработана в экспертном докладе «НАТО-2020: гарантии безопасности, многостороннее вовлечение» (май 2010 г.) и Стратегической концепции НАТО, принятой на саммите альянса в Лиссабоне 20–21 ноября 2010 г.

Документы сохранили в силе базовые функции НАТО. Основы новой стратегической концепции НАТО «закljučаются, как и прежде,

в 1) сдерживании любой потенциальной агрессии и 2) обеспечении политической независимости и территориальной неприкосновенности всех членов Альянса. Отсюда — стремление усилить пятую статью Вашингтонского договора 1949 г., согласно которой нападение на одного члена Альянса равносильно нападению на всех остальных.

Борьба с «новыми угрозами» осмысливалась в категории традиционной оборонной политики. Борьбу с транснациональным терроризмом и распространением ОМП Альянс ведет уже более 10 лет. Но в документах 2010 г. говорилось, что для защиты от этих угроз страны Альянса могут вводить в действие пятую статью Вашингтонского договора. Отсюда следовало требование повысить координацию при планировании военных операций за пределами территории стран НАТО.

Изменился подход НАТО к проблеме ПРО. Приоритетом предполагалось сделать выбор в пользу более гибких систем ПРО ТВД. Но в новой стратегической концепции указывалось также, что обновленная система ПРО должна прикрыть территорию всех членов НАТО. Развертывание противоракетных комплексов становится новой формой американских гарантий безопасности союзникам в Европе.

В документах отмечена неизбежность сохранения американского ЯО в Европе. Альянс подтвердил намерение продолжать консультации с Россией о сокращении нестратегических арсеналов. Но параллельно «Лиссабонская формула» указывала на необходимость сохранения общей ядерной политики НАТО. Это по определению требует сохранения американского ТЯО в европейских странах Альянса.

В 1967 г. министр иностранных дел Бельгии Пьер Армелъ видел задачи НАТО в укреплении атлантической солидарности и поддержке «разрядки» с СССР. Документы 2010 г. прямо заявили о возвращении к идеям П. Армелъ. Афганистан, Ирак, борьба с терроризмом и распространением ОМП остаются в числе приоритетов. Но НАТО, как и в конце 1960-х годов, должна прежде всего укреплять общий потенциал отражения агрессии и содействовать стабилизации обстановки в Европе.

Для реализации этих задач НАТО предполагает сохранить систему американского ядерного присутствия в Европе (пусть и при меньших количественных потолках, чем в годы «холодной войны») как основу трансатлантического единства. Однако повышение роли неядерных государств в системе ядерного планирования НАТО может обострить дискуссию о целесообразности сохранения ядерной зависимости европейских членов Альянса от жестких ядерных гарантий Вашингтона.

14.2. Проблемы «ядерной интеграции» в ЕС

Инициатором «ядерной интеграции» в Евросоюзе традиционно выступала Франция. Еще администрация Ж. Помпиду (1969–1974) рассматривала возможность расширения партнерства в ядерной сфере со странами Европейского сообщества, участником которого с 1973 г. стала также Британия. Прообразом этой стратегии с определенными натяжками можно считать Оттавскую декларацию 1974 г., в рамках которой Париж и Лондон заявили о намерении координировать свою ядерную политику. Вторая администрация Ф. Миттерана (1988–1995) разработала более детальный проект общих франко-британских ядерных гарантий для стран ЕС, который был изложен в «Белой книге по вопросам обороны Франции» 1994 г. Такая концепция получила название «согласованного сдерживания». В ее рамках Франция должна была расширить свои ядерные гарантии безопасности для всех стран Евросоюза и сотрудничать в этом вопросе с Британией. Елисейский дворец не уточнял, означает ли такой подход замену американских ядерных гарантий. Однако теоретически распространение франко-британских ядерных гарантий на страны ЕС делало нецелесообразным сохранение американского ядерного присутствия.

В начале 1990-х годов Париж и Лондон предприняли шаги по усилению взаимодействия в ядерной сфере. В октябре 1992 г. была создана смешанная комиссия по ядерной политике и доктрине. В июле 1993 г. ей был придан статус постоянной. Комиссия состояла из высших чиновников внешнеполитических и оборонных ведомств. В мае 1995 г. министерство обороны Британии сообщило Специальному комитету палаты общин по обороне, что с Францией были проведены дискуссии по вопросам гидродинамических экспериментов, физики лазерной плазмы, компьютерного моделирования и возможного наблюдения за экспериментами другой стороны. В 1995–1997 гг. стороны подписали «письма о намерениях», предполагавшие сотрудничество между вооруженными силами двух стран, включая систему ядерного планирования.

Ядерные инициативы Парижа были, однако, заблокированы форматом военно-политической интеграции в ЕС. Берлинский саммит НАТО принял 5 июня 1996 г. решение о запуске проекта европейской идентичности в области безопасности и обороны на основе инфраструктуры Североатлантического альянса. Командование ЗЕС должно было создаваться на базе командования НАТО. «Берлинская формула» НАТО не предполагала, таким образом, развития самостоятельных инициатив в ядерной сфере. Подписанный 2 октября 1997 г. Амстердамский договор ЕС только включил ЗЕС в структуру Евросоюза.

Принятие «Берлинской формулы» НАТО заморозило и намечавшееся франко-британское взаимодействие в ядерной сфере. Лейбористский кабинет Э. Блэйра, пришедший к власти в 1997 г., придерживался концепции «Британии в центре Европы», т.е. широкого участия Лондона в европейских интеграционных проектах. Однако в ходе франко-британской встречи на высшем уровне в городе Сан-Мало (декабрь 1998 г.) не было принято решений о взаимодействии сторон в ядерной сфере. Было только решено создать к 2003 г. Европейские силы быстрого реагирования (*Rapid Reaction Force*) в составе 40 тыс. человек. Не получила «ядерного измерения» и состоявшаяся в июне 1999 г. Кельнская встреча лидеров стран ЕС, запустившая проект Общеввропейской политики в области безопасности и обороны (ОЕПБО). Ведущая роль НАТО в обеспечении европейской безопасности была подтверждена в рамках франко-германской (1996) и франко-британской (1999) деклараций по проблемам безопасности.

8 июня 2001 г. последовала программная речь президента Ж. Ширака в Институте национальной обороны Франции. В ней указывалось, что французские ядерные силы будут становиться более мобильными, более коллективными и более европейскими. Перед французской ядерной политикой ставились задачи: 1) противодействия любым региональным силам, располагающим ОМП, и 2) обеспечения способности к устрашению противников посредством угрозы нанесения неприемлемого ущерба. Жак Ширак также указал, что решение Франции по использованию ЯО «естественно примет во внимание растущую солидарность стран Европейского союза». Эти предложения были по сути призывом дополнить ОЕПБО формированием общей ядерной политики на базе французского потенциала.

Однако подписанное 16 декабря 2002 г. соглашение «Берлин плюс» между ЕС и НАТО не предполагало автономии ЕС в ядерной сфере. Соглашение предусматривало предоставление НАТО помощи Европейскому союзу по следующим направлениям:

- планирование операций в области кризисного реагирования;
- создание потенциала для кризисного реагирования;
- использование инфраструктуры НАТО на всех стадиях подобных операций.

Эти соглашения по сути заблокировали реализацию французской программы 2001 г. Но вступление в силу Лиссабонского договора 2007 г. привело к появлению у Европейского союза института правосубъектности. ОЕПБО приобрела статус военной политики полноценного внешнеполитического субъекта. 28 марта 2010 г. страны ЕС

приняли решение о роспуске ЗЕС. (Официально ЗЕС был распущен 30 июня 2011 г.) Возник определенный вакуум в сфере безопасности Евросоюза.

Еще во время визита Н. Саркози в Лондон 26 марта 2008 г. стороны договорились о расширении формата двустороннего сотрудничества. 2 ноября 2010 г. Британия и Франция подписали Декларацию о сотрудничестве в области обороны и безопасности (*Declaration on Defense and Security Cooperation*) сроком на 50 лет. Документ объявлял о переходе Парижа и Лондона к системе привилегированного военно-политического партнерства¹³. Соглашение предусматривало создание общих экспедиционных сил численностью до 10 тыс. человек, усиление взаимодействия в области военно-морской и военно-воздушной сферы, а также в вопросах кибербезопасности.

Одновременно было подписано франко-британское соглашение о сотрудничестве в области военного использования атомной энергии. Оно предусматривало совместное строительство и использование радиографического и гидродинамического центра в Вальдюке (Франция) и совместную реализацию радиографической и диагностической программы в Центре технологического развития в Олдермастоне (Великобритания). Целью этого взаимодействия было объявлено компьютерное моделирование ядерных испытаний и тестирование ядерных боезарядов. Стороны также обсуждали вопрос о совместном использовании одной или двух ПЛАРБ¹⁴.

Франко-британская декларация подчеркивает, что Альянс «остаётся основным гарантом безопасности в Европе». Документ отмечал, что НАТО будет оставаться ядерным альянсом, а французские и британские ядерные силы будут совместно осуществлять политику сдерживания и обеспечивать безопасность союзников. Однако британский ядерный арсенал с 1962 г. включен в американскую систему ядерного планирования. Усиление франко-британского взаимодействия (в том числе в морском компоненте стратегических ядерных сил) на практике означает усиление американского влияния на французскую ядерную политику¹⁵.

Ливийская война 2011 г. доказала, что Франция соотносит с США и Великобританией свою политику на Средиземном море. Такая стратегия Парижа перечеркивает проекты создания Средиземноморского союза как автономной зоны безопасности ЕС без участия США. С конца 1980-х годов в Париже и Риме обсуждалась идея создания особого «средиземноморского пространства» (*Mediterranean Area*). Барселонская конференция 1995 г. запустила процесс сотрудничества ЕС со странами Южного и Восточного Средиземноморья. В 1997 г. Велико-

британия и Португалия заблокировали французский проект создания автономного «средиземноморского командования» НАТО. Но в 2008 г. по инициативе Франции был создан Средиземноморский союз. Ливийская война, проводившаяся в формате НАТО, заблокировала эти инициативы. Она доказала, что Евросоюз без участия США пока не способен поддерживать контроль над собственной «зоной безопасности». Франция, похоже, «не потянула» роли лидера автономного от НАТО Средиземноморского союза, что объективно снижает вес Парижа в Евросоюзе.

Появились трения и в традиционном для Евросоюза франко-германском тандеме. Германия чувствует себя в стороне от франко-британского субблока. В Берлине все меньше поддерживают инициативы Франции по Средиземноморью или укреплению ЕС. Немецкая политика становится более автономной от линии Парижа. Отсюда — нарастание в Германии настроений в пользу отмены остатков ограничений немецкого суверенитета, предусмотренных Московским договором 1990 г.

За минувшие полвека ЕС был франко-германским проектом: в его основе лежало объединение экономического потенциала Германии и военно-политического потенциала Франции. Переход ведущей роли к франко-британскому тандему автоматически делает ЕС более «атлантическим», т.е. завязанным на механизм НАТО и американского присутствия в Европе. Возникает потенциал для недовольства французской политикой в континентальной Европе.

14.3. Ядерное измерение «немецкого вопроса»

Особую роль в системе европейской безопасности играет «немецкий вопрос». Еще на Потсдамской конференции 1945 г. державы-победительницы выработали единую формулу в отношении Германии: денацификация, демилитаризация, демонополизация и демократизация. Было также решено, что союзники будут придерживаться общей линии в отношении Германии. Но выработать мирный договор с Германией союзникам не удалось. На Парижской конференции 10 февраля 1947 г. были подписаны мирные договоры только с союзниками Германии — Италией, Финляндией, Венгрией, Румынией и Болгарией. В 1949 г. на базе общей оккупационной зоны западных союзников была провозглашена ФРГ, на базе советской — ГДР. США, Великобритания и Франция восстановили суверенитет ФРГ посредством Боннского договора (1952) и Парижских протоколов (1954). СССР сделал то же в отношении ГДР через серию двусторонних соглашений 1950–1958 гг.¹⁶

Обе стороны обвиняли друг друга в срыве Потсдамских договоренностей. Советское руководство утверждало, что сам факт создания ФРГ и ее принятия в НАТО девальвирует Потсдамские соглашения. На Западе утверждали, что Потсдамские соглашения были сорваны действиями СССР в первом берлинском кризисе 1948 г. и созданием ГДР. Попытка возобновить переговоры о подписании мирного договора с Германией в 1959–1961 гг. закончилась неудачей. «Немецкий вопрос» стал источником напряженности в Европе из-за комплекса проблем:

- попытки ФРГ получить доступ к управлению американским тактическим ядерным оружием (ТЯО) через проект многосторонних ядерных сил НАТО (МЯС);
- непризнание ГДР со стороны ФРГ;
- действие провозглашенной в 1956 г. доктрины Хальштейна (Бонн разрывает дипломатические отношения с любой страной, признающей ГДР, делая исключение только для Советского Союза);
- неурегулированность статуса Западного Берлина;
- непризнание ФРГ границ между ГДР и Польшей по Одеру—Нейсе.

Ситуация была частично нормализована в рамках «новой восточной политики» канцлера ФРГ Вилли Брандта (1969–1974). Именно при В. Брандте ФРГ признала границы по Одеру—Нейсе, присоединилась к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) в качестве неядерного государства, согласилась на предоставление Западному Берлину статуса «вольного города» и прекратила действие доктрины Хальштейна. В 1972 г. был подписан Договор об основах взаимоотношений двух немецких государств. ГДР и ФРГ признали друг друга и вступили в ООН как два разных государства. Однако при этом Договор 1972 г. зафиксировал статус немецкой нации как разделенной. Это создало правовую основу для обсуждения в будущем вопроса об объединении Германии.

Толчком к обсуждению вопроса об объединении Германии стал приход к власти Михаила Горбачева в марте 1985 г. В ходе визита в Париж (октябрь 1985 г.) он призвал возродить предложенную Шарлем де Голлем концепцию «общеевропейского дома» и решить на ее основе «немецкий вопрос». После заключения соглашения ГДР и ФРГ о переходе к расширенному формату отношений (1987) вопрос об объединении «двух Германий» стал переходить в практическую плоскость. Падение Берлинской стены 9 ноября 1989 г. ускорило сдвиги в решении вопроса. В ноябре 1989 г. канцлер ФРГ Гельмут Коль (1982–1998) предложил схему поэтапного объединения двух немецких государств.

Но «немецкий вопрос» не мог быть решен без участия держав-победительниц — СССР, США, Великобритании и Франции. Теоретически здесь было два варианта. Первый («2+4») предполагал, что ГДР и ФРГ сами выработают схему объединения. Второй («4+2») предусматривал, что четыре державы-победительницы выработают условия объединения ГДР и ФРГ, а немецкие государства примут их решение.

Наиболее жесткую позицию занимали Франция и Великобритания с их историческими страхами перед Германией. Президент Франции Франсуа Миттеран (1981—1995) был противником объединения ФРГ и ГДР. Премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер (1979—1992) заявила, что Лондон согласен только на конфедерацию ГДР и ФРГ. Администрация Джорджа Буша-старшего (1989—1992) склонялась к варианту «2+4». Но Вашингтон не хотел ссориться с Великобританией и Францией, тем более что администрация Ф. Миттерана продолжала процесс возвращения Парижа в военную организацию НАТО.

Ключевую роль сыграла позиция Советского Союза. Президент СССР Михаил Горбачев поддержал вариант «2+4» сначала на конференции по проблемам «открытого неба» в Оттаве (февраль 1990 г.), затем на встрече с Г. Колем в Железноводске (июль 1990 г.). Белый дом присоединился к позиции Кремля. Великобритании и Франции пришлось смягчить позицию. (Правда, на саммите глав правительств и государств—участников Европейского сообщества в Дублине в апреле 1990 г. Париж и Лондон добились от ФРГ обязательства шире участвовать в процессе европейской интеграции, особенно в финансовом отношении.)

Советский Союз пошел дальше других держав-победительниц. 9 ноября 1990 г. в Бонне был подписан Договор о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве между ФРГ и СССР. Одновременно были согласованы сроки вывода группировки Советской армии с территории бывшей ГДР до конца 1994 г. Столь прогерманская позиция Кремля была не случайной. Михаил Горбачев, судя по открытым публикациям, понимал, что после «бархатных революций» дни Варшавского договора сочтены. Поэтому одновременно с объединением Германии он пытался запустить общеевропейский процесс. Подписанная 19 ноября 1990 г. Парижская хартия для новой Европы предусматривала создание «безблоковой Европы». В конце 1980-х годов в США прошла волна публикаций о том, что посредством уступки в объединении Германии Михаил Горбачев хочет подорвать механизм американского присутствия в Европе.

Подписанный 12 сентября 1990 г. Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии (Договор «2+4», или Московский договор) отменил остатки оккупационного статуса ФРГ и права дер-

жав-победительниц на ее территории. Но он сохранил ряд ограниченный ее суверенитета.

Во-первых, были наложены ограничения на развитие бундесвера. Вооруженные силы ФРГ за четыре года должны были сократиться до 370 000 человек. Германия подтверждала зафиксированный в Парижских протоколах 1954 г. отказ от производства, владения и распоряжения оружием массового поражения (ОМП). В договоре подчеркивалось, что «с немецкой земли будет исходить только мир». Применение немецких вооруженных сил разрешалось только с согласия ООН.

Во-вторых, подтверждался запрет Германии проводить референдумы по военно-политическим вопросам. Эти обязательства, внесенные в конституцию ФРГ 1949 г., были подтверждены специальным письмом канцлера Гельмута Коля президенту СССР от 12 сентября 1990 г. и заявлением Гельмута Коля 12 сентября 1990 г.

В-третьих, Московский договор косвенно сохранил введенный Боннским договором 1952 г. механизм обязательных консультаций Германии с державами-победительницами по внешнеполитическим проблемам. Действие Боннского договора прекращалось после подписания Московского договора. Но это ограничение было наложено на ФРГ вплоть до подписания мирного договора. Московский договор юридически не имел статуса мирного договора и потому сохранил в силе это положение. В его преамбуле указано, что документ подписан, «учитывая права и ответственность четырех держав в отношении Берлина и Германии в целом, а также соответствующие соглашения и решения четырех держав военного и послевоенного времени».

В-четвертых, сохранился в силе запрет ФРГ требовать вывода иностранных войск с немецкой территории до подписания мирного договора. Это обязательство было также введено Боннским договором 1952 г. Но Московский договор не фиксировал сроков вывода из Германии войск держав-победительниц и не прописывал процедуры возможного запроса по данной проблеме со стороны Германии. (Советский Союз вывел группировку Советской армии на добровольной основе.) Ограничения вводились только на развертывание вооруженных сил стран НАТО на территории бывшей ГДР.

Условия Московского договора не удовлетворяли правительство Гельмута Коля. ФРГ стала зондировать возможность ревизии Договора «2+4».

Прецедентом стал распад Союзной Федеративной Республики Югославия (СФРЮ). С конца 1990 г. Германия втягивалась во внутриюгославский конфликт. Лидеры Словении и Хорватии дали серию ин-

тервью немецкому журналу «Шпигель» о необходимости отделения от СФРЮ. Министр иностранных дел Германии Ганс-Дитрих Геншер сделал ряд заявлений о недопустимости применения Белградом силы против Словении и Хорватии. Легализацией немецкого участия в конфликте стало подписанное 7 июля 1991 г. соглашение на острове Бриони. Европейское сообщество обязалось посредничать на переговорах Словении и Хорватии с Белградом. СФРЮ выводила войска с территории мятежных республик. Любляна и Загреб ввели трехмесячный мораторий на действие принятых в июне 1991 г. деклараций независимости от СФРЮ.

Конфликт по югославской проблеме произошел на совещании Совета министров иностранных дел стран Европейского сообщества 15–16 декабря 1991 г. Германия потребовала признания независимости Хорватии и Словении, Франция и Британия были против. В ответ Г.-Д. Геншер покинул зал заседаний и пригрозил, что Бонн может выйти из Европейского сообщества. Берлин в одностороннем порядке признал независимость Словении и Хорватии, поставив Париж и Лондон перед свершившимся фактом. Для сохранения единства Европейского сообщества в декабре 1991 г. была в экстренном порядке выработана Брюссельская декларация о критериях признания новых государств.

Действия Бонна напугали Париж и Лондон. В первой половине 1990-х годов британцы и французы больше других выступали за сохранение американского присутствия в Европе. Эти сигналы были с пониманием встречены в Белом доме. Бывший помощник президента США по национальной безопасности Brent Скоукрофт утверждал, что Вашингтон вступил в Боснийскую войну для того, чтобы объединить союзников по НАТО в рамках общей операции и прекратить сепаратные действия Германии в балканском вопросе. Стремление союзников по НАТО контролировать ФРГ было положено в основу решений Берлинского саммита НАТО (июнь 1996 г.). Берлинская формула предусматривала, что проект общей внешней политики и безопасности Европейского союза должен развиваться на основе инфраструктуры НАТО и не подрывать трансатлантическое единство, т.е. систему американского присутствия в Европе.

В середине 1990-х годов правительство Гельмута Коля осознало, что ревизовать Московский договор в обозримом будущем не удастся. Берлин выбрал тактику создания прецедентов по расширенной трактовке договора. Германия стала расширять свои возможности в рамках действующего режима частичного ограничения суверенитета.

Германия изменила подход в балканском вопросе. Весной 1992 г. канцлер Гельмут Коль сделал серию заявлений о важной роли НАТО в обеспечении европейской безопасности. Берлин принял активное

участие в Хельсинкском саммите ОБСЕ (июнь 1992 г.), где был заложен механизм взаимодействия НАТО и ОБСЕ по балканскому вопросу. Берлин поддержал подписанную в мае 1992 г. Петербургскую декларацию о придании новых функций Западно-Европейскому союзу (ЗЕС). Весной 1993 г. канцлер Германии обсуждал с президентом США Уильямом Клинтон (1993–2000) возможность проведения военной операции против боснийских сербов.

Первым шагом стала Боснийская война 1992–1995 гг. Федеральный конституционный суд принял 12 июля 1994 г. постановление об использовании бундесвера за пределами территории ФРГ. Это постановление было закреплено в ч. 2 ст. 24 Основного закона ФРГ, согласно которому Германия могла участвовать в коллективной обороне, включая использование бундесвера за пределами Германии и стран НАТО. Берлин, в отличие от других стран НАТО, не участвовал в военной операции против боснийских сербов 1995 г. И все же немецкие корабли обеспечивали эмбарго ООН на поставки оружия в Боснию и Герцеговину.

Другим прецедентом стал косовский конфликт. Еще в 1995 г. Германия и Албания подписали Совместную декларацию об основах взаимоотношений. В документе говорилось о том, что стороны «поддерживают права всех народов быть свободными и независимыми от определения их судьбы другими». С 1997 г. Берлин был одним из инициаторов рассмотрения косовской проблемы в Контактной группе. Кабинет Г. Коля выступал инициатором интервенции НАТО в Косово. 16 марта 1998 г. международный посредник между национальными общинами и автономиями в БиГ Кристиан Шварц-Шиллинг заявил: «Нам следует донести до Слободана Милошевича правду посредством давления или даже вооруженного вмешательства». 5 июня 1998 г. о возможности военной интервенции в Югославию заявил министр иностранных дел ФРГ Клаус Кинкель.

Шаги Берлина вызвали сначала недовольство администрации У. Клинтона. Но в середине 1998 г. немецкой дипломатии удалось привлечь на свою сторону Францию. Позиция Белого дома по косовской проблеме также ужесточалась, что сглаживало американско-германские противоречия. 13 ноября 1998 г. бундестаг постановил, что Германия будет участвовать вместе с другими странами НАТО в операциях по осуществлению воздушного контроля над территорией бывшей Югославии. 19 ноября 1998 г. бундестаг одобрил участие бундесвера в специальных силах (*Extraction Forces*) НАТО, созданных для эвакуации наблюдателей ОБСЕ из соседних с Югославией стран. В рамках югославской операции НАТО (март–июнь 1999 г.) Берлин предоставил альянсу 4 самолета «*Tornado ECR*», которые действовали с территории

Италии. С территории самой Германии авиаудары не наносились. Участие ФРГ в югославской операции НАТО еще не было полноправным.

Третьим прецедентом стало участие немецких войск в антитеррористической операции в Афганистане. 12 сентября 2001 г. НАТО впервые в истории ввело в действие 5-ю статью Вашингтонского договора 1949 г. 24 сентября 2001 г. правительство Герхарда Шредера (1998–2005) приняло принципиальное решение об участии ФРГ в операции против движения «Талибан». Бундестаг поддержал это решение. Германия направила в Афганистан 5350 военнослужащих, создав третий по численности контингент после США и Британии. С 2003 г. бундесвер действует в рамках операции НАТО.

Немецкие вооруженные силы стали полноценными участниками военной операции за пределами Европы. Это создавало коллизии в отношении Московского договора 1990 года. Державы-победительницы теоретически могли, как в 1991 г., упрекнуть Берлин в вольном обращении с международно-правовыми ограничениями.

Возвращением к обсуждению «немецкого вопроса» стали дискуссии о выводе американского ТЯО из Германии. Кабинет Ангелы Меркель использовал в своих целях Пражскую речь президента США Барака Обамы (5 апреля 2009 г.) с призывом к построению безъядерного мира. 24 апреля 2009 года бундестаг рекомендовал правительству рассмотреть вопрос о возможности вывода американского ТЯО из ФРГ. К началу 2010 г. министр иностранных дел Германии Гидо Вестервелле заручился поддержкой Бельгии, Нидерландов, Люксембурга и Норвегии. На конференции по безопасности в Мюнхене 6 февраля 2010 г. Г. Вестервелле поставил вопрос о целесообразности сохранения американского ТЯО в Европе.

Такой подход Германии вызвал негативную реакцию американского и британского истеблишмента. В феврале 2010 года Франклин Миллер (бывший специальный помощник президента США), Джордж Робертсон (бывший генсек НАТО) и Кори Шейк (научный сотрудник Института Гувера) подготовили специальный доклад с критикой немецкой позиции¹⁷. Основной их упрек заключался в том, что Берлин подрывает механизм американских гарантий безопасности союзникам по НАТО. С критикой предложений Берлина выступила и госсекретарь США Хиллари Клинтон. На Таллинском саммите НАТО (21–22 апреля 2010 г.) американская дипломатия добилась принятия формулы, что вопрос о выводе ТЯО — прерогатива всего Альянса, а не отдельных его членов.

Ответом немецкой дипломатии стали попытки присоединиться к российско-американским консультациям по ТЯО. 5 февраля 2010 г. с предложениями по сокращению ТЯО в Европе выступили министр

иностранных дел Швеции Карл Бильдт и министр иностранных дел Польши Радослав Сикорский. Оба политика не одобряли инициатив Вестервелле 2010 г. Белый дом предлагает сделать инициативу Бильдта—Сикорского основой переговорного процесса. Россия при подготовке претензий работает с инициативой Бильдта—Сикорского, а не Вестервелле.

Шансом ФРГ становится включение вопроса о сокращении ТЯО в повестку Евроатлантической инициативы безопасности. Один из ее сопредседателей — немецкий дипломат Вольфганг Ишингер — пытался поднять эту проблему 7 февраля 2012 г. на Мюнхенской конференции по безопасности. Это не случайно. Возникает парадоксальная ситуация, когда возвращение к дискуссиям о «немецком вопросе» становится закономерным шагом европейской политики.

Среда вокруг «немецкого вопроса» остается потенциально конфликтной. На официальном уровне Германия пока ни разу не поднимала вопроса о пересмотре Московского договора 1990 г. и подписании полноценного мирного договора. Западные (прежде всего американские) эксперты ожидали этого накануне визита президента Б. Ельцина в Германию в конце августа 1994 г. Но Берлин учел жесткую реакцию союзников по НАТО на его действия в балканском вопросе в 1991 г. ФРГ стремилась доказать свою атлантическую солидарность и приверженность процессу европейской интеграции. Другое решение правительства Гельмута Коля усилило бы раскол в атлантическом сообществе.

Возвращение к этому вопросу происходит через дискуссии о контроле над вооружениями. Такой вариант развития события будет поддержан Россией с учетом «особого характера» российско-германских отношений. Безусловно, он вызвал бы противодействие со стороны Польши и Великобритании — стран, традиционно опасавшихся усиления Германии. Париж остается партнером Берлина в ЕС, но не хочет излишней самостоятельности Германии. Кроме того, при президенте Николя Саркози Елисейский дворец в военно-политической сфере чаще координирует свои действия с Лондоном, чем с Берлином. Великобритания между тем самостоятельно и при поддержке Вашингтона начинает претендовать на роль неформального лидера антинемецкой оппозиции в ЕС.

Интереснее позиция США. Обсуждение проблемы мирного договора невыгодно Вашингтону: ведь оно подрывает систему американского присутствия в Европе. Но при президенте Бараке Обаме американские эксперты заговорили о том, что «немецкий вопрос» неприятен для НАТО и потому должен быть решен. Это может лишить Россию ее привилегированного характера отношений с ФРГ. Возникает пара-

доксальная ситуация, когда возвращение к дискуссиям о «немецком вопросе» (включая его ядерные аспекты) становится закономерным шагом европейской политики.

На протяжении последних пятидесяти лет в Евроатлантике соперничали два подхода к обеспечению безопасности. «Атлантический» подход фокусировал внимание на важности сохранения американских гарантий безопасности союзникам по НАТО. «Евроатлантический» подход признавал американское лидерство в Европе, но стремился ограничить свободу действий Вашингтона через подписание взаимобязывающих соглашений. Элиты США, Великобритании, Нидерландов, Дании и Норвегии отстаивали приоритет «атлантизма». Страны континентальной Западной Европы (прежде всего Франция и ФРГ) выступали сторонниками «евроатлантического» подхода.

Стратегия «евроатлантизма» имеет, однако, естественные ограничители. Она сохраняет систему американского военного присутствия в Европе и модель взаимного ядерного сдерживания как основу отношений России и стран НАТО. Для Москвы проблематика европейской безопасности — это по-прежнему ограничитель американского присутствия в Европе. Для Вашингтона — сохранение контроля над европейскими союзниками и ограничение способности Москвы влиять на европейские процессы.

Конъюнктура начала 2010-х годов при этом более благоприятна для Вашингтона. В странах ЕС происходит ренессанс трансатлантических отношений. На смену франко-германскому партнерству приходит ЕС на основе ведущей роли франко-британского тандема. Отказ Парижа от голлизма и его превращение в младшего партнера Лондона и Вашингтона лишает Москву ее традиционного партнера. Германия и Италия пока не обладают ресурсами для замены Парижа в его прежней роли. Новой проблемой европейской безопасности становится, таким образом, способность Москвы найти иные формы диалога со странами ЕС.

Примечания

¹ *Arkin W. M., Robert S. Norris R. S., Handler J.* Taking Stock. World wide Nuclear Deployments 1998. March 1998. P. 17.

² Системная история международных отношений в четырех томах. 1918–2003 / Под ред. А. Д. Богатурова. Т. 3. События 1945–2003. М.: НОФМО, 2003. С. 228.

³ *Butcher M., Nassauer O., Young S.* Nuclear Futures — Western European Options For Risk Reduction, British American Security Information Council, Basic Research Report 98.5. P. 34.

⁴ *Butcher M., Nassauer O., Padberg T., Plesch D.* Questions of Command and Control: NATO Nuclear Sharing and NPT, PENN Research Report 2000.1.

⁵ *Nassauer O.* NATO's Nuclear Posture Review: Should Europe end nuclear sharing?, BITS Policy Note 02.1, April 2002. URL: <http://www.bits.de/public/policynote/pn02-1.htm>.

⁶ *Ingram P.* Options for NATO. Bri.

⁷ Study on NATO Enlargement 1995. URL: <http://nato.int>.

⁸ См.: *Мясников Е. В.* Высокоточное оружие и стратегический баланс / Центр по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при МФТИ. г. Долгопрудный, ноябрь 2000 г.

⁹ EU-US Summit. Madrid. 1995. 3 December: "The New Transatlantic Agenda and the Joint EU-US Action Plan". URL: <http://www.statewatch.org/news/2008/08/eu-usa-nta-1995.pdf>.

¹⁰ The Alliance's Strategic Concept, Press Release NAC-S(99)65. 1999. April 24. URL: <http://www.nato.int/docu/pr/1999/p99-065e.htm>.

¹¹ Beyond Arms Control: How to Deal with Nuclear Weapons, by Rose Gottemoeller, Carnegie Endowment for International Peace, Policy Brief, February 23, 2003.

¹² Report on Options for Confidence and Security Building Measures (CSBMs), Verification, Non-Proliferation, Arms Control and Disarmament, Press Communique M-NAC-2 (2000)121, December 14, 2000; par. 91; URL: <http://www.nato.int/docu/pr/2000/p00-121e/home.htm>.

¹³ UK–France Summit 2010. Declaration on Defence and Security Co-operation. 2010. 2 November. URL: <http://www.number10.gov.uk/news/uk%E2%80%93france-summit-2010-declaration-on-defence-and-security-co-operation/#sthash.dmDMrb5P.dpuf>. Подробный анализ этого соглашения приведен в работе: Перспективы участия европейских ядерных держав в ограничении стратегических вооружений / Под общ. ред. А. Г. Арбатова, В. З. Дворкина, С. К. Ознобищева. М.: ИМЭМО РАН, 2012.

¹⁴ Treaty between the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the French Republic relating to Joint Radiographic/Hydrodynamics Facilities. L., 2010. 2 November. URL: <http://www.fco.gov.uk/resources/en/pdf/3706546/3892733/21824849/TrFr2.2010JointRadiographic>.

¹⁵ Подробнее см. нашу статью: *Fenenko A.* The Rise of the French-British tandem // RIA-Novosti — Valdai Discussion Club. 19.10.2011. URL: <http://www.valdaiclub.com/europe/33180.html>.

¹⁶ Подробнее см.: *Maettig T.* Tactical Nuclear Weapons in Germany: Time for Withdrawal? URL: <http://www.nti.org/analysis/articles/tactical-nuclear-weapons-germany/#sthash.tCrsS3n3.dpuf>.

¹⁷ Подробный анализ этой проблемы см.: *Журкин В.* Европейская армия: победы и поражения. М.: Международные отношения, 2012. С. 159–187; *Sloan S. R.* Permanent Alliance?: NATO and the Transatlantic Bargain from Truman to Obama. N.Y.: Continuum, 2010.

Политика ядерной непрозрачности Израиля

В последние годы среди экспертов по проблемам нераспространения ядерного оружия растет интерес к ядерной политике Израиля¹, что можно объяснить несколькими причинами. Наряду с Индией и Пакистаном он относится к нелегальным ядерным державам — странам, не присоединившимся к ДНЯО и создавшим ЯО вопреки его положениям, но в отличие от них не объявил официально о наличии у него ЯО и не провел полноценных ядерных испытаний. Израиль неоднократно делал заявления, которые позволяют предполагать, что в его распоряжении есть некоторое количество ядерных боезарядов. Наконец, именно он проводит пока не имеющую аналогов в мире политику ядерной непрозрачности (*nuclear opacity*)². Речь идет о комплексе мер, с помощью которых Тель-Авив извлекает внешнеполитические преференции из неопределенности, сложившейся вокруг его ядерной программы.

Российские и зарубежные СМИ нередко отождествляют политику ядерной непрозрачности с отказом руководства Израиля провозгласить себя ядерной державой. В таком контексте для ее обозначения используется выражение — «бомбы в подвале» (*introduce nuclear weapons*)³. В действительности понятие «ядерная непрозрачность» шире, чем отказ Тель-Авива от присоединения к режиму нераспространения ЯО. Ядерная политика Израиля включает в себя три компонента:

- 1) «вбрасывание» в СМИ неподтвержденных сведений о своей ядерной стратегии;
- 2) противодействие приобретению ЯО арабскими государствами Ближнего Востока;
- 3) взаимодействие со «старыми» ядерными державами с целью добиться для себя более выгодного положения в рамках международной системы нераспространения ЯО.

Такой поход позволил Израилю добиться ряда успехов. Хотя его ядерный статус пока остается «виртуальным», старые ядерные державы (равно как и неядерные страны Ближнего Востока) рассматривают Израиль как «ядерное государство по умолчанию». Не проводя натураль-

ных ядерных испытаний, Тель-Авив реализует собственную политику сдерживания других региональных держав, включая Иран, не присоединившись к ДНЯО, выступает полноправным участником дискуссий по ряду связанных с ним договоренностей — от Договора о запрещении производства расщепляющихся материалов в военных целях до проектов создания безъядерной зоны на Ближнем Востоке. Похоже, что у стратегии ядерной непрозрачности есть определенный ресурс, терять который Тель-Авив не собирается⁴. Сумет ли он сохранить эту эффективную модель ядерной политики в ближайшие десятилетия?

15.1. Становление ядерной программы Израиля

Реализация ядерной программы страны началась в середине 1950-х годов. С этой целью в 1952 г. была создана Израильская атомная энергетическая комиссия (ИАЭК) во главе с известным специалистом в области органической химии Эрнстом Дэвидом Бергманном. В ее компетенцию входили как мирный, так и военный компоненты национальной ядерной программы. По соглашению 1955 г. с США о сотрудничестве в сфере мирного использования атомной энергии израильские специалисты начали проходить там подготовку. В 1955–1960 гг. американская сторона помогла Израилю построить исследовательский легководный реактор бассейного типа *IRR-1* мощностью 5 МВт в городе Нахал-Сореке. В июне 1960 г. был осуществлен физический пуск этого агрегата.

С начала 1960-х годов в лабораториях комплекса в Нахал-Сореке стали проводиться опыты по выделению плутония из отработанного ядерного топлива. Оборудование для этих целей было поставлено Великобританией и отчасти США. Одновременно Соединенные Штаты предоставили Израилю около 50 кг высокообогащенного урана для *IRR-1*. В 1957 г. Израиль впервые импортировал урановую руду из Южной Африки, мотивируя это необходимостью проведения экспериментов в области мирного использования атомной энергии. К началу 1960-х годов Израиль также наладил ограниченную добычу урана в пустыне Негев на юге страны, что снизило его зависимость от экспорта уранового сырья.

Однако администрация Д. Эйзенхауэра относилась к израильской ядерной программе настороженно. В США опасались, что Тель-Авив втянет их в региональный ядерный конфликт на Ближнем Востоке. Вашингтон отказался поставлять Израилю все технологии замкнутого ядерного топливного цикла, поэтому во второй половине 1950-х годов его ключевым партнером в развитии ядерной программы стала Франция.

Франко-израильское сотрудничество осуществлялось по нескольким направлениям. В 1953–1954 гг. израильские физики участвовали в работах французского ядерного центра «Сакле». 3 октября 1957 г. стороны подписали контракт на строительство реактора мощностью 24 МВт. Париж открыл партнерам доступ к своим ядерным испытаниям, компания «*Saint-Gobain Nucleaire*» помогла Израилю построить тяжеловодный реактор *IRR-2* мощностью 26 МВт в городе Димона, где французские специалисты участвовали в строительстве радиохимического завода по переработке ОЯТ и выделения из него оружейного плутония. Наконец, был заключен контракт на переработку облученного топлива при условии возвращения израильской стороне выделенного плутония. В июне 1963 г. состоялся физический запуск реактора *IRR-2*. Его мощность составляла около 40 Мт, что позволяло нарабатывать ежегодно около 10 кг плутония. В результате к середине 1960-х годов Израиль мог самостоятельно выделять плутоний из отработанного облученного топлива.

В 1960-х годах в Димоне был создан Ядерный научно-исследовательский центр «Негев», в котором осуществлялась большая часть ядерной программы Тель-Авива. В настоящее время в его составе предположительно:

- исследовательский реактор *IRR-2*;
- завод по извлечению плутония из отработанного атомного топлива;
- объекты по очистке и переработке урановой руды;
- установки по производству топливных стержней;
- центрифуги и лазерные установки по обогащению урана;
- комплекс по производству материала литий-6 и дейтерия лития.

Эти данные позволяют сделать вывод, что в начале 1960-х годов Израиль получил в свое распоряжение технологии ЗЯТЦ. Примеры Японии, Южной Кореи, ФРГ, Румынии показывают, что этот факт еще не означает создания ЯО. Но в 1960-х годах в СМИ стали появляться публикации о том, что руководство Израиля приняло политическое решение о создании ЯО. Это вызвало недовольство США. Между странами начались переговоры о будущем ядерной программы Израиля.

Согласно А. Коэну, в начале 1960-х годов администрация Дж. Кеннеди поставила вопрос об ограничении израильских исследований в Димоне. В 1961–1969 гг. американские инспекторы восемь раз посещали этот объект, подтвердив предположения о наличии военной ядерной программы. Правда, израильская сторона организовала ин-

спекции таким образом, что инспекторы не заметили подземного радиохимического завода в Димоне. И все же представители США обнаружили следы выделения плутония из атомного топлива. Это послужило поводом для требований к Израилю ограничить ядерные исследования или не провозглашать себя ядерной державой.

Трудно сказать, заключили ли стороны письменное соглашение о частичном признании ядерного статуса Тель-Авива. Официально признанных документальных свидетельств не существует, но после 1970 г. американо-израильские дискуссии о ядерных исследованиях Тель-Авива прекратились. По-видимому, в 1969 г. было достигнуто согласие о перспективах развития израильской ядерной программы.

В пользу частичного признания США ядерного статуса Израиля говорит и тот факт, что не использовалась тактика давления на Тель-Авив. Между тем в это время Вашингтон воздействовал на ряд «пороговых» государств (Австралию, Южную Корею, Бразилию, Аргентину, ФРГ, Японию), принуждая их присоединиться к ДНЯО и свернуть свои военные ядерные программы. На этом фоне вызывает недоумение, по каким причинам администрации Л. Джонсона и Р. Никсона не попытались использовать все ресурсы для воздействия на Тель-Авив.

В 1970-х годах серьезных дискуссий о ядерном статусе Израиля не проводилось. Однако в это время он сделал скачок в сфере атомной энергетики: физики начали обогащать уран с помощью центрифуг и приняли участие в создании южноафриканской технологии обогащения методом вихревого сопла. В 1974 г. появились сведения о начале обогащения урана лазерным методом на реакторе *IRR-1*. В 1978 г. Израиль разработал метод разделения магнитных изотопов и, возможно, наладил более совершенные производства ядерных технологий в городах Йодефат, Кфар-Захария и Эйлабун. Кроме того, согласно свидетельствам М. Вануну, в 1970-х годах был модифицирован реактор в Димоне: его мощность увеличилась с 40 до 75–150 МВт, что позволяло набирать уже не 10, а около 40 кг плутония в год.

С начала 1980-х годов в израильской ядерной политике обозначился силовой компонент⁵ — «доктрина Бегина», предполагавшая активное противодействие приобретению ЯО арабскими странами Ближнего Востока, в том числе силовыми средствами, а также другими государствами региона. Некоторые эксперты полагают, что израильская военная доктрина допускает первое использование ЯО (превентивный или разоружающий удар).

Первой акцией в рамках этой доктрины стало уничтожение израильской авиацией недостроенного иракского ядерного реактора.

В 1981 г. Франция согласилась поставить Ираку легководный реактор «Таммуз-2» («Озирак») мощностью 40 МВт для ядерного центра аль-Тувайта (на юго-востоке от Багдада). Этот шаг был воспринят в Израиле как угроза его безопасности, ведь Багдад мог накопить большие запасы отработанного атомного топлива с целью последующего извлечения из него оружейного плутония. 7 июня 1981 г. израильская авиация уничтожила недостроенный реактор, и президент Франции Ф. Миттеран отказался поставить Ираку его дубликат.

Второй раз проблема возможной силовой акции Израиля против ядерных объектов стран Ближнего Востока возникла в середине 1990-х годов. 25 августа 1992 г. Россия и Иран подписали соглашения, предусматривавшие поставку Тегерану четырех реакторов типа ВВЭР-1000 и низкообогащенного урана для проектирующейся АЭС, 5 января 1995 г. — контракт на завершение строительства энергоблока № 1 Бушерской АЭС (побережье Персидского залива), а 7 августа 1995 г. — контракт на поставку атомного топлива для первого энергоблока будущей электростанции. В этой связи на рубеже 1994–1995 гг. израильские эксперты неоднократно заявляли, что Тель-Авив может с помощью ракетно-бомбовых ударов уничтожить недостроенную АЭС в Бушере⁶. Подобные заявления могли, впрочем, быть средством давления на Россию и Иран с целью вынудить их отказаться от контрактов 1995 г.

Третий раз о возможности силовой операции Израиля против иранских ядерных объектов эксперты заговорили в середине 2000-х годов. По разным источникам, такая операция могла бы быть осуществлена Израилем совместно с США или самостоятельно, как в Озирак⁷. 4 ноября 2011 г. заявление о возможности нанесения упреждающего удара по Ирану сделал президент Израиля Шимон Перес. Имеет ли Тель-Авив в своем распоряжении необходимые технические средства для такой акции? Данные о военном потенциале Ирана доказывают, что без поддержки Вашингтона такой налет вряд ли был бы успешным, но мог стать началом полномасштабной межгосударственной войны с угрозой эскалации на весь регион Большого Ближнего Востока.

15.2. Свидетельства о ядерном статусе Израиля

Бесспорных данных о наличии ЯО у Тель-Авива в настоящее время нет. Свидетельства о его ядерном арсенале можно условно разделить на четыре группы:

- 1) двусмысленные заявления израильских политиков;
- 2) периодически появляющиеся в СМИ «утечки информации» о его военной ядерной программе;

- 3) экспертные оценки его ядерного потенциала;
- 4) политика неприсоединения к международному режиму нераспространения ядерного оружия.

Первым в ряду *двусмысленных политических намеков* было высказывание премьер-министра Израиля Голды Меир 12 октября 1973 г.* во время Арабо-израильской войны, когда израильская армия терпела поражения, потеряв большую часть Синайского полуострова и Голанских высот. Традиционный союзник — США — осудил действия арабских стран, но предпочитал заморозить конфликт, а не осложнять из-за него отношения с СССР. Г. Меир заявила президенту Р. Никсону: «Поскольку существование Израиля находится под угрозой, он не остановится ни перед чем ради победы»⁸. Американские спецслужбы интерпретировали такое заявление как намек на готовность Израиля применить ЯО против Египта. (В Вашингтоне полагали, что-то какой-то вариант ядерного взрывного устройства в распоряжении у Израиля имеется.) Это побудило Белый дом оказать более действенную военную и дипломатическую помощь Тель-Авиву.

Второй раз вопросы ядерного статуса Израиля обсуждались 4 июля 2003 г. на слушаниях в кнессете. Еще 2 февраля 2000 г. один из 10 депутатов-арабов Исам Махуд добился через Верховный суд вынесения этого вопроса на одно из парламентских заседаний⁹. «Весь мир знает, что Израиль — это огромный склад ядерного, биологического и химического оружия, что создает базу для гонки вооружений на Ближнем Востоке. Израиль считает, что ядерное оружие делает его сильнее, однако на самом деле все наоборот. Факт наличия у Израиля подобных вооружений лишь стимулирует соседние страны к созданию ядерного оружия, которое может уничтожить нашу страну», — подчеркнул Исам Махмуд в своем выступлении перед кнессетом¹⁰. Это заявление вызвало протест большинства присутствующих¹¹. Но заявлений, подтверждающих или опровергающих наличие ЯО у Израиля, не последовало и на этот раз.

Новая волна дискуссий вокруг ядерного статуса Израиля пришла на середину 2000-х годов. 7 декабря 2006 г. министр обороны США Р. Гейтс упомянул о том, что Вашингтон рассматривает Израиль в качестве ядерного государства¹². 11 декабря 2006 г. премьер-министр Израиля Эхуд Ольмерт в интервью немецкому ТВ-каналу 24

* До настоящего времени нет точных свидетельств о том, когда именно было сделано заявление Г. Меир. По одним источникам, — 12 октября 1973 г., по другим — 8 или 9 октября 1973 г.

заявил: «Мы никогда не угрожали уничтожением никакой стране. Иран же открыто грозил стереть Израиль с карты мира. Можем ли мы сравнить это с их желанием обзавестись ядерным оружием, как Америка, Франция, Израиль и Россия?»¹³ Израильские официальные лица поспешили заявить о допущенной ошибке при переводе на немецкий язык. Но, возможно, это была попытка «вбросить» информацию в СМИ с целью узнать реакцию международной общественности и правительств различных стран на возможное присоединение Израиля к «ядерному клубу».

Особое место в списке этой группы свидетельств занимает опубликованная в 1998 г. монография американского политолога израильского происхождения Авнера Коэна «Израиль и бомба»¹⁴. Автор пришел к выводу, что в 1960-х годах США частично признали ядерный статус Израиля. В 1961 или 1963 гг. Вашингтон добился от заместителя премьер-министра Шимона Переса заявления, что «Израиль не станет первым государством Ближнего Востока», которое объявит о наличии у него ЯО. В марте 1965 г. стороны подписали Меморандум о взаимопонимании, в котором заявление Ш. Переса получило письменные подтверждения. В сентябре 1969 г. премьер-министр Г. Меир в Вашингтоне договорилась с президентом Р. Никсоном об основах политики ядерной непрозрачности. Соединенные Штаты стали рассматривать Израиль как «де-факто ядерное государство», а Тель-Авив не провозгласил себя ядерной державой.

По данным А. Коэна, 2 ноября 1966 г. Израиль провел подкритические ядерные испытания: законченной имплозивной конструкции либо экспериментального устройства нулевой мощности¹⁵, успев завершить военную ядерную программу до 1 января 1967 г. — даты, определенной условиями ДНЯО как «предельная» для вступления страны в «ядерный клуб». Теоретически Тель-Авив оставляет за собой право пересмотреть условия «компромисса 1969 г.», поставив вопрос о расширении «легальных» членов «ядерного клуба». Факт наличия договоренностей 1969 г. (без уточнения их предмета) был признан администрацией Б. Обамы в мае 2009 г.¹⁶

Однако ни один из приведенных А. Коэном фактов пока не был официально признан США и Израилем. Вашингтон и Тель-Авив не отрицают, что проводили в 1960-х годах переговоры о судьбе израильской ядерной программы, но и не подтверждают их. В этой связи «документальные свидетельства» Коэна вряд ли можно рассматривать как бесспорные. Скорее, их следует считать частью израильской политики ядерной непрозрачности. В самом Израиле работа Коэна вызвала не-

однозначную реакцию¹⁷. С момента выхода в свет своей книги автор не возвращается в Израиль, опасаясь обвинений в измене родине.

Вторую группу свидетельств составляют *периодически попадающие в СМИ «утечки информации» о существовании военной ядерной программы Израиля*. Первые публикации по данной проблеме появились в 1960 г. в британской газете «Дейли экспресс». Это побудило американских и британских политиков уделить серьезное внимание израильским ядерным экспериментам. В конце 1970-х годов, когда советские и американские спутники зафиксировали растущую ядерную активность ЮАР, появились сообщения о связи ядерных программ Претории и Тель-Авива. Одни утверждали, что израильские физики проводят свои ядерные эксперименты на секретном военном полигоне в пустыне Калахари (граница Ботсваны и ЮАР), другие, что зафиксированная в 1979 г. «вспышка» в Южной Атлантике была совместным израильско-южноафриканским испытанием ядерного взрывного устройства. Эти данные также не получили официальных подтверждений¹⁸.

Особую группу свидетельств о наличии ЯО у Израиля составили признания бывшего израильского физика Мардохея Вануну. До середины 1980-х годов он работал в ядерном центре в городе Димона (пустыня Негев, Центральный Израиль). В 1986 г. он выехал из страны и через западные СМИ распространил информацию о ведущихся в Димоне работах по обогащению урана, выделению плутония из отработанного атомного топлива и производстве на этой основе ядерного оружия. Одновременно М. Вануну указал, что в ядерном центре в городе Йодефат (Северный Израиль) идет сборка готовых ядерных боезарядов. По данным М. Вануну, Тель-Авив создал около 200–300 ядерных боезарядов, став, таким образом, третьей ядерной державой мира. Впоследствии израильские спецслужбы выкрали М. Вануну и депортировали в Израиль, где его осудили за «измену родине»¹⁹.

В 2005 г. в СМИ появились публикации о роли Великобритании в развитии израильской ядерной программы²⁰. Утверждалось, что в 1957–1958 гг. Норвегия продала ей около 20 т тяжелой воды, которая затем была перепродана Тель-Авиву. Кроме того, один из ведущих британских физиков Фрэнк Барнаби, по-видимому, взаимодействовал с М. Вануну. На этой основе Тель-Авив наладил собственное производство тяжелой воды на ядерном комплексе в Димоне или на установках в Йодефате. Прозвучавшие сразу после появления подобных публикаций критические заявления бывшего министра обороны США Р. Макнамары в адрес Великобритании²¹ заставляют относиться

к этой информации серьезно. В то же время ни Лондон, ни Тель-Авив не представили официальных документов, подтверждающих или опровергающих факт заключения подобной сделки. Нельзя исключать, что Израиль напрямую взаимодействовал с Норвегией.

К этой группе свидетельств можно отнести и опубликованные 23 мая 2010 г. в газете «*Guardian*» секретные протоколы встреч высокопоставленных должностных лиц Израиля и ЮАР в 1975 г.²² На встрече 31 марта 1975 г. министр обороны ЮАР П. В. Бота ставил перед министром обороны Израиля Ш. Пересом вопрос о закупке ядерных боеголовок. Израиль якобы предложил их «в трех модификациях». На встрече в Женеве 4 июня 1975 г. стороны рассматривали вопрос о приобретении ЮАР израильских ракет «Иерихон», способных нести ядерные боезаряды. Сделка, однако, по не вполне понятным причинам не состоялась. Эти документы были обнаружены американским исследователем Александром Поляковым-Суранским (*Polakow-Suransky*). Подлинность этих переговоров официально не подтверждена ни Израилем, ни ЮАР.

Третья группа свидетельств — *заявления экспертов о наличии у Израиля технологического потенциала для создания ЯО*. Согласно официальной информации, в настоящее время Тель-Авив имеет в своем распоряжении:

- исследовательский легководный реактор бассейнового типа в городе Нахал-Сореке (побережье Средиземного моря) мощностью 5 МВт;
- ядерный центр в городе Димона²³, включающий тяжеловодный реактор на природном уране и радиохимический завод по выделению плутония из отработанного атомного топлива, серию научно-исследовательских учреждений и, возможно, мощности по производству тяжелой воды;
- шахты для добычи урана в пустыне Негев (Центральный и Южный Израиль);
- установки по производству фосфатов и первичной переработке урана в городе Хайфа (побережье Средиземного моря);
- ядерный центр в городе Йодефат (профиль неизвестен);
- ядерные центры в Кфар-Захария (Центральный Израиль) и Эй-лабун (Северный Израиль) (профиль неизвестен).

Совокупность этих мощностей достаточна для накопления высокообогащенного урана и оружейного плутония, которые служат сы-

рьем для создания ЯО²⁴. Некоторые эксперты пытаются вычислить величину ядерного арсенала Израиля²⁵. Запасы израильского ЯО* оцениваются от 10 ядерных взрывных устройств в разобранном состоянии до 200 боеголовок на полноценном боевом дежурств²⁶. Столь широкий диапазон мнений вызван отсутствием точных сведений о мощности израильских ядерных центров. Большая часть информации о них известна из сомнительных показаний М. Вануну.

Теоретически Израиль имеет в своем распоряжении и средства доставки ЯО. Еще в 1966 г. у него появились ракеты средней дальности «Иерихон-1», дальность полета которых составляла около 660 км, а полезная нагрузка — 550 кг. В 1980-х годах на их основе были созданы ракеты «Иерихон-2» с дальностью полета около 1500 км и полезной нагрузкой до 1000 кг. В 2008 г. Израиль испытал ракету «Иерихон-2» с дальностью 4800–6500 км, что соответствует системе международного класса. В распоряжении израильской авиации есть парк истребителей-бомбардировщиков F-15 и F-16, которые могут использоваться как носители ядерных боезарядов²⁷. Ряд экспертов полагает, что роль носителей израильского ЯО могут выполнять построенные в Германии три однотипные дизель-электрические подводные лодки («Долфин», «Ткума» и «Левиафан»): каждая из них способна нести до 20 торпед класса «поверхность—поверхность»²⁸.

Эксперты Фонда Карнеги сообщают также о наличии у Израиля около 30 противоракет типа «Арроу-2», которые могут служить для прикрытия израильских средств доставки ЯО от гипотетического превентивного удара²⁹.

Четвертое доказательство наличия ядерного оружия у Израиля — последовательно проводимая им *политика неприсоединения к международному режиму нераспространения ЯО*. Еще в 1968 г. Израиль отказался присоединиться к ДНЯО в качестве неядерного государства. Израиль не является членом Комитета Цангера и Группы ядерных поставщиков.

Осенью 1994 г. Израиль отказался участвовать в переговорах по ДЗПРМ, мотивировав это тем, что будущее соглашение подразумевает полномасштабные инспекции МАГАТЭ или качественно новой ор-

* Российский эксперт А. Г. Арбатов полагает, что ядерный арсенал Израиля насчитывает от 60 до 200 боезарядов разного типа. Из них 50 ядерных боеголовок для 50 БРСД типа «Иерихон-2». Остальные, видимо, авиабомбы и могут доставляться ударной авиацией, прежде всего более чем 200 самолетами F-16. Торпедные аппараты трех дизель-электрических лодок класса типа «Дельфин», возможно, приспособлены для запуска КРМБ типа «Гарпун» с дальностью полета до 600 км (Ядерная перезагрузка: сокращение и нераспространение вооружений / Под ред. А. Г. Арбатова, В. З. Дворкина. М.: РОССПЭН, 2011. С. 63).

ганизации на национальные ядерные объекты. В 1997 г. израильские представители высказались против принятия резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, призывающей уничтожить ЯО в конкретные сроки. 1 декабря 1999 г. Тель-Авив не принял проекты резолюций Генеральной Ассамблеи ООН «Ядерное разоружение в целях ликвидации в конечном итоге ядерного оружия» (A/RES/54/54D) и «Запрещение сброса радиоактивных отходов» (A/RES/54/54/G), 20 ноября 2000 г. вместе с Индией и Пакистаном проголосовал против резолюций Генеральной Ассамблеи ООН «Концепция по запрещению использования ядерного оружия» (A/RES/55/34G) и «К безъядерному миру» (A/RES/55/33C).

Весной 2004 г. Тель-Авив принял новые международные Правила экспортного контроля, призванные усилить государственный контроль за оборотом товаров, связанных с возможным производством ядерного, химического и биологического оружия³⁰. Но в ходе визита в Израиль председателя Совета директоров МАГАТЭ М. эль-Барадея 7–9 июля 2004 г. правительство Ариэля Шарона (2001–2005) отказалось от предложений международного агентства. В сентябре 1996 г. Тель-Авив присоединился к ДВЗЯИ, однако ни разу не провел полноценных ядерных испытаний, и потому этот шаг не подтверждает и не опровергает наличие у него ЯО.

Большинство этих свидетельств имеет внутриизраильский характер и попадает в экспертное сообщество или СМИ только при наличии определенной «санкции» Тель-Авива. (Исключение составляют данные М. Вануну, однако и их «независимость» вызывает подозрения.) Это создает почву для сомнений в самом ядерном статусе Израиля³¹. Но, возможно, «сомнительная информация» о ядерных исследованиях Израиля выступает частью политики ядерной непрозрачности.

Генерируя дискуссии о том или ином аспекте своей ядерной программы, Тель-Авив косвенно подтверждает свой статус «ядерной державы по умолчанию» без проведения полноценных ядерных испытаний. Такая информация адресована прежде всего враждебно настроенным к Израилю арабским странам, но косвенно он обращается и к «легальным» ядерным державам, повышая свой статус в системе их внешнеполитических приоритетов до ранга «полулегальной» ядерной страны. В таком ракурсе «недоверенность» информации выступает не препятствием, а ресурсом внешней политики Израиля. В специальной литературе такой подход называется стратегией эвентуального ядерного сдерживания.

Политика ядерной непрозрачности выступает, таким образом, комплексом мероприятий по извлечению политических и стратегических преимуществ из неопределенного ядерного статуса Израиля.

15.3. Современная ядерная политика Израиля

Дискуссии вокруг ядерной программы Израиля начались в середине 1990-х, что было связано с проблемами создания безъядерной зоны на Ближнем Востоке. Проект подписания подобного договора был выдвинут Египтом в 1974 г. Однако такое объединение казалось экспертам малореалистичным. Поворот наступил только в 1990-х годах, что было связано с изменением среды Ближневосточного конфликта.

Пришедшее к власти в 1992 г. демократическое правительство Ицхака Рабина существенно продвинуло вперед мирный процесс. В 1993 г. были подписаны Осло-Вашингтонские соглашения с Организацией освобождения Палестины о взаимном признании и принципах организации временного палестинского самоуправления в секторе Газа и городе Иерихон, 26 октября 1994 г. — мирный договор с Иорданией, в августе 1994 г. начались израильско-египетские переговоры по вопросам контроля над обычными вооружениями. 27 января 1994 г. Израиль впервые в своей истории выразил готовность допустить делегацию египетских ученых в Димону.

Но весной 1995 г. в Нью-Йорке должна была состояться Конференция о бессрочном продлении ДНЯО. Накануне ее открытия «старые» ядерные державы стремились в той или иной форме присоединить Израиль к международному режиму нераспространения и добиться поддержки своей инициативы со стороны арабских стран.

В 1995 г. вопрос о создании безъядерной зоны на Ближнем Востоке стал рассматриваться «ядерной пятеркой» как важный компонент усиления ДНЯО.

Формально Израиль не возражал против создания подобной системы на Ближнем Востоке, однако, понимая, что подписание Договора о создании безъядерной зоны на Ближнем Востоке приведет к отказу от политики ядерной непрозрачности и даже ликвидации его ядерного арсенала, еще в 1990 г. выдвинул ряд предварительных условий: признание Израиля всеми соседними странами и прекращение любых угроз его существованию. Теперь Тель-Авив подтвердил эти условия. 21 сентября 1994 г. министр иностранных дел Ш. Перес заявил: «Израиль мог бы рассмотреть вопрос о присоединении к ДНЯО в качестве неядерного государства при условии обеспечения стабильного и прочного мира в регионе»³². 31 марта 1995 г. Ш. Перес подтвердил, что Тель-Авив готов принять предложение создания безъядерной зоны на Ближнем Востоке в обмен на подписание полноценного мирного до-

говора. Правительство И. Рабина увязало вопрос о создании подобной зоны с проблемой признания его страны и заключения всеобъемлющего мирного договора³³.

Арабские страны отвергли это предложение и сделали ряд резких заявлений. В апреле 1995 г. президент Ливии Муамар Каддафи отметил, что продление ДНЯО невозможно без вступления в него Израиля³⁴. Египет потребовал, чтобы Израиль вступил в ДНЯО в течение двух лет после продления договора. Но Тель-Авив не согласился с подобными требованиями. В мае 1995 г. министр иностранных дел Ш. Перес подтвердил, что Израиль будет готов подписать соглашение о создании безъядерной зоны на Ближнем Востоке через два года после заключения всеобъемлющего мирного договора между всеми странами региона, включая Иран. «Старым» ядерным державам пришлось серьезно воздействовать на обе стороны, чтобы сохранить хотя бы проект создания безъядерной зоны на Ближнем Востоке.

В середине 1995 г. стороны предпочли пойти на компромисс. Арабские страны согласились на бессрочное продление ДНЯО без участия Израиля в этом договоре, а Тель-Авив — с резолюцией Конференции 1995 г. по Ближнему Востоку. Последняя призывала все страны региона образовать безъядерную зону и даже предоставить к Конференции 2005 г. отчет о практических шагах государств-участниц для достижения поставленных целей.

Поворотный момент наступил после убийства премьер-министра Израиля И. Рабина 4 ноября 1995 г. и прихода к власти консервативного кабинета Б. Нетаньяху (1996—1999). С этого времени Тель-Авив отказался от переговоров по созданию безъядерной зоны на Ближнем Востоке и не настоял на их возобновлении в 1998 г. 11 августа 1998 г. кабинет Б. Нетаньяху отказался открыть центр в Димоне для инспекций МАГАТЭ и участвовать в дискуссиях вокруг ДЗПРМ. 20 ноября 2000 г. Израиль проголосовал против внесенных Египтом проектов резолюций Генеральной Ассамблеи ООН «Установление безъядерной зоны в регионе Ближнего Востока» (A/RES/55/30)³⁵ и «Риск ядерного распространения на Ближнем Востоке» (A/RES/55/36)³⁶. Эти действия означали фактическое дезавуирование заявлений Ш. Переса 1994—1995 гг.

Неопределенными оказались итоги VIII Обзорной конференции по ДНЯО 3—31 мая 2010 г. В Заключительном документе ограничились лишь упоминанием, что в 2012 г. необходимо созвать Конференцию по рассмотрению прогресса в деле установления зоны, свободной от ОМП на Ближнем Востоке. Предполагалось, что конференция состо-

ится в Хельсинки. Однако практические шаги в этом направлении сделаны не были. Это вновь вызвало негативную реакцию арабских стран. «Сирия настаивает на том, что регион не будет очищен от оружия массового поражения до тех пор, пока Израиль — единственную ядерную державу в регионе — не заставят присоединиться к ДНЯО, а его объекты не будут помещены под инспекционный контроль МАГАТЭ», — заявил 30 сентября 2012 г. министр иностранных дел Сирии Валид Муаллем на 67-й сессии ГА ООН³⁷. Израильская сторона не отреагировала на эти заявления.

Между тем в конце сентября 2012 г. генеральный директор израильской правительственной комиссии по атомной энергии Шауль Хорев заявил, что еврейское государство против созыва Хельсинкской конференции. (Хотя 24 ноября 2012 г. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун указал, что конференция может быть созвана в 2013 г.) Отказ Израиля от создания безъядерной зоны вызвал негативную реакцию арабских государств³⁸. В 1999–2002 гг. развитие своей ядерной программы ускорил Иран, выдвинув план строительства серии атомных электростанций общей мощностью 6000 МВт. На этом фоне прошедшие в 2003 г. дискуссии в кнессете, возможно, были не частной инициативой депутата Исама Махмуда, а способом напомнить другим игрокам о наличии у Тель-Авива инструмента для осуществления политики ядерного сдерживания. Некоторые эксперты восприняли их как попытку Израиля найти возможность отхода от политики ядерной непрозрачности.

В 2000-х годах Израиль сделал ряд шагов, которые, по сути, были началом осторожной дискуссии о возможности легализации его ядерного статуса³⁹. 22 февраля 2000 г. с США было подписано соглашение о предоставлении израильским ученым доступа к технологиям наблюдения за распространением ядерных технологий. 26 марта 2000 г. британская газета «*Sunday Times*» сообщила, что Израиль рассматривает возможность постановки небольших ядерных мин вблизи Голанских высот, что вызвало негативную реакцию министра обороны Эфрима Снеха. 7 сентября 2001 г. бывший премьер-министр Б. Нетаньяху заявил о возможности отказа страны от политики ядерной непрозрачности в свете ускоряющегося развития иранской ядерной программы⁴⁰.

В 2005–2007 гг. помимо «оговорки Ольмерта» Израиль предпринял ряд политических шагов, которые косвенно доказывали его место в ряду «легальных» ядерных держав. 7 декабря 2005 г. Тель-Авив заявил о готовности присоединиться к инициативе Национального агентства ядерной безопасности США (*U.S. National Nuclear Security Agency*), призвавшей в рамках инициативы ИБОР установить более совершенное

оборудование на путях железнодорожной и морской перевозки расщепляющихся материалов. 27 апреля 2006 г. министр иностранных дел Израиля Ципи Ливни обсудила проблемы контроля за экспортом расщепляющихся материалов с представителями Группы ядерных поставщиков. 28 декабря 2006 г. Израиль подписал Конвенцию ООН о борьбе с актами ядерного терроризма. «Но в отличие от других стран мы никогда не угрожали его использованием», — отметил 13 марта 2007 г. вице-премьер правительства Ш. Перес⁴¹.

В 2007 г. Тель-Авив заявил о своем намерении расширить ядерную инфраструктуру. 3 августа 2007 г. министр инфраструктуры Биньямин Бен-Элиэзер заявил: «Правительство Израиля приняло историческое решение о строительстве атомной электростанции в пустыне Негев». Если проект будет принят, то строительство электростанции будет завершено до 2015 г.⁴²

Растущая активность Израиля в ядерной сфере вызвала новую волну недовольства арабских стран. 12 марта 2006 г. Сирия обвинила Израиль в захоронении ядерных отходов на Голанских высотах. 30 марта 2006 г. саммит Лиги арабских государств в Хартуме потребовал превратить Ближний Восток в регион, свободный от оружия массового поражения. 21 октября 2006 г. Объединенные Арабские Эмираты призвали ООН оказать давление на Израиль с целью открыть его ядерные объекты для инспекций МАГАТЭ. 24 января 2007 г. министр иностранных дел Египта Ахмед Абул Гейт призвал Израиль присоединиться к ДНЯО и поставить свои ядерные объекты под контроль международного агентства. Трудно сказать, какие действия предпримут арабские страны в ответ на усиленные дискуссии вокруг легализации ядерного статуса Израиля.

Эти факты показывают, что Израиль приближается к пересмотру ряда положений политики ядерной непрозрачности, осторожно заявляет о возможности приглашения инспекторов МАГАТЭ на ядерные объекты, начинает присоединяться к международным инициативам по контролю за оборотом расщепляющихся материалов и атомных технологий. В середине 2000-х годов израильские политики делали двусмысленные «оговорки» относительно наличия ядерного оружия у своей страны. Однако после 2008 г. таких заявлений не было. (Возможно, это связано с попытками администрации Б. Обамы дистанцироваться от Тель-Авива.)

Дискуссии о трансформации ядерного статуса Израиля традиционно вызывают негативную реакцию у арабских стран Ближнего Востока. Египет, Сирия, Иордания, Объединенные Арабские Эмираты, Саудовская Аравия и даже Иран все чаще призывают мировое сообщество

воздействовать на Тель-Авив с целью заставить его вступить в режим нераспространения ЯО. Такая ситуация угрожает серьезным кризисом ДНЯО. Ведь создание безъядерной зоны на Ближнем Востоке было одним из негласных условий, на основе которого ближневосточные государства согласились продлить срок действия этого договора на неопределенный период. Нельзя исключать, что дискуссии вокруг ядерного статуса Израиля станут одним из источников серьезного кризиса заметно пошатнувшегося в 2000-х годах международного режима нераспространения.

Политика ядерной непрозрачности сложилась в 1960-х годах под воздействием двух тенденций. С одной стороны, Израиль стремился получить ЯО как средство сдерживания арабских стран Ближнего Востока, а косвенно и СССР. С другой стороны, США опасались начала ядерного конфликта в Ближневосточном регионе и потому препятствовали легализации ядерного статуса Тель-Авива. В таких условиях Израиль выбрал статус «ядерной державы по умолчанию»: он имеет технологии ЗЯТЦ, закрытую от международного сообщества военную ядерную программу, но отказывается провозглашать себя ядерной державой.

Эксперты прогнозируют три возможных сценария развития ситуации вокруг ядерной политики Тель-Авива. Первый предполагает провозглашение его ядерной державой и отказ от политики ядерной непрозрачности. Второй — продолжение политики неопределенности в ее нынешнем виде. Третий — осторожную модернизацию ядерной стратегии в сторону увеличения ее «прозрачного» компонента и осторожное приближение Израиля к статусу «полулегальной» ядерной державы. И хотя последний вариант представляется наиболее реалистичным, в случае резкого изменения ситуации на Ближнем Востоке Тель-Авив может попытаться легализовать свой ядерный арсенал.

Примечания

¹ Литература о ядерной программе Израиля огромна. Укажем лишь некоторые: *Cirincione J., Wolfstal J. B., Rajkmar M.* Deadly Arsenals. Tracking Weapons of Mass Destruction. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2002; *Beehner L.* Israel's Nuclear Program and Middle East Peace/ URL: http://www.cfr.org/publication/9822/israels_nuclear_program_and_middle_east_peace.html; *Cohen A., Barr W.* Israel Crosses the Threshold // Bulletin the Atomic Scientists. May—June 2006. URL: www.thebulletin.org; *Jones R. W., McDonough M. G., Dalton T. F., Koblentz G. D.* Tracking Nuclear Proliferation. A Guide in Maps and Charts. Washington D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 1998; *Seymore M. H.*

The Samson Option: Israel Nuclear Arsenal in American Foreign Policy. N.Y.: Random House, 1991; *Кокочиш А. А., Веселов В. А., Лисс А. В.* Сдерживание во втором веке ядерной эры. М.: Ин-т проблем международной безопасности РАН, 2001; Угрозы режиму нераспространения ядерного оружия на Ближнем и Среднем Востоке / Под ред. А. Арбагова, В. Наумкина. М.: Московский центр Карнеги, 2005.

² См., например: Israel. Nuclear Weapons. URL: <http://www.fas.org>.

³ *Opall B.* Press: Keep Nuclear Details Secret // Defense News, July 29 — August 4 1996. P. 3.

⁴ Подробный анализ и хронологию ядерной программы Израиля см.: Israel. Miriam <http://www.nti.org>.

⁵ *Adamsky D.* The Culture of Military Innovation: The Impact of Cultural Factors on the Revolution in Military Affairs in Russia, the US, and Israel.

⁶ Ежегодник СИПРИ-1995. Вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: Наука, 1996. С. 435.

⁷ *Kroenig M.* Time to Attack Iran. Why a Strike Is the Least Bad Option // Foreign Affairs. January/February 2012. Vol. 91. No 1.

⁸ Системная история международных отношений в четырех томах. 1918–2003. Т. 3. 1945–2003 / Под ред. проф. А. Д. Богатурова. Т. 3. С. 369.

⁹ Ядерный взрыв в кнессете // Известия. 2000. 8 февраля.

¹⁰ Глава кнессета боится израильского ядерного оружия. 4 июля 2003 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.rol.ru/news/misc/news/03/07/04_002.htm.

¹¹ «Вы хотите, чтобы мы сообщили Ирану и Ираку, что у нас есть и сколько?» — сказал, в частности, министр по делам Иерусалима Хаим Рамон. См.: *Шенк В.* Израиль. Ядерная демонизация Израиля. 2006. 21 декабря. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://nuclearno.ru/text.asp?11420>.

¹² «Они окружены ядерными державами — Пакистан на востоке, русские на севере, Израиль на западе и мы в Персидском заливе», — заявил министр обороны США Р. Гейтс о ядерной программе Ирана в ходе сенатских слушаний 7 декабря 2006 г. См.: Incoming U.S. Defense Secretary tells Senate panel Israel has nuclear weapons. URL: <http://www.haaretz.com/hasen/spages/798405.html> (дата посещения: 27.03.2007).

¹³ Израиль может обладать ядерным оружием. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.polit.ru/news/2006/12/12/izrailiad_print.html (дата посещения: 15.03.2007).

¹⁴ *Kohen A.* Israel and the Bomb. N.Y.: Columbia University Press, 1998. URL: <http://www.gwu.edu/~nsarchiv/israel/index.htm>.

¹⁵ *Ibid.* P. 232.

¹⁶ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.washingtontimes.com/news/2009/may/06/us-weighs-forcing-israel-to-disclose-nukes/>.

¹⁷ *Pedatzur R.* Obsessive secrecy undermines democracy. Ha'aretz. 2000. August 8. URL: <http://www.fas.org/news/israel/000808-israel-1.htm>; *Bergman R.* Fighting to preserve the tattered veil of secrecy // Haaretz. 2000. August 6. URL: <http://www.fas.org/news/israel/000806-eye-haaretz.htm>; *Yovel Y.* Blast, from the past to the present // Ha'aretz. 2000. 28 July. URL: <http://www.fas.org/news/israel/000728-israel-1.htm>.

¹⁸ Детали см.: *Lieberman P.* The Rise and Fall of the South African Bomb // *International Security*. Fall 2001. Vol. 26. No 2. P. 45–86.

¹⁹ См.: *Ядерное нераспространение* / Под общ. ред. В. А. Орлова. 2-е изд. М.: ПИР-Центр политических исследований, 2002. Т. I. С. 176.

²⁰ Лондон знал о поставках тяжелой воды в Израиль. 10/12/2005. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.iranatom.ru/news/aeoi/year05/december/brithw.htm>; Норвегия знала, что вооружает Израиль. 07/12/2005. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.iranatom.ru/news/aeoi/year05/december/ipdto.htm>.

²¹ *Лэй Д.* Как Британия дала Израилю бомбу. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.inopressa.ru/guardian/2005/08/04/10:31:37/bomba>.

²² Revealed: how Israel offered to sell South Africa nuclear weapons. URL: <http://www.guardian.co.uk/world/2010/may/23/israel-south-africa-nuclear-weapons>.

²³ По разным оценкам, мощность реактора—наработчика плутония в Димоне составляет от 40 до 150 МВт.

²⁴ Israel: Plutonium Production // *The Risk Report*. July–August 1996. Vol. 2. No 4. URL: <http://www.wisconsinproject.org/countries/israel/plut.html>; Israel: Uranium Processing and Enrichment // *The Risk Report*. July–August 1996. Vol. 2. No 4. URL: <http://www.wisconsinproject.org/countries/israel/uranium.html>.

²⁵ Israeli Nuclear Forces, 2002 // *Bulletin of the Atomic Scientists*. September/October 2002.

²⁶ Ежегодник СИПРИ-2000. С. 485–486.

²⁷ *Кокوشин А. А.* Ядерные конфликты в XXI веке. М.: Медиа Пресс, 2003. С. 137.

²⁸ Израильский ядерный потенциал как предвестник апокалипсиса на Ближнем Востоке. РИА «Новый регион». 17.01.07. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.nr2.ru/99799.html>.

²⁹ *Cirincione J., Wolfstal J. B., Rajkmar M.* Op. cit. P. 226.

³⁰ Ежегодник СИПРИ 2005. Вооружение, разоружение и международная безопасность. М.: Наука, 2006. С. 784.

³¹ См., например: Димонизация Израиля. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.otechestvo.org.ua/main/20071/606.htm>.

³² Ежегодник СИПРИ 1995. Вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: Наука, 1996. С. 436.

³³ *Тимербаев Р. М.* Насколько реально создание безъядерной зоны на Ближнем Востоке? // *Ядерный контроль*. 1995. № 12. С. 7–11.

³⁴ Цит. по: *Ядерное нераспространение*. Т. I. С. 185.

³⁵ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://unispal.un.org/UNISPAL.NSF/0/8CC31D0F1BD18B4B852569CE00590AA2/>

³⁶ Там же.

³⁷ Взгляд. Деловая газета. 2012. 1 октября. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://vz.ru/news/2012/10/1/600631.html>.

³⁸ *Levite A. E.* Never Say, Never Again: Nuclear Reversal Revisited // *International Security*. Winter 2002/03. Vol. 27. No 3. P. 72.

³⁹ Подробный анализ этой проблемы см.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.nti.org/e_research/profiles/Israel/Nuclear/3635_5224.html.

⁴⁰ Netanyahu Wants Veil on Israeli Nuclear Secrets Lifted: Report. Agence France Presse, 2001. 7 September.

⁴¹ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.nti.org/e_research/profiles/Israel/Nuclear/3635_6329.html.

⁴² Бен-Элиэзер Б. Проект АЭС будет вскоре представлен. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.newsru.co.il/israel/04aug2007/aes914.html>.

Проблема безопасности ядерных объектов Пакистана

За последние десять лет ключевым направлением американских дискуссий о проблеме «несостоявшихся государств» стала проблема сохранения стабильности непризнанного ядерного государства — Пакистана. В 1980—1990-х годах пакистанская тематика была в американских исследованиях относительно маргинальной. Преобладающую роль играл вопрос о способности государственных институтов африканских и латиноамериканских государств контролировать свою территорию. Ситуация изменилась после ядерных испытаний Пакистана (1998) и начала антитеррористической операции США в Афганистане (2001). С этого времени в американской аналитике постоянно обсуждались сценарии возможного распада Пакистана и попадания его ядерного арсенала в руки исламских радикалов.

На протяжении 2000-х годов США создали уникальную схему внешней поддержки Пакистана: 1) финансово-экономическая помощь правительству; 2) содействие Исламабаду в проведении военных операций; 3) дозированное участие США в управлении ядерным потенциалом этой страны¹. Однако в начале 2010-х годов между Соединенными Штатами и Пакистаном формируется комплекс противоречий, который принимает все более глубокий характер. Под сомнением оказывается союзнический вектор их отношений, возникают новые конфликтные грани, порожденные самой схемой двусторонних отношений, которая осталась фактически неизменной с середины 2000-х годов.

16.1. Проблема ядерной безопасности Пакистана в оценках американских экспертов

Сама по себе идея введения «внешнего управления» ядерными арсеналами «проблемных» стран для американской стратегической культуры не нова. Истоки такой политики восходят к 1946 г., когда американская делегация в Комиссии ООН по атомной энергии под руководством Б. Баруха разработала план международного сотрудничества по линии мирного использования энергии атома.

В скрытой форме идея «международного контроля» над ядерными объектами других стран присутствовала и в принципе открытого неба, выдвинутом американской делегацией на саммите в Женеве 1955 г. В качестве «меры доверия» предлагалось разрешить всем участникам будущего договора свободные полеты самолетов-разведчиков и аэрофотосъемки территорий всех стран.

После окончания «холодной войны» полигоном для проверки этой схемы стал Пакистан. В исследовательском сообществе США он изначально воспринимался двойственно. Большинство американских экспертов осуждали провозглашение Пакистана ядерным государством в 1998 г. и фиксировали его политическую неустойчивость². Но эта страна со времен Афганской войны 1979–1989 гг. имела де-факто союзнические отношения с США, и ее руководителей нельзя было компрометировать введением внешнего управления. Поэтому эта ясная (для американцев) и полезная (для них же) идея оказания внешней помощи Пакистану не могла служить основой официальной позиции Вашингтона. Требовались более тонкие решения ради сохранения в этой стране политической стабильности и обеспечения контроля Исламабада над собственным ядерным потенциалом.

Американские исследователи с особой тревогой указывают на три обстоятельства. *Во-первых*, на севере Пакистана, у границ горных систем Памира и Гиндукуша, фактически воссоздано квазигосударство вытесненных из Афганистана талибов, которые снова повели борьбу против афганского правительства с пакистанской территории. В 2003 г. в печати сообщалось о проникновении (фактически о возвращении) талибов в северо-западные районы Пакистана и распространении радикального ислама среди проживающих в этой части страны пуштунских племен. В случае если афгано-пакистанская граница превратится в театр военных действий, угроза может возникнуть таким объектам, как предполагаемый ядерный полигон в Чагаи-Хилз (*Chagai Hills*), производства расщепляющихся материалов в Кунидане (*Kundian*), атомная электростанция в Чашме (*Chashma*), урановые копи Кабул-Хел (*Quabul Khel*), завод по переработке урановой руды в Исса-Хел (*Issa Khel*). С весны 2004 г. пакистанская армия была вынуждена проводить масштабные боевые операции против отрядов «Аль-Каиды» и движения «Талибан» на афгано-пакистанской границе. По мнению американских экспертов, боевики ставили своей целью прорыв к ядерным объектам в западной части Пакистана³. Тревоги американских экспертов особенно возросли после серии неудачных действий пакистанской армии в «зоне племен» в 2007–2008 гг.

Ситуация представлялась особенно тревожной, поскольку официальная афгано-пакистанская граница, установленная в соответствии с линией Дюранда 1893 г., признается окончательной в Пакистане, но оспаривается многими афганскими руководителями⁴. Опыт четырех лет Второй Афганской войны показал, что талибы обладают высокой оперативной мобильностью и в будущем могут нападать на Пакистан практически с любого участка афгано-пакистанской границы. Наконец, ядерные объекты на западе Пакистана строились в стратегическом тылу с точки зрения сценариев индо-пакистанского конфликта, но никак не пакистано-афганского⁵. Они недостаточно защищены от возможного удара со стороны горных районов Афганистана. Примечательно, что в сообщениях о боях в Пакистане, как правило, не говорится точно о районах боевых действий. Поэтому бывает сложно установить, насколько далеко или, наоборот, близко от ядерных объектов происходят вооруженные стычки.

Во-вторых, американские исследователи фиксируют рост активности радикальных салафитов внутри пакистанского общества. Данная тема трактуется в американской литературе двойственно. В докладах ведущих аналитических центров США говорится об активизации исламских экстремистов в самом Пакистане и росте популярности радикально-исламских настроений в пакистанской армии⁶, тем более что на протяжении 1990-х годов она оказывала большую поддержку радикально-исламскому движению «Талибан»⁷. Аналитики опасаются, что ядерные объекты Пакистана могут стать легкой добычей радикалов не только из-за возможного наступления с северо-запада пуштунов-талибов, но и в результате действий собственно пакистанских террористических сетей. В декабре 2004 г. эксперты Национального разведывательного совета США (*National Intelligence Council*), в частности, предположили, что в пакистанском обществе могут возникнуть радикально-шиитские организации, нацеленные на свержение светского режима П. Мушаррафа и борьбу с «неверными» — американцами, британцами и индийцами⁸.

В-третьих, пакистанские научные центры оказались вовлечены в транснациональный нелегальный бизнес, занимающийся поставками на мировой черный рынок урана ядерных технологий. На рубеже 2003—2004 гг. были вскрыты (хотя и не доказаны) факты незаконной продажи пакистанских ядерных материалов — газовых центрифуг, позволяющих добиться нужной степени обогащения U-235 (3—5% для твэлов атомных электростанций и более 20% для ядерных боеприпасов) — в Иран, Ливию и КНДР⁹. Согласно официальным данным, поставки осуществлялись ведущим ядерным центром Пакистана — Исследовательской лабораторией Абдул Кадыр Хана (*Khan Research Laboratory — KRL*). Ин-

теллектуальное сообщество США встревожил не только факт поставок ядерных технологий режимам «оси зла», но и то обстоятельство, что торговля осуществлялась через систему международных посредников.

Если А. К. Хан и ведущие физики Пакистана действовали в рамках официальных полномочий, то получается, что правительства «новых ядерных держав» поставляют ядерные технологии «странам-изгоям», а возможно, и транснациональным террористическим организациям. Если же «сеть Хана» осуществляла поставки в обход официальных властей (а именно на такой версии настаивает официальный Исламабад), то в Пакистане возникла параллельная государству сетевая система нелегального экспорта расщепляющихся материалов¹⁰.

Американские аналитики приходят к выводу, что в Пакистане происходит фрагментация власти государства — оно теряет некоторые свои важнейшие функции, которые перехватываются негосударственными субъектами, в данном случае сетями нелегального сбыта ядерных материалов¹¹. Угроза распространения ЯО может исходить не только со стороны «сильных» авторитарных режимов, стремящихся получить ОМП, но и со стороны «слабого» авторитарного режима Пакистана, неспособного обеспечить должную сохранность своему ядерному потенциалу.

Вырисовывается пугающая перспектива деструкции Пакистана как хоть и непризнанного, но все же ядерного государства.

Особого внимания заслуживают в таком контексте размышления американского исследователя Джорджа Квестора. В 2006 г он опубликовал работу «Первый ядерный удар: последствия нарушенного табу»¹². В условиях распространения ЯО, по его мнению, возможен ядерный конфликт в странах третьего мира, вызванный не обязательно с сознательным использованием атомного оружия, но с воздействием в том или ином виде ядерного фактора. Среди возможных сценариев «периферийного» ядерного конфликта Дж. Квестор выделял:

- заражение территории радиоактивными отходами;
- нападение на реакторы атомных электростанций;
- детонации ядерного оружия в результате превентивного удара с использованием обычных вооружений;
- неудачная попытка использования ЯО одной из развивающихся стран (из-за технического несовершенства боеголовка не взорвалась или ее поражающее действие оказалось меньше ожидаемого);
- использование обычных вооружений, принятых за ядерные;
- проведение ядерных испытаний в разгар конфликта.

Все это, по мнению автора, могло бы спровоцировать эскалацию и стать прологом к размыванию установки воздерживаться от применения ядерного оружия. Речь прежде всего шла о Пакистане: сценариях индо-пакистанского столкновения и распада Пакистана с неясным будущим его ядерного потенциала.

Особое внимания Дж. Квестор уделяет сценарию ядерной войны Индии и Пакистана. В случае ее возникновения США следует отложить соображения, вытекающие из союзнических обязательств. Прежде всего нужно прекратить обмен ядерными ударами. Если обе страны имеют ЯО, то на начальном этапе необходимо будет объединиться с государством, обладающим большим ядерным потенциалом, чтобы обезоружить более слабую сторону. Логика Дж. Квестора проста: пока арсенал одной из них не будет уничтожен, обмен ядерными ударами не прекратится. Только потом будет поставлен вопрос о репарациях, возмещении ущерба и, возможно, о ядерном разоружении более сильной стороны, если она инициировала конфликт. Однако в работе Дж. Квестора почти не описан сценарий захвата пакистанских ядерных объектов радикально-исламскими силами.

По мнению американских исследователей, возможный распад Пакистана будет отличаться от относительно «мирного роспуска» СССР в 1991 г. В Советском Союзе не было радикальных организаций, способных захватить и тем более активизировать ядерные системы. Кроме того, в СССР уже существовали вполне жизнеспособные протогосударственные образования — союзные республики, которые могли приступить к осуществлению властных полномочий и начать переговоры о судьбе ядерных объектов. А в Пакистане преемниками нынешней государственной власти могут оказаться различные этнические группы, коррумпированные сообщества типа «сети Хана» и радикальные исламисты, ведущие боевые действия против правительственных войск.

16.2. Американо-пакистанские переговоры об обеспечении безопасности ядерных объектов Пакистана

Американо-пакистанское взаимодействие в ядерной сфере имеет под собой давнюю основу. В 1950-х годах Пакистан стал союзником США, вступив в блоки СЕАТО (1954) и СЕНТО (1955). В 1965 г. Соединенные Штаты начали поставлять топливо для его исследовательского реактора, на который по настоянию Вашингтона стали распространяться гарантии МАГАТЭ¹³. Ситуация изменилась после того, как Па-

кистан запустил в 1971—1972 гг. военную ядерную программу. В 1976 г. госсекретарь США Г. Киссинджер попытался оказать давление на президента Пакистана З. А. Бхутто, вынуждая его отказаться от разработок ЯО¹⁴. В 1977 г. конгресс принял «поправку Гленна—Саймингтона»: законодательную инициативу, предусматривавшую прекращение предоставления экономической помощи стране, импортировавшей ядерное оборудование без гарантий МАГАТЭ.

Позиция Вашингтона вновь смягчилась после начала войны в Афганистане. В 1981 г. администрация Р. Рейгана на шесть лет вывела Пакистан из-под действия «поправки Гленна—Саймингтона». Вашингтон начал поставлять системы ПВО для прикрытия его ядерных объектов. В 1983 г. Госдепартамент США констатировал, что имеются неоспоримые доказательства реализации Пакистаном военной ядерной программы. В такой ситуации конгресс США принял в 1985 г. «поправку Пресслера» к «инициативе Гленна—Саймингтона». Она требовала от президента в начале каждого финансового года подтверждать перед конгрессом, что Пакистан не имеет ядерного оружия и помощь США уменьшает риск его приобретения Исламабадом. В противном случае Вашингтон должен был прекратить эту помощь. До 1989 г. президенты Р. Рейган и Дж. Буш-старший подтверждали отсутствие у Пакистана ЯО. (В 1989 г. подтверждение было дано после того, как премьер-министр Б. Бхутто гарантировала отказ пакистанской стороны от продолжения производства оружейного урана.) В октябре 1990 г. президент Дж. Буш-старший отказался давать конгрессу заверения об отсутствии у Пакистана ядерного взрывного устройства. Это означало отмену «поправки Пресслера».

После проведения Исламабадом ядерных испытаний в мае 1998 г. Вашингтон взял курс на усиление давления на союзника. 6 июня 1998 г. президент У. Клинтон при поддержке конгресса ввел против Пакистана санкции. Соединенные Штаты заявили о свертывании программ финансирования военно-технического сотрудничества, поставок технологий двойного назначения, стимулирования развития двусторонних экономических связей. Вашингтон добивался от Исламабада подписания ДВЗЯИ, объявления моратория на производство расщепляющихся материалов, ограничение программ по созданию средств доставки ЯО, введения запрета на экспорт расщепляющихся материалов и технологий военного назначения в другие страны¹⁵. Санкции, однако, не имели успеха. Пакистанская сторона после 1998 г. продолжала наработку расщепляющихся материалов для производства новых ядерных боезарядов.

Новый виток взаимодействия сторон в ядерной сфере начался в 2000-х годах. Сведения о том, что радикальные исламисты могут попытаться захватить пакистанские ядерные объекты впервые просочились в печать осенью 2001 г. Тогда «в ответ» на начало антитеррористической операции США в Афганистане местные исламисты организовали многотысячные митинги и демонстрации в поддержку афганских талибов, угрожая «исламской революцией» против правительства президента П. Мушаррафа¹⁶. В 2002 г. в американской прессе стали появляться публикации о возможной «утечке» пакистанских ядерных материалов в КНДР¹⁷. Акценты в сообщениях делались на неспособности страны обеспечить надежную охрану собственных ядерных объектов. Однако о полномасштабном «пакистанском кризисе» ведущие аналитические центры США заговорили только в начале 2004 г. — после разоблачения «сети Хана» и активизации боевых действий на северо-западе страны¹⁸. Остро встал вопрос о возможности помощи Вашингтона в обеспечении сохранности ядерных объектов Пакистана.

В исследовательской литературе циркулировало несколько вариантов оказания подобной помощи. *Во-первых*, говорилось об обеспечении допуска американских специалистов и инспекторов к пакистанским ядерным объектам. *Во-вторых*, о разработке и заключении двустороннего соглашения о принятии совместных мер для противодействия распространению ЯО в случаях чрезвычайных ситуаций (возможно, с подключением к подобному соглашению антикризисных механизмов НАТО). *В-третьих*, о формировании правовых основ для оказания военной помощи Пакистану в случае нападения на его ядерные объекты. *В-четвертых*, о воздействии на Исламабад с целью убедить его ужесточить нормы контроля над экспортом расщепляющихся материалов и технологий¹⁹. Разнообразие этих вариантов свидетельствует о несомненном интересе американских специалистов к проблематике участия США в разработке стандартов физической защиты ядерных объектов за пределами своей территории и применении этих стандартов на практике — при участии американских представителей, если не под их руководством.

Консультации между США и правительством П. Мушаррафа начались в 2000 г. В это время президент Пакистана учредил Систему национального командования (*National Command Authority — NCA*), в состав которой вошли президент, руководители военных ведомств и командующие различными родами войск пакистанской армии. П. Мушарраф обратился к США с просьбой поставить для *NCA* системы *PAL* (*Permissive Action Links*), которые блокируют применение ЯО и могут быть отключены только с помощью сложных цифровых кодов с санкции пре-

зидента. Однако администрация У. Клинтона отказалась предоставить подобные системы: Белый дом опасался, что факт поставок систем *PAL* будет означать косвенное признание ядерного статуса Пакистана²⁰.

После начала антитеррористической операции Соединенных Штатов в Афганистане контакты между союзниками расширились. 19 октября 2001 г. во время визита в Пакистан госсекретаря США К. Пауэлла стороны обсуждали различные варианты оказания помощи правительству П. Мушаррафа в сфере обеспечения безопасности хранения пакистанского ЯО. Американские эксперты прорабатывали вопрос о поставках Пакистану:

- 1) передатчиков, с помощью которых правительства обеих стран могли бы отслеживать перемещение пакистанских ядерных боезарядов;
- 2) систем, позволяющих при наличии соответствующего технического персонала уничтожать ЯО в случае возникновения реальной опасности для пакистанских ядерных объектов²¹.

И хотя в тот момент П. Мушарраф отклонил предложения администрации Дж. Буша, в индийской прессе появились сообщения о том, что в критической ситуации США на основании договоренности с Исламабадом могут вывезти пакистанское ЯО из страны²².

Зимой 2004 г. обсуждение пакистанской проблемы стало выходить на новый уровень. Мотив возможной помощи Пакистану в охране его ядерных объектов зазвучал в заявлениях Госдепартамента, Минобороны и даже президента США²³. Конкретные аспекты взаимодействия начали прорабатываться в марте 2004 г., когда американские военные проводили крупную операцию «Буря в горах» в приграничном с Афганистаном районе, а пакистанская армия начала наступление в районе, граничащем с южными частями Афганистана. После этого представители США стремились приобрести в той или иной форме право на вмешательство во внутрипакистанские конфликты.

17 марта 2004 г. госсекретарь К. Пауэлл посетил с официальным визитом Исламабад и заявил, что Вашингтон «объявит Пакистан одним из основных союзников вне НАТО с целью укрепления наших военных отношений в будущем»²⁴. Окончательно статус «*Major Non-NATO Ally (MNNNA)*» был предоставлен Пакистану в июне 2004 г., для чего президент Дж. Буш использовал 517-й параграф Закона о внешней помощи (*Foreign Assistance Act*) 1961 г.²⁵ По мнению официальных представителей США, эти меры должны были помочь пакистанскому руководству изгнать со своей территории исламских радикалов.

Соединенные Штаты попытались подключить союзника к антикризисным механизмам НАТО. Правда, никакой официальной реакции штаб-квартиры альянса на предоставление ему статуса *MNNA* в рамках двусторонних отношений Вашингтона и Исламабада не последовало. Однако за последние четыре года вблизи Пакистана у НАТО возникли две новые (хотя официально таковыми не признаваемые) зоны ответственности — в Афганистане и Центральной Азии²⁶. Пакистанская тематика звучала в кулуарах Берлинской конференции по Афганистану (31 марта 2004 г.) и Стамбульского саммита НАТО (28–29 июня 2004 г.)²⁷. Оказание помощи Пакистану в защите его ядерных объектов от террористов вполне может оказаться одной из функций альянса в дальнейшем²⁸. Проблема, однако, в том, что подобного рода силовые действия могут запоздать — исламские радикалы захватят ядерные объекты Пакистана до того, как он получит помощь от США и структур НАТО.

Осенью 2004 г. между представителями МАГАТЭ и администрацией П. Мушаррафа состоялся письменный обмен мнениями по поводу контроля над экспортом продукции, технологий, материалов и оборудования, используемых при разработке ядерного и биологического оружия и средств их доставки. По итогам переговоров Исламабад модифицировал свое экспортное законодательство, согласившись сделать свою экспортную систему более прозрачной для контроля представителей МАГАТЭ²⁹. В мае 2005 г. Пакистан пошел навстречу агентству и передал в его распоряжение определенные ядерные материалы со своих объектов (в основном те, что были связаны с «делом Хана») ³⁰. Под воздействием этих событий в Соединенных Штатах стала обсуждаться вероятность заключения аналогичного договора между Пакистаном и США на уровне министерств энергетики³¹.

Новый этап пакистанского кризиса начался в ноябре 2004 г., когда Пентагон провел крупную боевую операцию на афгано-пакистанской границе. В декабре 2004 г. на сайтах ведущих американских исследовательских центров появилось большое количество аналитических докладов об опасности скорого территориального распада Пакистана и утечки его ядерных технологий³². Проблема «соучастия» американских специалистов в управлении пакистанскими ядерными объектами получила новое измерение³³. Зимой 2004/05 г. в американской прессе появились сообщения о возможности подключения Пентагона к охране пакистанских ядерных объектов, хотя такие публикации можно рассматривать лишь как зондаж общественного мнения с целью выявить масштабы сопротивления попыткам заключить подобное соглашение³⁴.

22 ноября 2004 г. американский телеканал «*Fox News*» сообщил, что достигнуто соглашение о возможности участия американских военнослужащих в защите пакистанских ядерных объектов³⁵. Речь шла о предоставлении США права самостоятельно проводить военные операции на пакистанской территории. Подобную информацию передали и другие американские телеканалы. Это вызвало недовольство правительства Пакистана. 5 декабря 2004 г. Исламабад официально дезавуировал это сообщение. Администрация Дж. Буша-младшего оставила пакистанский комментарий без ответа. Но с этого времени отношения союзников стали постепенно ухудшаться.

Статус Пакистана оставался при этом двойственным. Исламабад был объявлен «ключевым союзником вне НАТО» только в рамках совместной борьбы с терроризмом, в остальных сферах США не давали обязательств оказывать военную помощь. Несмотря на это, Исламабад получил право приобретать вооружение у США и финансовую помощь на укрепление спецслужб и ядерных объектов. Детали военного сотрудничества в рамках нового статуса были проработаны во время визита в Вашингтон министра иностранных дел Хасуда Касури 8–9 июня 2005 г.³⁶ В таком контексте вряд ли будет неожиданностью, если однажды США окажут армии Пакистана помощь в обеспечении безопасности его ядерных объектов в случае бунта провинций или внезапного наступления талибов.

Расширение партнерства с США позволило правительству П. Мушаррафа усилить позиции. В марте 2005 г. вооруженные силы Пакистана приняли новое наступление в Северном Вазиристане, которое позволило снизить активность радикальных исламистов в западных районах страны. В мае 2005 г. был арестован ряд руководителей пакистанской ячейки «Аль-Каиды», согласно официальным сообщениям готовивших покушение на П. Мушаррафа. 30 июля 2005 г. президент взял обязательства арестовать руководителей всех действующих в Пакистане руководителей экстремистских организаций и заявил, что радикально-исламистские сети Пакистана раздроблены и общаются только с помощью курьеров. Исламабад принял также решение выслать 1400 иностранных учеников школ медресе. Эти действия позволили ослабить напряженность в стране.

В 2005 г. многим аналитикам казалось, что ситуация вокруг Пакистана начинает нормализоваться сама по себе. Его правительство оказалось сильнее, чем думали. Но в 2006 г. кризис в Пакистане вновь обострился. В СМИ появились сообщения, что непризнанное «исламистское государство» в Северном Вазиристане активизировало

контракты с «Аль-Каидой», а в самом Пакистане возрождается угроза «уличной революции» против П. Мушаррафа³⁷. Не меньшие опасения вызвали появившиеся 8 февраля 2006 г. сообщения о маломощном взрыве на территории исследовательского центра в Кахуте, хотя глава пресс-службы армии Пакистана генерал-майор Шаукат Султан отверг версию о причастности к взрыву террористов³⁸. В ходе визита в Исламабад президента Дж. Буша 4 марта 2006 г. стороны договорились о расширении формата двустороннего взаимодействия³⁹. Но базовый документ об основах американо-пакистанских отношений подписан не был. Это породило новые трения в отношениях сторон.

Большой интерес представляет и предпринятая Дж. Бушем попытка организовать одновременный визит в США президентов Афганистана Х. Карзая и Пакистана П. Мушаррафа. Темой трехсторонней встречи 27 сентября 2006 г. стали вопросы взаимодействия сторон в борьбе с терроризмом в связи с резкой активизацией талибов в регионе⁴⁰. Вашингтон стремится сгладить пограничные споры между Кабулом и Исламабадом, а возможно, и создать своеобразный трехсторонний альянс для борьбы с радикально-исламистскими сетями и их квазиармиями.

Соединенные Штаты настроены на предотвращение перехода ядерных материалов «слабых» стран в террористические организации. Применительно к Пакистану в рамках американской стратегии контрраспространения присутствуют новые компоненты:

- обеспечение допуска американских специалистов и инспекторов к ядерным объектам «ненадежных» иностранных государств;
- разработка и заключение международных соглашений союзниками о принятии совместных мер для противодействия распространению в чрезвычайных ситуациях;
- формирование правовых и политических основ для обеспечения в той или иной форме внешнего управления ядерными объектами «слабых» государств с целью предупреждения их захвата террористами или иными враждебными силами;
- ужесточение международных норм контроля над экспортом расщепляющихся материалов и технологий.

Но трехсторонний саммит закончился неудачей. Главную его цель Вашингтон видел в том, чтобы сгладить пограничные споры между Кабулом и Исламабадом⁴¹. Президент Дж. Буш попытался создать трехсторонний альянс Афганистана, Пакистана и США для борьбы с талибами. Но президент Х. Карзай вновь отказался признать линию Дюранда в качестве основы афгано-пакистанской границы. Преодо-

леть взаимное недоверие Исламабада и Кабула в середине 2000-х годов не удалось.

16.3. Проблема демократизации Пакистана в контексте ядерной политики США

Наряду со сценариями «кризисного реагирования» в Вашингтоне с 2005 г. рассматривались различные версии стабилизации Пакистана через его внутреннюю эволюцию, т.е. демократизацию политической системы страны. Распространено мнение, что этот путь позволит сделать Пакистан более контролируемым, но одновременно избавит Вашингтон от необходимости поддерживать хрупкий и авторитарный режим П. Мушаррафа⁴². Подобные рассуждения влияют на курс администрации Дж. Буша. В американском истеблишменте постоянно обсуждается тезис о медленном движении Пакистана «к большей демократии».

Представители Госдепартамента и сената заявляют, что по сравнению с 2001 г. Пакистан существенно демократизировал свой режим. За рассуждениями о «продвижении к демократии» стоят конкретные требования к Мушаррафу: расширить полномочия парламента, уменьшить роль военных в политическом управлении и восстановить выборность местных органов власти⁴³. Согласно официальной позиции Госдепартамента эти меры придадут режиму необходимую легитимность и помогут создать необходимую институциональную опору. Одновременно речь идет об оказании помощи Мушаррафу в создании дееспособной властной вертикали.

Но поскольку руководство США, по всей видимости, не было склонно переоценивать вероятность демократической трансформации Пакистана и его стабилизации таким путем, вопрос о разработке схем внешнего управления пакистанским ядерным потенциалом с повестки дня не снимается. Речь идет о том, чтобы при помощи энергичного вмешательства извне помочь Исламабаду «избавиться от давления транснациональных сетей»⁴⁴.

В рамках такой стратегии разрабатывались планы взаимодействия США с разведывательными и силовыми структурами Пакистана, установления режима внешнего контроля над любой продукцией ядерного сектора, оказания технической помощи силами американских специалистов в деле охраны и эксплуатации ядерных объектов. Не исключалось вовлечение международных организаций (ООН и МАГАТЭ) в управление ядерными объектами Пакистана, а то и установление прямого контроля над ними на основе соответствующего договора между Вашингтоном и Исламабадом.

С начала 2007 г. между США и правительством П. Мушаррафа стали нарастать противоречия. Соединенные Штаты еще в 2005 г. объявили о поддержке проекта демократизации Пакистана как части общей стратегии демократизации Большого Ближнего Востока. Администрация Дж. Буша выделяла финансовые средства на совершенствование избирательной системы Пакистана (прежде всего ее технических компонентов) и поддерживала демократическую оппозицию во главе с Б. Бхутто. Однако после региональных выборов осенью 2005 г. в стране укрепились радикальные исламисты. На протяжении 2007 г. они организовали несколько вооруженных мятежей. Исламабад упрекал Вашингтон, что политика демократизации Пакистана ведет к усилению позиций исламистов.

Другой проблемой стали неудачи Пакистана в Вазиристане. С начала 2007 г. Пакистан провел серию операций в Вазиристане, которые, однако, не привели к успеху. В конце 2007 г. конфликт распространился на регион Сват. В январе 2008 г. пакистанская армия потерпела поражение в сражении у Сарароги. США все чаще самостоятельно наносили удары по пакистанской территории.

3 ноября 2007 г. президент Пакистана ввел в стране чрезвычайное положение, что вызывало негативную реакцию Белого дома, который увидел в этом попытку воздействовать на демократическую оппозицию страны. Негативно США отреагировали и на гибель Б. Бхутто 27 декабря 2007 г. П. Мушарраф подвергался все более жесткой критике внутри страны из-за политики приоритетного партнерства с США, а 18 августа 2008 г. ушел в отставку. Новым президентом Пакистана стал Асиф Али Зардари (муж погибшей Б. Бхутто), который выступал за более жесткий подход к отношениям с США.

На первых порах контакты А. А. Зардари с Белым домом складывались сложно. В сентябре 2008 г. США провели крупную операцию на афгано-пакистанской границе, которая затронула пакистанскую территорию, новое правительство заявило официальный протест США и пригрозило пересмотреть отношения. 23 сентября Пакистан временно закрыл снабжение группировки НАТО в Афганистане через свою территорию. Ситуация нормализовалась только после прихода к власти администрации Б. Обамы. 2 января 2009 г. Пакистан открыл путь снабжения силам НАТО в Афганистане. Пентагон продолжал наносить удары по пакистанской территории, но согласовывал свои действия с Исламабадом. Американские инструкторы усилили помощь в обучении армии союзника.

Но трения между Вашингтоном и Исламабадом сохранились. Американские официальные лица продолжали обвинять Пакистан в недостаточной борьбе с талибами. (С таким заявлением выступила, например, госсекретарь США Х. Клинтон 23 апреля 2009 г.) Официальный Исламабад обвинял Вашингтон в нанесении ударов без согласия с его стороны. Трения обострились после уничтожения США Усамы бен Ладена на пакистанской территории 2 мая 2011 г. Исламабад вновь выражал протесты против нанесения авиационных ударов США по своей территории.

Ситуация стала меняться после Лиссабонского саммита НАТО 20–21 ноября 2010 г. Его решения предусматривали вывод в 2014 г. миротворческих сил из Афганистана, что вызвало двойственное отношение Исламабада. Теоретически вывод войск НАТО усилит роль Пакистана в афганской политике, прежде всего за счет взаимодействия с пуштунским населением соседа. Но в Пакистане понимают неустойчивость положения правительства Х. Карзая. Свертывание присутствия НАТО с высокой вероятностью приведет к возобновлению войны в Афганистане, к втягиванию в конфликт Пакистана и усилению масштаба военных действий в Вазиристане. Лиссабонские решения усилили, таким образом, растущее недоверие Исламабада к американской политике в Центральной Азии.

До осени 2011 г. эксперты прогнозировали, что американо-пакистанские трения будут развиваться по сценарию 2008 г., когда после взаимных обвинений стороны пришли к компромиссу. Но ситуация стала развиваться иначе. 26 ноября 2011 г. авиация НАТО нанесли удар по деревне Моманд на афгано-пакистанской границе, погибли 26 военнослужащих Пакистана. В ответ Исламабад заявил о пересмотре отношений с Вашингтоном, а 27 ноября 2011 г. официально отказал НАТО использовать базу Шамси для снабжения афганской группировки. 11 декабря 2011 г. военнослужащие стран НАТО в экстренном порядке покинули эту базу, что существенно затруднило снабжение группировки НАТО в Афганистане.

Возникшая ситуация ставит под сомнение способность сторон взаимодействовать на базе соглашений середины 2000-х годов. В то время приоритетной задачей было предотвращение распада Пакистана. Теперь он позиционирует себя скорее как полноценную региональную державу, чем младшего партнера США. Возникает объективный запрос на обновление системы двусторонних отношений. Однако найти компромиссный вариант взаимодействия Исламабада и Вашингтона

пока не удалось. Пакистанская сторона не готова рассматривать себя как младшего партнера США. Это усиливает недоверие в двусторонних отношениях.

Во второй половине XX в. основной угрозой считалось приобретение «пороговым» государством ЯО. В 2000-х годах на первое место выходит предотвращение «пакистанского сценария» — утечки ядерных материалов и технологий через систему международных криминальных сетей. В отсутствие механизмов разоружения новых ядерных субъектов такой подход теоретически мог бы сгладить негативный эффект от эрозии режимов нераспространения ОМП.

Проблема, однако, в том, что «пакистанские дискуссии» задают новую плоскость понимания ядерного конфликта. Во второй половине XX в. единственно возможным сценарием такого конфликта считалось столкновение великих держав. В начале 2000-х заговорили о возможности использования ядерных материалов транснациональными террористическими сетями. Сегодня предметом анализа становятся сценарии возникновения конфликтов вследствие распада «слабых» ядерных государств, захвата их ядерного потенциала транснациональными субъектами, а также войн, вызванных сопротивлением попыткам силой установить внешний контроль (международную опеку) над ядерными объектами тех или иных государств. Возможно появление нового типа конфликта — между поддерживаемыми США международными организациями и «проблемными» ядерными державами, не соглашающимися передавать свой ядерный арсенал под международный контроль.

Примечания

¹ *Chakma Bh.* Pakistan's Nuclear Doctrine and Command and Control system; Dilemmas of Small Nuclear Forces in the Second Atomic Age. URL: <http://docs.google.com/viewer?a=v&q=cache:OjfChqP-nvkJ:www.securitychallenges.org.au/ArticlePDFs/vol2no2Chakma.pdf+pakistan+nuclear+doctrine+threatening+azad+kashmir&hl=en&gl=uk&sig=AHIEtbSbNvjWGTbeflkMh8zY6EOZHP0SEA>.

² *Bracken P.* The Second Nuclear Age // Foreign Affairs. January/February 2000. Vol. 79. No 1.

³ См., например: Chairmen's Report of an Independent Task Force Co-Sponsored by the Council on Foreign Relations and the Asia Society, October 2003. URL: <http://www.cfr.org/pdf/India-Southasia.pdf> (дата посещения: 29.06.2005); *Bunn M., Wier A.* Securing the bomb. An Agenda for action. Commissioned by nuclear threat initiative. May 2004. URL: http://www.nti.org/e_research/analysis_cnw-mupdate_052404.pdf (дата посещения: 25.12.2004); "Pakistan-U.S. Relations,"

CRS Report. Updated 8 October 2004. URL: <http://fpc.state.gov/documents/organization/37133.pdf>.

⁴ Богатуров А. Д. Центральнo-Восточная Азия в современной международной политике // Восток (Oriens). 2005. № 1. С. 103–194.

⁵ См.: Koch A., Topping J. Pakistan's Nuclear weapons Program: A Status Report // The Nonproliferation Review. Spring–Summer 1997. P. 109–113. URL: <http://cns.miis.edu/pubs/npr/vol04/43/коктоп43.pdf>.

⁶ См., например: Carafano J. J., Rosenzweig P. Winning the long war. Lessons from the Cold War for Defeating Terrorism and Preserving Freedom. Washington: Published by Heritage Books an activity of The Heritage Foundation, 2005. P. 176–193; Kuchibhotla K., McKinzi M. Nuclear Terrorism and Nuclear Accidents in South Asia. URL: <http://www.stimson.org/southasia/pdf/reducingnukes-section5.pdf>.

⁷ Experts: Ethnic Rifts Dividing Al Qaeda. http://www.foxnews.com/printer_friendly_story/0,3566,156185,00.html; Islam gains power in Pakistan election. <http://www.timesonline.co.uk/article/0,,3-443922,00.html>.

⁸ См.: Mapping the Global Future. Report for the national Intelligence Council's 2020 Project. URL: <http://www.worldcatlibraries.org/wcpa/ow/c1b54948eb3dbf73a19afeb4da09e526.html>. P. 15, 82, 85, 98.

⁹ Weapons of Mass Destruction: Trade Between North Korea and Pakistan. CRS Report, Updated 11 March 2004. URL: <http://fpc.state.gov/documents/organization/30781.pdf>.

¹⁰ Kerr P. New Details Emerge on Pakistani Networks // Arms Control Today. May 2005. URL: <http://www.nci.org/ind-pak.htm>.

¹¹ См.: Universal Compliance. A Strategy for Nuclear Security. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2005. P. 159–169. Интересный материал см. также: CNN examines threat of 'Nuclear Terror'. URL: <http://edition.cnn.com/2004/WORLD/asiapcf/09/17/nuclear.terror/index.html>.

¹² Quester G. H. Nuclear First Strike: Consequences of a Broken Taboo. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2006.

¹³ Ядерное противостояние в Южной Азии / Под ред. А. Г. Арбатова, Г. Чуфина. М.: Московский центр Карнеги, 2005. С. 17.

¹⁴ Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н. История Пакистана. XX век. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2008. С. 274.

¹⁵ Nuclear Developments of South Asia and the Future of Global Arms Control / Ed. by R. Azizian. Wellington: Center for Strategic Studies, 2001. P. 142–144.

¹⁶ См., например: Kampani G. Safety Concerns About the Command & Control of Pakistan's Strategic Forces, Fissile Material, and Nuclear Installations. URL: <http://cns.miis.edu/research/wtc01/spna.htm>; Cirincione J. Pakistan's Nuclear Dilemma // Proliferation Brief. Vol. 4. No. 17. URL: <http://www.carnegieendowment.org/npp/publications/index.cfm?fa=view&id=802>.

¹⁷ Sanger D. E., Dao J. U.S. Says Pakistan Gave technology to North Korea // New York Times. 2002. October 17; Pakistan and North Korea. Dangerous counter trades // IISS Strategic Comments. The International Institute for Strategic Studies. Vol. 8. Issue 9. November 2002. URL: <http://www.ceip.org/files/projects/npp/pdf/Pakistan%20and%20North%20Korea.pdf>.

¹⁸ См.: Universal Compliance. A Strategy for Nuclear Security. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2005. P. 159–169; *Kerr P.* New Details Emerge on Pakistani Networks // *Arms Control Today*. May 2005. URL: <http://www.nci.org/ind-pak.htm> (дата посещения: 29.06.2005). Анализ этой проблемы автор посвятил особой статье: *Фененко А. В.* Подход США к проблеме безопасности ядерных объектов в Пакистане // *США и Канада: экономика — политика — культура*. 2005. № 11. С. 55–65.

¹⁹ См., например: Pakistan's Nuclear Proliferation Activities and the Recommendations of the 9/11 Commission: U.S. Policy Constraints and Options / Congressional Research Service. 2005. 25 January. URL: <http://www.fas.org/spp/starwars/crs/RL32745.pdf>).

²⁰ *Камн К. Х.* Насколько безопасно хранится атомное оружие Пакистана? // *International Politik*. 2004. № 5. С. 103–104.

²¹ Детали см.: *Albright D.* Securing Pakistan's Nuclear Weapons Complex. Washington: Institute for Science and International Security, 2001.

²² Are Pakistans Nuclear Weapons Now Under US Control? // *The Hindustan Times*. 30.09.2002.

²³ *Powell N. J.* Ambassador to Pakistan. U.S. Foreign Policy Towards Pakistan. 2004. August 20. URL: <http://www.state.gov/p/sa/rls/rm/35681.htm> (дата посещения: 10.06.2005); *Secretary Colin L. Powell.* Interview With the USA Today Editorial Board. 2004. October 18. URL: <http://www.state.gov/secretary/former/powell/remarks/37184.htm>; *Secretary Condoleezza Rice.* Interview with Hamid Mir of GEO TV. 2005. March 17. URL: <http://www.state.gov/secretary/rm/2005/43605.htm>. Background Briefing by Administration Officials on U.S.-South Asia Relations. 2005. March 25. URL: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2005/43853.htm>.

²⁴ *Secretary Colin L. Powell.* The Promise of Our Partnership. *The News* (Pakistan Newspaper). 2004. March 17. URL: <http://www.state.gov/secretary/former/powell/remarks/30490.htm>. См. также: Пакистан — один из основных союзников США. URL: http://news.bbc.co.uk/go/pr/fr/-/hi/russian/news/newsid_3522000/3522218.stm.

²⁵ Pakistan's Nuclear Proliferation Activities and the Recommendations of the 9/11 Commission: U.S. Policy Constraints and Options. 2005. January 25. Congressional Research Service. 2005. 25 January. P. 29–30. URL: <http://www.fas.org/spp/starwars/crs/RL32745.pdf> (дата посещения: 14.05.2005). Такой статус позволяет получать льготный доступ к приобретению американских военной техники и вооружений. В рамках нового режима сотрудничества в ноябре 2004 г. Вашингтон предоставил Пакистану первую крупную партию оружия, в том числе 6 самолетов патрульной морской авиации «*Orion P-3C*».

²⁶ Авиация США, Великобритании, Франции и Дании базируется на территориях Киргизии и Таджикистана для нанесения ударов по позициям исламских экстремистов в Афганистане. До конца 2005 г. она базировалась также на территории Узбекистана. В самом Афганистане военнослужащие США, Великобритании, ФРГ и Бельгии выполняют миротворческие функции и проводят непосредственные операции против боевиков «Аль-Каиды» и «Талибана».

²⁷ Выступая на Берлинской конференции 31 марта 2004 г., генсек НАТО Яап де Хооп Схеффер заявил, что Афганистан — часть новых вызовов, с ко-

торыми сталкивается НАТО и к которым альянс стремится приспособиться. Remarks by NATO Secretary General Jaap de Hoop Scheffer at the Afghanistan Conference. Berlin, 2004. 31 March. URL: <http://www.nato.int/docu/speech/2004/s040331a.htm>.

²⁸ К таким выводам подводит анализ официального документа НАТО «NATO's contribution to the fight against terrorism». URL: <http://www.nato.int/terrorism/index.htm> (дата посещения: 29.06.2005). Одним из приоритетов Альянса в нем названа защита от ОМУ. См. также: *Ramberg B.* Defusing the nuclear Middle East // Bulletin of the Atomic Scientists. May—June 2004. Vol. 60. No 03. P. 45—51. URL: http://www.thebulletin.org/article.php?art_ofn=mj04ramberg.

²⁹ Export Control on Goods, Technologies, Materials and Equipment related to Nuclear and Biological Weapons and their Delivery Systems Act, 2004. Letter to the IAEA Director General on Pakistan's National Legislation' 2004. 23 November. URL: <http://www.iaea.org/Publications/Documents/Infcircs/2004/infcirc636.pdf> (дата посещения: 28.12.2004). Примечательно, что еще в августе 2004 г. П. Мушарраф, выдвигая план развития ядерной энергетики Пакистана, отметил, что теперь оно будет осуществляться в более тесном взаимодействии с МАГАТЭ. См.: Pakistan to upgrade, refine nukes: Musharraf. URL: <http://www.expressindia.com/fullstory.php?newsid=34718#compstory>.

³⁰ Пакистан передал ядерные материалы в МАГАТЭ. URL: http://iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&news_id=30442&new_version=1; http://www.gazeta.ru/lenta/2005/05/26/news_291679.shtml.

³¹ *Kohlmeier G., Pomper M. A.* Pakistan Advances Export Controls // Arms Control Today. October 2004. URL: <http://www.nci.org/ind-pak.htm> (дата посещения: 20.06.2005).

³² См., например: Pakistan's Secrets // Globe Newspaper Company. 2004. 30 December. URL: http://www.boston.com/news/globe/editorial_opinion/editorials/articles/2004/12/30/pakistans_secrets/; *Korb L., Ogden P.* The Road to Nuclear Security. Center for American Progress. December 2004. URL: http://www.americanprogress.org/atf/cf/{E9245FE4-9A2B-43C7-A521-5D6FF2E06E03}/road_to_nuclear_security.pdf.

³³ *Telli A. G.* U.S. Strategy: Assisting Pakistan Transformation // The Washington Quarterly. Winter 2004—2005. Vol. 28. No 1. P. 97—116. Кроме того, именно в декабре 2004 г. эксперты Национального разведывательного совета США внесли в упомянутый доклад «*Mapping the Global Future*» упоминание о возможности восстания радикальных исламистов против П. Мушаррафа.

³⁴ См., например: Securing Pakistan's Nuclear Weapons Complex. By David Albright. URL: <http://www.isis-online.org/publications/terrorism/stanleypaper.html> (дата посещения: 27.06.2005); Nuclear scandal threatens alliance. URL: <http://www.pakistan-facts.com/article.php?story=20050513205528411>; *Wolfsthal J.* Proliferation: Priorities, Not Intelligence, Problem // The Hill. 2004. March 4. URL: <http://www.ceip.org/files/nonprolif/templantes/Publications.asp?p=8&PublicationID=1>.

³⁵ См., например: U.S. Forces Kill Four in Afghanistan // URL: <http://www.foxnews.com/story/0,2933,139193,00.html>; Bush Defends Pakistan's Efforts in Ter-

ror War. URL: <http://www.foxnews.com/story/0,2933,140500,00.html>; Pakistan pulls troops from Afghan border area // URL: <http://edition.cnn.com/2004/WORLD/meast/11/27/pakistan.al.qaeda/index.html>.

³⁶ Примечательно, что отчет об этом визите не был размещен ни на сайте Белого дома, ни на сайте Госдепартамента. Официальные представители США упоминали о нем только в контексте других внешнеполитических проблем. См.: Press Gaggle by Scott McClellan. URL: <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2005/06/20050609-3.html>; President Visits National Counterterrorism Center. 2005. June 10. National Counterterrorism Center. URL: <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2005/06/20050610-4.html>.

³⁷ *Мамаев Ш.* Бен Ладен выходит из подполья // Политический журнал. 2006. № 8. С. 36–39.

³⁸ В Пакистане прогремел взрыв в ядерном центре/ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cry.ru/2006/02/08/news/219910>.

³⁹ President Bush and President Musharraf of Pakistan Discuss Strengthened Relationship. URL: <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2006/03/20060304-2.html>.

⁴⁰ См.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2006/09/20060926-3.html>.

⁴¹ Интересный анализ этой проблемы см.: *Bunn M., Wier A.* Securing the bomb. The New Global Imperatives. Commissioned by the nuclear threat initiative. May 2005. URL: http://www.nti.org/e_research/report_cnwmupdate2005.pdf.

⁴² *Telli A. G.* Op. cit. P. 97–116.

⁴³ First Urges Democratic Reform in Pakistan. URL: <http://www.foxnews.com/story/0,2933,144088,00.html> (дата посещения: 09.02.2006); US Mostly Mum on Musharraf Power Grab // URL: <http://www.foxnews.com/story/0,2933,144206,00.html>.

⁴⁴ U.S. Policy Towards South Asia. URL: <http://www.state.gov/p/sa/rls/rm/2005/47892.htm>.

Американо-индийское взаимодействие в сфере мирного использования атомной энергии

К началу второго десятилетия XXI в. направленность американских интересов в Южной Азии изменилась. До середины 2000-х годов Соединенные Штаты независимо от партийной принадлежности администрации (за исключением администрации Дж. Кеннеди) делали ставку на партнерство с Пакистаном, с 2005 г. Вашингтон последовательно выстраивал отношения с Индией. Первая администрация Б. Обамы (2009–2012) расширила их масштабы до уровня стратегического партнерства по широкому кругу вопросов. Для характеристики этих отношений эксперты все чаще используют термин «квазисоюз», подобно тому как это было во взаимоотношениях США и КНР в 1970–1980-х годах.

Фундаментом американо-индийского партнерства стало сотрудничество в сфере мирного использования атомной энергии (*U.S.-India Nuclear Cooperation Initiative*), где сформировался комплекс связей, который послужил основой для новых, более широких соглашений. В рамках этой политики Вашингтон пошел на фактическое признание ядерного статуса Индии в обмен на принятия другой стороной ряда обязательств. Опыт этого партнерства стал, таким образом, уникальной моделью частичной интеграции в «ядерный клуб» государства, не участвующего в ДНЯО и создавшего ядерное оружие вопреки нормам международного режима нераспространения.

17.1. Отношение США к индийской ядерной программе

Интерес к атомной энергетике Индии США проявляют со времени зарождения ее ядерной программы — в конце 1940-х годов. Во второй половине 1950-х годов администрация Д. Эйзенхауэра пыталась привлечь Дели к участию в программе «Атом для мира»¹. В 1955–1956 гг. США и Канада помогли Индии создать исследовательский реактор СИРУС (*CIRUS — Canada-India Reactor, plus U.S.*): Канада поставила реактор, США — тяжелую воду. Отказ Индии присоединиться к ДНЯО (1967 г.) и ее первое ядерное испытание (1974 г.) привели к тому, что

Соединенные Штаты свернули сотрудничество. В 1968–1970 гг. конгресс США установил ограничения на поставки в Индию атомных технологий и инвестиции в ядерный сектор этой страны.

В 1990-х годах режим американских санкций в отношении Индии был усилен. 3 апреля 1992 г. Группа ядерных поставщиков, членом которой являются и США, приняла новые правила («Варшавские принципы»), запрещающие поставки расщепляющихся материалов и технологий в страны, не подписавшие ДНЯО. В мае 1994 г. вышел Закон о предотвращении ядерного распространения (*Nuclear Proliferation Prevention Act*), согласно которому США прекращают экономическую и военную помощь любому «пороговому» государству, произведшему взрыв ядерного устройства или получившему информацию о его конструкции. После индийских ядерных испытаний 11–13 мая 1998 г. администрация У. Клинтона (1993–2000) распространила положения этого документа и на Дели. Белый дом ввел санкции против Индии и Пакистана, предусматривавшие запрет на:

- предоставление программ государственной помощи и кредитов под гарантии американского правительства;
- продажу военной техники и оборудования двойного назначения;
- выдачу американскими банками коммерческих кредитов правительству;
- противодействие выделению займов международными финансовыми организациями, в первую очередь МВФ и Всемирным банком.

К началу 1999 г. американские аналитики заговорили о том, что США могли бы пойти на неполное признание ядерного статуса Индии в случае, если Дели подпишет и ратифицирует ДВЗЯИ, примет обязательство не производить ЯО, участие в разработке многостороннего ДЗПРМ (*Fissile Material Cut Off Treaty*), предоставит сведения обо всех имеющихся в наличии ракетных системах и даст согласие начать процесс мирного урегулирования конфликта в Кашмире². Эти инициативы, однако, не нашли понимания у индийской стороны.

В середине 2000-х годов в американской стратегии взаимодействия с Индией наметился поворот в сторону усиления сотрудничества. Смена приоритетов Вашингтона была вызвана тремя причинами.

1. *Быстрое развитие индийского рынка атомных технологий.* 28 декабря 2004 г. директор Национальной атомной комиссии Индии А. Какодкар заявил, что в ближайшее десятилетие Дели намерен построить 8 ториевых АЭС³. До 2050 г. Индия рассчитывает построить до 40 ядерных реакторов различных типов, увеличив долю производства атомной

электроэнергии в энергобалансе страны с 3 до 25%⁴. Интерес к сотрудничеству с Индией проявляют Россия и Франция — конкуренты США в области экспорта гражданских атомных технологий.

Большинство действующих в Индии атомных реакторов не могут удовлетворить растущие потребности страны в электроэнергии. Согласно данным Всемирной ядерной ассоциации⁵, реакторы «Тарапур-1» и «Тарапур-2» были построены в 1969 г. и мощность каждого из них составляет около 150 МВт:

Мощность индийских реакторов на 2004 г.

Реактор	Тип	Мощность, МВт	Дата постройки
<i>Tarapur 1 & 2</i>	<i>BWR</i>	150	1969
<i>Kaiga 1 & 2</i>	<i>PHWR</i>	202	1999–2000
<i>Kakrapar 1 & 2</i>	<i>PHWR</i>	202	1993–1995
<i>Kalpakkam 1 & 2 (MAPS)</i>	<i>PHWR</i>	202	1984–1986
<i>Narora 1 & 2</i>	<i>PHWR</i>	202	1991–1992
<i>Rawatbhata 1</i>	<i>PHWR</i>	90	1973
<i>Rawatbhata 2</i>	<i>PHWR</i>	187	1981
<i>Rawatbhata 3 & 4</i>	<i>PHWR</i>	202	1999–2000
<i>Tarapur 3 & 4</i>	<i>PHWR</i>	490	2005–2007
Всего (16)		3 577	

2. Стремление США присоединить Индию к соглашениям в сфере нераспространения ЯО. Начиная с 1999–2000 гг. американские аналитики предлагали использовать опыт американско-японского сотрудничества в сфере мирного использования атомной энергии. (В соответствии с договорами 1955 и 1968 гг. США осуществляли поставки в Японию американских ЗЯТЦ в обмен на отказ Токио производить перемены в форме и содержании реакторного топлива, исследовать отработанное сырье для АЭС и передавать американское оборудование третьим странам.) Рассматривалась возможность присоединения Индии к ГЯП и Комитету Цангера — международным организациям, работа которых направлена на усиление режима нераспространения.

3. Попытка США сделать атомную энергетику Индии более «прозрачной» для международных институтов (прежде всего МАГАТЭ). До 2006 г. из двенадцати энергетических атомных реакторов Индии под гарантиями МАГАТЭ находились только два легководных «Тарапур-1» и «Тарапур-2» американского производства, а также реакторы «Раджанистан-1» и «Раджанистан-2». Предприятие по переработке ядерного топлива в городе Тарапуре (побережье Аравийского моря) находилось

под гарантиями МАГАТЭ только в периоды, когда на нем осуществлялась переработка топлива, находящегося под гарантиями агентства. При реализации Индией плана строительства 10 новых АЭС возникла угроза появления ядерной инфраструктуры, информации о которой у МАГАТЭ не будет. Поэтому США пытались максимально включить ядерный комплекс Индии в систему международных соглашений, а Дели стремился получить доступ к американскому рынку ядерных технологий.

Согласно расчетам индийских аналитиков, мощность энергетических реакторов страны составляла к 2005 г. около 220 МВт (в развитых странах — не менее 1 ГВт), а суммарная установленная мощность АЭС — 3,5 ГВт (хотя еще к 2000 г. ее планировалось довести до 10 ГВт)⁶. Индийская сторона была не полностью удовлетворена условиями соглашения с Россией в сфере мирного использования атомной энергии 2000 г.⁷ Кроме того, она испытывала острую нехватку уранового сырья и опасалась излишне высокой зависимости от российских поставок атомного топлива.

Началом американо-индийского сближения стал визит президента У. Клинтона в Дели 21–24 марта 2000 г., в ходе которого обсуждался вопрос о нормализации двусторонних отношений. Вопросы взаимодействия в сфере использования атомной энергии поручалось рассмотреть экспертам. Появились прогнозы о привлекательности для США индийского рынка гражданских атомных технологий. С 2004 г. Дели также проявлял интерес к экспорту ядерных технологий: в стране началось строительство серии реакторов-размножителей на быстрых нейтронах (бридеров⁸).

В индийской элите к 2004 г. нарастало недовольство партнерством с Россией в сфере мирного использования атомной энергии⁹. Соглашения 2000 г. охватывали только отдельные направления сотрудничества: поставки атомного топлива для реактора в Тарапуре, участие Росатома в строительстве индийских АЭС и возможность закупки российских технологий ЗЯТЦ. В Дели ожидали большего — частичного признания ядерного статуса страны посредством соглашений с «легальными» ядерными державами. Ситуация усугубилась в декабре 2004 г., когда Росатом отказался заключать контракты на строительство новых энергоблоков до снятия с Индии санкций ГЯП.

17.2. Формирование основ американо-индийского партнерства

Сближение сторон началось почти сразу после переизбрания президента Дж. Буша-младшего на президентских выборах 2 ноября 2004 г.

Прежде всего были расширены контакты в военной сфере, 4 декабря 2004 г. министры обороны обеих стран провели соответствующие консультации. (Примечательно, что именно в конце 2004 г. на сайтах американских аналитических центров появилось большое количество публикаций об опасности территориального распада Пакистана и захвата его ядерных объектов транснациональными криминально-террористическими сетями.) 29 июня 2005 г. состоялось подписание рамочного соглашения о военно-техническом сотрудничестве сроком на 10 лет. Договор предполагал расширение взаимодействия в сфере противоракетной обороны, производства вооружений, а также возможность получения Индией американских военных технологий.

В мае 2005 г. начался двусторонний энергетический диалог (*energy dialogue*). На правительственном уровне было создано 5 рабочих групп по изучению проблем взаимодействия в сфере использования нефти, газа, угля, электроэнергии, возобновляемых источников энергии и атомной энергетики¹⁰. Стороны пришли к выводу о необходимости сотрудничества в сфере использования экологически чистых источников энергии, включая атомную¹¹.

18–20 июля 2005 г. официальный визит в Соединенные Штаты нанес премьер-министр Индии М. Сингха. В центре его переговоров с президентом Дж. Бушем-младшим было обсуждение нового формата отношений между двумя государствами. На итоговой пресс-конференции 20 июля 2005 г. президент США подчеркнул, что стороны договорились о координации усилий в сфере борьбы с терроризмом и экономического сотрудничества, одним из аспектов которого является взаимодействие в атомной энергетике¹². Индийский премьер отметил, что в условиях резкого увеличения цен на нефть атомная энергия остается единственной возможностью для его страны решить энергетические проблемы*. Вашингтон и Дели начали переговоры по аспектам будущего соглашения о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии.

Стороны договорились о поставках в Индию американских ядерных технологий гражданского назначения¹³. Дели согласился разграничить

* Российский политолог В. Я. Белокреницкий полагает, что в ближайшие десятилетия Индия и Пакистан могут столкнуться с проблемой нехватки пресной воды. Так, в Индии количество воды на душу населения уменьшилось с 5 тыс. кубометров в 1950 г. до 1,8 тыс. в 2005 г. при увеличении населения с 350 до 1100 млн человек. Теоретически одним из решений проблемы может стать строительство серии АЭС с целью увеличения выработки электроэнергии для ирригационных работ. Не исключен вариант строительства маломощных реакторов для создания индустрии опреснения морской воды (см.: *Белокреницкий В. Я.* Пакистан—Индия: конфронтационная стабильность? // Международные процессы. 2006. Май—август. Т. 4. № 2).

военные и гражданские ядерные объекты, поставить последние под гарантии МАГАТЭ и подписать Дополнительный протокол МАГАТЭ 1997 г., а также взять на себя ряд дополнительных обязательств: продлить односторонний мораторий на проведение ядерных испытаний, принять участие в выработке ДЗПРМ и воздерживаться от поставок технологий ЗЯТЦ странам, которые их не имеют. (Последнее соответствовало программному выступлению Дж. Буша-младшего 11 февраля 2004 г.) Индия соглашалась соблюдать международные ограничения на оборот расщепляющихся материалов, усилить национальную систему экспортного контроля, а также придерживаться норм поведения, характерных для стран—участниц ГЯП.

Администрация Дж. Буша обязалась добиваться утверждения соглашения в конгрессе США и помогать Индии устанавливать контакты в сфере атомной энергетики с партнерами и союзниками Соединенных Штатов. Вашингтон обещал содействовать проведению переговоров о возможном участии Индии в энергетическом консорциуме ИТЭР (международное объединение по созданию первого в мире термоядерного реактора — *International Termonuclear Experimental Reactor* — *ITER*) и поддерживать ее программы строительства новых атомных реакторов.

Осенью 2005 г. Вашингтон и Дели искали компромисс в вопросе о разграничении военных и гражданских ядерных объектов Индии. Согласно договоренностям М. Сингха и Дж. Буша, гражданские объекты Индии должны были быть переданы под гарантии МАГАТЭ, в то время как военные объекты индийская сторона могла вывести из-под контроля международных инспекторов. Дискуссии сосредоточились вокруг двух объектов.

Первый — индийский исследовательский реактор СИРУС. После первых индийских ядерных испытаний 1974 г. представители Канады выражали недовольство тем, что Индия использует реактор СИРУС для военных программ, что нарушает условия индийско-канадского соглашения 1955 г.

Второй — завод по обогащению урана в районе города Майсора (Раттехалли). Американские аналитики не уверены, использовался ли высокообогащенный уран этого завода для создания индийского ЯО в 1998 г. или речь идет об обогащении урана для таких перспективных индийских программ, как создание термоядерного оружия или топлива для реакторов атомных подводных лодок.

На заседании ГЯП 20–21 октября 2005 г. США поставили вопрос о возможности поставок ядерных технологий в Индию. Однако только Великобритания, Франция и Канада поддержали Соединенные Шта-

ты. Другие страны заняли более сдержанную позицию: Швеция высказала ряд претензий, а Япония указала на опасность появления прецедента, способного подорвать в будущем режим нераспространения.

В конце 2005 г. Индия вступила в консорциум ИТЭР и наравне с объединением «Евроатом», КНР, Японией, Южной Кореей, Россией и США стала обсуждать вопрос строительства демонстрационной электростанции, работающей на основе термоядерной реакции (соединение легких атомов и превращение их в более тяжелые). 24 мая 2006 г. стороны подписали в Брюсселе соглашение, дающее старт реализации проекта.

2 марта 2006 г. во время визита Дж. Буша в Индию стороны подписали соглашение о сотрудничестве в области мирного использования ядерной энергии (*U.S.-India Civil Nuclear Agreement*). Полный текст документа остается закрытым. Однако его условия были подробно изложены в выступлениях высших государственных лиц и официальных отчетах правительственных учреждений обеих стран. О заключении соглашения было объявлено на совместной пресс-конференции Дж. Буша и М. Сингха в Нью-Дели 3 марта 2006 г.¹⁴.

7 марта 2006 г. премьер-министр М. Сингх представил парламенту отчет о ключевых компонентах двустороннего соглашения: плане по разделению ядерных объектов на военную и гражданскую составляющую (*Separation Plan*) и гарантиях США в области поставок топлива для индийских АЭС¹⁵. М. Сингх подчеркнул, что Дели должен будет выполнить три условия: передать к 2014 г. под гарантии МАГАТЭ 14 из 22 тепловых реакторов, поставить под гарантии МАГАТЭ все построенные в будущем гражданские тепловые реакторы и реакторы-размножители на быстрых нейтронах, закрыть к 2010 г. реактор СИРУС и передать под гарантии МАГАТЭ закупленное во Франции топливо для реактора Апсара¹⁶.

Выполнение этих положений будет, по словам индийского премьера, сопровождаться уступками со стороны США и МАГАТЭ для Индии. Право относить ядерные реакторы к гражданским или военным остается исключительной прерогативой индийского правительства. Гарантии МАГАТЭ не будут распространяться на два экспериментальных реактора-размножителя в ядерном центре Калпакам (штат Тамилнад). Закрытие объектов в Центре им. Хоми Баба произойдет без международных инспекций. Наконец, гарантии МАГАТЭ не будут распространяться на технологии переработки и обогащения урана, регенерации отработанного ядерного топлива и выделения из него плутония.

По словам премьер-министра, в рамках нового соглашения Соединенные Штаты обязались:

- поставлять ядерное топливо для реакторов, находящихся под гарантиями МАГАТЭ;
- добиваться ратификации американо-индийского соглашения в конгрессе США;
- содействовать в установлении контактов в сфере атомной энергетики с партнерами и союзниками США;
- помогать заключить договор с МАГАТЭ, разрешающий поставки ядерного топлива в страну¹⁷;
- поддержать усилия Дели по созданию стратегического запаса ядерного топлива, благодаря которому Индия сможет обеспечить бесперебойное снабжение своих ядерных реакторов;
- содействовать формированию группы дружественных Индии стран—поставщиков ядерного топлива, готовой компенсировать поставки США в случае, если Вашингтон по каким-либо причинам не сможет выполнять условия соглашения.

Соглашение с МАГАТЭ, подчеркнул М. Сингх, должно гарантировать бесперебойные поставки ядерных материалов для реакторов на всех фазах ядерного топливного цикла и полный суверенитет Индии над имеющимися в ее распоряжении ядерным сырьем и технологиями. Поэтому оставшиеся восемь реакторов выступают гарантией того, что наблюдение МАГАТЭ не ограничит индийские исследования в ядерной сфере.

Заместитель госсекретаря США по внешнеполитическим вопросам Н. Бернс¹⁸ подчеркнул, что соглашение усилит режим нераспространения, поскольку Индия поставит свои гражданские ядерные объекты под контроль МАГАТЭ и предоставит агентству сведения о своей гражданской ядерной программе. Администрация США будет добиваться от конгресса введения поправок к Закону об использовании атомной энергии 1946–1954 гг. (облегчение его положений применительно к Индии). Не менее значима и отмена санкций 1998 г., запрещающих американские инвестиции в гражданский ядерный сектор этой страны.

5 апреля 2006 г. госсекретарь США К. Райс представила американо-индийское соглашение конгрессу¹⁹. Основной тезис ее выступления заключался в том, что предшествующая политика Вашингтона в отношении Индии оказалась неэффективной. Американские санкции не помешали Дели приобрести ЯО, а запрет на поставки ядерных материалов усилил интерес индийского руководства к иранской нефти и газу. Администрация Дж. Буша-младшего предлагает перейти к иному формату отношений: разработать широкую программу партнерства в сфере использования атомной энергии (*U.S.-India Nuclear Cooperation Initiative*). Такая

стратегия позволит США уменьшить риск утечки ядерных технологий и сделает ядерные эксперименты Дели более прозрачными для международного сообщества. Ключевым компонентом подписанного соглашения К. Райс назвала обязательства Индии открыть свои гражданские ядерные объекты для инспекций МАГАТЭ и согласие подписать дополнительные соглашения в сфере ядерного нераспространения.

Соглашение с Соединенными Штатами открывало для Индии путь к контактам с ведущими поставщиками природного урана. В марте 2006 г. начались переговоры о возможности поставок Индии австралийского урана, который с 1970-х годов поставлялся только странам—участницам ДНЯО. Однако в апреле 2006 г. Канберра отказалась продолжать их до заключения соглашения между Дели и МАГАТЭ.

Текст соглашения от 2 марта 2006 г. до настоящего времени не опубликован, хотя договоры о сотрудничестве в сфере мирного использования атомной энергетики, равно как и соглашения о постановке ядерных объектов под гарантии МАГАТЭ, как правило, публиковались сразу после их подписания. Текст американо-индийского соглашения известен в пересказе официальных лиц обеих стран.

Можно предположить, что ряд статей этого соглашения касается и военных аспектов индийской ядерной программы — фиксируют определенные уступки Индии (например, в вопросах производства ядерного топлива и выделения из него плутония) или США — вплоть до содействия в вопросах интеграции Дели в ДНЯО на правах ядерного государства.

17.3. Институционализация американо-индийского партнерства

После подписания двустороннего соглашения основными вопросами стали реализация его положений и попытки США снять международные ограничения, ключевым компонентом — *представление индийского плана разделения ядерной отрасли страны на гражданскую и военную составляющие*. 11 мая 2006 г. М. Сингх представил парламенту Индии план разделения ядерных объектов на гражданские и военные. (Этот план был выработан в ходе его визита в Вашингтон 18 июля 2005 г.²⁰) По этому плану под гарантии МАГАТЭ должны быть поставлены следующие объекты:

- 14 из 22 АЭС (поэтапно до 2012 г.), а также все будущие реакторы, которые Дели объявит мирными;
- исследовательский реактор *SIRUS* (закрыт в 2010 г.) и *APSARA* (планируется перевести на НОУ);

- Институт фундаментальных исследований Тата (*Tata Institute of Fundamental Research*) близ Мумбая;
- завод по выделению плутония в Мумбае (*Board of Radiation and Isotope Technology*);
- Институт ядерной физики им. М. Саха в Калькутте (*Saha Institute of Nuclear Physics*);
- Институт физики в Бхубанешваре;
- Циклотроновый центр в Калькутте (*Variable Energy Cyclotron Centre*);
- три завода по производству тяжелой воды в Тай-Вайшете, Хазире и Тутикорине;
- завод по переработке ОЯТ в Тарапуре (после 2010 г. гарантии должны были распространяться только в том случае, если на нем будет перерабатываться топливо, находящееся под гарантиями МАГАТЭ);
- два хранилища ОЯТ в Тарапуре и Раджастане (в течение 2006–2009 г.).

Выдвижение Индией плана раздела ядерных объектов вызвало благоприятную реакцию конгресса. 16 марта 2006 г. члены сената и палаты представителей конгресса США внесли на рассмотрение предложение освободить Индию от некоторых ограничений на экспорт ядерных технологий из США. 26 июля 2006 г. палата представителей поддержала соглашение с Индией. Однако в сентябре 2006 г. сенат приостановил рассмотрение этого законопроекта. Причиной этого стали накопившиеся в конгрессе поправки к законопроекту. Предполагалось, что впоследствии обе палаты сведут свои решения в общий закон и передадут его президенту Соединенных Штатов одобрения.

В декабре 2006 г. конгресс США принял Закон Генри Дж. Хайда о сотрудничестве между Индией и Соединенными Штатами в области мирного использования атомной энергии²¹. (Г. Хайд был основным спонсором законопроекта в палате представителей.) Документ внес дополнения в Закон об атомной энергии 1954 г., исключив Индию из некоторых положений этого закона. Закон Хайда установил ряд условий, призванных гарантировать, что будущее Соглашение 1-2-3 с Индией соответствует Закону об атомной энергии и связанным с ним законодательством США. Однако Дели предъявили два предварительных условия. *Во-первых*, заключить соглашение МАГАТЭ о гарантиях, охватывающее индийские гражданские атомные реакторы, одобренное Советом управляющих. *Во-вторых*, Группа ядерных поставщиков должна была прийти к консенсусу относительно исключения Индии из

условий Варшавского меморандума 1992 г. 18 декабря 2006 г. президент Дж. Буш подписал Закон Г. Хайда.

Закон Г. Хайда содержал и ряд потенциально опасных моментов для Индии. Раздел 123а (4) Закона об атомной энергии 1954 г. предусматривал, что любое соглашение США с другим государством о сотрудничестве в сфере мирного использования атомной энергии должно содержать право на возврат. Вашингтон имеет право требовать возврата расщепляющихся материалов и оборудования, являющихся предметом соглашения, включая любой специализированный расщепляющийся материал, произведенный путем их использования, если государство-получатель произвело ядерное испытание. Раздел 104(а) предусматривал, что в случае проведения Индией ядерного испытания сотрудничество с Соединенными Штатами прекращается. Индия должна будет вернуть все оборудование и материалы американского происхождения, которые она получит в рамках соглашения, равно как и другие материалы, произведенные индийской стороной с использованием этих материалов и оборудования. Это положение вызвало недовольство индийских экспертов²².

Сложнее проходили переговоры о снятии ограничений ГЯП на поставки технологий ЗЯТЦ и расщепляющихся материалов в Индию. В этом вопросе Соединенные Штаты поддержали Россия (которая в начале апреля 2006 г. поставила первую партию ядерного топлива для двух энергоблоков АЭС в Тарапуре) и Франция (20 февраля 2006 г. подписавшая с Индией Декларацию о сотрудничестве в сфере мирного использования атомной энергии). 20–22 марта 2006 г. в Вене прошло заседание Консультативной группы ГЯП, где, как и в октябре 2005 г., индийский вопрос был среди приоритетных. Бразилия, Аргентина и ЮАР выступили против отмены ограничений с Индией. Отмены санкций не удалось добиться и на саммите Группы ядерных поставщиков 29 мая — 2 июня 2006 г. в Рио-де-Жанейро, на этот раз из-за оппозиции Ирландии и Новой Зеландии. Последние утверждали, что снятие ограничений ГЯП будет означать фактическое признание ядерного статуса Индии, что даст новый толчок процессу распространения ядерных технологий и ядерного оружия.

Возникла ситуация, угрожавшая ратификации соглашения 2006 г. Требовалось найти вариант, позволяющий Индии и США начать процесс ввода в действие этого соглашения. Весной 2007 г. стороны ускорили переговоры о подписании открытого Соглашения о партнерстве в сфере мирного использования атомной энергии (Соглашение 1-2-3)²³, 27 июля 2007 г. заявили о достижении ими соглашения.

Его текст был парафирован 1 августа 2007 г. Основные его условия повторяли соглашение о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии от 2 марта 2006 г.

Во-первых, Индия пообещала разделить свои ядерные объекты на военные и гражданские. Основой разделения должен был стать План разделения индийских ядерных объектов от 11 мая 2006 г.

Во-вторых, Индия подтвердила намерение поставить гражданские компоненты своей ядерной программы под гарантии МАГАТЭ, оставив за собой право определять, какие ядерные объекты мирные, а какие гражданские. Подобное условие сближало Индию с «легальными» ядерными державами, которые, по условиям ДНЯО, самостоятельно решают о постановке (или непостановке) своих ядерных объектов под гарантии МАГАТЭ.

В-третьих, Соединенные Штаты подтвердили намерение внести поправки в национальное законодательство с целью снять ограничения на поставки Индии технологий ЗЯТЦ и расщепляющихся материалов. Снятие ограничений должно было позволить американским компаниям инвестировать атомную энергетику Индии.

В-четвертых, Вашингтон объявил о намерении добиваться снятия с Индии санкций ГЯП. Дели, в свою очередь, пообещал привести в соответствие национальную систему экспортного контроля с нормами ГЯП и РКРТ.

В-пятых, Индия обязалась не передавать технологии ЗЯТЦ странам, не обладающим этими технологиями. Дели, таким образом, согласился с ключевым предложением администрации Дж. Буша-младшего по реформе режима нераспространения.

В-шестых, Индия взяла на себя ряд обязательств в области нераспространения: придерживаться моратория на проведение ядерных испытаний, участвовать в разработке ДЗПРМ, подписать Дополнительный протокол МАГАТЭ 1997 г.

В рамках Соглашения 1-2-3 Вашингтон и Дели добились компромисса по ряду вопросов. По настоянию правительства Индии в тексте документа отсутствовало положение, разрешающее правительству США приостановить сотрудничество и потребовать возвращения поставленных материалов и оборудования. Только в ст. 14 (2) упоминалось в общей форме о праве прекратить действие соглашения и вернуть поставленные материалы и технологии. Сторона, намеревающаяся выйти из соглашения, должна была уведомить другую за год до истечения срока его действия. Но перед этим оба государства должны были внимательно рассмотреть вопрос, вытекли ли обстоятельства, приведшие

к прекращению действия соглашения, из изменившейся обстановки или стали ответом на аналогичное действие другого государства. По сути, второе положение оставляло возможность сохранить сотрудничество обеих стран в области мирного использования атомной энергии в случае, если индийское ядерное испытание будет ответом на действие Пакистана или КНР.

Соединенные Штаты также согласились гарантировать поставки Индии атомного топлива, «поддерживать стратегические резервы ядерного топлива в качестве предохранительной меры на случай прекращения поставок на индийские реакторы в течение всего периода их эксплуатации» (ст. 5 (6) b), содействовать Индии в поисках альтернативных источников поставок атомного топлива путем обращения к «группе дружественных государств» (Россия, Франция, Великобритания).

Вашингтон также предоставил долгосрочное согласие на радиохимическую переработку на индийской территории топлива американского происхождения. В прошлом США предоставляли такое право только Евroatому и Японии в рамках Соглашения 1-2-3. Но после принятия в 1978 г. Закона о нераспространении ядерного оружия США отказались от подобной практики. Соглашение с Индией означало изменение в позиции Вашингтона. В соответствии с соглашениями Индия могла построить предприятие по радиохимической переработке ОЯТ американского происхождения под гарантиями МАГАТЭ. Отдельным соглашением стороны должны были оформить «правила и процедуры» переработки.

Индия обязалась поставить свои гражданские атомные реакторы под гарантии МАГАТЭ (ст. 5 (6) c), но оставляла за собой право на «коррекционные меры» для обеспечения их «непрерывной работы». В соглашении не определялся характер этих мер. Ряд экспертов полагали, что Индия стремится к гарантиям, которые позволили бы ей приостановить действие гарантий МАГАТЭ в случае прекращения поставок иностранного ядерного топлива²⁴.

Соглашение 1-2-3 вызвало недовольство индийской оппозиции. Ключевой проблемой стал вывод производства ядерного топлива для реакторов АЭС из-под контроля МАГАТЭ. Левые партии — союзники правящего Индийского национального конгресса (ИНК) опасались, что подобное решение ограничивает права Индии на проведение ядерных испытаний и развитие национальных мощностей по производству атомного топлива. Крупнейшая партия «Бхартия Джаната Парти» заявила, что подобное соглашение ведет к стратегической зависимости Дели от США. 7 августа 2007 г. левые партии призвали правительство

не выполнять условия соглашения без предварительных парламентских слушаний²⁵. 23 августа 2007 г. Коммунистическая партия Индии (марксистская) приняла резолюцию, предупреждавшую, что соглашение свяжет Дели стратегическим альянсом с США. 15 октября 2007 г. премьер-министр М. Сингх заявил, что не будет ставить вопрос о доверии кабинету в связи с проблемой ратификации Соглашения 1-2-3.

Стороны, однако, сумели найти компромисс. В сентябре 2007 г. левые партии создали специальный Комитет по рассмотрению целесообразности условий Соглашения 1-2-3, но 17 ноября 2007 г. согласились с началом переговоров правительства М. Сингха с МАГАТЭ, заявив, что соглашение о гарантиях не получит одобрения до тех пор, пока не пройдет экспертную оценку в комитете. 21 ноября 2007 г. генеральный директор МАГАТЭ М. эль-Барадей и председатель индийской Комиссии по атомной энергии А. Какодкар приступили к консультациям о подготовке соглашения о гарантиях с учетом специфики Индии²⁶. Весной 2008 г. стороны выработали проект соглашения о гарантиях Индии с МАГАТЭ.

Ситуация изменилась летом 2008 г. После серии политических маневров премьер-министру М. Сингху и лидеру ИНК Соне Ганди удалось заключить альянс с социалистами из региональной партии «Самаджвади». Левый фронт заявил 8 июля 2008 г. о прекращении поддержки коалиционного правительства. Несмотря на это, 9 июля 2008 г. было достигнуто соглашение о гарантиях с МАГАТЭ. 22 июля 2008 г. правительство М. Сингха получило в парламенте вотум доверия.

Изменение позиции Дели ускорило процесс ратификации Соединенными Штатами Соглашения 1-2-3. 11 сентября 2008 г. президент Дж. Буш-младший направил его текст в конгресс для ратификации. (Правда, он заявил, что обещание поставок атомного топлива в Индию пока является только политической декларацией и не имеет юридической силы.) М. Сингх посетил с официальным визитом Вашингтон 26 сентября 2008 г. И хотя заключить соглашение до его ратификации конгрессом сторонам не удалось, премьер-министр добился дипломатических успехов. 10 октября 2008 г. госсекретарь США К. Райс и министр иностранных дел Индии П. Мукхерджи подписали в Вашингтоне окончательный вариант Соглашения 1-2-3.

Вступление в силу Соглашения 1-2-3 требовало изменения подходов ГЯП и МАГАТЭ. МАГАТЭ было необходимо разработать и принять соглашение о гарантиях со страной, не входящей в ДНЯО, а ГЯП — изменить базовое положение о признании государством—покупателем всеобъемлющих гарантий МАГАТЭ. До этого гарантии МАГАТЭ

действовали только в отношении индийских реакторов в Тарапуре и Раджастане, а также для АЭС в Куданкуламе. (Последняя строилась на основе советско-индийского соглашения 1988 г., заключенного до принятия Варшавского меморандума ГЯП.)

Вступление в силу этого соглашения облегчалось отношением Группы ядерных поставщиков. Большую роль в вопросе снятия санкций ГЯП с Индии сыграла тождественность позиций России и США. 6 сентября 2008 г. ГЯП выступила с заявлением: «Участвующие в группе правительства могут передавать Индии оборудование, материалы, программное обеспечение и технологии двойного назначения для использования в мирных целях на гражданских ядерных объектах, находящихся под гарантиями МАГАТЭ»²⁷. Это означало снятие санкций ГЯП на ограничения в торговле с Индией.

Дели вступил в правовые отношения с МАГАТЭ. Еще 9 июля 2008 г. стороны заявили о достижении компромисса по поводу Соглашения о гарантиях. 1 августа 2008 г. Совет управляющих международного агентства утвердил Соглашение между правительством Индии и МАГАТЭ о применении гарантий к гражданским ядерным объектам²⁸. 2 февраля 2009 г. Индия подписала его. 3 марта 2009 г. Индия и Совет управляющих МАГАТЭ утвердили, а 15 мая 2009 г. подписали Дополнительный протокол 1997 г.²⁹

Соглашение с МАГАТЭ было серьезной уступкой Индии. Дели обязался поставить под гарантии агентства только 14 объектов к 2014 г. Дополнительный протокол 1997 г. он подписал на особых условиях. В отличие от типовых дополнительных протоколов соглашение с Индией не предполагает контроля МАГАТЭ над импортом расщепляющихся материалов и технологий ЗЯТЦ, проведение не объявленных заранее или объявленных за короткий срок инспекций, отбор проб на ядерных объектах или за их пределами, т.е. всех тех средств контроля, которые позволяют выявить незаявленную ядерную деятельность.

Однако в полной мере Соглашение 1-2-3 не вступило в силу. Причиной были два обстоятельства. Первое — отсутствие соглашения об условиях переработки Индией предоставленного американской стороной ОЯТ с целью извлечения из него плутония. Второе — парламент Индии не принял закон об ограничении ответственности американской стороны за возможные инциденты при использовании импортированного топлива. (Индийские оппозиционные партии выступают против законопроекта, защищающего американские энергетические компании от гражданских исков.) Это означает, что индийская сторона не ратифицировала Соглашение 1-2-3 в полном объеме. Ключевым

направлением переговоров 2009–2011 гг. стала, таким образом, ратификация Индией Соглашения 1-2-3.

17.4. Расширение американо-индийского партнерства при первой администрации Б. Обамы

Приход к власти демократической администрации Б. Обамы в январе 2009 г. привел к углублению американо-индийского партнерства³⁰. Еще во время визита премьер-министра М. Сингха в США 8–10 сентября 2008 г. кандидат в президенты Б. Обама направил ему письмо, в котором говорилось: «Я буду работать над скорейшей ратификацией международного договора, запрещающего испытания ядерного оружия, а затем обеспечивать дипломатическую инициативу для того, чтобы этот договор вступил в силу. Я также проведу переговоры по контролируемому многостороннему договору о запрещении производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия»³¹. Будущий президент США призвал индийскую сторону к партнерству по широкому спектру проблем в области нераспространения ЯО.

Первым шагом в развитии партнерства стал прошедший 9–11 марта 2009 г. визит в Вашингтон заместителя министра иностранных дел Индии Ш. Менона. Перспективы сотрудничества Ш. Менон обсуждал на встречах с госсекретарем США Х. Клинтон, а также ее заместителями Дж. Стейнбергом и У. Бернсом. Индийская сторона получила от администрации Б. Обамы заверения в том, что США намерены выполнять свои обязательства по предыдущим договоренностям.

Но летом 2009 г. в американо-индийских отношениях наметились проблемы. На саммите «Группы восьми» в Аквиле (Италия) 8–10 июля 2009 г. было принято Аквилское заявление о нераспространении. Страны «Группы восьми» призвали ГЯП выработать до конца 2009 г. документ, запрещающий передавать технологии обогащения урана странам, не подписавшим ДНЯО, и обеспечить его принятие в странах, не входящих в группу³². Индийская сторона восприняла это заявление негативно, хотя решения саммитов «восьмерки» носят рекомендательный характер. Соединенные Штаты также не отменили основные ограничения на экспорт технологий ЗЯТЦ в Индию. В результате у сторон отсутствовали практические соглашения о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии.

Урегулировать проблемы был призван состоявшийся 19–21 июля 2009 г. визит госсекретаря США Х. Клинтон в Дели, в ходе которого она и ее индийский визави Соманахалли Кришна подписали комплекс соглашений: документы о сотрудничестве Индии и США в области

обороны, науки и освоения космического пространства: Соглашение о мониторинге конечного пользователя, запрещающее Индии передавать американскую технику третьим странам. Клинтон и С. Кришна договорились проводить ежегодные «сессии стратегического партнерства» на уровне глав внешнеполитических ведомств. Эти документы не означали создания военно-политического блока, но делали заявку на долгосрочное партнерство в военно-политической сфере³³.

Заключенные в ходе визита Х. Клинтон соглашения в ядерной сфере носили, однако, общий характер. В совместном заявлении стороны сообщили, что разделяют стремление к безъядерному миру, будут работать над принятием недискриминационного, международного и контролируемого ДЗПРМ и взаимодействовать в предотвращении распространения ЯО. В документе было объявлено о начале консультаций о сотрудничестве в области переработки атомного топлива³⁴. *Без заключения этого документа Соглашение 1-2-3 не могло вступить в силу.*

Еще 3 февраля 2009 г. индийская сторона сделала официальный запрос США относительно переговоров по данной проблеме. Ситуация облегчалась тем, что 11 мая 2009 г. вступило в силу Соглашение с МАГАТЭ о гарантиях Индии. 3 августа 2009 г. консультации начались, к октябрю 2009 г. стороны выработали компромиссные варианты решения проблемы. 16 октября 2009 г. Индия официально заявила, что готова построить центры по переработке американского атомного топлива в специально выделенных местах.

Поворотом на переговорах стало создание Индией 5 ноября 2009 г. Совета по переработке ОЯТ (*Nuclear Recycle Board — NRB*). В задачу нового органа стали входить расширение индийской программы по переработке ОЯТ и создание национальной стратегии обращения с ядерными отходами. 18 ноября 2009 г. стороны сообщили о достижении прогресса на переговорах. 3 февраля 2010 г. президент США Б. Обама указал конгрессу США, что соглашение о гарантиях Индии с МАГАТЭ соответствует необходимым стандартам Закона о нераспространении ядерных отходов 1978 г.

29 марта 2010 г. Госдепартамент США распространил письменное заявление, что Вашингтон и Дели завершили переговоры о «планах и процедурах» относительно переработки поступающего из Соединенных Штатов ОЯТ³⁵. По условиям этого соглашения Индия получила право перерабатывать ядерное топливо из США на специальном заводе, который должен находиться под гарантиями МАГАТЭ. Проект соглашения вызвал, однако, недовольство индийской стороны, поскольку Вашингтон оставил за собой право приостановить действие соглаше-

ния, если оно будет представлять «серьезную угрозу» национальной безопасности США. 31 марта 2010 г. Индия добилась внесения в текст соглашения специальной оговорки: ее особое положение как страны, обладающей ядерным оружием, но при этом не подписавшей ДНЯО³⁶, не может служить основанием для заявлений об угрозе национальной безопасности США в контексте права на переработку ОЯТ.

30 июля 2010 г. заместитель госсекретаря США Билл Бернс и посол Индии в США Мира Шанкар подписали соглашение, предусматривавшее создание на индийской территории двух центров переработки ОЯТ из США под гарантиями МАГАТЭ. В нем были описаны процедуры проверки работы центра американскими инспекторами, включая вопросы получения ими информации степени защищенности объектов. Соглашение, однако, не вступило в силу из-за отсутствия в Индии закона о компенсации ущерба в ядерной сфере.

Законопроект об ограничении ответственности за ядерный ущерб был принят нижней палатой парламента Индии 25 августа 2010 г. Он предусматривает, в отличие от требований международных конвенций, возможность выставления регрессных исков к поставщикам³⁷. 27 октября 2010 г. Индия также подписала международную Конвенцию о компенсации за причиненный ущерб в ядерной сфере (*Convention on Supplementary Compensation for Nuclear Damage*). Однако, с точки зрения администрации Б. Обамы, эти решения носили половинчатый характер.

19 июля 2011 г. госсекретарь Х. Клинтон заявила, что Вашингтон будет побуждать Дели ратифицировать конвенцию до конца 2011 г. Этого, однако, не произошло. 11 ноября 2011 г. Индия опубликовала новые правила компенсации ответственности за ущерб в ядерной сфере, но они пока не вступили в силу. 22 ноября 2011 г. представитель Госдепартамента США В. Нуланд сообщила, что стороны еще не достигли окончательного соглашения. Временным компромиссом стало заявление 6 февраля 2012 г. министра иностранных дел Индии Ранжана Масаи (*Ranjan Mathai*), что Дели будет предоставлять равные условия американским и другим иностранным компаниям в рамках новых правил.

Последующие два года стороны пытались снять противоречия. 31 декабря 2010 г. Индия остановила реактор *CIRUS*. Новым направлением американо-индийского взаимодействия стали начавшиеся 1 февраля 2011 г. переговоры о вступлении Индии в Группу ядерных поставщиков. (Дели пользуется поддержкой со стороны России, Франции и США.) 18 июня 2012 г. американская компания «*Westinghouse*» подписала меморандум о взаимопонимании с ядерно-энергетической корпорацией (*NPCIL*) Индии, открывающий путь к строительству ше-

стиблочной АЭС с AP-1000 в штате Гуджарат. Реализация этого меморандума остается, однако, под вопросом.

На фоне соглашений Индии с Россией и Францией успехи США на ее рынке выглядят скромно. Однако новая стратегия США в отношении этой страны стала неотъемлемой частью американской политики контрраспространения. При отсутствии механизмов ее разоружения, Соединенные Штаты пошли на неполное признание индийского ядерного статуса. США получили от Дели ряд обязательств сделать свои ядерные исследования более прозрачными (в данном случае для наблюдения международных организаций) и усилить систему контроля за экспортом расщепляющихся материалов и ядерных технологий.

В таком формате американо-индийское соглашение о сотрудничестве в сфере мирного использования атомной энергии выгодно обеим сторонам. Индия получает доступ к передовым технологиям полного ядерного топливного цикла, в том числе к перспективным разработкам в сфере использования не атомной, а термоядерной энергии (в рамках проекта ИТЭР). США сделали атомную энергетику Индии более прозрачной для наблюдения международных институтов, что усиливает режим контроля за оборотом расщепляющихся материалов.

Партнерство с Индией администрации Дж. Буша и Б. Обамы рассматривали как один из компонентов своей стратегии контрраспространения, направленной на усиление режимов нераспространения ЯО. Не сумев предотвратить появление ядерного оружия у Индии, Соединенные Штаты пошли на неполное признание ее статуса ядерной державы. Это решение отчасти усиливает режим нераспространения ЯО, поскольку «включает» ядерную инфраструктуру Индии в действующую международную систему соглашений. В долгосрочной перспективе такое решение может существенно трансформировать режим нераспространения ядерного оружия, создав прецедент частичного признания ядерного статуса нарушителя ДНЯО.

Примечания

¹ *Roy Dr. P. C. Indo-U.S. Economic Relations.* Rajouri Garden, New Delhi: Deep & Deep Publications, 1986.

² *Cirincione J., Wolfsthal J. B., Rajkumar M. Deadly Arsenals. Tracking Weapons of Mass Destruction.* Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2002. P. 193.

³ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.minatom.ru/News/Main/view?id=11836&idChannel=66>.

⁴ Кошарная О. Индийский тигр прыгнул. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://nuclearno.ru/text.asp?11028>.

⁵ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.world-nuclear.org/info/inf53.htm>.

⁶ Джоши М. Почему Индия нуждается в ядерной сделке? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.iranatom.ru/news/media/year06/sepember/faqht.htm>.

⁷ Подробнее эта проблема рассматривалась в гл. 12 настоящего издания.

⁸ Всемирное агентство ядерных новостей. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.chornobyl.net/files/nucnet/index_ru.html.

Реакторы-размножители (бридеры) предназначены для наработки большего количества ядерного топлива, чем они потребляют, за счет преобразования неделящегося U-238 в делящийся плутоний, который затем можно использовать в качестве топлива.

⁹ Фененко А. В. Российско-американские отношения в сфере нераспространения ядерного оружия // МЭиМО. 2008. № 9. С. 16–30.

¹⁰ India — U.S. Energy Dialogue. URL: http://www.indianembassy.org/press_release/2005/July/16.htm.

¹¹ India — U.S. Joint. Statement. Washington, DC. July 18, 2005. URL: http://www.indianembassy.org/press_release/2005/July/21.htm.

¹² President, Prime Minister of India Discuss Freedom and Democracy. The East Room. URL: <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2005/07/20050718-1.html>.

¹³ India — U.S. Civilian Nuclear Cooperation. Washington, DC. 2005. July 22. URL: http://www.indianembassy.org/press_release/2005/July/34.htm.

¹⁴ President Discuss Strong US.-India Partnership in New Delhi, India. URL: <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2006/03/print/20060303-5.html>.

¹⁵ Suo-Motu Statement by Prime Minister Dr. Manmohan Singh on Discussions on Civil Nuclear Energy Cooperation with the US: Implementation of India's Separation Plan. URL: http://indianembassy.org/newsite/press_release/2006/Mar/24.asp (дата посещения: 27.05.2006).

¹⁶ Реакторы АПСАРА и СИРУС расположены в находящемся в центральной части Индии Центре атомных исследований им. Х. Баба (*Bhabha Atomic Research Centre*).

¹⁷ В 1996 г. МАГАТЭ ввело запрет на поставки ядерных технологий в Индию из-за отказа Дели подписать ДНЯО. Два энергоблока АЭС «Куданкулам» сооружаются Россией по соглашению, подписанному двумя странами до введения в силу этого запрета.

¹⁸ U.S.-India Civil Nuclear Agreement. R. Nicholas Burns, Under Secretary of State for Political Affairs, U.S. Department of State. Foreign Press Center Briefing. Washington, DC. 2006. March 22. URL: <http://fpc.state.gov/fpc/63542.htm> (дата посещения: 30.05.2006).

¹⁹ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://foreign.senate.gov/testimony/2006/RiceTestimony060405.pdf> (дата посещения: 30.05.2006).

²⁰ Implementation of the India-United States Joint Statement of July 18, 2005: India's Separation Plan [Электронный документ] // Department of Atomic Energy. URL: www.dae.gov.in/press.sepplan.pdf.

²¹ The Henry J. Hyde United States-India Peaceful Atomic Energy Act of 2006. US public law 109–401, was signed into law on 18 December 2006. URL: <http://thomas.loc.gov/cgiabin/bdquery/z?d109:HR05682>.

²² *Varadarajan S.* Lifetime fuel guarantee remains a stricking point in “123” talks with U.S. // *The Hindu*. 2006. 13 December.

²³ Agreement for Cooperation between the Government of India and the Government of the United States of America concerning paecefcful uses of nuclear enery, agreed text 1 August 2007. Department of Atomic Energy. URL: <http://www.dae.gov.in/indous.pdf>.

²⁴ *Kimball D., McGoldrik F.* U.S.-Indian nuclear agreement: a bad deal gets worse // *Arms Control Today*. August 2007. Vol. 37. No 6.

²⁵ Left «unable to accept» 123 agreement // *The Hindu*. 2007. 8 August.

²⁶ IAEA-India to launch consultations for India-specific safeguard agreement. Press releade 2007/21. 2007. 21 November. URL: <http://www.iaea.org/NewsCenter/PressReleases/2007/prn200721.html>.

²⁷ Statement on Civil Nuclear Cooperation with India // *Frontline*. 2008. Vol. 25. Iss. 20. September 27 — October 10.

²⁸ Agreement between the Government of India and the International Atomic Energy Agency for the Application of Safeguards to Civilian Nuclear Facilities // URL: <http://pmindia.nic.in/iaeaIndiaSGADrft.pdf>.

²⁹ Strengthened Safeguard System: Status of Additional Protocol, as of 9 July 2009 / International Atomic Energy Agency. URL: http://www.iaea.org/OurWork/SV/Safeguards/sg_protocol.html.

³⁰ *Kerr P. K.* U.S. Nuclear Cooperation with India: Issues for Congress. Congressional Research Service. 2012. 26 June. 7-5700. RL33016. URL: <http://www.fas.org/sgp/crs/nuke/RL33016.pdf>.

³¹ Цит. по: Ядерная перезагрузка: сокращение и нераспространение вооружений / Под ред. А. Г. Арбагов, В. З. Дворкина. М.: РОССПЭН, 2011. С. 123.

³² L'Aquial Statement on Non-Proliferation // G8 Summit: 2009. URL: http://www.g8italia2009.it/static/G8_Allegato2_L'Aquila_Statement_on_non_proliferation_pdf.

³³ См. нашу статью: *Фененко А. В.* Конфликтное партнерство // Независимая газета. 2009. 29 июля.

³⁴ *Karl D. J.* U.S.-India Relations: The Way Forward // *Orbis*. 2012. Vol. 56. No 2. P. 308–327.

³⁵ Arrangements and Procedures Agreed Between the Government of the United States and the Government of India, Pursuant to Article 6(iii) of Their Agreement for Cooperation Concerning Peaceful Uses of Nuclear Energy. 2010. March 29. URL: <http://www.state.gov/p/sca/rls/139194.htm>.

³⁶ *Yanmei Xie.* Clinton Urges India to Move Ahead on Nuclear Trade With US // *Nucleonics Week*. 2011. July 21.

³⁷ *Sharma A.* India Weighs Measure to Ease Nuclear Liability // *The Wall Street Journal*. 2010. October 10.

«Ядерные тревоги» на Корейском полуострове

В современной литературе по проблемам нераспространения сложилось три точки зрения о причинах конфликта северокорейской ядерной программы. Сторонники первой связывают ядерные амбиции КНДР с авторитарным характером ее режима¹. (Отсюда, как правило, следует политический вывод, что «демократизация» КНДР автоматически повлечет за собой свертывание северокорейской ядерной программы.) Вторая точка зрения рассматривает «ядерные тревоги» на Корейском полуострове как тонкий политический торг Пхеньяна, пытающегося выгодно обменять свою военную ядерную программу на международную финансовую помощь². Третья точка зрения — рассмотрение ядерного противостояния на Корейском полуострове как результат излишней жесткости США в отношении северокорейского режима³. В каждом из этих вариантов причиной затянувшегося конфликта выступает стремление Пхеньяна и/или Вашингтона (вариант — Вашингтона и Сеула) реализовать свои региональные амбиции.

На северокорейский кризис можно, однако, посмотреть не в региональном, а в глобальном аспекте. Конфликт вокруг ядерной программы КНДР стал закономерным результатом американской стратегии контрраспространения⁴. Появление этой стратегии в 1993–1994 гг. было связано с конфликтом вокруг ядерных разработок КНДР. К середине 2000-х годов «ядерные тревоги» на Корейском полуострове поставили перед политикой контрраспространения новую задачу: как принудительно «разоружить» государство, уже обладающее запасами ОМП? Ответа на этот вопрос американские эксперты не нашли до сих пор. В этом смысле политика КНДР остается единственным успешным примером конфликта нового ядерного государства с международным режимом нераспространения и внешнеполитической стратегией США.

18.1. Первая «ядерная тревога»

Понятие «ядерная тревога» (*nuclear alerting*) на Корейском полуострове определяется в научной литературе как угрозы США нанести разоружающие удары по ядерным объектам КНДР и соответственно

ответные угрозы северокорейского руководства нанести удары по региональным союзникам Вашингтона — Японии и Южной Корее. Этимологически этот термин перекликается с понятием «военная тревога» (*military alerting*) в Европе. Этим термином в истории дипломатии принято обозначать военно-политические кризисы между Францией и Германией в конце XIX в., в ходе которых обе страны оказывались на грани войны. Аллюзия на противостояние между великими державами позапрошлого столетия придает северокорейскому кризису две новые смысловые коннотации: намек на то, что она из «военных тревог» может завершиться реальным военным конфликтом и потенциальная опасность эскалации корейского конфликта до региональной войны в Северо-Восточной Азии.

Ядерные исследования КНДР начались в 1950-х годах, когда она заключила договоры о сотрудничестве в сфере мирного использования атомной энергии с СССР и КНР. В 1955 г. создано НИИ радиохимии, а в 1961—1964 гг. построен ядерный центр около города Йонбон (северо-запад КНДР), а в 1965 г. в Йонбоне был установлен советский исследовательский легководный реактор ИРТ-2000 мощностью 2 МВт. В 1970-х годах КНДР вступила в МАГАТЭ и одновременно усилила сотрудничество с Пекином в ядерной области (ее специалистов, в частности, допустили на китайские ядерные полигоны). В 1986 г. КНДР с помощью СССР построила 25-мегаватный тепловой реактор на графических замедлителях, способный производить 10—15 кг плутония за одну загрузку⁵. Развитию северокорейской ядерной программы, возможно, помогли специалисты из западноевропейских стран⁶.

Советский Союз, поставляя атомные технологии Северной Корее, настаивал на ее присоединении к режиму нераспространения ЯО. 12 декабря 1985 г. Пхеньян официально стал участником ДНЯО. Но в 1989—1990 гг. в советской и американской периодике появились публикации о том, что КНДР наработала достаточное количество оружейного плутония для создания ядерных боезарядов⁷. С конца 1991 г. США и МАГАТЭ заговорили о необходимости более тщательной проверки ядерной программы Северной Кореи.

Особую роль в зарождении ядерного кризиса сыграл «межкорейский диалог» 1990—1992 гг. После распада СССР и прекращения советской помощи КНДР оказалась в сложном положении. В таких условиях Пхеньян пошел на улучшение отношений с Южной Кореей.

В современной российской литературе преобладает точка зрения, что в перспективе КНДР и Южная Корея обречены на объединение по модели воссоединения ГДР и ФРГ. Ситуация, однако, сложнее. Исторически на Корей-

ском полуострове существовали два государства — Корё и Когурё, границы которых примерно совпадали с границами КНДР и Южной Кореи. Объединение обеих частей Кореи произошло только в 1895 г. под влиянием Японии. «Единая Корея» существовала, таким образом, только в рамках Японской империи. В таком контексте объединение Севера и Юга, исторически существовавших в качестве двух разных государств, выступает не единственно возможной альтернативой.

13 декабря 1991 г. стороны подписали Соглашение о примирении, взаимном ненападении, сотрудничестве и обменах. По его условиям, два корейских государства признали суверенитет друг друга, факт существования на Корейском полуострове двух государств и обязались следовать принципу невмешательства во внутренние дела друг друга. 31 декабря 1991 г. последовала Декларация Севера и Юга о безъядерном статусе Корейского полуострова. Документ объявлял полуостров безъядерной зоной.

Первая «ядерная тревога» на Корейском полуострове разразилась в начале 1990-х годов при попытке обоих государств реализовать Декларацию 1991 г. Еще 18 декабря 1991 г. президент Республики Корея Ро Дэ У заявил об отсутствии на территории его страны ЯО. 30 января 1992 г. КНДР подписала соглашение о гарантиях с МАГАТЭ, разрешающее проводить инспекции северокорейских ядерных объектов. В мае 1992 г. соглашение вступило в силу. В 1992 — начале 1993 г. представители агентства посетили реакторы и строящуюся радиохимическую лабораторию в Йонбоне. Результаты этих инспекций показали, что Пхеньян проводит широкую ядерную деятельность⁸.

Претензии к КНДР были вызваны рядом обстоятельств. Прежде всего, инспекции МАГАТЭ показали, что в 1989—1991 гг. газографитовый реактор в Йонбоне⁹ останавливался трижды, и Северная Корея могла извлекать из него отработанное ядерное топливо для последующего выделения из него плутония. К концу 1992 г. КНДР фактически завершила строительство радиохимической лаборатории в ядерном центре в Йонбоне и начала размещение в ней соответствующего оборудования. Северная Корея не разрешила проводить инспекции МАГАТЭ в лаборатории по производству изотопов в Йонбоне, хотя в ее составе семь «горячих камер». (В 1993 г. представители КНДР сообщили, что в 1975 г. в лаборатории было выделено около 300 мг плутония.) Осенью 1992 г. МАГАТЭ получило информацию о существовании двух необъявленных ядерных хранилищ в Йонбоне, где мог находиться выделенный из ядерного топлива плутоний. Основываясь на этих данных, 11 февраля 1993 г. генеральный директор МАГАТЭ Х. Бликс потребовал

от КНДР разрешить проведение «специальных инспекций» на ядерные объекты в Йонбоне. 25 февраля 1993 г. с аналогичными требованиями выступил Совет управляющих МАГАТЭ.

Требования вызвали недовольство Северной Кореи. 26 февраля 1993 г. КНДР запретила инспекции МАГАТЭ на своих ядерных объектах. Ситуация осложнялась попытками администрации У. Клинтона использовать методы преимущественно силового давления на КНДР, наподобие масштабных американско-южнокорейских маневров в начале 1993 г.¹⁰ 12 марта 1993 г. КНДР приостановила участие в ДНЯО. В Вашингтоне стали всерьез рассматривать возможность нанесения превентивных ударов по ее первым ядерным объектам.

1 апреля 1993 г. Совет управляющих МАГАТЭ заявил, что КНДР не выполняет своих обязательств по ДНЯО. Реакция Совета Безопасности ООН оказалась, однако, относительно мягкой. 8 апреля 1993 г. СБ ООН призвал международное агентство продолжить переговоры с Северной Кореей. 22 апреля 1993 г. КНДР отправила письмо на имя генерального директора МАГАТЭ с этим предложением. 11 мая 1993 г. Совет принял резолюцию № 825, в которой призвал Северную Корею отказаться от заявления о выходе из ДНЯО и вернуться к сотрудничеству с МАГАТЭ¹¹.

Силовое давление имело успех. В июне 1993 г. В Женеве начались переговоры между США и КНДР о свертывании северокорейской ядерной программы. Первоначально Пхеньян согласился пойти на частичные уступки, но 11 июня 1993 г. заморозил свое решение о выходе из ДНЯО. В сентябре 1993 г. северокорейская сторона допустила инспекторов МАГАТЭ на хранилища ядерных отходов около Йонбона, хотя и ограничила возможности их полноценной проверки. 15 февраля 1994 г. стороны договорились о допуске инспекторов агентства на объекты в Йонбоне.

К началу 1994 г. ситуация вокруг ядерной программы КНДР изменилась. Администрация У. Клинтона приступила к разработке стратегии контрраспространения как системы принудительных мер по разоружению нарушителей ДНЯО. На официальном уровне этот термин был впервые использован в выступлении министра обороны США Л. Эспина 7 декабря 1993 г.¹² Анализируя итоги кризисов вокруг советского ядерного наследия и ядерной программы КНДР, министр обороны США считал задачами стратегии контрраспространения: 1) проведение превентивных мер по борьбе с распространением ОМП и 2) защиту американских войск, территории Соединенных Штатов и их союзников от возможного использования ЯО.

Конфликт вокруг ядерной программы КНДР стал рассматриваться в Белом доме как важный прецедент для утверждения стратегии контр-распространения.

Ситуация благоприятствовала задачам США. Новая инспекция МАГАТЭ в начале марта 1994 г. показала, что КНДР достигла успехов в ядерных исследованиях. Пхеньян воспрепятствовал взятию проб на установках по извлечению плутония в Йонбоне. 21 марта 1994 г. Совет управляющих МАГАТЭ проинформировал Совет Безопасности ООН, что КНДР не выполняет своих обязательств по ДНЯО¹³. 31 марта 1994 г. СБ ООН призвал КНДР соблюдать взятые ранее обязательства и позволить инспекторам агентства завершить работу¹⁴. Возникла опасность, что Белый дом сделает ставку на односторонне-силовое разоружение Северной Кореи¹⁵. По крайней мере, существует немало свидетельств, что в первой половине 1994 г. Пентагон разрабатывал план уничтожения ядерных объектов КНДР с помощью ракетных и авиационных ударов¹⁶.

21 апреля 1994 г. КНДР остановила газографитовый реактор в Йонбоне для перезагрузки его активной зоны¹⁷, а 12 мая 1994 г. заявила о намерении загрузить в реактор свежее атомное топливо. 15 мая 1994 г. представители КНДР сообщили о начале замены графитовых стержней реактора без наблюдения инспекторов МАГАТЭ, но под контролем специальных камер агентства. Эксперты агентства подтвердили, что 10 мая 1994 г. северокорейские специалисты начали выгрузку ядерного топлива и смогут завершить эту процедуру к 15 июня 1994 г.

МАГАТЭ поставило вопрос о доступе инспекторов к выгруженному топливу. Целью такой инспекции было определить на основании анализа выбранных топливных стержней, соответствует ли действительности утверждение Пхеньяна о том, что в реактор была осуществлена всего одна загрузка. Северокорейские представители не дали разрешения на проведение инспекции. 2 июня 1994 г. Совет управляющих МАГАТЭ вновь обратился в Совет Безопасности ООН, заявив, что КНДР уклоняется от соблюдения своих обязательств по ДНЯО¹⁸. 13 июня 1994 г. Пхеньян объявил о выходе из МАГАТЭ и отказе сотрудничать с агентством, что вызвало негативную реакцию США.

Администрация У. Клинтона вновь, как и весной 1993 г., заговорила о возможности использования силы против КНДР. В Южную Корею были направлены зенитные ракеты «Пэтриот», а американская военно-морская группа у берегов Южной Кореи во главе с авианосцем «Китти Хок» была приведена в состояние боевой готовности.

И все же в тот период найти компромисс удалось. Маневрируя на грани военной акции, администрация У. Клинтона сумела в послед-

нюю минуту найти мост к переговорам в виде миссии экс-президента США Дж. Картера. В ходе его встреч с лидером КНДР Ким Ир Сеном 16–17 июня 1994 г. стороны согласовали условия компромисса. Северокорейское руководство согласилось восстановить режим международных инспекций на свои ядерные объекты и заморозить реактор в Йонбоне в обмен на официальные обязательства Соединенных Штатов не применять силу против КНДР и поставить ей реактор на легкой воде. Дж. Картер намекал также на ослабление американских санкций, чем вызвал недовольство администрации У. Клинтона¹⁹.

8 июля 1994 г. умер Ким Ир Сен. Новое руководство КНДР во главе с Ким Чен Иром возобновило 12 августа 1994 г. Женевские переговоры с США о мирном разрешении кризиса. 21 октября 1994 г. стороны подписали Рамочное соглашение о принципах урегулирования конфликта вокруг северокорейской ядерной программы²⁰. Условия соглашения включали:

- 1) взаимодействие в замене графитовых реакторов КНДР советского типа и связанного с ними оборудования на американские энергетические установки, действующие на легководных реакторах;
- 2) гарантии США передать КНДР к 2003 г. комплекс на легководных реакторах установленной мощностью 2000 МВт (с этой целью предполагалось организовать международный консорциум, который должен был заключить контракт с Северной Кореей на поставку комплекса на легководных реакторах в течение шести месяцев со дня подписания документа);
- 3) обязательства США принять меры для возмещения энергетических потерь в результате замораживания графитовых реакторов КНДР и относящегося к ним оборудования до завершения первой установки на легководных реакторах (в качестве альтернативного энергоносителя предполагалось использование нефти в размере 500 тыс. т в год в соответствии с согласованным графиком поставок);
- 4) согласие Северной Кореи заморозить свои графитовые реакторы и связанное с ними оборудование, а со временем демонтировать эти реакторы и связанное с ними оборудование после получения заверений США о поставке легководных реакторов и мерах по промежуточной поставке альтернативных энергоносителей;
- 5) обещания КНДР заморозить графитовые реакторы в течение одного месяца после завершения строительства комплекса на легководных реакторах;

- 6) решение США и КНДР сотрудничать в изыскании метода безопасного хранения отработанного топлива экспериментального реактора мощностью 5 МВт и в безопасной ликвидации этого топлива, исключаяющей его переработку в Северной Корее;
- 7) согласие сторон нормализовать политические и экономические отношения (уменьшение барьеров для торговли и инвестиций, в том числе ограничения на услуги связи и финансовые операции, открытие в столице другой стороны представительства для связи и т.п.);
- 8) официальные гарантии, исключающие угрозу применения ЯО со стороны США и обязывающие КНДР предпринимать шаги по претворению в жизнь Совместной декларации Северной и Южной Кореи о провозглашении Корейского полуострова безъядерной зоной (1991);
- 9) обещания КНДР остаться участником ДНЯО и обеспечивать выполнение гарантий по этому договору;
- 10) возобновление целевых и обычных инспекций в соответствии с соглашением о гарантиях между КНДР и МАГАТЭ в отношении объектов, не подлежащих замораживанию после заключения контракта на поставку комплекса на легководных реакторах;
- 11) согласие КНДР, что до заключения контракта на поставку продолжатся инспекции, которые требуются МАГАТЭ для непрерывности действия гарантий, в отношении объектов, не подлежащих замораживанию;
- 12) обеспечение КНДР (после завершения строительства комплекса на легководных реакторах и до поставки основных ядерных компонентов) полного выполнения ее соглашения с МАГАТЭ (INFCIRC/403), в том числе проведение консультации с агентством и согласие на выполнение всех условий, которые агентство сочтет необходимыми, в отношении верификации.

КНДР, таким образом, пообещала вернуться в режим ДНЯО, допустить инспекторов МАГАТЭ на свои ядерные объекты, заменить реакторы—наработчики плутония легководными реакторами и предпринять усилия для создания безъядерной зоны на Корейском полуострове. Соединенные Штаты обязались не угрожать применением ЯО против КНДР, поставить в Северную Корею легководные реакторы и до этого времени снабжать ее мазутом, для чего была создана 9 марта 1995 г. корпорация КЕДО (Организация по содействию развитию энергетики Кореи).

Рамочное соглашение имело, таким образом, коммерческую подоплеку. Речь шла о замене советских тяжеловодных реакторов на американские легководные, что превращало КНДР в одного из ведущих партнеров США в области атомной энергетики.

1 ноября 1994 г. КНДР объявила о приостановке строительства реакторов с графитовыми замедлителями, 11 ноября 1994 г. разрешила проводить инспекции МАГАТЭ на свои ядерные объекты. До поставок легководных реакторов представители агентства имели право только измерять объемы ядерного топлива, но не проводить его анализ.

18.2. Вторая «ядерная тревога»

Вторая «ядерная тревога» на Корейском полуострове была вызвана распадом рамочного соглашения 1994 г. Первоначально стороны пытались соблюдать (или делали вид, что соблюдают) его условия. 15 мая 1996 г. в КЕДО вступила организация «Евроатом». В августе 1997 г. в районе северокорейского города Синпхо начались работы по подготовке площадки для строительства двух легководных реакторов мощностью 1000 МВт каждый.

Но 31 августа 1998 г. КНДР испытала баллистическую ракету «Тэпходонг-2», способную достигать территории Гавайских островов и Аляски. Это событие вызвало негативную реакцию США, став одним из поводов для выхода Вашингтона из Договора по ПРО.

Основой для ракетной программы КНДР стали советские комплексы 1960-х типа Р-17 (*Scud*). Попытки их модификации предпринимались Северной Кореей с конца 1970-х годов. К 1989 г. КНДР развернула баллистические ракеты «Нодон-1» (дальность полета около 1500 км) и разработала проекты ракет «Нодон-2» с дальностью полета до 3000 км. В 1993–1994 гг. появились сведения о существовании у Пхеньяна планов создания ракет «Тэпходонг-1» (дальность полета до 1500 км) и «Тэпходонг-2» (дальность полета до 6000 км). Несмотря на скептические замечания, 31 августа 1998 г. КНДР произвела запуск ракеты «Тэпходонг-1», испытания 5 июля 2006 г. оказались неудачными. Что же касается ракет «Тэпходонг-2», то подобные ракеты существуют пока только в проекте. Неясной остается и судьба планировавшихся в конце 1980-х годов ракет «Нодон-2».

В ноябре 1998 г. прекратились работы по строительству реактора в районе Синпхо. Ситуация осложнялась отсутствием дипломатических отношений между КНДР и США. Единственным каналом связи были встречи представителя США в КЕДО посла Чарльза Притчарда с его северокорейским визави Ким Ге Гваном²¹.

Ключевым стал вопрос о пребывании американского ТЯО на Корейском полуострове. 20 апреля 2000 г. МИД КНДР призвал США вы-

вести все ЯО с Корейского полуострова. (После 1991 г. оно находилось на американских военных кораблях, которые базировались в территориальных водах Южной Кореи и в соответствии с международным правом являлись частью суверенной территории США.) Сеул утверждал, что он выполнил условия Декларации 1991 г.; КНДР заявляла, что американское ТЯО находится на Корейском полуострове. 24 апреля 2000 г. генеральный директор МАГАТЭ М. эль-Барадей заявил о невыполнении Пхеньяном условий соглашений с агентством. Пхеньян воспринял это заявление как ответ Вашингтона на свои претензии по ТЯО.

Администрация У. Клинтона пошла на уступки. 19 июня 2000 г. Вашингтон, в частности, смягчил экономические санкции против КНДР, предоставив возможности американским компаниям инвестировать в северокорейскую экономику и разрешив КНДР экспортировать сырье в США. Но разрешить спорные вопросы в ходе визитов первого заместителя председателя Государственного комитета обороны КНДР Ро Мун Рока в Вашингтон (9–12 октября 2000 г.) и госсекретаря США М. Олбрайт в Пхеньян (23–24 октября 2000 г.) сторонам не удалось. Правда, в ходе визита Ро Мун Рока стороны в итоговом коммюнике зафиксировали намерение подписать полноценный мирный договор взамен соглашения о перемирии 1953 г. Это означало расширение повестки американо-северокорейских отношений.

Ситуация усугубилась после прихода к власти в январе 2001 г. администрации Дж. Буша-младшего. Республиканцы подвергли критике клинтоновскую стратегию вовлечения КНДР. Условием продолжения переговоров Белый дом считал немедленное закрытие северокорейского ядерного центра в Йонбоне. 8 марта 2001 г. госсекретарь США К. Пауэлл заявил, что Вашингтон готов пересмотреть рамочное соглашение в пользу усиления инспекций на северокорейские ядерные объекты. 6 июня 2001 г. Белый дом предложил КНДР частично сделать это за счет введения проверяемых ограничений на развитие северокорейских ракетных программ и экспорта ее ракетных технологий. В обмен Соединенные Штаты предложили смягчение экономических санкций и гуманитарную помощь.

Изменение курса Вашингтона было негативно встречено в Северной Корее. 17 июня 2001 г. МИД КНДР отказался от предварительных условий по возобновлению диалога, назвав предложения администрации Дж. Буша «односторонними», а намерения — «враждебными»²². 8 августа 2001 г. МИД КНДР официально отверг предложения Вашингтона, 28 ноября 2001 г. отметил, что требования США относительно

усиления инспекций МАГАТЭ являются неразумными, а реализация рамочного соглашения откладывается на неопределенный срок.

Распад рамочного соглашения начался после того, как в послании конгрессу 29 января 2002 г. президент Дж. Буш-младший причислил КНДР к странам «оси зла». С этого времени республиканская администрация акцентировала внимание на «урановой проблеме». Еще в 1998 г. в США появились сообщения о том, что Пхеньян обогащает уран на секретном объекте Кумчанг-Ни. Летом 2002 г. в связи с новыми данными тревога Вашингтона усилилась. Скандал между странами разразился в ходе визита в Пхеньян заместителя госсекретаря Дж. Келли 3–5 октября 2002 г. Руководство КНДР утверждало, что речь шла о его законном праве обогащать уран; администрация Дж. Буша-младшего интерпретировала действия Северной Кореи как нарушение условия Рамочного соглашения.

Возникла потребность в изменении повестки двусторонних отношений. 21 октября 2002 г. руководство КНДР обратилось к Вашингтону с предложением заключить договор о ненападении и с его помощью урегулировать вопросы, связанные с северокорейской ядерной программой. 15 ноября 2002 г. президент Дж. Буш заявил об отсутствии у Вашингтона намерений нападать на КНДР. Но в целом Белый дом отклонил северокорейскую инициативу. 21 ноября 2002 г. Пхеньян принял решение разморозить ядерный реактор в Йонбоне и возобновить наработку плутония. Соединенные Штаты прекратили поставки КНДР топливного мазута. Прямой диалог США и КНДР не состоялся.

Последующие события приняли характер встречной эскалации. 12 декабря 2002 г. КНДР объявила о возобновлении ядерной программы и высылке инспекторов МАГАТЭ. 25 декабря 2002 г. была возобновлена работа реактора—накопителя плутония в Йонбоне. 10 января 2003 г. КНДР второй раз после 1993 г. заявила о выходе ДНЯО. В Вашингтоне вновь, как и в 1994 г., заговорили о возможности нанесения упреждающих ударов по ядерным объектам Северной Кореи.

2 декабря 2002 г. президент России В. В. Путин и председатель Госсовета КНР Цзян Цзэминь совместно призвали к денуклеаризации Корейского полуострова на основе достигнутых ранее договоренностей. 14 января 2003 г. президент США Дж. Буш-младший заявил о готовности возобновить экономическую помощь КНДР в обмен на замораживание ядерной программы. 17 января 2003 г. заместитель госсекретаря США Ричард Армיתейдж указал, что Вашингтон рассматривает вопрос о замене рамочного соглашения 1994 г. новым документом. Такое со-

глашение, по словам Р. Армитейджа, могло бы предоставить КНДР письменные гарантии безопасности. 20 января 2003 г. с инициативой пакетного соглашения выступил заместитель министра иностранных дел России А. Лосюков²³. Однако на встрече с А. Лосюковым Ким Чен Ир согласился начать переговоры о свертывании северокорейской ядерной программы, только если Вашингтон сначала предоставит письменные гарантии ненападения на КНДР.

Возникла угроза военного конфликта на Корейском полуострове. 20 января 2003 г. К. Пауэлл призвал МАГАТЭ передать «северокорейское досье» на рассмотрение Совета Безопасности ООН, где в то время велись дискуссии по иракской программе создания ОМП. Такой шаг США был расценен экспертами как дипломатическая подготовка к операции принудительного разоружения КНДР. 6 февраля 2003 г. заместитель министра иностранных дел КНДР заявил, что «любое решение США об отправке к регион дополнительных войск может побудить правительство КНДР к нанесению превентивного удара». 15 февраля 2003 г. министр обороны Японии Сигёру Ишиба указал, что его страна имеет право на превентивный удар по Северной Корее, если получит неоспоримые доказательства подготовки Пхеньяна к ракетному удару по Японии. 1 марта 2003 г. США по итогам переговоров с Южной Кореей заявили о немедленной отправке на острове Гуам 12 бомбардировщиков В-52 и 12 бомбардировщиков В-1. Президент Дж. Буш заявил 3 марта 2003 г. о возможности использования против КНДР силы в качестве последнего средства, если многосторонняя дипломатия не сумеет убедить Пхеньян отказаться от военной ядерной программы.

Наиболее опасная ситуация возникла после того, как США завершили 1 мая 2003 г. активную фазу военной операции в Ираке. Преобладало мнение, что следующей целью Вашингтона станет КНДР. 13 мая 2003 г. Пхеньян заявил, что Декларация 1991 г. о безъядерном статусе Корейского полуострова «мертва». В ответ 14 мая 2003 г. президенты США и Южной Кореи в совместном заявлении указали, что не потерпят появления ЯО у Северной Кореи. 23 мая 2003 г. с аналогичными заявлениями выступили президент США и премьер-министр Японии, сообщив, что дальнейшее обострение ситуации, возможно, потребует принятия «более жестких мер» в отношении Северной Кореи. 23 июля 2003 г. заместитель министра иностранных дел РФ А. Лосюков отметил, что Корейский полуостров находится на грани войны²⁴.

Ситуация как будто вернулась к исходной точке 1994 г., но теперь другие державы еще меньше доверяли соглашениям с Северной Коре-

ей. «Мирный вариант» контрраспространения наподобие переговоров о «выкупе» алжирской или иранской ядерной программы уже не годился. Требовалось найти иные методы для обеспечения безопасности в Северо-Восточной Азии²⁵. Поэтому в отношениях с КНДР в Вашингтоне избрали силовой вариант контрраспространения, включающий дипломатическое взаимодействие вкупе с угрозами и даже силовыми демонстрациями.

18.3. Механизм шестисторонних переговоров и самопровозглашение КНДР ядерной державой

Среди экспертов нет единого мнения о том, почему США не пошли в 2003–2004 гг. на военную операцию против КНДР. В качестве аргумента приводятся четыре причины. *Во-первых*, эта страна обладает развитой ядерной инфраструктурой²⁶, и удары по ней привели бы к региональной экологической катастрофе. *Во-вторых*, Северная Корея имеет многочисленную (около 1 млн человек) сухопутную армию, вооруженную химическим оружием и способную нанести удар возмездия по территории Южной Кореи. *В-третьих*, к 2003 г. Пхеньян мог произвести несколько ядерных взрывных устройств (ЯВУ), которые в случае войны могли быть использованы против вооруженных сил (например, авианосцев) США или для демонстративных ударов по японским и южнокорейским городам. *В-четвертых*, в американском обществе сильна память о трудной и в целом неудачной для Вашингтона Корейской войне 1950–1953 гг. Белый дом в апреле 2003 г. согласился с китайским посредничеством²⁷.

Летом 2003 г. ситуация вокруг ядерной программы КНДР изменилась. Администрация Дж. Буша-младшего стала добиваться не только свертывания северокорейской ядерной программы, но и ликвидации ядерной инфраструктуры. Главным средством давления на Пхеньян в Вашингтоне избрали угрозы, которые временами вызывали опасения в соседних с Северной Кореей странах — Китае, России, Южной Корее и даже Японии, по их настоянию вопрос о северокорейской ядерной программе был включен в повестку нерегулярно собиравшейся с апреля 2003 г. в Пекине конференции шести держав²⁸.

Позиции держав были различными. Соединенные Штаты выступали за полную и необратимую ликвидацию ядерной программы КНДР по образцу саморазоружения ЮАР в конце 1980-х годов. В случае отказа Вашингтон оставлял за собой право применить силу, что вызывало тревогу у КНР и России, опасавшихся ядерного конфликта в Северо-Восточной Азии. С ними была солидарна и Южная Корея, несмотря на

союзный договор с США 1953 г. Возникла «негласная коалиция» в составе КНР, России и Южной Кореи, целями которой были: удержание Пхеньяна в режиме перманентных переговоров и принуждение США к отказу от военной операции. Политику «негласной коалиции» поддерживало и японское правительство Дзюньитиро Коицзуми (2001–2006) из-за возможных ракетных ударов со стороны Северной Кореи.

Первый раунд шестисторонних переговоров прошел в Пекине 26–29 августа 2003 г. Еще до их начала между сторонами возникли противоречия. 7 августа 2003 г. госсекретарь США К. Пауэлл заявил, что Вашингтон готов дать КНДР письменные гарантии безопасности, но не готов подписать с ней «пакт о ненападении». МИД КНДР указал 13 августа 2003 г., что только «пакт о ненападении» Вашингтона и Пхеньяна мог бы эффективно разрешить кризис. Эти противоречия дали о себе знать на августовских переговорах. Соединенные Штаты добились не только свертывания северокорейской ядерной программы, но и ликвидации уже созданной в КНДР ядерной инфраструктуры. В обмен Вашингтон соглашался дать письменные гарантии безопасности КНДР и оказать экономическую помощь, поставив, в частности, два легководных реактора.

Пхеньян соглашался свернуть свои ядерные программы только в обмен на гарантии безопасности со стороны Вашингтона. (С чем в свою очередь не соглашалась администрация Дж. Буша-младшего.) Неудачным оказался и компромиссный план Южной Кореи, предполагавший свертывание ядерной программы КНДР в обмен на предоставление экономической помощи и только затем предоставление гарантий безопасности. Северная Корея опасалась, что после ее ядерного разоружения США проведут операцию по смене в стране режима.

Второй раунд переговоров 25–28 февраля 2004 г. был связан с новым обстоятельством. Незадолго до этого пакистанский физик А. К. Хан подтвердил факт передачи урановых разработок Пхеньяну. Северокорейские представители отрицали наличие у КНДР «объектов, специалистов или технологий, относящихся к высокообогащенному урану», а также связи с пакистанской «сетью Хана». КНДР согласилась заморозить свою ядерную программу под контролем МАГАТЭ в обмен на поставки мазута. Однако теперь Соединенные Штаты при поддержке Японии требовали не замораживания, а полной ликвидации ядерных объектов КНДР под контролем МАГАТЭ. КНДР отвергла предложения.

12 мая 2004 г. заместитель представителя КНДР в ООН заявил, что Пхеньян сохранит свой потенциал ядерного сдерживания до тех пор,

пока все страны, имеющие войска на Корейском полуострове, не подпишут мирный договор. Это неоправданно расширяло предмет переговоров, с чем не были согласны США и Япония, юридически не признающие КНДР после 1953 г., а также Южная Корея и КНР.

На третьем раунде переговоров 23–26 июня 2004 г. администрация Дж. Буша-младшего выдвинула экзотический проект передачи ядерных объектов КНДР под временное международное управление комиссии пяти держав или МАГАТЭ²⁹. На первом этапе Северная Корея должна была предоставить письменные гарантии ликвидации своих ядерных программ под контролем инспекторов МАГАТЭ в обмен на возобновление поставок мазута. На втором — допустить инспекторов на все ядерные объекты и предоставить информацию о своих урановых и плутониевых программах, чтобы получить документ о временных многосторонних гарантиях безопасности Северной Кореи. После свертывания программы использования атомных материалов в Йонбоне США были готовы дать гарантии безопасности КНДР и оказать экономическую помощь, поставив ему, в частности, два легководных реактора³⁰. Но Пхеньян не согласился и с этим вариантом. Посол КНДР в Китае заявил, что предложение его страны о замораживании производства плутония касается только того количества, которое было выработано после января 2003 г. Северная Корея отказалась 23 августа 2004 г. от подготовленного на третьем этапе проекта мирного урегулирования.

Но в середине 2004 г. аналитики уже не могли точно сказать, произвела ли она несколько ядерных боезарядов. 9 сентября 2004 г. сильный взрыв зафиксировал южнокорейский разведывательный спутник в отдаленном районе КНДР (провинция Янгандо около границы с КНР). На месте взрыва было замечено грибовидное облако. 28 сентября 2004 г. заместитель министра иностранных дел КНДР заявил на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, что Северная Корея превратила в ЯО обогащенный уран, полученный из 8000 переработанных топливных стержней из ее атомного реактора в Йонбоне. 21 октября 2004 г. госсекретарь США К. Пауэлл отметил, что разведка не может предоставить достоверных данных относительно наличия или отсутствия ЯО у КНДР. В такой ситуации Вашингтон не решился на военную операцию по ликвидации северокорейских ядерных объектов.

КНДР, напротив, заняла жесткую позицию. 16 сентября 2004 г. ее МИД заявил, что Пхеньян не будет участвовать в шестисторонних переговорах до прояснения ситуации с секретными урановыми и плутониевыми разработками в Республике Корея. (В мае 2004 г. Южная Корея представила МАГАТЭ информацию о проведении в 2000 г. не-

задекларированных разработок по обогащению урана.) 1 ноября 2004 г. представитель КНДР в ООН заявил, что Пхеньян не примет участия в шестисторонних переговорах до тех пор, пока Соединенные Штаты не отменят Акт о правах человека в КНДР и экономические санкции против его страны³¹. 10 февраля 2005 г. КНДР провозгласила себя ядерной державой, хотя и не подтвердила это проведением ядерных испытаний. 3 марта 2005 г. Пхеньян заявил, что более не считает себя связанным мораторием 1999 г. на испытания баллистических ракет средней дальности.

«Негласная коалиция» попробовала взять на себя роль посредника при возобновлении переговоров. 13 декабря 2004 г. заместитель госсекретаря США Дж. Келли заявил, что соглашение о перемирии на Корейском полуострове 1953 г. может быть заменено многосторонним мирным договором, если КНДР согласится свернуть свои ядерные программы. Это означало некоторое смягчение позиции Вашингтона. 21 декабря 2004 г. между заместителем министра иностранных дел России А. Алексеевым и послом США А. Вершбоу состоялся обмен мнениями о ситуации вокруг ядерной проблемы на Корейском полуострове. 15 февраля 2005 г. министр иностранных дел Китая Ли Чжаосин в телефонном разговоре с госсекретарем Соединенных Штатов К. Райс пообещал, что Пекин поможет вернуть КНДР за стол шестисторонних переговоров³². Принципиальное согласие на их возобновление было достигнуто во время визита в Пекин премьер-министра КНДР Пак Пон Чжу 28 марта 2005 г. И хотя стороны еще обменивались жесткими заявлениями, 26 июля 2005 г. в Пекине возобновились переговоры.

19 сентября 2005 г. США и КНДР подписали в Пекине Совместное заявление (или Пекинскую декларацию), предусматривавшее отказ Северной Кореи от продолжения ядерной программы и обязательства США и Южной Кореи вывести американское ЯО с территории Корейского полуострова³³. Пхеньян подтвердил намерение вернуться в ДНЯО и отказаться от военных ядерных программ при сохранении права на развитие гражданской атомной энергетики. Соединенные Штаты и Республика Корея заявили об отсутствии у них намерений нападать на КНДР и подтвердили обещание поставить ей реактор на легкой воде³⁴. Однако между сторонами сразу выявились разногласия относительно очередности шагов. Американские представители утверждали, что поставка реактора будет возможна после прекращения Пхеньяном своей ядерной программы. Северная Корея заявила о согласии свернуть программы только после фактического получения американского реактора. Кроме того, Вашингтон потребовал от Пхеньяна передать име-

ющиеся у него ядерные материалы под контроль МАГАТЭ, что было приемлемо для КНДР.

В ноябре 2005 г. появились сообщения, что на очередном раунде переговоров Северная Корея предложила план поэтапного отказа от ЯО: 1) не проводить ядерных испытаний, 2) не передавать ядерные материалы другим государствам, 3) приостановить свою ядерную программу, 4) вновь присоединиться к ДНЯО и 5) выполнить все требования МАГАТЭ³⁵. Однако почти ничего не говорилось о контроле над действиями КНДР. Но северокорейские представители утверждали, что добровольное разоружение может начаться только после поставок легководных реакторов. США и другие участники шестисторонних переговоров не согласились с предложениями КНДР.

23 ноября 2005 г. на заседании Исполнительного совета консорциума КЕДО представители США, Японии, Южной Кореи и стран ЕС аннулировали согласованный в 1994 г. проект предоставления Северной Корее легководных реакторов. Соединенные Штаты ввели финансовые санкции против ряда северокорейских компаний. В ответ 20 декабря 2005 г. Центральное телеграфное агентство КНДР сообщило, что Северная Корея намерена активизировать ядерные разработки на основе графитовых реакторов, с помощью которых можно получать оружейный плутоний. В ночь с 4 на 5 июля 2006 г. КНДР провела испытание серии баллистических ракет различного радиуса действия.

Это вызвало волну негативных заявлений в адрес северокорейского режима со стороны США, Японии, Южной Кореи, стран ЕС и даже России³⁶. 15 июля 2006 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 1695, в которой призвал КНДР отказаться от проведения ракетных испытаний³⁷. 17 июля 2006 г. участники саммита «Группы восьми» в Санкт-Петербурге призвали Пхеньян свернуть ядерные программы и ликвидировать ЯВУ в случае наличия таковых. Оба документа были проигнорированы руководством Северной Кореи.

Последовала эскалация напряженности. 13 сентября 2006 г. конгресс США проголосовал за ужесточение санкций против КНДР и сотрудничающих с ней иностранных организаций и компаний. 3 октября 2006 г. представители КНДР заявили о возможности проведения ядерных испытаний. 4 октября 2006 г. помощник госсекретаря США по Восточной Азии и АТР Кристофер Хилл предупредил Пхеньян о недопустимости такого шага. КНДР, однако, пошла на силовую демонстрацию. 9 октября 2006 г. Пхеньян провел на подземном полигоне (хребет Хамен на северо-востоке страны) испытания ЯВУ мощностью около 15 кт.

Это вывело северокорейский кризис на качественно новый уровень. 14 октября 2006 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 1718 о запрете продаж и передаче Северной Корее любой обычной военной техники и вооружений, а также любых материалов, оборудования, товаров и технологий, которые могли быть использованы для развития северокорейских программ создания ОМП³⁸. Руководство КНДР отреагировало на эту резолюцию жестко. Аналитики вновь заговорили об угрозе возникновения военного конфликта на Корейском полуострове. Жесткая реакция международного сообщества вынудила Пхеньян пойти на новый раунд переговоров.

Еще 31 октября 2006 г. в Пекине состоялась встреча представителей США, КНДР и КНР, в ходе которой северокорейские участники согласились на возобновление шестисторонних переговоров без всяких предварительных условий. В новом раунде переговоров 18–22 декабря 2006 г. КНДР выразила готовность допустить инспекторов МАГАТЭ на свои ядерные объекты, хотя и возражала против постоянного присутствия представителей этой организации на своей территории³⁹. Условия компромисса были окончательно согласованы на берлинской встрече представителей США и КНДР 19 января 2007 г. После нее в Пекине 12 февраля 2007 г. было подписано соглашение, известное также как Пекинское. Пхеньян согласился остановить газографитовый реактор в Йонбоне и извлечь из него топливные стержни в обмен на поставки топливного мазута⁴⁰.

18.4. Третья «ядерная тревога»

Пекинское соглашение 2007 г. повторило судьбу рамочного соглашения 1994 г. Первоначально стороны демонстрировали готовность к его выполнению. 6 марта 2007 г. КНДР согласилась допустить инспекторов МАГАТЭ на свои ядерные объекты.

Летом 2007 г. Соединенные Штаты через Россию возвратили КНДР заблокированные в ноябре 2005 г. 25 млн долл. 16 июля 2007 г. Северная Корея допустила инспекторов МАГАТЭ к своим ядерным объектам, 3 октября 2007 г. согласилась остановить до конца года реактор в Йонбоне, а также находящиеся там радиохимическую лабораторию и завод по переработке ядерного топлива. США обещали спонсировать работы по дenuклеаризации КНДР и исключить ее из списка стран, поддерживающих терроризм. В обмен КНДР согласилась допустить американских инспекторов к процессу замораживания своих ядерных объектов.

26 июня 2008 г. КНДР передала КНР свое ядерное досье об имеющихся у нее ядерных материалах. Одновременно представители Север-

ной Кореи взорвали охладительную башню главного ядерного реактора в Йонбоне. 12 июля 2008 г. на новом раунде шестисторонних переговоров была достигнута договоренность, что демонтаж ядерного реактора в Йонбоне завершится к концу октября того же года. Но 26 августа 2008 г. КНДР приостановила работы и заявила о намерении восстановить демонтированное оборудование в Йонбоне. 12 ноября 2008 г. МИД КНДР в резкой форме отказался допустить американских инспекторов к процессу замораживания северокорейских ядерных объектов.

Среди экспертов до настоящего времени нет единого мнения о причинах срыва реализации Пекинского соглашения. Условно можно выделить три точки зрения. Согласно первой причиной стала публикация «Национальной военной стратегии США» 2008 г., в которой возможный конфликт на Корейском полуострове рассматривался как один из приоритетов американского военного планирования. Согласно второй версии причиной стала болезнь Ким Чен Ира в августе 2008 г. и стремление части северокорейской элиты сохранить ядерный статус КНДР. Третья точка зрения связывает очередное «похолодание» на Корейском полуострове с политикой президента Южной Кореи Ли Мён Бака, после прихода к власти в феврале 2008 г. фактически отказавшегося от предшествующих соглашений Сеула с КНДР.

На очередном раунде шестисторонних переговоров 8–11 декабря 2008 г. стороны не достигли компромисса. 14 декабря 2008 г. Вашингтон прекратил поставки КНДР топливного мазута, а Пхеньян в ответ приостановил реализацию Пекинского соглашения. 13 января 2009 г. МИД КНДР заявил, что денуклеаризация Корейского полуострова предполагает также инспекции на ядерные объекты Южной Кореи. 17 января 2009 г. Генштаб Корейской народной армии высказался о непризнании линии демаркации с Южной Кореей в Желтом море⁴¹.

Третья «ядерная тревога» началась весной 2009 г. Пхеньян сообщил 24 февраля 2009 г. о готовности запустить в начале апреля ракету-носитель «Ынхв-2» для вывода на орбиту спутника «Кванмёнсён-1». Американские СМИ утверждали, что под видом запуска спутника КНДР проводит испытание МБР. 3 марта 2009 г. министр обороны Японии Ясуказу Хамада указал, что Токио готов сбить спутник КНДР или ракету-носитель посредством собственных систем ПРО. 27 марта 2009 г. Совет безопасности Японии разрешил военным уничтожить северокорейскую ракету в случае угрозы падения ее обломков на территории страны. КНДР заявила 31 марта 2009 г. о готовности нанести в ответ военный удар по Японии и сбивать американские самолеты-разведчики, вторгающиеся в северокорейское воздушное пространство. 5 апреля 2009 г. КНДР запустила спутник «Кванмёнсён-1». Успешность этой

акции была расценена сторонами различно: Пхеньян заявил о выводе спутника на орбиту; Россия, США и Япония — о гибели ракеты-носителя «Ынха-2» в акватории Тихого океана.

На заседании Совета Безопасности ООН 6 апреля 2009 г. его постоянные представители, как и в 2003 г., не сумели выработать единой позиции по КНДР. Было решено изучить, что именно испытала Северная Корея — МБР или ракету-носитель. (Хотя Комитет ООН по санкциям призвал вернуться к выполнению санкций, наложенных на КНДР резолюцией № 1718.) 29 апреля 2009 г. КНДР опубликовала предупреждение о возможном ядерном испытании в ответ на решение Комитета СБ ООН по санкциям в отношении трех крупнейших северокаорейских компаний⁴². 25 мая 2009 г. последовало второе испытание северокаорейского ядерного боезаряда, мощностью от 10 до 20 кт.

12 июня 2009 г. СБ ООН принял резолюцию № 1874 о введении новых санкций против КНДР⁴³. В ответ Пхеньян окончательно вышел из шестисторонних переговоров. МИД КНДР 13 июня 2009 г. заявил, что перенаправит на оружейные цели весь плутоний, выделенный из оставшихся стержней отработанного ядерного топлива в Йонбоне. В этом же заявлении указывалось, что Северная Корея ведет разработку экспериментальной технологии для обогащения урана в целях производства ядерного топлива для будущих легководных реакторов. Попытки возобновить переговоры осенью 2009 г. (в том числе при посредничестве России) закончились неудачно. 3 ноября 2009 г. КНДР сообщила о завершении переработки стержней отработанного ядерного топлива, изъятых летом из реактора в Йонбоне, что давало плутониевое сырье для производства новых ЯВУ.

В 2010 г. ситуация ухудшилась. 26 марта 2010 г. при не вполне ясных обстоятельствах погиб южнокорейский корвет «*Cheonan*». Сеул сообщил, что затонувший военный корабль был уничтожен северокаорейской торпедой. США поддержали Южную Корею, квалифицировав случившееся как акт агрессии со стороны Северной Кореи. Пхеньян отверг эти обвинения. 26 мая 2010 г. Северная Корея разорвала все отношения с Южной Кореей. 4 июня 2010 г. Сеул обратился в Совет Безопасности ООН с просьбой принять меры относительно инцидента с гибелью корвета «*Cheonan*». Ситуация особенно обострилась во время конфликта вокруг спорного острова Йонпхендо 23 ноября 2010 г. Эксперты поспешили назвать его наиболее крупным конфликтом со времен окончания Корейской войны 1950–1953 гг.

Новый виток третьей «ядерной тревоги» начался после смерти Ким Чен Ира 17 декабря 2011 г. Пришедший ему на смену Ким Чен Ын

взял курс на усиление силовых демонстраций. 12 декабря 2012 г. Северная Корея вывела на орбиту искусственный спутник Земли «Кванмёнсён-3». Это событие вызвало негативную реакцию Совета Безопасности ООН. 22 января 2013 г. он принял резолюцию № 2087, которая расширила список санкций в отношении организаций и лиц в КНДР, занимавшихся подготовкой к запуску ракеты, в том числе Комитета КНДР по аэрокосмическим технологиям. В ответ 3 февраля 2013 г. КНДР обвинила США в том, что они препятствуют ее исследованиям космоса. 12 февраля 2013 г. последовало третье северокорейское ядерное испытание мощностью около 5 кт. 11 марта 2013 г. министерство обороны КНДР заявило о выходе из соглашения о перемирии 1953 г.

События весны 2013 г. вскрыли более глубокую проблему. Они показали, что «легальным» ядерным державам следует пересмотреть многие компоненты «классической» теории ядерного сдерживания. Наиболее вероятным сценарием военного конфликта на Корейском полуострове считалось нанесение США разоружающих ударов по северокорейским ядерным объектам. Ответные ракетные удары КНДР могли быть нанесены по ядерным объектам американских союзников — Японии и Южной Кореи. Но в любом случае инициатором конфликта выступал бы Вашингтон или кто-либо из его тихоокеанских союзников, прежде всего Япония.

Конфликт вокруг Йонпхендо доказал, что при определенных условиях инициатором военного конфликта может выступить Северная Корея. Это означает серьезный кризис американской концепции сдерживания Пхеньяна. Администрации У. Клинтона и Дж. Буша-младшего пытались повторить в отношении КНДР уменьшенный сценарий сдерживания СССР: 1) взять в заложники стратегические объекты Северной Кореи и 2) предоставить гарантии безопасности своим союзникам от возможного нападения Пхеньяна. Кризис 2010 г. продемонстрировал, что руководство КНДР не боится американских ядерных гарантий Южной Кореи и Японии.

О падении стабилизирующей роли ядерного оружия американские эксперты заговорили еще в конце 1950-х годов. В то время Советский Союз приобрел средства доставки ядерного оружия к американской территории. В Вашингтоне опасались, что в новых условиях советское руководство может не поверить в готовность Белого дома рисковать американскими городами ради безопасности своих европейских союзников. Отсюда появление в американской военной мысли идей о возможности войны с ограниченным применением ядерного оружия или на базе обычных вооружений без использования ядерных систем. Обе

эти идеи оформились в 1961 г. в американскую концепцию гибкого реагирования, которую широко изучали в СССР.

18.5. Японский фактор в контексте противостояния на Корейском полуострове

Конфликты вокруг ядерной программы КНДР по-новому заставляют взглянуть на проблему ядерного выбора Японии. Дискуссии о возможности создания Токио ядерного оружия начались еще в конце 1950-х годов (заявление премьер-министра Нобусукэ Киси 1957 г. о производстве ЯО в случае ослабления американских гарантий безопасности). Эти настроения усилились после китайских ядерных испытаний 1964 г. Правительство Эйсаку Сато сформулировало в 1971 г. три неядерных принципа японской политики — не иметь, не производить и не ввозить ЯО⁴⁴, что позволило Японии присоединиться к ДНЯО в качестве неядерного государства. Но некоторые высшие чиновники Японии (в том числе будущий премьер-министр Ясухио Накасонэ) отмечали, что при определенных условиях Токио может отказаться от безъядерного статуса.

В 1970–1980-х годах таким условием считалось ослабление американских военных гарантий Японии перед лицом военной опасности со стороны СССР или КНР.

Для противодействия этим тенденциям японской политики Соединенные Штаты разработали систему контроля над ядерно-экспортным законодательством Японии⁴⁵. Еще в 1955 г. между Вашингтоном и Токио было заключено пятилетнее соглашение о мирном использовании атомной энергии, согласно которому Япония не имела права производить перемены в форме и содержании реакторного топлива и исследовать отработанное сырье для атомных электростанций. В 1968 г. в рамках нового 30-летнего договора Япония взяла обязательства передавать третьим странам доставленные из Соединенных Штатов ядерные материалы, оборудование и технологии только с согласия Вашингтона. Токио не имел права и на проведение исследовательских работ с использованием американского (или изготовленного по лицензиям США) оборудования. Соединенные Штаты содействовали ядерным исследованиям Японии в обмен на контроль за развитием ее ядерной программы. Дополнительным механизмом контроля над атомной энергетикой Японии стало ее присоединение к ДНЯО и Дополнительному протоколу МАГАТЭ 1997 г.

Дискуссии о возможном ядерном выборе Токио возобновились во время первой «ядерной тревоги» на Корейском полуострове⁴⁶. В 1993 г. в СМИ появились сообщения о перевозке из Франции в Японию 1 т плутония. Весной 1994 г. были обнаружены необъявленные 68 кг плутония на заводе по его производству в городе Токай. Японская сторона объясняла этот факт «скоплением чрезмерного количества пыли в зоне действия перерабатывающего завода»⁴⁷. Однако в том же 1994 г. бывший премьер-министр Японии Цутома Хата заявил, что Токио обладает потенциалом для создания ЯО, хотя и не реализует его из-за международных ограничений. Это порождало опасения, что в случае появления атомной бомбы у КНДР Япония последует ее примеру.

Более жесткие заявления японских политиков звучали в период второй «ядерной тревоги». В июне 2002 г. о возможности получения Токио собственного ядерного оружия заявил генеральный секретарь кабинета министров Ясуо Фукуда. Его заместитель Синзо Абе утверждал, что Токио мог бы иметь «маломощное» ЯО⁴⁸. С аналогичным сообщением выступил 7 апреля 2002 г. лидер оппозиции Ичиро Озава, который, правда, считал, что основная опасность для Японии исходит от возможного наращивания китайского ядерного арсенала⁴⁹.

В 2006 г. заявления о возможности ядерного выбора Токио вышли на уровень официальной дипломатии. 17 июля 2006 г. на саммите «Группы восьми» в Санкт-Петербурге премьер-министр Японии Д. Коидзуми подчеркнул, что, если ядерная бомба появится у Северной Кореи, его страна оставляет за собой право создать «потенциал сдерживания» КНДР⁵⁰. Этот подход разделял и новый премьер-министр Японии Синзо Абэ. И хотя 10 октября 2006 г. премьер Абэ отметил, что Токио будет придерживаться трех неядерных принципов своей политики, в случае обострения ситуации на Корейском полуострове Япония может сделать выбор в пользу создания собственного ЯО. В ноябре 2006 г. парламентарии призвали правительство рассмотреть вопрос о том, противоречит ли создание ядерного оружия нормам японской конституции. Дискуссии были свернуты в январе 2007 г. под давлением администрации Дж. Буша-младшего.

Одной из причин ядерного выбора Токио может стать распристранное ощущение военной опасности от возможного ракетно-ядерного удара КНДР. В 2004 г. в Японии был принят пакет законов о чрезвычайных обстоятельствах, стимулирующий развитие систем гражданской обороны. В июле 2005 г. правительство Д. Коидзуми обязало все 47 префектур страны подготовить до марта 2006 г. планы эвакуа-

ации и спасения мирного населения на случай военной агрессии против Японии⁵¹. Планами предусмотрено создание чрезвычайных штабов и групп реагирования внештатных ситуаций. На эти тревоги накладывается «фактор исторических воспоминаний»: Япония была первой и пока единственной страной, против которой применялось ЯО.

Во второй половине XX в. Япония создала развитую атомную энергетику и накопила большие запасы высокообогащенного урана и плутония⁵². Ядерная политика Токио ограничена: 1) внутренним законодательством; 2) обязательствами в рамках американско-японских договоров о сотрудничестве в сфере мирного использования атомной энергии; 3) условиями ДНЯО и Дополнительного протокола МАГАТЭ 1997 г.; 4) особой негласной нормой, согласно которой большая часть плутония хранится за пределами страны территории (прежде всего — в Британии и Франции). Однако в последние годы Токио пытается ослабить эти ограничения.

Большой интерес в этой связи представляет взаимодействие между США и Японией в сфере создания тактической ПРО на Тихом океане⁵³. 21 ноября 1994 г. корпорация «Мицубиси» заключила договор с компанией «Локхид» о взаимодействии в области создания региональной противоракетной обороны в рамках американского проекта *ТНААД*⁵⁴. 17 декабря 2004 г. посол США Говард Бейкер и министр обороны Японии Йосинори Оно подписали Токийскую декларацию о сотрудничестве в сфере ПРО⁵⁵. Важнейшим ее условием было предоставление Японии право приобретать в свою собственность американские комплексы ПРО ТВД, а не просто размещать их на своей территории. 24 августа 2006 г. Соединенные Штаты предложили дополнительно поставить японской стороне около 80 зенитных ракет «Пэтриот», способных перехватывать баллистические ракеты на низких высотах⁵⁶.

Осенью 2006 г. проект создания американско-японской ПРО ТВД расширился. 30 августа 2006 г. на американской военно-морской базе в городе Йокосуке (префектура Канагава) был размещен новый эсминец, оснащенный противоракетной системой «Иджис»⁵⁷. 29 сентября 2006 г. США активизировали действующий на основе рентгеновского излучения радар в префектуре Аомори (север японского острова Хонсю)⁵⁸. На острове Окинава начал разворачиваться американский зенитно-ракетный дивизион, который стал обслуживать шесть пусковых установок с 24 ракетами «*Patriot PAC-3*», радиолокационные станции и вспомогательную технику⁵⁹. Не исключена возможность создания Японией собственных противоракетных технологий — напри-

мер, в рамках остающегося в силе договора 1994 г. между «Мицубиси» и «Локхидом».

В ходе кризиса в марте 2009 г. Япония привела в боевую готовность ряд компонентов своей системы ПРО. Два американских зенитно-ракетных комплекса «*Patriot PAC-3*» были доставлены на остров Хонсю. В Японское море вышли два эсминца типа «*Congo*», оснащенные американскими противоракетами *SM-3*. Такими силами Токио теоретически мог сбить северокорейскую ракету и без помощи американцев.

Эти шаги Токио, однако, меняют правовые основы использования японских Сил самообороны. В конституции 1947 г. заявлено, что «японский народ на вечные времена отказывается от войны как суверенного права нации». В 1961 г. вступил в действие американско-японский договор безопасности, и Токио создал небольшие (около 300 тыс. человек) Силы самообороны, но использовать их за пределами Японского архипелага не имел права: ответственность за оборону Японии брали на себя США. Только в 1992 г. парламент принял закон, позволяющий Силам самообороны страны выполнять гуманитарные и полицейские функции в рамках операций ООН.

Между тем именно действие системы ПРО и создает прецедент проведения военной операции за пределами Японского архипелага. *Во-первых*, поражение баллистической ракеты может произойти и за пределами воздушного пространства Японии — например, над нейтральными водами. *Во-вторых*, для обеспечения подобной операции радары ПРО и спутники наблюдают за ракетными пусками над территорией других стран. *В-третьих*, для поиска удобной боевой позиции эсминцы с противоракетными системами могут выходить и в нейтральные воды. Каждый из этих пограничных случаев можно квалифицировать как военную операцию Японии за пределами своей территории и узаконить его в новой версии договора безопасности. Поражение северокорейского ракетносителя создало бы прецедент самостоятельного использования японских вооруженных сил за пределами архипелага и стать основой для модификации американско-японского договора 1960 г.

В эту логику вписываются и другие шаги Токио. Япония и США создают метеорологическую спутниковую систему *Global Precipitation Measurement*, с помощью которой можно наблюдать за пусками баллистических ракет. Япония подписала с африканским государством Джибути соглашение о базировании на территории этой страны японских боевых кораблей и патрульных самолетов для борьбы с сомалийскими пиратами. Силы самообороны выполняют миротворческие миссии

в Ираке без санкции Совета Безопасности ООН. На протяжении последних двух лет видные японские политики неоднократно говорили о необходимости создать «потенциал сдерживания» КНДР.

Северокорейский кризис стал результатом американской стратегии контрраспространения и одновременно продемонстрировал пределы ее применения. Цель Вашингтона заключается в принудительной денуклеаризации КНДР под контролем МАГАТЭ (сценарий ЮАР) или комиссии нескольких держав (сценарий Румынии). Такие действия в случае их успеха создали бы прецедент принудительной ликвидации ядерных объектов «проблемного» государства под международным контролем. Но такой вариант не состоялся из-за жесткой позиции КНДР.

Отсюда появившиеся с середины 2000-х годов трудности в реализации стратегии контрраспространения. Обсуждая возможную военную акцию против КНДР, американские аналитики признавали, что такой удар маловероятен из-за ее ядерного статуса. Возник вопрос, как действовать в случае, если противник обладает потенциалом сопротивления. Другой проблемой стали растущие сомнения союзников в надежности американских гарантий безопасности. Появилась угроза милитаризации японской и, возможно, южнокорейской ядерной программы.

Примечания

¹ *Hecker S. S. Lessons Learned From the North Korean Nuclear Crises // Daedalus, Winter 2010.*

² *Ядерное распространение в Северо-Восточной Азии / Под ред. А. Арбатова и В. Михеева. М.: Московский Центр Карнеги, 2005.*

³ *Володин Д. А. США и Северная Корея: от Буша-страшного к Бушу-младшему // США—Канада: экономика, политика, культура. 2007, № 3; Жебин А. Переговоры по ядерной проблеме на Корейском полуострове: промежуточные итоги // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 1; Nuclear Transformation. The New U.S. Nuclear Doctrine / Ed. by J. J. Wirtz and J. A. Larsen. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2005.*

⁴ *Подробнее см. нашу работу: Фененко А. В. Теория и практика контрраспространения во внешнеполитической стратегии США. М.: ЛКИ, 2007.*

⁵ *Ежегодник СИПРИ 1995. С. 429.*

⁶ *В 1992 г. инспекторы МАГАТЭ установили, что используемые в КНДР технологии переработки ОЯТ были созданы европейским консорциумом «Eurochemic», оператором завода в Бельгии с 1966 по 1974 г. В 1970-х годах «Eurochemic» разработал технологии химических процессов, используемых при выделении плутония, технологию химического удаления оболочек топливных элементов из магниевых сплавов с облученного уранового топлива, а также*

технологии связывания среднеактивных жидких отходов переработки с помощью битума. Кроме того, в 1970-х годах «Eurochemic» опубликовал в изданиях МАГАТЭ и собственных технических отчетах схематические чертежи своего перерабатывающего завода в Бельгии. Удивительным образом северокорейские специалисты «воспроизвели» технологии «Eurochemic» в радиохимической лаборатории в Йонбоне. (DPRK: Eurochemic and Calder Hall Clones. WISE News Communiqué on May 6, 1994. URL: <http://www.antenna.nl/wise/411/4072.html>.)

⁷ Авторы подобных публикаций, как правило, ссылались на две аналитические записки: Доклад ЦРУ «North Korea's Nuclear Efforts» от 28 апреля 1987 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.pircenter.org/data/resources/nuclear%20efforts.pdf> и Докладную записку № 363-к в ЦК КПСС от 22 февраля 1990 г. (Аргументы и факты. 1992. Март. № 10.). Достоверность этих обнародованных в начале 1990-х документов до настоящего времени официально не подтверждена.

⁸ См.: Новиков В., Булычев Г., Воронцов А. В чем суть выбора в «корейском вопросе»? Пути преодоления кризиса на Корейском полуострове // Ядерное распространение. 2003. № 47; Девятый элемент: КНДР и атомная бомба. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://npc.sarov.ru/issues/9element/elementp2.html>.

⁹ Газографитовый реактор — подвид уран-плутониевого реактора.

¹⁰ Богатуров А. Д. Великие державы на Тихом океане. М.: Сюита, Конверт-МОНФ, 1997. С. 268.

¹¹ Резолюция № 825 (1993) от 11 мая 1993 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/russian/documen/scresol/res1993/res825.htm#3> (дата посещения: 17.03.2007).

¹² Counterproliferation Initiative Presidential Decision Directive PDD/NSC 18. December 1993. URL: <http://www.fas.org/irp/offdocs/pdd18.htm>.

¹³ Statement by the President of the Security Council 30 May 1994. URL: <http://www.fas.org/news/un/dprk/dprk3.html> (дата посещения: 11.10.2006).

¹⁴ Ежегодник СИПРИ 1995. Вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: Наука, 1996. С. 429.

¹⁵ Karl D. Op. cit. 87.

¹⁶ См., например: Soderberg N. The Superpower Myth. The Use and Misuse of American Might. Hoboken, New Jersey: John Wiley & Sons, Inc., 2005. P. 260.

¹⁷ Nuclear and Missile Non-Proliferation (Arms Control and Disarmament). URL: <http://usinfo.state.gov/products/pubs/archive/armsctrl/pt6.htm>.

¹⁸ Safeguards Inspections in the DPRK. IAEA Press Release 94/25 13 June 1994. URL: <http://www.fas.org/news/un/dprk/pr94-25.htm>.

¹⁹ Soderberg N. Op. cit. P. 264–265.

²⁰ Полный текст соглашения см.: Ядерное распространение. 1994. Декабрь. Вып. 5. С. 39–41.

²¹ Pritchard Ch. L. Failed Diplomacy. The Tragic Story of How North Korea Got the Bomb. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2007. P. 10.

²² Ibid. P. 8.

²³ Подробнее позиция России рассматривается в гл. 12 настоящего издания.

²⁴ Время новостей. 2003. 23 июля.

²⁵ См., например: *Воронцов А., Евсеев В.* Северная Корея: выйти из тупика // Россия в глобальной политике. 2005. Июль—август. С. 117—129.

²⁶ См.: *Cirincione J., Wolfsthal J. B., Rajkumar M.* Deadly Arsenals: Tracking Weapons of Mass Destruction. Washington, 2002. URL: http://www.ceip.org/files/projects/npp/resources/DeadlyArsenals/maps/North_Korea.jpg.

²⁷ Литература о шестисторонних переговорах огромна. Укажем лишь некоторые публикации: North Korea and Iran: Test Cases for an Improved Nonproliferation Regime? // URL: http://www.armscontrol.org/act/2003_12/Cirincione-andWolfsthal.asp; North Korea's Military Strategy // Homer Hodge, Parameters. Spring 2003. P. 68—81. URL: <http://www.nautilus.org/DPRKBriefingBook/military/DPRKMilitaryStrategy.html>; *Готтемюллер Р., Федоров Ю.* Корейский ядерный кризис: перспективы урегулирования. М.: МГИМО МИД России, Фонд Карнеги за международный мир, 2005.

²⁸ См.: *Seligg S. Harrison.* Did North Korea Cheat? // Foreign Affairs. 2005. Vol. 84. No 1. P. 99—110; *Haas R. N.* Regime Change and Its Limits // Foreign Affairs. 2005. Vol. 84. No 4. P. 66—78; *Евстафьев Д. Г.* Ядерный кризис на Корейском полуострове: возможные сценарии развития // Ядерный контроль. 2003. № 2.

²⁹ Подробный анализ хода шестисторонних переговоров в 2002—2003 гг. см.: *Nowowiejski D., Nakano T., Bus R.* Crisis on the Korean Peninsula // Brookings Northiest Asia Survey. 2002—2003. P. 1—17.

³⁰ Keynote speeches made at sixway talks, KCNA. 2003. 30 August. URL: <http://www.ksna.co.jp/item/2003/200308/news08/30.htm#5> (дата посещения: 30.05.2005).

³¹ Цит. по: *Готтемюллер Р., Федоров Ю.* Корейский ядерный кризис: перспективы урегулирования. М.: МГИМО МИД России, Фонд Карнеги за международный мир, 2005. С. 115.

³² Пекин пообещал Вашингтону надавить на Северную Корею. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/407166.html>.

³³ Совместное заявление по итогам четвертого раунда шестисторонних переговоров по урегулированию ядерной проблемы Корейского полуострова. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mid.ru/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/3cbb32137dccfc58c3257084004856dc?OpenDocument>.

³⁴ См.: Глава МАГАТЭ видит перспективы решения ядерной проблемы КНДР. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rian.ru/world/relations/20050910/41439904.html>; *Мамев Ш.* Урок тэквондо в ядерном танце // Политический журнал. 2005. № 32. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=40&tek=4260&issue=122>.

³⁵ КНДР предложила план отказа от ядерного оружия. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.strana.ru/print/264834.html>.

³⁶ Интервью министра иностранных дел России С. В. Лаврова, опубликованное в «Российской газете» 7 июля 2006 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.mid.ru/Врп_4.nsf/arh/1D76021497A01B37C32571A40027C5C5?OpenDocument. Выступление Постоянного Представителя Российской

Федерации при ООН В. И. Чуркина по мотивам голосования по проекту резолюции СБ ООН в связи с ракетными испытаниями в КНДР, Нью-Йорк, 15 июля 2006 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.mid.ru/Brp_4.nsf/arh/90028DCA1DAD7FEFC32571AD002EB7ED?OpenDocument.

³⁷ Резолюция № 1695 (2006), принятая Советом Безопасности на его 5490-м заседании 15 июля 2006 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/russian/document/scresol/res2006/res1695.htm>.

³⁸ Резолюция № 1718 (2006), принятая Советом Безопасности на его 5551-м заседании 14 октября 2006 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/russian/document/scresol/res2006/res1718.htm>.

³⁹ Об итогах очередного раунда шестисторонних переговоров по урегулированию ядерной проблемы Корейского полуострова. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mid.ru/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/432569d80021985fc325724f005ce9d2?OpenDocument>.

⁴⁰ Об итогах пятого раунда шестисторонних переговоров по урегулированию ядерной проблемы Корейского полуострова. Министерство иностранных дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.mid.ru/Brp_4.nsf/arh/33637B63ECEFAVE8C32572810041252A?OpenDocument.

⁴¹ Ядерная перезагрузка: сокращение и нераспространение ядерного оружия / Под ред. А. Г. Арбатова, В. З. Дворкина. М.: Российская политическая энциклопедия, 2011. С. 107.

⁴² Ежегодник СИПРИ-2010. С. 431.

⁴³ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/russian/document/scresol/res2009/res1874.htm>.

⁴⁴ *Eisaku Sato*. The Pursuit of Peace and Japan in the Nuclear Age. Nobel Lecture. 1974. December 11. URL: http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/peace/laureates/1974/sato-lecture.html.

⁴⁵ См.: *Богатуров А. Д.* Японская дипломатия в борьбе за источники энергетического сырья (70–80-е годы). М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1988. С. 78–79.

⁴⁶ Ученые России и РК об актуальных проблемах Корейского полуострова (по материалам международных конференций) // Проблемы Дальнего Востока. 2005. № 6. С. 167.

⁴⁷ Ежегодник СИПРИ 1995. С. 431.

⁴⁸ *Lampton D. M., Ewing R. D.* U.S.-China Relations on a Post-September 11th World. Washington, D.C.: The Nixon Center, 2002. P. 19–20.

⁴⁹ Подробнее см.: *Barnabie F., Burnie S.* The unthinkable: A nuclear-armed Japan // *Asia Times* (Greenpeace). 2005. September 9. URL: <http://www.freerepublic.com/focus/f-news/1482432/posts6>; *Френч Г.* Три неядерных принципа Японии вскоре могут быть пересмотрены. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://old.vif2.ru/static/624/69466.html>; Ядерное распространение в Северо-Восточной Азии / Под ред. А. Арбатова, В. Михеева. М.: Московский центр Карнеги, 2005.

⁵⁰ Коидзуми: КНДР придется считаться с резолюцией Совбеза ООН. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/674953.html>.

⁵¹ Япония готовится к войне. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://news.mail.ru/printable.html?845821>.

⁵² Согласно расчетам экспертов Фонда Карнеги, величина японских запасов плутония составляет приблизительно 38,6 т, что в оружейном эквиваленте равно 4825–9650 ядерных боезарядов. См.: *Perkovich G., Methews J. T., Cirincione J., Goetemoeller R., Wolfstall J. B.*

⁵³ Подробный анализ этой проблемы см.: Japan: Evolving Security Policy // Strategic Survey. The ISS Annual Review of World Affairs. 2006. P. 353–373.

⁵⁴ Maximizing U.S. Interests in Science and Technology Relations with Japan: Report of the Defense Task Force / Committee on Japan, Office of Japan Affairs. 1995. P. 112–116.

⁵⁵ Япония поможет США реализовать проект противоракетного щита. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://lenta.ru/world/2004/12/17/pact/>.

⁵⁶ США предложили поставить Японии ракеты для комплексов ПРО. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.vor.ru/index_old.phtml?act=26625.

⁵⁷ Япония приветствует размещение на базе ВМФ США эсминца с системой ПРО. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.rian.ru/defense_safety/20060828/53227054.html.

⁵⁸ США активизировали мощный радар системы ПРО на севере Японии. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.utro.ru/news/2006/09/29/587992.shtml>.

⁵⁹ США раскрывают над Японией противоракетный зонг. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://itnews.com.ua/26930.html>.

Проблема ядерного терроризма в мировой политике

Об опасности захвата экстремистами ядерных объектов эксперты задумывались еще в 1960-х годах, что было связано с «алжирским инцидентом». Однако в период «холодной войны» великие державы не считали эту угрозу приоритетной. В общественном сознании преобладала уверенность, что арсеналы ОМП находятся под надежным государственным контролем. Основное внимание исследователи уделяли не столько возможным нападениям террористов на объекты производства и хранения ОМП, сколько случайным инцидентам между вооруженными силами НАТО и Организации Варшавского договора¹.

22 апреля 1961 г. бывший командующий французскими войсками в Алжире генерал М. Шале поднял восстание против президента Франции Ш. де Голля. Возникла угроза захвата французского ядерного полигона Регган (пустыня Сахара, юг Алжира). Поэтому 25 апреля 1961 г. французское командование было вынуждено подорвать имевшееся там ядерное устройство с неполным циклом деления. Франции пришлось построить новый ядерный полигон на плато Хоггар (Южный Алжир).

В начале XXI в. ситуация изменилась. В 2000-х годах появились публикации о попытках террористических организаций приобрести материалы для изготовления ОМП или радиологического оружия («грязной бомбы»)². После терактов 11 сентября 2001 г. широкое распространение получило понятие «мегатерроризм» — террористические акты, совершенные с использованием ядерных, химических, биологических или радиологических боезарядов³. В научный оборот вошел термин «*proliferation networks*» — транснациональные криминально-террористические сети, стремящиеся приобрести и/или изготовить ОМП⁴. Возникло новое исследовательское направление, изучающее проблемы предотвращения терактов с применением ОМП и влияния фактора мегатерроризма на традиционные межгосударственные отношения.

19.1. Понятие «ядерный терроризм»

В современной политической теории отсутствует общепризнанное определение понятия «ядерный терроризм» (*nuclear terrorism*). Не существует его и на международно-правовом уровне. В самом общем смысле под ядерным терроризмом принято понимать применение или угрозу применения ядерного и/или радиологического оружия в террористических актах, в том числе нападения на объекты с расщепляющимися материалами. С юридической точки зрения ядерный терроризм является преступлением, совершенным с целью убийства, нанесения ущерба собственности граждан или окружающей среде. (Так, по крайней мере, указано в Международной конвенции ООН о противодействии актам ядерного терроризма 2005 г.)

В политической теории и публицистике сложились три подхода к пониманию природы ядерного терроризма. Первый рассматривает его как угрозу совершения террористическими организациями терактов с использованием ядерных боезарядов⁵. Такая трактовка популярна в США, где за минувшие двадцать лет сложился пласт околонучных публикаций о «потерянных боезарядах» (*Loosing Nikes*) во многих странах — от России до Пакистана⁶. Считается, что террористические сети могут приобрести подобные боезаряды.

Второй подход — рассмотрение ядерного терроризма как преимущественно военно-технических действий: приобретение или изготовление ЯО, изготовление «грязной бомбы», нападение на ядерный реактор или захват носителя ЯО⁷. В расширенном варианте такой взгляд на ядерный терроризм предполагает:

- использование ЯО, украденного или приобретенного на черном рынке;
- использование самодельного ядерного взрывного устройства, изготовленного террористами;
- использование самодельного ЯВУ;
- приобретение террористами расщепляющихся материалов у государства⁸.

В рамках этого подхода начинается осторожная полемика на тему реалистичности ядерного терроризма. В мире не было не только терактов с использованием ЯВУ и радиологического оружия, но даже ни одной попытки захватить ядерные взрывные устройства. Возникает вопрос: «Что мешает террористам в течение десяти лет изготовить или украсть ЯВУ или по крайней мере “грязную бомбу”?»⁹ Под видом дискуссий происходит усиление международного контроля над ЗЯТЦ.

Ядерный терроризм становится, таким образом, удобным предлогом для достижения иных, не связанных с его профилактикой целей.

Третий подход — оценка ядерного терроризма как наиболее разрушительного вида терроризма. Особое внимание эксперты уделяют его возможным последствиям. Профессор Гарвардского университета США Грэм Аллисон полагает, например, что подрыв ЯВУ мощностью 20 кт на Тайм-сквер в Нью-Йорке вызовет гибель до 250 тыс. человек в течение одной недели. (Для сравнения: мощность ядерного взрыва над Нагасаки в августе 1945 г. составила порядка 20 кт.) Не меньший ущерб способна причинить диверсия на ядерно-опасном объекте¹⁰. Теракт с применением радиологического оружия не приведет к столь масштабным материальным потерям. Но паника способна причинить здоровью населения больший ущерб, чем радиационное воздействие «грязной бомбы»¹¹.

Таким образом, понятие «ядерный терроризм»¹² традиционно включает в себя кражу и подрыв готового ЯВУ, применение самодельного ЯВУ, изготовленного на основе приобретенных на черном рынке расщепляющихся материалов, диверсию на ядерно-опасных объектах с последующим выбросом в атмосферу радиоактивных веществ, подрыв «грязной бомбы», который влечет за собой заражение окружающей среды радиоактивными веществами¹³.

Одним из последствий угрозы ядерного терроризма стала нарастающая психологическая радиофобия. Постоянное обсуждение этой тематики в СМИ вызвало страх перед терактом с использованием ядерного боезаряда или «грязной бомбы». Такие настроения создают отрицательный психологический климат в общественной жизни, увеличивая популярность националистических движений.

Противодействие угрозе ядерного терроризма предполагает проведение двух комплексов мероприятий. Прежде всего, следует создать эффективную физическую защиту ядерно-опасных объектов, особенно хранилищ расщепляющихся материалов и складов с боезарядами, чтобы исключить возможность несанкционированного проникновения террористов и утечки «чувствительных» технологий. Необходимо также ввести надежную систему экспортного контроля, которая позволит предотвратить утечки «чувствительных» технологий и информации о различных аспектах производства ОМП.

Также важно снизить роль «человеческого фактора» в процессе защиты ОМП. Именно человека принято считать одним из наиболее уязвимых звеньев в системе физической защиты расщепляющихся

и токсических материалов, а также источником распространения «чувствительных» знаний. Но помимо чисто технических аспектов проблематика мегатерроризма имеет и политическое измерение¹⁴. Оно включает следующие проблемы:

- определение субъектов ядерного терроризма;
- выявление типов ядерных боеприпасов, которые могут быть использованы террористическими сетями;
- изучение источников возможного приобретения террористами ядерного оружия;
- прогнозирование времени возможного совершения террористических актов;
- рассмотрение вопросов транспортировки ядерных боезарядов к местам возможного совершения террористических актов.

Возникает несколько точек соприкосновения технической защиты ядерных объектов с системой межгосударственных отношений.

19.2. Истоки ядерного терроризма

В годы «холодной войны» американские и советские исследователи были уверены в том, что оборот РМ и ядерных технологий находится под надежным контролем национальных правительств и МАГАТЭ. Возникновению этой системы способствовали сами страны. В 1970-х годах на основе соглашений неядерных государств с агентством была создана государственная система учета и контроля РМ (*state system of accounting for and control of nuclear material*). Эта система включала в себя:

- разработанные МАГАТЭ единые стандарты измерения количества РМ;
- общие правила идентификации, мониторинга и оценки РМ;
- наблюдение представителей международного агентства за накоплением неизмеренных инвентарных количеств и неучтенных потерь;
- учетную и отчетную документацию, предоставляемую неядерными государствами МАГАТЭ по каждой зоне баланса РМ.

В 1970–1980-х годах ядерные державы провели ряд мероприятий по укреплению этой системы. *Во-первых*, в 1970-х годах основные поставщики природного урана (Канада, Австралия и ЮАР) ввели ряд законодательных ограничений на экспорт урановой руды и сделали работу своих компаний более прозрачной для представителей МАГАТЭ. *Во-вторых*, в этот период были созданы две международные организации, контролирующие оборот РМ, — Группа ядерных поставщиков

и Комитет ядерных экспортеров, или Комитет Цангера. В-третьих, в 1980 г. в Вене была открыта для подписания Конвенция о физической защите ядерного материала (*Convention of the Physical Protection of Nuclear Material*), которая ввела международные стандарты охраны различных категорий РМ. Эти мероприятия способствовали усилению международного контроля за их оборотом.

В 2000-х годах ситуация стала меняться. Эксперты заговорили о том, что система поставок РМ и технологий ЗЯТЦ постепенно выходит из-под контроля государств и международных институтов. С одной стороны, в России и США появилась информация о стремлении транснациональных террористических сетей получить РМ для изготовления радиологического оружия, а возможно, и ядерного боезаряда. С другой стороны, американские эксперты все чаще говорят об опасности «теневого» (нелегальной) деятельности транснациональных корпораций, занимающихся добычей и переработкой РМ¹⁵. Формируется так называемый первичный сектор распространения ядерных материалов (*first-tier of nuclear proliferation*), включающий: 1) нелегальные поставки РМ и технологий ЗЯТЦ и 2) опыты по обогащению урана и выделению плутония, проводящиеся коммерческими компаниями по заказам «государств-нарушителей» или террористических сетей. Это, по мнению исследователей, увеличивает риск попадания РМ в руки криминально-террористических сетей¹⁶.

Наиболее громким разоблачением (на основе чего и появилась концепция сетевого распространения РМ) стало «дело Хана» — раскрытие действий подпольной «сети», возглавляемой физиком Абдул Кадыр Ханом, директором научно-исследовательского ядерного центра в городе Кахута (в 1998 г. было создано первое ядерное взрывное устройство Пакистана). «Дело Хана» восходит к началу 2002 г., когда президент П. Мушарраф начал вытеснять из армии и спецслужб, которые в 1990-х годах содействовали становлению афганского движения «Талибан». В ходе проверок спецслужбы Пакистана и США обнаружили утечку ядерных технологий на международный черный рынок. В американской печати появились сообщения, что в 1990-х годах пакистанские чиновники передавали ядерные секреты КНДР в обмен на помощь Пхеньяна в развитии ракетных технологий.

Расследование началось, однако, только спустя полтора года. В октябре 2003 г. Иран признал перед МАГАТЭ факт, что компоненты для центрифуг, позволяющих проводить работы по обогащению урана, он закупил в Пакистане. 11 декабря 2003 г. два пакистанских специалиста в области ядерной физики — Фарук Мохамед и Ясин Кохан —

были задержаны по подозрению в передаче ядерных технологий Ирану. Одновременно в декабре 2003 г. Ливия раскрыла перед МАГАТЭ информацию о нелегальных поставках расщепляющихся материалов и технологий из Пакистана. Появились сообщения о деятельности ключевого компонента «сети Хана» — «индивидуальных поставщиков», базировавшихся в Германии, Малайзии, ЮАР, Швейцарии, Турции, Великобритании и Объединенных Арабских Эмиратах. Эти посредники содействовали А. К. Хану в поставках ядерных технологий государствам-клиентам. В частности, шри-ланкийский бизнесмен Бухари Сайед Абу Тахир (проживавший в городе Дубаи, Объединенные Арабские Эмираты) сообщил малайзийской полиции подробности, каким образом сеть Хана осуществляла поставки ядерных материалов в Иран и Ливию.

Против А. К. Хана были выдвинуты обвинения, а 22 декабря 2003 г. представитель министерства иностранных дел Пакистана М. Хан подтвердил информацию о том, что А. К. Хана допрашивают в связи с открывшимися фактами поставок пакистанских ядерных технологий в Иран. 23 декабря 2003 г. правительство Пакистана официально признало факты их нелегальной передачи другим государствам. В начале февраля 2004 г. были арестованы еще семь ученых, подозреваемых в подобных контактах с Ираном, Ливией, Малайзией и КНДР¹⁷. А. К. Хан признался, что именно он руководил незаконными действиями.

По словам Хана, торговля пакистанскими ядерными материалами проводилась около 20 лет с Ираном и Ливией. Факт поставок ядерных технологий в КНДР пакистанский исследователь отрицал. Однако в апреле 2004 г. президент П. Мушарраф признал, что такие поставки производились и в Северную Корею. В конце февраля 2004 г. показания А. К. Хана были переданы на второй раунд шестисторонних переговоров по ядерной программе КНДР.

Но 5 февраля 2004 г. П. Мушарраф помиловал А. К. Хана. Президент Пакистана настаивал на том, что ученый действовал самостоятельно, а правительство не знало об этом и не поддерживало его. Исламабад обещал сотрудничать с международными организациями (прежде всего МАГАТЭ) в расследовании деятельности сети. Однако доступа к А. К. Хану и другим ученым, подозреваемым в участии в деятельности сети, международные представители не получили.

Следующий этап «дела Хана» был связан с расследованием деятельности концерна «ЮРЕНКО» и ряда других международных компаний. В январе 2004 г. появились сообщения о том, что создание сети началось в период работы А. К. Хана в «ЮРЕНКО» в 1970-х годах, а до этого

он изучал в Дельфтском университете (Нидерланды) технологические особенности метода центрифужного обогащения. Впоследствии Хан использовал полученные знания для создания ядерного потенциала Пакистана и параллельно через нелегальную сеть поставлял соответствующие технологии и оборудование в Иран, Ливию и КНДР. После защиты кандидатской диссертации в Католическом университете Левена (Бельгия) будущий «отец» пакистанской ядерной бомбы работал в амстердамской Исследовательской лаборатории физической динамики, специализировавшейся на изготовлении центрифуг (ключевой субподрядчик консорциума «ЮРЕНКО», который был основан в 1970 г. правительствами Нидерландов, Великобритании и ФРГ). В начале 1970-х годов объединение занималось строительством завода по центрифужному обогащению в городе Алмело на границе Германии и Голландии.

В 1975 г. К. Хан вернулся в Пакистан. Технологии, полученные им всего за три года работы в «ЮРЕНКО», позволили в короткие сроки создать обогатительное производство и уже к 1987 г. наработать достаточно ВОУ для создания ЯВУ, которое было испытано 28 мая 1998 г. Информация, почему гражданин Пакистана был допущен к работе с засекреченными технологиями, до сих пор не раскрыта. Предполагалось, что впоследствии Хан привез в Пакистан чертежи центрифуг типа *G-1* и *G-2*, модифицированный вариант которых (*P-1* и *P-2*) был положен в основу программы обогащения урана. 21 января 2004 г. пресс-секретарь «ЮРЕНКО» заявил агентству Рейтерз, что компания не ведет бизнес с Ираном, Ливией и Северной Кореей, и технология могла попасть в эти страны незаконными способами, которые компания не может контролировать¹⁸.

К расследованию подключились официальные лица стран ЕС. 19 января 2004 г. министр иностранных дел Нидерландов Бернард Бот и министр экономики Нидерландов Лоренс-Йан Бринкхорст в письменной форме ответили на вопросы парламентариев о том, каким образом центрифуги концерна могли попасть в другие страны. Официальные лица Голландии сообщили, что *AIVD* (разведка Нидерландов) расследует эти факты в сотрудничестве с МАГАТЭ¹⁹.

9 августа 2005 г. бывший премьер-министр Нидерландов Рууд Любберс заявил, что А. К. Хан похитил в 1975 г. чертежи центрифуг в «ЮРЕНКО». Голландия не стала преследовать его по просьбе США²⁰, хотя заочно пакистанский физик был приговорен нидерландским судом к четырем годам заключения. 16 декабря 2005 г. суд голландского города Алкмар приговорил предпринимателя Хенка Слебоса к году заключения за продажу Пакистану ядерных технологий, похищенных

им во время работы в Европейском консорциуме по обогащению урана в 1970-х годах.

На этом расследование деятельности концерна «ЮРЕНКО», по сути, прекратилось. В прессе, правда, мелькали сообщения о существовании тесных контактов между А. К. Ханом и европейским бизнесом. (Авторы этих публикаций напоминали, например, что пакистанский ученый получал образование в Политехническом институте Западного Берлина, а впоследствии в университете голландского города Дельфта²¹.) Однако правительства и правоохранительные органы Германии и Нидерландов претензий к деятельности «ЮРЕНКО» не имели.

В марте 2004 г. США обвинили дубайскую компанию «Эс-эм-би компьютерз» (*SMB Computers*) в незаконном транзите пакистанских ядерных технологий²². Партнерами этой фирмы оказались компании «Эпсон» (*Epson*), «Палм» (*Palm*), «Асер» (*Acer*) и «Самсунг» (*Samsung*). Однако вопрос, были ли они связаны с деятельностью сети А. К. Хана (и если да, то в какой степени), остался непроясненным.

20 февраля 2004 г. представители МАГАТЭ предъявили руководству Швейцарии список заподозренных в участии в «сети Хана» — две компании и 15 физических лиц. 13 октября 2004 г. в Германии был задержан швейцарский бизнесмен Урс Тиннер, подозреваемый в участии в поставках ядерных технологий в Ливию. Полиция Малайзии обвинила его в причастности к заказу на производство комплектующих деталей к центрифугам, полученному местными компаниями. До настоящего времени «дело Тиннера», однако, не завершено.

Под прицел расследования попали также компании ЮАР. В январе 2004 г. в США был задержан отставной офицер израильской армии Ашер Карни, продававший через свою фирму в Кейптауне товары двойного назначения в Пакистан и, возможно, Индию. 3 сентября 2004 г. обвинение в причастности к «сети Хана» было предъявлено бизнесмену из Южно-Африканской Республики Йохану Мейеру. На складах принадлежащего ему машиностроительного завода в городке Вандербиджлпарк (60 км к югу от Йоханнесбурга) было обнаружено 11 контейнеров, содержащих комплектующие и документацию для обогатительных центрифуг. 8 сентября 2004 г. в ЮАР были арестованы граждане Германии Герхард Виссер и Даниэль Гейгс, также обвиняемые в соучастии с А. К. Ханом.

В июне 2004 г. председатель МАГАТЭ М. эль-Барадей посетил Дубаи — предполагаемый транзитный центр нелегальных поставок ядерных технологий в Иран и Ливию. Но власти Объединенных Арабских Эмиратов не предоставили конкретных данных о контактах своего бизнеса с представителями Пакистана.

В 2004–2005 гг. американские и западноевропейские аналитики попытались суммировать разрозненные данные по «сети Хана». Эксперты Стокгольмского международного института исследований проблем мира проанализировали проблему поставок пакистанских ядерных технологий²³. Согласно их расчетам, в конце 1980-х годов Хан стал заказывать большее количество центрифуг у иностранных поставщиков, чем требовалось для ядерной программы Пакистана. Аналитики полагают, что эти «излишки» впоследствии попали на международный черный рынок.

Согласно информации МАГАТЭ в 1994–1995 гг. Хан передал Тегерану компоненты центрифуг *P-1* и данные о конструкции центрифуг *P-2*. Поставки ядерных технологий в Ливию включали компоненты центрифуг *P-1* для незадекларированной ливийской программы обогащения урана и подробное инженерное описание компонентов ЯО — конструкции уранового боезаряда имплозивного типа.

Боезаряд имплозивного типа — ядерное взрывное устройство, действующее на основе эффекта имплозии (взрыв внутрь): сжатия двух докритических масс, которые в совокупности создают критическую массу. Имплозивное основано на переводе делящихся материалов в критическое состояние путем симметричного обжатия. Каждый блок по конструкции похож на кумулятивный заряд, только в результате взрыва формируется не узкая струя, а, наоборот, широкая, направленная к центру шара. К этому типу принадлежали первые американские и советские атомные бомбы конца 1940-х — середины 1950-х годов.

Поставки в КНДР, по-видимому, сводились к передаче Пхеньяну компонентов центрифуги (*P-1* или *P-2*), данных о ее конструкции, а также газообразного гексафторида урана. Возможно, речь шла о поставках конструкции ядерного боезаряда, пригодного для доставки с помощью баллистической ракеты. В обмен Северная Корея передала Пакистану секреты развития ракетных технологий на базе системы *Scud (P-17)*.

В 2004 г. эксперты Стенфордского университета Чэйм Браун и Кристофер Чайба попытались проанализировать механизм функционирования сети Хана. По их данным, ключевым компонентом сети для поставок в Ливию и Иран служила малайзийская компания «Скоми Пресижин Инджиринг» (*Scomi Precision Engieereng*), которая морским транзитом через Дубаи осуществляла поставки компонентов для центрифуг. Другим прикрытием выступала турецкая фирма «Электроник контрол алетлери» (*Elektronik Kontrol Aletleri*), приобретающая запчасти для центрифуг. Координировал этот процесс шри-ланкийский бизнесмен Абу Тахир. Поставки в КНДР осуществлялись, по мнению Брауна и Чайбы, через китайскую компанию «Шэньян эркрафт корпорэйшэн»

(*Shenyang Aircraft Corporation*). В состав «сети Хана» входили также некоторые европейские инженеры, работавшие на заводах компании «ЮРЕНКО», возможно, бизнесмены из Швейцарии и ЮАР.

Разоблачение «сети Хана» в начале 2004 г. вызвало скандал, ведь передача пакистанских ядерных технологий осуществлялась не «полукриминальным» сегментом, а легальными и «респектабельными» корпорациями. Высказывались опасения, что, если криминальные сети попытаются «вбросить» расщепляющиеся материалы на международный черный рынок, к их услугам может оказаться развитая система коммуникаций в виде компаний — производителей и поставщиков ядерных материалов и технологий. Нельзя исключать, что «сеть Хана» была всего лишь небольшой частью подпольного рынка ядерных технологий, раскрытие которого возможно только при условии, что США сместят акцент с принудительного разоружения «недружественных» субъектов на борьбу с деятельностью транснациональных криминальных сетей.

Вместе с тем «дело Хана» вызывает немало вопросов. *Во-первых*, почему страны ЕС и США так легко поверили данным из Ливии и КНДР, режимы которых были причислены к «оси зла»? *Во-вторых*, почему международные следователи не были допущены к А. К. Хану? *В-третьих*, остается непроясненным вопрос о роли компании «ЮРЕНКО» и западноевропейского уранового бизнеса. *В-четвертых*, случайно ли разоблачение «сети Хана» совпало с крупными перестановками внутри пакистанской элиты? Эти вопросы, не освещенные в ходе расследования, создали двойное дно в «деле Хана».

На этом фоне обостряется проблема защиты хранилищ радиоактивных отходов — захоронений радиоактивных материалов, появившихся в результате утилизации атомных подводных лодок, прекращения деятельности промышленных предприятий, консервации урановых рудников и небрежного обращения с «безопасными» делящимися материалами (использовавшимися, например, в научно-исследовательских или медицинских целях). Особую опасность представляют захоронения с небольшими дозами ионизирующего излучения. Вопросам их охраны не уделяется большого внимания. Между тем террористические сети могут получить из них сырье для изготовления если не ядерного, то по крайней мере радиологического оружия.

Большую тревогу экспертов вызывают заброшенные урановые рудники стран и Африки и Южной Америки. Американские и западноевропейские СМИ заостряли внимание на проблемах охраны хранилищ ядерных отходов на постсоветском пространстве. (В последнее время эксперты МАГАТЭ высказывают опасение относительно надежности охраны хранилищ использованных расщепляющихся материалов

на территории Центральной Азии.) Похожие проблемы существуют и в странах Европейского союза, где регулярно вспыхивают скандалы из-за попыток хищения радиоактивных отходов. Трудно сказать, сумеют ли они обеспечить надежную охрану хранилищ расщепляющихся материалов Азиатско-Тихоокеанского региона после реализации своих масштабных проектов в сфере атомной энергетики.

В Вашингтоне опасаются «ядерных экспериментов» Саудовской Аравии, которая, по мнению американцев, неразрывно связана с исламскими радикалами Ближнего Востока²⁵, а также обеспокоены реализацией программы ускоренного развития атомной энергетики в Египте²⁶. В арабских странах с их традиционно слабым государственным аппаратом террористические сети могут легко поживиться на программах «мирного атома», не говоря уже о военных разработках. Это создает потенциальные условия для тиражирования схемы внешнего управления ядерными объектами «проблемных» стран на другие регионы.

Сами по себе перечисленные процессы не несут прямой угрозы ядерного терроризма. Однако они создают благоприятную материально-техническую и политическую среду для его развития. Косвенно они препятствуют формированию единой коалиции в борьбе с «мегатерроризмом». Ведущие производители природного урана и атомного топлива полагают, что тематика ядерного терроризма используется США для ущемления их коммерческих интересов. «Старые» ядерные державы не уверены, насколько далеко готовы идти США в распространении схемы внешнего управления ядерными объектами «проблемных» стран. «Пороговые» государства опасаются, что борьба с ядерным терроризмом служит предлогом для изъятия у них атомных технологий. Это затрудняет межгосударственное сотрудничество в борьбе с ядерным терроризмом, ограничивая его принятием громких международных деклараций.

19.3. Попытки трансформации режима нераспространения

Профилактика ядерного терроризма связана с адаптацией режима нераспространения ЯО к задачам антитеррористической борьбы, основу которого составляет созданная в 1960-х годах система гарантий МАГАТЭ, распространившихся на ключевые атомные объекты неядерных государств. Целью этой системы было предотвращение нелегальных поставок делящихся материалов потенциальным нарушителям и запуска под видом развития атомной энергетики программ создания ядерного оружия. Однако она препятствует и попаданию

расщепляющихся материалов экстремистским организациям. В начале XXI в. участники режима нераспространения ЯО предприняли ряд мер по приданию этому режиму большей антитеррористической направленности.

Проблема, однако, в том, что на практике предотвращение мегатерроризма превратилось в борьбу за усиление международного (фактически американского) контроля над ЗЯТЦ.

Первым шагом в этом направлении стала принятая 3 марта 1980 г. Венская конвенция о физической защите ядерного материала²⁷. Участники конвенции обязались не экспортировать, не импортировать и не разрешать транзит по своей территории плутония, U-235, U-233 и облученного топлива в случае, если уровни их физической защиты не соответствуют международным стандартам. С этой целью все расщепляющиеся материалы были разделены на три категории, для каждой из которых предусматривалась особая система хранения²⁸.

Вторым шагом на пути усиления гарантий МАГАТЭ стала московская встреча России и стран «семерки» 19–20 апреля 1996 г.²⁹, где стороны разработали новую трактовку термина «ядерная безопасность». В это понятие были включены безопасность гражданских ядерных реакторов, ответственность за нанесение ядерного ущерба и совершенствование систем управления атомной энергетикой в странах с переходной экономикой. Декларация предусматривала укрепление ядерной безопасности путем:

- создания благоприятной правовой среды, в которой и операторы, и национальные органы надзора смогут в полной мере исполнять свои независимые обязанности;
- обеспечения большей международной транспарентности в области ядерной энергетики;
- введения строгой ответственности операторов ядерных установок;
- содействия странам с переходной экономикой в привлечении инвестиционных ресурсов для повышения уровня безопасности их ядерных объектов.

Участники встречи выступали также за выработку международной конвенции по безопасности обращения с радиоактивными отходами под эгидой МАГАТЭ и единой стратегии улучшения систем хранения расщепляющихся материалов.

Третьим шагом по усилению гарантий МАГАТЭ стал выработанный в сентябре 1997 г. «Типовой дополнительный протокол между

[.. государствами] и Международным агентством по атомной энергии о применении гарантий». Документ предполагал усиление режима инспекций МАГАТЭ для выявления случаев необъявленной ядерной деятельности. Речь шла о создании механизмов наблюдения за ядерными программами таких «проблемных» стран, как Иран и КНДР. Одновременно Дополнительный протокол 1997 г. усиливал контроль над оборотом расщепляющихся материалов, препятствовал их передаче в криминально-террористические сети.

В начале XXI в. антитеррористический компонент международной системы нераспространения усилился. Ведущее место в разработке новых режимов перешло к механизмам «Большой восьмерки». Появился новый пакет международных инициатив, призванный укрепить ДНЯО посредством полуформальных соглашений³⁰.

27 июня 2002 г. на саммите «восьмерки» в канадском городе Кананаскисе была принята программа Глобального партнерства в сфере нераспространения (ГП)³¹. Документ предполагал выделить в течение десяти лет около 20 млрд долл. странам, желающим ликвидировать свои запасы ОМП. Приоритетами программы были объявлены утилизация списанных атомных подводных лодок, уничтожение химического оружия, ликвидация расщепляющихся материалов и трудоустройство бывших специалистов в этой сфере. Выполнение проектов в этой сфере предполагалось с учетом международных обязательств и внутренних законов партнеров. Страны «Группы восьми» обязались опираться в своей деятельности на многосторонние правовые режимы и следовать десяти принципам в сфере нераспространения («Кананаскисская десятка»):

- 1) взаимная договоренность об условиях эффективного мониторинга, аудита, транспарентности мер и процедур;
- 2) обеспечение адекватного доступа представителей стран-доноров на ликвидируемые объекты;
- 3) высокий уровень обеспечения безопасности проектов (включая экологическую);
- 4) возможность приостановки проекта в случае невыполнения его условий одной из сторон;
- 5) использование полученных материалов, оборудования, технологий и знаний исключительно в мирных целях;
- 6) принятие адекватных мер физической защиты в целях предотвращения хищения или саботажа;
- 7) освобождение проектов от налогов, пошлин и других сборов;
- 8) закупка товаров в соответствии с нормами международной торговли и требованиями национальной безопасности;

- 9) создание надежной защиты для персонала и подрядчиков стран-доноров;
- 10) эффективная защита конфиденциальной информации и интеллектуальной собственности.

31 мая 2003 г. программа Глобального партнерства была дополнена предложенной США Инициативой безопасности в области распространения ОМП³². Эта программа декларировала необходимость силовых мер по предотвращению попадания ОМП в руки «агрессивных режимов». Ключевым элементом данной политики должен был стать принудительный досмотр «подозрительных» судов. Несмотря на некоторый скептицизм к новой инициативе в 2004 г., Россия официально присоединилась к ИБОР.

На саммите «восьмерки» во французском городе Эвиане (июнь 2003 г.) была также разработана Стратегия улучшения безопасности хранения расщепляющихся материалов³³. Новыми приоритетами деятельности «восьмерки» провозглашались:

- разработка в сотрудничестве с МАГАТЭ правовых рамок контроля над оборотом расщепляющихся материалов;
- оказание помощи наиболее «уязвимым» государствам в процессе построения надежной системы их сохранности;
- обмен информацией между поставщиками радиоактивных материалов;
- предоставление финансовых средств в Фонд ядерной безопасности МАГАТЭ;
- информирование МАГАТЭ о чрезвычайных ситуациях на ядерных объектах.

Эвианские документы стали основой для принятого МАГАТЭ в сентябре 2003 г. Кодекса мер по обеспечению безопасности расщепляющихся материалов. Документ предполагал введение более совершенных стандартов физической защиты ядерных объектов и помощь государствам, которые из-за недостатка финансовых ресурсов не могут самостоятельно перейти на новые стандарты. МАГАТЭ предложило перевести исследовательские реакторы с высокообогащенного на низкообогащенное урановое топливо.

28 апреля 2004 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 1540 «О предотвращении доступа негосударственных субъектов к оружию массового поражения». Документ призывал все государства присоединиться к системе международных договоров в сфере нераспространения ОМП. Резолюция установила четкие требования к вы-

работке в каждом государстве законодательной базы для соблюдения режима нераспространения. Четвертая статья документа учреждала при Совете Безопасности ООН комитет по контролю за выполнением резолюции № 1540³⁴.

Закрепить эти инициативы стало целью состоявшегося 9–10 июня 2004 г. саммита «восьмерки» в американском городе Си-Айленде. На этой встрече «Группа восьми» приняла План действий по укреплению глобального режима нераспространения³⁵. Документ содержал ряд международных инициатив, призванных уменьшить опасность со стороны мегатерроризма.

Страны «восьмерки» заявили о намерении второй раз после 1992 г. ужесточить нормы Группы ядерных поставщиков. Было объявлено, что страна, находящаяся под следствием о нарушениях режима, временно лишается права участвовать в заседаниях Совета управляющих МАГАТЭ. Страны «Группы восьми» заявили о своем намерении поддержать в рамках программы Глобального партнерства программу МАГАТЭ по переводу исследовательских реакторов на топливо из низкообогащенного урана.

План действий содержал ряд обязательств «Группы восьми» по борьбе с угрозой биотерроризма: усиление программы глобальной защиты продовольствия и расширение сотрудничества в ликвидации последствий возможного применения биологического оружия. Участники саммита призвали все государства присоединиться к принятой в 1972 г. Конвенции ООН «О запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и их уничтожении».

Но, несмотря на серию «громких» деклараций 2002–2004 гг., разработать единые правила борьбы с ядерным терроризмом «Группе восьми» не удалось. Полноценный международный кодекс по борьбе с угрозой мегатерроризма принят не был. Поэтому в 2005–2007 гг. стратегия борьбы с мегатерроризмом изменилась. На саммитах «восьмерки» в Глениглсе (Великобритания, 2005), Санкт-Петербурге (Россия, 2006) и Хайлигендамме (Германия, 2007) принимались заявления о борьбе с угрозой попадания ОМП экстремистским организациям. Но центр тяжести переместился на проработку технических аспектов, совершенствования системы хранения ОМП и связанных с ним материалов.

Примером нового подхода стала Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма, принятая 59-й сессией Генеральной Ассамблеи ООН 13 апреля 2005 г. Предполагалось введение международных технических стандартов в области охраны ядерных

объектов и развитие многосторонних программ взаимодействия в этой сфере. В развитие этой инициативы 8 июля 2005 г. были приняты поправки к Венской конвенции 1980 г., призванные усилить международные правила в сфере хранения, использования и перевозки расщепляющихся материалов.

8 августа 2006 г. была принята Глобальная контртеррористическая стратегия ООН³⁶, предусматривающая укрепление координации и сотрудничества между государствами в борьбе с преступностью, включая контрабанду радиоактивных материалов. Статья 13 второй части стратегии декларирует необходимость активизировать национальные усилия и двустороннее, субрегиональное, региональное и международное сотрудничество для укрепления пограничного и таможенного контроля. Эти меры направлены на обнаружение передвижений, террористов, а также предотвращение и выявление незаконного оборота ядерных материалов.

Плодотворной оказалась идея Генерального секретаря ООН Кофи Аннана создать Группу высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам («Группа мудрецов»). Задачей этого органа стала выработка рекомендаций о мерах коллективного противодействия глобальным вызовам и угрозам, а также анализ легитимности применения силы при их разрешении. Группа с участием представителя России (академик Е. М. Примаков) сумела достичь компромисса интересов, в частности, представила доклад о повышении эффективности деятельности ООН по укреплению режима ДНЯО.

В конце 2000-х годов в борьбе с мегатерроризмом наметилась стагнация. Сказались фактический раскол антитеррористической коалиции, рост недоверия к односторонним действиям США и обострение конкуренции за ядерные рынки. Ощущение опасности со стороны мегатерроризма стало притупляться. Появились скептические предположения, что тематика «ядерного терроризма» — лишь информационное прикрытие для «экспансионистской стратегии Вашингтона». С 2007 г. противоречия вокруг ПРО и ядерных программ государств-нарушителей вышли на приоритетные позиции.

19.4. Опыт национальных государств в защите ядерных объектов

Политическая ситуация второй половины 2000-х годов создала благоприятную среду для развития криминально-террористических сетей и по-своему облегчает доступ экстремистов к приобретению расщепляющихся, токсических и биологических материалов. В этой связи боль-

шую роль играет разработка нового пакета международных инициатив. Однако для решения данной задачи необходимо преодолеть часть традиционных межгосударственных противоречий. Только в этом случае угроза мегатерроризма останется гипотетической опасностью и не превратится в серию реальных терактов с использованием ОМП.

Соединенные Штаты Америки. В современном мире лидером в «ядерно-защитной» сфере выступают США, формирующие международные стандарты в области защиты ядерных объектов. Вашингтон также выдвигает ключевые международные инициативы, направленные на предотвращение попадания расщепляющихся материалов экстремистским организациям.

Основы физической защиты американских ядерных объектов были заложены в 1970-х годах. Ключевыми документами в этой сфере³⁷ стали директива министерства обороны США № 5210.41 М, приказ министерства энергетики Соединенных Штатов № 5632.4, свод специальных правил Комиссии по ядерному регулированию США под кодовым названием *ТО SFR (Part 73)*. В 1986 г. министерство энергетики Соединенных Штатов завершило подготовку инструкции «Требования при проведении ядерных объектов». В ней впервые была предложена концепция «эшелонированной защиты» атомных объектов. Она предполагает создание трех зон безопасности: по периметру территории объекта, электронные системы и систему заграждений (электронных замков, запоров и другого центрального оборудования, которое может управляться с центрального поста).

В 1974 г. министерство энергетики США добилось создания специальной группы по поиску и обезвреживанию ядерных устройств (группа НЕСТ). Ее деятельность направлена на предоставление научной и технической помощи заинтересованным федеральным ведомствам, поиск пропавших ЯВУ и сбор информации о готовящихся террористических актах с использованием ядерных взрывных устройств. В 1976 г. министерство энергетики США, ФБР и ЦРУ договорились о предоставлении группе НЕСТ специальной информации по вопросам ядерного терроризма. Эти решения были закреплены в Указе президента Соединенных Штатов № 12333³⁸.

В США действуют жесткие стандарты подготовки технического персонала. Охрана ядерных объектов формируется в основном из бывших военнослужащих и работников правоохранительных органов. Представители охраны проводят обучение в Главной академии министерства энергетики США, предусматривающей 80-часовой вводный курс и ежегодный 24-часовой курс переподготовки. Начиная с 1986 г. (т.е. после аварии на Чернобыльской АЭС в СССР) персонал амери-

канских ядерных объектов проходит ежегодное тестирование крови на выявление употребления наркотиков и алкоголя.

После терактов 2001 г. Вашингтон усилил внимание к повышению уровня вооруженности и мобильности охранных групп. В 2001–2002 гг. на вооружение охранных частей США стали поступать боевые бронированные машины, ударные вертолеты и минометы. Основной угрозой считается попытка захвата американских ядерных объектов боевыми террористическими группами.

Трудно сказать, насколько эффективна эта система. До настоящего времени официально неизвестно ни об одной попытке террористических сетей захватить американские ядерные объекты. В начале 2000-х годов в СМИ регулярно публиковались данные об утечках расщепляющихся материалов из Национальной лаборатории в Лос-Аламосе (юго-запад США) и Национальной лаборатории министерства энергетики США им. Лоуренса в Ливерморе (штат Калифорния)³⁹. Несмотря на это, в Вашингтоне считают американскую систему защиты ядерных объектов эталоном для соответствующих служб остальных стран.

Ключевым компонентом американской стратегии борьбы с распространением расщепляющихся материалов за пределами США выступает стратегия контрраспространения (*counter-proliferation strategy*), предполагающая не только изъятие ОМП у потенциальных нарушителей режима нераспространения ЯО, но также профилактику его попадания экстремистским организациям. Еще 21 июня 1995 г. была издана директива президента Соединенных Штатов № 39 (PDD/NSC 39), включающая в понятие «контрраспространение» борьбу за предотвращение попадания ОМП в транснациональные террористические сети⁴⁰. В начале XXI в. борьба с сетевым распространением ОМП стала превращаться в серию международных инициатив.

11 февраля 2004 г. Дж. Буш выступил с программной речью о мерах по борьбе с распространением ОМП. Наряду с традиционными призывами лишить Иран и КНДР потенциала развития ядерных программ президент высказался о необходимости наладить противодействие транснациональным криминальным сетям и усилить международный контроль над оборотом расщепляющихся материалов⁴¹. Дж. Буш предложил подходы, которые, по его мнению, должны повысить эффективность борьбы с распространением ОМП:

- расширение полномочий ИБОР за счет привлечения к ней Интерпола;
- усиление национальных экспортных законодательств (включая США) и координация усилий различных государств через ООН;

- повышение сохранности арсеналов ОМП;
- совершенствование систем защиты гражданских ядерных материалов;
- создание нового режима импорта ядерных технологий, не позволяющего закупать их государствам, не подписавшим Дополнительный протокол МАГАТЭ 1997 г.;
- учреждение специального комитета при МАГАТЭ, наблюдающего за выполнением другими странами принятых ими международных обязательств в сфере нераспространения ЯО;
- исключение из Совета управляющих МАГАТЭ стран, нарушающих международные обязательства в области нераспространения ЯО.

Развитием февральской речи Дж. Буша стал представленный 15 апреля 2004 г. доклад конгрессу США о проблемах расширения совместных действий в борьбе с распространением ОМП. Ключевыми направлениями политики Соединенных Штатов его авторы считали повышение безопасности хранения самого ОМП (*weapons security*), мест его складирования (*site security*) и расщепляющихся материалов (*fissile material security*)⁴².

Борьба с транснациональными сетевыми субъектами стала занимать более значительное место в работе американских силовых структур⁴³. В конце 2004 г. последовало оглашение новой стратегии боевых разведывательных операций (*fighting for intelligence*). Эта концепция предусматривает сбор данных о потенциально опасных производствах расщепляющихся материалов и их возможную ликвидацию с помощью специальных групп стратегической поддержки (*strategic support teams*)⁴⁴.

7 июля 2004 г. Контрольно-ревизионное управление конгресса США (Контрольная палата) получило задание проверить судьбу тех запасов высокообогащенного урана и плутония, который Вашингтон передал во второй половине XX в. другим странам для осуществления их мирных ядерных программ. 26 ноября 2004 г. Контрольная палата представила доклад, в котором отмечалось, что значительное число «пороговых» государств, включая Турцию и Израиль, до настоящего времени не вернуло ядерные материалы. Американские эксперты высказали опасения, что часть этих материалов может попасть на международный черный рынок. Контрольная палата рекомендовала Белому дому принять меры по возвращению этих материалов вплоть до их выкупа у ряда государств.

Большое место в американской стратегии контрраспространения занимает проблема интернационализации ядерного топливного цикла.

Дискуссии о том, что коммерческие компании могут проводить опыты по обогащению урана и выделению плутония из атомного топлива, начались еще в 2002–2004 гг. Эксперты предлагали проекты:

- усиления международных инспекций на предприятия, проводящие работы по выделению плутония из отработанного ядерного топлива;
- организации международного консорциума для проведения подобных работ;
- введения международной экспертизы на объекты, управляемой единым национальным органом;
- создания транснационального центра переработки и хранения ядерного топлива под контролем соответствующего международного органа⁴⁵.

В середине 2000-х годов Соединенные Штаты опасались не столько попыток захвата американских ядерных объектов, сколько угрозы совершения теракта с использованием ОМП на территории США. Источником для приобретения ядерных материалов террористами в Вашингтоне считают атомные потенциалы «нестабильных» государств или деятельность поставщиков природного урана. Вот почему во внешнеполитической стратегии Вашингтона внутренний и внешний аспекты защиты ядерных объектов неотделимы друг от друга. В этом смысле даже принудительная денуклеаризация «опасного» режима рассматривается в Вашингтоне как часть стратегии защиты ядерных объектов от угрозы со стороны криминально-террористических сетей.

Однако Белый дом считает американские стандарты защиты ядерных материалов своеобразным эталоном для остального мира. Такой подход усиливает конфликтный потенциал в международных отношениях, создавая угрозу для вооруженных конфликтов нового типа: между США и «опасными» (с точки зрения Вашингтона) государствами, которые отказываются следовать американским правилам обеспечения безопасности ядерных объектов.

Российская Федерация. Вопрос об обеспечении эффективной физической защиты ядерно опасных объектов остро встал после распада СССР в 1991 г. В дальнейшем проблема была усугублена экономическим кризисом, проявившимся в недостаточном финансировании всех отраслей, включая напрямую связанные с обеспечением системы безопасности государства. «Смутное время» в России 1990-х годов породило много противоречивых слухов в СМИ о постоянных утечках «чувствительных» технологий за пределы страны. В СМИ обсуждалось

несколько случаев утечки российских расщепляющихся материалов. Однако большинство случаев были контрабандой радиоактивных материалов, которые не являются РМ, пригодными для создания ЯВУ⁴⁶. Наиболее серьезным случаем можно считать попытку кражи 18,5 кг ВОУ рабочими ядерного предприятия в Челябинской области⁴⁷.

Ни одна из этих ситуаций не была признана официально. Но многочисленные и зачастую неквалифицированные публикации в СМИ подогревали интерес к системам хранения ЯМ в России. В известном смысле они даже подталкивали сотрудников предприятий атомно-промышленного комплекса к совершению хищений, создавая впечатление о наличии широкого спроса на ядерные материалы.

Состояние системы физической защиты хранилищ и складов расщепляющихся материалов (но не ядерного оружия!) России в начале 1990-х годов было непростым. Военная прокуратура Северного флота в 1994 г. установила изношенность системы физической защиты ЯМ. Похожая ситуация сложилась на объектах Министерства по атомной энергии России, где к концу 1996 г. технические средства охраны на 70% выработали свой ресурс, а 20% проработали 2–3 срока⁴⁸. Все это требовало новых подходов со стороны российского руководства, а также западных государств, выразивших готовность в срочном порядке выделить финансовые и технические средства на эти цели.

Среди проблем, требующих первоочередного решения, были:

- повышение безопасности транспортировки ядерных материалов и боеприпасов;
- уничтожение избыточного количества ЯО, возвращаемого в Россию из Украины, Белоруссии и Казахстана;
- сокращение количества хранилищ (консолидация) расщепляющихся материалов и арсеналов и необходимость капитального ремонта сохраняемых сооружений, предназначенных для хранения ЯМ;
- повышение (зачастую создание заново) физической защиты ядерно опасных объектов⁴⁹;
- установка технических средств, позволяющих обнаружить несанкционированный вынос/провоз ядерных материалов на предприятиях атомно-промышленного комплекса и пограничных контрольно-пропускных пунктах;
- предотвращение утечки специалистов в области создания ОМП в страны третьего мира и их профессиональное задействование;
- повышение уровня культуры работников предприятий при обращении с ЯМ.

Для оперативного решения неотложных задач ряд западных стран выделили финансовые средства России из собственных национальных бюджетов. Речь прежде всего идет об американской программе совместного уменьшения угрозы (*Cooperative Threat Reduction Program*), более известной как программа Нанна—Лугара.

Правовой основой для сотрудничества стало Соглашение между Российской Федерацией и США относительно безопасных и надежных перевозки, хранения и уничтожения оружия и предотвращения распространения оружия (Рамочное соглашение). Документ был подписан сроком на семь лет 17 июня 1992 г. и впоследствии дважды продлевался на семилетние сроки 16 июня 1999-го и 16 июня 2006 г. 3 апреля 1995 г. программа Нанна—Лугара дополнилась двумя соглашениями на уровне министерств обороны обеих стран. Американская сторона обязалась передать Российской Федерации защитные покрытия для перевозок ЯО и расщепляющихся материалов.

С 1992 г. из бюджета Соединенных Штатов началось ежегодное выделение финансовых средств на решение задачи снижения риска ядерного распространения из России и стран СНГ. Была учреждена серия проектов, направленных на повышение физической защиты, учета и контроля ядерных материалов (УКФЗЯМ), оснащение таможенных постов аппаратурой радиационного контроля, а также приобретение специального оборудования для повышения безопасности перевозки расщепляющихся материалов и боеприпасов⁵⁰. Работа по повышению физической защиты осуществлялась в соответствии с методикой МАГАТЭ, включающей три составляющих:

- 1) *меры сдерживания*. К ним относят видимые снаружи периметра хранилища ядерных материалов системы безопасности, которые выступают сдерживающим фактором для потенциальных нарушителей;
- 2) *предупреждение несанкционированного доступа*. Основная цель — выявление потенциальных нарушителей до того, как они проникнут на территорию объекта и получат несанкционированный доступ к ядерным материалам;
- 3) *меры противодействия несанкционированному доступу к ядерным материалам*, системы обнаружения — разнообразные датчики и приборы, сигнализирующие о проникновении на охраняемую территорию; пассивные и активные барьеры, замедляющие продвижение нарушителя к цели и эффективное использование сил реагирования⁵¹.

Результатами инициативы Нанна—Лугара стало строительство в 1992—2002 гг. хранилища утилизированных РМ на территории произ-

водственного объединения «Маяк» (Челябинская область). И хотя с 2001 г. объем американской финансовой помощи сократился, двустороннее сотрудничество в сфере уменьшения угрозы ядерного терроризма сохраняется. На саммите в Братиславе 24 февраля 2005 г. президенты России и США договорились развивать взаимодействие в области обеспечения безопасности ядерных объектов.

Москва и Вашингтон стремились уменьшить риск утечки «высвободившегося» после уничтожения части советских боеголовок ВОУ и оружейного плутония. 18 февраля 1993 г. президенты Б. Н. Ельцин и У. Клинтон подписали Соглашение об использовании высокообогащенного урана, извлеченного из ядерного оружия⁵². Документ предусматривал разобогащение урана на территории России и поставки на коммерческой основе ее низкообогащенного урана для Обоганительной корпорации США (*United States Enrichment Corporation*), использующей его в качестве топлива для атомных электростанций⁵³.

24 июля 1998 г. и 1 сентября 2000 г. Россия и США подписали два документа о сотрудничестве в утилизации плутония, изъятого из военных ядерных программ⁵⁴. Первый предполагал создание Объединенного координационного комитета по обращению с плутонием для взаимодействия в области конверсии металлического плутония в уран-плутониевое МОХ-топливо для АЭС, использования плутония в виде облученного топлива в энергетических ядерных реакторах различных типов, иммобилизации плутония и захоронения содержащих плутоний иммобилизованных материалов. Второе соглашение предусматривало совместные работы по захоронению плутония под контролем МАГАТЭ и выделение США до 200 млн долл. для содействия России в этой сфере. Оба документа запрещали сторонам использовать изъятый плутоний для создания ЯО.

Несмотря на реализацию программы Совместного уменьшения угрозы, до определенного времени Соединенные Штаты не рассматривали проблему безопасности российских ядерных материалов и арсеналов как безусловный приоритет политики национальной безопасности. В 1990-х годах на американских сайтах присутствовали спутниковые снимки российских хранилищ ядерных боеприпасов, представлявшие несомненный интерес для потенциальных террористов. В начале 2000-х годов Министерством обороны РФ зарегистрированы случаи разведки в районе объектов хранения ядерных боеприпасов представителями террористических организаций⁵⁵. Помимо этого в Глобальной сети находилось большое количество информации, посвященной механизмам создания простейших ядерных взрывных устройств. Си-

туация в этой области изменилась после событий 11 сентября 2001 г. Из Интернета была частично изъята наиболее важная с точки зрения распространения ЯО информация. В 2012 г. программа Нанна—Лугара завершилась по инициативе российской стороны.

Подобные программы сотрудничества Российская Федерация имеет и с другими государствами. С середины 1990-х Норвегия участвовала в улучшении системы безопасности Кольской АЭС и совершенствовании хранилищ жидких радиоактивных отходов в Северодвинске. Особую роль играет взаимодействие по реабилитации территории береговой технической базы российского Военно-морского флота в Губе Андреева (Мурманская область). Здесь, по разным оценкам, находятся около 100 снятых с боевого дежурства атомных подводных лодок, часть из которых имеет на борту ядерное топливо. Норвежская сторона финансирует российские работы по утилизации этих материалов.

Аналогичное сотрудничество осуществляется между Россией и Японией на Дальнем Востоке. В 1990-х годах японская сторона помогла построить несколько тысяч контейнеров для хранения плутония, оборудование для безопасности транспортировки ЯМ, системы для определения утечек воды из охлажденных ядерных реакторов, предоставила технологии для строительства плавучей установки по переработке жидкого ракетного топлива «Ландыш». Москва и Токио осуществляют совместный проект по удалению отработанного ядерного топлива со снимаемых с вооружения многоцелевых атомных подводных лодок.

Российская сторона получила финансовую помощь от стран ЕС и Канады. Великобритания предоставила России около 150 контейнеров для перевозки ЯМ, помогла построить системы защиты для хранилища расщепляющихся материалов на предприятии «Маяк» и поставила оборудование информационного обеспечения для Госатомнадзора, Франция и Германия — модифицировать системы обеспечения безопасности атомных реакторов и мест хранения ЯМ. Нидерланды профинансировали создание инфраструктуры физической защиты предприятий, на которых осуществлялся демонтаж ядерных боезарядов. Швеция приняла участие в российских работах по укреплению систем безопасности на ряде атомных электростанций. С 2001 г. средства на утилизацию российского оружейного плутония стала выделять Канада.

С улучшением экономического положения Россия заметно увеличила объем собственных средств, выделяемых на повышение физической защиты ядерно опасных объектов. Особое внимание в последние годы уделяется физической защите АЭС. В тарифе на электроэнергию АЭС выделен специальный резерв на работы по усилению физической

защиты, средства которого планируется израсходовать на реализацию новых решений в области физической защиты на блоках первых поколений. Проводятся ежегодные учения, связанные с отработкой действий персонала на случай попытки внешнего проникновения на объекты атомно-промышленного комплекса России, а также в Министерстве обороны для отработки способов безопасного хранения и транспортировки ядерных боеприпасов.

7 марта 1997 г. правительство РФ издало Правила физической защиты ядерных материалов, ядерных установок и пунктов хранения ядерных материалов⁵⁶. В документе уточнялась терминология средств охраны ядерных объектов и распределялись полномочия ведомств по их защите. Координация действий поручалась Министерству РФ по атомной энергии, технические вопросы обеспечения охраны ядерных объектов — Министерству внутренних дел и обороны, профилактика нелегального оборота расщепляющихся материалов — министерству путей сообщения и Государственному таможенному комитету РФ. Технические средства систем физической защиты должны были сертифицироваться в соответствии с законодательством Российской Федерации. Документ также установил технические стандарты физической защиты всех трех категорий ядерных материалов в соответствии с Венской конвенцией 1980 г.

Российская сторона провела и ряд других мероприятий, направленных на предотвращение угрозы ядерного терроризма. Прежде всего, в 1990-х годах была усилена система экспортного контроля⁵⁷. В настоящее время она подразделяется на четыре самостоятельные подсистемы:

- контроль над торговлей вооружениями и военной техникой;
- ограничение внешнеэкономических сделок с товарами, которые могут быть использованы для создания ОМП;
- выдача внешнеторговых квот и лицензий на торговлю товарами и технологиями двойного назначения;
- контроль над товарами особого назначения, которые косвенно могут быть использованы при создании ядерного оружия.

6 сентября 2000 г. в выступлении на саммите Генеральной Ассамблеи ООН («саммите тысячелетия») президент России В. В. Путин предложил выработать комплекс мер, позволяющих «надежно перекрыть пути расползания ядерного оружия». Президент предложил: 1) исключить использование в мирной ядерной энергетике обогащенного урана и чистого плутония; 2) решить проблему радиоактивных отходов с помощью полного сжигания плутония и других радиоактивных элементов;

3) разработать и реализовать с участием МАГАТЭ международный проект уничтожения радиоактивных отходов; 4) предотвратить милитаризацию космоса. Реализация этих мер помогла бы не только уменьшить риск приобретения ЯО пороговыми государствами, но также снизить угрозу попадания РМ в транснациональные террористические сети. В дальнейшем российская сторона развивала эти инициативы.

25 января 2006 г. президент РФ В. Путин выдвинул инициативу создать на территории «старых» ядерных держав международные центры по обогащению урана⁵⁸. 18 сентября 2006 г. руководитель Росатома С. Кириенко предложил построить в Ангарске (Восточная Сибирь) международный центр по обогащению урана, поставленный под гарантии МАГАТЭ. Проектируемый центр должен представлять собой акционерное общество, в котором сторона, желающая получить доступ к обогащению урана, сможет выступить его соучредителем или акционером. Потребители будут получать готовую продукцию без доступа к технологиям обогащения урана. Эта инициатива хорошо согласуется с американской программой Глобального партнерства в ядерной энергетике.

В 2003 г. в рамках программы Глобального партнерства Россия подписала и ратифицировала Рамочное соглашение о многосторонней ядерно-экологической программе в Российской Федерации (МНЭПР), на основе которого были заключены соглашения о сотрудничестве с Великобританией, ФРГ, Италией и рядом других стран. В 2004 г. Россия присоединилась к разработанному на саммите «восьмерки» в Си-Айленде Плану действий в области нераспространения ОМП. Российская Федерация возвращает на свою территорию отработанное ядерное топливо из исследовательских реакторов советской конструкции, расположенных на территории Сербии, Черногории, Румынии, Болгарии, Ливии, Чехии, Латвии и Узбекистана.

Европейский союз. Если Россия, страны СНГ и Восточной Европы в начале 1990-х годов рассматривались в качестве основных потенциальных источников утечки ядерных материалов, то Западная Европа представлялась транзитным центром нелегального оборота ЯМ, а также источником чувствительных технологий и знаний. Причина этого связана с отсутствием единой системы контроля над оборотом расщепляющихся материалов. Созданное в 1957 г. объединение «Евратом» занимается в основном перспективными проектами в сфере атомной энергетики и не имеет директивных полномочий. В 1999 г. была организована предусмотренная Маастрихтским договором 1992 г. Европейская полицейская служба (Европол). Главные ее задачи: координация работы национальных полицейских служб в борьбе с международной организованной преступностью и улучшение информационного об-

мена между национальными правоохранительными органами. Среди основных направлений работы Европола можно выделить борьбу с терроризмом, нелегальной торговлей оружием, наркоторговлей и отмыванием денег. Достижение поставленных целей предусматривается через решение следующих задач:

- облегчение информационного обмена между национальными службами;
- сбор, обработка и анализ информации;
- незамедлительное информирование национальных служб;
- информационная поддержка расследований, проводимых странами-участниками;
- поддержка необходимой информационной инфраструктуры, баз данных.

Теоретически такой орган мог бы осуществлять контроль над оборотом расщепляющихся материалов. Однако у стран—членов ЕС нет единой позиции по поводу этой проблемы. Франция, Бельгия, Нидерланды и Германия имеют на своей территории крупные объекты атомной энергетики, соответствующие запасы высокообогащенного урана и плутония. Передача Европолу функций верховного контролера за оборотом РМ могла бы серьезно ограничить коммерческий суверенитет этих стран. Вряд ли случайно, что в 1994 г. по настоянию Еврокомиссии вопросы торговли ядерными материалами были выведены из Договора к Энергетической хартии. В результате коммерческие интересы стран Евросоюза нередко вступают в противоречие с международной системой нераспространения ядерного оружия.

После Первой войны в Персидском заливе (1991), последовавшей за вторжением Саддама Хусейна в Кувейт, инспекторы ООН в Ираке выявили, что основное ядерное оборудование и технологии для производства ядерного оружия имели западноевропейское происхождение (немецкое, австрийское и швейцарское оборудование по центрифужному обогащению урана)⁵⁹. Однако после скандалов, связанных с поставками чувствительных технологий из страны, Германия выступила локомотивом в принятии Европой принципа полноохватных гарантий МАГАТЭ. Единое решение 12 государств ЕС было согласовано до конца 1991 г. — до утверждения соответствующего положения Группой ядерных поставщиков⁶⁰.

Проблемы ЕС в области экспортного контроля вновь стали достоянием гласности после того, как стали известны детали нелегальной «сети А. К. Хана». В нее помимо пакистанских ученых оказались вовлечены представители Нидерландов, Швейцарии, Турции и других стран⁶¹.

В июне 1994 г. германские спецслужбы арестовали в городе Ландсхут гражданина Словакии, который искал покупателей высокообогащенного урана. В августе 1994 г. в аэропорту Мюнхена у пассажира рейса Москва—Мюнхен авиакомпании «Люфтганза» было обнаружено 363 г плутония, из-за чего канцлер Германии Гельмут Коль срочно прервал свой отпуск. По данным следствия, уран имел российское происхождение, а плутоний был похищен из Физико-энергетического института в Обнинске Московской области⁶².

Мнение российских экспертов относительно причастности России к этим инцидентам было однозначным: изотопный состав урана, задержанный в Германии в июне 1994 г., имел другие качественные характеристики, нежели тот, что производился в России. То же касается изотопного состава плутония, который был конфискован в результате «мюнхенской» операции⁶³.

Примечательно, что активность западных СМИ в распространении информации о ядерной контрабанде из России совпала с кампанией по выборам канцлера Германии. Накануне выборов провокация и последующая компрометация России создавала выгодный пиар-ход одному из кандидатов на пост канцлера и одновременно помогала решить некоторые стратегические задачи относительно дальнейшей роли России в мире. Сообщение в германских СМИ в апреле 1995 г. о причастности германской разведки (БНД) к «плутониевому скандалу» подтверждает внутривластную подоплеку этой истории. Подобное «разоблачение», возможно, планировалось как стремление конкурирующих партий показать непрофессионализм христианских демократов в обеспечении национальной безопасности республики⁶⁴. Вскоре после завершения скандала шеф немецкой разведки был отстранен от должности⁶⁵. Скептически настроенные публицисты выдвинули версию, что факты «противодействия контрабанде» в действительности прикрывали военную ядерную программу Германии.

В начале XXI в. проблема защиты объектов производства и хранения ОМП от экстремистов стала одним из центральных в мировой политике. Обострение проблем мегатерроризма в 2001 г. заставило ведущие страны усилить внимание к проблемам охраны своих ядерных объектов. В начале 2000-х годов страны «Группы восьми» приняли ряд деклараций об усилении ядерно охранных мероприятий. США начали проводить кампанию по предотвращению утечки ядерных материалов и технологий из «нестабильных» стран, а также по пресечению нелегальной коммерческой деятельности транснациональных урановых корпораций. Россия

в 1990-х годах повысила безопасность своих объектов хранения расщепляющихся материалов и в 2000-х годах также предложила несколько международных инициатив по предотвращению ядерного терроризма. В странах ЕС началась дискуссия о необходимости усиления государственного контроля над бизнесом в сфере оборота расщепляющихся материалов. В странах Ближнего и Среднего Востока обострился вопрос о защите ядерных объектов от возможных нападений террористов и деятельности криминальных сетей.

Однако пока проблема профилактики ядерного терроризма далека от разрешения. Вторая война в Персидском заливе и обострение дискуссий вокруг ядерной программы Ирана показали, что между странами антитеррористической коалиции по-прежнему сильны традиционные межгосударственные противоречия. В этой связи нельзя исключать, что отдельные страны попытаются использовать тематику ядерного терроризма для решения собственных политико-военных целей. Такой подход может усугубить раскол между странами антитеррористической коалиции и создать благоприятные условия для деятельности террористических сетей. Предотвращение этой опасности становится необходимым условием для выработки нового пакета международных инициатив в сфере обеспечения безопасности ОМП. Только в этом случае будет возможно формирование полноценных международных стандартов в области защиты оружия массового поражения от экстремистов.

Примечания

¹ См.: *McCWire M.* Perestroika and Soviet National Security. Washington: The Brookings Institution, 1991; *Kokoshin A. A.* Soviet Strategic Thought. 1917–91. Cambridge-Massachusetts, L.: The MIT Press, 1998; *Арбатов А. Г.* Военно-стратегический паритет и политика США. М.: Политиздат, 1984.

² Литература по проблемам ядерного терроризма огромна. Укажем лишь некоторые произведения. *Levi M.* On Nuclear Terrorism. Harvard University Press, 2007; *Frost R. M.* Nuclear Terrorism after 9/11 (Adelphi Papers). IISS. L., 2006. *Ferguson Ch. D., Potter W. C., Sands A., Spector L. S.* The Four Faces of Nuclear Terrorism. N.Y.: Routledge, 2005; *Byrnes M. E., King D. A., Tierno Ph. M., jr.* Nuclear, Chemical, and Biological Terrorism: Emergency Response and Public Protection. N.Y.: Washington: CRC Press, 2003; *Howitt A. M., Pangi R. L.* Countering Terrorism: Dimensions of Preparedness. N.Y.: MIT-Press, 2003; *Кокوشин А. А.* Заметки о проблеме ядерного терроризма в современной мировой политике. М.: Комкнига-УРСС, 2004.

³ Подробный анализ проблемы см.: *Кокوشин А. А.* Ядерные конфликты в XXI веке (типы, формы, возможные участники). М.: Медиа-Пресс, 2003.

⁴ *Braun Ch., Chyba C. F.* Proliferation Rings: New Challenges to the Nuclear Nonproliferation Regime // International Security. 2004. Vol. 29. No 2. P. 5–49.

⁵ *Davis J.* After A Nuclear 9/11 // The Washington Post. 2008. March 25.

⁶ Nuclear Terrorism: Frequently Asked Questions // Belfer Center for Science and International Affairs. 2007. September 26. URL: http://belfercenter.ksg.harvard.edu/publication/17529/nuclear_terrorism_faq.html; *Hope Ch.* WikiLeaks: Guantanamo Bay terrorist secrets revealed. London: Telegraph.co.uk. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/wikileaks/8471907/WikiLeaks-Guantanamo-Bay-terrorist-secrets-revealed.html>. Retrieved April 27, 2011.

⁷ *Ruff T.* Nuclear terrorism. November 2006. energyscience.org.au. URL: <http://energyscience.org.au/FS10%20Nuclear%20Terrorism.pdf>.

⁸ *Bunn M.* Colonel Yuri Morozov, Rolf Mowatt-Larssen, Simon Saradzhyan, William Tobey, Colonel General (ret.) Viktor I. Yesin, and Major General (ret.) Pavel S. Zolotarev // The U.S.-Russia Joint Threat Assessment on Nuclear Terrorism. Belfer Center for Science and International Affairs, Harvard University. URL: <http://belfercenter.ksg.harvard.edu/files/Joint-Threat-Assessment%20ENG%2027%20May%202011.pdf>. Retrieved July 26, 2012.

⁹ См.: *Арбатов А. Г.* Военно-политические аспекты отношений США с Россией // Международные процессы. 2009. Январь—апрель. Т. 7. № 1 (19).

¹⁰ По оценкам правительства Республики Беларусь, потери страны за 30 лет после аварии на Чернобыльской АЭС составят 235 млрд долл. Правительство Украины оценило ущерб за период 1986—2000 гг. в 148 млрд долл. Переселению из наиболее загрязненных районов с момента аварии на Чернобыльской АЭС подверглись почти 350 тыс. человек. См.: Гуманитарные последствия Чернобыльской аварии на АЭС: стратегия реабилитации. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.un.by/pdf/rus-21236.pdf.

¹¹ См.: Testimony of Dr. Henry Kelly, President Federation of American Scientists before the Senate Committee on Foreign Relations. 2002. March 6. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.fas.org/ssp/docs/kelly_testimony_030602.pdf.

¹² *Sheldon Filger.* King of Bombs: A Novel About Nuclear Terrorism. Bloomington: AuthorHouse, 2005; Pre-empting Nuclear Terrorism in a New Global Order. L.: Foreign Policy Center, 2005.

¹³ Ядерное нераспространение: В 2 т. / Под общ. ред. В. А. Орлова. М: ПИР-Центр, 2002. Т. 1. С. 391; *Ferguson Ch. D., Potter W. C.* The Four Faces of Nuclear Terrorism. CNS MIIS, 2004. P. 3.

¹⁴ *Аллисон Г. Т.* Ядерный терроризм. Самая страшная, но предотвратимая катастрофа / Пер. с англ. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.

¹⁵ *Howitt A. M., Pangl R. L.* Countering Terrorism: Dimensions of Preparedness. N.Y.: MIT-Press, 2003.

¹⁶ См., например: *Allison G.* Nuclear Terrorism: The Ultimate Preventable Catastrophe. Times Books, N.Y., 2004. *Ferguson Ch. D., Potter W. C., Sands A., and Spector L. S.* The Four Faces of Nuclear Terrorism. N.Y.: Routledge, 2005.

¹⁷ Серия ядерных арестов в Пакистане. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.1tv.ru/owa/win/ort6_main.main?p_news_title_id=63777&p_news_razdel_id=9.

¹⁸ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.newsru.com/world/21jan2004/leak.html>.

¹⁹ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.newsru.com/world/26jan2004/atomkrieg_naheer.html.

²⁰ США оказывали «протекцию» отцу пакистанской атомной бомбы. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gazeta.ru/lenta/2005/08/09/news_349432.shtml.

²¹ Бомба на распродажу. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.dw-world.de/porups/porup_printcontent/0,,1104103,00.html.

²² См.: США продолжают расследовать деятельность «урановой» компании SMB в Азербайджане и Казахстане. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.centralasia.ru/newsA.php?st=1078734540>.

²³ Ежегодник СИПРИ: Вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: Наука, 2005. С. 608–611.

²⁴ Детали см.: Новиков А. П. СНГ: ядерный терроризм реален // Россия в глобальной политике. 2005. № 2. С. 142–155.

²⁵ Макафей Ч., Фельдман Я. Двигается ли Саудовская Аравия по пути создания ОМУ? // Ядерный контроль. 2004. № 4. С. 43–58.

²⁶ См.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.nti.org/e_research/profiles/Egypt/Nuclear/1697_1743.html.

²⁷ Сборник международных договоров СССР. Вып. XLIII. М., 1989. С. 105–115.

²⁸ К первой категории были отнесены 2 кг и более плутония, 5 кг и более урана-235, 2 кг и более урана-233. Ко второй — от 500 г до 2 кг плутония, от 1 до 5 кг урана-235, от 500 г до 2 кг урана-233, обедненный или природный уран, торий или слабообогащенное топливо с содержанием делящихся изотопов менее 10%. К третьей категории — от 15 до 500 г плутония, от 15 до 1 кг урана-235, от 15 до 500 г урана-233 (Ядерное нераспространение... Т. 2. С. 331).

²⁹ Декларация Московской встречи на высшем уровне по вопросам ядерной безопасности // Ядерное нераспространение... Т. 2. С. 39–43.

³⁰ Официально решения «Большой восьмерки» носят рекомендательный, а не обязательный характер.

³¹ Statement by G8 Leaders. The G8 Global Partnership Against the Spread of Weapons and Materials of Mass Destruction. Kananaskis. 2002. June 27. URL: <http://www.g8.utoronto.ca/summit/2002kananaskis/arms.html>.

³² Fact Sheet. Proliferation Security Initiative Statement of Interdiction Principles. URL: <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2003/09/20030904-11.html>.

³³ Fact Sheet. The White House, Office of the Press Secretary. Evian, France. URL: <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2003/06/20030602-10.html>.

³⁴ Резолюция 1540 (2004). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://disarmament2.un.org/committee1540/russian>.

³⁵ G8 Action Plan on Nonproliferation. Sea Island. 2004. June 9. URL: <http://www.g8.utoronto.ca/summit/2004seaisland/nonproliferation.html>.

³⁶ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/russian/terrorism/strategy/>.

³⁷ Подробнее см.: NAFTA TRL Export Schedule // URL: http://www.dfait-maeci.gc.ca/eicb/general/Bluebook2006/F_section/documents/F3-52-e.pdf.

³⁸ Гончаров А. Ю., Гончарова Т. Д. Опыт США в борьбе с ядерным терроризмом // Системы безопасности. 2004. № 1. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.secuteck.ru/articles2/Sec&pravo/opit_usa_v_borbe.

³⁹ См., например: В Лос-Аламосе пропало 300 кг оружейного плутония. 01.12.2005. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.podrobnosti.ua/power/security/2005/12/01/266849.html>; В Лос-Аламосе исчезла секретная информация. 16.07.2004. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/news/newsid_3898000/3898867.stm.

⁴⁰ Counterterrorism Policy [FEMA abstract and Federal Response Plan]. URL: <http://www.fas.org/irp/offdocs/pdd39.htm> (дата посещения: 26.10.2006).

⁴¹ President Announces New Measures to Counter the Threat of WMD. URL: <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2004/02/print/20040211-4.html> (дата посещения: 18.04.2005).

⁴² [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://fpc.state.gov/documents/organization/32006.pdf>.

⁴³ Промежуточные итоги деятельности США на этом направлении см.: President Bush Administration Actions to Implement WMD Commission Recommendations. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2005/06/20050629-5.html>.

⁴⁴ Алексеев В. Л. Реформа разведывательной системы США // Международные процессы. 2005. № 2. С. 76–77.

⁴⁵ Ежегодник СИПРИ. Вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: Наука, 2005. С. 633.

⁴⁶ Ковчегин Д. А. Незаконный оборот ядерных материалов в России в 1999–2000 гг. Вопросы безопасности. Приложение 1. Январь 2001. С. 1.

⁴⁷ Владимир Глазунов. Челябинские чекисты отчитываются. Агентство «Урал-Пресс». 1998. 21 декабря.

⁴⁸ Орлов В. А., Тимербаев Р. М., Хлопков А. В. Проблемы ядерного нераспространения в российско-американских отношениях. М.: ПИР-Центр, 2001. С. 41.

⁴⁹ Ядерный контроль. 1997. Октябрь—ноябрь. № 34–35. С. 7–11.

⁵⁰ Орлов В. А., Тимербаев Р. М., Хлопков А. В. Проблемы ядерного нераспространения в российско-американских отношениях. М.: ПИР-Центр, 2001. С. 184.

⁵¹ Культура ядерной безопасности: глобальная концепция и пример России. Сокращенный перевод доклада «Nuclear Security Culture: The Case of Russia», подготовленного Центром международной торговли и безопасности. Университет штата Джорджия в декабре 2004 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.armscontrol.ru/pubs/sec_cul_rus.pdf.

⁵² Бюллетень международных договоров. 1999. № 1. С. 3–6.

⁵³ По данным 2005–2006 гг., поставки из России низкообогащенного урана покрывали до 50% потребностей Соединенных Штатов в атомном топливе.

⁵⁴ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки о научно-техническом сотрудничестве в области обращения с плутонием, изъятым из ядерных программ;

Совместное заявление о принципах обращения и утилизации плутония, заявленного как не являющегося более необходимым для целей обороны // *Ядерное нераспространение...* Т. 2. С. 359–366.

⁵⁵ *Арбекова Е., Фролов А.* Исходит ли угроза ОМУ-терроризма с Северного Кавказа? // *Ядерный контроль.* 2006. № 1. С. 107.

⁵⁶ Правила физической защиты ядерных материалов, ядерных установок и пунктов хранения ядерных материалов // *Собрание законодательства РФ.* 1998. 10 августа. № 32. С. 3910.

⁵⁷ В 1995 г. Федеральным собранием РФ был принят закон «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности», который определил порядок вывоза и ввоза вооружений, имущества военно-технического назначения, в том числе РМ. В 1999 г. был принят Федеральный закон «Об экспортном контроле», регулирующий деятельность государства в сфере контроля над экспортом материалов и технологий, пригодных для изготовления ОМП. Закон, в частности, установил списки (перечни) товаров и технологий, находящихся под особым контролем государственных органов.

⁵⁸ *Путин В. В.* Заявление по мирному использованию атомной энергии. Санкт-Петербург. 2006. 25 января. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.kremlin.ru/appears/2006/01/25/1624_type63374type63377_100662.shtml.

⁵⁹ *Ruppe D.* Iraq: New Film Documents How Iraq Acquired Western Technology // *Global Security Newswire.* 2002. June 20.

⁶⁰ *Muller H.* European Non-proliferation Policy. 1988–1992. European Interuniversity Press, 1992. P. 18.

⁶¹ Nuclear Black Markets: Pakistan, A. Q. Khan and the rise of proliferation networks / Mark Fitzpatrick (ed.). IISS, 2007. P. 79.

⁶² *Давыдов В.* Журналисты и ядерное оружие. М.: Права Человека, 1995. С. 55.

⁶³ *Евстафьев Г.* Несколько вопросов о ядерном нераспространении // *Ядерный контроль.* 1995. № 1. С. 15.

⁶⁴ *Стригин Е.* Плутониевый скандал 1994–1995 годов. 12 августа 2003. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.nuclearno.ru/text.asp?6537.

⁶⁵ *Михайлов В. Н.* Десять лет в борьбе за выживание // *Новый Город.* 2002. 30 мая.

Заключение

В период биполярной конфронтации ядерный фактор был символом стабильности в международных отношениях. Ядерные сверхдержавы строили свои отношения на основе взаимного сдерживания. Ядерные державы «второго плана» присоединяли свои потенциалы к одной из сверхдержав (Британия) или выстраивали самостоятельную политику на основе сравнительно небольших потенциалов (Франция, КНР). Легальные ядерные державы создали через механизм ДНЯО преграды на пути расширения «ядерного клуба». Укреплению стабильности способствовало подписание ряда советско-американских соглашений по ОСВ / СНВ и мерах по снижению опасности ядерной войны. В начале XXI в. не изменилась и сложившаяся в 1960-х годах иерархия ядерных потенциалов. К началу 2010-х годов все страны мира, как и полвека назад, делятся на:

- ядерные сверхдержавы (США и Россия), которые сохраняют ракетно-ядерный паритет, а также количественный и качественный отрыв своих ядерных сил от остальных членов «ядерного клуба»;
- легальные ядерные державы (США, Россия, Франция, Британия, КНР), которые являются одновременно пятью постоянными членами Совета Безопасности ООН;
- непризнанные ядерные державы (Индия, Пакистан, Израиль, КНДР);
- неядерные государства, предоставившие территории для ядерного оружия США;
- неядерные страны, обладающие ЗЯТЦ;
- неядерные страны, обладающие отдельными компонентами ЗЯТЦ;
- неядерные страны, не обладающие ЗЯТЦ.

Единственной серьезной подвижкой стало, таким образом, присоединение к «ядерному клубу» Пакистана (1998 г.) и КНДР (2006 г.). Некоторые пороговые страны 1970-х годов (ЮАР, Бразилия, Аргентина, Югославия, Румыния, возможно — Южная Корея) свернули свои военные ядерные программы. Расширился и круг государств, пытающихся овладеть ЗЯТЦ, прежде всего — за счет стран Юго-Восточной Азии

и отчасти Ближнего Востока. Это, однако, радикально не изменило соотношения ядерных потенциалов.

Но параллельно в отношениях между великими державами обозначились новые тенденции. Они могут привести к подрыву стабильности в ядерной сфере.

Во-первых, это изменение отношения великих держав к ядерному фактору. Эта тенденция наиболее заметна в ядерной политике Соединенных Штатов. В годы «холодной войны» американская военная стратегия видела в ЯО средство компенсации советского превосходства в обычных вооруженных силах и подтверждения действенности гарантий безопасности союзникам. В начале XXI в. Белый дом рассматривает наличие у России и отчасти КНР крупных ядерных потенциалов как препятствие для американского лидерства. Идеальным вариантом для США выступает ситуация, когда у легальных ядерных держав останутся небольшие ядерные силы, которые не будут способны разрушить американский стратегический потенциал. Данной тенденции способствуют попытки Вашингтона достичь неуязвимости американской территории посредством развертывания различных типов систем ПРО.

Другие ядерные державы противодействуют этому направлению американской политики. Россия, утратив превосходство в обычных вооруженных силах, отказалась от советского обязательства 1982 г. не наносить первый ядерный удар. КНР официально не пересмотрела свое обязательство 1964 г. не применять ЯО первой. Однако, судя по открытым источникам, китайская военная стратегия делает больший упор на ЯО, чем это было в 1980-х годах. Москва и Пекин видят в своих ядерных потенциалах прежде всего средство сдерживания США от совершения откровенно враждебных действий.

До конца 2000-х годов Париж и Лондон не считали ядерную сферу приоритетной. Британский ядерный потенциал с 1962 г. оставался включенным в американскую систему ядерного планирования, а французская сторона следовала голлистской стратегии опоры на «независимый» ядерный потенциал. В начале 2010-х годов ядерная политика этих стран все больше соответствует их стремлению вернуть себе статус великих держав. Великобритания отказалась от проектов ядерного саморазоружения и заключила в 2010 г. двусторонний союз с Францией в ядерной сфере. Париж, пойдя на союз с Лондоном, пытается реанимировать проекты ядерной интеграции Европейского союза на базе объединения французского и британского ядерных потенциалов.

Во-вторых — выдвигание Соединенными Штатами претензий на лидерство в ядерной сфере. В годы «холодной войны» цели амери-

канской ядерной стратегии ограничивались политикой сдерживания СССР. Ситуация изменилась после участия США в решении проблемы советского ядерного наследства. В Вашингтоне расценили это событие как косвенное признание Россией ведущей роли Америки в ядерной сфере. На этой основе администрация У. Клинтона сформулировала в 1993—1994 гг. новые задачи ядерной стратегии США: укрепление режима нераспространения ОМП, включая применение силы, принуждение «государств-агрессоров» к прекращению военных конфликтов и содействие интернационализации ЗЯТЦ под международным (фактически — американским) контролем.

Долгосрочная цель такой стратегии — снизить ядерные потенциалы других стран до безопасного с точки зрения Соединенных Штатов уровня.

Отсюда — демонстративно болезненная реакция США на инициативы России, КНР и даже стран ЕС в области нераспространения. Эти государства периодически выдвигают собственные предложения по усилению контроля над оборотом расщепляющихся материалов или даже частичной интернационализацией ЗЯТЦ. Такие инициативы, на первый взгляд, тождественны целям Вашингтона. Однако в Белом доме (независимо от партийной принадлежности администрации) рассматривают их как альтернативу американским проектам. Соединенные Штаты видят за этими действиями отказ других ядерных держав признать американское лидерство в ядерной сфере, что повышает конфликтность проблематики нераспространения.

В-третьих — *переход легальных ядерных держав от оборонительного к наступательному сдерживанию*. Прежняя модель — оборонительного сдерживания — предполагала устрашение оппонента с целью предотвратить совершение им определенных действий. Новая модель — наступательного сдерживания — предполагает не только устрашение оппонента, но и его принуждение к определенным действиям. Одним из компонентов политики наступательного сдерживания может выступать угроза применения силы или проведения ограниченной силовой операции. Такая стратегия расширяет диапазон возможного использования силы, снижая порог ядерного сдерживания в отношениях между великими державами. Возникает серия сценариев, в которых ограниченное применение ЯО более вероятно, чем в апокалиптических сценариях Третьей мировой войны прошлого века:

- поражение ядерных объектов государства—нарушителя режима нераспространения;
- попытки взять под контроль ядерные объекты «проблемного» государства;

- превентивный удар более слабого государства по военным объектам противника;
- контрсилового удар более сильного государства по ядерным объектам противника.

В-четвертых — нарастание конфликтности вокруг проблем контроля над вооружениями. В период биполярной конфронтации элиты СССР и США понимали контроль над вооружениями как выработку комплекса соглашений по снижению опасности ядерной войны, ограничению и сокращению стратегических вооружений, повышению мер доверия и транспарентности. В 2000-х годах ситуация изменилась. Администрация Дж. Буша-младшего разделила понятия «старого контроля над вооружениями» (*old arms control*) и «нового контроля над вооружениями» (*new arms control*). «Старый» режим контроля олицетворяет система советско-американских соглашений 1960–1980-х годов. Задачи «нового» режима контроля — обеспечить прозрачность оборота химических, биологических и расщепляющихся материалов, не допустить их незаконного распространения, гарантировать безопасность неядерных стран и в случае необходимости разоружить с помощью силы особо опасных нарушителей.

Такой подход США вызывает противодействие России и КНР. Обе эти страны не отрицают повестку переговоров по «новому» контролю над вооружениями. Но Москва и Пекин требуют от Вашингтона согласия на введение ограничений на перспективные военные разработки, прежде всего — введение лимитов на развертываемые системы ПРО и отказ от милитаризации космоса. На Обзорных конференциях по ДНЯО Москва, Пекин и Париж пока блокируют американские инициативы по усилению контроля над ЗЯТЦ. Отсюда — нарастающие трудности при ведении стратегического диалога США с Россией.

В-пятых — усиление репрессивного характера режима нераспространения. Инициатором этой стратегии выступают Соединенные Штаты. Американская стратегия «контрраспространения» предусматривает принудительное разоружение потенциально опасных с точки зрения Вашингтона режимов. За минувшие двадцать лет возникла серия прецедентов по ее реализации:

- предоставление экономических и политических преференций в обмен на свертывание ядерной программы (Алжир, Румыния, Ливия в 2003–2004 гг.);
- «дозированное» участие американских специалистов в управлении ядерным потенциалом проблемного государства (Пакистан);

- частичное признание ядерного статуса определенного государства в обмен на подписание определенных соглашений (Индия);
- разоружение нарушителя посредством применения силы (Ирак) или угрозы ее применения (КНДР);
- частичная интернационализация ЗЯТЦ.

Последнее направление политики контрраспространения означает возвращение на новом этапе к инициативам по интернационализации ЗЯТЦ середины 1940-х годов. Соединенные Штаты вновь, как и в 1946—1947 гг., выдвигают инициативы по созданию одного или нескольких международных институтов, контролирующих все фазы ЗЯТЦ.

Американская политика контрраспространения вызывает сложное отношение со стороны других ядерных держав. Формально Россия, КНР, Франция соглашались с необходимостью усилить режим нераспространения. Однако система «принудительного разоружения» вызывает в этих странах настороженное отношение. В России и КНР есть опасения, что Вашингтон может при определенных условиях применить эту схему и к ним. По этим же причинам Москва и Пекин при неформальной поддержке со стороны Парижа фактически блокируют американские инициативы по интернационализации ЗЯТЦ.

Возникает потенциальный конфликт между ядерными державами, вызванный проблемами трансформации режима нераспространения.

В-шестых — попытки нелегальных ядерных держав добиться легализации своего ядерного статуса. На официальном уровне ни одна из них не добилась признания со стороны легальных ядерных держав. Однако эти страны выстроили особые системы взаимодействия с другими участниками «ядерного клуба», которые означают фактическое признание этого статуса. Индия подписала с США соглашение о партнерстве в сфере мирного использования атомной энергии и добилась снятия санкций ГЯП. Пакистан сотрудничает с Вашингтоном в рамках антитеррористической операции в Афганистане, в том числе по проблемам обеспечения безопасности своих ядерных объектов. КНДР ведет «шестисторонние переговоры» с Россией, США, КНР, Южной Кореей и Японией о судьбе своего ядерного потенциала. Руководство Израиля сделало серию двусмысленных заявлений относительно своего ядерного статуса. Однако, несмотря на все маневры, ни одна из нелегальных ядерных держав не добилась официального признания. Возникает конфликтный потенциал, связанный с необходимостью приспособить режим нераспространения ЯО к происходящим переменам и несогласием легальных ядерных держав на ревизию ДНЯО.

В-седьмых — размывание фундамента ядерного сдерживания. В развитии современной ядерной стратегии эксперты выделяют четыре процесса: размывание грани между тактическим и стратегическим ядерным оружием, стирание грани между ядерным и обычным оружием, «миниатюризация» ЯО и попытки создания его новых видов. Попытки реализовать эти проекты предпринимались и в годы «холодной войны». Однако теперь они получают новое развитие, связанное как с переходом ядерных держав к наступательной модели сдерживания, так и с научно-техническими инновациями. Итогом этого процесса должно стать создание «применимых» видов ядерных боезарядов, которые теоретически можно использовать в ходе региональных конфликтов.

В-восьмых — снижение порога применения силы между ядерными державами. После 1945 г. в мире не было войн между великими державами. Однако за последние двадцать лет произошла серия кризисов, в ходе которых Россия, США и КНР несколько раз стояли на грани региональных военных конфликтов. Параллельно в СМИ появилось большое количество прогнозов относительно возможности конфликта между великими державами. Эти сценарии допускают или ведение войны без применения ЯО (по образцу неиспользования химического оружия в годы Второй мировой войны), или его ограниченное использование подобно тому, как в ходе Первой мировой войны применялись отравляющие газы.

Этой тенденции способствует «кулуаризация» процесса принятия политических решений. Становление глобального мирового порядка возродило практику XIX в., когда монархи великих держав принимали решения в закрытом режиме. Еще в ходе Боснийской войны (1992–1995) ООН передала полномочия Контактной группе — нерегулярным встречам представителей США, России, Франции, Британии, Германии и Италии. Последующие прецеденты внешнего урегулирования конфликтов в Косово (1999 г.), Афганистане (2001 г.) и Ливии (2011 г.) закрепили эту тенденцию. Данной логике соответствуют и ведущиеся с 2003 г. переговоры Ирана с «евротройкой» и «шестисторонние переговоры» по ядерной программе КНДР. Кризисы вокруг ядерных программ Тегерана и Пхеньяна регулируются при определяющей роли великих держав, а не международных институтов. В такой системе лидерам ядерных держав становится легче принять решения о применении ЯО, чем это было в условиях перманентного контроля со стороны ответственности и международных институтов.

Эти тенденции ведут к снижению «ядерного порога». В годы «холодной войны» понятие ядерного конфликта осмысливалось военными и политиками преимущественно в категориях массивированного ядерного

Заключение

удара. Переход к новому типу сдерживания означает сдвиг в ядерной стратегии. Категории массированного ядерного удара сохраняют свое значение прежде всего в отношениях между ядерными сверхдержавами. Но параллельно происходит ускоренное развитие альтернативных стратегических концепций, допускающих ограниченное использование ЯО, особенно его «переходных» и «обновленных» видов. Ядерный порог, видимо, будет преодолен не посредством массированного поражения стратегических объектов противника, а посредством поражения ограниченного количества целей ради нанесения «заданного ущерба». Особую роль в этом процессе играют такие стратегические новации, как развертывание систем ПРО и обозначившееся возрождение проектов милитаризации космоса.

В литературе начала 2000-х годов активно обсуждались различные сценарии ограниченных ядерных конфликтов. Речь при этом шла не только о межгосударственных столкновениях, но и о конфликтах, вызванных проблемами «ядерного терроризма» и распада ядерных государств. Эти сценарии, по счастью, остались нереализованными. Однако они изменили характер военно-политических как легальных, так и нелегальных ядерных держав. Во втором десятилетии XXI в. происходит постепенное подтягивание материально-технической базы к обновленным доктринальным установкам. Распознавание этой тенденции и ее осмысление исключительно важно для адаптации российской стратегии национальной безопасности к реалиям нового ядерного века.

Сведения об авторе

Фененко Алексей Валериевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института проблем международной безопасности РАН, доцент Факультета мировой политики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Автор около 70 научных работ объемом более 90 п.л. Области научных интересов: исследования в сфере международной безопасности, военно-стратегические исследования, внешнеполитические стратегии России и США, история и теория национализма.

Научное издание

Фененко Алексей Валериевич

СОВРЕМЕННАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Ядерный фактор

Подписано к печати 30.04.2013. Формат 60×90^{1/16}. Гарнитура «Newton».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 36,0. Тираж 800 экз. Заказ №

ЗАО Издательство «Аспект Пресс».

111141, Москва, Зеленый проспект, д. 8.

E-mail: info@aspectpress.ru; www.aspectpress.ru.

Тел.: (495)306-78-01, 306-83-71

Отпечатано в филиале «Чеховский печатный двор»

ОАО «Первая Образцовая типография»

142300, Чехов, ул. Полиграфистов, 1.

тел.: (495) 988-63-76

СОВМЕСТНЫЙ ПРОЕКТ

**Под общей редакцией
академика РАН А.В. Торкунова**

**СОВРЕМЕННЫЕ УЧЕБНИКИ
ДЛЯ ВУЗОВ**

www.aspectpress.ru

УНИКАЛЬНЫЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК

ЗАКАЗАТЬ КНИГИ ВЫ МОЖЕТЕ

по телефонам: (495) 306-78-01, 306-83-71

по факсу: (495) 306-83-71

по e-mail: info@aspectpress.ru

Наш адрес: ЗАО Издательство «Аспект Пресс»

111141, Москва, Зеленый проспект, д. 8

www.aspectpress.ru

Издательство «Аспект Пресс»

представляет в серии «Учебник нового поколения»

МЕГАТRENДЫ

Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке

Под ред. Т. А. Шаплеиной, А. А. Байкова

Авторы книги — ведущие российские специалисты-международники — рассуждают о ключевых тенденциях развития мировой системы, о транснационализации политической и экономической жизни государств, о новых источниках международной нестабильности и изменении ее природы, об этнических началах идентичности и их связи с конфликтностью, об эволюции многонациональных государств, о «субъективном» в мировой политике, о роли внешних сил в урегулировании внутривнутриполитических проблем отдельных стран, о соотношении материальных и нематериальных факторов международных отношений. Особое внимание уделено возникновению новых направлений в науке о международных отношениях, связанных с миграциями и демографией, проблемами лидерства и порядка в мировой политике, анализом взаимоотношений западных и незападных компонентов современной системы международных отношений сквозь призму интересов и восприятия России.

За информацией о времени выхода книги в свет и возможностях ее приобретения обращайтесь в издательство:

ЗАО Издательство «Аспект Пресс»

Тел. (495) 306-78-01, 306-83-71

E-mail: tarasova@aspectpress.ru

www.aspectpress.ru